

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Эдвард Люттвак

Edward. N. Luttwak

СТРАТЕГИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

THE GRAND
STRATEGY
OF THE BYZANTINE
EMPIRE

Университет Дмитрия Пожарского

ОБ АВТОРЕ

Эдвард Н. Люттвак родился в 1942 г. в Трансильвании (Румыния). Его детство прошло в Италии и Израиле. Он окончил Лондонскую школу экономики (London School of Economics) и Университет Джонса Хопкинса (Johns Hopkins University) в США, где получил докторскую степень.

Сфера профессиональных интересов и опыта Люттвака широка:

Стратегия и геополитика. Люттвак – всемирно признанный специалист по военной стратегии, советник президента США Рональда Рейгана. Он исполнял функции консультанта в Совете национальной безопасности США (Office of the Secretary of Defense, the National Security Council), а также в Государственном Департаменте США (The U. S. Department of State). В настоящее время Люттвак является экспертом Центра стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studies – CSIS) и выступает в роли советника в ряде других правительственных и общественных организаций.

Методология социальных наук. Эдвард Люттвак ввел в обиход ряд понятий, ныне широко используемых в социальных науках, он считается основоположником геоэкономики. Но, что более существенно – Люттвак разработал особую методику комплексного анализа устройства и функционирования

государств (как маленьких и неустойчивых государственных образований, так и сверхдержав – или империй). В наиболее концентрированном виде его методологические разработки изложены в книгах «Стратегия: логика войны и мира» (Strategy: the Logic of War and Peace) и «Тактика политических переворотов» (Coups d'Etat: Practical Handbook). Очевидно, что автор этих работ активно использует представленные в них теоретические разработки и в своей практике советника по стратегии, и в научных изысканиях, проводимых им в области истории.

История. Первая научно-историческая книга была издана Эдвардом Люттваком в 1976 году: «Стратегия Римской империи» (The Grand Strategy of the Roman Empire). Затем последовал длительный перерыв, в ходе которого автор совершенствовал свой методологический аппарат и проверял теоретические разработки на практике, а также изучал византийские источники и работы своих коллег-историков. В ноябре 2009 года в издательстве Гарвардского университета вышла книга «Стратегия Византийской империи» (The Grand Strategy of the Byzantine Empire), над которой автор работал около двадцати лет. В США этот труд сразу же привлек внимание историков-византистов, антиковедов, специалистов по военной истории. В России работы Люттвака ранее не издавались.

Э. Н. ЛЮТТВАК

СТРАТЕГИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

EDWARD N. LUTTWAK

**The Grand Strategy
of the Byzantine Empire**

МОСКВА

Университет Дмитрия Пожарского

2010

Подготовлено к печати и издано
по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Edward N. Luttwak
The Grand Strategy of the Byzantine Empire

Люттвак Э. Н.

Л 96 Стратегия Византийской империи / Э. Н. Люттвак. Пер. с англ. А. Н. Коваль. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. — 664 с.

ISBN 978-5-91244-015-1

Книга Эдварда Н. Люттвака «Стратегия Византийской империи» представляет собою попытку ответить на вопрос о том, почему Византийская — Восточная Римская империя просуществовала почти вдвое дольше Западной. Этот вопрос уже не раз привлекал внимание историков. Ведь у Византии не было каких-либо особых географических или военных преимуществ по сравнению с Римом, а окружавшие ее народы и племена были не менее могущественны и коварны, чем те, что в течение пятого века нашей эры окончательно разорили Западную империю. Позиция Люттвака интересна тем, что он исследует череду событий византийской истории, используя не только традиционный инструмент историков-теоретиков, но и методологию и набор средств, освоенные им в процессе работы в качестве специалиста по изучению современных нам государственных образований.

«Стратегия Византийской империи» — это история формирования и развития комплексной стратегии Византии, включавшей в себя множество аспектов: военное дело, дипломатию, разведку, управление экономикой и финансами. Автор показывает, что Константинополь опирался не только и не столько на свою военную мощь, сколько на тактику дипломатических и политических интриг, срамливая своих реальных и потенциальных врагов между собой, своевременно заключая политические и военные союзы и в нужное время их разрывая. Византия редко стремилась к окончательному уничтожению своих соперников: нынешний враг завтра может стать твоим союзником в борьбе с другим, неожиданно окрепшим соседом.

Книга изобилует цитатами из византийских и иных источников и полна красочных подробностей, благодаря чему читается с неослабевающим интересом. Для историков, византинистов, филологов-классиков, специалистов по военному делу и военной истории.

© Люттвак Э. Н., текст, 2010

© Коваль А. Н., русский перевод, 2010

© Григоренко М. В., оформление, 2010

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010

ISBN 978-5-91244-015-1

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление и выражения признательности	5
<i>Предисловие .</i>	8
 <i>Часть I</i>	
ИЗОБРЕТЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ СТРАТЕГИИ	
Глава 1. Аттила и кризис империи.	33
Глава 2. Возникновение новой стратегии	80
 <i>Часть II</i>	
ВИЗАНТИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ: МИФ И МЕТОД	
Введение.	145
Глава 3. Послы	147
Глава 4. Религия и управление государством.	171
Глава 5. Использование имперского престижа	185
Глава 6. Династические браки.	203
Глава 7. География власти. .	214
Глава 8. Булгары и болгары	250
Глава 9. Мусульмане: арабы и тюрки	283

Часть III

ВИЗАНТИЙСКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

Предисловие	335
Глава 10. Классическое наследие.	339
Глава 11. «Стратегикон» Маврикия.	378
Глава 12. После «Стратегикона»	430
Глава 13. Лев VI и военно-морское дело.	455
Глава 14. Военное возрождение десятого века.	477
Глава 15. Стратегический маневр: Ираклий побеждает Персию	554

Закключение	Большая стратегия и византийский «оперативный кодекс»	575
-------------	--	-----

Послесловие.	Была ли возможна стратегия в византийские времена?	588
--------------	---	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список карт	593
Список императоров от Константина I до Константина XI.	594
Хронологическая таблица событий, упоминаемых в книге Э. Н. Люттвака «Стратегия Византийской империи» ...	597
Глоссарий.	614
Список цитируемой литературы, сокращения и условные обозначения	621
Именной указатель.	639
Алфавитный указатель.	642
О книге и ее авторе	646

ВСТУПЛЕНИЕ И ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Некогда пребывавшая почти в полном научном небрежении (как будто вся Римская империя действительно бесповоротно погибла в 476 г.), её восточная половина, которую мы по современной привычке называем Византией, ныне привлекает к себе столь пристальное внимание, что становится даже предметом популярных исторических сочинений. Хотя многие интересуются культурой Византии, всё же именно эпическая по своему размаху, шедшая век за веком борьба по защите империи от бесконечной череды врагов, как представляется, особо созвучна нашим временам. Эта книга посвящена одной из важных составляющих византийской истории: применению метода и изобретательности в использовании как убеждения, так и силы; иными словами — стратегии во всех её аспектах, начиная с высших уровней государственного управления и вплоть до военной тактики.

Когда я впервые всерьёз взялся за изучение византийской стратегии, я только что завершил книгу о стратегии Римской империи до третьего века нашей эры; она по-прежнему вызывает как непомерные похвалы, так и строгую критику. Моё изначальное намерение было простым: написать второй том, охватывающий последующие столетия. Однако вместо этого произошло открытие несравненно более богатого корпуса стратегии в сравнении с тем, которым когда-либо обладали римляне, жившие раньше. Эта стратегия взывала к гораздо бóльшим усилиям

по исследованию и изложению. В конце концов это продлилось почти два десятилетия, пусть и со многими перерывами — часть из них была обусловлена моей работой по применению стратегии в полевых условиях, всё же имевшему некоторое отношение к моим занятиям.

Но была и некая компенсация за столь чрезмерную задержку: несколько существенно важных византийских текстов, ранее существовавших только в виде труднодоступных рукописей или устаревших изданий, полных ошибок, теперь были опубликованы в виде, заслуживающем доверия. Кроме того, значительное число важных новых трудов, имеющих самое непосредственное отношение к византийской стратегии, было опубликовано с того времени, как я начал свои разыскания много лет назад.

Ибо в последние годы византистика действительно расцвела, как никогда прежде. Огромная волна первоклассных учёных трудов пролила свет на многие тёмные уголки византийской и мировой истории — и кроме того, она создала атмосферу благородной щедрости, царящую в среде людей, занятых этим делом. Хотя в этой области я скорее ученик, чем учёный, эту щедрость мне довелось испытать на себе в полной мере.

Вскоре после того как я начал собирать материалы для этой книги, около 1982 г., Джордж Деннис (Dennis), чей перевод «Стратегикона» является самым читаемым из византийских пособий по военному делу, передал мне значительно переработанную машинопись своего труда, который впоследствии был опубликован под заглавием «Три византийских военных трактата» («Three Byzantine Military Treatises»). Двадцать шесть лет спустя он переслал мне машинопись части своего с нетерпением ожидавшегося издания «Тактики» Льва, которое мне срочно требовалось, чтобы закончить книгу; щедрость — постоянное обыкновение Джорджа Т. Денниса (Dennis) из Общества Иисуса. Уолтер Э. Кэги (Kaegi), чьи труды проливают свет на эту область знаний, также давал мне ценные советы, начиная с самых ранних этапов моей работы.

Другие люди, которых я никогда не видел лично, но просто приставал к ним без всяких предисловий, тем не менее отвечали мне, как будто их связывали со мной узы старой дружбы и обязательства, признаваемые коллегами. Питер Б. Гоулден (Golden), выдающийся тюрколог, то и дело цитируемый на этих страницах, ответил на многие вопросы, дал ценные советы и одолжил мне две книги, которые иначе было бы невозможно раздобыть. Джон Уортли (Wortley) доверил мне единственный экземпляр своей аннотированной машинописи перевода Скили-

цы. Питер Бреннан (Brennan) и Сальваторе Козентино (Cosentino) дали важные советы, а Эрик Мак-Гир (McGeer), Пол Стефенсон (Stephenson) и Денис Ф. Салливан (Sullivan), чьи труды пространно цитируются здесь, прочли черновики этой книги, обнаружили ошибки и дали ценные советы. Джон Ф. Халдон (Haldon), чьи работы сами по себе составляют целую библиотеку по византистике, исполнил просьбу чужого для него человека, дав подробный критический разбор ранней редакции.

Поскольку нижеследующее предназначено также и для специалистов, я попросил двоих из их числа, а именно Энтони Харли (Harley) и Кента Карлока (Karlock), чтобы они сделали свои замечания к этому пространному тексту; я благодарен им за их нелёгкий труд, за мнения, которые я рассмотрел, и за исправления. Третьим читателем был Ханс Раузинг (Rausing), не специалист, но вдумчивый и многоязычный любитель истории, и ему я обязан ценными наблюдениями. Стивен П. Глик (Glick), согласившись прочесть текст, применил свои энциклопедические познания в военной историографии, а также проявил пристальное внимание, что наложило отпечаток на всю книгу. Кристина Кол (Col) и Джозеф Э. Люттвак (Luttwak) подготовили карты, что было нелёгкой задачей, если учесть неоднократные редакции. Наконец, с особым удовольствием благодарю Эллис-Мэри Тэлбот (Talbot), также здесь цитируемую, директора Исследовательской библиотеки и коллекции Дамбартон-Оукс, и всегда готового оказать помощь Дэба Брауна Стюарта (Brown Stewart), библиотекаря отдела византистики. Я, наверное, так и тянул бы с окончательным текстом, если бы не встретил Питера Джеймса Макдональда Холла (MacDonald Hall), который потребовал от меня книгу, оставив без внимания отговорки занятостью другими делами.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в 395 году н.э. управление Римской империей было поделено между двумя сыновьями Феодосия I (западная часть отошла Гонорию, восточная — его брату Аркадию), едва ли кто смог бы предсказать, сколь разительно несхожими будут судьбы этих государств. Сначала западную половину империи защищали военачальники-германцы; затем они стали в ней хозяйничать; постепенно туда стало проникать всё больше и больше мигрантов-германцев, то с согласия империи, а то и без оногo; наконец, она распалась на части вследствие прямых вторжений. При этом Западная империя чем дальше, тем больше теряла налоговые поступления, утрачивала контроль над территориями и своё политическое самоотожествление с Римом как таковым, так что низложение последнего римского императора Ромула Августула 4 сентября 476 г. стало всего лишь формальностью. Конечно, кое-где удавалось примениться к завоевателям, наблюдались и случаи культурной интеграции, однако новомодному представлению о почти мирной иммиграции и постепенном преобразовании в безмятежную «позднюю античность» противоречат подробные сведения о жестокости, разрухе и катастрофических утратах материальных удобств и культурных достижений, восполнить которые оказалось невозможно в течение целого тысячелетия (если это вообще было возможно)¹.

¹ Именно так решительно утверждает *Bryan Ward-Perkins. The Fall of Rome and the end of civilization* (Падение Рима и конец цивилизации; Oxford: Oxford University Press, 2005).

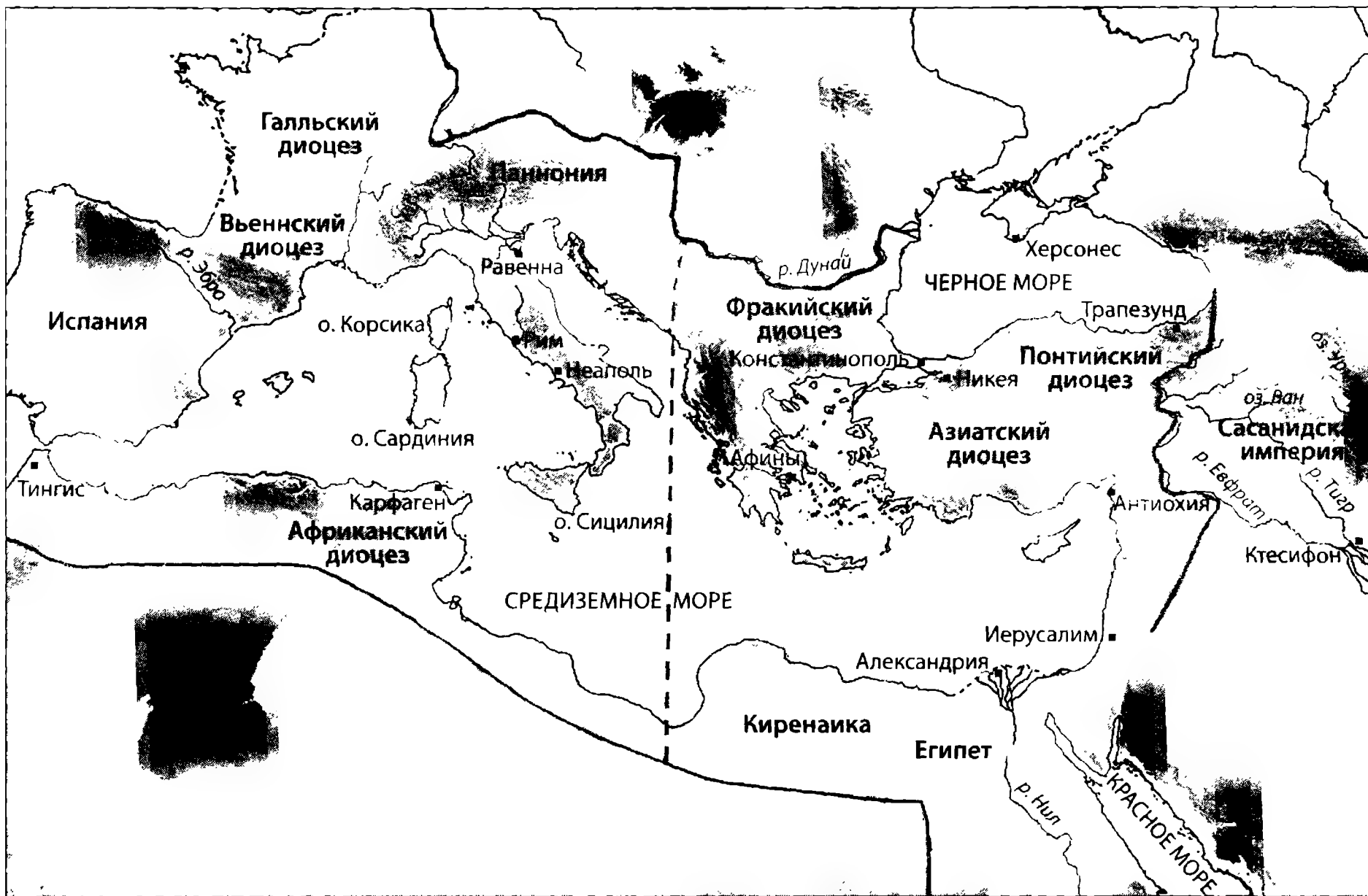
Совсем иной была судьба восточной части Римской империи, управлявшейся из Константинополя. По нынешнему обыкновению мы называем эту часть Римской империи Византийской, хотя для её правителей и подданных, ромеев, она была Римской и едва ли они могли отождествить себя с провинциальным Византием, древним греческим городом, который Константин в 330 г. превратил в столицу империи и в Новый Рим. Подчинив собственных военачальников-германцев и искусными манёврами сдержав гуннов Атиллы в ходе ужасного кризиса V века, уничтожившего западную часть империи, Византийская империя выработала стратегический метод, позволивший ей отражать волны завоевателей, накатывавшие одна за другой в течение более восьми веков (и то лишь по самым скромным подсчётам).

Восточная империя непрестанно подвергалась нашествиям новых и прежних врагов, появлявшихся из бескрайних евразийских степей, с Иранского плато, где находилась родина империй, со Средиземноморского побережья и из Месопотамии, подпавшей под владычество ислама в седьмом веке, и, наконец, из стран Запада, заново набравших силу. И всё же империя не потерпела полного краха вплоть до завоевания Константинополя в 1204 г., происшедшего во время Четвёртого крестового похода; но даже после этого она вновь ожила, пусть и в значительно меньших размерах, просуществовав до окончательной победы Османов в 1453 г.

Одной только военной силы было достаточно для полной безопасности Римской империи, когда она ещё была едина и процветала, когда занимала всё побережье вокруг Средиземного моря, простираясь и значительно глубже. Умеренных налогов и набора добровольцев хватало для того, чтобы содержать флот и войско численностью около трёхсот тысяч человек², которые проходили постоянную тренировку в приграничных фортах и гарнизонах легионов, откуда в действующие войска

Более подробное обсуждение см.: *Guy Halsall. Barbarian Migrations and the Roman West 376—568* (Миграции варваров и Римский Запад: 376—568 гг.; Cambridge: Cambridge University Press, 2007), в дальнейшем *Halsall 2007*; pp. 17—18 и 422—447.

² От 25 до 30 легионов, примерно по 5500—6000 человек в каждом, с почти таким же числом вспомогательной лёгкой пехоты и конницы, что в целом составляло 275 000 — 360 000 человек; имелся также флот; см.: *H. M. D. Parker The Roman Legions* (Римские легионы; Oxford: Clarendon Press, 1928; reprinted: Chicago: Ares, 1985); *G. L. Chessman, The Auxilia of the Roman Imperial Army* (Вспомогательные силы римского имперского войска; Oxford: Clarendon Press, 1914; reprinted: Chicago: Ares 1975).

Карта № 1. Раздел империи после смерти Феодосия I в 395 г.

могли набираться особые отряды вексилляриев (*vexillationes*) для подавления редких бунтов или для отражения вторжений. Но вплоть до третьего века римлянам редко приходилось сражаться для того, чтобы воспользоваться преимуществами своих вооружённых сил.

В каждой приграничной провинции были цветущие города и продовольственные склады, искушавшие соседей империи, но последние обычно предпочитали голодный мир неотвратимым и жестоким репрессиям Рима, если не полному уничтожению. Располагая превосходящей военной силой, римляне на пике развития своей империи могли выбирать между простым устрашением (с карательными мерами в случае необходимости), для чего требовались только полевые войска, и активной защитой границ, что требовало повсеместно расположенных гарнизонов. Оба этих метода попеременно применялись в течение первых двух столетий нашей эры. И даже впоследствии, когда старые и новые враги за Рейном и Дунаем объединились в мощную военную конфедерацию, тогда как на Востоке могущественная Сасанидская Персия сменила свою более слабую предшественницу, Аршакидскую Парфию, римская армия была ещё достаточно сильна для того, чтобы успешно сдерживать их благодаря новой стратегии глубокой обороны³.

Но у Византии никогда не было таких огромных военных сил. Административный раздел империи в 395 году (он ещё не был разделом политическим, поскольку оба брата совместно правили обеими частями) следовал линии границы между Востоком и Западом, впервые проведённой Диоклетианом (284—305 гг.), который разделил весь Средиземноморский бассейн почти ровно пополам. Этот раздел был проведён тщательно, но вследствие него Восточная Римская империя оказалась состоящей из трёх частей на трёх различных континентах.

В Европе на восточной границе находились Мёзия Первая и Превалитания (на территории совр. Сербии и Албании), включая также земли, расположенные в современных Македонии и Болгарии, на Черноморском побережье Румынии, в Греции, на Кипре, в европейской Турции (древней Фракии), а также сам Константинополь.

³ *Hugh Elton. Warfare in Roman Europe AD 350—425* (Военное дело в Римской Европе в 350—425 гг. н.э.; Oxford: Clarendon Press, 1997), начиная с p. 199; *Edward N. Luttwak. The Grand Strategy of the Roman Empire: from the First Century A.D. to the Third* (Большая стратегия Римской империи: с первого по третий век н.э.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1976, 2007). См.: Приложение к «Большой стратегии» и её критику.

В Азии в состав империи входил обширный Анатолийский полуостров, большая часть которого в настоящее время относится к азиатской Турции, а также Сирия, Иордания, Израиль и узкая полоска Ирака в провинциях Месопотамия и Осроена.

В Северной Африке империя владела областями Египта вплоть до Нила в провинции Фиваида, а также восточной частью современной Ливии, состоявшей из Верхней и Нижней Ливии (последняя ранее называлась Киренаикой).

Это богатое наследство с плодородными землями и населением, исправно платящим налоги, досталось первому правителю Восточной империи Аркадию (395—408 гг.). Наибольшую ценность представляли Египет, экспортировавший зерно, а также плодородные равнины прибрежной Анатолии. Лишь Балканы в последнее время тяжело пострадали от набегов и вторжения готов, гепидов и гуннов.

Но с военно-стратегической точки зрения Восточная империя в сравнении с Западной державой находилась в положении весьма невыгодном⁴. Вдоль всей восточной границы, протянувшейся на пятьсот миль от Кавказа до Евфрата, ей всё ещё приходилось противостоять неизменно агрессивной иранской империи Сасанидов, которая с давних пор была самым опасным противником даже для единой империи; но теперь Византия уже не могла призвать на помощь подкрепления из западных войск. Правда, в последнее время стали утверждать, что у римлян выработался своего рода «иранский комплекс», восходящий к сокрушительному поражению при Каррах (ныне Харран в Турции) в 53 г до н.э., тогда как сама держава Сасанидов не была слишком уж экспансионистской⁵.

Возможно, так оно и было, но сами правители Ирана именовали себя «Шаханшах (царь царей) Ирана и не-Ирана» (*Šahan Šah Ērān ud Anērān*).

⁴ См. обзор в: *Charalambos Papasotiriou. Byzantine Grand Strategy* (Византийская большая стратегия; PhD Dissertation Stanford University, 1991), начиная с р. 93; *Mark Whittow. The Making of Byzantium 600—1025* (Создание Византии. 600—1025 гг.; Berkeley: University of California Press, 1996), pp. 15—37; и: *John H. Pryor. Geography, Technology and War: studies in the maritime history of the Mediterranean 646—1571* (География, технология и война: исследования по морской истории Средиземноморья в 646—1571 гг.; Cambridge: Cambridge University Press, 1988), pp. 1—24.

⁵ *Ze'ev Rubin. The Sasanid Monarchy* (Сасанидская монархия), в: САН 2000, Vol. 14, начиная с р. 638; но в этой же работе он перечисляет все войны, развязанные Сасанидами. См.: *A. D. Lee. Information and Frontiers: Roman Foreign Relations in Late Antiquity* (Сведения и границы: международные отношения Рима в эпоху поздней античности; Cambridge: Cambridge University Press, 1993), начиная с р. 21.

К Ирану относились Персия, Парфия, Месан, Хузистан, Ассирия, Адиябена, Аравия, Азербайджан, Армения, Грузия, Кавказская Албания, Баласкан, Парешвар, Мидия, Гурган, Герат, Мерв, Абаршахр, Керман, Сеистан, Туран, Макран (Мекран), Кушаншахр, Кашгар, Согдиана, «гора Чача» (Ташкент), а также Оман по ту сторону моря. Сюда входили и некоторые территории, принадлежавшие тогда Византии, а также зависимые от неё государства на Кавказе и в Армении, равно как и центральноазиатские области, где византийцы, конечно, никогда не правили, но имели важные стратегические интересы — а именно ряд сильных союзников⁶.

Ситуация на северо-востоке была почти столь же сложной: здесь византийцам приходилось оборонять свои дунайские границы от накатывавших одна за другой волн захватчиков из Великой Евразийской степи: гуннов, авар, оногуров-булгар, мадьяр (венгров), печенегов и, наконец, куман. Все они были конными лучниками и, по сути, представляли для Византии большую опасность, чем германские племена на Рейне — для Западной империи. Кроме того, даже готы, в иных случаях грозные, в ужасе бежали от надвигающихся гуннов — а ведь это было ещё до того как Атила объединил гуннские кланы и усилил их своими подданными из других народов: аланами, гепидами, герулами, ругами, скирами и свевами.

В отличие от Восточной империи внутренние земли западной части были в сравнительно безопасном положении: побережье Северной Африки, бывшее тогда плодородным и вывозившее множество зерна, весь Иберийский полуостров, защищённый Пиренеями, провинции Южной Галлии, расположенные далеко от опасного Рейна, и сама Италия, надёжно прикрытая щитом Альп. География Восточной империи была совсем иной: кроме Египта и восточной Ливии, большая часть её территорий лежала слишком близко к опасным границам, будучи поэтому лишена значительной стратегической глубины. Даже Анатолия, которая, несомненно, прикрывала Константинополь от нашествий с суши, с востока, была по большей части населена и плодородна на узкой по-

⁶ Из надписи Шапура I (240—270 гг.), приводимой в работе: *Touraj Daryaee. Ethnic and Territorial boundaries in Late Antique and Early Medieval Persia (Third to Tenth Century)* (Этнические и территориальные границы в позднеантичной и раннесредневековой Персии (с третьего по десятый век)), в сборнике: ред. Florin Curta. *Borders, Barriers, and Ethnogenesis: Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages* (Границы, барьеры и этногенез: границы в эпоху поздней античности и средневековья; Turnhout, Belgium: Brepols 2005), p. 131.

лоске земли вдоль Черноморского и Средиземноморского побережий, открытой нападению с моря.

Итак, перед лицом более могущественных врагов и в силу менее выгодного географического положения Восточная империя была, несомненно, куда более уязвима, чем Западная.

Тем не менее именно Западная империя прекратила существование в течение пятого столетия. В сущности, Восточная, или Византийская, империя на столь значительный срок пережила Западную потому, что её правители сумели стратегически приспособиться к ухудшившимся обстоятельствам, разработав новые способы справляться со старыми и новыми врагами. Войско и флот, а также имевшая чрезвычайное значение бюрократия, занятая сбором налогов и содержавшая не только войско и флот, но и императора со всеми его сановниками, в течение столетий претерпели значительные перемены, но при этом сохранялась известная непрерывность в общем стратегическом поведении. В сравнении с единой Римской империей прошлого Византия полагалась не столько на военную силу, сколько на всевозможные формы убеждения: вербовку союзников, запугивание врагов, срамливание старых и новых, а также потенциальных противников между собой. Более того, когда византийцам всё же приходилось воевать, они старались не столько уничтожить врагов, сколько сдержать их: как для того, чтобы сберечь военную силу, так и потому, что нынешний враг завтра может стать союзником.

Так было в начале пятого века, когда орды гуннов под предводительством Атиллы, сметающие всё на своём пути, были отражены с минимальным использованием силы и максимальным — убеждения: в итоге Атила пошёл не на Восточную, а на Западную империю. Так обстояло дело и спустя восемь столетий: в 1282 г., когда могущественный Карл Анжуйский собирался вторгнуться из Италии, намереваясь захватить Константинополь, его внезапно остановила утрата Сицилии, где вспыхнул мятеж, ставший следствием заговора между императором Михаилом VIII Палеологом (1259—1282 гг.), королём далёкого Арагона Петром III и непревзойдённым интриганом Джованни да Прочиде. В своих воспоминаниях Михаил писал: «Если я скажу, что свободу, которую уготовал им Бог, уготовал чрез нас, то скажу нечто согласное с истиной»⁷.

Михаил VIII Палеолог. Автобиография, IX; рус. пер. И. Е. Троицкого; цит. по: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/XIII/1260-1280/Michail_IX_Paleolog/

Таким образом, эпически долгое выживание Восточной Римской империи стало возможным благодаря её исключительным стратегическим успехам. За этим должно было стоять нечто большее, чем простые победы в сражениях: ведь счастливые победы не могут длиться в течение восьми столетий. И действительно, империя потерпела немало поражений, причём некоторые из них казались катастрофическими. Неоднократно большая часть страны оказывалась в руках захватчиков, да и сам Константинополь несколько раз подвергался осаде со времени своего основания в 330 г. вплоть до его разрушительного захвата в 1204 г. в ходе католического Четвёртого крестового похода. После восстановления это была уже не настоящая империя, а всего лишь греческое царство, окончательно прекратившее существование в 1453 г.

Стратегический успех Византийской империи был совсем иного порядка, нежели сколь угодно большое число тактических побед и поражений. Это была стойкая способность столетие за столетием создавать непропорционально высокую мощь из любой военной силы, которую удавалось набрать, сочетая её со всеми приёмами убеждения и руководствуясь при этом более обширными сведениями. В наше время это стоило бы назвать дипломатией и разведкой, если при этом пренебречь глубоко бюрократическим характером этих понятий в нынешнюю эпоху. Не имея ни министерства иностранных дел, ни разведывательных служб, Византийская империя не располагала ни профессиональными дипломатами, ни разведчиками. Были всего лишь чиновники разных рангов, иногда исполнявшие эти обязанности попеременно или наряду с другими. Убеждать иностранных правителей и другие народы сражаться с врагами империи (что было труднее всего именно в периоды слабости, когда такое убеждение было нужнее всего) — такова была одна из простейших точек приложения сил византийской дипломатии, как мы увидим далее, хотя она вполне могла быть и важнейшей.

Что же касается разведки, то можно сказать, что император и его чиновники не могли даже наладить систематический сбор информа-

autobiographie.htm; англ. пер.: Grégoire H. Imperatoris Michaelis Palaeologi De vita sua (Сочинение императора Михаила Палеолога «О своей жизни», IX, Byzantion 29—30 (1959—60), p. 462). Микеле Амари (Amari) в книге *La Guerra del Vespro Siciliano* («Война Сицилийской вечера»; Torino: Pomba, 1851) отверг мысль о «заговоре» Джованни да Прочида, предполагая взамен местную инициативу (p. 90). Но я доверяю Стивену Рансимену (*Runciman. The Sicilian Vespers* [«Сицилийская вечеря»], Harmondsworth: Penguin Books, 1960), pp. 226—227 (на p. 313 он деликатно опровергает великого Амари).

ции, как мы, наверное, выразились бы сегодня, так что шпионаж, со всеми его извечными ограничениями, был единственным средством получения разведывательных данных. И всё же, как бы слабо, по нынешним меркам, ни были осведомлены византийцы, знали они несравненно больше современных им правителей других держав. Прежде всего, хотя у них не было точных карт (высказывались даже утверждения о том, что римляне были просто не способны мыслить в картографических категориях)⁸, всё же их дорожное строительство подтверждает, что они были прекрасно осведомлены о направлениях и длине дорог. Этого было вполне достаточно, чтобы манипулировать ещё менее осведомлёнными чужестранцами, особенно вновь прибывшими вождями степняков⁹. Ближайший современник событий, историк и дипломат Менандр Протектор, сохранил в своих записках горькую жалобу тюркского вождя в 577 г.:

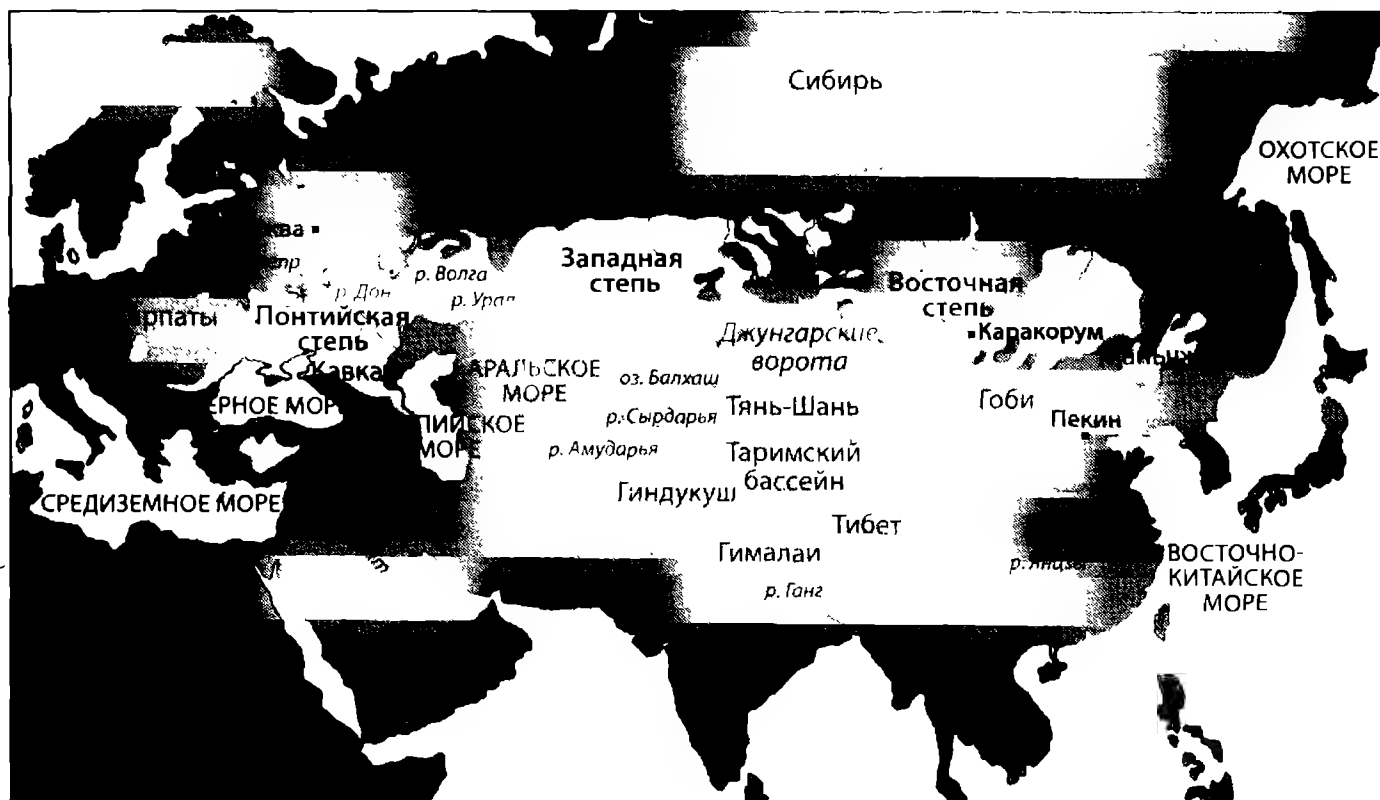
Зачем вы, римляне, отправляющихся в Византию посланников моих ведете через Кавказ, уверяя меня, что нет другой дороги, по которой бы им ехать? Вы для того это делаете, чтобы я по трудности этой дороги [высокогорье, труднопроходимое для лошадей] отказался от нападения на римские области. Однако мне в точности известно, где река Данапр [Днепр], куда впадает Истр [Дунай], где течет Эвр [Марица]...¹⁰

Тут уже налицо прямая угроза, так как эти три реки указывают путь на Константинополь по степному коридору, лежащему к северу от Чёрного моря.

⁸ *Pietro Janni. La Mappa e il Periplo: Cartografia antica e spazio odologico* (Карта и перипл: античная картография и одологическое пространство; Roma: Giorgio Bretschneider, 1984).

⁹ См. обсуждение этого вопроса в книге: *A. D. Lee. Information and Frontiers: Roman Foreign Relations in Late Antiquity* (Сведения и границы: международные отношения Рима в эпоху поздней античности; Cambridge: Cambridge University Press, 1993), начиная с р. 81. В римской армии пользовались путеводителями: "itineraria prouinciarum" («путеводителями по провинциям»): *Вегетий*. Краткое изложение военного дела, III. 6.

¹⁰ *Excerpta de Legationibus Romanorum ad gentes* (Выписки о посольствах римлян к народам), 14; рус. пер. С. Г. Дестуниса, цит. по: Менандр/Дестунис 1860, сс. 418—419; англ. пер. в: *The History of Menander the Guardsman. Introduction, Text, Translation, and Notes* by R. C. Blockley («История» Менандра Протектора. Введение, текст, пер. и прим. Р. С. Блокли; Liverpool, Francis Cairns, 1985). В дальнейшем: *Menander-Blockley*; p. 175.

Карта № 2. Великая Евразийская степь

Иногда военных сил империи было достаточно для проведения масштабных наступательных действий, приводивших к захвату обширной территории. В этом случае дипломатия была занята главным образом тем, что добивалась уступок от других государств, устрешённых победами Византии, или по крайней мере пыталась удержать их от вмешательства.

Иногда войско и флот Византии были настолько слабы (или противник настолько силён), что само выживание империи становилось возможным только благодаря иностранным союзникам, завербованным много ранее или же прямо сейчас. Неоднократно бывало так, что войны из ближних или дальних народов, появившись своевременно, восстанавливали равновесие сил и спасали положение.

Как правило, между двумя этими крайностями имело место более сбалансированное сотрудничество, при котором дипломатия, руководствовавшаяся превосходством в осведомлённости, подкреплялась боееспособными вооружёнными силами, а вооружённые силы, в свою очередь, получали поддержку хорошо осведомлённой дипломатии. Все это вместе взятое, вкупе с некоторой удачей, было необходимо для того чтобы сохранить Восточную Римскую империю, потому что она изначально находилась в менее безопасном положении, чем Западная Римская империя, которую Византия, однако же, надолго пережила.

Безусловно, к убеждению обычно прибегали в первую очередь, но военная сила всегда была неотъемлемым орудием искусства управления византийской державой. Без неё всё было бесполезно — даже подарки с целью откупиться от нападения: ведь они лишь разжигают аппетит, если дающий их слаб. Поэтому поддержание достаточной боеспособности вооружённых сил было постоянной многосторонней задачей, с которой Византийская держава должна была справляться ежедневно, год за годом, столетие за столетием. Это стало возможно (пусть временами даже на самой нижней допустимой границе) благодаря двум существенно важным сторонам политики Рима, которые византийцам удалось сохранить надолго, тогда как Западная империя с этим не справилась.

Первой из них была система сбора налогов, которая по тем временам действовала исключительно успешно и с которой не мог соперничать ни один враг империи. После общего расчёта бюджета (что само по себе было изобретением с далекоидущими последствиями) общее количество поступлений, которое должен был обеспечить основной налог, то есть земельный (аннона), распределялось «сверху вниз»: сначала по провинциям, затем по городским районам в границах каждой провинции, а вслед за этим наступала очередь отдельных земельных владений в соответствии с оценкой доходности каждого участка¹¹. Возможно, в седьмом столетии распределение общего имперского бюджета «сверху вниз» было прекращено, но сбор земельного налога с каждого поля согласно оценке его доходности продолжался в восходящем потоке поступлений¹².

Проблем было немало. Вполне очевидно, что жалованье, выплачивавшееся оценщикам, сборщикам налогов, бухгалтерам, аудиторам, инспекторам и контролёрам, было само по себе огромной статьёй расходов:

Michael F. Hendy. Studies in the Byzantium Monetary Economy c. 300—1450 (Исследования византийской монетарной экономики ок. 300—1450 гг.; Cambridge: Cambridge University Press, 1985), начиная с p. 157.

¹² *J. F. Haldon. Byzantium in the Seventh Century: the transformation of a culture (Византия в седьмом веке: преобразование культуры; Cambridge: Cambridge University Press, 1990); далее Haldon 1990; начиная с p. 173; ср. Salvatore Cosentino. Dalla tassazione tardoromana a quella bizantina. Un avvio al medioevo (От позднеимперского налогообложения к византийскому), в: ред. M. Kajava, Gunnar Mickwitz nella storiografia europea tra le due guerre (Гуннар Миквиц в европейской историографии в эпоху между двумя войнами); Rome: Acta Institutum Romanum Finlandiae, 34; 2007), pp. 119—133.*

ведь эти чиновники составляли большую часть имперской бюрократии. Кроме того, чиновники вымогали взятки и другие незаконные платежи, перекачивая доходы в собственные карманы, — об этом можно судить по многочисленным законам против коррупции, издававшимся многими императорами. Кроме того, были законы, направленные на защиту мелких собственников: ведь этот класс был особенно любим многими императорами, поскольку либо сами мелкие землевладельцы, либо их сыновья считались наиболее вероятными кандидатами на военную службу. Из этого мы можем сделать вывод о том, что богатые землевладельцы использовали свое влияние, чтобы переложить налоги со своих обширных угодий на хозяев мелких участков и даже на арендаторов.

Однако, несмотря на все эти недостатки, фискальная машина, унаследованная Византией, имела одно решающее достоинство: она работала и год за годом, более или менее автоматически, поставляла в казну огромные суммы, главным образом в золоте. Этот поток поступлений шёл на покрытие расходов имперского двора и всей гражданской бюрократии, но большая их часть использовалась на содержание войска и флота. В результате сама циркуляция золота стимулировала развитие византийской экономики: чиновники, воины и моряки, получавшие жалованье, тратили свои деньги и тем самым создавали «ликвидный рынок» для земледельцев, ремесленников и всевозможных профессионалов, которые таким образом получали золото для уплаты налогов и для удовлетворения собственных рыночных потребностей¹³.

Со стратегической точки зрения наиболее важным следствием упорядоченного налогообложения было содержание регулярной армии. В то время как враги Византийской державы по большей части вынуждены были довольствоваться племенным ополчением, добровольческими отрядами, лихими людьми или угнетёнными крестьянами, копавшими на своих полях, чтобы обеспечить себя скудным пропитанием, византийцы могли позволить себе круглый год держать имперских воинов на жалованье и служилых моряков — хотя, как мы ещё увидим, имелись и «частично занятые» резервисты.

¹³ *Nicolas Oikonomides. The Role of the Byzantine State in the Economy* (Роль византийского государства в экономике), в: Angeliki E. Laiou (ред.), *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century* (Экономическая история Византии с седьмого по пятнадцатый век; Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002), pp. 973—1058.

Это обстоятельство позволило возродить вторую существенно важную составляющую римской военной политики, которая в самом Риме разложилась уже к пятому столетию. Речь идёт о систематическом индивидуальном обучении новобранцев наряду с регулярными тактическими учениями воинских соединений и формирований. Это замечание может показаться само собой разумеющимся: что же ещё делать «служилому» солдату в регулярной армии? Но большинство тех, кто воевал с византийцами, не были «служилыми» воинами, они были «призывниками», набранными для сражений без специальной подготовки. У одних был огромный (пусть и ограниченный) боевой опыт, доставшийся им по традиции, у других же никакого опыта не было. Кроме того, военная подготовка как непрерывная деятельность требует не только наличия регулярной армии, но и высокой степени профессионализма. Даже сегодня большинство из ста пятидесяти с чем-то существующих в мире армий (и больших, и малых) из рук вон плохо обучают своих новобранцев. Последним обычно отводится недели две на инструктаж, посвящённый ношению формы и правилам поведения, муштре в казарме и строевой подготовке на плацу, а также стрельбе из личного оружия. После этого новобранцев определяют в воинские подразделения, которые время от времени участвуют в упражнениях, носящих по большей части ритуальный характер; очень редко их объединяют в формирования для выполнения манёвров. В реальной обстановке проявилась бы только неподготовленность каждого из солдат; поэтому куда большее предпочтение отдаётся показухе на плацу. (Однажды я стал свидетелем километрового марша батальона из 42 танков, которые умудрялись держать построение с точностью до дюйма: недели тренировок были потрачены на бесполезное шоу!)

В течение столетий византийское войско и флот то приходили в упадок, то восстанавливались, но выживание Византии в условиях постоянных войн, часто против численно превосходящего противника, было бы невозможно без весьма высокого уровня военной подготовки. Для Византии весьма характерно, что в 626 г., когда державе самым непосредственным образом угрожали объединённые силы Сасанидской Персии и авар (и те, и другие находились тогда на пике своего могущества), спасительным средством, применённым императором Ираклием (610—641 гг.), стало дерзкое контрнаступление, а началось всё с усердных тренировок:

[Ираклий] в провинциях набрал войско и к нему присоединил новобранцев. Начал упражнять их и приучать к военным действиям; разделивши войско на две стороны, приказал им делать ряды и бескровные нападения друг на друга, приучал их к военному крику, к шуму и возбуждению, чтобы на войне они не пугались, но смело и как бы на игрище шли против неприятеля¹⁴.

Подобно своим нынешним коллегам и в отличие от традиционных воинов византийские воины были, как правило, обучены сражаться по-разному, в соответствии с особой тактикой, приспособленной к данной местности и к непосредственному врагу. В этой простой установке и заключался один из секретов выживания Византии. В то время как уровень мастерства противника мог быть самым разным, византийские воины шли в бой, обладая боевыми навыками, усвоенными через обучение, причём навыки эти можно было совершенствовать благодаря дальнейшей тренировке применительно к любым обстоятельствам. Благодаря этому византийские воины, их подразделения и войска были гораздо более разносторонними, чем их противники, владевшие лишь традиционными воинскими навыками своего племени или народа, усвоенными от старших через подражание и с трудом поддающимися переменам. Описывая сражение на реке Недао (Недава) в 454 г., где гунны потерпели сокрушительное поражение от своих восставших подданных-германцев, готский историк Иордан писал:

Можно было видеть и гота, сражающегося копьями (*contis*), и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его [гепида?] ране, и свава, отважно действующего дубинкой, а гунна — стрелой, и алана, строящего ряды с тяжёлым, а герула — с лёгким оружием¹⁵.

¹⁴ Феофан Исповедник. Хронография, л. м. 6113, Р.Х. 613; рус. пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского с предисл. О. М. Бодянского (далее *Феофан/Оболенский-Терновский*), цит. по: http://lib.aldebaran.ru/author/_feofan_ispovednik/_feofan_ispovednik_hronografiya/_feofan_ispovednik_hronografiya__22.html; англ. пер.: *The Chronicle of Theophanes Confessor AD 284—813* («Хроника» Феофана Исповедника за 284—813 гг. н. э.), пер. и предисл. Cyril Mango and Roger Scott при участии Geoffrey Greatrex (Oxford: Clarendon Press, 1997); в дальнейшем: *Theophanes*.

¹⁵ Иордан. Гетика (О происхождении и деяниях гетов), 261; рус. пер. Е. Ч. Скржинской, цит. по: http://www.alanica.ru/library/Iordan/iordan.htm#TOC_id2650810, далее: *Иордан/Скржинская*; англ. пер.: *Jordanes. Getica* (*De origine actibusque Getarum*), L. 261, пер. Charles C. Mierow, *The Gothic History of Jordanes* (Готская история Иордана; Cambridge:

Конечно, готы могли также сражаться мечами, а гепиды — копьями; точно так же и классические римские трёхчастные вспомогательные войска, состоявшие из балеарских пращников, лучников-критян и копейщиков-нумидийцев, могли пользоваться и другими видами оружия. Но в то время как противники византийцев шли в бой с одним или двумя характерными для них видами оружия, будь то колющее копье, меч, метательное копье, дротик, праща, пика или составной лук с обратным изгибом, к шестому столетию византийские войска, как мы увидим в дальнейшем, были обучены сражаться любым из этих видов оружия. В личной схватке это давало им очевидное превосходство над большинством врагов, с которыми они сходились в битве, а наряду с упражнениями в боевых соединениях наделяло византийские войска большей тактической и операционной гибкостью.

Ко всему этому добавлялся высокий уровень большой стратегии Византии, что являлось уже её собственным достижением, а не было наследием прошлого, как фискальная система и римская традиция военной подготовки. В Византии не было ни органов планирования, ни формальных правил принятия решений, ни разработанных установок «национальной стратегии», что было бы чуждо ментальности того времени. Но она обладала культурой стратегического управления государством, возникшей примерно в седьмом веке и развивавшейся впоследствии.

Эта культура включала в себя высокий уровень военной науки, наглядно демонстрируемый дошедшими до нас книгами и руководствами по военному делу, которые до сих пор читаются с интересом. Существовала и солидная традиция разведки, документальных свидетельств о которой сохранилось, естественно, значительно меньше, хотя кое-какие следы её деятельности всё же можно обнаружить. И наконец, наиболее характерный аспект византийской стратегии: различные способы заставить правителей других государств и народов служить целям империи, либо поддерживая мир, либо ведя войны против врагов империи.

Византии приходилось либо выжить за счет стратегии, либо не выжить вообще. Мы уже видели, что Восточной империи как в геогра-

фическом отношении, так и с противниками повезло куда меньше, чем Западной. Кроме того, она была лишена превосходящих ресурсов, которые единая империя могла развернуть в войне с самыми сильными врагами. Да и одного лишь упорного сопротивления здесь было бы недостаточно. Стойкость в войне вопреки всему часто приводит к самым неожиданным результатам. Случается так, что военные силы, казалось бы, многократно превосходящие врага, оказываются удержаны, обескровлены и в конце концов отражены защитниками, которых поддерживают силы неосязаемые и неодолимые: будь то воинская сплочённость, наличие исключительного предводителя, ревностная религиозная вера, заразная политическая идеология, будь то просто твёрдая уверенность в себе. В истории Византии есть много эпизодов яростного сопротивления значительно превосходящим силам, столь же замечательных, как битва последнего императора Константина Палеолога 29 мая 1453 г.: имея всего пять тысяч верных ему воинов, он до последней капли крови бился в своём последнем сражении с войсками османского завоевателя Мехмеда II.

Верность, которую императоры умели воспитать в своих войсках, с большим успехом использовалась в бесчисленных сражениях вплоть до самого последнего; однако одним лишь упорным сопротивлением, сколь бы нестигаемым оно ни было, тоже не объяснишь выживание византийцев: ведь им часто приходилось схватываться с врагом, который был слишком силён для того, чтобы можно было долго противостоять ему в одних только оборонительных сражениях.

Лишь благодаря творческим ответам на новые угрозы, то есть благодаря стратегии, империя выживала столетие за столетием. Не единожды вследствие череды поражений она сокращалась в размерах до осаждённого города-государства. Не единожды мощные стены Константинополя подвергались натиску то с моря, то с суши, то с обеих сторон сразу. Но снова и снова удавалось завербовать надёжных союзников, чтобы они напали на нападающих, что позволяло имперским войскам восстановить равновесие, набраться сил и перейти в наступление. А когда захватчиков изгоняли, очень и очень часто под контроль империи попадали более обширные территории, чем прежде. Враги империи могли разгромить её войска и флот в сражении, но победить её великую стратегию они не могли. Именно это придавало империи такую стойкость на протяжении столь долгого времени: её величайшая сила была неосязаема и неуязвима для нападения.

Византийская стратегия была изобретена не сразу. Её начальные составляющие возникли как ряд сиюминутных ответов на неуправляемую угрозу со стороны гуннов Аттилы, которая оказалась «паче чаяния».

С тех пор как в имперских границах впервые были пробиты громадные бреши при императоре Деции (249—251 гг.) — один из множества подобных эпизодов имел место в 250 г., когда полчища франков переправились через Рейн и дошли до самой Испании, — были испробованы все меры к тому, чтобы исправить положение. Одни из них были эфемерными, другие продолжались довольно долго; одни были ограниченными, другие — крупномасштабными: например, фортификационные работы по всей империи и увеличение численности армии при Диоклетиане, а также создание постоянных полевых (*comitatenses*) войск при Константине¹⁶. В течение полутора столетий этих количественных и сугубо военных мер было достаточно для того, чтобы защитить центральную часть империи от вторжений и захватов, пусть даже за счёт тяжкого бремени, возлагаемого на налогоплательщиков, и ценой беззащитности жителей приграничья. Но сугубо количественный подход был исчерпан с появлением гуннов под предводительством Аттилы. По тактическим и оперативным причинам, речь о которых пойдёт ниже, военные меры сами по себе уже не давали никакой надежды на успех.

Вот когда вводятся крупные стратегические новшества: не в то время, когда они были возможны и, вероятно, более необходимы, но в тот момент, когда все участники наконец соглашаются в том, что применяемые практики обречены на провал и мер не столь решительных будет явно недостаточно. Окончательно это произошло в Константинополе при Феодосии II (408—450 гг.)¹⁷, когда стало ясно, что увеличение численности войск в практически осуществимых пределах не остановит натиск Аттилы, так как его полчища обладали качествами, в сочетании которых ранее невозможно было поверить: они были чрезвычайно

¹⁶ Самым изящным изложением остаётся следующее: *Denis Van Berchem. L'armée de Dioclétien et la réforme Constantinienne* (Диоклетианова армия и Константинова реформа; Institut français d'archéologie de Beyrouth Bibliothèque archéologique et historique LVI; Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1952).

¹⁷ В более широком контексте см.: *Fergus Millar. A Greek Roman Empire: power and belief under Theodosius II (408—450)* (Греческая Римская империя: власть и вера при Феодосии II (408—450 гг.); Berkeley: University of California Press, 2007).

подвижны и вместе с тем весьма многочисленны. Поэтому было бесполезно пытаться остановить их небольшими силами, сколь бы подвижны они ни были; их орды проникали слишком глубоко и притом в непредсказуемых направлениях, так что задержать их было вообще очень трудно; но если столкновение всё же случалось, то гунны обычно всё равно превосходили в битве своих противников в силу причин, которые мы рассмотрим ниже. Выходом из военного тупика стало появление совершенно иного стратегического подхода, при котором куда меньше полагались на активную военную силу: требовались прочные стены, чтобы с их помощью одолеть военное превосходство Аттилы и подобных ему врагов.

Однако то, что произошло в следующем столетии, было не прямолинейным укреплением новой стратегии, а скорее движением вспять и возвращением к первоначальному «силовому» подходу. Располагая армией, значительно усилившейся благодаря крупным тактическим нововведениям, перенятым у гуннов, а также под успешным руководством и при наличии удачи, империя вернулась к агрессивной захватнической военной стратегии при Юстиниане (527—565 гг.). Успешная война в Северной Африке и в Италии могла бы продолжаться, несмотря на значительные угрозы на других фронтах, если бы не разразилась эпидемия бубонной чумы, ставшая причиной крушения всей Византийской державы вместе с её армией и флотом. Недавние исследования кернов полярных льдов свидетельствуют о том, что до тех пор история не знала эпидемии столь опустошительной — и конечно, более густонаселённая империя со множеством многолюдных городов пострадала больше, чем её враги.

К тому времени, когда Юстиниан умер, значение военной силы снова снизилось. Так продолжалось и при его преемниках, и только при Ираклии, в начале седьмого века, особая большая стратегия Византийской империи сложилась полностью — как раз вовремя (если можно так сказать) для того, чтобы преодолеть величайший кризис за всё время её существования.

Таким образом, мы видим, что разработка стратегии Византийской империи была длительным процессом, начавшимся в то время, когда Аттила и его гунны вместе с множеством покорённых ими германцев, алан и других разноразличных племён, пополнивших ряды гуннов, грозили разрушить Восточную Римскую империю, уже подорвав устой того, что осталось от Западной империи.

КТО ЖЕ ТАКИЕ ГУННЫ?

Часто высказывалось предположение о том, что гунны (Hunni, Chunni, Χοῦνοι, Οὐννοι), о которых на Западе не знали вплоть до известия, относящегося примерно к 376 г., когда они напали на готов, были выходцами из Восточной Азии, могущественными воинами-кочевниками-сюнну, причинившими немало хлопот китайской династии Хань. О них довольно подробно повествуется в одном военном отчёте (где Римская империя названа Великим Китаем, Да Цинь, чем подчёркивается высокий уровень её цивилизации). Этот отчёт был впоследствии включён в династическую историю поздней Ханьской империи «Хоу Хань Шу», составленную знаменитым историком Фань Е¹⁸.

Существует несколько материальных свидетельств в пользу такого предположения: например, находки железных котлов для приготовления пищи, принадлежащих к особому типу, который можно отнести к обеим культурам (в таких котлах они, видимо, варили свою любимую конину, равно как и другую пищу). С другой стороны, имеются хронологические свидетельства, отделяющие гуннов от сюнну, так как в последний раз о сюнну было слышно там, где сейчас находится Монголия, или же восточнее, на исторической территории Маньчжурии, причём тремя столетиями раньше появления гуннов к западу от Волги. Три столетия — невероятно долгий период даже для самой неспешной миграции¹⁹. Что же касается сходства в звучании названий, оно ещё ничего не доказывает. В таком языке, как китайский, где в основном слово равно слогу, правдоподобные отождествления и этимологии, сводящиеся только к требованиям фонетики, «могут строиться из чего угодно

¹⁸ Hòuhànshū (Хоу Хань Шу, или История поздней империи Хань); англ. пер. (частичный) John E. Hill: http://depts.washington.edu/silkroad/texts/hhshu/hou_han_shu.html.

¹⁹ См. незаменимую книгу: Peter B. Golden. Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East (Введение в историю тюркских народов: этногенез и образование государств в Евразии и на Среднем Востоке в Средние века и в раннее Новое время; Wiesbaden: Harrasowitz, 1992), в дальнейшем Golden 1992, начиная с р. 87. Профессор Голден исправил моё упущение (03.23.2008 г.), дав отсылки к следующим работам: Miklós Érdy. Hun and Xiongnu Type Cauldron Finds Throughout Eurasia (Находки котлов гуннского и сюннского типа на территории Евразии), Eurasian Studies Yearbook 67 (1995), pp. 3—26; и: Étienne de la Vaissière. Huns et Xiongnu (Гунны и сюнну), Central Asiatic Journal, Vol. 49/1 (2005), pp. 3—26.

для чего угодно». Достаточно одного-единственного примера: слово «тайфун» вовсе не обязательно восходит к китайскому «да фун», «большой ветер», как уверенно полагают люди, говорящие и по-китайски, и по-английски; но скорее его источник — арабское слово *tufan*, «шторм», заимствованное через посредство португальского²⁰.

Могущественные гунны, о которых римляне внезапно узнали около 376 г., могли вообще не иметь ни какого-либо впечатляющего происхождения, ни специфических этнических черт. Вполне возможно, что они сложились точно так же, как многие гораздо лучше известные по документам воинственные нации: в процессе этногенеза вокруг удачливого тунгусо-монгольского или тюркского клана, племени, военной банды. А именно: успех привлекает последователей, желающих участвовать в грабежах; возросшая численность придаёт силу, позволяющую покорять более слабые группировки и поработать отдельных людей — возможно, в больших количествах. Любое количественное увеличение усиливает нацию, внутри которой отдельные личности могут сохранять собственную самоидентичность сколько им заблагорассудится, но нация стремится стать со временем всё более однородной. Скорость этого процесса для каждой ассимилируемой группы зависит от силы её прежнего самоотождествления, а также, несомненно, от степени её прежнего культурного, соматического и лингвистического сходства с... возникающим общим типом.

Как совместный успех создаёт нацию, так неудача её разрушает. При этом группы, выходящие из её состава, либо возвращаются к прежнему самоотождествлению, либо принимают новое; как правило, они присоединяются к более успешным нациям, выходящим на историческую арену. Так, уже в наше время семьи различного происхождения, жившие в Советском Союзе, относили себя к русским, которые были преобладающей национальностью в этой, казалось бы, вечной империи. Но при первых признаках упадка они стали возвращаться к своему прежнему этническому самоотождествлению, причём ещё до того как страна действительно распалась. В то же время другие приняли совершенно новое самоотождествление, эмигрировав в Германию, Израиль или США.

Или «дай-фон» в кантонском произношении: см.: *Henry Yule and A. C. Burnell. Hobson-Jobson; A glossary of colloquial Anglo-Indian words and phrases* (Хобсон-Джобсон. Глоссарий разговорных англо-индийских слов и фраз; Rev. E. Crooke, London: Routledge & Kegan Paul, 1985), p. 947.

Ставшая весьма спорной применительно к готам (или, в более широком смысле, к «германским» народам) после того как все представления, свойственные германизму XIX века, нацизму XX века и социологии века XXI, были поставлены под вопрос²¹, концепция этногенеза была изначально использована для описания гораздо более простых процессов, происходивших в степях²². В степи нет высоких гор и глубоких долин, где слабые могли бы укрыться, что позволило бы им сохранить своё самоотождествление, тогда как общие модели кочевого скотоводства в любом случае сглаживают многие различия, так что за непосредственным приспособлением к более сильным захватчикам не неизбежно следовала ассимиляция.

Было ещё слишком рано, чтобы этот процесс привёл к формированию единой нации, когда Атилла стал верховным вождём различных гуннов, аланов, готов, гепидов и всяких других племён, а его смерть положила конец могуществу гуннов. Но к его времени уже была налицо значительная культурная интеграция: ведь и само имя «Аттила» не гуннское. Сначала его пытались возводить к проточувашскому и к древнекартвельскому (проще говоря, древнегрузинскому), но с малым успехом; после этого были отвергнуты (возможно, слишком поспешно) этимологии, предложенные венгерскими историками-националистами: Аттила = Атилла = Атиль = тюркское «большая река» = Волга; и неудивительно, что самый выдающийся специалист по гуннам пришёл к следующему заключению: имя «Аттила» — германское (или, если угодно готское): «Батюшка»²³. Несомненно, известная ассимиляция имела место; возможно, это относится даже к «молодежи Сирии» (букв.: «цвет Сирии», *flos Syriae*), которая была пленена в 399 г. во время похода гуннов через Кавказ, как пишет поэт Клавдиан в своей мастерской сатире

²¹ Обзор обширной литературы см.: *Halsall* 2007, pp. 14–16 и 457–470; Halsall соглашается с уравновешенной позицией Вальтера Пола (Pohl), как она выражена (вкратце) в его работе “Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies” (Концепции этничности в изучении раннего Средневековья), в сборнике под ред. Lester K. Little and Barbara H. Rosenwein. *Debating the Middle Ages: Issues and Readings* (Обсуждая Средние века: публикации и прочтения; Oxford: Blackwell Publishers, 1998), начиная с p. 15.

²² *P. B. Golden. Ethnicity and State formation in pre-Cinggisid Turkic Eurasia* (Этничность и образование государства в дочингизидской тюркской Евразии), *The Central Eurasian Studies Lectures, I* (Bloomington: Indiana University Press, 2001).

²³ *Maenchen-Helfen*, начиная с p. 386. Он также дал решительную отповедь безосновательным рассуждениям Альтхайма (*Altheim*; p. 385, n. 82).

против Евтропия — евнуха-консула, которого Клавдиан несправедливо обвинял в пособничестве вторжению гуннов, в ходе которого города были преданы огню, а юноши уведены в рабство²⁴.

В источниках не столь пристрастных подтверждается факт самого набега и увода в рабство, хотя в одном из них прибавляются крайне интересные сведения о том, что другие местные молодые люди добровольно присоединились к гуннам, чтобы сражаться в их рядах²⁵. Это не должно нас удивлять. Правда, гунны были грубы и неотёсанны; кроме того, они были язычниками; наконец, они только что ограбили, перебили и перекалечили их сограждан, а может быть, даже друзей и родственников. Но в данном случае для молодых добровольцев или воинов-ветеранов возможность присоединиться к рядам гуннов в стране, только что разорённой последними, означала немедленный переход из категории побеждённых и ограбленных в категорию победителей с богатой добычей, которую грузили на вьючных лошадей и в повозки или привязывали за ними (сюда включались и женщины).

Таким был и остаётся до сих пор основной механизм этногенеза. Успех создаёт нацию из различных групп, а затем распространяет их вишь за счёт привлечения добровольцев. Довольно скоро такие распространяющиеся группы утрачивают свою этническую однородность, но всё ещё сохраняют свои исконные названия, становясь тем самым в большей или меньшей степени образованиями псевдоэтническими. Так, после взлёта и упадка гуннов, а затем и разделения их на различные нации пришла очередь авар (обров) сделаться из престижного клана могучей силой на Балканах, располагавшей множеством людей; впоследствии они ещё более разрослись за счёт многочисленных покорённых ими славянских народов²⁶. Успешно распространившись, они были, видимо, впервые побеждены у стен Константинополя в 626 г., что заставило многих славян отпасть от них. Дальнейшие поражения ещё

²⁴ Против Евтропия, I, 250: *Extra Cimmerias, Taurorum claustra, paludes / flos Syriae seruit* (За киммерийскими болотами, защищающими тавров, пребывает в рабстве цвет Сирии); см.: *Averil Cameron. Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius* (Клавдиан: поэзия и пропаганда при дворе Гонория; Oxford: Clarendon press, 1970), начиная с p. 124.

²⁵ Феодорит Киррский (Сирия 423—457 гг.); сам я не видел этого текста; он цитируется в: *Maenchen-Helfen*, pp. 58—59.

²⁶ *Golden* 1982, p. 108.

более снизили численность авар, особенно решительно в 791 г., когда они были разбиты рукою самого Карла Великого.

После этого численность авар снизилась ещё значительно вследствие отпадений; авар стало так мало, что на них напали более слабые булгары, и вскоре после этого авары полностью распались и были поглощены другими нациями («погибоша аки обри, их же несть племени ни наследка»). К тому времени прежняя территория их обитания, то есть некогда римская Паннония, была занята относительно успешными мадьярами (что сохраняется и по сей день). Мадьяры привлекли на свою сторону другие племена, во многом им подобные, по большей части усвоившие их этническое название и в большинстве своём до сих пор живущие в Мадьярорсаг, Стране мадьяр, которую Венгрией называют только иностранцы.

Что же касается прежнего аварского господства над западной оконечностью степи, Понтийской степью к северу от Чёрного моря, находящейся ныне большей частью в границах Украины, то её захватили более удачливые тюркские племена или военные отряды, собравшие множество других, чтобы образовать крупные нации хазар и печенегов (о тех и других речь пойдёт ниже).

Принимая во внимание природу этногенеза, то, что образуется благодаря присущим ему процессам слияния, ассимиляции, разложения и распада, вообще не нацией следовало бы называть, поскольку это название предполагает некоторую степень этнической однородности, а скорее государством, ибо в конечном счёте это прежде всего образование по сути политическое. Единственное препятствие здесь состоит в том, что некоторые подобные общности, как, например, немаловажные для нашей темы печенеги, речь о которых пойдёт ниже, оставались непрочным союзом племён, кланов и военных группировок. Они осознавали себя печенегами, но у них не было ни вождей, власть которых распространялась на всех, ни общих установлений, так что нацией они могли быть лишь в самую последнюю очередь. Такими же, в сущности, были и гунны, крупная нация, каковой они были в то время, когда к власти над ними пришёл Атила в качестве единоличного властителя. Он-то и дал им институции, сущностно необходимые для государственности, и сделал их значительно могущественнее, чем прежде.

Часть I.

ИЗОБРЕТЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ СТРАТЕГИИ

ГЛАВА 1

АТТИЛА И КРИЗИС ИМПЕРИИ

Исключительно важное место, отводимое в анналах древности гуннам Аттилы, в высшей степени примечательно: ведь у них было столько конкурентов! Время их единства и силы (до смерти Аттилы в 453 г.) настало сразу после великих вторжений германцев, которые вполне могли бы уничтожить Римскую империю на Западе. Надёжно укреплённые и притом хорошо снабжённые гарнизонами границы по Дунаю и Рейну защищали европейские провинции Римской империи в течение почти четырёх столетий. Тысячи сторожевых башен, соединённых друг с другом палисадами, а иногда и каменными стенами (если тому не препятствовали водные преграды), а также связывавшие их патрули и сотни крепостей с гарнизонами образовывали непрерывный заслон в северной Англии и по всей Европе: от устья Рейна в Северном море на территории современной Голландии до дельты Дуная на черноморском побережье современной Румынии¹. Ни одна тонкая линия обороны не могла бы остановить вторжения сильных врагов: повседневная безопасность от набегов и грабежей надёжно обеспечивалась имперской пограничной системой, лимесом (*limes*).

¹ Краткий обзор: C. R. Whittaker. *Frontiers of the Roman Empire: a social and economic study* (Границы Римской империи: социально-экономическое исследование; Baltimore: The Johns Hopkins University Press 1994), начиная с p. 132.

Обветшание, запустение и окончательное крушение приграничных укреплений по Рейну и верхнему Дунаю стало великой катастрофой века для граждан империи, которые остались беззащитны перед грабежом и разрушением, если не перед чем-то худшим. Эта затянувшаяся трагедия отразилась практически во всех текстах того времени, дошедших до наших дней, а это не только исторические сочинения, но и поэмы, письма, жития святых и другие письменные источники, которые посвящены совсем иным темам, но в них встречаются и попутные замечания. В этих источниках содержатся описания захватчиков или просто горестные жалобы на завоевателей, в число которых входили такие германские племена и народы, как аламанны, бургунды, рипарийские, а затем салические франки, гепиды, могучие грейтунги и тервинги, герулы, квады, росомоны, руги, скиры, свевы, тайфалы и вандалы, а также всадники-аланы родом с Иранского плато, а возможно, и анты-славяне.

Однако считалось, что гунны Аттилы представляют собою угрозу куда более страшную, чем кто-либо из них, и впоследствии о них помнили крепко (как, впрочем, помнят о них ещё и сейчас): гораздо крепче, чем о готах Алариха, разграбивших Рим в 410 г., или о вошедших в поговорку вандалах, которые причинили ещё большую беду, прервав поставки североафриканского зерна в Италию.

Для современных этим событиям церковных писателей гунны были бичом Божьим, а сам Аттила — Антихристом; правда, изображали его и человеком, хотя и ужаснейшим из всех варваров; это характерно для повествований о чудесах, в одном из которых действует такой исторический персонаж, как папа Лев I:

Он ради римского имени [т. е. народа] предпринял посольство, отправился к королю уннов, по имени Аттела, и избавил всю Италию от опасных врагов².

Поскольку гуннов отождествляли с геродотовскими массагетами, более древним страшным степным народом, они неизбежно стали глав-

² Liber Pontificalis, 47. 7; рус. пер. А. Н. Коваля; англ. пер.: Raymond Davis, *The Book of Pontiffs: the ancient biographies of the first ninety Roman bishops to AD 715* (Книга Понтификов: древние биографии первых девяноста Римских епископов вплоть до 715 г. н.э.; Liverpool: Liverpool University Press), p. 39.

ными действующими лицами апокалиптической войны Гога (готов) и Магога, о которой говорится в книге Иезекиля. Другой глашатай Церкви, Амвросий, впоследствии святой и первый из епископов Милана, которые до сих пор остаются сильно политизированными, умолчал о Гоге и Магоге, но пришёл к тому же самому выводу:

Хунны поднялись на аланов, аланы на готов, готы на тайфалов и сарматов. И нас они, изгнанные с родины готов в Иллирию, сделали изгнанниками, и нет этому конца... так что мы на закате мира сего...³

Примечательно также, что войны гуннов с готами, гибель короля бургундов Гундахара с многочисленным войском в 436 г., да и сам Атила всё ещё крепко держались в памяти народов спустя столетия, причём даже очень далеко от тех мест, по которым им когда-то довелось проходить. В староанглийской поэме «Видсид» герой поэмы заявляет:

Вульфхере нашёл я и Вюрмхере [имена неизвестных лиц]; воевало там не-
престанно войско хредов [готов] в лесах у Вистлы [Вислы], мечами точё-
ными часто обороняя древний трон свой от народа Этлы [Атилы]⁴.

Даже в далёкой Исландии Аттилу вспоминают в поэме на древнесе-
верном языке «Песнь о Хлёде и Ангантюре», где Атила появляется как
Гумли, король гуннов и дед Хлёда. Эта поэма — часть «Саги о Хервере»,
в которой повествуется также о битве между готами и гуннами, пред-
варяемой женитьбой Атилы на Гудрун. В «Саге о Вельсунгах» Гудрун
убивает Аттилу, потому что её принуждают выйти за него замуж: это
предание восходит к более древней «Песни об Атли» (“*Atlakviða*”) или
к более пространной версии, «Гренландские речи Атли» (“*Atlamál hin
groenlensku*”). Таким образом, мы знаем, что сказания о нём дошли до
самого отдалённого места, до Ультима Туле.

³ *Ambrosii. Expositio Evangelii secundum Lucam* (Амвросий Медиоланский. Изло-
жение Евангелия от Луки), X, 10; Migne, *Patrologia Latina* XV, Col. 1807A; рус. пер.
А. Н. Коваля.

⁴ Видсид, 119—120; рус. пер. В. Г. Тихомирова под ред. О. А. Смирницкой, цит. по:
<http://ulfdalir.ulver.com/sources/Britain/Poetry/vidsith.htm>); англ. пер.: Wulfhere sohte ic
ond Wyrmhære From the Exeter Book, p. 975; ср.: *Ed. Kemp Malone. Widsith* (1936;
Rev. Edn. Copenhagen, 1962), pp. 118—121.

Более знаменит Аттила как Этцель из «Песни о Нибелунгах», сложенной позднее. Это средневековый германский эпос, по мотивам которого Вагнер написал оперный цикл. Вдова убитого Зигфрида, Кримхильда, выходит замуж за Этцеля, короля гуннов, чтобы отомстить за убитого супруга. Следует бойня. В более ранней латинской эпической поэме «Вальтарий», написанной монахом Санкт-Галленского монастыря Экхардом, у короля Аквитании Альфера (Эльфхере) есть сын по имени Вальтарий (Вальтер), отданный в заложники королю гуннов Аттиле, когда тот вторгается в Галлию. На службе у Аттилы Вальтарий обретает славу великого воина, а затем бежит от него с большим количеством золота из дворца⁵.

Отдавая дань модной некогда теории о том, что роль личности не сопоставима с масштабами исторического процесса, а также теории Маркса об исторических формациях, один видный современный историк изображал Аттилу мелким бандитом; и хотя величайший авторитет в науке о гуннах выразил своё несогласие с ним, этот историк всё же не остановился перед тем, чтобы сравнить Аттилу с мелким готским военачальником Теодорихом Страбом (Косоглазым), который в 473 г. вымогательством заполучил у императора Восточной империи Льва II 2000 фунтов золота⁶.

Однако и современники этих событий, и люди, жившие значительно позднее (чей взгляд отражён в сагах), придерживались иного мнения. Хотя сам Аттила не изображается там особенно героическим (героями выступают германцы), всё же эти истории показывают, что гуннов Аттилы считали исключительно могущественными, более могущественными, чем любое другое королевство или нация.

Такого мнения придерживались и источники куда более аналитические по своему складу, начиная с такого профессионального офицера и трезвого историка-фактолога, каким был Аммиан Марцеллин, кото-

⁵ Обо всём вышесказанном см.: *Theodore M. Andersson. A Preface to the Nibelungenlied* (Предисловие к «Песни о Нибелунгах»; Stanford: Stanford University Press, 1987), *passim*.

⁶ См.: *Thompson*; напр.: «В отношении материальной цивилизации <гунны> находились на Низшей Ступени Кочевого Скотоводства» (р. 47) — прописные буквы ясно указывают на стоящую за этим концепцию; ср.: *Maenchen-Helfen*, p. 226. Питер Хизер (Heather) выражает несогласие с этим в своей книге «*The Fall of the Roman Empire: a new history of Rome and the barbarians*» (Падение Римской империи: новая история Рима и варваров; Oxford University Press, 2006), начиная с p. 300.

рый, обладая всей полнотой необходимых сведений, признавал важное стратегическое значение гуннов ещё до воцарения Атиллы:

Семя и начало всего этого несчастья и многообразных бедствий, вызванных яростью Марса... [имеется в виду катастрофическое поражение римлян при Адрианополе 9 августа 378 г.]... восходит, как выяснено, вот к какому событию. Племя гуннов... [которое] превосходит своей дикостью всякую меру...⁷

Итак, именно через посредничество вооружённых беглецов гунны впервые вырвались на римскую историческую арену. В 376 г. огромное количество людей — мужчин, женщин и детей — собралось у надёжно укрепленной и охраняемой границы по Дунаю. Среди них были ираноязычные аланы, но большинство составляли германцы-гепиды и ещё более многочисленные готы: тервинги и грейтунги; все они просили пропустить их на безопасную территорию империи.

Среди них было немало грозных воинов: не только германцы с копьями и мечами, но и всадники-аланы, облачённые в доспехи и вооружённые пиками. Но все они пустились в паническое бегство, устрашённые гуннами, которые пришли из степей, находящихся где-то далеко на востоке. Римляне в ту пору ничего не знали о гуннах, но готов и гепидов они знали с середины третьего столетия: сначала как опасных завоевателей, совершавших набеги и с суши, и с моря, а затем как почти мирных соседей, приходивших к границе в основном для торговли и для того, чтобы предложить себя в качестве наёмников в имперскую армию. Варвары получили разрешение перейти границу с тем условием, что они будут служить империи. Однако затем римские должностные лица не исполнили своё обещание обеспечить их зерном, что в конечном счёте привело к мятежу, который император Валент пришёл подавлять с полевыми армиями с Востока. Он потерпел поражение и был убит, две трети его армии погибли. Тогда-то римляне и поняли, что готы, гепиды и аланы, достаточно сильные, чтобы победить римлян, сами бежали от гуннов, как отара перепуганных овец.

⁷ Аммиан Марцеллин. Римская история, XXXI. 2. 1 (рус. пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни; цит. по: Аммиан Марцеллин. Римская история. Изд. 3-е. СПб., «Алетейя», 2000, с. 491, далее Марцеллин/Кулаковский-Сонни; англ. пер.: *Ammianus Marcellinus*. Loeb Classical Library. 3 vols. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London., 1935), в дальнейшем *Ammianus-Rolfe*; Vol. III, p. 381.

Более столетия спустя величайший историк своего века, Прокопий Кесарийский, в побочном (и потому особенно показательном) комментарии приводит следующий краткий рассказ:

Ещё в древние времена римские самодержцы, препятствуя переходу живущих в тех местах варваров через Дунай, заняли укреплениями весь берег этой реки, не только по правой её стороне, но во многих местах они выстроили городки и крепости также и на другом, левом её берегу. Но эти укрепления они выстроили не так, чтобы нельзя было к ним подойти, если бы кто решил на них напасть, но лишь с тем, чтобы берег реки не оставить безлюдным. Искусство осады городов не было известно тамошним варварам. Многие из этих укреплений ограничивались просто одной только башней и поэтому, естественно, назывались монопиргиями (однобашенными), людей же в них было очень мало. Это достаточно было тогда для внушения страха варварским народам, так что они удерживались от нападения на римские пределы. Но спустя некоторое время Атила, напав с большим войском, уничтожил до основания эти укрепления и на большое пространство опустошил пределы Римской империи, ни от кого не встречая сопротивления⁸.

В своих трудах, за исключением скандально известной «Тайной истории», Прокопий неизменно объясняет свои спорные утверждения, однако он не счёл нужным обосновывать своё суждение о том, что гунны Атилы представляли собою качественно иную и более страшную угрозу. Вполне очевидно, что именно таким было общее мнение в его эпоху, когда гунны, уже давным-давно лишившись покорённых ими племён и добровольных союзников, рассеялись, причём часть их возвратилась в степь, где их поглотили более удачливые тюркские группировки авар, огур, оногур и булгар⁹.

У выдающейся репутации гуннов была вполне обоснованная причина. Передвигаясь верхом на своих выносливых монгольских лошадках¹⁰,

⁸ Прокопий Кесарийский. О постройках (Пери кτισμάτων, De aedificiis), IV. 5. 2—6; рус. пер. С. П. Кондратева; цит. по: http://www.miriobiblion.narod.ru/prokopij/p_aed4.htm), далее Прокопий/Кондратьев; англ. пер.: H. B. Dewing (with G. Downey), Buildings (Cambridge Mass: Harvard University Press, 1971). Vol. VII, pp. 266—267.

⁹ Golden 1982, p. 92.

¹⁰ Аммиан Марцеллин (XXXI. 2. 6) называет этих лошадей «выносливыми, но безобразными на вид» (*duris quidem sed deformibus*; рус. пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни;

они познакомили римский мир с совершенно новым и притом весьма успешным стилем ведения войн, который был усвоен и переработан, заложив основу стратегии складывавшейся византийской армии, которая из-за этого стала в корне отличаться от своей классической римской предшественницы.

Этот новый стиль военных действий был впервые с похвальной точностью описан Аммианом Марцеллином, достоверность сведений которого подтверждается его значительным военным опытом в звании как простого воина, так и штабного офицера. Из его пространного сообщения о гуннах в конце четвёртого столетия мы можем извлечь прежде всего ценное описание их тактики:

Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому что издали ведут бой стрелами, снабжёнными искусно сработанными наконечниками из кости, а сойдясь врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком¹¹.

Всё это обычные приёмы всех искусных воинов-степняков, которые впоследствии стали прекрасно известны византийцам, когда в течение веков гуннов сменяли авары, первые тюрки, оногуры-булгары, мадьяры, печенег, куманы, монголы и, наконец, монголо-тюркские подданные Тимура, которого мы зовём Тамерланом. Именно такова тактика, которую византийцам предстояло в конце концов усвоить, чтобы весьма успешно подражать ей (арканы сбоку) и даже улучшить её, как мы увидим далее.

Сначала сыпался град стрел, выпущенных из исключительно мощных луков, речь о которых пойдёт ниже; это было оружие, способное убивать на значительно большем расстоянии, чем стрелы, пущенные из менее мощного лука. Что же касается костяных наконечников стрел, то они были не менее губительны, чем металлические, если обладали достаточной прочностью; кроме того, из приведённого текста мы видим, что гуннские стрелы были изготовлены исключительно искусно, и их костяные наконечники не обламывались при ударе.

цит. по: Аммиан Марцеллин. Римская история. Изд. 3-е. СПб., «Алетейя», 2000, далее Марцеллин/Кулаковский-Сонни), с. 491.

¹¹ Аммиан Марцеллин. Римская история, XXXI. 2. 9; рус. пер.: Марцеллин/Кулаковский-Сонни, с. 492; англ. пер.: Ammianus-Rolfe, p. 385.

Если враг не нападал, ему приходилось нести всё большие и большие потери от стрел. Если же он нападал, ему не удавалось вплотную схватиться с конными гуннами, которым не нужно было отстаивать свою землю; если они всё же шли на прямую стычку и, значит, были уверены в победе, то атаковать их было скорее всего неразумно.

Если же противники отступали, чтобы избежать дальнейших потерь, это могло дать гуннам возможность обрушиться на них, убивая и стрелами, и мечами. (Не уточняется, что это было за оружие: прямые мечи, кривые сабли или что-то иное; в тексте стоит слово *ferrum*, «железо», обозначение наиболее общее, а затем употреблено слово *musco*, «острие», то есть как лезвие меча, так и его острие).

Далее, если отступления не происходило, когда ряды врага уже порядком редели, следовали атака и рукопашная схватка: гунны налетали с мечом в одной руке, а другой рукой набрасывали аркан или лассо. В отличие от гуннского лука арканы не были новинкой, их широко использовали степные народы, аланы и даже готы (а возможно, и другие воины-германцы)¹², но лишь немногие из них могли сравниться в этом искусстве со степняками, воинами и скотоводами, которым приходится пасти своих лошадей на неогороженных пространствах, используя укрюк (урга у монголов, аркан у тюрок), то есть шест с верёвочной петлёй на конце, и путы для стреноживания лошадей.

Но самым грозным оружием гуннов, в чём сходятся все источники, был составной лук с обратным изгибом.

...по сердцу им точёные луки и стрелы;
Верные руки страшны, а стрелы, летящие быстро,
Смерть неуклонно несут; и ярость, грешить научённа,
Учит их делать всегда без единой погрешности выстрел¹³.

¹² *Maenchen-Helfen* (p. 240) указывает множество мест, включая «Иудейскую войну» Иосифа Флавия (VII. 249—250), где говорится о том, как в 72 г. н.э. армянского царя Тиридата I едва не захватили в плен воины-аланы (см.: *Иосиф Флавий. Иудейская война*, пер. М. Финкельберг и А. Вдовиченко под ред. А. Ковельмана, «Гешарим», М.—Иерусалим, 1993, с. 403).

¹³ ...*teretes arcus et spicula cordi; / Terribiles certaeque manus, jaculisque ferendae / Mortis fixa fides, et non peccante sub ictu / Edoctus peccare furor* (Панегирик в честь Анфемия, 266—269: PL 58. 649C — 650A; рус. пер. А. Н. Ковалёв; англ. прозаический пер.: W. B. Anderson. *Sidonius* (Сидоний; Cambridge: Harvard University Press, 1963), Vol. II, p. 31.

Так писал Гай Соллий Модест Аполлинарий Сидоний, которому было двадцать лет от роду, когда Атилла вторгся в северную часть его родной Галлии. Сидоний не был сведущ в военном деле: так, в другом месте он восхваляет галльского аристократа Марка Мецилия Флавия Эпархия Авита, одного из последних недолговечных императоров Запада (455—456 гг.), который, по словам поэта, «был <настоящим> гунном [Chunus] в метании дротиков [jaculis]»¹⁴, — а этим мастерством гунны как раз особо не отличались. Но нет никакого сомнения в том, что гуннское искусство стрельбы из лука представляло собою новшество в военном деле: отчасти потому, что оно сочеталось с исключительной подвижностью, обусловленной качествами их лошадей и проявлявшейся на всех уровнях, то есть на тактическом, оперативном и стратегическом, отчасти же из-за их нового оружия.

СОСТАВНОЙ ЛУК С ОБРАТНЫМ ИЗГИБОМ

Ранние его разновидности были известны с эпохи античности как «скифский лук», но его гуннская разновидность не привлекла бы к себе такого пристального внимания, если бы этот лук не был значительно более мощным оружием, применявшимся в войнах вплоть до шестнадцатого столетия по всей территории Азии, от Османской империи до Японии¹⁵.

Есть много вариантов этого лука, так что нижеследующее сводится к описанию тех самых существенных его элементов, что неизменно должны были наличествовать в особом луке (или луках) гуннов, от которых не сохранилось ни одного засвидетельствованного образца, фрагмента или достоверного описания — хотя, как это ни странно, один обычно серьёзный историк не так давно с уверенностью утверждал, что гунс-

¹⁴ Панегирик в честь Авита, 236 (PL 58. 684C); *Anderson. Sidonius*, p. 139; Maenchen-Helfen утверждает, что здесь у Сидония налицо отзвук Клавдиана, у которого слово «iacula» означало «стрелы».

¹⁵ *Gad Rausing. The Bow: some Notes on Its Origins and Development* [Лук: несколько замечаний о его происхождении и развитии], *Acta Archaeologica Lundensia, Series 8, No. 6* (Bonn: Rudolf Habelt Verlag / Lund: CWK Gleerups Forlag, 1967), начиная с p. 140. Рукописный текст этой работы я получил благодаря любезности Ханса и Марит Раузинг.

кий лук был асимметричным, и даже привёл его точные размеры¹⁶. Конечно, вполне возможно, что он был длиннее над рукоятью, чем под ней, и такая асимметрия действительно позволяет изготовить более длинный и потому потенциально более мощный лук, который к тому же не будет задевать шею лошади, когда его держат вертикально, прямо перед всадником. Однако следует отметить, что на единственных конных состязаниях по стрельбе из лука, которые мы можем видеть и сегодня, то есть в японских соревнованиях по ябусамэ, проводящихся у святилища Мэйдзи в Камакуре и в других ритуальных местах, где методы школ Огасавара и Такэда применяются с XII века и все участники пользуются асимметричными луками, лишь очень немногие всадники при стрельбе держат свои луки прямо, причём по весьма веской причине: держать лук под углом значительно легче. Асимметрия — всего лишь вопрос предпочтения, и у нас нет никаких свидетельств тому, что гунны предпочитали именно асимметричные луки. Между прочим, прекрасно описанные и ставшие предметом множества изображений монгольские луки были абсолютно симметричны.

Даже если бы у нас были вполне достоверные изображения гуннского лука, они не поведали бы нам слишком много, поскольку внешний вид этого оружия вводит в сильное заблуждение: если бы такой лук со спущенной тетивой лежал за витриной нынешнего музея, мы увидели бы лишь длинный, тонкий, веретенообразный предмет, будто бы из тщательно окрашенного дерева, хотя в действительности он изготовлен из множества тонких слоёв высушенных конских жил и костяных пластинок. Составной лук аккумулирует энергию жил и костяных пластинок, когда тетиву натягивают, и он настолько мощен, что при спущенной тетиве изгибается в обратную сторону¹⁷.

Говоря точнее, число элементов составного лука с обратным изгибом может доходить до пяти: это деревянная сердцевина, которая сама по себе должна быть простым «цельным луком» из одного куска древесины; брюшко (сторона, обращённая к лучнику), изготовленное из внешней, более эластичной кератиновой части рога, обычно бычьего; многослойная прокладка из жил на спинке лука, обеспечивающая большую часть

¹⁶ Heather, Fall: 130 сантиметров, p. 156.

«Это великолепное оружие» и т. д.: E. W. Marsden. *Greek and Roman Artillery, Historical Development* (Греческая и римская артиллерия: историческое развитие; Oxford: at the Clarendon Press, 1969), в дальнейшем: Marsden 1969, pp. 8—10.

упругости при натяжении, которую накладывали слой за слоем по мере просыхания каждого из них; «ушки», то есть прямые наставки, крепящиеся к оконечности каждой из изогнутых частей лука, чтобы повысить уровень накопления энергии; и рукоятка, которую либо встраивают в центр, либо изготавливают как отдельную деталь с двумя ответвлениями, а затем вставляют в лук или сращивают с ним. Благодаря животному клею, изготавливаемому из коллагена, который получают при выварке шкуры или сухожилий, костяное брюшко лука, его деревянная сердцевина и сухожилия прочно скрепляются друг с другом.

Пластинки из бычьего рога могут сжиматься перед распрямлением на 4 %, тогда как лучшее дерево даёт всего 1 % сжатия. Предпочтительным считался рог европейского или индийского рогатого скота, лучше всего азиатского водного буйвола; его раскалывали на полоски, а затем обрабатывали паром или проваривали, отчего он становился мягче, и его легче было резать и гнуть. Слои высушенных жил сильно растянутой спинки лука примерно в четыре раза превышают предел упругости дерева. Извлекаемые из сухожилий животных (из задних ног или из спины), жилые нити полагалось накладывать на вяжущий слой клея из шкуры или жил, как при производстве современного стекловолокна¹⁸.

Вполне очевидно, что это процесс куда более сложный, чем изготовление цельного лука, для которого требуется лишь подобрать прямую и гибкую деревянную заготовку; или лука с обратным изгибом, получаемого из изогнутой деревянной заготовки, которая при натяжении тетивы выгибается в обратную сторону; или сборного лука, который делали, скрепляя друг с другом несколько деревянных заготовок (хотя знаменитый английский и валлийский длинный лук изготавливался из цельного куска тиса, в действительности это был сборный лук, поскольку заготовка вырезалась из дерева по радиусу таким образом, чтобы эластичный и упругий луб стал спинкой, а сердцевина, сопротивляющаяся сжатию, образовала брюшко; или даже цельный деревянный лук американских индейцев, спинка которого была покрыта слоем сухожилий).

Поскольку гуннские луки были столь сложны в изготовлении, даже германские народности готов и гепидов, жившие вместе с покоривши-

¹⁸ Немецкий мастер Маркус Клек (Klek) раскрыл хитрости процесса изготовления лука, сработав составной лук из сухожилий и кости; см.: http://www.primitiveways.com/pt-composite_bow.html.

ми их гуннами и сражавшиеся вместе с ними в течение десятилетий, не переняли у них этот лук: возможно, потому, что у них не имелось опытных мастеров по изготовлению луков, которых было, по-видимому, не так уж много и среди самих гуннов. В 1929 г. крупнейший знаток истории гуннов, О.-Й. Менхен-Хельфен, посетил Барлык-Алаш-Аксу в восточной Туве (тогда это ещё была Танну-Тува, «Высокогорная Тува», знакомая под этим названием старым филателистам; ныне это республика Тыва в составе Российской Федерации). Здесь он встретился со стариком, который сказал ему, что в 1870-х и 1880-х гг. в селении было всего два человека, ещё умевшие делать составные луки с обратным изгибом. Знатоки уловят в его комментарии не одну политическую нотку: «Мысль о том, что каждый... лучник мог изготовить себе лук, могла зародиться только в головах кабинетных учёных, никогда не державших в руках составной лук»¹⁹.

Составной лук, вводящий в заблуждение своим внешним видом, утаивает свою мощь. Силы натяжения и сжатия в деревянной сердцевине минимальны, и именно это даёт возможность энергии, скопившейся в луке при натяжении тетивы, придавать ускорение стреле, а не массе самих частей лука. И деревянной сердцевине, и наборным роговым пластинам придаётся форма желобка, чтобы удвоить площадь склеиваемой поверхности. Клеевые стыки поддаются скорее разрыву, чем растяжению, когда лук натягивают, что лишь увеличивает их относительную силу. Наконец, «ушки» действуют как статические разгибатели, передавая всю энергию на среднюю треть каждого из плечей лука, когда тетиву спускают. Кроме того, когда тетива натянута, её рабочая длина увеличивается, что облегчает её дальнейшее натяжение.

Изготовленный надлежащим образом клей из шкуры или сухожилий крепче всех современных связующих, кроме самых «прогрессивных», но он гигроскопичен, то есть впитывает влагу из воздуха, даже если его качество улучшено добавлением танина из хинного дерева, что с успехом делали древние азиатские лучники. Только по этой причине конные лучники евразийских степей не могли добиться успеха в более влажном северном климате, и это ограничивало область их завоеваний. В «Саге о Хервёре и Хейдреке» (*“Hervarar saga”*) мудрый конунг Гизур (Gizurr, Gissur; его титул входил в официальное именование королей Швеции, «король шведов, готов и вендов» (*Sveriges, Götes och Vendes Konung*),

¹⁹ *Maenchen-Helfen*, p. 226.

вплоть до 1973 г.) насмехается над гуннами и готами: «Не боимся мы ни гуннов, ни их роговых луков»²⁰. Здесь слышен отзвук воспоминания об эпохальном и сокрушительном разгроме гуннов покорёнными ими прежде германцами в битве при реке Недао (Недава) в тогдашней Паннонии (нынешняя Сербия) в 454 г. И действительно верно, что конные лучники, хуже владевшие другими видами оружия, могли быть разбиты наголову, если у них не было возможности избежать сражения в дождь.

Очень сложный в изготовлении составной лук с обратным изгибом был также весьма труден во сколько-нибудь умелом обращении с ним, поскольку его мощность была причиной соответствующего сопротивления натяжению. В отличие от копий, мечей или даже цельных луков он поэтому практически бесполезен в руках новичков, которые попросту не могли натянуть его: ведь напряжение, создаваемое слоём сухожилий, нужно было сначала направить в противоположную сторону. Очевидно, именно составной лук с обратным изгибом оставил многохитростный Одиссей в своём непритязательном дворце на Итаке, отправляясь в плавание в Трою; этот лук ни один из женихов Пенелопы не мог даже натянуть, и именно с ним в руках Одиссей начал их избиение:

Замысел хитрый тая, супруге тогда приказал он
 Выложить лук перед нами, а также седое железо —
 И состязанье для нас, горемык, и начало убийства.
 Но ни один между нас не смог нацепить на могучий
 Лук тетиву. Оказались для этого слишком мы слабы.
 После, когда этот лук попал в Одиссеевы руки,
 Дружно и громко мы все закричали словами, чтоб лука,
 Сколько бы он ни просил, ему ни за что не давали.
 Только один Телемах его ободрил и позволил.
 В руку приняв, Одиссей богоравный, в несчастиях твёрдый,
 Лук легко натянул и стрелу прострелил сквозь железо,
 После взошёл на порог и высыпал острые стрелы...²¹

²⁰ Eigi gera Húnar oss felmtraða né hornbogar yðrir: в разделе «Падение Хервёр и набор рати Ангантюра», глава 14 «Саги о Хервёр и конунге Хейдреке Мудром»; англ. пер.: The Saga of Hervor and King Heidrek the Wise, пер. Peter Tunstall (2005); <http://www.northvegr.org/lore/oldheathen/018.php>.

²¹ Гомер. Одиссея, книга XXIV, 168—178; рус. пер. В. В. Вересаева; англ. пер.: A. T. Murray (Cambridge: Harvard University Press, 1946). Vol. II, p. 415.

Женихи Пенелопы пытались согнуть лук за счёт грубой силы, стремясь придать ему изгиб, достаточный для того, чтобы надеть на него тетиву. Но сделать это легко, если у вас как минимум три руки: две для того, чтобы отогнуть плечи лука в противоположную сторону до нужного положения, и ещё одна, чтобы навязать или надеть тетиву на каждое из «ушек»; однако сделать это совершенно невозможно, если у вас всего две руки. Одиссей знал, как натягивать такие луки с обратным изгибом, каким был его собственный. Он натянул его «легко», сначала приведя оба плеча в нужное положение с помощью ложной тетивы, которая посредством петли крепилась к палке, привязанной к рукояти, и лишь после этого надел настоящую тетиву на лук, выгнутый теперь в другую сторону, а затем снял палку и ложную тетиву, чтобы начать избиение женихов.

Даже будучи натянут, составной лук с обратным изгибом слишком туг для того, чтобы пользоваться им сколько-нибудь успешно без долгой практики, начинать которую лучше всего в детстве. Ещё более основательная практика нужна для того, чтобы успешно применять это оружие, сидя верхом или вообще находясь в движении.

В этом и заключается главная причина того, почему даже самые ранние разновидности индивидуального огнестрельного оружия, а именно толстоствольные аркебузы и ещё более тяжёлые мушкеты (их приходилось устанавливать на треногах, причём перезаряжались они куда медленнее луков, с дульной части, куда надо было засыпать порох, запыживать, потом заколачивать пулю и снова запыживать, да к тому же и стреляли они отнюдь не так точно), несмотря ни на что, сменили как валлийский длинный лук, так и превосходный составной лук Османской империи, как только огнестрельное оружие стало доступно в значительных количествах (ещё одна причина заключалась в том, что громкий звук выстрела пугал врагов и не привыкших к нему лошадей²²). Короли и военачальники, располагавшие золотом, быстро превратили огнестрельное оружие в грозную силу, создав полки мушкетёров: ведь недельных тренировок было достаточно для того, чтобы овладеть этим оружием. Напротив, обеспечить необходимое число пригодных к бою лучников было нелегко, ибо их обучение требовало как минимум нескольких лет. Кроме того, некоторые пехотинцы, но в первую очередь конники, просто не сумели освоить стрельбу из лука, для чего требуется не только усердная тренировка, но и

²² Отмечено Хансом Раузингом (Rausing) в личном сообщении от 1.09.2008 г.

некоторый талант. Что же касается метательного оружия, то лучникам приходилось полагаться на пращи для метания камней, которые они также носили с собой в качестве запасного оружия на тот случай, если стрелы заканчивались или погодные условия были таковы, что луки могли выйти из строя.

Нет никакого сомнения в том, что искусству конного лучника можно обучить и обучиться, так как византийские конные копейщики и лучники, заменившие собою тяжеловооружённую пехоту и ставшие ядром армии в шестом столетии, не были детьми степей, но попросту были хорошо натренированы в своём ремесле.

Хотя составной лук с обратным изгибом сложен в изготовлении и требует большого искусства в обращении с ним, в талантливых руках он вполне себя окупает. Широко прославившийся рекорд дальности стрельбы из него, поставленный в 1795 г. Махмудом-эфенди, секретарём посла Османской империи в Лондоне, в присутствии нескольких членов Королевского общества любителей стрельбы из лука, составляет 482 ярда (= 441 м). Однако этот результат не следует считать показательным, поскольку стрелы в данном случае не обладали убойной силой, да и выпускали их не по цели²³.

Есть и другое свидетельство, касающееся дальности стрельбы монгольских лучников в эпоху их расцвета. Оно запечатлено на знаменитой гранитной стеле с надписью уйгуро-монгольским письмом (уйгарчин), которая датируется приблизительно 1224—1225 гг. Эту стелу нашёл знаменитый исследователь Сибири Г. И. Спасский. Местные ламы и толмачи без труда прочли на камне имя «Чингисхан», поэтому он и стал известен под названием «Чингисов камень». В 1818 г. сообщение о нём появилось в «Сибирском вестнике»; в 1829 г. памятник перевезли из Нерчинска в Петербург, где он был передан в Азиатский музей Академии наук. В 1936 г. стела поступила в Государственный Эрмитаж, где и находится по сей день:

Когда после завоевания сартаульского (исламского) народа Чингисхан собрал нойонов (вождей) со всего монгольского улуса в одно место, на зываемое Буха-Суджихай, Есунхэ (его племянник) выстрелил из лука на 335 сажень (приблизительно 400 метров).

²³ *Fred Isles. Turkish Flight Arrows (Лёгкие турецкие стрелы); Journal of the Society of Archer-Antiquaries. V 4, 1961.*

Но слово «сажень» (алда) в современном монгольском языке означает некую не вполне определённую меру длины, примерно равную размаху распростёртых рук мужчины, и дальность выстрела в этой надписи иногда патриотически оценивается как 536 метров²⁴. Эта стрела также не обладала убойной силой, для этого у неё просто не было энергии. Показательно, что в ходе состязаний по стрельбе из лука на современном монгольском празднике «Эрийн гурван наадам» («Три игры мужей») мужчины стреляют из лука с 75 метров, а женщины — с 60 метров. Однако при этом полезная дальность стрельбы составного лука с обратным изгибом преуменьшена, потому что на празднике главное внимание уделяется скорости стрельбы: мужчины должны выпустить 40 стрел, а женщины — 20, что достаточно много для таких тугих луков.

Одно можно утверждать наверняка: дальность боевой стрельбы из составного лука была просто феноменальной в сравнении с обычным цельным луком. Рабочая (то есть потенциально убойная) дальность стрельбы составляла 150 метров, что было особенно важно, если лучники могли пускать стрелы в тесное скопление людей или коней, не защищённых доспехами. Прицельная дальность стрельбы — до 75 метров, что особенно существенно в засаде или при осаде, когда лучники, выступая в роли снайперов, могли тщательно прицеливаться по единичным мишеням. Пробивная дальность — до 60 метров; стрела пробивает почти все виды доспехов — броню из металлических бляшек (нашитых на кожу), кольчугу (сплетённую из колец) и наборный панцирь (из металлических пластин)²⁵.

Составной гуннский лук был столь же мощным, что и длинные луки валлийцев, стрелами из которых они перебили французскую конницу при Азенкуре в 1415 г.; но в отличие от этого шестифутового оружия луки гуннов годились для конников.

Убойная сила этого оружия совершенно поразила римлян, когда они впервые встретили гуннов с их составными луками с обратным

²⁴ 400 метров: http://www.hermitagemuseum.org/html_En/12/b2003/hm12_3_1_5.html. Иную оценку дальности выстрела даёт д-р Гонгор Лхагвасурен: http://www.atarn.org/mongolian/mongol_1.htm.

²⁵ *McLeod. The Range of the Ancient Bow* (Дальнобойность античного лука), Phoenix, 19 (1965), p. 8; *он же: The Range of the Ancient Bow: Addenda* (Дальнобойность античного лука: добавления), Phoenix, Vol. 26, No. 1 (1972), p. 80; типы доспехов: *A. D. H. Bivar. Cavalry tactics and equipment on the Euphrates* (Тактика и снаряжение конницы на Евфрате), *Dumbarton Oaks Papers*, № 26, p. 283.

изгибом. Испытанное ими изумление отразилось в сочинении современника этих событий Аммиана Марцеллина. При первом же своём появлении гуннские луки развеяли прежнюю уверенность римлян, когда их, твёрдо полагавшихся на свои щиты и доспехи, стрелы пронзали с такого расстояния, с которого сделать это, как считалось доселе, было невозможно. Гунны могли стрелять с минимальной точностью, достаточной для того, чтобы поразить хотя бы кого-нибудь в тесном скоплении воинов; при этом гунны могли вести такую стрельбу даже на полном скаку, галопом, вбок или даже с полного разворота. Поэтому они могли спокойно приблизиться к врагам на расстояние убойной силы стрелы, то есть ярдов на сто (= 90 м) или около того, либо ближе, если враги были облачены в тяжёлые доспехи, а затем повернуться и ускакать за пределы досягаемости, чтобы повторять атаки вновь и вновь.

Пехота, вооружённая всего лишь такими видами метательного оружия, как дротики, пращи или простые деревянные луки, находилась в значительно худшем положении; застигнутая на открытой местности, она оставалась практически беззащитной для гуннских стрел.

Римская лёгкая конница находилась в более выгодном положении лишь потому, что легко могла бежать с поля битвы, тогда как тяжёлая конница, приученная к сокрушительной атаке, легко могла рассеять конных лучников-степняков, но не разбить их: ведь у гуннов не было никакого резона стоять насмерть на своём месте под таким натиском. Кроме того, атакующая конница нуждалась в основательных доспехах, чтобы остаться в живых после того как её натиск угаснет, ибо стрелы, выпущенные из хорошо изготовленных составных луков, пробивали наборные доспехи из бляшек и даже цельные латы с пятидесяти ярдов (= 45 м), если не дальше.

Таким образом, у гуннов было несомненное тактическое превосходство в сражениях на открытой местности в сухую погоду, а именно на такой сцене чаще всего и проходили значительные битвы. Но они утрачивали это преимущество в очень влажную погоду, на местности пересечённой, неудобной для лошадей, в густом лесу, защищавшем их от стрел, а также при осадных операциях, технологию которых они освоили лишь впоследствии, при Аттиле; кроме того, им не доставало «логистической стойкости» — особенно в тех случаях, когда им приходилось полагаться на германцев, значительно менее уверенных в своих силах, чем сами гунны. Таким образом, на тактическом уров-

не военная сила гуннов по большей части неизбежно сводилась бы к сражениям в степи, если бы не их способности, проявлявшиеся на более высоком, стратегическом уровне.

ОПЕРАТИВНЫЙ УРОВЕНЬ

Тактическая сила — это краеугольный камень военного искусства, но исход сражений решается на более высоком, оперативном уровне стратегии, где взаимодействуют друг с другом все силы с обеих сторон и когда сугубо тактические достижения могут оказаться мало-значительными.

К примеру, если в лобовом сражении защитники того или иного участка окажутся более стойкими, чем их соратники с обоих флангов, тогда их стойкость повлечёт за собою лишь изоляцию, возможное окружение и пленение, если они упорно не отступают ни на пядь, в то время как их соратники с обоих флангов отходят назад. И напротив, воинское подразделение, храбро сражавшееся и понесшее значительные потери, может получить приказ отступить и оставить только что захваченную территорию, если будет очевидно, что оно образовало уязвимое «щупальце», защищать которое трудно, так как неприятель без труда может отрезать его от основных сил.

Эти примеры взяты из опыта линейных сухопутных сражений наподобие тех, что велись в Первую мировую войну, поскольку их проще всего представить себе наглядно. Однако оперативный уровень стратегии наличествует во всех разновидностях военного дела, причём он может проявляться куда более тонко в отвержении, закреплении или умножении тактических достижений и сил²⁶.

Последнее относится к тактическому превосходству гуннов: оно повышалось на оперативном уровне благодаря их быстрым манёврам, на которые они были способны в силу своей мобильности, значитель-

²⁶ *Edward N. Luttwak. The Operational Level of War (Оперативный уровень войны), International Security 5, no. 3 (Winter 1980—81), pp. 69—79. А также: Strategy: The Logic of War and Peace (Стратегия: логика войны и мира, испр. изд.; Cambridge, Mass.: The Belknap Press of the Harvard University Press, 2001), начиная с p. 112.*

но превышавшей мобильность тогдашней обученной конницы. «Они словно приросли к своим коням», — писал Аммиан Марцеллин²⁷, мысль которого развивает Сидоний:

Только дитя, от груди отлучённое, на ноги встанет —
Тут же на спину его буланому! После не скажешь,
Где человек, а где конь: как будто прирос к вороному
Всадник. Иные верхом на лошади ездят народы,
Этот — живёт²⁸.

На сей раз Сидоний не сбивает нас с толку поэтическими вымыслами: он вполне точно описывает искусство верховой езды степняков, таких как монгольские и тувинские всадники, которым мы можем подивиться ещё и сегодня. В целом они порождены культурой, в центре которой стоял конь, а в частности — той практикой, о которой повествует Сидоний: дети начинают ездить верхом, едва научившись ходить, задолго до того как они смогут сами вскарабкаться на своих низкорослых лошадок.

В современных монгольских скачках на ежегодном празднике «Эрийн гурван наадам» («Три игры мужей») могут участвовать до 1000 лошадей, причём всадникам зачастую не исполнилось ещё и тринадцати лет; мало того, большинство из них ещё младше: минимальный возраст составляет пять лет. А ведь это скачки лошадей-двухлеток на дистанцию более 16 километров, а семилеток — более чем на 30 километров! Это действительно длинная дистанция, особенно если учесть, что никакой специально подготовленной скаковой дорожки нет, а есть только травянистая степь, не особенно ровная, притом испещрённая норами грызунов.

Что же касается современных свидетельств о стрельбе из лука верхом, в противовес просто верховой езде, то конные лучники во время состязаний ябусамэ, о которых говорилось выше, скачут галопом по дорожке длиной в 255 метров на высокой скорости, управляя лошастью

²⁷ Verum equis prope affixi: Римская история, XXXI. 2. 6; рус. пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни, цит. по: Марцеллин/Кулаковский-Сонни, с. 492; англ. пер.: Ammianus-Rolfe, p. 383.

...Vix matre carens ut constitit infans, / Mox praebebat dorsum sonipes; cognata reare / Membra viris, ita semper equo ceu fixus adhaeret / Rector. Cornipedum tergo gens altera fertur, / Haec habitat (Панегирик в честь Анфемия, 262—266: PL 58. 649B-C); рус. пер. А. Н. Ковалёв; англ. пер.: Anderson, p. 31.

только шенкелями, обеими же руками они натягивают луки, заводя тетиву за самое ухо, прежде чем спустить её.

На коротких дистанциях современные западные жокеи на чистокровных лошадях легко обойдут степняков, но посадка последних несравненно надёжнее, что позволяет им, едучи верхом, сделать куда больше, чем просто скакать. Я сам был свидетелем того, как монгольские всадники на полном галопе очень точно стреляли из не вполне уместного здесь автомата АК-47 вперёд, вбок и с разворотом назад, точно так же как некогда делали их предки, стреляя из лука. Всадник просто поворачивался, чтобы прицелиться, словно сидел на вращающемся кресле, не испытывая ни малейшего неудобства и не теряя равновесия.

Для боя важнее всего то, что единство всадника и коня даёт им возможность скакать во время рукопашной схватки, как они делают при преследовании необъезженных лошадей, которых ловят укрюком (урга: шест с верёвочной петлёй на конце). Всадники и кони настолько доверяют друг другу, что нет никакой угрозы столкновений со смертельным исходом, чего так боятся западные жокеи.

То же самое искусство верховой езды можно смело приписать и гуннам, чью «чрезвычайную быстроту» передвижений впервые отметил Аммиан Марцеллин, указавший также на следствие этой особенности на оперативном уровне — благодаря ей гунны могли совершать манёвры с исключительной скоростью:

В бой они бросаются, построившись клином [cuneatim]... Лёгкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство²⁹.

Итак, план их действий невозможно было «прочитать» по их боевому построению. В более позднем руководстве по военному делу, «Стратегиконе» (Книга XI, 2), содержалось предупреждение о том, что при войне со степными народами самое главное — выслать разведчиков, чтобы они разыскивали их формирования, так как совершенно невозможно было сказать, насколько глубоко зашли степняки и какова их действительная численность.

²⁹ Римская история, XXXI. 2. 8; рус. пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни, цит. по: *Марцеллин/Кулаковский-Сонни*, с. 492; англ. пер.: *Ammianus-Rolfe*, p. 385.

Оперативные методы гуннов, описанные Аммианом Марцеллином, сводятся к плавной последовательности неожиданных действий: отряды воинов быстро передвигались, оказываясь то в пределах досягаемости, то вне них, чтобы то выпустить с безопасного расстояния град стрел, способных тем не менее пробить панцири и другие лёгкие доспехи, то броситься в ближний бой, если подразделения врага оказались разомкнуты. В битвах античной эпохи побеждённые могли, как правило, бежать с поля боя без опасности для жизни, поскольку они способны были опередить любую вооружённую пехоту, побросав свои щиты. Это мать спартанца могла сказать своему сыну: «Возвращайся со щитом или на щите», но у Архилоха был на этот случай более практичный совет:

Щит, украшение брани, я кинул в кустах поневоле,
И для фракийца теперь служит утехой он;
Я же от смерти бежал... Мой щит, я с тобою прощаюсь!
Скоро, не хуже тебя, новый я щит получу.³⁰

Случалось и так, что победоносная конница преследовала бегущих врагов и крошила их на куски, но не в том случае, если кони противника были столь же хороши. Кроме того, притворное бегство с поля боя с целью заманить врага в заранее подготовленные засады было столь обычной тактикой конницы, что ни один благоразумный военачальник не допустил бы прямого преследования. Как мы увидим далее, византийские руководства по военному делу советовали соблюдать предельную осторожность при преследовании отступающей конницы, особенно на пересечённой местности. Но гуннские всадники, как отметил Аммиан Марцеллин, были вооружены легко: у них не было ни металлических доспехов, ни тяжёлых копий, поэтому они могли догнать и конницу, и пехоту, пустившуюся в бегство; кроме того, благодаря их подвижности им были не так страшны засады. Если рядом не было густого леса, скалистых возвышенностей или города с прочными стенами, то смерть или рабство ждали тех, кого гунны побеждали. В частности, именно поэтому Аммиан Марцеллин и писал: «Они заслуживают того, чтобы признать их отменными (*acerrimos*) воителями».

³⁰ Рус. пер. В. В. Вересаева; англ. «прелестно вольный» пер. Н. D. F. Kitto фрагмента 6 D 5W: *The Greeks* (Греки; Harmondsworth: Penguin books, 1951), p. 88.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Результаты, достигнутые на оперативном уровне, также носят предварительный характер, поскольку победа или поражение в бою могут быть сведены к нулю, закреплены или многократно усилены из-за всей совокупности географического контекста. Например, сражения, выигранные на незначительной по размеру территории, имеют больше шансов оказаться решающими, чем те же битвы, но выигранные на границе обширного театра военных действий, в пределах которого побеждённые могут отступить вглубь, возвратиться на собственные земли, чтобы перегруппироваться, пополнить ряды за счёт новобранцев, обновить припасы, набраться сил и, наконец, перейти в контрнаступление. В этом и заключается основная причина того, почему уже в современную эпоху немецкий вермахт гораздо больше преуспел в покорении маленькой Бельгии, нежели огромной России, и почему самое глубокое вторжение Сасанидской Персии на территорию Византийской империи, когда в 626 г. персы дошли до берега напротив Константинополя, было в конце концов отражено, что положило конец и самой Сасанидской империи. Между тем, если бы Сасаниды удовлетворились более узкой полосой византийской Сирии, они, возможно, выиграли бы эту войну.

Географические расстояния, которые к тому же усугубляются за счёт естественных препятствий, отсутствия необходимых припасов (начиная с воды) или, напротив, «укорачиваются» за счёт хороших дорог и мостов, а также достаточного количества припасов по пути, создают «стратегическую глубину», защищающую тех, кто подвергся вторжению, — в той мере, в какой эта глубина не преодолевается благодаря мобильности людей, телег и грузовых повозок³¹.

Очень высокие скорости достигались при идеальных условиях. Располагая свежими лошадьми, а также при благоприятных погодных условиях и на легкопроходимой местности с хорошими дорогами византийская государственная почта доставляла сообщения со скоростью,

³¹ См. незаменимую книгу: *John Haldon. Warfare, State and Society in the Byzantine World 565—1204* (Военное дело, государство и общество в византийском мире в 565—1204 гг.; London: UCL Press, 1999), в дальнейшем *Haldon 1999*, pp. 163—165. О повозках см.: ODB, Vol. I, pp. 383—384, s.v. “Carts”.

достигавшей 240 римских миль, то есть 226 сухопутных уставных миль, или 360 километров в сутки³². Это почти в десять раз быстрее, чем скорость передвижения тогдашней армии и даже конных подразделений, поскольку они тоже не могли долго оставаться активными без запасов продовольствия, без палаток, без инструментов, без запасных стрел и сменной одежды. Всё это нужно было перевозить в лучшем случае на вьючных лошадях, но, как правило, перевозилось это на телегах или даже в повозках, запряжённых медлительными волами.

Согласно проведённым расчётам, вьючные мулы и лошади могут двигаться со средней скоростью около 3,5 мили, то есть 5,2 километра в час, если они идут очень правильными колоннами по легкопроходимой местности. Но вьючная лошадь или мул в состоянии нести груз лишь в 152 фунта, то есть в 69 кг, а один вол, запряжённый в повозку, может везти 400 фунтов (181 кг); в повозку же, запряжённую четвёркой волов, можно загрузить одну тонну (короткую), равную 2000 фунтов (907 кг)³³.

Десять таких повозок могли заменить собою 130 вьючных лошадей. Это важное замечание, поскольку вьючными лошадьми и даже мулами трудно управлять, когда они собраны в больших количествах, а их потребность в надёжных пастбищах, в фураже и воде вполне может стать препятствием в ходе проведения военной кампании. Волам тоже нужна пища и вода, но они не забредают далеко от стоянки, их не нужно стреноживать, и в присмотре они не нуждаются. Запряжённые волами фургоны обычно были необходимы крупным военным силам, передвигающимся со своими припасами для проведения серьёзной кампании. Однако волы передвигаются значительно медленнее, их максимальная скорость при лучших условиях состав-

³² Прокопий. Тайная история, XXX. 4—7. Текст и англ. перевод: Н.В. Dewing, *Procopius*, Loeb Classics (Cambridge: Harvard University Press, 1969).

³³ Краткое изложение по книге: *Adrian Keith Goldsworthy. The Roman Army at War 100 BC — AD 200* [Римское войско на войне в 100 г. до н.э. — 200 г. н.э.] (Oxford: Clarendon Press, 1996), р. 293, включая табл. 5. Более подробно см.: *John F. Haldon. The organization and support of an expeditionary force: manpower and logistics in the middle Byzantine period* [Организация и поддержка экспедиционных сил: людские силы и логистика в средне-византийский период], в книге: *John F. Haldon (ред.). Byzantine Warfare* [Военное дело в Византии] (Aldershot: Ashgate, 2007), в дальнейшем Haldon 2007, начиная с р. 422; и его же: *Introduction: Why model logistical systems?* [Зачем моделировать системы логистики?], в сборнике: *John F. Haldon (ред.). General Issues in the Study of Medieval Logistics: Sources, Problems, Methodologies* [Общие вопросы в изучении средневековой логистики: источники, проблемы, методологии] (Leiden: Brill, 2005), начиная с р. 6.

ляет две с половиной мили (четыре километра) в час, и они не пройдут за день более 20 миль (32 км), так как им нужно минимум восемь часов пастись и ещё восемь часов, чтобы пережёвывать жвачку и отдыхать³⁴. Эти цифры достаточно приблизительны, так как волы, мулы и особенно лошади не могут служить долго, если их используют в полную силу. Поэтому византийские экспедиционные силы, имевшие более существенное значение, чем разведывательные отряды лёгкой конницы, у которых были сменные лошади, едва ли могли преодолеть более пятнадцати миль (24 километра) в день по ровной местности и приличным дорогам³⁵.

В этом контексте можно заметить, что от обозов немецкой армии времён Второй мировой войны, когда они передвигались без каких-либо препон и не по железной дороге, ожидалась примерно та же скорость, то есть 15 миль (24 километра) в сутки, хотя более вероятно, что они проделывали всего 12 миль (19 километров). Немцы тоже в основном полагались на конную тягу, несмотря на сногшибательную моторизацию в пропагандистской кинохронике; но их повозки были на резиновом ходу и запряжены парой лошадей, а не волов, что позволяло им достигать скорости в двадцать миль (тридцать два километра) в сутки по хорошим дорогам, на ровной местности, в благоприятную погоду, с хорошо обученными и здоровыми лошадьми — но лишь в один день, за которым должен был следовать день отдыха³⁶.

Гунны обладали значительно большим преимуществом в подвижности сравнительно со своими более оседлыми противниками, чем сухопутные силы Вермахта. Хотя у них тоже были повозки на конном ходу для своих семей и пожитков (см. вычурное описание у Аммиана Марцеллина: XXXI, 2. 10), причём такого преимущества, как резиновые шины, они были лишены, их военные силы, как и военные силы других степных культур, основанных на коневодстве, даже на значи-

³⁴ *Donald R. Morris*. *The Washing of the Spears* (Мытьё копий; London, Jonathan Cape, 1966), pp. 312—313, с собранными в Южной Африке данными о повозках, запряжённых быками (данные Goldsworthy относятся к Индии); личный опыт в тропической Боливии (www.amazonranch.org) подтверждает данные Morris'a.

³⁵ *Haldon* 1999, p. 164.

³⁶ War Department: "Handbook on German Military Forces" 15 March 1945 (Военный департамент: «Пособие по германским вооружённым силам» от 15 марта 1945 г.; перепечатка: Baton Rouge: Louisiana State university press, 1990), p. 297.

тельных пространствах передвигались со скоростью верховой лошади, а не телег или повозок, то есть до пятидесяти миль (восемидесяти километров) в день при благоприятных условиях — проще говоря, вдвое быстрее, чем наивысшая скорость передвижения византийских войск на театре военных действий. Иными словами, экспедиционные корпуса гуннов двигались примерно с той же скоростью, что и максимальная скорость патрулей лёгкой византийской конницы.

Даже выносливые монгольские лошадки не могут выдерживать такие скорости, неся на себе воина-всадника, его оружие, оснащение и припасы, — но им и не приходилось этого делать. Если гунны походили на своих преемников-степняков, что подтверждается всеми свидетельствами и чему ничто не противоречит, то они тоже ездили «с огромными табунами»³⁷ в отличие от обычных конников, располагающих единственным конём (в лучшем случае ещё одним, запасным).

Часто меняя лошадей задолго до того, как те успеют устать, распределяя поклажу лёгкими порциями на нескольких лошадей, а то и на дюжину или даже больше, всегда оставляя ещё предположительно двух запасных лошадей без всякого груза, многочисленные орды гуннов могли двигаться по удобопроходимой местности со скоростью в тридцать, сорок, а то и пятьдесят миль в день в течение нескольких дней подряд.

Вследствие этого их преимущества на уровне стратегии театра военных действий были огромны. Гунны могли добраться до отдалённой точки, стремительно атаковать, чтобы разбить силы противника или произвести грабёж, и отступить, не опасаясь реакции противника, какой бы она ни была. Такова вполне обычная тактика любого рейда, включая те, которые впоследствии стали привычными для византийцев и даже составили предмет одного из военных руководств³⁸.

Действительно, рейды существуют, должно быть, столько же, сколько и само военное дело. Но в любом случае для того, чтобы обладать относительным преимуществом в скорости действия/противодействия (что является обязательным условием успеха рейда), силы, участвующие в такой операции, должны быть невелики, а кроме того, либо быть лёгкими на подъём, либо располагать превосходящими средствами передвижения, которых у противника нет, либо же добиваться полной стратегической неожиданности, как это произошло в случае широкомасштабно-

³⁷ Стратегикон (Псевдо-)Маврикия (см. ниже, часть III), XII. 2. 9.

³⁸ О стычках (De Velitatione): см. ниже, часть III.

го набега ладей Киевской Руси на Константинополь в 860 г., когда мало кто знал об этом совсем новом государстве, а о тактике викингов и вовсе ничего не было известно. Впрочем, если оставить в стороне столь редкие исключения, рейды будут совершаться и будут достигать успеха, но они не могут причинить слишком уж большого вреда, потому что участвующие в них силы должны быть невелики в сравнении с полной военной мощью любой из сторон: выражаясь современным языком, это отряды коммандос в противоположность целым бригадам или дивизиям.

Однако это отнюдь не верно относительно гуннов и других конных лучников-степняков. Их конные войска обладали преимуществом в скорости 2 к 1, поскольку в них на одного человека приходилось несколько лошадей; поэтому они могли совершать рейд целыми армиями и достигать соответствующих результатов, причём не только в количественном, но и в качественном смысле; рейд мог обернуться чем-то совершенно иным: не набегом, а настоящим вторжением.

Количество могло перейти в качество, потому что преимущество в скорости было столь велико, что могло перевесить все недостатки на более низком уровне: как тактическом, так и оперативном. Например, сила конных лучников почти бесполезна в густом лесу, так что противник вполне может защищаться на пограничной полосе, выбранной с таким расчётом, чтобы в неё входило как можно больше лесистых участков. Но на это требуется время, а гунны, передвигаясь быстро, могли объявиться со своими силами, прежде чем противник развернёт свои войска по лесистой пограничной полосе, и настичь противника, когда тот ещё передвигается по более открытой местности, где нет защиты от гуннских стрел.

То же верно и в отношении другой значительной тактической слабости гуннов — их незнакомства с технологией ведения осады, которое длилось вплоть до последних лет правления Аттілы, когда в его лагере появились предатели-римляне, научившие гуннов строить «градоборы», то есть передвижные осадные башни с площадками для воинов, большие тараны и стенобитные орудия, защищённые лестницы и прочие «осадные машины и всякого рода метательные орудия»³⁹. Но даже

³⁹ Иордан. Гетика, XLII. 221, p. 113: осада Аквилеи в 452 г.; рус. пер. Е. Ч. Скржинской; цит. по: Иордан/Скржинская, http://www.alanica.ru/library/Iordan/iordan.htm#ТОС_id2650810. Особые машины при осаде Наисса (совр. Ниш в Сербии) в 447 г.; Приск Панийский, 6. 2, в: R. C. Blockley. The Fragmentary Classicizing Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus (Частично классицизирующие историки поздней Римской империи. Евнапий, Олимпиодор, Приск и Малх; Vol. II, текст,

после этого они остались относительно неумелыми в деле осады городов, хотя бы уже потому, что у них не было продовольственных обозов, необходимых для пропитания их многочисленных союзников.

Если город, обнесённый стеной, был должным образом подготовлен к тому, чтобы сопротивляться блокаде, и в нём хватало запасов пищи и воды, накопленных на случай долгой осады, а стены и башни были надлежащим образом укомплектованы вооружёнными людьми по всему периметру, то конные лучники оказывались в невыгодном положении. Если же у них были римляне-предатели, умевшие проводить подкопы и строить осадные орудия, то офицеры, посланные для усиления гарнизона, должны были знать, как вести встречный подкоп и как нападать на осадные орудия.

Но это опять-таки требует времени, обычно недель, если не месяцев, а ведь это время легко могло свести на нет скорое появление гуннов ещё до того, как приготовления будут должным образом закончены. Именно так в 442—447 гг. гунны завоевали все основные укреплённые города, составлявшие главную ось римской защитной линии на Балканах. Она начиналась от окрестностей Константинополя во Фракии и шла вплоть до самого Сирмия (ныне Сремска-Митровица в Воеводине, Сербия), что по прямой составляет 600 километров. Линия шла через Сердику (ныне София), Наисс (сейчас Ниш, Сербия), Виминаций (Костолац), Марг (возле нынешней Дубравицы в Сербии), Сингидун (Белград). Наисс и Сердика были захвачены последними из этих городов вместе с Ратиарией на Дунае (возле Видина в Болгарии) в качестве прелюдии к рейдам во Фракию, на подходах к Константинополю⁴⁰.

В иной перспективе роль чистой скорости как причины главного стратегического преимущества гуннов предстаёт из письма, написанного в 395 г. наблюдателем — современником этих событий, Евсевием Иеронимом, который теперь более известен как св. Иероним Стридонский. Из своей отшельнической кельи в Вифлееме он никогда не видел ни одного вооружённого гунна, но сообщает, что у него были

перевод и историографические примечания»; Liverpool: Liverpool University Press, 1983), в дальнейшем Blockley, Vol. II, pp. 230—233.

⁴⁰ О спорной хронологии см.: *Constantine Zuckerman. L'Empire d'Orient et les Huns* (Восточная империя и гунны), ТМ, No. 12 (1994), pp. 165—168. Но Менхен-Хельфен (Maenchen-Helfen) остаётся при своём убеждении (начиная с р. 108), относя эти свидетельства к череде завоевательных походов с 441 по 447 г.; почти полностью это мнение поддерживает Blockley. Vol. I, p. 168, n. 48.

информаторы. Кроме того, Иероним обладал чарующим слогом, как и приличествует человеку, который сделал карьеру, убеждая состоятельных римских дам финансировать его альтруистические и, безусловно, святые проекты:

Когда мы подыскивали жильё, достойное такой женщины [Фабиолы, бывшей из Рима, очень богатой, разведённой, вышедшей замуж снова и творящей покаяние за этот грех, оставаясь с Иеронимом], <...> вдруг распространяются вести о том, что весь Восток [Oriens totus] затрепетал: с дальней Меотиды [Азовское море], что лежит между ледяным Танаисом [Доном, но такая точность, пожалуй, чрезмерна] и свирепыми народами Массагетов, где врата Александра [«Каспийские ворота», то есть нынешний Дербент в Дагестане; или же Дарьяльское ущелье на границе России и Грузии] скалами сдерживают дикие племена, хлынули полчища гуннов.

География здесь, конечно, сомнительная, но следующие далее стратегические наблюдения весьма проницательны:

Летая то туда, то сюда на своих конях, несущих погибель, они всё за-полонили сколько кровопролитием, столько же и ужасом... Везде они появлялись внезапно и опережали молву о себе за счёт скорости [тем самым по-прежнему добиваясь стратегической внезапности, даже после своих атак]... Общее мнение таково, что они направляются в Иерусалим... Стены, пребывавшие в небрежении в беззаботные дни мира, стали укреплять. Антиохия [ныне Антакия в Турции] подверглась осаде. Жители Тира [ныне Сур в Ливане], желая отделиться от суши, устремились на древний остров [в крепость]. Тогда и мы вынуждены были снаряжать суда, <...> опасаясь нашествия врагов; и, хотя ветры буйствуют, мы больше боимся варваров, чем кораблекрушения, заботясь не столько о собственном спасении, сколько о чистоте дев⁴¹.

Гунны страшно беспокоили св. Иеронима. Вторжение было вполне возможно: ведь в 399 г. они прошли через Кавказ и совершили рейды в Армению, Месопотамию и Сирию, а также в Анатолию, вплоть до Га-

⁴¹ Письмо LXXVII, 8 (к Океану, о смерти Фабиолы): PL 22. 0695—0696; рус. пер. А. Н. Коваля; англ. пер.: F. A. Wright. *Selected Letters of St. Jerome* (Избранные письма св. Иеронима; Cambridge: Harvard University Press, 1954), pp. 328—331.

латии, и лишь после этого откатились назад с добычей, пленными и добровольными приспешниками⁴². Но дело в том, что, даже если бы в этом регионе были мощные римские полевые силы (а это было невозможно после огромных потерь в живой силе под Адрианополем в 378 г., равно как и после дальнейших бедствий), — задержать гуннов было бы всё равно невозможно. Они перемещались в различных направлениях слишком быстро («Летая то туда, то сюда на своих конях, несущих погибель», как писал св. Иероним).

Можно ясно представить себе, как могли бы развиваться события в идеальных обстоятельствах: гунны обнаружены своевременно, они двигаются в определенном направлении; имперские вестники на предельной скорости мчатся предупредить римские командные посты, опережая гуннов. Но в рейде участвует совсем не мало, а очень много воинов; поэтому, дабы избежать разгрома, следует собрать изрядные силы, чтобы преградить их предполагаемый путь. Но за каждый день, необходимый для этого, гунны могут пройти тридцать, а то и более миль... (обозы, гружённые добычей, отправлены обратно отдельно) <...> тогда как римляне делают не более двадцати...

Конечно, в этом особом случае возможно было гораздо лучшее решение. В одном сирийском источнике говорится, что гунны шли рейдом также вниз по Евфрату и Тигру, очевидно, не осознавая, что они приближаются к неприступной крепости с мощным гарнизоном, к «Царскому городу персов» (Ктесифон, примерно в 35 километрах к югу от Багдада):

«Персы погнались за ними и перебили весь отряд. Они забрали всю их добычу и освободили восемнадцать тысяч пленных»⁴³.

Решение состояло не в том, чтобы поступать так же: ведь персы настигли эту банду только потому, что она была слишком тяжело нагружена добычей и пленными; кроме того, гунны и сами облегчили им задачу, оказавшись слишком близко от главной части войска персов.

Решение было скорее иным: римлянам и персам нужно было прекратить свои распри или хотя бы временно отложить их, чтобы совместно расположить гарнизоны и перекрыть всего два прохода через Кавказские горы, в которых есть хорошие пастбища и где могут пройти большие табуны лошадей: Дарьяльское ущелье на границе современ-

⁴² *Maenchen-Helfen*, pp. 57—58.

⁴³ Из «Книги халифов» (*Liber Chalifarum*; сам я оригинала не видел) цитируется по *Maenchen-Helfen*, p. 58.

ных России и Грузии, а также «Каспийские ворота» близ Дербента в нынешнем Дагестане, представляющие собою узкую полосу побережья между горами и Каспийским морем. Вместе пострадав, обе державы так и поступили, заключив «пятидесятилетний» мир.

Таковыми вот преимуществами на тактическом и оперативном уровнях, а также на стратегическом уровне театра военных действий, обладали гунны — первые степные конные лучники, достигшие Запада. У них было много последователей: это авары и их злейшие враги из первой степной тюркской империи, или каганата; булгары и хазары, отделившиеся друг от друга, чтобы основать собственные каганаты; мадьяры, печенеги, куманы и, наконец, монголы. Но у гуннов было неоценимое превосходство: неожиданность, причём не только стратегическая; неожиданность, так сказать, культурная, поскольку именно гунны стали первыми из схожих с ними кочевников, кто достиг Запада.

ПРОЦЕССЫ И ЛИЧНОСТЬ: АТТИЛА

Несмотря на всю свою силу, гунны представляли угрозу выживанию Восточной империи лишь до тех пор, пока ими правил Аттила (ок. 433—453 гг.), а после его смерти они опустились до уровня бродяжьи-их ватаг, грабителей и отчасти купцов. Объединив под своим началом разрозненные кланы гуннов и всех других, кто присоединился к ним добровольно или поневоле, Аттила придал элемент массовости их великолепным индивидуальным воинским способностям. Кроме того, он придал чёткое стратегическое направление их тактическим, оперативным и стратегическим преимуществам.

Правда, и под главенством Аттилы гунны оставались скорее участниками набегов, нежели завоевателями, но их набеги принимали такой размах, что могли представлять опасность для империи.

Возвышение Аттилы ясно описано у Иордана (и/или у Кассиодора, труд которого был основным источником Иордана):

Этот самый Аттила был рождён от Мундзука, которому приходились братьями Октар и Роас; как рассказывают, они держали власть до Аттилы,

хотя и не над всеми теми землями, которыми владел он. После их смерти Аттила наследовал им в гуннском королевстве вместе с братом Бледою. Чтобы перед походом, который он готовил, быть равным [противнику], он ищет приращения [династических] сил своих путём братоубийства и, таким образом, влечёт через истребление своих к всеобщему междоусобию. <...> После того как был коварно умерщвлён [в 445 г.] брат его Бледа, повелевавший значительной частью гуннов, Аттила соединил под своей властью все племя целиком и, собрав множество других племён, которые он держал тогда в своем подчинении, задумал покорить первенствующие народы мира — римлян и везегов⁴⁴.

Аттила объединил кланы гуннов под своей непререкаемой властью, применив несколько искусных приёмов, а именно: династическую легитимность (или по меньшей мере принадлежность к почтенной линии родства, поскольку гунны не были особенно привержены династическому принципу); равное и справедливое распределение доходов и военной добычи; и наконец, ту тщательно выстроенную манеру поведения, которую называют харизматическим лидерством. Из рассказа очевидца, дипломата и историка Приска Панийского, который участвовал в византийском посольстве, отправленном для заключения договора с Аттилой в 449 г., видно, что Аттила пользовался особыми приёмами, призванными повысить его авторитет. Приёмы эти уже тогда устарели, но тем не менее оставались действенными; в сущности, такими же приёмами пользовались не так давно и другие «великие исторические фигуры». Обед только что начался:

Когда всё было приведено в порядок, пришёл виночерпий и подал Аттиле кубок вина. Приняв его, он приветствовал первого по порядку [здесь налицо порядок, определяемый статусом, а отсюда и состязание в статусе, рассудить которое мог один лишь Аттила]; удостоенный чести приветствия встал с места; садиться следовало лишь после того, как, пригубив кубок или выпив, Аттила отдавал его виночерпию.

⁴⁴ Иордан. Гетика, XXXV. 180—182 (рус. пер. Е. Ч. Скржинской; цит. по: Иордан/Скржинская). «Визиготами», т. е. вестготами, назвал бывших тервингов (или весиев) Кассиодор, чтобы получилась удобная пара к остроготам, т. е. остготам. Англ. пер., pp. 101—102, содержит некоторые вольности (“domain” вместо “tribes” и т. п.).

Это была выпивка под наблюдением — как на круговых застольях у Сталина, когда он поддерживал равновесие сил среди членов своего двора, чередуя почёт и унижение.

Первым вошёл слуга Аттилы с блюдом, наполненным мясом, а за ним служившие гостям поставили на столы хлеб и закуски. Для прочих варваров [т. е. для военачальников гуннов] и для нас были приготовлены роскошные кушанья, сервированные на круглых серебряных блюдах, а Аттиле не подавалось ничего, кроме мяса на деревянной тарелке. И во всём прочем он выказывал умеренность: так, например, гостям подавались чаши золотые и серебряные, а его кубок был деревянный. Одежда его также была скромна и ничем не отличалась от других, кроме чистоты; ни висевший у него сбоку меч, ни перевязи варварской обуви, ни узда его коня не были украшены, как у других скифов [т. е. гуннских военачальников], золотом, камнями или чем-либо другим ценным⁴⁵.

Это напоминает нам Адольфа Гитлера, который ел суп и овощи и при этом был одет в простую коричневую форму, в то время как все окружавшие его генералы и фельдмаршалы блистали орденами и медалями, которые он сам им раздал. Однако нужна не только скромность: перед народом лидера нужно почтить какой-либо церемонией:

При въезде в эту деревню Аттилу встретили девицы, шедшие рядами под тонкими белыми и очень длинными покрывалами; под каждым покрывалом, поддерживаемым руками шедших с обеих сторон женщин, находилось по семи и более девиц, певших скифские [т. е. гуннские] песни; таких рядов женщин под покрывалами было очень много⁴⁶.

Это сильно отличается от грохочущих барабанов, огромных знамен и пылающих факелов на Нюрнбергских съездах: у гуннов был свой язык знаков для выражения силы и величия, восходящий ско-

⁴⁵ Excerpta de Legationibus Romanorum ad gentes (Выдержки о посольствах римлян к народам), 3, строки 40—65; рус. пер. В. В. Латышева; цит. по: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prisc/frametext.htm>; англ. пер.: Blockley. Vol. II, pp. 284—285.

⁴⁶ Excerpta de Legationibus Romanorum ad gentes (Выдержки о посольствах римлян к народам), 3, строки 373—378; рус. пер. В. В. Латышева, цит. по: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prisc/frametext.htm>; англ. пер.: Blockley. Vol. II, pp. 264—265.

рее к шаманским обрядам, чем к военным парадам или к вагнеровской опере. Уже в наше время северокорейского лидера Ким Ир Сена, который номинально был коммунистом, но сам сделал себя верховным шаманом культа собственной личности, на общественных торжествах приветствовали стройные ряды юных девушек, пылко распевавших ему хвалы.

Но лидеры — тоже люди, принадлежащие к народу или по крайней мере к некой группе людей. Их жёны могут демонстрировать близость к власти, в то же время оставаясь на собственном уровне, и таким образом создавать мостик между простым народом и великим человеком:

Когда Аттила приблизился к дому Онегесия, мимо которого пролегла дорога к дворцу, навстречу ему вышла жена Онегесия с толпой слуг, из коих одни несли кушанья, другие — вино... Желая доставить удовольствие жене своего любимца, Аттила поел, сидя на коне, причём следовавшие за ним варвары приподняли блюдо (оно было серебряное)⁴⁷.

Каковы бы ни были причины тому — легитимность, справедливое распределение добычи, харизматические ухватки, устрашение, — но власть Аттилы над гуннами позволила ему объединить их всех под своим началом, а потом, в свою очередь, привести в повиновение ала-нов, равно как и все германские племена, подпавшие под его власть: гепидов, герулов, грейтунгов или остготов, ругов, скиров и свевов; все эти воинственные германские народы, которых страшились римляне, стали послушными подданными Аттилы. Их сельское хозяйство помогало кормить гуннов, которые оставались кочевниками-коневодами, чурающимися земледелия, а их воины следовали за Аттилой в его походах, подкрепляя своей немалой численностью особое военное искусство гуннов.

Наконец, к военной силе гуннов Аттила добавил своё изрядное умение управлять государством. Конечно, он полагался на насилие, но при этом тщательно его контролировал. Вместо того чтобы сразу пускать в ход свои войска, он обычно начинал с применения силы в малых дозах: с сокрушительных, но кратких атак, целью которых было не захва-

⁴⁷ Там же, строки 378—385; рус. пер. В. В. Латышева, цит. по: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prisc/frametext.htm>; англ. пер.: Blockley. Vol. II, pp. 265—267. Об имени «Онегесий/Онигисий» (Hunigasius, Hunigis?) см.: *Maenchen-Helfen*, pp. 388—389.

тить территорию и даже не измотать врага, но подготовить базу для принуждения и вымогательства. Как мы увидим далее, он предпринял всего одну крупную и дорогостоящую кампанию в 451 году, за два года до своей смерти, но это было редчайшим исключением: обычно ему удавалось получить желаемое, всего лишь угрожая насилием и не испытывая необходимости вовлекать свои войска в широкомасштабные военные действия.

В самом разительном противоречии с тем образом воина-дикаря, каким Атилла предстаёт и в исландских сагах, и в современном им народном воображении, он твёрдо верил в силу переговоров. Он часто требовал, чтобы в его ставку направили послов, и сам часто направлял послов в Константинополь и Равенну, где тогда находилась столица того, что осталось от Западной империи. Между тем один современный историк назвал его дипломатом-«растяпой» и составил список его ошибок⁴⁸.

Может быть, оно и так, но для царя-кочевника одновременно вести принуждающие переговоры с обеими Римскими империями, в то же время обсуждая со своими придворными советниками вопрос о походе на персидскую Сасанидскую империю через далёкие Кавказские горы, — это значило по меньшей мере выступать «растяпой» в таких внушительных масштабах, что ничего подобного не было видано доселе, ничего подобного не было видано и впоследствии, до тех пор пока монголы не превзошли его значительно, властвуя над Россией и в то же время на деле управляя Китаем. В одном весьма интересном пассаже Приск Панийский, византийский интеллектуал, входивший в состав восточного посольства, внимательно выслушивает мнения опытного посла, возглавлявшего делегацию Западной империи (заметим, что в то время переговоры обеих делегаций шли не слишком удачно):

Пока мы удивлялись безумию варвара [т. е. непомерным притязаниям Атилы], посол Ромул, человек опытный во многих делах, прервав наши речи, сказал, что величайшее счастье Атилы и происходящее от счастья могущество слишком возвышают его самонадеянность, так что он не терпит справедливых речей, если не признает их выгодными для себя. Никогда никому из прежних владык Скифии [т. е. степных пространств] или даже других стран не удавалось столько совершить в короткое время, чтобы владеть и островами на океане [т. е. в Балтийском море], и, сверх всей Скифии, даже римлян

⁴⁸ *Thompson*, p. 226.

иметь своими данниками. Стремясь достигнуть еще большего сверх существующего и увеличить свои владения, он желает двинуться даже в Персию⁴⁹.

Намеренно смешивая и путая силу и договорённости, Атилла обычно предлагал мирные переговоры сразу после своего вторжения. Это также было одним из способов разделить его врагов, потому что в любом случае военная партия как в Константинополе, так и в Равенне лишалась возможности заявить о полномасштабной войне без какой-либо альтернативы.

Кроме того, частью его метода было оправдание своих требований с помощью доводов законных — или по крайней мере законнических. Когда Приск был в ставке Атиллы в 449 г., тот потребовал от Западной Римской империи набор золотых кубков, отданных в залог неким перебежчиком; эти кубки Атилла объявил собственным военным трофеем. А с Восточной Римской империи он требовал возврата некоторого числа отпущенных пленных. Едва ли имело значение то, насколько законны были аргументы Атиллы. Даже простой видимости правдоподобия было вполне достаточно, потому что он собирался не убедить суд в своей правоте, но скорее разрушить единомыслие своих оппонентов. Перед лицом Атиллы у партии мира всегда находился законнический аргумент, сколь бы слабым он ни был: лишь бы принять требования вождя гуннов.

В конце концов Атилла принял правила игры. Будучи сам приверженцем законности, он повёл себя так, будто был связан неписаным законом, который уже тогда обеспечивал неприкосновенность даже в случае крайней провокации, как мы увидим ниже.

Итак, Атилла преобразовал тактические, оперативные и стратегические преимущества своих конных лучников и германских воинов в сочетание массовой и к тому же быстрой стратегической мобильности, что для того времени было совершенно необыкновенно.

Из своей хорошо устроенной ставки, находившейся в неизвестной нам местности где-то в среднем течении Дуная в Венгрии или, скорее, в Банате в нынешней Румынии⁵⁰, он легко мог отправить свои войска

⁴⁹ *Excerpta de legationibus Romanorum ad gentes* (Выдержки о посольствах римлян к народам), 5, строки 585—618; рус. пер. В. В. Латышева; цит. по: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prisc/frametext.htm>; англ. пер.: Blockley. Vol. II, pp. 276—279.

⁵⁰ Это место моего рождения, но его название совпадает с преобладающей интерпретацией Приска, который вспоминает о путешествии «по равнине» и о пересечении

в юго-восточном направлении, во Фракию и на Константинополь, находившийся километрах в восьмистах по прямой, а по реальному маршруту на местности — раза в два дальше. Либо он мог направить их на запад и напасть на Галлию, где сохранившиеся римляне продолжали вести довольно-таки роскошную жизнь, в то время как империя увядала; расстояние до Галлии было еще больше: около 1400 километров по прямой и, вероятно, около двух тысяч по реальному пути на местности. Кроме того, он мог направить войска в юго-западном направлении, в Италию, где оставалось ещё немало богатств, которые могли бы стать добычей; путь туда шёл через северо-восточный проход на Аквилею (близ современного Триеста), причём альпийская преграда, для лошадей весьма неудобная, тогда оставалась в стороне.

Наконец, располагая большими силами, чем гунны в 399 г., он мог бы повторить их куда более долгий, но чрезвычайно выгодный поход, направив войска на восток, через Днепр и Дон, через Кавказ, на Армению и Каппадокию, а затем возвратиться через Киликию до самого Константинополя. Это, безусловно, очень длинный кружной путь, минимум три тысячи километров по реальному маршруту на местности, но такая экспедиция была бы великолепной прелюдией к прямому нападению на Константинополь, она выманила бы из города его защитников. Монголы совершали и более дальние конные походы, а ведь в мобильности они не превосходили гуннов.

Только последнюю из этих возможностей Атиллы не осуществил. В 441—447 гг. Атиллы посылает свои войска через Дунай и захватывает плохо защищённые города-крепости от Сирмия до Сердики, как уже говорилось выше; затем он продолжает углубляться во Фракию вплоть до Аркадиополя (ныне Люле-Бургаз), находящегося в пределах сотни километров от Константинополя; после этого он резко сворачивает на юго-запад, на Каллиполь (Галлиполи, ныне Гелиболу в Турции), стоящий на знаменитом полуострове. Хотя хронология, приводимая Феофаном Исповедником, не слишком надёжна, тем не менее он, самый

«судоходных рек» Дрикона, Тигаса и Тифисаса; у Иордана (XXXIV. 178) они описаны как «весьма полноводные реки, то есть Тисия, Тибисия и Дрикка» (*“ingentia si quidem flumina, id est Tisia Tibisiaque et Dricca”*); см.: Thompson. Приложение F, The Site of Attila's headquarters (Местонахождение ставки Атиллы), pp. 276—277; ср.: Robert Browning. Where Was Attila's Camp? (Где находился лагерь Атиллы?), The Journal of Hellenic Studies, Vol. 73, 1953, pp. 143—145, который помещает лагерь в нижнем течении Дуная, в Валахии; но Blockley (Vol. II, p. 384, n. 43) поддерживает Томпсона.

обстоятельный из всех византийских хронистов, сообщал об этой экспедиции и её результатах следующее:

...Аттила... напал на Фракию; это обстоятельство в особенности побудило Феодосия [II, 408—450 гг.]... отправить Аспара со вверенною ему силою, а с ним Ареобинда и Аргагискла⁵¹, против Аттилы, который покорил уже Ратиарию, Наисс, Филиппополь [Пловдив], Аркадиополь, Констанцию [Констанцу] и множество других городов и, разбивши полководцев римских, захватил бесчисленное множество пленных и добычи. Одержавши такие победы, он раздвинул свое владычество от одного моря до другого, от Понта [Чёрного моря] до Каллиполя [Мраморное море] и Сеста [Эчеабат], покорил себе все города, кроме Адрианополя [Эдирне] и Гераклеи [Эрегли]... Поэтому Феодосий принуждён был отправить посольство к Аттиле, предлагая ему шесть тысяч литр золота, если он удалится, и сверх того обязываясь ежегодно платить тысячу литр, если он заключит с ним мир⁵².

Таковы были итоги соглашения, заключенного в 447 г., ставшие отправной точкой для дипломатических переговоров, в которых участвовал Приск в 449 г.⁵³

Влияние этих событий было очень велико. Даже в очень скудной «Хронике» Марцеллина Комита, писавшего в шестом веке, сообщается:

Война ужасная, ещё страшнее прежней, которую царь Аттила развязал против наших, опустошила почти всю Европу [то есть провинцию Европа], города и крепости были разрушены и разграблены. Жестокий царь Аттила дошёл до самого Термополя [Thermopolin; имеются в виду Фермопилы]. Военачальник Арнегискл [magister militum per Thracias, то есть командующий войсками фракийских провинций, один из местных военачальников при Аспаре], храбро сражавшийся в Дакии Прибрежной

Аспар: Флавий Ардавур Аспар, по происхождению алан, высокопоставленный военачальник (*magister militum*); [Флавий] Ареобинд: будущий военачальник (*magister militum*); Аргагискл = Арнегискл.

⁵² Феофан Исповедник. Хронография. No. 103, AM 5942 (442 г. н. э.), рус. пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского с предисл. О. М. Бодянского, цит. по: Феофан/Оболенский-Терновский; англ. пер.: р. 159.

⁵³ Constantine Zuckerman. L'Empire d'Orient et les Huns (Восточная империя и гунны), ТМ, No. 12 (1994), p. 169 В остальном Цукерман оспаривает хронологию Менхен-Хельфена.

на реке Ут [ныне Вит], уничтожив много врагов [военный отряд гуннов, гружённый добычей], был убит царём Аттилой⁵⁴.

Этот рейд причинил немалый политический и стратегический ущерб. Граждане, и без того обложенные тяжкими налогами, оказались беззащитны. Аттила нанёс огромный ущерб. И только впоследствии, уже слишком поздно, ему заплатили, уверив его, что с разорённых земель будут собраны дополнительные налоги. Выводы для политики были очевидны: либо отказаться платить Аттиле и разбить его в подлинно римском стиле, с помощью масштабной и дорогостоящей экспедиции, либо заплатить ему до того, как он нападёт снова.

Разорительный поход на Запад состоялся в 451 г.⁵⁵ Войска Аттилы опустошили земли современных Германии и Франции, перейдя через Рейн в апреле и собираясь, вероятно, напасть на Вестготское королевство в Тулузе. Эта история переплетается со знаменитым рассказом о притязаниях Аттилы на половину Западной империи, поскольку именно тогда сестра императора Запада Валентиниана III (425—455 гг.), Юста Грата Гонория, предположительно послала ему своё кольцо, стремясь избежать принудительного брака с одним почтенным занудой после скандального эпизода с её слугой Евгением, казнённым за свою наглость. В этой истории есть всё: любовный скандал и вероломная интрига, замышлявшаяся в унылом заточении в Равенне, столице клонящейся к закату империи. Даже самые знаменитые историки не устояли против кажущегося неотразимым обаяния этой истории — отчасти потому, что мать Гонории, Галла Плацидия, о которой сохранилось больше документированных свидетельств, действительно была фигурой значительной; но всё это, увы, следует отбросить как византийскую дворцовую сплетню⁵⁶.

⁵⁴ 15-й индикт, консульство Ардавура и Каллепия (Mommson 447). Рус. пер. А. Н. Ковалёва по изд.: http://www.documentacatholicaomnia.eu/03d/0470-0534,_Marcellinus_Comes,_Chronicon,_LT.pdf; англ. пер. и комм.: Brian Coke. *Byzantina Australiensia* 7 (Sydney: Australian Association for Byzantine studies, 1995), pp. 19 и 89 re 447.5.

⁵⁵ См. обсуждение этого вопроса в книге: *Heather. Fall*, начиная с p. 334.

⁵⁶ Замечательное изложение см.: *J. B. Bury. Justa Grata Honoria* (Юста Грата Гонория). *Journal of Roman Studies*. Vol. 9 (1919), pp. 1—13; решительно обрывает разговор об этом Maenchen-Helfen, p. 130; легковверен Thompson, который слишком много на этом выстраивает, начиная с p. 145; для Heather это всего лишь лакомая придворная сплетня, *Fall*, p. 335.

Зато другая история более последовательна: Атилла отправляется в поход на галлов «с войском, насчитывавшим, как говорили, пятьсот тысяч человек». Наш источник, Иордан, или же его источник, Приск, позаботился вставить словечко «сказывали» (*ferebatur*). Но истинная численность войска была, вероятно, исключительно велика, хоть это было и не войско (*exercitus*) в точном смысле слова, а скорее формирование из множества гуннских, аланских и германских банд. Все они находились под стратегическим управлением Атиллы (вот поэтому они и пришли в Галлию), но под оперативным его командованием были только его собственные военные силы, упомянутые Иорданом.

Это было вызвано не отсутствием субординации, а необходимостью: при такой численности войск некоторые колонны должны были отделяться и объезжать обширные пространства, чтобы обеспечить себя достаточным количеством провианта и фуража. Иордан пишет: «Был он мужем, рождённым на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который... наводил на всё трепет, широко известный повсюду страшным о нём представлением»⁵⁷.

Цель была такова: запугать, причём лучше так, чтобы враг оставил всякую мысль о сопротивлении. Во-первых, так можно было сберечь силы, а во-вторых, любой Атилла предпочтёт получить золото, тщательно упакованное и доставленное ему послами, которые умоляют его отступить, нежели отнимать то же золото по крупицам у удачливых грабителей из числа своих приспешников. Если же это не удавалось и противник не оставлял мысли о сопротивлении, тогда цель заключалась в том, чтобы путём устрашения деморализовать его, дабы тот искал спасения в бегстве, а не стоял на пути. Кажется, Атилле всё же удалось запугать Галлию — или по крайней мере поэта Аполлинария Сидония:

...внезапно нагрянув,
Хлынули в земли твои арктических Варваров рати,
Галлия; Ругу вослед, за коим Гелон поспешает,
Рвётся свирепый Гепид, а Скира таранит Бургундом
Гунн и Бастерн, Беллонот и Невр, и Бруктер, и Тюринг.
Коего земли влажнит затянутый ряскою Неккар,
Выступил Франк. Топором подрубленный, пал ради лодок

Иордан. Гетика, XXXV. 182; рус. пер. Е. Ч. Скржинской, цит. по: Иордан/Скржинская; англ. пер.: p. 102.

Лес Герцинский, и Рейн долблёнками густо покрылся.

Вот и Атила уже со своей наводящею ужас

Конной ордою поля затопил твои, Белг, беспощадно...⁵⁸

Охваченный паникой (хотя, скорее, в целях сугубо поэтических) Сидоний причислил к войску Атилы давно исчезнувших бастарнов, бруктеров, гелонов и невров, а также беллонотов, которых вовсе никогда не существовало.

Вот тогда-то и должна была бы прибыть из Италии мощная армия, чтобы сразиться с Атилой, но римских армий более не существовало. Вместо них прибыл только главнокомандующий войсками (*magister militum*), военачальник Западной империи, Флавий Аэций, который перевалил через Альпы и вошёл в Галлию, «...за собою ведя ненадёжную, малую силу / Из вспомогательных войск, без настоящих бойцов (*sine milite*)».

Так мы впервые встречаемся с Аэцием, чей образ также был сильно романтизирован («Последний из римлян»). Он появляется ранним летом 451 г. с небольшим отрядом плохо обученных воинов, чтобы разбить куда более многочисленного и сильного врага. Одна из его сильных сторон заключалась в том, что он был подлинным знатоком гуннов. В юности Аэций находился в заложниках у гуннов, при дворе Атилы, а впоследствии набрал гуннских наёмников и успешно командовал ими, вследствие чего знал их тактические приёмы и хитрости⁵⁹. И вот теперь Аэций, очевидно, надеется завербовать союзников из числа тех, кто прежде сам вторгся в Галлию и потому хочет предотвратить

...subito cum rupto tumultu / Barbaries totas in te transfuderat arctos, / Gallia; pugnacem Rugum comitante Gelono, / Gepida trux sequitur, Scyrum Burgundio cogit / Chunus, Bellonotus, Neurus, Basterna, Toringus, / Bructerus, ulvosa quem vel Nicer abluit unda / Prorumpit Francus; cecidit cito secta bipenni / Hercinia in lintres, et Rhenum texuit alno. / Et iam terrificis diffuderat Attila turmis / In campos se, Belga, tuos... Сидоний Аполлинарий. Панегирик в честь Авита, 319—330 (PL 58: 687A); рус. пер. А. Н. Ковалёва; англ. пер. W. B. Anderson. Sidonius (Cambridge: Harvard University Press, 1963), Vol. I, pp. 145—147. (Переводчик приносит сердечную благодарность Р. Л. Шмаракову за изрядную помощь в переводе этого отрывка.)

⁵⁹ О роли Аэция см. самую свежую работу: Peter Heather. The western empire 425—476 (Западная империя в 425—476 гг.), САН 2000. Vol. 14, начиная с р. 5. В этой работе история о помолвке Гонории принимается за чистую монету. См. также: A. H. M. Jones. The Later Roman Empire 284—602: a Social and Economic Survey (Поздняя Римская империя в 284—602 гг.: социальный и экономический обзор; Oxford: Basil Blackwell, 1973). Vol. I, pp. 176—177.

новое вторжение. И это ему удаётся — но, согласно Сидонию, лишь потому, что его великий герой, Авит, завербовал самого могущественного из них, Теодориха I, внебрачного сына Алариха, короля везиев, которых впоследствии стали называть вестготами, дабы тот присоединился к битве против «владыки земли, который хочет поработить весь мир».

Аттила мог бы без особого труда избежать столкновения с этой преградой: по крайней мере ядро его гуннского войска передвигалось куда быстрее, чем его противники; однако он принял сражение на Мавриакском поле (*Camprus Mauriacus*), находившемся где-то в долине Луары, недалеко от Труа к северо-востоку от Орлеана, и натиск его был отражён. Ранее это сражение называли «битвой на Каталаунских полях» (по названию близлежащего города Каталаун, ныне Шалон-сюр-Марн), теперь его обычно называют Шалонским сражением. Иордан пишет, что под совместным командованием Аэция и Теодориха находились «франки, сарматы [т. е. аланы], арморицианы [бретонцы], литицианы [?], бургундионы, саксоны, рипарии [франки], олибрионы [?] — бывшие римские воины, а тогда находившиеся уже в числе вспомогательных войск, — и многие другие как из Кельтики, так и из Германии»⁶⁰, у Теодориха было множество готов, у Аэция — небольшое количество римлян. У Аттилы также были свои готы, сражавшиеся на его стороне (остготы), «бесчисленные полчища» гепидов и «многочисленные народы и различные племена», включая бургундов, которые, таким образом, сражались на обеих сторонах, возможно потому, что нацией они были только в глазах других, а сами себя считали кланом или племенем...

В последовавшей великой битве Теодорих был убит, Аэций сражался храбро, потери были огромны («поля загромождены трупами»), и Аттила отступил — или, скорее, отступили его гунны — в лагерь, огороженный повозками. «Он был подобен льву, прижатому охотничьими копьями к пещере и мечущемуся у входа в неё: уже не смея подняться на задние лапы, он всё-таки не перестаёт ужасать окрестности (*vicina terrere*) своим рёвом. Так тревожил своих победителей этот воинственнейший король, хотя и окружённый»⁶¹. Но общего готского натиска не последовало, до последнего никто не стоял. Аттила вполне свобод-

⁶⁰ Иордан. Гетика, XXXVI. 191; рус. пер. Е. Ч. Скржинской; цит. по: Иордан/Скржинская; англ. пер.: p. 105.

⁶¹ Иордан. Гетика, XL. 212; рус. пер. Е. Ч. Скржинской; цит. по: Иордан/Скржинская; англ. пер.: p. 110.

но прошёл в отступлении через Центральную Европу и возвратился в свою столицу; никто его не преследовал.

Иордан объясняет это странное обстоятельство очень просто: Торисмунд, старший сын Теодориха и его преемник на троне Тулузского вестготского королевства, страстно стремился атаковать, но сначала посоветовался с Аэцием, потому что тот был «старше и мудрее», как это на самом деле и было, — по крайней мере с точки зрения Аэция и империи, хотя и не Торисмунда:

[Аэций] же, опасаясь, как бы — если гунны были бы окончательно уничтожены — готы не утеснили Римскую империю, дал по этим соображениям такой совет: возвращаться на свои места и овладеть королевской властью, оставленной отцом, чтобы братья, захватив отцовские сокровища, силою не вошли в королевство везеготов... Торисмунд воспринял этот совет не двусмысленно — как он, собственно, и был дан, — но скорее в свою пользу, и, бросив гуннов, вернулся в Галлии⁶².

Таким образом, в Аэции мы можем разглядеть, так сказать, «протовизантийца» — правда, ситуацию можно считать слишком простой для того, чтобы она потребовала какого-то особого таланта в управлении государством: если сейчас «силы гуннов будут уничтожены, Западной империи придётся туго, случись ей защищаться от Тулузского королевства». Это достаточно просто; однако сразу вслед за этим всё тот же историк обвиняет Аэция одновременно и в двуличности, и в наивности — сочетание в самом деле редкое, тем более что Атила впоследствии проявил всё что угодно, только не благодарность, и напал снова⁶³. Возможно, этот случай, потребовавший проявить искусство управлять государством, был вовсе не таким уж простым. Дело было не в том, чтобы внушить Атиле чувство благодарности, а в несомненном преимуществе контролируемого баланса сил: для ослабленного остатка Римской империи было несравненно выгоднее наличие двух сил, которые никогда не объединятся против него (ибо каждая из них довольно легко может его разрушить), нежели наличие одной-единственной силы. При наличии двух сил есть возможность убедить одну

⁶² Иордан. Гетика, XLI . 216; рус. пер. Е. Ч. Скржинской; цит. по: Иордан/Скржинская; англ. пер.: p. 111.

⁶³ Thompson, p. 155 и pp. 156—157; Maenchen-Helfen энергично возражает, p. 132.

из них сражаться с другой в интересах империи — как это только что произошло. При наличии одного-единственного противника избежать покорения или разрушения было бы невозможно.

Иордан описывает Аттилу после сражения как раненого льва, и современные историки также считают, что он потерпел сокрушительное поражение⁶⁴. Однако то, что произошло впоследствии, подсказывает совершенно иное объяснение тех же событий: как обычно, Аттила задумал рейд, причём весьма широкомасштабный, но всё же скорее набег, а не завоевание. Встретив сопротивление, которое оказалось слишком сильным для того, чтобы этот рейд принёс выгоду, он отказался от него и возвратился домой, понеся не столь уж невосполнимые потери. У Иордана сказано, что потери составили с обеих сторон около 180 000 человек⁶⁵; но ни он сам, ни его источник не могли знать истинное число. Однако, каким бы оно ни было, со стороны Аттилы гораздо больше потерь должны были понести его союзники-германцы, сражавшиеся пешими, чем его собственные гунны, сражавшиеся верхом: ведь лучники, разящие издали, могли избежать потерь, совершив отходной манёвр, на который не способна пехота, построенная тесными рядами.

Таково единственно возможное объяснение последовавших событий: ведь в сентябре того же 451 г., только что возвратившись из Галлии, Аттила отправил гуннов в рейд за Дунай. В Константинополе в это время был новый император, Маркиан (450—457 гг.), отказывавшийся платить ежегодную дань, что взывало к ответным действиям; но, если бы Аттила был наголову разгромлен в Галлии, понеся тяжёлые потери, он едва ли мог бы атаковать на новом фронте: ведь у него не было бы ни передышки, чтобы восстановить силы, ни времени на то, чтобы набрать новое пополнение в свои войска. А ведь это был не какой-нибудь незначительный рейд на краткое расстояние. Вот единственное, что нам известно о том, как воспринимались его масштабы: Маркиан созвал Вселенский Собор в Никее (ныне Изник), живописном городке на берегу озера недалеко от побережья Пропонтиды (Мраморного моря), но потом спешно перенёс его в Халкидон (ныне Кадыкёй), расположенный прямо на противопо-

⁶⁴ У Томпсона (Thompson) эта глава носит следующее название: «Поражения Аттилы», р. 137

⁶⁵ Иордан. Гетика, XLI. 217, р. 112; Maenchen-Helfen, р. 132, говорит об очень тяжёлых потерях именно среди гуннов — не приводя, разумеется, никаких тому доказательств.

ложном от Константинополя берегу Босфора⁶⁶. (Именно на этом Соборе спор о природе Христа окончательно отделил друг от друга две Церкви: халкидонитскую (богочеловеческая природа) и антихалкидонитскую (монофизитскую); гонения на последнюю привели к глубокому расколу империи ко времени появления ислама в седьмом столетии).

Различие между Изником и Кадыкёем состоит в том, что всех епископов, собравшихся в последнем, можно было быстро переправить отсюда в безопасное место, за столичные стены, причём даже на простых гребных лодках. Видимо, память о том, как гунны прошли незамеченными до самого Каллиполя (Гелиболу), была ещё свежа.

Ещё показательнее то, что уже в следующем, 452 г. Атила снарядил свой третий поход, уже в третьем, на сей раз юго-западном направлении, намереваясь вторгнуться в Италию в том месте, где сейчас стоит Триест, на северной оконечности Адриатики. Здесь Юлийские Альпы понижаются до простых холмов, идущих до самого моря, и не препятствуют лошадям. Отсюда он двинулся на запад, в глубь Италии. Первой его целью была Аквилея, весьма значительный город, где находились императорский дворец и монетный двор. Авсоний поместил его девятым в своём стихотворном перечне знаменитых городов империи (*Ordo urbium nobilium*), восхваляя его «самый знаменитый порт». Всё это богатство было надёжно защищено внушительными стенами, которые в прошлом не раз выдерживали серьёзные атаки. Аммиан Марцеллин, знаток осадного дела, описывает его так: «Город значительный по своему положению и средствам, окружённый крепкими стенами». Он отмечает также, что его герою, императору Юлиану Отступнику (361—363 гг.), «приходилось и читать и слышать, что город Аквилея, хотя и подвергался несколько раз осаде, никогда, однако, не был ни взят силой, ни сдан»⁶⁷. Тем не менее войска Юлиана, сражавшиеся против Констанция II (337—361 гг.) во время гражданской войны, осаждали эти внушительные укрепления, применяя самую современную по тем временам технику, но безуспешно. Столетием ранее Максимин Фракийский (235—238 гг.) во время своего похода на Рим приложил все силы для

⁶⁶ Свидетельства из деяний Собора (сам я их не просматривал) приводятся у *Maenchen-Helfen*, p. 131, n. 613—615.

⁶⁷ Аммиан Марцеллин. Римская история, XXI. 11. 2 и 12. 1; рус. пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни, цит. по: *Марцеллин/Кулаковский-Сонни*, сс. 228—229); англ. пер.: *Ammianus-Rolfe*. Vol. II, p. 141.

того, чтобы взять этот город с помощью своих боеспособных и изобретательных войск из Паннонии:

...Находясь вне выстрела и распределяясь по отрядам и подразделениям вокруг всей стены, как каждым в отдельности было приказано, они [т. е. римские воины]... приступили затем к осаде. Они начали подвозить различные осадные машины и, всеми силами штурмуя стены, не пренебрегали ни одним способом осады. Хотя происходили многочисленные и почти ежедневные атаки и всё войско как будто сетями опутывало город, аквилейцы, изо всех сил и храбро дерясь, сопротивлялись, обороняя стены, заперев храмы и дома, и всем народом, вместе с детьми и жёнами, бились сверху, с укреплений и башен, и не было возраста, который оказался бы бесполезным для участия в битве за родину⁶⁸.

Город так и не пал, и в конце концов разочаровавшиеся в успехе воины убили самого Максимиана вместо храбрецов-аквилейцев.

Осадное дело едва ли было сильной стороной гуннов Аттилы, однако они оказались на высоте задачи: «Построив осадные машины и применяя всякого рода метательные орудия, они немедленно врываются в город, грабят, делят добычу, разоряют всё с такой жестокостью, что, как кажется, не оставляют от города никаких следов»⁶⁹. Это не было бессмысленным разрушением: цель его состояла в том, чтобы заставить всех остальных расстаться с мыслью о сопротивлении. Услышав о том, что случилось с Аквилеей, и зная, какие мощные там были укрепления, власти всех городов на всём пути Аттилы, от Медиолана (ныне Милан) до Тицина (Павия), предпочитали открывать ворота без сопротивления.

На просторной равнине, разделённой надвое рекой По и образующей центральную часть северной Италии, изредка случался голод, но в том, что касается движимого имущества, она всегда была одним из богатейших мест на планете — если, конечно, она не была недавно разоре-

⁶⁸ Геродиан. История, Книга VIII, 4, 6—7; рус. пер. А. И. Доватура, цит. по: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Gerodian/08.php; англ. перевод Edward C. Echols. Herodian of Antioch's History of The Roman Empire from the Death of Marcus Aurelius to the accession of Gordian («История Римской империи» Геродиана Антиохийского от смерти Марка Аврелия до восшествия на престол Гордиана; Berkeley: University Of California Press, 1961), pp. 203—204. См. также: www.Tertullian.Org/Fathers/Herodian_08_Book8.Htm.

⁶⁹ Иордан. Гетика, XLII. 221; рус. пер. Е. Ч. Скржинской, цит. по: Иордан/Скржинская; англ. пер.: p. 113.

на завоевателями. А они не вступали на равнину с 408 г., когда Аларих пересёк её на своём пути к Риму. Аттила, должно быть, взял огромную добычу, ведь один город выкупал себе неприкосновенность или оказывался полностью разграблен. Тогда, как рассказывают, папа Лев прибыл из Рима на переговоры с Аттилой вместе с бывшим префектом Тригемием и очень богатым бывшим консулом Геннадием Авиеном⁷⁰. Надо полагать, что эта троица не забыла прихватить с собой золота, причём в немалых количествах: хотя бы уже потому, что им предстояло выкупить многочисленных пленников.

Эти действия — явно не пустая трата сил, как их изображают современные историки, даже лучший из них: «Поход Аттилы был хуже любой неудачи... военная добыча, возможно, была и значительна, но она досталась слишком дорогой ценой: слишком много гуннских всадников полегло в городах и на полях Италии. А через год царство Аттилы прекратило своё существование»⁷¹.

Правда, сам Аттила умер в своей постели в следующем, 453 г., предположительно выпив лишнего на собственном свадебном пиру, рядом с новой, красивой и молодой женой. Эта сальная сказочка может оказаться и правдой: зачем же ещё быть завоевателем? Правда и то, что его сыновья, перессорившись, бесповоротно разрушили его империю. Но повествование об упадке и гибели представляет собою чистой воды детерминизм, и с фактической стороны оно сомнительно: добыча была «значительной»? Слишком много всадников-гуннов полегло? Это ничем не засвидетельствовано. Зато есть веское свидетельство противоположного: возвратившись из Италии, Аттила потребовал возвращения всей ежегодной дани с Константинополя.

Аттила... послал послов к Маркиану, императору Восточной империи, заявляя о намерении ограбить провинции, потому что ему вовсе не платят дани, обещанной покойным императором Феодосием [II], и ведут себя с ним обычно менее обходительно, чем с его врагами.

Это опять Иордан, который повторяет утраченный фрагмент сочинения Приска, но мы знаем продолжение оригинала:

⁷⁰ *Maenchel-Helfen*, pp. 137—139; *Thompson*, p. 161: классовая ненависть, обращаемая им на Авиена, умершего примерно за девять веков до 1948 г., абсурдна и смехотворна.

⁷¹ *Maenchen-Helfen*, p. 141; *Thompson*, pp. 161—163, придерживается того же взгляда.

Аттила требовал [от Маркиана] определённой Феодосием дани; в противном случае он угрожал войною. Римляне ответствовали, что пошлют к нему посланников. Отправлен был в Скифию Аполлоний... получив звание полководца, [он] отправлен был к Аттиле посланником. Он переправился через Истр, но не был допущен к Аттиле. Царь скифский гневался на него за то, что он не привёз к нему дани, которая, как уверял он, была ему назначена от особ важнейших и царского сана достойнейших. И так он, не принимая посланников, оказывал тем небрежение и к пославшему. <...> Итак, он возвратился без успеха⁷².

Вот вполне определённое, хотя и отрицательное, доказательство того, что Аттила намеревался развязать масштабную войну против империи: он не передал с Аполлонием никакой угрозы, как делал в прошлом, выступая в роли вымогателя; не передал ровно ничего, даже не принял посла! Поскольку Аттила столь удачно преодолел неприступные стены Аквилеи, нет ничего невозможного в том, что он замышлял осаду Константинополя, а не обычный грабительский набег. В конце концов, у него по-прежнему было несколько не уменьшившееся тактическое и оперативное преимущество гуннских конных лучников, у него всё ещё оставалась монополия на сугубо конные стремительные вторжения в глубь территории противника. Кроме того, если судить по той яростной борьбе, которая вскоре развернулась между его сыновьями, а также между его воинами-гуннами и восставшими готами, гепидами, ругами, свевами, аланами и герулами, у него в подчинении было ещё немало опытных и искусных воинов самого разного происхождения.

Если бы война с Восточной империей всё-таки произошла, есть все основания полагать, что Аттила снова победил бы, как в 447 г., — победил бы в том специфическом смысле, что продолжал бы причинять ущерб до тех пор, пока от него не откупятся. Правда, смерть помешала ему сделать это; но к тому времени олицетворяемая им угроза, превышавшая всякие ожидания, уже вызвала к жизни целый ряд сиюминутных ответов, которые вскоре сложились в нечто куда более масштабное, а к тому же и долговечное, как оказалось впоследствии.

⁷² Иордан. Гетика, XLIII. 225; рус. пер. Е. Ч. Скржинской; цит. по: Иордан/Скржинская; англ. пер: р. 114; Приск Панийский. Excerpta de Legationibus Romanorum ad gentes (Выдержки о посольствах римлян к народам), 6; рус. пер. Г. С. Дестуниса, цит. по: Приск/Дестунис, с. 79; англ. пер.: Blockley, II, pp. 315—317.

ГЛАВА 2

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОЙ СТРАТЕГИИ

Столкнувшись с Атилиой, мирный и высокоучёный император Феодосий II (408—450 гг.), сын первого восточного императора Аркадия, а также его напористая сестра и решительная жена, равно как и многоопытные придворные, оказались в двойном затруднении¹. У них не было военных сил, в тактическом отношении эффективных в войне с гуннами; но, даже если бы дело обстояло иначе, обстановка на других фронтах требовала принятия более срочных мер.

Как всегда, самым грозным внешним противником оставалась Сасанидская Персия, отношения с которой были исключительно мирными до 420 г., во время правления шаха Ездигерда I; при его преемнике, Варахране (Бахраме) V (420/421—438 гг.), произошло резкое ухудшение отношений, хотя сам он не был в этом особенно виноват². Тогда возобновилась старинная распря относительно армянских земель, а также

¹ Обзор см.: A. D. Lee. The Eastern empire: Theodosius to Anastasius (Восточная империя: от Феодосия до Анастасия), в: САН 2000, Vol. 14, начиная с р. 34.

² R. C. Blockley. East Roman Foreign Policy: formation and conduct from Diocletian to Anastasius (Внешняя политика Восточного Рима: её формирование и проведение от Диоклетиана до Анастасия; UK: Francis Cairns, 1992); далее: Blockley-Foreign Policy, начиная с р. 56.

заново разгорелись религиозные споры. Хотя современные историки часто называют армянские государства «буферными», данные говорят о том, что автономное существование этих государств между двумя империями скорее провоцировало конфликты, нежели служило буфером для них, поскольку обе империи состязались за власть над капризными нахарарами, мелкими правителями узких долин, из которых состояла тогдашняя Армения³.

Религиозный же спор был совершенно новым, и спровоцировал его резкий подъём православной воинственности в христианской империи и зороастрийской воинственности — у Сасанидов. Произошло это в силу случайного совпадения или же как взаимная реакция — не ясно, хотя есть немало свидетельств о росте преследований язычников и евреев, о допросах и пытках негреческих священнослужителей, заподозренных в христологических ересьях, а также о попустительстве жестоким гонениям на нехристиан и на места их культа. (В 415 г. фанатичные христиане, разъярённые язычеством Гипатии, женщины-философа, стянули её с носилок, протащили до церкви Кесариум, сорвали с неё одежду (разумеется!), убили, растерзали её тело на куски и перенесли их в другое место для сожжения — из благочестивого почтения к святости храма.)

Феофан Исповедник, хоть и сам был энтузиастом, всё же осуждал чрезмерное рвение одного епископа:

Виною же преследования христиан был Авда, епископ столицы Персии [Ктесифон], который, увлекаясь божественною ревностью и не по-должному пользуясь ею, сжег храм огня [зороастрийский храм в столице приверженцев этой религии]. Узнав о сем, царь [шах] велел разрушить все христианские церкви в Персии, Авду же казнил разными муками. Это гонение продолжалось пять лет⁴.

Сражения, как и следовало ожидать, начались в Армении и Месопотамии в окрестностях Нисибиса (ныне Нусайбин в юго-восточной Турции), хорошо укрепленного города, бывшего классическим центром

³ С. Toumanoff. Armenia and Georgia (Армения и Грузия), в: Cambridge Medieval History (Кембриджская история Средних веков), Vol. IV, Part I, Ed. J. M. Hussey (Cambridge: Cambridge University Press 1966), начиная с p. 593.

⁴ Феофан Исповедник. No. 82 AM 5906; рус. пер. В. П. Оболенского и О. М. Бодянского цит. по: Феофан/Оболенский-Терновский; англ. пер.: p. 128.

войны между римлянами и персами. Она продолжалась без каких-либо драматических результатов до 422 г., когда *magister officiorum* («магистр должностей», высший административный пост) Гелион прибыл для переговоров о мире; по Дунаю нападали гунны, и Варахран (Бахрам) V тоже, возможно, испытывал давление на центральноазиатской границе своей державы. Прежний статус-кво был восстановлен без изменений. После этого в Армении было немало волнений (её состояние было хронически беспокойным), но войны не было до 441 г.

Появление нового сасанидского правителя обычно знаменовалось военными инициативами (несомненно, они были нужны, чтобы укрепить его авторитет), и Ездигерд II, преемствовавший Варахрану (Бахраму) в 439 г., три года спустя, как и следовало ожидать, напал на Нисибис, куда *magister militum per Orientem* («командующий Восточным фронтом»), высший военачальник, командовавший войсками к востоку от Константинополя, Анатолий, не прибыл, как не раз бывало, чтобы вести переговоры о мире. Опять прежний статус-кво был восстановлен. При жизни Феодосия войны больше не было, отчасти потому, что сам Ездигерд II прожил лишь до 457 г., но в любом случае войска на Персидском фронте должны были находиться в состоянии боевой готовности, потому что никакой мир не мог сохраниться дольше их отсутствия. В отличие от нашествий Атиллы сасанидское вторжение могло привести к безвозвратной утрате имперской территории, а потому эта граница сохранила за собой приоритет.

Второй фронт находился в провинции Африка, то есть на североафриканской территории, соответствующей современному Тунису и побережью Алжира и даже не принадлежавшей Восточной империи: ведь границы последней заканчивались в Ливии. В октябре 439 г. вандалы и аланы, прибывшие через Испанию под командованием своего наводящего ужас военачальника Гейзериха, осадили Карфаген, столицу Африки, служившей главным поставщиком зерна для Рима и центральной Италии⁵. Валентиниан III и его Западная империя понесли прямой ущерб, но Карфаген был важным портом с хорошо налаженным кораблестроением, флот в то время строился, поэтому Восточная империя тоже подверглась угрозе. Константинополь находился далеко и был хорошо укреплен, но, используя флот, которому благоприятство-

⁵ См.: *Averil Cameron. Vandal and Byzantine Africa* (Вандальская и византийская Африка), в: САН 2000. Vol. 14, начиная с р. 553.

вал преобладающий северо-восточный ветер, Гейзерих мог отрезать и поставки зерна из Египта, напав на Александрию.

Это были самые тяжёлые времена.

Скупая на слова хроника Марцеллина Комита красноречива в своей краткости: в записи под 9-м индиктом, «в единоличное консульство Кира», что соответствует сентябрю 440 г./августу 441 г., мы читаем:

Персы, Сарацины [= месопотамские бедуины], Дзанны [предки нынешних грузинских мегрел], Исакры [горцы юго-восточной Анатолии] и Хунны, покинув свои пределы, опустошили земли Римлян⁶.

Тем не менее было решено действовать немедленно. В 440 г. новый флот Гейзериха напал на Сицилию, второй по значению после Африки источник зерна для Италии, и обе империи по взаимному согласию отправили против него военно-морские силы в 441 г. Согласно Феофану, восточная экспедиция была снаряжена с самым широким размахом:

...Феодосий [II]... отправил против него [Гейзериха] сто тысяч тяжёлых кораблей с римским войском [то есть значительное войско, порядка 30 000 или даже 50 000 человек: моряков и сухопутных воинов] под предводительством Ареобинда, Ансилы, Инобинда, Аринфия и Германа. Когда это войско пристало к Сицилии [по пути к Карфагену, примерно в 300 км от него], то устрешённый Гейзерих просил Феодосия о мире⁷.

Запись под следующим, 5942 годом от сотворения мира объясняет, почему этот громадный флот так и не прибыл в Карфаген, а вместо этого вскоре возвратился в Константинополь:

Встретив в Сицилии, как мы уже сказали, Гейзериховых послов, римское войско остановилось выждать повелений царя. Между тем скиф Аттила... напал на Фракию⁸.

⁶ Рус. пер. А. Н. Коваля по изд.: http://www.documentacatholicaomnia.eu/03d/0470-0534,_Marcellinus_Comes,_Chronicon,_LT.pdf; англ. пер. и комм.: Brian Coke, *Byzantina Australiensia* 7 (Sydney: Australian Association for Byzantine studies, 1995), p. 17.

⁷ Феофан Исповедник. No. 101, AM 5941; рус. пер. В. П. Оболенского и О. М. Бодянского с незнач. изм.; цит. по: Феофан/Оболенский-Терновский; англ. пер.: p. 157.

⁸ Там же, p. 159.

Но эта экспедиция не была тщетной: кажется, Гейзерих был совершенно устрешён. Как бы то ни было, он так и не напал ни на Александрию, ни на какие-либо иные владения Восточной империи и вообще не нападал до 455 г., когда его экспедиция разграбила Рим, причинив, как представляется, больший ущерб, чем Аларих в 410 г. В «Книге понтификов» (*Liber Pontificalis*) краткое житие папы Льва I гласит: «После вандалского разграбления он обновил все серебряные сосуды для богослужения по всем титулам [приходским церквям], расплавив шесть [серебряных] гидрий [сосудов для воды], <...> преподнесённых Константином Августом, каждый весом в 100 фунтов... Он обновил базилику блаженного апостола Петра...»⁹

Запугивание действовало на Гейзериха лишь до тех пор, пока в деле была замешана Восточная империя: даже завоевание и разграбление им Рима было ускорено дворцовой интригой. Однако с Атилиой запугивание «не прошло»: ему нечего было бояться даже перед лицом полномасштабного наступления сухопутного войска, равносильного экспедиции из 1100 кораблей, остановившейся на Сицилии.

Впоследствии у византийцев будет отличное дипломатическое средство от врагов из степи: они снова и снова убеждали различные степные державы сражаться друг с другом, а не нападать на империю. Но империя Атилы была для этого слишком велика: византийцы не могли добраться до её дальних пределов, чтобы найти новых союзников. Согласно самому глубокому знатоку истории гуннов, попытка определить географическую протяжённость державы гуннов была бы «неблагодарной задачей» и означала бы «встречу с мифами, лелеемыми издавна...»¹⁰. Затем он отверг самые широкомасштабные оценки (включая данную Моммзеном), чтобы удовольствоваться империей куда более скромных размеров, простиравшейся от Центральной Европы до Черноморского побережья. Как это иногда бывает, у нас есть отрицательное свидетельство, опровергающее мнение выдающегося историка: нет никаких подтверждений тому, что некая независимая степная держава существова-

⁹ Книга понтификов (*Liber Pontificalis*) 47. 6; рус. пер. А. Н. Коваля по изд.: <http://www.thelatinlibrary.com/liberpontificalis1.html>; англ. пер. *Raymond Davis. The Book of Pontiffs: the ancient biographies of the first ninety Roman bishops to AD 715* (Книга понтификов: древние биографии первых девяноста Римских епископов вплоть до 715 г. н.э.; Liverpool: Liverpool University Press), p. 39.

¹⁰ *Maenchen-Helfen*, p. 125.

ла к западу от Волги, то есть в пределах достижимости для Византии. Так что либо Атила действительно правил на пространстве от Дуная до Волги, либо он вполне мог делать это, потому что на этих просторах не было другой державы, которую Византия могла бы соблазнить, чтобы та напала на гуннов.

В отдалённом будущем, в одиннадцатом веке, тюркских кочевников-куманов (в действительности это были кипчаки, или половцы русских источников) убедили напасть на своих предшественников, тюркских кочевников-печенегов, которые больше не приносили пользы Византии в качестве союзников. Начиная с девятого века, в обмен на регулярную плату печенеги оказывали немалую помощь в борьбе против тюркского Хазарского каганата на Волге, который и сам прежде был чрезвычайно важным союзником в борьбе против Киевской Руси, располагавшейся западнее, на Днепре, и остававшейся скорее врагом империи, нежели её другом, даже после обращения в христианство, а также против мадьяр, которые сновали туда-сюда между двух сил.

До того как мадьяры стали «головной болью» для империи и прежде чем печенеги вытеснили их севернее, в те края, что впоследствии стали Венгрией (Мадьярорсаг по-венгерски), они тоже приносили пользу империи, нападая на болгар, которые, в свою очередь, крепко помогли Византии в седьмом веке, нападая на ужасающих аваров, пока сами болгары не стали главной угрозой.

Между этими главными степными державами были менее значительные нации, племена и просто банды, которые тоже колебались между двумя возможностями: воевать против империи или за неё. Все они были подвержены динамике степного кочевого скотоводства: вследствие неуклонного естественного прироста стад, которым никто не мешал, шли непрерывные битвы за пастбища, из-за чего Византии не составляло труда найти союзников; в свою очередь, кочевники, у которых было много мяса, молока, кожи и рога, но ничего больше, испытывали постоянную потребность в золоте, чтобы покупать зерно и всё остальное¹¹.

¹¹ Из обширной литературы см. книгу А. М. Хазанова: *Anatoly M. Khazanov. Nomads and the Outside World* (Кочевники и внешний мир), второе издание (Madison: University of Wisconsin Press, 1994), начиная с р. 69, о «неавтаркичности экономики кочевого скотоводства». Русскоязычное издание: Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. 3-е изд., Алматы: Дайк-Пресс, 2000.

Весь степной коридор к западу от Волги, проходивший между лесами и вдоль северного берега Чёрного моря вплоть до Дуная, стал в силу этого постоянной ареной византийской дипломатии, которая обычно добивалась успеха в деле превращения множества разнообразных потенциальных врагов в средство самоспасения. Однако во времена Аттилы этого не случилось: то ли из-за неправдоподобного отсутствия других степных народов, то ли потому, что его держава действительно простиралась гораздо дальше Дуная. Как бы то ни было, с дипломатической точки зрения империя Аттилы равным образом могла простираться вплоть до нынешнего Владивостока, потому что, когда Византия испытывала самую острую нужду в союзниках, живущих восточнее, которых можно было бы убедить двинуться на запад и напасть на гуннов с тыла, не нашлось никого: ни крупных народов, ни мелких.

Поэтому не оставалось иного выбора, кроме как прибегнуть к более низменной, но всё же полезной форме дипломатии: вместо того чтобы положиться на помощь золота, дабы заставить другие народы напасть на гуннов, его надлежало использовать для того, чтобы откупиться от самих гуннов. Удерживая дома и конницу, и пехоту, Феодосий II направил послов для переговоров с Аттилой, чтобы убедить его впредь оставаться за границами империи. Это было куда эффективнее, чем отправлять новые военные силы, которые потерпели бы поражение, как и прежние, и дешевле, чем потерять налоговые поступления из разграбленных провинций. Прежде ежегодная плата Аттиле составляла несколько сотен фунтов золота, но эта дань была повышена до 2000 фунтов золота, хотя её не выплачивали до 447 г., когда было достигнуто полное соглашение, по которому требовалась единовременная выплата 6000 фунтов золота, а в будущем предполагались ежегодные выплаты в размере 2100 фунтов золота. Громадные суммы? 6000 фунтов золота по нынешним ценам составило бы примерно 75 072 000 долларов (но древнее золото, разумеется, обладало значительно большей ценностью). Приск Панийский, конечно, думал, что такая плата была катастрофически высокой:

Царь принуждал всех вносить деньги, которые следовало отправить к унам. Он обложил податью даже тех, которые по приговору суда или щедроте царской получили временное облегчение от тягостной оценки земли. Положенное количество золота вносили и особы, причисленные к сенату, выше своего состояния. Многих самое блистательное состояние их довело до превратностей. Побоями вымогали у них деньги, по назначению чинов-

ников, на которых возложена была царем эта обязанность, так что люди издавна богатые выставляли на продажу уборы жен и свои пожитки. Такое бедствие постигло римлян после этой войны, что многие из них умерили себя голодом или прекратили жизнь, надев петлю на шею¹².

Один современный историк, недолюбливавший богатых, отказался признавать истинность этого пассажа, видя в нём лишь риторическое преувеличение и/или свидетельство классовой солидарности с налогоплательщиками, имевшими высокие доходы. Он также предложил некоторые поучительные сравнения: 2000 фунтов золота, которые Лев I (457—474 гг.) ежегодно выплачивал готскому военачальнику Теодориху Страбону (напр., в 473 г.), и единовременная выплата 2000 фунтов золота и 10 000 фунтов серебра, а также 10 000 солидов в год (139 фунтов), которые Зинон (474—491 гг.) согласился платить ему; в другом сравнении неудавшаяся экспедиция Льва I против вандалов в Африке в 468 г. стоила ему 100 000 фунтов¹³.

К этому можно прибавить и свидетельство из сохранившегося фрагмента труда историка Малха Филадельфийского: «Хотя правителя Египта обычно назначали на оплату в пятьдесят фунтов золота, он [Зенон?] назначил его почти на пятьсот фунтов, как будто страна стала богаче, чем прежде»¹⁴. Это был не какой-то колоссальный и вопиющий оклад (хотя сам текст наводит на неверную интерпретацию), а скорее нечто ему противоположное, то есть взнос наличными в казну, производимый в обмен на ежегодный оклад (не указываемый), точный эквивалент современной ежегодной ренты¹⁵. Таким образом, 6000 фунтов, уплаченных Атилe, можно было покрыть ежегодными взносами шестерых чиновников высшего ранга; иными словами, это сумма немалая, но и не чрезмерная. Ясно, что Приск был возмущён выплатой этой дани — или, возможно, это была очередная риторическая поза, потому

¹² *Excerpta de Legationibus gentium ad Romanos* (Выдержки о посольствах народов к римлянам), 3; рус. пер. Г. С. Дестуниса, цит. по: *Приск/Дестунис*, сс. 25—26; англ. пер.: Blockley. Vol. II, pp. 237—39.

¹³ *Thompson*, p. 214.

¹⁴ *Excerpta de Legationibus Romanorum ad gentes* (Выдержки о посольствах римлян к народам), 6; англ. пер.: Blockley. Vol. II, p. 423.

¹⁵ Пол Стефенсон (Stephenson) исправил мою неверную интерпретацию в частном сообщении от 16.02.2008.

что плата варварам была стандартной процедурой, к которой римляне прибегали даже на самой вершине своего могущества.

В данном случае это средство оказалось успешным: Атила не пошёл на Восточную империю, атаковав в западном направлении. В 451 г. он был в Галлии. За год до этого Феодосию наследовал одарённый Маркиан (450—457 гг.), отказавшийся, как мы видели, платить ежегодную дань, но тогда Атила был занят войной на Западе, и ничего дурного не последовало.

Если бы Феодосий II в угоду Приску и другим традиционалистам заключил мир с Персией, предоставил вандалов Гейзериха самим себе, уладил дела с исаврами, цанами/чанами и другими беспокойными племенами, чтобы собрать все войска Восточной империи для противостояния Аттиле с наибольшими силами, то почти наверняка имперская армия была бы уничтожена, а вместе с ней и империя, поскольку не осталось бы ничего, чтобы удержать персов, вандалов, внутренние и пограничные племена, а также гуннов и их подданных от захвата территории империи.

Таков вывод, к которому можно прийти теоретически, учитывая преимущества войск Аттилы, равно как и подчинённых ему воинов, на тактическом и оперативном уровнях, а также на уровне театра военных действий. Но к такому выводу можно было бы прийти и эмпирически, на основе единственного существующего свидетельства, которого, впрочем, вполне достаточно: учитывая, что только салическим франкам, аланам, бретонцам, литицианам [?], бургундам, саксонцам, рипарийским франкам и бывшим вспомогательным войскам римлян, а также многочисленным визиготам и небольшому отряду римлян под командованием Аэция удалось отразить войско Аттилы в битве на Мавриакском (Каталаунском) поле, причём не разбить его наголову и даже не причинить ему ущерб, достаточный для того, чтобы предотвратить последующее вторжение в Италию, — то можно на разумных основаниях предположить, что восточная армия скорее всего была бы разбита.

Вместо того чтобы ставить на кон само выживание империи, Феодосий II отразил страшную угрозу, которую несли с собой гунны Аттилы, не прибегая к широкомасштабным военным действиям, покуда она не миновала, не причинив сколько-нибудь длительного ущерба. Тем самым утвердился новый стратегический подход, знаменовавший собою ещё один этап перехода от Рима к Византии: сначала дипломатия, а потом сила, ибо цена первой была всего лишь временной,

тогда как риск, заключавшийся в последней, мог привести к полному и окончательному поражению¹⁶.

При такой стратегии использовались, как мы увидим, различные средства убеждения, но золото неизменно было важнейшим из них. В сочетании с эффективными военными силами, способными положить предел вымогательству, в течение следующих веков успешно удавалось откупиться от многих опасных врагов — это значит, что цена дани была меньше, чем двойная цена, которую пришлось бы уплатить за сопротивление набегам и вторжениям: как военные расходы, так и ущерб, причинённый жизни и имуществу граждан.

С экономической стороны выплата дани не была дефляционной. Оборот золота, от налогоплательщиков в имперскую казну и из казны обратно в экономику налогоплательщиков через посредство имперских жалований и выплат, лишь на краткий срок отклонялся в сторону, когда уплачивали дань. Гунны и все их преемники неизбежно вынуждены были использовать золото, полученное в качестве дани, чтобы покупать необходимые вещи и безделушки у империи (оговаривались особые условия торговли на приграничных рынках), так что золото, вывезенное к гуннам, возвращалось в оборот в границах империи достаточно быстро, за исключением незначительной доли, состоявшей из драгоценностей. Правда, дань превращала продукты, которые могли быть потреблены на месте, в неоплачиваемый экспорт, понижая уровень жизни в пределах империи. Но уплата дани не снижала производство: на деле она скорее стимулировала экономическую деятельность за счёт повышения скорости обращения золота.

Со стратегической точки зрения уплата дани была эффективным способом использовать то величайшее преимущество, которым империя обладала в сравнении с другими державами: её финансовую ликвидность. Египет был плодороднее, как и некоторые области Месопотамии, Персия была расположена удобнее для торговли на дальние расстояния, поскольку обладала и доступом к путям через Центральную Азию в Китай, и маршрутом через Персидский залив в Индию и на острова, где добывали пряности, у других тоже были свои особые навыки, но богатство

¹⁶ См.: *John [F.] Haldon. Blood and Ink: some observations on Byzantine attitudes towards warfare and diplomacy* (Кровь и чернила: некоторые замечания о византийском отношении к войне и дипломатии), в: *Jonathan Shepard and Simon Franklin. Byzantine Diplomacy* (Византийская дипломатия: Aldershot: Variorum, 1992), начиная с p. 281.

наций — это одно, а богатство государств — совсем другое. Оно зависит от их способности извлекать доходы, собирать поступления, а в этом отношении Византийская империя, как мы видели, обладала превосходной системой. Даже после катастрофы 1204 г. у государства, восстановленного в Константинополе Михаилом VII Палеологом (1259—1282 гг.), у державы, сильно уменьшившейся в размерах и представлявшей собою греческое царство, носившее лишь название империи, в сокровищнице было всё ещё больше золота, чем у любого европейского королевства, — просто потому, что оно регулярно собирало налоги, чего другие не делали.

ТАКТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Другой ответ на угрозу, превысившую всякие ожидания, которую представлял собою Аттила, был совершенно иным, но он тоже знаменовал собою переход от Рима к Византии.

Прибегая к сильному упрощению, часто писали, что после разгрома римлян в битве при Адрианополе в 378 г. конница заменила собою пехоту в качестве основной ударной силы римской армии. В действительности же заменена была тяжеловооружённая и неповоротливая пехота классических легионов, а не более дешёвые бойцы-пехотинцы в целом, причём этот процесс начался за столетие с лишним до битвы при Адрианополе. В эпоху Галлиена (260—268 гг.) многочисленная императорская конница стала самой эффективной формой военной силы во время острого кризиса, равно полезной как для быстрого отражения набегов извне, так и для подавления внутреннего мятежа, пока он ещё не успел распространиться; ничего удивительного, что его *dux equitum* (командующий конницей) Аврелиан стал императором в 270 г. Также задолго до битвы при Адрианополе, при Константине, умершем в 337 г., постоянные мобильные силы, предназначенные для военных действий в границах всей империи (*comitatenses*), были добавлены к провинциальным пограничным силам¹⁷.

¹⁷ Среди обширной литературы основополагающим трудом остаётся следующий: А. Н. М. Jones. *The Later Roman Empire* (Поздняя Римская империя). Vol. I, начиная с p. 608.

В противоположность этим масштабным и сложным переменам, инициаторы и время проведения которых всё ещё остаются предметом исследования, тактическая революция была совершенно прямой: не найдя эффективного способа разбить гуннов с помощью наличных сил конницы и пехоты, византийцы в известный момент решили скопировать гуннских лучников-конников, снабдив их некоторым количеством доспехов, чтобы сделать их более разносторонними. Как мы увидим, добиться этого оказалось нелегко. В отсутствие степной культуры охоты и войны, в рамках которой обучение верховой езде и стрельбе из лука начинается с раннего детства, требовались настоящие программы подготовки, интенсивной и длительной, чтобы превратить новобранцев в искусных наездников, в искусных стрелков из лука, особенно же — в искусных конников-лучников.

Годичная подготовка считалась недостаточной для того, чтобы стать воинами, готовыми к бою; мимоходом можно отметить, что американских и британских солдат могут отправить в бой по прошествии шести месяцев со дня набора, а некоторых даже раньше. Но, конечно же, составным луком с обратным изгибом пользоваться куда сложнее, чем современными винтовками или автоматами, особенно со скачущей лошади. Вот почему была проявлена забота о бойцах, не сумевших овладеть требуемыми навыками: некоторые конники были вооружены пращами, а некоторые лучники служили в пехоте.

У нас нет ясных сведений о том, как и когда произошла эта перемена, но к тому времени, когда Юстиниан пришёл к власти в 527 г., самыми эффективными силами византийского войска были, конечно, подразделения конных лучников. Даже если у них не было отличных навыков верховой езды и выносливости, как у наездников-степняков, взамен они обладали своими преимуществами: латами на теле, придававшими им большую сопротивляемость, копьём, закреплённым за спиной, которое они могли достать для атаки, а также весьма основательными навыками ближнего боя. Свидетельством этому служит рассказ очевидца, Прокопия Кесарийского, который защищает новую конницу, снабжённую луками, от слабо осведомлённых критиков и от снобов, вздыхавших по гоплитам классической Греции, сражавшимся врукопашную, и презиравших тех, кто мог только пускать стрелы издалека:

...некоторые, например, называют нынешних воинов стрелками [а Гомер их презирал], в то время как самых древних [воинов] величают ратоборца-

ми, щитоносцами и другими возвышенными именами, полагая, что такая доблесть не дожила до нашего времени. <...> [Но] им не приходит в голову мысль, что у гомеровских лучников, которым самое название их ремесла служило поруганием, не было ни коня, ни копья; щит не защищал их, и ничто другое не оберегало их тело. <...> Тем более они не могли открыто участвовать в битве... Нынешние [же] лучники идут в сражение, одетые в панцирь [латы, защищавшие грудь и верхнюю часть спины], с поножами до колен. С правой стороны у них свешиваются стрелы, с левой — меч. Есть среди них и такие, у которых имеется копье¹⁸.

Так что эти воины могли сражаться и в ближнем бою, а не только издали, с помощью стрел, как делали гомеровские лучники с их простыми цельными деревянными луками, за что они и заслужили репутацию трусоватых. Но это было верно и в отношении гуннов: они тоже могли сражаться мечом и копьём, а их лучники также могли спешиваться вопреки карикатурному представлению о гуннах как о кентаврах, делавших всё, решительно всё, не слезая с лошади, и едва способных ходить, а уж тем более — воевать в пешем порядке.

В этой тактической революции была не только тактика: из неё проистекали вполне ясные стратегические следствия. Старая тяжёлая пехота римских легионов, обученная и снаряжённая для того, чтобы стойко удерживать свои позиции, выбивать других с их позиций и безжалостно убивать вражеских воинов в рукопашной схватке лицом к лицу, была наиболее пригодна для войны на уничтожение, нацеленной на полное истребление врага, пусть даже с некоторыми соразмерными потерями в своих рядах. Молчаливо предполагалось, что после уничтожения врага должен наступить мир.

Но византийцы лучше знали, что к чему. Они знали, что мир был лишь временным перерывом в войне, что едва будет разбит один враг, как другой займёт его место, напав на империю. Поэтому утрата немногочисленных и ценных воинов как цена за «износ» врага была окончательной и невосполнимой, тогда как стратегические достижения могли быть при этом лишь временными. Даже полное уничтожение врага не было окончательным достижением, поскольку в бесконечной войне вчерашний враг зачастую становился лучшим

¹⁸ *Прокопий Кесарийский*. История войн (далее: Вóйны; Война с персами), I. 1. 8—13; рус. пер. А. А. Чекаловой, цит. по: Прокопий 1998; англ. пер.: Dewing. Vol. I, pp. 6—7.

союзником. Поскольку византийцы в полной мере признавали это, как ясно показывают руководства по военному делу, рассмотренные ниже, они расстались со стремлением древних римлян добиться наибольшего «износа» врага, воплощавшегося в размеренном шаге, искусно сработанных латах, тяжёлых метательных копьях и коротких колющих мечах классических легионов, представлявших собою настоящие мясорубки. При любой возможности византийцы старались избегать лобовых атак и стойкого удерживания своих позиций, что приводит к тяжким потерям, полагаясь вместо этого на манёвренность, противостоя врагу наскоками при наступлении и засадами при обороне, прибегая к сдерживанию, к обходу с флангов и к окружению, чтобы нанести поражение скорее подрывом сил врага, нежели его уничтожением. Поэтому они предпочли пехоте более подвижную и гибкую конницу, ибо она лучше подходит для всех видов манёвров, по крайней мере на открытом пространстве, и обычно может безопасно отступить под натиском врага, не поддаваясь искушению стоять до последнего.

Поэтому тактическая революция была важнейшим военным новшеством, превосходившим тактический уровень: благодаря ей был выработан новый стиль ведения войны, при котором неизменной осталась лишь техника осады, а также такая редкая разновидность боя, как сражение в труднопроходимых горах и лесах, остававшееся привилегией лёгкой пехоты, как это по большей части происходит и сейчас.

В наступательном отношении новый стиль войны наиболее успешно применялся в юстиниановых захватнических войнах против вандалов в Северной Африке, которые велись с 533 г., и в Италии против Остготского королевства, а также в возобновлённых военных действиях против Сасанидской Персии в 540 г. — хотя византийские конные лучники, конечно, принимали участие и в предыдущей войне, начавшейся в 502 г., в правление удачливого и одарённого Анастасия I (491—518 гг.).

С другой стороны, в сфере защиты главное испытание настало тогда, когда появились авары, представлявшие первую после гуннов Аттилы степную державу, встреча с которой оказалась чревата далекоидущими последствиями. Сформировавшись обычным путём этногенеза вокруг монголоидного ядра из внутренней Азии (возможно, это ядро составляли жоужани, или жуань-жуани, известные по китайским источникам), они увлекли за собой тюрков и другие подчинённые ими

народы по пути на Запад¹⁹. Они, как и гунны Аттилы, были конными лучниками, но значительно лучше вооружёнными: у них были латы и колющие копья; кроме того, авары обладали большим опытом в других способах ведения войны, включая осадное дело. Особые сведения о военном снаряжении авар сохранились в важнейшем из византийских руководств по военному делу, известном как «Стратегикон» [императора] Маврикия и подробно обсуждаемом ниже. В нём содержится первое упоминание о стременах (весьма значительное новшество!), а также перечисляются различные принадлежности византийского воинского снаряжения, которые определяются как «аварские». Возможно, от своих китайских предков авары позаимствовали те приспособления, которые византийцы перенимали столь охотно. Однако конные лучники у последних были уже раньше, от гуннов, и они позволили нейтрализовать (или почти нейтрализовать) их аварский эквивалент, что и составляло здесь главное отличие: с аварами византийцы могли сойтись в бою на открытой местности, чего не могло быть с гуннами, если только последние не были в сильном численном меньшинстве и если погода не была слишком плохой.

К 557 г. авары достигли пролежавшей по Волге границы между степью к северу от Каспийского моря, где сейчас находится Казахстан, и Понтийской степью к северу от Чёрного моря. В 558 г. (или, возможно, чуть позже, в 560 г.) они направили посольство в Константинополь, прибегнув к помощи кавказских аланов, которые сообщили о них византийскому военачальнику где-то у пределов Лазики, то есть в нынешней западной Грузии. Когда Юстиниан был поставлен в известность, он вызвал делегацию авар в Константинополь. Менандр Протектор сообщает:

Первым посланником этого народа был избран некто по имени Кандих. Представ пред очи императора, он сказал: «К тебе приходит самый великий и сильный из народов; племя аварское неодолимо; оно способно легко

¹⁹ Вопрос о «псевдоаварах» (соответствующий пассаж в труде Феофилакta Симокатты, начиная с VII. 7. 10, выглядит как «романизированная» версия Менандрова фрагмента 19. 1, Müller-Dindorf 43) — едва ли представляет интерес; см.: Golden 1982, начиная с р. 109. Более определённо проф. Голден (Golden) высказался о связи авар с жужанями устно 23.10.2003. См.: Walter Pohl. Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567—822 n. Chr. (Авары. Степной народ в Центральной Европе в 567—822 гг. по Р.Х.; München: C.H. Beck, 2002), p. 158.

отразить и истребить противников. И потому полезно будет тебе принять аваров в союзники и приобрести себе в них отличных защитников, но они только в таком случае будут в дружеских связях с Римской державой, если будут получать от тебя драгоценные подарки и деньги ежегодно и будут поселены тобой на плодородной земле»²⁰.

Далее Менандр пишет, что Юстиниан был тогда стар и дряхл, но тем не менее «он преодолел бы аваров и истребил бы их вконец», если не войной, то благоразумием, однако вскоре после этого он умер; заключает Менандр так: «Быв решительно не в силах справиться с аварами, он пошел другими путями». Так он и сделал, но лишь частично, поскольку, хотя кое-какие подарки, включая золото, он преподнёс, никакая «плодородная земля» из рук в руки не перешла, и авары продолжали продвигаться на Запад. Проницательный наблюдатель и не такой любитель героических поз, как Приск, Менандр был, конечно, не прав, теоретизируя о том, что Юстиниан «преодолел бы аваров и истребил бы их вконец», если бы мог.

На этот момент в степном коридоре к западу от аваров были тюрки: утригуры и кутригуры²¹, которые периодически угрожали византийским владениям в Крыму и вдоль черноморского побережья. Их возглавляли опасные славяне-анты, тогда как большая масса славян (склавинов) насаждала на границу по Дунаю и просачивалась вплоть до центральной Греции. Авары действительно стали представлять собою значительную угрозу лишь поколение спустя, но в 558 или 560 г. решение рискнуть огромной армией и заранее согласиться на тяжкие потери для того, чтобы «вконец истребить» потенциального врага, который был скорее потенциальным союзником, полностью противоречило бы всем правилам византийского искусства управления государством. Ведь авары действительно атаковали, разгромили и подчинили утригуров, кутригуров, антов и многих славян. Когда авары в конце концов всё же напали на империю ок. 580 г., новый стиль ведения войны оп-

²⁰ *Excerpta de Legationibus gentium ad Romanos* (Выдержки о посольствах народов к римлянам), 1; рус. пер. С. Г. Дестуниса, цит. по: Византийские историки, с. 321; англ. пер.: *Menander-Blockley*, p. 49.

²¹ Греч. «утригуры», от «утур-» или «отур огур» = тридцать огуров, то есть кланов или племён; а «кутригуры» из «кутургур», от «токур огур» = девять огуров; личное сообщение проф. Гоулдена (Golden) от 15.04.2008.

равдал себя. При императоре Маврикии (582—602 гг.) поначалу были неудачи — скорее по вине оперативного командования, чем по тактическим причинам, — но византийские войска, ударную силу которых составляли конные лучники, успешно атаковали авар ок. 590 г.

Полезный, но зачастую оспариваемый с точки зрения приводимой им хронологии историк Феофилакт Симокатта («Курносый кот»), современник тех событий, сохранил рассказ о римском наступлении, начавшемся с берега Дуная напротив Виминация (ныне Костолац в Воеводине, Сербия) и продолжавшемся вдоль реки Тиса на границе Баната:

...Приск [командующий армией на Балканах]... построил силы ромеев самым лучшим образом, разделив их на три отделения; он побуждал их сражаться как можно храбрее, затем, постепенно вытягивая фланги, окружить аваров так, чтобы варварское войско оказалось словно в какой-то котловине, и варвары, попав в середину, подверглись неожиданному уничтожению. Таким-то образом варвары попали в эту засаду, и силы стоящих против них врагов истребили из них девять тысяч... На десятый день стратиг услышал, что варварское войско вновь пошло в наступление. Среди дня, вооружив и построив как следует ромейское войско, Приск двинулся в бой. Он вновь построил свое войско тремя фалангами, варвар же, выстроив одну фалангу, двинулся на Приска. Приск, выбрав на этой местности самое удобное расположение и используя себе в помощь направление ветра, с возвышенности ворвался в ряды аваров, а двумя своими фалангами нанес врагам решительный удар. В этих местах находилось озеро — в его воду он и загнал варваров. Поэтому варвары, оттесненные к бушующим его волнам и на свое несчастье видя его перед собой, позорно в нем потонули²².

О предшествующем сражении Феофилакт пишет (2. 11): «...Не имея луков, ромеи вступили с неприятелями в бой копьями с близкого расстояния»; однако вполне очевидно, что это было исключением, вызванным особыми условиями местности (лесистой?) или погоды (влажной?), почему это и было отмечено. Что же касается нормы, то приведённые выше слова (3. 5: «используя себе в помощь направление ветра») дока-

²² Рус. пер. С. И. Кондратьева под ред. и с прим. К. А. Осиповой, цит. по: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Simok/09.php; англ. пер.: Michael and Mary Whitby, *The History of Theophylact Simocatta* («История» Феофилакты Симокатты; Oxford: Clarendon Press, 1986), кн. VIII, 3. 2—6; p. 212.

зывают, что византийцы полагались на свои луки, потому что стрелам, разумеется, мешает встречный ветер, боковые ветры их отклоняют, а попутный ветер их ускоряет.

Авары действительно были грозными. Оправившись от поражений в 590-х гг., в 626 г. они подошли к Константинополю и осадили его вместе с многочисленными покорёнными ими славянами. К тому же, то ли в силу простого совпадения, то ли по сознательной договорённости, Сасанидская Персия в то же самое время совершила самое дальнейшее из всех своих вторжений на территорию империи, дойдя до берега напротив Константинополя. Потерпев неудачу в 626 г., авары потеряли контроль над многими из покорённых ими славян, которых успешно переманили на свою сторону византийские агенты: в их число входили и те племена, которые стали хорватами и сербами, и последствия этого события ощущаются по сей день. Тем не менее авары продолжали представлять собой угрозу, пока не перешли севернее, на территорию нынешней Венгрии, где их окончательно разгромил Карл Великий в 791 г.; вскоре после этого они рассеялись и были ассимилированы, также и под натиском булгар. Но задолго до этого авары были управляемой, хотя и серьёзной угрозой для византийцев, которых авары уже не могли превзойти так, как это сделали гунны, потому что к тому времени византийцы уже овладели сложным искусством стрельбы из лука с коня. Возможно, эта революция была тактической, но она привела к стратегическим последствиям.

Однако существовала острая проблема, также чреватая стратегическими последствиями: стрельба из лука с коня — искусство, не только трудное в освоении, но и очень быстро забывающееся: как на индивидуальном, так и на институциональном (что важнее) уровне. Если ему не обучиться в детстве, то оно ни в коем случае не представляет собою такой навык, который с годами не забывается — как, например, умение ездить на велосипеде. Инструкторам по стрельбе хорошо известно, насколько по-разному сохраняются навыки в стрельбе из пистолета и из винтовки; в первом случае навыки деградируют столь быстро, что без серьёзной ежемесячной практики средний стрелок из пистолета начинает представлять опасность для своих коллег, тогда как хорошо тренированный стрелок из винтовки может сохранять свои навыки даже в том случае, если освежает их лишь раз в год. Стрельба из лука с коня — то же, что и стрельба из пистолета, только она ещё сложнее: есть современные свидетельства тому, что регулярная череда восстано-

вительных тренировок абсолютно необходима даже самым искусным наездникам на соревнованиях по ябусамэ, стрельбе из лука с коня, о чём уже упоминалось выше.

Поэтому, когда общее материальное и моральное состояние византийского войска не позволяло проводить регулярные и интенсивные тренировки, конные лучники теряли своё мастерство гораздо быстрее, чем другие воины; и если в это искусство, проявляя терпение, не посвящали новобранцев или же посвящали слишком немногих, то армия как целое вскоре утрачивала боеспособность. Высказывалось обоснованное предположение о том, что уже сам по себе этот фактор оказал значительное влияние на неспособность византийских сил сдерживать турок-сельджуков в конце одиннадцатого века; это даёт также техническое объяснение факту упадка войска, которое было победоносным на всех направлениях вплоть до 1025 г.²³

РАЗВЕДКА И СЕКРЕТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В византийских руководствах по военному делу, рассматриваемых ниже, командиров неизменно призывают делать всё, что в их силах, чтобы собирать разведывательные данные всеми доступными средствами, поскольку византийский стиль ведения войны особенно нуждался в такого рода информации. Надлежало использовать все три способа сбора сведений, одного было недостаточно: лёгкая конница и пешие патрули, которые должны были «прощупывать» врага мелкими неожиданными атаками по методу «бей — и беги!», чтобы испытать его моральное состояние и воинское мастерство, а также для того, чтобы спровоцированный этим враг выслал (и тем самым выставил на обозрение) свои более крупные силы, которые можно было рассмотреть и оценить, — иными словами, это было тем, что мы сегодня называем рекогносцировкой, которую производили более мелкие, быстрые, но хорошо вооружённые боевые подразделения, действующие в авангарде

²³ См.: *Walter Emil Kaegi Jr. The Contribution of Archery to the Turkish Conquest of Anatolia* (Вклад искусства стрельбы из лука в турецкое завоевание Анатолии), в: *Haldon* 2007, pp. 237—267

главных сил; скрытное обследование более отдалённых мест и находящихся там вражеских сил очень мелкими группами пеших или конных воинов, которым следовало избегать любых стычек, способных помешать их главной обязанности: обследовать и доложить — иными словами, разведка на местности (scouting), выражаясь современным языком, то есть секретное поручение, которое исполняют незамаскированные легковооружённые бойцы без доспехов, прячась на местности от вражеских глаз; и, наконец, сбор разведывательных данных в самой глубине вражеской территории, по возможности в его лагерях, крепостях и даже в резиденции правительства посредством «тайных» агентов, которые не прячутся на местности, а скрываются под личиной купцов, ни в чём не виновных местных жителей или даже вражеских бойцов либо должностных лиц — иными словами, шпионаж, как мы называем это сегодня. В придачу к агентам, просочившимся на территорию врага, были также «тайные друзья», «агенты на местах», как мы называем их в наше время, то есть враждебно настроенные жители, а возможно, и должностные лица или военачальники, завербованные для того, чтобы поставлять сведения «изнутри»²⁴.

В руководствах по военному делу проводились эти различия и объяснялась их необходимость. Рекогносцировочные патрули, состоявшие из подразделений лёгкой конницы — прокурсаторы, «бегущие впереди», как их чаще всего называли — были слишком велики для настоящей разведки на местности, для наблюдения за врагом как он есть, потому что они могли спровоцировать либо ответное усиление врага, либо его благоразумное отступление. Военные разведчики, вступающие в бой с врагом, едва ли добьются успеха, будучи легко вооружены и малочисленны, и тогда они не исполнят своей задачи: произвести наблюдения и доложить о них. Разведчики, скрывающиеся от глаз противника, не могут стать полезными шпионами и в том случае, если они просто выйдут из леса или спустятся с гор в ближайший город: ведь они обучены как воины, а не как тайные агенты, а тех, как также отмечается в руководствах по военному делу, отбирали, готовили и использовали совершенно иначе.

Сбор разведывательных данных в более широком смысле, с целью понять образ мышления других народов и их предводителей, а не

²⁴ См.: Nike Koutrakou. Diplomacy and Espionage: their role in Byzantine Foreign relations, 8th—10th centuries (Дипломатия и шпионаж: их роль в византийской внешней политике в VIII—X веках), в: Haldon 2007, p. 137; перепечатно из: Graeco-Arabica 6, pp. 125—44.

только их ближайшие намерения, примерно оценить их военную силу, включая её снабжение, а не только те силы, что находятся в поле или ещё где-то, — вот о чём так пеклись византийцы. Наши сведения об Аттиле почерпнуты по большей части из подробного рассказа Приска Панийского, которого пригласили присоединиться к византийскому посольству — несомненно, для того, чтобы потом он доложил в Византии о гуннах (так делали уже в древности, когда Тацит писал свою «Германию»). Но, кроме таких исследований народов и стран (какова бы ни была их цель), итоги которых излагались в литературной форме, был и систематический шпионаж. По самой своей природе шпионаж документируется скудно, так что обвинение в шпионаже плохо соотносится с его эффективностью, в чём я имел возможность убедиться лично. Однако известна знаменитая жалоба Прокопия, из которой видно, как действовал византийский шпионаж в его дни, покуда не был предположительно приведён в полный упадок скупостью Юстиниана:

А с разведчиками дело обстояло так. Издревле за счет казны содержались многие люди, которые отправлялись в пределы врагов, проникали в царство персов под видом торговцев или под каким-либо иным предлогом и, тщательно всё разведав, по возвращении в землю римлян могли известить начальствующих лиц о вражеских секретах. Те же, заранее предупрежденные, были настороже, и ничто не становилось для них неожиданностью²⁵.

Затем историк обвиняет Юстиниана в разрушении системы: он, дескать, «не потратил на них ничего». Согласно Прокопию, это привело к множеству ошибок, включая потерю Лазики (западная часть нынешней Грузии), причём «римляне так и не смогли разузнать, в какой части земли находится царь персов со своим войском».

Тайные операции — прямое продолжение шпионажа, и они занимали вполне естественное место в византийском стиле ведения войны, отчасти как экономичный способ снизить потери в сражениях и «износ» живой силы, а то и вовсе избежать их. Обычно цель этих операций состояла в том, чтобы ослабить врага, переманив его на свою сторону, то есть заставить его сменить объект своей лояльности. Как мы увидим подробнее, боевым командирам предписывалось наладить связи с кем-

²⁵ Прокопий Кесарийский. Тайная история, кн. XXX, 12—16; рус. пер. А. А. Чекаловой; англ. пер. Н. В. Dewin (Cambridge: Harvard University Press, 1969). Vol. VI, pp. 351—353.

либо в рядах врага и слать подарки и посулы вождям иноплеменных союзников или вспомогательных сил во вражеском лагере, а то и самим вражеским офицерам, если они обладали известной автономией, как, например, командиры гарнизонов пограничных крепостей. Вне поля битвы предпринимались постоянные усилия к тому, чтобы завербовать и вознаградить мелких царьков, чиновников, вождей покорённых племён, дабы они служили империи, а не своим владыкам, по любым причинам: от личной обиды, ревности или жадности до пылкой преданности христианской вере истинно православной Церкви.

Перед вождями врага, переманенными на сторону империи, могли ставиться разные задачи: расстраивать замыслы войны против империи, превозносить заслуги войны на стороне империи или просто доказывать выгоды дружбы с империей; всё это можно было рассматривать как мудрые приёмы государственного управления. Переманить врага на свою сторону было труднее, когда конфликт между верностью своему вождю и верностью империи нельзя было скрыть, когда такой поступок был несомненным предательством.

В одном наиболее драматическом случае, несколько подробнее рассмотренном ниже, Шахрвараз («Вепрь державы»), весьма успешный командующий сасанидской армией, дошедшей вплоть до противоположного Константинополю берега в 626 г., официально и открыто вошёл в контакт с византийцами во время сорвавшихся переговоров о месте сражения и, несомненно, продолжал поддерживать контакты с ними впоследствии, прибегая к тайным средствам, а затем в обстоятельствах, ставших для персов чрезвычайно неблагоприятными, сверг тогдашнего шаха, чтобы заключить мир с империей.

Это была вербовка на стратегическом уровне, ставшая возможной благодаря сочетанию официальных и частных переговоров, проведённых искусно и тактично (чему есть некоторые свидетельства), а прежде всего благодаря победам на поле битвы, изменившим баланс военных сил, — однако она оказалась весьма полезна для того, чтобы избежать дальнейших сражений. Очень маловероятно, что Шахрвара переманили путём простого подкупа: не похоже, что успешный военачальник, недавно завоевавший богатейшие торговые города империи, нуждался в золоте, которого тогдашнему византийскому императору Ираклию (610—641 гг.) в любом случае остро не доставало: ему пришлось конфисковать и расплавить церковные блюда и сосуды, чтобы заплатить своим воинам. Даже в обращении с людьми далеко

не столь высокопоставленными византийский метод, как мы увидим, заключался в том, чтобы выдать подкуп за лесть и представить его как добровольный подарок, вызванный имперской благосклонностью; в силу всего этого вербуемому было много легче принять плату и действовать соответственно.

Но в одном знаменитом случае подольститься или притвориться было крайне сложно: от вербуемого хотели не благоприятного для империи мнения на вражеском военном совете, что вообще могло не быть воспринято как предательство, а убийства его правителя, Аттилы, возможностью близкого доступа к которому располагал вербуемый.

Об этом эпизоде рассказывает Приск Панийский, обычно достойный доверия свидетель, хотя в данном случае настроенный крайне враждебно по отношению к главному действующему лицу — Хрисафию. В разных источниках его чин называется по-разному: кувикуларий (спальничий, постельничий) или спафарий (церемониальный меченосец), но независимо от чина он был всемогущ как особый фаворит Феодосия II (408—450 гг.). Хотя в наших источниках его обычно очерняют как низкорощенного евнуха (по имени Цума) и бессовестного неверующего вымогателя, в конфликт с которым вступил патриарх и будущий святой Флавиан²⁶, Хрисафий по крайней мере занимает далеко не последнее место в ряду стратегов и не хуже любого другого может притязать на честь изобретения новой византийской стратегии, в которой прямое использование военной силы для разгрома врага стало уже не первым инструментом государственной политики, а последним. Приск, по большей части называвший Хрисафия просто «евнухом», бранил его за унижительную для мужчины политику откупа от Аттилы, закрывая глаза на её низкую стоимость и высокую эффективность.

Однако проведение широкомасштабной и долгосрочной политики, которой требует всякая большая стратегия, не исключает специфических действий, цель которых — использовать особые возможности. Столкнувшись со всемирно-историческим феноменом Аттилы, чьи личные способности, как мы видели, значительно повысили могущест-

²⁶ «Когда Хрисафий требовал золота [за назначение], Флавиан, желая пристыдить его, послал ему... священные сосуды»: *Евагрий Схоластик*, кн. II, 2; рус. пер. СПбДА под ред. В. В. Серповой, цит. по: <http://miriobiblion.narod.ru/ev2.htm>. Англ. пер.: *Michael Whitby. The Ecclesiastical History of Evagrius Scholasticus* («Церковная история» Евагрия Схолас-тика, Liverpool: University Press, 2000), p. 61.

во гуннов, и верно (как вскоре показал ход событий) рассчитав, что без Аттилы гунны будут страшно ослаблены, Хрисафий решил подкупить доверенное лицо Аттилы, Эдекона или Эдикона, который был в Константинополе в качестве посла, чтобы тот убил своего хозяина. Приск повествует о тщательно продуманной Хрисафием процедуре:

Евнух спросил тогда Эдикона: имеет ли он всегда свободный доступ к Аттиле... Эдикон отвечал, что... ему, вместе с другими значительнейшими скифами, вверяется охранение царя, что каждый из них по очереди в определенные дни держит при нем вооруженный караул. После того евнух сказал, что если Эдикон даст ему клятву в сохранении тайны, то он объявит ему о деле, которое составит его счастье, но что на то нужно им свободное время, и оно будет у них, если Эдикон придет к нему на обед... без других посланников.

Эдикон... приехал к евнуху на обед. Здесь они подали друг другу руку и поклялись через переводчика Вигилу [официальный переводчик, состоявший под началом Хрисафия]... Эдикон в том, что никому не объявит предложения, которое будет ему сделано, хотя бы оно и не было приведено в исполнение. Тогда евнух сказал Эдикону, что если он... убьет Аттилу и воротится к римлянам, то будет жить в счастии и иметь великое богатство. Эдикон обещался и сказал, что на такое дело нужно денег немного — только пятьдесят литр золота для раздачи состоящим под начальством его людям, для того, чтобы они вполне содействовали ему в нападении на Аттилу.

Но всё оказалось не так просто. Аттила ввёл постоянные меры предосторожности:

Эдикон сказал тогда, <...> что по возвращении его Аттила с любопытством будет расспрашивать его, равно как и других посланников, какие подарки получил он от римлян и сколько дано ему денег, и тогда он не будет иметь возможности скрыть то золото от спутников своих²⁷.

Тогда по просьбе Эдикона пришли к следующему согласию: Вигила вместе с Эдиконом отправится ко двору Аттилы якобы для того, чтобы получить ответ вождя гуннов в ведущихся переговорах, на деле

²⁷ Excerpta de Legationibus gentium ad Romanos (Выдержки о посольствах народов к римлянам), 5; рус. пер.: Приск/Дестунис, сс. 30—31; англ. пер.: Blockley. Vol. II, p. 245.

же для того, чтобы получить инструкции относительно способа пересылки золота.

Это была достойная попытка и здоровое государственное решение: ведь неомарксистская догма, согласно которой история складывается из безличных процессов, а отдельные правители в этом смысле безразличны, утратила всякое доверие. Но в силу своей неизбежной секретности тайные операции подвержены ещё большим ошибкам, чем все остальные государственные дела. Хрисафия, который предположительно был мастером обмана, благодаря своему коварству перехитрившим многих врагов при дворе²⁸, перехитрил предположительно простодушный варвар, который, несомненно, с самого начала решил открыть заговор Аттиле, а золота просил лишь для того, чтобы предъявить его в качестве свидетельства.

Когда Аттила принял миссию, возглавляемую официальным послом Максимином, ничего об этом деле не ведавшим, он ничем не дал знать, что ему известно о заговоре, хотя и обронил загадочный намёк. Максимин «вручил ему царские грамоты и сказал, что царь желает здоровья ему и всем его домашним. Аттила отвечал: “Пусть с римлянами будет то, чего они мне желают”».

Затем Аттила стал запугивать Вигилу, внезапно накинувшись на него по второстепенному вопросу о возвращении беглецов-гуннов, перешедших к римлянам, и обращая свои нападки скорее на Вигилу, чем на Максимиана:

Вигила сказал, что у римлян нет ни одного беглого из скифского [гуннского] народа... Аттила, воспламенясь гневом, еще более ругал его и с криком говорил, что он посадил бы его на кол и предал бы на съедение птицам, если бы, подвергая его такому наказанию за его бесстыдство и за наглость слов его, не имел вида, что нарушает права посольств²⁹.

Двор Аттилы был подготовлен к тому, чтобы управлять империей, поскольку затем Аттила велел секретарям прочесть папирус, на кото-

²⁸ Враждебно настроенный Феофан Исповедник описывает его приёмы: АМ 5940, параграфы 98—100; англ. пер: Theophanes, pp. 153—155.

²⁹ *Excerpta de Legationibus Romanorum ad gentes* (Выдержки о посольствах народов к римлянам), 3; рус. пер.: Приск/Дестунис, с. 41; англ. пер: Blockley. Vol. II, p. 255. Тогдашние иранские «варвары» были вполне цивилизованны.

ром были записаны имена беглых гуннов. Следующий шаг Аттилы был таким: он приказал Вигиле немедленно выехать, с виду для того чтобы доставить этот список в Константинополь, на деле же — чтобы дать ему возможность привезти золото, необходимое для заговора. Эдикон, как положено, прибыл к шатру, где располагалось посольство, чтобы отвести Вигилу в сторону, укрепить его готовность продолжать замышленное и велеть ему доставить золото для вознаграждения своих людей.

С целью дальнейшей подготовки сцены для предстоящего действия прибыло письмо от Аттилы, в котором объявлялось, что ни один член посольства не может ни выкупить ни одного ромейского пленника, ни купить раба или что-нибудь ещё, кроме еды. Тем самым устранялась потребность в большом количестве золота для посольства.

Дождаясь возвращения Вигилы, Максимин и Приск присоединились к Аттиле в долгом путешествии на север; именно тогда (хотя, может быть, и позже) они стали свидетелями сцены, которая, вполне возможно, представляла собою часть заранее рассчитанной «психологической обработки»: речь идёт о захвате одного гунна, посланного с ромейской территории в качестве шпиона, — Аттила приказал посадить его на кол.

Затем были повешены два раба, убившие своего хозяина; после этого гуннский вождь Берих, ранее проявлявший себя как «вежливый и дружелюбный», явился, чтобы забрать назад коня, прежде подаренного им Максимиனு, и вёл себя грубо.

Когда Вигила возвратился с группой людей, в которую входил его сын, его задержали и, конечно же, обнаружили золото. Аттила оборвал отпирания Вигилы, приказав заколоть его сына мечом, если Вигила не сознается. Тот сознался: «...Вигила, проливая слезы и рыдая, умолял Аттилу обратить на него меч и пощадить юношу, ни в чем не провинившегося. Он объявил без отлагательства [о заговоре] и между тем не переставал просить Аттилу убить его самого и отпустить сына...»³⁰. Раскрытие заговора дало Аттиле новые возможности для вымогательства, чем он немедленно воспользовался, начав с требования заплатить ещё пятьдесят фунтов золота в качестве выкупа за сына Вигилы. Вскоре посольство гуннов прибыло в Константинополь, привезя с собою ту самую сумку, в которую Хрисафий положил пятьдесят фунтов серебра,

³⁰ Excerpta de Legationibus Romanorum ad gentes (Выдержки о посольствах римлян к народам), 3; рус. пер.: Приск/Дестунис, с. 72; англ. пер.: Blockley. Vol. II, p. 295.

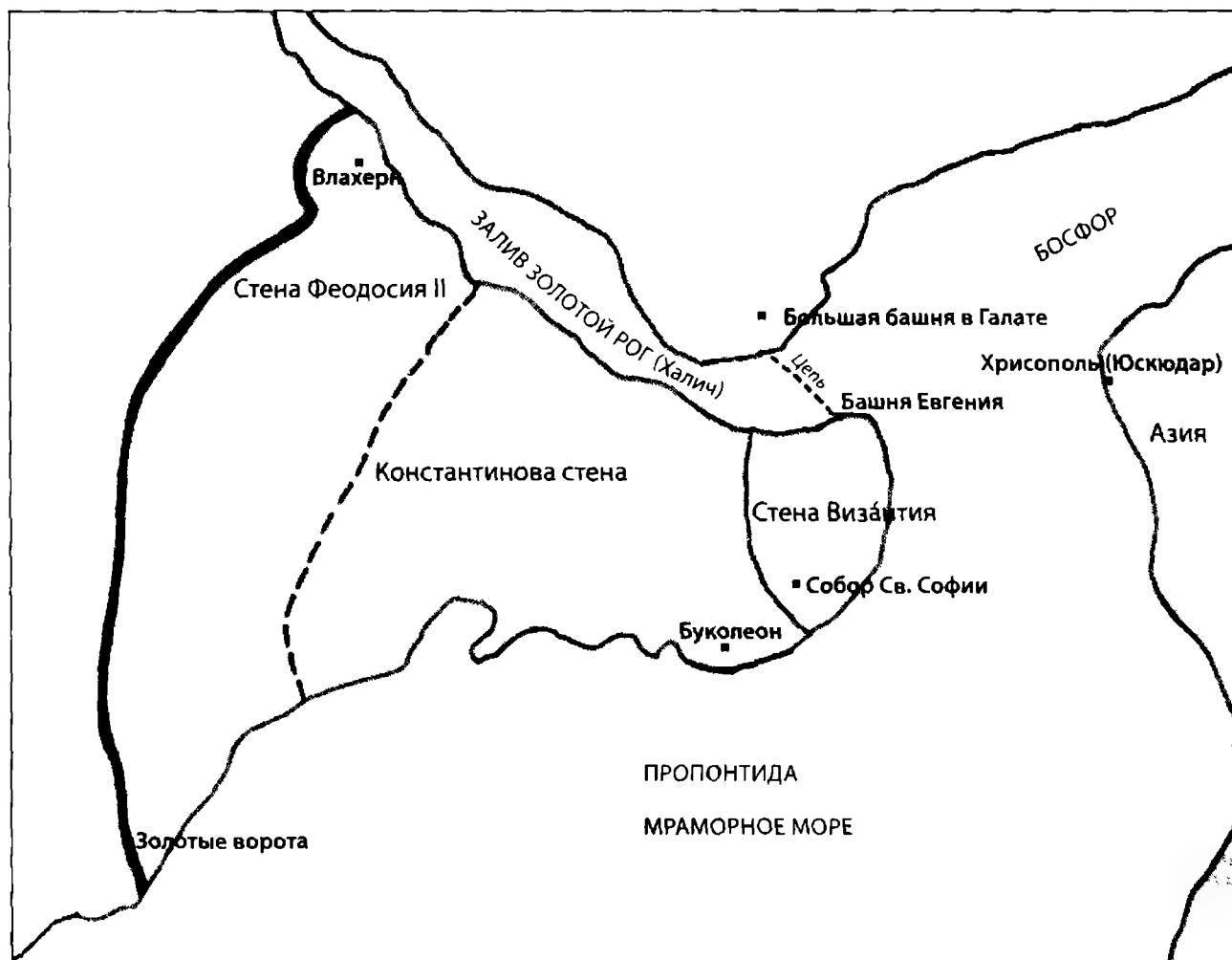
отправленные Эдикону, а также новые непомерные требования, начавшиеся с головы Хрисафия.

Неудачный исход попытки разделаться с проблемой Аттилы в самом её корне (хотя в конце концов Вигилу всё же освободили) не воспрепятствовал дальнейшим попыткам проведения тайных операций, хотя предпринимались они по большей части с целью переманивания на свою сторону, а не прямого убийства. В 535 г., когда армия Юстиниана (527—565 гг.) наголову разгромила державу вандалов в Северной Африке и получила приказ выдвинуться для уничтожения Остготского королевства в Италии, высадке византийских войск с отвоёванной Сицилии на Апеннинский полуостров предшествовали тайные переговоры с Теодахадом (Теодатом), племянником и недостойным преемником Теодориха Великого, готовым сдать своё королевство в обмен на богатые поместья, где бы они ни находились. Ранее велись тайные переговоры с Амаласунтой, дочерью Теодориха и прежней регентшей, намеревавшейся перебраться в Константинополь вместе с готской казной. А спустя семь веков Византия переманила на свою сторону всю Сицилию, отвергшую авторитет папы и власть Анжуйской династии.

КРЕПОСТЬ КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Выше отмечалось, что в стратегическом отношении географическое положение Восточной империи было в целом не столь благоприятным, как положение Западной. Но было одно важное исключение, ибо географическое местоположение её столицы, Константинополя, было исключительно выгодным, а сам город, построенный на полуострове, глубоко выдающемся в Босфор, и с трёх сторон окружённый морем, было исключительно удобно оборонять.

Правда, ни одна естественная преграда не прикрывала его со стороны суши, так что для защиты с этой стороны требовались укрепленные стены, которые и были возведены, причём, как мы увидим, с большим размахом. Не было также ни реки, ни большого количества родников, дававших воду, как в Риме, так что акведуки нужно было проводить на очень дальние расстояния по местности со сложным рельефом, но

Карта № 3. Оборонительные сооружения Константинополя

их мощности зачастую всё равно оказывалось недостаточно³¹. Во время осад, когда акведуки оказывались отрезанными, оставалось лишь ограниченное количество воды в цистернах; в худшие времена, как в 717 г., когда исключительно долгая осада города мусульманским войском под командованием Масламы ибн Абдул-Малика была верно предугадана, это привело к частичной эвакуации горожан. Но обычно этот недостаток был отнюдь не смертельным, потому что Константинополь процветал и рос, хотя он никогда не получал миллион кубометров воды в день, который обеспечивали величественные римские акведуки: подозрительное отношение христиан к купанию и баням, безусловно, помогло сократить потребность в воде.

³¹ C[yril] Mango. The water supply of Constantinople (Водоснабжение Константинополя), в ред. Cyril Mango and Gilbert Dragon. Constantinople and its Hinterland (Константинополь и тяготеющие к нему зѣмли; Aldershot, Variorum, 1995). В дальнейшем: Mango-Dagron, p. 13.

Что же касается цистерн, то они могли вместить огромное количество воды: всего три цистерны, существовавшие к шестому веку, вмещали миллион кубометров³²; кроме того, известно почти сто общественных и частных цистерн, включая впечатляющую подземную цистерну Юстиниана, которая стала одной из главных достопримечательностей города, привлекающей массу туристов и известной под турецким названием Йеребатан-Сарай («Дворец, провалившийся под землю»). Для чрезвычайно затяжных осад не хватило бы никаких цистерн, но ведь и сами эти осады требовали отлично поставленной логистики, чтобы снабжать продовольствием осаждающих, и люди Масламы действительно голодали.

В остальном же логистика была налажена превосходно. В 430 г., когда население города достигло примерно 250 000 человек, властям не составляло особого труда обеспечивать ежедневно 80 000 бесплатных дневных пайков, которые изначально выделил Константин для заселения города³³. Располагая портами и входом в Босфор, Константинополь свободно мог получать морепродукты, с одной стороны, из Эгейского моря и со всего Средиземноморского бассейна, а с другой стороны — из Чёрного моря. Располагаясь в точке встречи Европы с Азией, Константинополь обладал, с одной стороны, фракийским участком суши, с другой же — плодородным побережьем Пропонтиды (Мраморного моря) на западной оконечности Анатолии. В самом узком месте, между Кандилли и Асияном, примерно в восьми милях вверх по фракийскому побережью, ширина Босфора составляет всего 700 метров; однако до тех пор пока не были построены современные мосты, из-за утёсов, возвышающихся на анатолийской стороне, было куда легче переправляться по низменному берегу на западном входе в Босфор, где близлежащие города Хрисополь (Юскюдар) и Халкидон (Кадыкёй) располагались прямо напротив Константинополя, отделённые от него всего одной милей водной поверхности. Узкий пролив позволял пользоваться ещё одним щедрым даром природы: обильной сезонной ловлей тунца и других морских хищников, которые следовали за миграцией макрели в Чёрное море и из него; благодаря им, а также оседлым видам, включавшим осетра в количествах, достаточных для того, чтобы икра

³² C[yril] Mango. The water supply of Constantinople, p. 16.

³³ J. Durliat. L'approvisionnement de Constantinople (Снабжение Константинополя), в Mango-Dragon, p. 20.

стала обычной пищей, рыбы в городе было предостаточно, причём очень дешёвой, если сравнивать с Римом³⁴.

Поэтому, дабы уморить жителей города голодом во время осады, враг должен был держать под своим контролем Фракию, чтобы перекрыть обычные пути поставки скота и продуктов, поступавших в Константинополь по суше, и это действительно случалось несколько раз, причём самыми упорными в этом отношении были авары и болгары — вплоть до окончательной османской оккупации. Но отрезать город со стороны Европы, с суши, само по себе было бесполезно, если при этом не был под контролем и анатолийский берег, поскольку продовольствие и скот могли прибывать (и действительно прибывали) оттуда даже на таких маленьких судёнышках, как лодки с одним гребцом. Азиатское побережье Мраморного моря на краткое время попало-таки под персидский контроль в 626 г., когда авары и покорённые ими славяне удерживали фракийскую сторону. Многие части азиатского берега были захвачены последующими экспедициями арабов в 674—678 гг. и во время самой тяжёлой арабской осады в 717 г., но до окончательного османского завоевания ему грозили лишь случайные набеги со стороны Анатолии, а не полная оккупация. Даже в то время, когда и Фракия, и азиатское побережье оказались в руках врага в 626 г., Константинополь мог получать продовольствие кораблями, по крайней мере со стороны Эгейского моря, если движение по Босфору было перекрыто.

Всё это означало, что Константинополь нельзя было взять измором обычным способом, как это было в ходе самых знаменитых осад античности, но лишь к концу он превратился в город-государство, которому достаточно было пережить осады. И лишь после восстановления в 1261 г. Константинополь стал всего лишь столицей греческого царства, две материковые части которого можно было удержать только при помощи сухопутных сил.

Однако в течение большей части своего существования, вплоть до военного крушения в конце одиннадцатого века, Константинополь был столицей империи, располагавшей владениями, разбросанными там и тут в бассейнах Эгейского и Средиземного морей, и со значительны-

³⁴ G[ilbert] Dagron. Poissons, pêcheurs et poissonniers de Constantinople (Рыба, рыбаки и рыбороторговцы в Константинополе), в: Mango-Dagron, p. 59. Установленная Диоклетианом предельная цена (она, несомненно, превышалась) составляла 24 динария за фунт первоклассной свежей рыбы.

ми форпостами на дальнем конце Чёрного моря. Поэтому именно его морская составляющая была наиболее важна стратегически, и в этом отношении его естественное месторасположение было более чем благоприятным, уникально выгодным в силу разных причин: как очевидных, так и не столь очевидных.

В разряд очевидных причин входит Золотой Рог (Хрисокерас, ныне Халич), узкий залив около четырёх миль длиной, защищённый от ветра обрывистыми холмами на северном берегу, а также более низкими холмами самого Константинополя. Это была лучшая естественная гавань, известная античному миру, поскольку она была тихой в любую погоду, а также потому, что при входе в неё не было мелей и можно было плыть по ней без лоцмана. Залив был всего 240 метров шириной в самой узкой точке, а с эпохи Льва III (717—741 гг.) куда более широкий вход в Золотой Рог можно было перекрывать от врагов железной цепью на плавучих бочках, крепившейся к башне Евгения на городской стороне и к Большой башне (Мегалос Пиргос) на другой стороне (Пера, ныне район Галата), снабжённой подъёмными устройствами.

Вдоль побережья Золотого Рога находились пристани, причальные стапели, верфи и жёлобы для спуска и подъёма кораблей, которыми пользовались византийские военно-морские силы, а также купеческих судов и местных паромов. Но берег Пропонтиды (Мраморного моря) также был защищён с севера, и вдоль этого берега было устроено несколько гаваней, открывавших прямой доступ к сердцу города, включая причал дворца Буколеон на краю Акрополя и на оконечности полуострова, где размещались и императорский дворец, и великий собор святой Софии-Премудрости, Айя-София.

Не столь очевидна другая особенность морской зоны города: так называемое Чёртово течение (тур. «Шейтан акантысы»). Чёрное море получает гораздо больше воды из впадающих в него великих рек, нежели Средиземное, и потому существует течение по поверхности Босфора, сила которого может быть очень разной, а максимальная скорость достигает 4 метров в секунду, т. е. восьми узлов, хотя обычно эта скорость вдвое меньше. Уже из-за одного этого любому древнему флоту было трудно или вовсе невозможно высадиться на сушу прямо на берегу Акрополя, выдающегося в течение Босфора.

Вдобавок из-за большого притока речной воды Чёрное море не столь солёное, как Средиземное, и вследствие осмотического давления возникает другое, глубинное течение, идущее вспять, вверх по Босфору.

Взаимодействие двух этих потоков наряду с ветрами, зачастую дующими вдоль Босфора с севера как по коридору, приводит к сильному волнению, которое, в свою очередь, даёт немалые преимущества морякам, хорошо знакомым с местными условиями. Это был ещё один из факторов, способствовавших разгрому иностранных флотов, прибывавших, чтобы напасть на Константинополь.

Обладая столь великолепной базой, византийский флот, пока он был силён (а он переживал периоды упадка и возрождения), мог защищать Константинополь, не только сдерживая вражеский флот и не давая ему возможности высадиться на сушу, но и доставляя подкрепления со всех концов империи, будь то на своих военных кораблях и транспортных, будь то на завербованных купеческих судах. Такое случилось — и именно морем Ираклий в 610 г. прибыл из Карфагена со своими сторонниками, чтобы заявить о притязаниях на императорский трон; и это была ещё одна причина, по которой Константинополь ни разу не был завоёван за восемь с лишним веков войн (в 1204 г. его сопротивление было подорвано внутренними распрями).

Кроме того, Константинополь был самой крупной военной базой Византийской империи, располагавшей постоянными силами конной и пешей гвардии, мастерскими по изготовлению лат, оружия, военной формы и обуви, а также императорскими конными заводами. Соответственно византийский флот гораздо чаще использовался для того, чтобы доставлять имперские силы из Константинополя на действующие фронты империи, нежели для доставки войск, призванных укрепить городской гарнизон.

Источники по истории византийского военно-морского флота очень скудны³⁵. Мало известно о порядке набора моряков и поставки военных кораблей, об устройстве самих кораблей, изменявшемся в течение веков, о тактике флота и о его вооружении, включая знаменитый греческий огонь, который был действительно полезен, но, как мы увидим ниже, не заслуживал своей мифической репутации. Но даже наших

³⁵ Самая недавняя по времени сравнительная подборка: *John H. Pryor, Elizabeth M. Jeffreys. The Age of the Dromon: The Byzantine Navy ca 500—1204* (Эпоха дромона: византийский военный флот ок. 500—1204 гг.; Brill Academic Publishers, 2006), в дальнейшем: *Dromon*; ср. раньше: *Hélène Ahrweiler. Byzance et la Mer: La Marine de Guerre, La Politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe—XVe siècles* (Византия и море: военно-морской флот, политика и военно-морские установления Византии в VII—XIV веках, Paris: Presses universitaires de France, 1966).

отрывочных знаний об отдельных военно-морских операциях и экспедициях достаточно для того, чтобы определить всё, что необходимо определить в этой области: когда Константинополь пребывал в хорошем рабочем состоянии как политическая столица и военно-морская база (а он по большей части и пребывал в таком состоянии), город был надёжно защищён от атак с моря, даже самых широкомасштабных — и в 717 г. нападение арабов мобилизовало все суда во всех портах Восточного Средиземноморья, заполнившие Пропонтиду военными кораблями и транспортами.

А добиться этого удавалось благодаря вечному спокойствию Золотого Рога, где боевые корабли и транспорты византийского военно-морского флота находились в безопасности в любую погоду, хотя снаружи, в непосредственной близости, зачастую бушевали бури. Это обстоятельство обеспечивало хорошее состояние кораблей и мастерство моряков, в то же время осложняя жизнь вражеским экипажам, особенно прибывшим из более тёплых стран с более тёплыми водами.

Треугольный мыс, на котором стоит Константинополь, лишён естественных преград, защищающих его основание, с самой широкой стороны, обращённой в сторону суши; скромные возвышенности в городе, на его северной оконечности и на Акрополе, не превышают пятидесяти метров или около того. Поэтому все возникавшие на этом месте города, начиная с греческого полиса Византий, основанного в седьмом веке до н. э., должны были иметь стену, идущую вдоль этого основания. В римском Византии была прочная стена, разрушенная Септимием Севером (193—211 гг.) после гражданской войны 196 г. н. э., но вскоре она была перенесена.

Когда Константин основал свой Новый Рим (Nova Roma), он начал возводить укреплённую башнями стену гораздо глубже в сторону суши; она шла от Платейских ворот на берегу Золотого Рога к будущим воротам св. Эмилиана на берегу Пропонтиды и при этом выдавалась вперёд. Периметр этой стены заключал собою обширную площадь, в пять раз превышавшую площадь, защищённую Северовой стеной, и всё же этого было недостаточно, потому что в начале долгого царствования Феодосия II (408—450 гг.) город распространился за Константинову стену, образовав пригород, носивший название Эксокионий (букв.: «За колоннами»), который был открыт нападениям грабителей.

В 408 г. землетрясение повредило часть Константиновой стены, и началось строительство сооружения, которое впоследствии стало известно как Феодосиева стена (Феодосианон Тихос). Она располагалась

километра на полтора глубже в сторону суши и простиралась примерно на пять с половиной километров от побережья Пропонтиды до пригорода Влахерны возле Золотого Рога (теперь это районы Айвансарай и Балат). С самого начала это была не просто стена, а целая оборонительная система, состоявшая из трёх стен, две из которых были дополнительно укреплены 96 башнями каждая, снабжены проезжей дорогой (roadway) и рвом, что представляло собою грозное сочетание препятствий, взаимодействовавших друг с другом.

Построенная из перемежающихся слоёв камня и кирпича (у этой техники есть свои эстетические достоинства, но, вероятно, цель её состояла в том, чтобы повысить сейсмостойкость сооружения), главная стена, или Мега Тихос (Большая стена), насчитывает пять метров в ширину у основания и двенадцать метров в высоту. 96 её башен расположены на расстоянии 55 метров друг от друга, то есть на половине дистанции убойной стрельбы из составного лука с обратным изгибом в воинов в лёгких латах. На каждой из башен, высота которых составляла от 18 до 20 метров, была зубчатая стена с чередующимися амбразурами и зубцами, так что метательным оружием и шестами для отталкивания осадных лестниц можно было действовать через амбразуры, тогда как зубцы между ними обеспечивали защиту. В каждой башне была верхняя камера с узкими бойницами для стрельбы из лука и амбразурами, в которую входили прямо с дорожки, идущей вдоль стены; эта камера образовывала замкнутое помещение для боя, обладавшее куда большей сопротивляемостью, чем верхняя платформа, открытая для бомбардировки из катапульт и для надоедливых шальных стрел. Была и ещё одна камера, нижняя, располагавшаяся на уровне земли, которую использовали как кладовую.

Перед Большой стеной (Мега Тихос), метрах в 15—20 от неё, стояла ещё Внешняя стена (Эксо Тихос, или Протихисма), в которой было два метра в ширину у основания и 8,5 метра в высоту; при этом изнутри она была снабжена дорожкой для защитников. В ней тоже было 96 башен, расположенных таким образом, что каждая из них стояла посередине между двумя башнями Большой стены (Мега Тихос). В этих башнях меньшего размера тоже были камеры для бойцов и площадка с зубцами и бойницами наверху.

Ров (сúда), начинавшийся метрах в пятнадцати перед внешней стеной, был 20 метров в ширину и 10 метров в глубину. Пятнадцатиметровой полосе между периметром стены и рвом был придан вид терра-

сы; по всей её длине проходила мощёная дорога, так что сторожевые патрули могли передвигаться по ней быстро и безопасно, днём и ночью, под надзором с внешней стены. Рядом с дорогой, на краю рва, стояла защитная стенка высотой в полтора метра с амбразурами, за которой сторожевые патрули могли укрываться в том случае, если попадали под обстрел; из-за неё можно было также обстреливать разведчиков и мелкие отряды врага, и это было удобнее, чем во время крупных осад, когда Внешнюю и Большую стены нужно было полностью укомплектовать бойцами. В придачу к небольшим дверцам, которые легко было заблокировать во время осады, и к пяти военным воротам было ещё пять ворот для проезда горожан; эти ворота выходили к мостам, пересекавшим ров, включая неплохо сохранившиеся Золотые ворота (Хриси Пили), исходно триумфальная арка на Эгнатиевой дороге, которая была включена в Феодосиеву стену, образовав парадный въезд в столицу; с обеих сторон были пристроены башни, украшенные бронзовыми слонами и крылатыми статуями Ники-Победы.

Пригород Влахерны изначально не был охвачен Феодосиевой стеной, обрывавшейся метрах в 400 от Золотого Рога. В 626—627 гг., при императоре Ираклии, во время аварско-персидской осады, для защиты Влахерн была добавлена отдельная стена, выдающаяся вперёд полукругом, и ещё одна, внешняя стена была добавлена в 814 г., при императоре Льве V, когда непосредственную угрозу представляли болгары; тщательно отделанный фрагмент византийской стены, который сейчас можно увидеть там, был построен в XII веке, при Мануиле I Комнине.

Как и Стамбул в наши дни, Константинополь был подвержен частым землетрясениям, причём некоторые из них происходили в самое неподходящее время. 6 ноября 447 г., когда гунны как раз приближались к городу, землетрясением были разрушены значительные участки стены. Сохранившиеся греческие и латинские надписи напоминают о том, что Киру, префекту города, удалось восстановить стену за шесть дней с помощью цирковой партии «красных» (русиев). Регийские ворота (Пили Рэгиу) назывались также Русийскими воротами (Пили Русиу) — предположительно потому, что именно партия русиев, «красных», отстроила их в 447 г.; теперь эти ворота известны под турецким названием: «Новые ворота Мехлеви-хане» (Йени Мехлевиханэ капыси). Кира нарекли новым Константином; это обстоятельство может прояснить один пассаж из Марцеллина Комита, в записи под 15-м индиктом, в консульство Ардавура и Калепия: «...В том же году стены августейше-

го града, прежде разрушенные землетрясением, в течение трёх месяцев были отстроены трудами Константина, префекта претория»³⁶.

Таким образом, то, что принято называть Феодосиевой стеной, было чем-то гораздо большим: это была целая оборонительная система.

Первым устрашающим препятствием был ров. Стандартная техника преодоления рвов заключалась в наведении заранее сколоченных деревянных мостов через них, но сделать это было нелегко, если ширина рва составляла 20 метров; был и другой способ: заваливать ров утяжелёнными связками веток (фашинами) до тех пор, пока пехотинцы не смогут перебежать по этому импровизированному броду; однако в данном случае, для рва десятиметровой глубины, требовалось слишком много фашин, и даже в случае удачи всё равно не было твёрдой поверхности для установки таранов, передвижных осадных башен, штурмовых лестниц и других осадных орудий, которые должны стоять либо вплотную к стене, либо рядом с ней, чтобы ими можно было успешно воспользоваться. В данном же случае расстояние между внешним краем рва и стеной составляло 38 ярдов (35 метров), что было слишком много для осадных машин — за исключением артиллерийских, то есть метавших камни или стрелы.

Кроме того, глубина рва затрудняла применение техники, оказывавшейся обычно самой эффективной в античную эпоху: провести туннель до стены, подкопать её до основания, поставить деревянные подпорки, промазать их горючей смолой, а потом поджечь, чтобы разрушить стену. Однако из-за десятиметровой глубины рва и слоя жидкой грязи на его дне туннель должен был быть весьма глубоким — и потому легко затопляемым.

Поскольку башни обеих стен отстояли друг от друга на 55 метров, причём башни внешней стены располагались посередине башен главной стены, и учитывая к тому же расстояние в 15—20 метров между двумя стенами и десять метров разницы в их высоте, можно подсчитать, что любая атакующая пехота, которой удалось бы преодолеть ров, попала бы на дистанцию смертельного выстрела из лука по меньшей мере из четырёх башен и с двух пятидесятиметровых участков стены. Здесь потребовалось бы самое большее 300 лучников; если они

³⁶ Рус. пер. А. Н. Коваля по изд.: http://www.documentacatholicaomnia.eu/03d/0470-0534,_Marcellinus_Comes,_Chronicon,_LT.pdf; англ. пер. и комм.: *Brian Coke. Byzantina Australiensia 7* (Sydney: Australian Association for Byzantine studies, 1995), p. 19.

были искусны, ещё не утомлены и хорошо снабжены стрелами, этого количества хватило бы, чтобы сдержать армию из нескольких тысяч человек — но, разумеется, с обеих сторон должна была действовать и артиллерия. Как мы увидим, византийцы регулярно применяли артиллерию в своих полевых войсках, а уж тем более при защите крепостей, особенно самой важной из них³⁷.

Большая стена, пространство между стенами и (в зависимости от обстоятельств) мощёная дорога перед внешней стеной — благодаря всему этому можно было переместить центр приложения усилий по обороне с одного участка периметра стены на другой быстрее, чем атакующие снаружи сумеют перегруппироваться, не располагая ни мощёными дорогами по земле, ни дорожками вдоль стен.

Враги, ставшие побудительной причиной возведения Феодосиевой стены, предпочитали кораблям коней, но уже в третьем веке были морские набеги готов с моря, в 626 г. пришли авары со множеством славян на лодках, а с 674 г. появились арабы-мусульмане, напавшие с моря, из портов Леванта.

Как отмечалось выше, течения и ветры крепко помогали защищать город, но уже со времён Константина I в нём были и приморские стены. При Феодосии II система стен, защищавших город с суши, была дополнена системой приморских стен, шедших вдоль берега Пропонтиды, Мраморного моря и Золотого Рога. Последняя из них, длиной в 5600 метров, шла от «наземной» стены во Влахернах к мысу Св. Димитрия, тогда как стена вдоль Пропонтиды была длиной в 8460 метров, не считая внутренних стен в нескольких гаванях.

Первые приморские стены были попросту стенами, причём не очень высокими. Под натиском арабов в 674—677 гг., а затем в 717 г. приморские стены на обоих берегах мыса были отстроены, укреплены и местами надстроены, но лишь при Михаиле II (820—829 гг.) началась полномасштабная реконструкция стен и их надстройка до большей высоты в ответ на завоевание Крита арабским флотом в 824 г. Тогда, а также впоследствии, были добавлены и башни, оказавшиеся всё же бесполезными в 1204 г., когда венецианцы высадились на берегу Пропонтиды.

³⁷ Обзор, иногда исправляющий обычные предвзятые мнения, см. в работе: *Paul E. Chevedden. Artillery in Late Antiquity* (Артиллерия в позднеантичную эпоху), в сборнике: ред. A. Corfis and M. Wolfe, *The Medieval City under Siege* (Средневековый город при осаде), Woodbridge UK: Boydell and Brewer, 1999), pp. 131—173.

Взятый как целое, Феодосиев оборонительный комплекс, состоявший из рвов, стен и башен, стал весьма эффективным «множителем силы» (*force-multiplier*), то есть фактором повышения боевой мощи, если выражаться по-современному; сам по себе бесполезный, этот комплекс мог значительно повысить обороноспособность достаточного по численности, хорошо обученного и хорошо тренированного гарнизона. Но по большей части (за поразительным исключением в 860 г., как мы увидим ниже) Константинополь подвергался нападению лишь во времена острого кризиса всей империи в целом, ибо в противном случае врагам едва ли удалось бы до него добраться. В такие времена, особенно после перенесённого крупного поражения в битве, имперские войска, видимо, были не в столь хорошем состоянии и не в таком количестве, чтобы образовать сильный городской гарнизон. Особая тагма (примерно соответствует полку) «стен» (тон тихон) была учреждена при Константине V (741—775 гг.), но в ней должно было быть гораздо больше людей, чем в обычной тагме, чтобы охранять столь протяжённую систему укреплений.

Именно в такие времена кризиса и разлада, когда вероятность подхода врагов к Феодосиевой стене была наиболее высока, её способность выступать в качестве «множителя силы» (*force-multiplier*) была наиболее ценна, ибо она могла возместить даже самую сильную нехватку числа защитников; в 559, 601, 602 и 610 гг. корпорации горожан, включая цирковые партии синих и зелёных, были мобилизованы для защиты стен — а в 559 г. призваны были даже сенаторы (или по крайней мере их люди)³⁸. Как мы увидим, в предельно суровом испытании 626 г. гарнизона численностью, возможно, в 12 000 человек, куда входили и прошедшие полную боевую подготовку воины, присланные Ираклием, оказалось достаточно для защиты Константинополя, когда он подвергся нападению хорошо вооружённых и грозных авар, которых сопровождало множество славян, тогда как персидская армия стояла лагерем на противоположном берегу, отрезав подход любым подкреплениям с другого континента.

Любое надлежащим образом построенное фортификационное сооружение является «множителем силы» (*force-multiplier*), но система

³⁸ J. F. Haldon. *Strategies of defence, problems of security: the garrisons of Constantinople in the middle Byzantine period* (Стратегии защиты, проблемы безопасности: гарнизоны Константинополя в средневизантийский период): Mango-Dagron, p. 146.

Феодосиевой стены была самым эффективным сооружением в мире в течение тысячи лет с начала её постройки, а величина её была такова, что она сама по себе обладала стратегическим значением.

Приморские стены также были впечатляющим строительным достижением, которое было, несомненно, полезно для отражения набегов. Однако безопасность города со стороны моря неизбежно требовала наличия военно-морских сил и способности контролировать моря: не Средиземное — слишком широкое, а подступы к Константинополю и устье Босфора. Причиной падения города в 1204 г. были внутренние раздоры, но именно отсутствие действующего флота сделало его непосредственно уязвимым.

Выше уже отмечалось, что Восточная империя находилась в менее выгодном положении, чем Западная, из-за отсутствия стратегической глубины. Вот почему Константинополю приходилось выступать в одно и то же время и величественной столицей огромной империи, и крепостью, вынужденной заботиться о собственной защите. Во многом это напоминало Париж в эпоху объединённой Германии: просто потому, что он находится слишком близко от Рейна, он был осаждён в 1870 г., оказался на волосок от захвата в 1914 г. и был завоёван в 1940 г. В промежуток между двумя войнами французы попытались увеличить эффективную стратегическую глубину перед Парижем, построив самую разработанную линейную фортификационную систему во всей истории — линию Мажино; в 1940 г. она выдержала натиск немцев, но они обошли её с севера, через Бельгию.

Византийцы пытались сделать то же самое, начиная с пятого века, добавив ещё один укреплённый периметр между Константинополем и угрозой с севера: Длинную стену (Макрон Тихос), известную также как Анастасиева стена; она тянулась на 56 км от Мраморного моря: начинаясь в точке, находившейся в шести километрах за Селимврией (ныне Силиври), она доходила до черноморского побережья там, где сейчас находится местечко Эвджик-искелеси. Эта стена была названа по имени удачливого и бережливого Анастасия I (491—518 гг.), но он, возможно, лишь завершил, восстановил и надстроил прежнюю стену, возведённую, вероятно, в эпоху Льва I³⁹. В тех местах, где стена сохра-

³⁹ S. v. "Long Wall" («Длинная стена»), DoB, Vol. 2, p. 1250; а также: J. G. Crow. The Long Walls of Thrace (Длинные фракийские стены), в: Mango-Dagron, начиная с p. 109. Значительные части стены сохранились. См.: James Crow, Alessandra Ricci, Richard Bayliss.

нилась лучше всего, она представляет собою сооружение в 3,3 м шириной в основании и около 5 м высотой; она была снабжена рвом, башнями, охраняемыми воротами, фортами, прямоугольным укрепленным периметром и внутренней дорогой, позволявшей с удобствами проехать от одного моря до другого и не бояться засад, когда стена была укомплектована воинами. Она, по восторженному отзыву Евагрия Схоластика, «город вместо полуострова делает почти противлежащим Херсонесу островом, представляя собой безопасную переправу из так называемого Понта [Чёрного моря] в Пропонтиду [Мраморное море] и в море фракийское и вместе удерживая как набеги варваров, <...> так и прилив их со стороны Европы»⁴⁰.

Значительным достоинством Длинной стены было то, что она обрзовывала оборонительный периметр в 65 км за Феодосиевой стеной, придавая обороне Константинополя глубину. Будучи должным образом укомплектована часовыми и патрулями, Длинная стена могла остановить разбойников, шайки мародёров и локальные нападения. В более крупном масштабе она представляла собою надёжную базу для полевых армий, посланных, чтобы удержать врага на почтительном расстоянии от столицы, не позволяя ему подойти прямо к её стенам.

Значительным недостатком Длинной стены было её неблагоприятное географическое расположение: чтобы обеспечить 65 км глубины, она тянулась на 56 км в длину и нуждалась в соответствующем гарнизоне численностью по меньшей мере в десять тысяч человек, чтобы обеспечить достаточное число часовых, патрулей и подразделений быстрого реагирования. Во вступлении к одному из законов Юстиниана отмечается, что стеной заведовали двое должностных лиц довольно высокого ранга, что предполагает существенное благоустройство⁴¹. Несомненно, это стало причиной того, что Длинная стена была заброшена в начале седьмо-

The University of Newcastle "Anastasian Wall Project" (Проект Ньюкаслского университета «Анастасиева стена»): <http://longwalls.ncl.ac.uk/AnastasianWall.htm>.

⁴⁰ Церковная история, III. 38; рус. пер. СПбДА под ред. В. В. Серповой, цит. по: <http://miriobiblion.narod.ru/ev3.htm>; англ. пер.: *Michael Whitby*, *The Ecclesiastical History of Evagrius Scholasticus* («Церковная история» Евагрия Схоластика; Liverpool: University Press, 2000), p. 183.

⁴¹ Новелла 26, De Praetore Thraciae. Praefatio: "In Longo enim muro duos quosdam sedere vicarios" (О преторе Фракии. Вступление: «Ибо Длинной стеной заведуют некие два викария»). Викарий здесь в действительности означает «префект претория» (рус. пер. А. Н. Ковалёв; оригинал: <http://web.upmf-grenoble.fr/Haiti/Cours/Ak/Corpus/Novellae.htm>).

го века, если не раньше. Поэтому Константинополь успешно защищался силами гарнизонов Феодосиевой стены в течение почти восьми веков, обладая лишь небольшой стратегической глубиной.

ПЕРЕВОРОТ ЮСТИНИАНОВА ПЕРЕВОРОТА: ПОБЕДА И ЧУМА

Флавий Пётр Савватий Юстиниан, Юстиниан I, Юстиниан Великий, «святой благоверный царь Юстиниан», как его величают в Православной Церкви, родился в семье крестьянина в местечке Таврисия (в нынешней Македонии), но без особых затруднений взойшёл на престол, прослужив долгое время в качестве помощника, заместителя, соправителя и, наконец, действительного правителя вместо его дяди Юстина I (518—527 гг.).

Когда Юстиниан был официально возведён на трон в 527 г., прошло семьдесят семь лет после окончания правления Феодосия II, и к тому времени его стратегические инновации были усвоены, упрочены и получили законный статус, что привело к отрядным результатам.

Империя была теперь куда сильнее, чем в 450 г., но она всё ещё нуждалась в Длинной стене и в Феодосиевой стене для защиты Константинополя: не от полномасштабных вторжений, а скорее от разбойничьих набегов из-за Дуная, а также от грабителей и мародёров.

Как и с самого начала своего существования в третьем веке, персидская Сасанидская империя оставалась постоянной стратегической угрозой, которая не ослабевала ни благодаря взаимному уважению, ни благодаря частым переговорам и договорам, включая «Вечный» мир от 532 г. Постоянная бдительность и готовность быстро развернуть подкрепления всегда была необходима, хотя зачастую и недостаточна, чтобы сдерживать Сасанидскую державу на Кавказе, в спорной Армении и вплоть до Южной Сирии.

С другой стороны, никакой враждебной державы на севере больше не было: ни к югу от Дуная, ни к северу от него, тогда как за Адриатикой Остготское королевство в Италии желало лишь поддерживать добрые отношения с империей, а часть его элиты хотела воссоединения с империей. Вандалы и аланы, завоевавшие Африку веком ранее, всё ещё были

там, но уже не грозили Египту морскими экспедициями. Что же касается опасностей из великой Евразийской степи, то ближайшими воинственными кочевниками были тюрки-кутригуры, обитавшие на территории нынешней Украины⁴², но они представляли собою скорее неудобство, а не неодолимую силу, каковой были в своё время гунны Аттилы.

Более могущественные степные враги были пока что в пути, но важнее было то, что к эпохе Юстиниана воины-степняки безвозвратно утратили своё тактическое превосходство. Войско империи пережило тактическую революцию, полностью овладев сложным искусством стрельбы из мощного составного лука с обратным изгибом с коня, сохранив при этом навыки ближнего боя мечом и колющим копьём. Хотя в мастерстве стрельбы из лука византийцы не могли полностью сравниться с тем, что могли проделывать с луками гуннские наёмники, всё же на голову превзойти византийских воинов было уже невозможно. Степные воины утратили также часть своего превосходства на оперативном уровне, поскольку конница стала важнейшей силой имперской армии, она переняла гибкую и подвижную тактику, и то, чего каждому всаднику, взятому по отдельности, могло не доставать в виртуозной верховой езде, могло возмещаться за счёт большей сопротивляемости их дисциплинированных и сплочённых боевых подразделений.

Конечно, это означало также, что теперь войско империи обладало тактическим и оперативным превосходством над вандалами и аланами в Африке и остготами в Италии. Аланы были преимущественно всадниками, вандалы и готы — грозными противниками в ближнем бою, вполне способными снаряжать крупные экспедиции, к тому же обладающими известным опытом в осадном деле; но всем им теперь не доставало мощи обученных лучников и мобильности на поле боя. Прокопий Кесарийский, бывший очевидцем этих событий, сообщает о том, как Велизарий, прославленный военачальник Юстиниана, объяснял различие между имперским и вражеским войсками:

...почти все ромеи и их союзники-гунны [наёмники-оногуры] — хорошие конные лучники, но из готов никто не обучался этому искусству, ибо их всадники привыкли пользоваться только копьями и мечами, тогда как их лучники вступают в бой пешими и под прикрытием тяжеловооружённых воинов [чтобы отражать конные атаки]. Так что у всадников, если не го-

⁴² Golden 1982, p. 98–100; и частное сообщение проф. Голдена (23 марта 2008 г.).

ворить о ближнем бое, нет средств защититься от противников, пользующихся луком, и поэтому их легко поразить стрелами и уничтожить; что же касается пехотинцев, то они никогда не могут быть достаточно сильны для того, чтобы совершать вылазки против верховых⁴³.

Это была всего лишь тактика, не стратегия, но можно усомниться в том, что Юстиниан, не обладая таким преимуществом, взялся бы за исполнение своего плана отвоевания сначала Северной Африки (533—534 гг.), а потом Италии (начиная с 536 г.).

Современные историки почти единодушно сходятся в том, что Юстиниан был слишком амбициозен, что его завоевания чрезмерно расширили империю, и это вполне верно, если смотреть на события в обратной перспективе, — хотя, возможно, только из-за непредвиденно разразившейся катастрофы. Но даже самые беспощадные критики не считают Юстиниана глупцом, неразумным или не способным к трезвому расчёту. На знаменитой мозаике церкви Сан-Витале в Равенне Юстиниан смотрит на нас открытым взором, но в этом взоре мы видим скорее расчётливую амбицию, нежели нравственный пыл⁴⁴.

И был налицо один неизбежный факт: невозможность переправить действительно большие армии морем. В самой крупной экспедиции, которую тогда можно было снарядить, Велизарий отправился из Константинополя летом 533 г. во главе примерно 10 000 пехоты и 8000 конницы, которых перевозили на 500 транспортных судах, укомплектованных 30 000 экипажа и сопровождаемых 92 военными галерами⁴⁵. Конечно, это была самая что ни на есть впечатляющая армада, но 18 000 воинов было явно мало для того, чтобы одолеть вандалов и аланов, не говоря об остготах, чью живую военную силу поддерживали ресурсы всей Италии.

Но это можно было сделать, пусть и не без труда, воспользовавшись тактическими и оперативными преимуществами манёвра с силами конных лучников. В предшествующих фразах приведённого выше пас-

⁴³ Прокопий Кесарийский. Войны, кн. V, XXVII, 27—29; англ. пер.: Dewing. Vol. III, p. 261.

⁴⁴ См. оценку в книге: Averil Cameron. Justin I and Justinian (Юстин I и Юстиниан), в: САН 2000. Vol. 14, начиная с p. 67. (Я писал вышеизложенное до того, как прочёл эту работу.)

⁴⁵ Прокопий Кесарийский. Войны, кн. III, XI, 2; англ. пер.: Dewing. Vol. II, начиная с p. 101.

сажа сам Велизарий ясно утверждал: «[благодаря конным лучникам] полчища врага не могли причинить ущерб ромеям, хотя их и было мало»⁴⁶. Конечно, для этого требовалась также успешная стратегия на уровне театра военных действий и искусное командование в целом. Юстиниан славился тем, что ему служили талантливые военачальники, особенно евнух Нарсес, который был, может быть, наилучшим тактиком, а также самый знаменитый и действительно неистощимый на выдумки Велизарий, автор множества стратегем и хитростей, — даже неграмотные римляне по сей день помнят его импровизированные плавучие мельницы, приводившиеся в действие течением Тибра, которые мололи зерно во время осады Рима готами в 537—538 гг.

Успешные стратегемы — классический пример «множителя сил», и именно благодаря Велизарию они впервые стали отличительной чертой Византии и оставались в этом качестве ещё в течение долгих веков наряду с его систематическим избеганием войны «на истребление» и максимальным использованием манёвра.

В подробном рассказе о войне с вандалами и с готами, оставленном его секретарём Прокопием, который, безусловно, восхищался полководцем, но при этом не был чужд критике, мы читаем о том, что Велизарий всегда был склонен предпринять длительные переходы по самым опасным путям, чтобы появиться не там, где его ожидали, и подойти к противнику с фланга, а ещё лучше — с тыла; мы читаем и о том, как он был склонен пойти на самую рискованную стратегему, чтобы избежать прямой атаки. Чтобы победить многих, командуя немногими, он возместил недостающую массу войска высокой платой, сильно рискованными манёврами и дерзкими неожиданными действиями, смелыми предприятиями (*coups de main*), которые впоследствии все одобряли из-за их успеха, хотя в действительности они были рискованными ставками в опасной игре.

Одного примера будет достаточно. В 536 г. Велизарию удалось взять Неаполь после двадцатидневной осады, причём не штурмуя его прочные стены, а прибегнув к дерзкому ходу, который мог закончиться очень плохо. Один воин, движимый всего лишь любопытством, спустился в подземный акведук, ведущий в Неаполь, вода в котором с началом осады, разумеется, была перекрыта. Он продолжал осмотр, пока не достиг участка, слишком узкого для человека, но можно было предполагать, что этот ход ведёт через стены прямо в город. Когда об этом

⁴⁶ Прокопий Кесарийский. Войны, кн. V, xxvii, 27; англ. пер.: Dewing. Vol. III, p. 261.

услышал Велизарий, он тут же посулил крупную награду, чтобы побудить этого воина и его спутников потихоньку углубить скальное ложе, пока ход не станет достаточно широким:

С наступлением ночи, отобрав около четырехсот человек... он велел им всем надеть панцири, взять щиты и мечи и ожидать спокойно, пока он не даст знака. [Выбрав двоих командиров, он] «велел им ввести в город своих четырехста воинов, захватив с собою светильники. Он послал с ними двух лиц, умеющих играть на трубе, с тем чтобы они, будучи внутри укреплений, могли привести в замешательство этими звуками город и дать знать своим, что поручение выполнено. <...> Он послал по лагерю [своих главных сил] людей с поручением приказать всем бодрствовать и держать оружие в руках. Около себя он собрал большой отряд тех, кого он считал самыми смелыми.

Это была подобающая предосторожность, поскольку «из тех, которые пошли в город, приблизительно половина, испугавшись опасности [пройти по длинному, узкому, тёмному туннелю], вернулась назад».

Велизарию удалось пристыдить их и загнать обратно в туннель; чтобы прикрыть происходящее, он отправил Бесса, офицера, бывшего по рождению готом, чтобы тот затеял громкую перебранку с готами, удерживавшими ближайшую сторожевую башню. А четыре сотни должны были продолжить свой путь по тесному пространству внутри акведука, покуда они не добрались наконец до отрезка, над которым не было крыши и откуда они могли выкарабкаться. Затем они убивают не ожидавших никакой беды сторожей на двух башнях, находившихся на северной стороне укреплений⁴⁷.

После этого Велизарий мог отправить своих отборных людей, чтобы те поднялись на незащищённые башни по лестницам и захватили Неаполь без приступа, который мог обойтись слишком дорого. Если бы эти четыре сотни были обнаружены, все они, вероятно, были бы перебиты — а ведь они представляли собою немалую расходную силу в экспедиционном войске, которое всё целиком было настолько мало, что впоследствии Велизарий мог оставить всего 300 человек для гарнизона

⁴⁷ *Проконий Кесарийский. Войны*, из кн. V, 9, 12; рус. пер. С. П. Кондратьева, цит. по: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prokop/framegot11.htm>; англ. пер.: Dewing. Vol. III, с р. 87.

в Неаполе, который был тогда (и остаётся по сей день) самым крупным городом к югу от Рима⁴⁸.

Если оставить в стороне стратегемы, то прежде всего именно искусство стрельбы из лука наряду с отменной тактикой позволило византийской армии регулярно разбивать многочисленного врага. Согласно авторитетной реконструкции двух главных битв итальянской кампании, при местечке Тадина (Тагина), или Буста Галлорум (совр. Гуальдо-Тадино), на Фламиниевой дороге в нынешней Умбрии в 552 г., и на речке Казилин (ныне Вольтурно) близ Неаполя в 554 г., византийские войска под командованием Нарсеса включали в себя смешанный контингент лангобардов, герулов и даже персов, но и в том и в другом случае именно лучники имперской армии обеспечили решающий перевес в критической фазе битвы благодаря дождю своих несущих гибель стрел⁴⁹.

В общем, тактическое и оперативное превосходство имперской армии было достаточным условием для двух кампаний в Северной Африке и в Италии; необходимым же условием был достигнутый путём переговоров мир с Сасанидской Персией, как сам Юстиниан объяснил, обронив мимоходом замечание в тексте нового закона об администрации Каппадокии:

...и всё же при таких огромных издержках и на величайших войнах... Бог даровал нам не только заключить мир с персами, но и покорить вандалов, аланов и маврисиев [мавров], а кроме того, овладеть всей Африкой и Сицилией, питая благие надежды на то, что Бог позволит нам вернуть и всё остальное, что древние римляне, владевшие [землями] вплоть до пределов обоих Океанов, впоследствии упустили по небрежению. Эти [земли] мы, уповая на Божественную помощь, спешим привести в лучшее состояние⁵⁰.

Италия едва ли была «приведена в лучшее состояние» (*in melius convertere*) благодаря освобождению от остготов в войне, продлившейся до 552 г. со многими губительными превратностями; а с 568 г.

⁴⁸ Прокопий Кесарийский. Войны, кн. V, 14, 1, 2; рус. пер. С. П. Кондратьева, цит. по: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prokop/framegot11.htm>; англ. пер.: Dewing, pp. 141, 142.

⁴⁹ John Haldon. *The Byzantine Wars: Battles and campaigns of the Byzantine era* (Византийские войны: битвы и кампании византийской эпохи; Stroud, UK: Tempus, 2001). В дальнейшем: Haldon 2001, pp. 37—44.

⁵⁰ Новелла 30. О проконсуле Каппадокии (*De Proconsule Cappadociae*), гл. XI. 2; рус. пер. А. Н. Коваля по изд.: <http://web.upmf-grenoble.fr/Haiti/Cours/Ak/Corpus/Nov30.htm>.

Карта № 4. Империя в эпоху прихода к власти и смерти Юстиниана, 527—565 гг.

вторжение лангобардов открыло новый этап губительной войны, хотя это произошло уже после смерти Юстиниана в 565 г. гораздо позже той непредвиденной катастрофы, что свела на нет его стратегические планы.

Что бы ни готовило будущее, а Юстиниан всё же осуществил свои амбициозные замыслы почти полностью, ибо его войска завоевали Северную Африку, начиная от Туниса и вдоль алжирского побережья, вплоть до северной оконечности нынешнего Марокко, дойдя до самой Атлантики, а через пролив — и прибрежную полосу Пиренейского полуострова в нынешней юго-восточной Испании, а также все острова: Балеарские, Корсику, Сардинию и Сицилию и всю Италию целиком. За исключением части побережья Пиренейского полуострова и южного побережья Галлии, где не было никакой соперничающей морской державы, всё Средиземное море снова стало Нашим морем (*Mare nostrum*) для всех практических целей, ибо противостоять византийскому флоту не мог никто.

И это было не частным достижением военного-авантюриста, а скорее военной стороной куда более широких амбиций. Юстиниан, ставший императором, когда ему было за сорок, славился неутомимостью, был явно умен, не имел соперников, не был связан условностями (он не побоялся жениться на женщине с социальным статусом бывшей проститутки) и обладал ещё двумя свойствами, очень ему помогавшими: полной казной и особым даром находить одарённых людей, служивших ему. Благодаря всему этому Юстиниан мог бы стать даже удачливее Анастасия, который правил 27 лет, построил немало сооружений, включая Длинную стену и крепость Дара, не проиграл ни одной войны, уменьшил налоги и всё же оставил своему преемнику Юстину предположительно 320 000 фунтов золота в казне⁵¹.

Но цели Юстиниана заходили гораздо дальше. Ещё до того как приступить к своим завоеваниям, Юстиниан принялся за кодификацию всех существующих конституций (*constitutiones*), императорских указов, издававших силой закона, то есть законов, изданных императорами начиная с эпохи Адриана. Феодосий II тоже издал подобную кодификацию, но она осталась незавершённой, тогда как в кодексе Юстиниана, опубликованном уже в 529 г. (из чего явствует, что работа над ним началась сразу после его восшествия на престол), все конституции Феодосиева кодекса были сопоставлены с теми, что содержались в двух неофициальных соб-

См. ниже о Длинной стене и Даре. О 320 000 фунтах золота: Тайная история, кн. XIX. 7; англ. пер.: Dewing. Vol. VI, p. 229.

раниях, а также с законами, изданными впоследствии, включая законы самого Юстиниана; итогом этого труда стал «Кодекс Юстиниана» (“Codex Iustiniani”) в двенадцати книгах. Руководил работой юрист Трибониан, ещё один высокостарённый выдвиженец Юстиниана, ставший главным автором «Пандект» (“Pandectae”), или «Дигест» (“Digesta”), трактата по юриспруденции, последовавшего за Кодексом; в пятидесяти книгах «Дигесты» содержались юридические мнения по самым разнообразным случаям, принадлежавшие 39 экспертам-юристам, прежде всего Ульпиану и Павлу. Будучи изданы официальной властью, «Дигесты» стали в действительности дополнительным кодексом законов, созданных юристами, весьма похожим на корпус английского общего права (Common Law) — с той разницей, что «Дигестами» занимались римляне, поэтому организованы они куда лучше. Затем Трибониан и его коллеги приступили к гораздо более краткому труду, к «Институциям» (“Institutiones”) в четырёх книгах, представлявшим собою пособие для обучения юриспруденции. К 534 г. кодекс Юстиниана вышел в новом издании, с исправлениями и дополнениями, включая законы, изданные Юстинианом за этот срок, но и после этого его новые законы, «Новеллы» (“Novellae”), были собраны в отдельный свод, куда ко времени смерти Юстиниана в 565 г. вошли 168 законов, написанных в основном по-гречески.

Всё это в совокупности стало известно с XVI века как «Корпус гражданского права» (“Corpus juris civilis”). Но задолго до этого, в конце XI века, он был заново открыт в Италии и лёг в основу канонического права, а также светских занятий юриспруденцией в Болонье, положивших начало первому настоящему университету, а равным образом и западной юриспруденции, распространившейся ныне по всему миру. Продолжающееся использование оставляемых без перевода латинских выражений в американских судах: *sine die* («на неопределённый срок»), *polle prosequi* («отказ истца от иска или от его части»), *ad litem* («для целей судопроизводства»), *res judicata* («окончательное судебное решение, не подлежащее пересмотру») и т. д. — символизирует собою куда более глубокую преемственность: ведь все они восходят к «Дигесте», входящей в «Свод гражданского права». В японском торговом кодексе нет латинских выражений, но там есть многое от Ульпиана, что дошло через Трибониана и через европейские кодексы, к которым восходит и японский. Если бы у юристов были святые, Юстиниан, несомненно, был бы их святым покровителем, как сам он и его жена Феодора являются святыми Православной Церкви, в которой 14/27 ноября совершается память «святых царей Юстиниана и Феодоры».

Столь же обширными и столь же успешными были амбиции Юстиниана в области общественного строительства. Прокопий написал целую книгу «О постройках» («Пери ктисматон»), где он перечисляет церкви, крепости и другие здания и сооружения, построенные или расширенные Юстинианом. Иногда Прокопий приписывает ему постройки других императоров, но мы действительно знаем, что при Юстиниане десятки крепостей и других укреплений были построены или основательно перестроены во многих частях империи и что 39 церквей были построены или перестроены в одном только Константинополе, включая великий храм святой Софии. Его громадный парящий купол до сих пор привлекает посетителей, а устройство и убранство храма воспроизводятся с большим или меньшим успехом в тысячах церквей по всему миру.

Из подробного Прокопиева описания строительства храма святой Софии мы знаем, что люди, отобранные лично Юстинианом для того, чтобы они построили ему храм принципиально новой конструкции, а именно Анфимий Тралльский и Исидор Милетский, прибегали к математическим вычислениям при проектировании, чтобы рассчитать динамику тщательно уравновешенного купола⁵². Снова одарённый Юстиниан отыскал исключительные таланты, чтобы осуществить свои непомерные амбиции, и в Стамбуле по сей день сохраняется в целости свидетельство, доказывающее, что он добился полного успеха, как вышло и с его непомерно амбициозным юридическим проектом, влияние которого сказывается ныне гораздо шире, чем ко времени его смерти в 565 г.

Так почему же с военными амбициями Юстиниана дело обстоит иначе? О том, что они не были совершенно неосуществимыми, мы знаем по простым фактам: морская экспедиция, отправленная на завоевание Африки в 533 г., не потерпела крушение и не была разбита по прибытии, так что нынешний Тунис и побережье Алжира были завоёваны. Отвоевание Италии у остготов, начавшееся в 536 г., было предприятием куда более сложным, но и оно было успешно завершено в мае 540 г., когда Велизарий вступил в Равенну, столицу и последнее прибежище остготов, чтобы принять сдачу короля Витигеса и его жены Матасунты.

Как отмечалось выше, современные историки объясняют, что с военными амбициями Юстиниана дело обстояло иначе потому, что эти амбиции превосходили возможности империи удовлетворить их. Через год

⁵² О постройках, из кн. I, 1, 24; англ. пер.: Dewing. Vol. VII, начиная с p. 11.

после того как Велизарий торжественно завершил войну в Италии в мае 540 г., не оставив в Италии ни одного мощного гарнизона, чтобы держать под контролем готов, последние оказались в состоянии возобновить войну, на сей раз со всё большим успехом, после того как их королём стал Тотила. Одно из общепринятых объяснений гласит: Юстиниан отозвал Велизария и его войско, поскольку «боялся, что могущественный военачальник может представлять угрозу для него»⁵³. Даже Рим был потерян в 546 г., в ходе войны, продолжавшейся до 552 г. Поскольку же в 540 г. Сасанидская Персия нарушила договор о «вечном мире» и тоже начала войну, шедшую с перерывами до 562 г., империи пришлось вести две долгие и широкомасштабные войны на двух фронтах, далеко отстоящих друг от друга, так что в 559 г. в Константинополе почти не было войск, способных отразить нашествие кутригуров и славян. Конечно, всё это свидетельствовало о чрезмерных замашках и служило предсказанием неспособности защитить границу по Дунаю, а с ней и Балканский полуостров (а потому и Грецию) от вторжения аваров и от славянской оккупации.

Поэтому обвинение в чрезмерных замашках предполагает обвинение в стратегической некомпетентности — или, попросту говоря, в отсутствии обычного здравого смысла: унаследовав по восшествии на престол войну с неизменно агрессивными Сасанидами, Юстиниан должен был знать о том, что за персидским фронтом нужно следить и в военное, и в мирное время. Оставшиеся же военные силы были бы необходимы на «северном фронте» империи, от Далмации до Дуная, который в 533 г. не подвергался нападениям, но рано или поздно должен был им подвергнуться в водовороте переселения народов, по-прежнему бурлившем за границами империи. Этот северный фронт действительно был первоначально важным оборонительным периметром империи, защищавшим ценные придунайские земли до самой Адриатики и ограждавшим Грецию, равно как и Фракию, — а значит, и сам Константинополь. Северный фронт представлял собою также главную площадку для набора бойцов в войско империи, включая сюда и то местечко неподалёку от крепости Бедерианы, где сам Юстиниан родился и провёл первые годы своей жизни, когда он был ещё Петром Савватием.

⁵³ *John Moorhead. The Byzantines in the West in the Sixth Century (Византийцы на Западе в шестом веке), в: ред. Paul Fouracre, The New Cambridge Medieval History (Новая кембриджская история Средних веков). Vol. I, ок. 500 — ок. 700 гг. (Cambridge: Cambridge University Press, 2005), p. 127.*

Решение снарядить дальнюю экспедицию, пусть даже для того чтобы захватить богатые нивы Африки и освящённый славой Первый Рим, пренебрегая при этом защитой континентальных подступов к имперской столице, было поэтому столь очевидной стратегической ошибкой, что выдавало слабый ум — не ум Юстиниана, каким мы его знаем. Конечно, верно, что история — это память о преступлениях и глупостях, совершённых человечеством, и немало глупых войн было затеяно после 533 г., так что Юстиниан не остался бы в одиночестве, если бы действительно забыл о первостепенной необходимости защитить то место, где он сам родился, и свою столицу.

Но есть совсем иное объяснение, отчасти основанное на свидетельствах столь же древних, что и само событие, отчасти же весьма новое — настолько новое, что его ещё не включили в более обстоятельные исследования деятельности Юстиниана и его войн, а тем более — в общие курсы истории⁵⁴. Значительное новое историческое свидетельство появляется очень редко и при этом всегда вследствие удачных раскопок. Это верно и для данного случая, хотя само по себе это свидетельство не является ни эпиграфическим, ни нумизматическим, ни археологическим в традиционном смысле, поскольку обнаружено оно в ДНК костей скелета и в кернах льда.

Сначала древнее свидетельство: в книге II, главе XXII «Войн» Прокopia мы читаем:

Около этого времени [с 541 г.] распространилась моровая язва, из-за которой чуть было не погибла вся жизнь человеческая. Возможно, всему тому, чем небо поражает нас, кто-либо из людей дерзновенных решится найти объяснение. <...> Причину же этого бедствия невозможно ни выразить в словах, ни достигнуть умом... Ибо болезнь разразилась не в какой-то одной части земли, не среди каких-то отдельных людей, не в одно какое-то время года, на основании чего можно было бы найти подходящее объяснение её причины, но она охватила всю землю, задела жизнь всех людей... она не щадила ни пола, ни возраста... Пусть каждый, философ или астролог, гово-

⁵⁴ Этого объяснения нет даже в труде, вышедшем совсем недавно: Halsall 2007, где говорится, что чума всего лишь «подрывает моральное состояние» (р. 504). Но теперь см.: ред. Lester K. Little. *Plague and the End of Antiquity: The Pandemic of 541–750* (Чума и конец античности: пандемия 541–750 гг.); Cambridge: Cambridge University Press; 2006; далее: *Plague* (Чума).

рит об этих явлениях как ему заблагорассудится, я же перехожу к рассказу о том, откуда пошла эта болезнь и каким образом губила она людей.

Началась она у египтян, что живут в Пелусии. Зародившись там, она распространилась в двух направлениях... На второй год после появления этой болезни она в середине весны дошла до Византия, где в ту пору мне довелось жить. Большинство же ни во сне, ни наяву не ведали того, что произойдёт... Охватывала она их следующим образом. Внезапно у них появлялся жар... При этом тело не теряло своего прежнего цвета и не становилось горячим, как бывает при лихорадке, и не было никакого воспаления... В самом деле, никому из тех, кто впал в эту болезнь, не казалось, что им предстоит умереть. У одних в тот же день, у других на следующий, у третьих немного дней спустя появлялся бубон, не только в той части тела, которая расположена ниже живота и называется пахом (бубоном), но и под мышкой, иногда около уха... Одни впадали в глубокую сонливость, у других наступал сильный бред... Одни умирали тотчас же, другие много дней спустя, у некоторых тело покрывалось какими-то черными прыщами величиной с чечевицу. Эти люди не переживали и одного дня, но сразу же умирали. Многих приводило к смерти неожиданно открывшееся кровотечение...⁵⁵

В следующей, XXIII главе мы переходим к демографическим последствиям:

В Византии болезнь продолжалась четыре месяца, но особенно свирепствовала в течение трёх. Вначале умирало людей немногим больше обычного, но затем смертность всё более и более возрастала: число умирающих достигло пяти тысяч в день, а потом и десяти тысяч и даже больше...⁵⁶

Три месяца, то есть 90 дней, величайшей чумы, по 5000 жертв в день — получается 450 000; если же принять цифру 10 000 жертв в день, мы получим 900 000, а Прокопий говорит даже о большей ежедневной смертности, приводя цифры, представляющиеся невозможными.

Когда Прокопий пишет как историк, а не как полемист, его современные коллеги обычно считают его достоверным источником, но относительно пандемии есть две веские причины сильно подозревать его. Во-первых, в эпоху, когда не было статистики, не существовало и

⁵⁵ Рус. пер. А. А. Чекаловой; англ. пер.: Dewing, pp. 451—465.

⁵⁶ Там же, р. 465.

данных о смертности, которые можно было бы внимательно изучить и включить в текст, тогда как импрессионистические оценки последствий эпидемий, как известно, вводят в заблуждение: никто из читавших сухие отчёты о СПИДе в США, когда эта болезнь впервые привлекла к себе всеобщее внимание, никогда не догадался бы, что её демографические последствия будут незначительны.

Вторая причина упоминалась всегда, но зазвучала по-новому с появлением структуралистских подходов к изучению текстов. Как всякий здравомыслящий человек, Прокопий бесконечно почитал Фукидида и пытался подражать его языку, отделённому от обычного греческого эпохи Прокопия более чем тысячелетием. И происходит следующее: Фукидид наиболее душераздирающе писал о чуме в его времена в той части своего сочинения, которая сейчас издаётся как книга II его «Истории», а Прокопий явно пытается подражать его манере в своём тексте, издаваемом сейчас как книга II его «Войн», включая рассказ о происхождении чумы: «Эта болезнь началась, как утверждают, в Эфиопии за Египтом, а затем спустилась в Египет... Затем она внезапно обрушилась на жителей Пирея». Далее идёт тщательно составленное, очень подробное описание симптомов болезни («...на людей прежде всего напал жар в голове...»)⁵⁷, которому Прокопий опять же явно стремился подражать. Поэтому его свидетельство не принимается в расчёт, а иногда даже расценивается как грубейшее преувеличение⁵⁸.

Конечно, все согласны в том, что пандемия была, причём весьма масштабная; и согласны не только потому, что настолько доверяют Прокопию, но также из-за того, что все другие сохранившиеся тексты, современные этим событиям или повествующие о них ретроспективно, упоминают её, причём иногда с некоторыми подробностями⁵⁹.

⁵⁷ Главы XLVIII и XLIX; англ. пер.: Charles Forster Smith. *Thucydides. History of the Peloponnesian War* (Фукидид. История Пелопоннесской войны, Cambridge: Harvard University Press, 1951), pp. 343, 345.

⁵⁸ Примечательно в работе: J. Durliat. La peste du VIe siècle, pour un nouvel examen de sources byzantines (Чума VI века, к пересмотру византийских источников), в: J. M. Lefort et al. Hommes et richesses dans l'Empire byzantin, tome 1, IVe—VIIe siècles (Люди и богатства в Византийской империи. Том 1: IV—VII века; Paris: P. Lethielleux, 1989), pp. 107—119. Об историографическом контексте см.: Lester K. Little. Life and Afterlife of the First Plague Pandemic (История и последствия первой пандемии чумы), в: Plague (Чума), pp. 3—32; Durliat, p. 17.

⁵⁹ См., напр., P. Allen. The “Justinianic” Plague («Юстинианова» чума), Byzantion 49 (1979), pp. 5—20.

Один из таких текстов принадлежит Евагрию Схоластику из Антиохии, высокообразованному юристу, приступившему к начальному образованию в 540 г., за год до начала пандемии, и потерявшему жену, дочь, внука и других родственников при очередном рецидиве чумы, который сам он пережил. Его «Церковная история», написанная около 593 г., даёт описание пандемии «на её 52-м году». Начинает он с происхождения болезни: «Она вышла, как говорили, из Эфиопии...» Затем он описывает её симптомы: «...у некоторых она начиналась с головы — причём глаза наливались кровью, лицо опухало...»⁶⁰

Высокообразованный Евагрий тоже явно отсылает к Фукидиду, но источники, не затронутые влиянием афинского историка, также описывают неслыханную катастрофу. Прежде всего это относится к «Хронике» Псевдо-Дионисия Телль-Махрского, написанной на сирийском, то есть на позднем восточноарамейском языке в северной Месопотамии в восьмом веке, но сохранившей утраченный источник, современный описываемым событиям, книгу о пандемии, написанную высокопоставленным священнослужителем и историком Иоанном Эфесским. Запись под 855 г. Селевкидской эры (=543/544 г.) гласит: «Была великая и страшная чума во всём мире во дни императора Юстиниана», а затем продолжается горькими жалобами в духе Плача Иеремии:

на трупы, распадающиеся и гниющие на улицах, ибо некому было похоронить [их];

на большие и малые дома, прекрасные и желанные, которые внезапно превратились в могилы...

на корабли среди моря, чьи моряки были внезапно сражены... и они стали могилами... и продолжали плыть по волнам;

на брачные покои, где находились наряженные невесты, но внезапно там оказались лишь безжизненные и устрашающие трупы...

⁶⁰ Евагрий Схоластик. Церковная история, IV. 29; рус. пер. СПбДА под ред. В. В. Серповой, цит. по: <http://miriobiblion.narod.ru/ev4.htm>. Англ. пер. и предисл.: Michael Whitby. The Ecclesiastical History of Evagrius Scholasticus («Церковная история» Евагрия Схоластика; Liverpool: Liverpool University Press, 2000), pp. 229–231.

На большие дороги, превратившиеся в пустыню...⁶¹

Далее хронист перечисляет заражённые чумой провинции империи: все египетские провинции, Палестина до самого Красного моря, Киликия, Мисия, Сирия, Иконий (ныне Конья в центральной Анатолии), Вифиния, Асия (северная Анатолия), Галатия, Каппадокия. В тексте есть упоминание о том, что «мы видели» во время путешествия из Сирии до самой Фракии за Константинополем:

(деревни) ...где больше не было жителей;

почтовые станции на дорогах [пункты проверки, а также отдыха для имперской курьерской службы], полные тьмы и одиночества, наводящие ужас на всякого, кому случится зайти в них и оставить их;

брошенный скот, бродящий по горам, и нет пастуха, который собрал бы его;

стада одичавших овец, коз, быков и свиней...

поля во всех странах, через которые мы проезжали на пути из Сирии во Фракию, изобилующие пшеницей, вполне созревшей и стоящей прямо, но не было никого, кто сжал бы её⁶².

Это не просто литературное подражание, но скорее описание демографической катастрофы, при которой ежедневно гибло от 5000 до 10 000 человек, именно так, как писал Прокопий; если это описание правдиво, в этой катастрофе вымерла бы половина населения империи за очень короткое время. Кроме того, если это действительно было так, произошла бы также институциональная катастрофа: когда половина солдат сплочённых армейских подразделений гибнет, эти подразделения теряют не половину своей боеспособности, а всю её целиком или почти всю. Все составляющие имперской военной системы, службы сбора налогов, распоряжения центральной администрации, оружейные мастерские, склады припасов, бригады строителей крепостей, военные и прочие корабли, а

⁶¹ Англ. пер.: Witold Witakowski. [*Pseudo-Dionysius of Tel-Mahre*] Chronicle Part III [also known as the Chronicle of Zuqnin] (*Псевдо-Дионисий Телль-Махрский. «Хроника», часть III, известная также как «Хроника Зукнина»*; Liverpool: Liverpool University Press, 1996), в дальнейшем: *Pseudo-Dionysius* (Псевдо-Дионисий), pp. 74—75.

⁶² *Pseudo-Dionysius* (Псевдо-Дионисий), pp. 80—81.

также воинские подразделения повсюду оказались бы в столь же затруднительном положении, а их уцелевший личный состав скорее всего разбежался бы, чтобы ускользнуть от пандемии, или устремился бы к своим больным семьям, или впал бы в оцепенение, или был бы ослаблен болезнью, или просто деморализован, так что пятидесятипроцентная смерть привела бы к более чем пятидесятипроцентной недееспособности.

Таково древнее повествовательное свидетельство; если оно правдиво в отношении масштабов демографического бедствия, то могло бы непосредственно объяснить нам, почему боеспособность Юстиниана упала столь решительно, начиная с 541 г., бесповоротно разрушив его амбициозные планы.

Но это древнее свидетельство не может быть убедительным, потому что в нём нет достойных доверия цифр, и на этом именно основании оно было отвергнуто. Вот лишь один пример из многих: один особенно плодовитый современный историк, трудам которого многим обязаны настоящие страницы, пишет так:

Учёная ортодоксия, на которую производят сильное впечатление живописные и эмоциональные рассказы современников-очевидцев, Прокопия и Иоанна Эфесского, согласна с тем, что чума привела к катастрофическим и необратимым людским потерям в пределах Римской империи: возможно, целая треть населения вымерла повсюду, а ещё больше того — в Константинополе и в других очень больших и нездоровых городах; но в лучшем случае это следует рассматривать как всего лишь одну причину в числе многих⁶³.

Иными словами, Прокопий преувеличивает, и это преувеличение означает: «возможно, целая треть населения». В оценке правления Юстиниана, данной в последнем издании самого авторитетного обзора истории поздней античности, основные данные учитываются — включая налоговое законодательство, необходимость в котором была вызвана смертью множества налогоплательщиков; но вывод гласит, что чума была лишь одним из бедствий («были и другие бедствия, прежде всего землетрясения, одно из которых разрушило знаменитую юридическую школу в Берите (Бей-

⁶³ *Michael Whitby. Recruitment in Roman Armies from Justinian to Heraclius (c. 565—615) (Набор в римские войска от Юстиниана до Ираклия (ок. 565—615 гг.)), в: изд. Averil Cameron. The Byzantine and early Islamic Near East (Византийский и раннеисламский Восток). Vol. 3 (Princeton: Darwin Press, 1995); в дальнейшем: Cameron 1995; p. 93.*

руте)...»), последствия которого только подлили масла в огонь: «Трудности Юстиниана усугубились из-за внезапной вспышки бубонной чумы...»⁶⁴

Новые данные, разделяющиеся на две группы, окончательно доказывают правоту Прокопия: это была не просто ещё одна вспышка болезни, не просто ещё одно бедствие, вскорости стихнувшее: это была не знавшая прецедентов в истории пандемия, вполне способная истребить даже больше трети населения.

Во-первых, в исследовании, опубликованном в 2005 г., содержится впервые полученное с помощью анализа ДНК окончательное доказательство того, что заболевание, ставшее причиной «Юстиниановой чумы», было вызвано исключительно заразным и исключительно смертоносным биоваром палочки бубонной чумы (*Yersinia pestis*)⁶⁵. Это заболевание в корне отличается от чумы, описанной Фукидидом, да и от любой другой чумы, известной ранее. Когда *Yersinia pestis* снова появилась как агент «Чёрной смерти», примерно с 1334 г. в Китае и с 1347 г. в Европе, некоторый остаточный иммунитет должен был сохраниться, но для населения империи в 541 г. это был совершенно новый патоген, и поэтому у тогдашних византийцев не было приобретённого иммунитета в отличие от гораздо менее распространённой естественной сопротивляемости.

В силу этого патоген был исключительно заразен; иначе говоря, его способность вызывать заболевание была очень высока; говоря практически, укусы блохи, переносившей палочку *Yersinia pestis* в 541 г., гарантировал инфекцию, чего, разумеется, не было с привычными патогенами, поскольку многие люди обладают приобретённым иммунитетом к ним. Поэтому уровень инфекции в 90 % или выше был возможен среди людей, которых кусали блохи, а в древности таковым был практически каждый. Сам Юстиниан, как и наш свидетель Евагрий, заразился этой болезнью в числе других людей, переживших бедствие. Ведь заразность — одно дело, а смертоносность — другое. В самом деле, в силу очевидных причин

⁶⁴ Averil Cameron. Justin I and Justinian (Юстин I и Юстиниан), в: САН 2000, Vol 14, pp. 76—77 (порядок изменён).

⁶⁵ Биовар, схожий с разновидностью *Orientalis: I. Wiechmann and G. Grupe. Detection of Yersinia pestis in two early medieval skeletal finds from Aschheim (Upper Bavaria, 6th century A.D.)* (Обнаружение чумной палочки (*Yersinia pestis*) в двух раннесредневековых находках скелетов из Ашхайма (Верхняя Бавария, VI в. по Р.Х.): *American Journal of Physical Anthropology*, No. 126 (2005), pp. 48—55. Ранее считалось, что этот биовар принадлежал к разновидности *antiqua* («древняя»; названа так из-за эпидемии 541 г.), которая продолжает существовать, хотя и не столь опасна.

очень заразные болезни не очень смертоносны: обычные биовары гриппа причиняют смерть лишь немногим из их весьма многочисленных жертв.

Но это было бы неверно в отношении биовара бубонной чумы, *Yersinia pestis*, в 541 г., потому что он был совершенно новым для заражённого населения. Если прибегнуть к сравнению, что при вспышке птичьего гриппа в 2003—2006 гг., вызванной новым патогеном A/H₅N₁, было заражено всего 263 человека в Индонезии, Вьетнаме и ещё в десяти странах — иными словами, заразность этого патогена крайне низка, если учесть, что многие миллионы людей вступали в контакт с заражённой птицей в этих и в иных странах. Зато смертоносность этого заболевания была действительно высока: 158 человек из числа заражённых умерли, что составляет 60 %, то есть в шестьдесят раз больше, чем средняя смертоносность холеры, представляющей собою тем не менее заболевание страшное и всё ещё причиняющее немало смертей. И конечно же, именно поэтому весь мир встревожился по поводу птичьего гриппа, несмотря на невысокую заразность этой болезни, которую можно подхватить, только съев сырой кусок заражённой птицы, либо воздушно-капельным путём, или же просто в силу очень несчастного случая.

В пандемии 541 г. смертность в 50 % или выше была столь же возможна, как это было недавно с переносчиком птичьего гриппа (A/H₅N₁), поскольку в обоих случаях биовар был совершенно новым, так что у населения не было приобретённого иммунитета. Посему то, что казалось невероятным, если не невозможным, серьёзным историкам, на разумных основаниях считавшим уровень смертности в одну треть населения преувеличенным из-за куда более низкого уровня смертности всех иных известных пандемий, было в высшей степени возможно — и даже на уровне выше 30 %.

Второй же источник новых данных указывает: то, что «могло» случиться, случилось в действительности. Климатология сейчас заражена пристрастной полемикой, но результаты исследований ледовых кернов, демонстрирующие повышение уровня углекислого газа в атмосфере за последние десять тысяч лет, сомнению не подлежат. «Антропогенное» объяснение, недавно предложенное одним выдающимся климатологом, приведшим много убедительных свидетельств, заключается в том, что вырубка лесов в сельскохозяйственных целях, заменяющая естественные зелёные массивы засаженными полями и повышающая численность стад скота, особенно скота, производящего метан, как минимум в той же мере повлияла на повышение уровня углекислого газа в атмосфере за последние несколько тысяч лет.

В таком контексте обращают на себя внимание два резких и значительных снижения уровня содержания углекислого газа во льду, одно из которых примерно соответствует 541 г., что даёт внешнее свидетельство неслыханного демографического бедствия, вызвавшего распространившееся на широкой территории возвращение возделанных полей к естественному зелёному покрову, а также пожирание брошенного травоядного скота (на территории империи всё ещё водились стаи волков, медведи, львы и гепарды, а в восточной Анатолии — каспийские тигры)⁶⁶. Климатологические свидетельства носят более решающий характер, чем доступные доселе археологические, но последние полностью согласуются с первыми; в заключении одного из написанных недавно обзоров говорится:

...экспансия поселений, бывшая столь характерной для большей части сельской и городской Сирии в пятом и шестом веках, внезапно оборвалась в середине шестого века. Есть свидетельства тому, что новая застройка почти прекратилась, хотя обновление домов и пристройка к ним продолжались в сельских районах...⁶⁷

Между прочим, последнее замечание легко объяснимо формированием новых семей из сохранившихся остатков тех семей, что существовали до начала чумы. Взятые вместе, новые данные биологии и климатологическая теория вызывают к новой оценке Юстиниана и его политики. Он мог бы добиться таких же успехов в осуществлении своих военных амбиций, как это удалось ему с амбициями юридическими и архитектурными. Империя потерпела крах из-за *Yersinia pestis*, из-за бубонной чумы, которая страшно ослабила её в военном отношении, если сравнивать с её врагами, которые не понесли столь огромного ущерба, ибо не были столь инфицированы: то ли потому, что были не столь цивилизованны, то ли потому, что не столь организованы (это прежде всего), а потому не столь уязвимы перед лицом крушения всех социальных установлений.

⁶⁶ См.: *William F. Ruddiman* (2003). Антропогенная эра потепления началась тысячи лет назад; онлайн: <http://courses.eas.ualberta.ca/eas457/Ruddiman2003.pdf>; см. также дискуссию в: *Real Climate*, 5, декабрь 2005: Дискуссия о ранней антропогенной гипотезе: <http://www.realclimate.org/index.php/archives/2005/12/early-anthropocene-hypothesis/>. Хищники: последний лев в Анатолии был убит в 1870 г.; последний каспийский тигр был убит в 1959 г.; выжило несколько гепардов.

⁶⁷ *Hugh N. Kennedy*. Justinianic Plague in Syria and the Archaeological Evidence (Юстинианова чума в Сирии и археологические данные), в: *Plague (Чума)*, p. 95.

Совершенно неожиданно, когда границы лишились своих защитников (прекращение чеканки монет в византийских военных пунктах на границах Сирии и Аравии засвидетельствовано давно, хотя объяснялось неверно)⁶⁸, крепости были покинуты, некогда процветавшие провинции опустошены, административная машина чрезвычайно ослаблена, и империя оказалась в коренным образом изменившемся мире, в котором кочевники из степи и из пустыни находились в гораздо более выгодном положении, чем империи, а не столь цивилизованная Персидская империя также пользовалась относительными преимуществами.

И всё же то, что сделал Юстиниан, не могли сделать его предшественники. Именно ему принадлежало решение полностью разрушить державу вандалов, завоевавших Африку, и ему это удалось. Поэтому, когда племена туземцев стали совершать набеги из пустыни и с гор Аврассии, у покорённых вандалов не нашлось ополчения, чтобы сопротивляться им (а тем более не нашлось его у зависимого вандальского государства), так что сражаться с ними вынуждено было войско империи, и без того перегруженное другими задачами. Равным образом имелись многообещающие возможности захватить Италию путём мирных переговоров, не прибегая к вторжению и к полномасштабной войне, чтобы уничтожить державу остготов. Высадке византийских войск с отвоёванной Сицилии в континентальную часть Италии в 535 г. предшествовали тайные переговоры с королём Теодахадом; речь шла либо о сделанном ему предложении остаться подчинённым правителем зависимого государства, либо о вознаграждении поместьями, приносящими ежегодный доход в 86 400 солидов — заработок 43 200 бедняков. Возможно, 100 000 солидов или компромиссное решение о королевском статусе устроили бы Теодахада. Преемники Юстиниана сделали бы это, а он не сделал — до начала пандемии.

После этого не было иного выбора, кроме одного: возвратиться к зачаточной Феодосиевой стратегии, «дипломатическая» сторона которой основывалась на простой арифметике войны и мира. Во время мира экономика империи была исключительно продуктивна по меркам того

⁶⁸ *Richard Alston. Managing the frontiers: Supplying the frontier troops in the sixth and seventh centuries* (Управление границами: обеспечение пограничных войск в шестом и седьмом веках), в: ed. Paul Erdkamp. *The Roman Army And the Economy* (Римская армия и экономика; Amsterdam: J. C. Gieben, 2002), p. 417, утверждает, что в «Тайной истории» XXIV, 12, Прокопий проявляет злобность (что верно) и преувеличивает (что неверно).

времени, принося такие поступления от налогов, которые позволяли выплачивать крупные суммы агрессивным соседям, чтобы они вели себя тихо, — причём это золото очень скоро возвращалось в империю в виде платы за те товары, которые были столь желанны этим «соседям», не умевшим их производить.

Когда в 559 г. тюрки-кутригуры из Понтийской степи под предводительством Забергана совершили набег, проникли в Грецию и достигли Константинополя, чиня, как всегда, насилия, о которых Агафий Схоластик сообщает, чтобы пощекотать нервы себе самому и своим читателям («похищались и многие благородные женщины, и даже ведущие непорочную жизнь подвергались величайшему бедствию, становясь жертвой разнузданной страсти варваров»)⁶⁹, Юстиниан вызвал Велизария (которому исполнилось тогда 53 года) из отставки, чтобы тот отразил врагов, располагая церемониальной дворцовой гвардией, 300 ветеранами и толпой добровольцев, но затем предпринял более решительные действия:

...Юстиниан... не давал отдыха вождю утригуров [другое племя огуров] Сандилху, частыми посольствами и другими способами подстрекая его во что бы то ни стало воевать против Забергана. К увещаниям император присоединил и обещание, что передаст Сандилху то жалованье, какое от Римской державы назначено было Забергану, если только Сандилх одолеет кутригуров. Сандилх хотя и желал быть в дружеских сношениях с римлянами, однако же так писал к царю: «Было бы неприлично и притом незаконно вконец истребить наших единоплеменников, не только говорящих одним языком с нами, ведущих одинаковый образ жизни, носящих одну с нами одежду, но притом и родственников наших [т. е. тюрков-огуров], хотя и подвластных другим вождям. При всем том (так как того требует Юстиниан!) я отниму у кутригуров коней и присвою их себе, чтобы им не на чем было ездить и невозможно было вредить римлянам». Это Юстиниан и попросил его сделать⁷⁰.

⁶⁹ Агафий Схоластик (Миринейский). История, V. 13 (рус. пер. М. В. Левченко, цит. по: <http://miriobiblion.narod.ru/just5.htm>). За J. B. Bury (родившимся в 1861 г.), которого мы цитируем, можно признать право на такую возбуждающую щекотку: это самая длинная цитата в его книге *History of the Later Roman Empire: from the death of Theodosius I to the death of Justinian* (История поздней Римской империи: от смерти Феодосия I до смерти Юстиниана; New York: Dover, 1958). Vol. II, p. 305.

⁷⁰ *Excerpta de Legationibus Romanorum ad gentes* 1 (Выдержки о посольствах римлян к народам); строки 13—30; рус. пер.: Менаандр/Дестунис 1860, сс. 319—320 (с незначит. изм.); англ. пер.: Menander-Blockley, pp. 43—45. О кутригурах и утригурах см.: Golden 1982, pp. 98—100.

Альтернативное решение, то есть вступление в войну, могло быть весьма успешным на уровне тактическом и оперативном, но даже в случае полной победы единственным определённым результатом была бы её цена, тогда как выгода могла быть лишь временной, ибо разгром одного врага освобождает место другому. Феофилакт Симокатта, принадлежавший к следующему за Юстинианом поколению и доживший до того времени, когда Сасанидская Персия была разгромлена, а её место заняли армии ислама, включил этот аргумент в речь, вложенную им в уста персидского посла к императору Маврикию (582—602 гг.). Посол утверждает, что Рим не обретёт выгоды, если персидская держава будет полностью уничтожена:

Нельзя, чтобы одна монархия взяла на себя бесчисленные заботы об устройстве мира и одним только веслом своего разума могла управлять всеми людьми, которых видит под собою солнце. <...> Отсюда видно, что, если персы потеряют власть, она тотчас же перейдет к другим... В качестве примера этого можно привести всем известный стремительный и невероятный поход македонского юноши. С юных лет став любимцем счастья и на короткое время обрадованный им, Александр... весь подлунный мир стремился ввергнуть в рабство, подчинить единой и нераздельной власти. Но его стремительность вскоре угасла вместе с жизнью, и все дела вновь, так сказать, распались в многовластии отдельных правителей... Какая же выгода будет для дел ромеев, если персы потеряют власть и передадут деспотическую власть другому племени?⁷¹

Трудно представить себе, что империя смогла бы пережить следующее столетие острых внутренних кризисов и опустошительных нашествий, не выработав новой стратегии. Она добилась непомерного могущества, увеличив силу, которую можно было получить от войска, сильно сократившегося в численности, и соединив эту военную силу со средствами и техникой убеждения, составляющего самую суть дипломатии, к которой мы теперь и обратимся.

Кн. IV, 13. 7—13; рус. пер. С. И. Кондратьева под ред. К. А. Осиповой; цит. по: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Simok/04.php; англ. пер.: *Michael and Mary Whitby. The History of Theophylact Simocatta* («История» Феофилакта Симокатты, Oxford: Clarendon Press, 1986), pp. 121—122. См.: *Walter E. Kaegi. Byzantium and the early Islamic Conquests* (Византия и раннеисламские завоевания, Cambridge UK: University Press, 1992), p. 32.

Часть II.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ: МИФ И МЕТОД

ВВЕДЕНИЕ

Как большинство мифов, миф о византийской дипломатии — бесконечно коварной, неизменно предательской, подчас увязающей в бессмысленных интригах — представляет собою вымысел, за которым скрывается зерно правды¹. Прежде всего дипломатии в нашем нынешнем понимании не существовало. И дело совсем не в том, что само это слово было введено гораздо позже учёным монахом-бенедиктинцем, отцом Жаном Мабильоном, в трактате «О дипломатике» (“*De re diplomatica*”) от 1681 г. как название дисциплины, изучающей документы, дабы удостовериться в их подлинности и значении². Благодаря изучению международных договоров слово «дипломатия» постепенно обрело своё нынешнее значение, включающее в себя все формы общения между государствами, в том числе и практику назначения постоянных послов в иностранные столицы, что, в свою очередь, требует создания чего-то

¹ См. обзорные работы: *Alexander Kazhdan. The Notion of Byzantine Diplomacy* (Понятие византийской дипломатии), в: *Shepard-Franklin*, p. 17; и *Jonathan Shepard. Byzantine Diplomacy* (Византийская дипломатия), там же, pp. 42—45.

² Будучи одновременно византинистом, Мабийон (1632—1707) был учеником Шарля дю Френя (*du Fresne*), сира Дюканжа (*Du Cange*, 1610—1688), величайшего из первых византинистов.

вроде секретариата иностранных дел, сотрудники которого читают донесения послов и отвечают на них.

Это было ещё одним изобретением итальянцев эпохи Возрождения, чьи государства и мелкие княжества постоянно обменивались послами в середине XV в. (первый документированный постоянный посол с 1341 г. служил герцогу Луиджи Гонзага, правителю Мантуи, при дворе императора Священной Римской империи Людвигу Баварского³). Условия Италии благоприятствовали новому институту постоянных послов и вместе с тем нуждались в нём. Знатный флорентиец вполне мог жить в Риме, общаясь с соотечественниками-итальянцами при посещении папского двора; венецианскому послу в Милане нужен был всего один надёжный вестник, ездивший туда и обратно, чтобы посол мог получить ответ на свою депешу в течение недели; поэтому постоянные послы были вполне возможны на практике. Поскольку же хронически беспокойные итальянские государства, смертельные враги которых могли находиться на расстоянии всего лишь дня пути, нуждались в своевременных сведениях о каждой перемене ситуации, постоянные послы оказывались весьма полезны.

Обстоятельства, в которых существовала Византийская империя, были совершенно иными. Вплоть до своих последних лет, когда она представляла собою хрупкий остаток былого, зависимый от османов, у неё не было ни друзей, ни врагов в непосредственной близости. Напротив, ей часто приходилось иметь дело с отдалёнными державами, с которыми её не объединяли ни язык, ни обычаи, причём некоторые из них были степными народами, ещё не осевшими кочевниками.

Даже если и существовала та или иная столица, где мог бы постоянно пребывать представитель императора, он не мог рассчитывать ни на то, что ему удастся смешаться с местной элитой, дабы изнутри следить за настроениями и принимаемыми решениями, ни на то, что он сможет сообщить о своих открытиях своевременно.

³ *Garrett Mattingly. Renaissance Diplomacy* (Дипломатия эпохи Возрождения; New York: Dover, 1988), p. 61.

ГЛАВА 3

ПОСЛЫ

Крайним примером дипломатии «дальнего действия», волею судеб обретшей величайшее значение полвека спустя, была трёхлетняя миссия Зимарха, посла императора Юстина II (565—578 гг.) к великому владыке ябгу-кагану Истеми, который в дошедших до нас грекоязычных источниках фигурирует как «хаган» Сизавул, Сильзивул или Дизавул. Титул «хаган» (так он звучал в греческой передаче) означал «хан ханов», т. е. «вождь вождей», а Истеми был правителем западной части Тюркского каганата, очень молодой, но уже обширной степной империи, которую обычно (пусть и неверно) называют державой кёк, или «голубых», тюрков, хотя это название должно было бы означать Восточную империю согласно тюркскому цветовому коду, ориентированному по четырём сторонам света (белый — запад, отсюда Белая Русь и т. п.)¹ Феноменально широко распространившись с 552 г., когда ранние тюрки восстали против жужаней (жуань-жуаней), властвовавших над ними в

¹ Не «Гёк», как в современном турецком языке, и не от названия голубого цвета = небо = Тенгри Ульген (Улкен), шаманский Бог-Небо, столь любимый светскими националистами, увлечёнными доисламским тюркским миром; Golden 1982, p. 117. И личное сообщение от 12. 06. 2007: «Выражение Кёк Тюрк (Kök Türk) никогда не использовалось по отношению к Восточному тюркскому каганату».

Монголии, ко времени прибытия Зимарха они прошли через всю Центральную Азию, поглотив десятки кочевых племён, а также оседлое население речных долин и городов-оазисов.

Как и у более ранних, и у более поздних конных лучников Евразийской степи с их выносливыми лошадьми и мощными составными луками, тактическая эффективность была возведена до уровня стратегической мощи, так что харизматические и искусные вожди могли объединять кланы, племена и нации, чтобы сражаться вместе, а не друг против друга. Вполне очевидно, что основатель державы, который в китайских источниках носит имя Туу, возглавивший восстание 552 г., и его сын Бумынь (Тумень), эль-каган (региональный правитель), в изобилии обладали необходимым талантом предводителя, потому что отец и сын быстро превратили бывших слуг жужаней, или жуань-жуаней, в правящий класс степной империи, подчинив сабиров, утигуров, кутригуров, огуров и оногуров (некоторые из них впоследствии образовали независимые державы, дружественные или враждебные Византии, а чаще — и дружественные, и враждебные разом). Ябгу-каган Истеми был братом Бумыня.

Таковы были политические переменные. А неизменные военные параметры были такими: конные лучники степи удачно действовали против менее подвижного врага в больших и малых битвах, а кроме того, их первые вторжения устрасили горожан. Это было полезно, поскольку напуганные горожане могли просить о сдаче городов на оговорённых условиях, настаивать на ней и даже принуждать к ней, чтобы избежать массовой резни или по меньшей мере ничем не сдерживаемого разграбления. Вот как кочевникам удалось завоевать хорошо укреплённые города, даже не осаждая их по-настоящему, вот как Тюркский каганат завоевал среднеазиатские города, стоявшие на Великом шёлковом пути.

Из всех степных империй, ядро возникновения которых находилось в Центральной и Северо-Восточной Азии, этой первой Тюркской империи суждено было стать самой большой, кроме Монгольской, возникшей шесть веков спустя, и именно благодаря этому эпизоду был заключён союз, спасший Византийскую империю веком позже, при императоре Ираклии. В ходе экспансии на Запад Тюркский каганат неизбежно должен был столкнуться с северными аванпостами персидской Сасанидской империи за рекой Амударья (Окс). После того как первоначальное сотрудничество тюрков и персов завершилось, ябгу-каган

Истеми, или Сизавул, отправил в Константинополь послов «с письмами, приветствиями и подарками, состоявшими из немалого количества шёлку». Послы предложили наладить прямую продажу шёлка в обход сасанидской территории, сасанидских пошлин и сасанидских посредников, а также «исчислили потом племена, подчиненные тюркам, и, наконец, просили императора заключить мир и союз с тюрками» — имеется в виду союз против Сасанидов².

Шёлк уже не представлял особого интереса: как мы увидим, началось его местное производство. С другой стороны, союз представлял интерес самый живой и непосредственный. Вплоть до уничтожения Сасанидской Персии в седьмом столетии сдерживание этой империи, единственной равной Византии соперницы, притом превосходящей её в агрессивности, всегда было высшим стратегическим приоритетом Византии, так что это предложение встретило самый радушный приём, и Зимарх был отправлен к Сизавулу в августе 569 г.³

Это путешествие было очень долгим, и о его маршруте мы почти ничего не знаем, кроме того, что Зимарх прошёл через страну согдийцев с центром в Самарканде, что в нынешнем Узбекистане. Чтобы добраться туда, Зимарху с охраной и слугами пришлось переправиться на корабле на дальнюю сторону Чёрного моря, пересечь нынешнюю южную Россию, северный Казахстан и западный Узбекистан: около двух тысяч миль по прямой, в действительности же гораздо больше. Но и оттуда ещё предстоял дальний путь, ещё около тысячи миль по прямой к ставке Сизавула в долине Эк-таг, что в греческих текстах переводится как «Золотая гора», хотя, возможно, имеется в виду Ак-Таг, «Белая гора» на Алтае в южной Сибири, где сходятся границы нынешнего Китая, Казахстана, Монголии и Российской Федерации, или же южнее, в долине реки Текес в Джунгарии, что в современной китайской провинции Синьцзян⁴.

² Рус. пер. С. Г. Дестуниса, цит. по: Менандр/Дестунис 1860, сс. 372—373; англ. пер.: Menander-Blockley, pp. 116—117.

³ Об отношениях между Византией и Сасанидами см.: Blockley-*Foreign Policy* (Внешняя политика), pp. 121—127; и: James Howard-Johnston. *The Two Great Powers in Late Antiquity: a Comparison* (Две великие державы в поздней античности: сравнение), в: Cameron 1995. Vol. 3, pp. 157—226.

⁴ Golden 1982, p. 129; Menander-Blockley, p. 264, n. 129; Blockley склоняется в пользу долины реки Текес, возможное местонахождение урочища Чень-Чуань (Ch'ien Ch'uan, 1000 ключей), упоминаемого в китайских источниках.

Наш единственный источник, Менандр, сообщает об одном происшествии, случившемся по дороге на Ак-таг, которое, видимо, встревожило Зимарха, хотя в наших глазах оно служит подтверждением его слов и вне всякого сомнения доказывает, что этот рассказ о мимолётных событиях в самых дальних экзотических странах — подлинный:

Некоторые люди из этого племени, о которых уверяли, будто они имели способность отгонять несчастья, придя к Зимарху, взяли вещи, которые римляне везли с собой, сложили их вместе, потом развели огонь сучьями
 ✎ дерева ливана, шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажей. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня; между тем, приходя в испуг и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов⁵.

Это убедительное свидетельство того, что Зимарх действительно совершил очень дальнее путешествие, потому что в рассказе Менандра нетрудно опознать характерные черты шаманских обрядов, по сей день совершаемых в Монголии; и этот текст никак не мог быть скопирован с Геродота или с какого-то иного известного нам литературного предшественника. Очевидно, Зимарх включил этот эпизод в свой письменный официальный отчёт потому, что подобные этнографические наблюдения уже стали нормой деятельности византийских послов.

Зимарх обнаружил Сизавула сидящим в шатре на золотом троне и, вручив обычные дары, передал предложение императора о военном союзе и взамен попросил о союзе с Сизавулом. Тюркский стиль войны мог применяться в самых широких масштабах, с организованной поставкой припасов и с осадными машинами, но его основной ударной силой оставался отряд конных лучников, который мгновенно мог отправиться в большой или малый набег. И вот что сделал Сизавул, чтобы отныне и впредь подтвердить новый союз самым что ни на есть осязаемым образом:

...[он] желал, чтобы сам Зимарх, вместе с двадцатью провожатыми и слугами, последовал за ним в поход, предпринятый им против персов...
 На пути они остановились на месте, называемом Талас [по названию одно-

⁵ Excerpta de Legationibus Romanorum ad gentes (Выдержки о посольствах римлян к народам), 8; рус. пер. С. Г. Дестуниса, цит. по: *Менандр/Дестунис* 1860, с. 375; англ. пер.: *Menander-Blockley*, p. 119.

именной реки в нынешней Жамбылской (Джамбульской) области на юге Казахстана], и здесь встретили посольство персидское. Дизабул пригласил к своему столу посланников римских и персидских. Он оказывал более внимания к римлянам и посадил их на почетнейшее место. При этом он много жаловался на персов⁶.

Это привело к ожесточённой перепалке (несомненно, такова и была цель кагана), и Зимарха отпустили с миром домой, тогда как Сизавул стал, видимо, готовиться к нападению на персов.

И опять же установить маршрут невозможно: когда Менандр пишет о «великом и широком озере», это может быть либо Аральское, либо Каспийское море; но путешествие было, несомненно, очень опасным и очень долгим. В степи кочевали народы, представлявшие потенциальную угрозу с того момента, как византийское посольство пересекло пределы влияния Сизавула и проходило, как это и было на деле, по северным границам Сасанидской державы, так что Зимарх и его спутники не были застрахованы от того, что их внезапно захватят персы, посланные именно для их задержания, — и действительно, как-то раз Менандра предупредили о том, что впереди его подстерегает персидская засада. Поэтому он послал десятерых своих носильщиков с грузом шёлка по предсказуемой дороге, чтобы создать впечатление, что он следует за ними, а сам пошёл по другому маршруту, обойдя то место, где, по его расчётам, персы поджидали его в засаде.

Лишь достигнув берегов Чёрного моря, Зимарх возвратился в мир, где путешествия происходили организованно, так что Менандр мог выразиться точно: «Он отправился на судах до реки Фасис [ныне Риони в Грузии] и наконец прибыл в Трапезунт [ныне Трабзон в Турции]. Отсюда на общественных лошадях приехал в Византию, был представлен императору и доложил ему обо всём»⁷. Очевидно, Зимарх составил подробный отчёт, с которым Менандр смог ознакомиться, чтобы написать собственный.

⁶ *Excerpta de Legationibus gentium ad Romanos* (Выдержки о посольствах римлян к народам), 8; рус. пер. С. Г. Дестуниса, цит. по: *Менандр/Дестунис* 1860, с. 379; англ. пер.: *Menander-Blockley*, pp. 121–123.

⁷ *Excerpta de Legationibus gentium ad Romanos* (Выдержки о посольствах римлян к народам), 9; рус. пер. С. Г. Дестуниса, цит. по: *Менандр/Дестунис* 1860, с. 383; англ. пер.: *Menander-Blockley*, p. 127.

Экспедиция Зимарха на Алтай или в Юлдузские горы — в любом случае это составляло около пяти тысяч миль туда и обратно по прямой и, возможно, вдвое больше при путешествии сушей и морем — была, как отмечалось, крайним случаем, но «удалённые» отношения с другими державами были для Византии более или менее нормой, в силу чего постоянные посольства становились непрактичными.

Неудивительно поэтому, что никакого корпуса профессиональных дипломатов в империи никогда не было, не было и его необходимого спутника — особой службы иностранных дел. Придворных чиновников, военных — Зимарх был в весьма высоком звании «командующего восточным войском» (*magister militum per orientem*), — учёных, бюрократов и высокопоставленных священнослужителей в разное время отправляли на переговоры с иностранными правителями.

Однако существовало различие в ранге: послы в Сасанидскую Персию были облечены достоинством «(мужа) блистательного» (*illustris*), тогда как Максимин, который вёл переговоры с Атилиой, имел более низкий сан «(мужа) видного» (*spectabilis*)⁸.

Хотя дипломатия не была профессией, которой посвящали себя безраздельно, руководство, составленное в шестом веке, говорит о том, что некоторый отбор и подготовка всё же могли иметь место. Критерии отбора не вызывают особого удивления:

Послы, которых мы отправляем, должны быть людьми, слывшими благочестивыми, которых никогда не обвиняли и не обличали публично в совершении какого-либо преступления. Они должны быть, разумеется, умны и достаточно болеть за общее дело, чтобы быть готовыми рискнуть своей жизнью... свою миссию они должны принимать добровольно, а не по принуждению.

Рекомендуются особые нормы поведения:

...послы должны выглядеть любезными, воистину благородными и щедрыми в границах своих возможностей. Они должны уважительно говорить как о своей стране, так и чужой, и никогда не отзываться о ней презрительно.

Это было очень уместное предупреждение: в шестом веке почти любое место, где мог оказаться византийский посол, бесконечно проигры-

⁸ Blockley, p. 153.

вало в сравнении с Константинополем или даже с полуразрушенными остатками былой славы.

Но самый интересный совет даётся под конец: «Обычно посла про-веряют до того, как отправить с миссией. Ему предлагается список тем, и его спрашивают о том, как он будет иметь с ними дело при различных предлагаемых обстоятельствах»⁹, что на современном языке называется «ролевая игра по сценарию».

Византийским послам приходилось рисковать жизнью всякий раз, как они отправлялись в миссию: это было неизбежно, если учесть опасности почти любого плавания даже в самой знакомой части Средиземного моря, а также опасности путешествия по суше в любую державу, с которой у империи не было общей границы. Вечная логика, по которой союзы лучше всего заключать с недружественными соседями недружественных соседей, означала, что любая территория, располагающаяся между Константинополем и его союзниками (или потенциальными союзниками, которых ещё предстояло завербовать), была скорее всего враждебна по отношению к византийским послам. С другой стороны, если промежуточные земли никем не управлялись (ситуация, ныне редкая и требующая для себя термина «недееспособное государство», «failed state», но в древности куда более обычная) — тогда свита посла должна была сталкиваться с дикими племенами, с хищными кочевниками и бродячими шайками разбойников.

Римская западная Европа была затоплена ордами чужестранцев в начале пятого века; по традиционной версии, восходящей к хронике Проспера Аквитанского, вандалы и аланы перешли замёрзший Рейн накануне Нового года, 31 декабря 406 г. («вандалы и аланы, вторгнувшиеся в Галлию, перейдя через Рейн за день до январских календ») ¹⁰. Но с ними были также свевы, причём гораздо больше готов и франков уже находилось по сю сторону павшей имперской границы. Поскольку

⁹ The Anonymous Byzantine Treatise on Strategy (Анонимный византийский трактат о стратегии), разд. 43; раньше был известен как «Пери стратэгикэс» или, чаще, "De re strategica" (О стратегии), в: изд. и пер. George T. Dennis. Three Byzantine military Treatises (Три византийских трактата по военному делу), Washington DC: Dumbarton Oaks, 1985). В дальнейшем Dennis 1985, pp. 125—127.

¹⁰ Wandali et Halani Gallias traiecto Rheno ingressi II k. Jan; Проспер: Prosperi Tironis Epitoma chronicon (Краткое изложение хроник Проспера Тирона), 1230, изд. Т. Mommsen. Monumenta Germaniae Historica, Chronica Minora Saec. IV, V, VI, VII (Berlin: Weidmannos 1892; перепеч. Hahnsche Buchhandlung, 1980). Vol. 1, p. 465.

единую империю сменило множество держав и владык, обмен послами стал гораздо оживлённее, чем когда-либо ранее. Если учесть, что времена были крайне беспокойные, эта дипломатия была героической, каковой её иногда и величают. Житие св. Германа Осерского, написанное Констанцием Лионским, показывает, как будущий святой разубедил Гоара, «самого свирепого царя» экзотических аланов, конных воинов иранского происхождения:

Племя уже выдвинулось, и всадники, облачённые в железные доспехи, заполнили всю дорогу, но наш священник... подъехал к самому королю... и остановился перед вооружённым предводителем, среди толп его приспешников. Воспользовавшись услугами переводчика, он прежде всего произнёс молитву, а затем пристыдил того, кто его отверг; наконец, протянув руку, он схватил повод и таким образом задержал целую армию¹¹.

Святые обладают особыми силами, но другие люди, у которых было только золото для торговли, остатки военных сил сохранившихся римских гарнизонов или другие союзники, готовые сражаться, тоже могли укротить незваных гостей, отведя им место в новом балансе сил, ограничиваясь минимальными мерами, то есть перераспределением земель и доходов.

Знаменитый пример — Марк Мецилий Флавий Эпархий Авит, богатый землевладелец, галльский аристократ, даже правивший как император в 455 г. Его успешные переговоры (посредством переписки) с готами, укrywшимися в Тулузе, были прославлены его зятем, поэтом Сидонием Аполлинарием:

Дикий смиряется царь, твою прочитавши страницу:
Волен приказывать ты, когда целый мир умоляет.
Станут ли верить сему племена и народы в грядущем?
Варвар! Победу твою квирита письмо упраздняет¹².

¹¹ Vita Germani (Житие Германа), 28. Из книги: *Andrew Gillett. Envoys and Political Communication in the Late Antique West 411—533* (Послы и обмен политическими сообщениями в позднеантичную эпоху на Западе в 411—533 гг.; Cambridge UK: Cambridge University Press, 2003), p. 121.

¹² Стихотворные произведения (Carmina), VII, стихи 308—311. “Avite, novas; saevum tua pagina regem lecta domat; iussisse sat est te, quod rogat orbis. credent hoc umquam gentes populi future? Littera Romani cassat quod, barbære, vincis”. Рус. пер. А. Н. Кова-

Авиту довелось умереть при попытке к бегству из Плаценции (ныне Пьяченца) на свою виллу в Галлии, поскольку некогда безопасные поездки по содержащимся в хорошем состоянии и надёжно охраняемым дорогам стали опасным предприятием.

Византийские послы тоже могли оказаться в безопасности, лишь достигнув территорий, занятых организованными державами — пусть даже предельно враждебными. Ибо к тому времени принцип абсолютной неприкосновенности послов уже был освящён авторитетом древности и соблюдался почти повсеместно, даже теми, кто в иных ситуациях славился своей дикостью. Гунн Аттила, чья стратегия, как мы видели, нуждалась в частом обмене послами со всеми державами, существовавшими в его очень широкой досягаемой для него зоне, был досконально знаком с нормами, регулировавшими отправление и приём послов, уважение к которым он выказывал даже в таком крайне провокационном случае, каким была попытка Хрисафия заказать его убийство.

Принцип абсолютной неприкосновенности устоялся уже настолько прочно, что Менандр Протектор отметил как достопримечательный факт несоблюдение этого принципа самыми дикими варварами. Он сообщает, что антов, предположительно славян, которые тогда ещё жили в Понтийской степи, лежавшей к северу от Чёрного моря, и были недружественными соседями кутригуров, «ограбили и разорили» авары; они отправили Мезамира, бывшего, вероятно, их военным вождём, послом к аварам, чтобы выкупить пленных и, возможно, попытаться заключить договор. Кажется, Мезамир оказался не столь «любезен», как это полагается послу:

Посланник Мезамир, пустослов и хвастун, по прибытии к аварам закидал их надменными и даже дерзкими речами. Тогда один кутригур, который был связан родством с аварами и подавал против антов самые неприязненные советы, слыша, что Мезамир говорит надменнее, нежели как прилично посланнику, сказал хагану: «Этот человек имеет великое влияние между антами и может сильно действовать против тех, которые сколько-нибудь его неприятели. Нужно убить его, а потом без всякого страха напасть на неприятельскую землю». Авары, убежденные словами

кутригура, уклонились от должного к лицу посланника уважения, пренебрегли правами и убили Мезамира¹³.

Возможно, таково было *jus gentium*, «право народов», не выработанное в Риме, а обычное право наций, действие которого распространялось на всю сферу византийско-сасанидского влияния и на её окрестности, но Аварский каганат его не признавал. Авары следовали иным правилам, диктуемым законом гостеприимства, как делают ещё сегодня немногие бедуины, оставшиеся кочевниками, и большинство пакистанских и афганских патанов, или пуштунов, придерживающиеся норм своего несоразмерно прославленного кодекса «Пуштунвали» («Образ жизни пуштунов») (честь имеет значение в улаживании дел между людьми, тогда как честь вооружённая отрицает человеческую природу тех, кто не сражается, включая всех женщин). Закон гостеприимства предполагает, что обязательство оказывать гостеприимство тем, кто о нём просит — в течение неустановленного срока, — включает в себя и обязательство защищать гостя от опасности, а при необходимости сражаться и даже погибнуть за него.

Вот почему, когда авары направили первое посольство в Константинополь в 558 или 560 г., как отмечалось выше, они просили о покровительстве аланов:

Авары... пришли к аланам и просили их вождя Саросия, чтобы он познакомил их с римлянами. Саросий известил о том Юстина, сына Германа, который в то время начальствовал над войском, находившимся в Лазике. Юстин донес о просьбе авар царю Юстиниану, который велел полководцу отправить посольство авар в Византию¹⁴.

По представлениям авар, аланы приняли на себя абсолютное обязательство защищать их, и они полагали, что византийцы не причинят им зла ввиду их дружеских отношений с аварами, и потому посол Кан-

¹³ Excerpta de Legationibus gentium ad Romanos, 3 (Выдержки о посольствах народов к римлянам); рус. пер. С. Г. Дестуниса с изменениями, ср.: *Менандр/Дестунис* 1860, сс. 323—324; англ. пер.: *Menander-Blockley*, p. 51.

¹⁴ Excerpta de Legationibus gentium ad Romanos, 3 (Выдержки о посольствах народов к римлянам); рус. пер. С. Г. Дестуниса, цит. по: *Менандр/Дестунис* 1860, сс. 320—321; англ. пер.: *Menander-Blockley*, p. 49.

дих, оказавшись в императорском дворце, среди роскоши, невообразимой для жителя юрт, тем не менее счёл себя вправе бахвалиться и угрожать. Равным образом очевидно, что тогда авары просто не знали о том, что послы не нуждались в защите со стороны алан или кого-либо ещё: ведь их безопасность полностью обеспечивало право народов (*jus gentium*) с его принципом абсолютной дипломатической неприкосновенности. Но и двумя поколениями позже, получив полную возможность узнать о законе дипломатической неприкосновенности, они всё же не соблюдали его. В июне 623 г., когда аварский каган должен был встретиться с императором Ираклием во Фракии, чтобы заключить мирный договор по случаю праздника, он попытался захватить Ираклия в плен, а своих людей отправил в грабительский набег:

Хаган авар подошёл к Длинной стене с бесчисленной ордой, ибо ходил слух, что предстояло заключение мира между ромеями и аварами, а в Ираклии должны были состояться скачки.

...около 4 часа в это воскресенье [5-е июня] аварский хаган подал знак своей плетью, и все бывшие с ним бросились вперёд и проникли за Длинную стену... его люди... ограбили всех, кого нашли за городом [Константинополем], с запада вплоть до Золотых ворот [Феодосиевой стены]¹⁵.

Это расстояние составляет шестьдесят пять километров: глубокий набег, но также прикрытые попытки захватить Ираклия:

Но этот варвар, нарушив и условия и клятву, вдруг с яростью устремился на царя, который, устранившись столь неожиданного нападения, бегом возвратился в город¹⁶.

Тюркский каган, Сизавул Менандра, также полагался на посредничество и на предполагаемый закон гостеприимства, отправляя своих первых послов в Константинополь:

¹⁵ Пасхальная хроника (*Chronicon Paschale*), индикт 11, год 13 [623 г.]. англ. пер.: *Michael Whitby and Mary Whitby, Chronicon Paschale 284—628 AD* (Пасхальная хроника, 284—628 гг. н.э.; Liverpool: Liverpool University Press, 1989), p. 165.

¹⁶ Феофан Исповедник. No. 302, AM 6110; рус. пер.: Феофан/Оболенский-Терновский, цит. по: http://lib.aldebaran.ru/author/_feofan_ispovednik/_feofan_ispovednik_hronografiya; англ. пер.: p. 434.

дих, оказавшись в императорском дворце, среди роскоши, невообразимой для жителя юрт, тем не менее счёл себя вправе бахвалиться и угрожать. Равным образом очевидно, что тогда авары просто не знали о том, что послы не нуждались в защите со стороны алан или кого-либо ещё: ведь их безопасность полностью обеспечивало право народов (*jus gentium*) с его принципом абсолютной дипломатической неприкосновенности. Но и двумя поколениями позже, получив полную возможность узнать о законе дипломатической неприкосновенности, они всё же не соблюдали его. В июне 623 г., когда аварский каган должен был встретиться с императором Ираклием во Фракии, чтобы заключить мирный договор по случаю праздника, он попытался захватить Ираклия в плен, а своих людей отправил в грабительский набег:

Хаган авар подошёл к Длинной стене с бесчисленной ордой, ибо ходил слух, что предстояло заключение мира между ромеями и аварами, а в Ираклии должны были состояться скачки.

...около 4 часа в это воскресенье [5-е июня] аварский хаган подал знак своей плетью, и все бывшие с ним бросились вперёд и проникли за Длинную стену... его люди... ограбили всех, кого нашли за городом [Константинополем], с запада вплоть до Золотых ворот [Феодосиевой стены]¹⁵.

Это расстояние составляет шестьдесят пять километров: глубокий набег, но также прикрытие попытки захватить Ираклия:

Но этот варвар, нарушив и условия и клятву, вдруг с яростью устремился на царя, который, устранившись столь неожиданного нападения, бегом возвратился в город¹⁶.

Тюркский каган, Сизавул Менандра, также полагался на посредничество и на предполагаемый закон гостеприимства, отправляя своих первых послов в Константинополь:

¹⁵ Пасхальная хроника (*Chronicon Paschale*), индикт 11, год 13 [623 г.]. англ. пер.: *Michael Whitby and Mary Whitby, Chronicon Paschale 284—628 AD* (Пасхальная хроника, 284—628 гг. н.э.; Liverpool: Liverpool University Press, 1989), p. 165.

¹⁶ Феофан Исповедник. No. 302, AM 6110; рус. пер.: Феофан/Оболенский-Терновский, цит. по: http://lib.aldebaran.ru/author/_feofan_ispovednik/_feofan_ispovednik_hronografiya; англ. пер.: p. 434.

Маниах [«начальник согдийцев» из среднеазиатских городов-оазисов] объявил притом, что он сам готов отправиться с посланниками тюркскими и что через это между тюрками и римлянами будет дружба и союз. Убежденный такими представлениями, Дизавул [Сизавул] отправил Маниаха и несколько тюрков в посольство к римлянам¹⁷.

Хотя к тому времени среднеазиатские согдийские города, стоявшие на Шёлковом пути, перешли под контроль кагана, когда его держава распространилась на Запад, всё же Сизавул отправил своих послов под покровительством Маниаха, предполагая, что византийцы не станут чинить оскорблений своему согдийскому гостю, поскольку эти стороны традиционно поддерживали добрые взаимоотношения друг с другом. Они объединились в сопротивлении сасанидской агрессии, не говоря уже об очень давнем знакомстве греков и согдийцев: шестью веками ранее, в 324 г. до н.э., Селевк, один из приближённых военачальников Александра Македонского, сражавшийся в Индии и основавший долго просуществовавшую династию, женился на согдийке Апаме.

Один закон не исключал другого. Точно так же как современный патанский, или пуштунский, вождь защитит всякого, кто попросит его о гостеприимстве, но без колебаний нарушит дипломатическую неприкосновенность, так было и с византийцами, когда они впоследствии прогневили тюркского кагана тем, что одновременно вели переговоры с его злейшими врагами, аварами, византийский посол подвергся оскорблениям, и его жизнь оказалась под угрозой. В этом смысле авары и тюрки эпохи первого каганата оставались существами экзотическими; авары продержались недостаточно долго для того, чтобы измениться, а вот тюрки, несомненно, развились, когда дело дошло до дипломатических правил: по крайней мере некоторые из них, прежде всего сельджукские султаны, впервые завоевавшие и потом опять утратившие значительную часть Анатолии на рубеже одиннадцатого и двенадцатого веков. Они были самыми опасными врагами Византии в то время, но в своём обращении с послами и императорами они обычно добавляли утончённую вежливость к тщательному соблюдению правил.

¹⁷ Excerpta de Legationibus gentium ad Romanos, 7 (Выдержки о посольствах народов к римлянам); рус. пер. С. Г. Дестуниса с некоторыми изменениями, ср.: *Менандр/Дестунис* 1860, сс. 320—321; англ. пер.: Menander-Blockley, p. 115.

Маниах [«начальник согдийцев» из среднеазиатских городов-оазисов] объявил притом, что он сам готов отправиться с посланниками тюркскими и что через это между тюрками и римлянами будет дружба и союз. Убежденный такими представлениями, Дизавул [Сизавул] отправил Маниаха и несколько тюрок в посольство к римлянам¹⁷.

Хотя к тому времени среднеазиатские согдийские города, стоявшие на Шёлковом пути, перешли под контроль кагана, когда его держава распространилась на Запад, всё же Сизавул отправил своих послов под покровительством Маниаха, предполагая, что византийцы не станут чинить оскорблений своему согдийскому гостю, поскольку эти стороны традиционно поддерживали добрые взаимоотношения друг с другом. Они объединились в сопротивлении сасанидской агрессии, не говоря уже об очень давнем знакомстве греков и согдийцев: шестью веками ранее, в 324 г. до н.э., Селевк, один из приближённых военачальников Александра Македонского, сражавшийся в Индии и основавший долго просуществовавшую династию, женился на согдийке Апаме.

Один закон не исключал другого. Точно так же как современный патанский, или пуштунский, вождь защитит всякого, кто попросит его о гостеприимстве, но без колебаний нарушит дипломатическую неприкосновенность, так было и с византийцами, когда они впоследствии прогневили тюркского кагана тем, что одновременно вели переговоры с его злейшими врагами, аварами, византийский посол подвергся оскорблениям, и его жизнь оказалась под угрозой. В этом смысле авары и тюрки эпохи первого каганата оставались существами экзотическими; авары продержались недостаточно долго для того, чтобы измениться, а вот тюрки, несомненно, развились, когда дело дошло до дипломатических правил: по крайней мере некоторые из них, прежде всего сельджукские султаны, впервые завоевавшие и потом опять утратившие значительную часть Анатолии на рубеже одиннадцатого и двенадцатого веков. Они были самыми опасными врагами Византии в то время, но в своём обращении с послами и императорами они обычно добавляли утончённую вежливость к тщательному соблюдению правил.

¹⁷ Excerpta de Legationibus gentium ad Romanos, 7 (Выдержки о посольствах народов к римлянам); рус. пер. С. Г. Дестуниса с некоторыми изменениями, ср.: *Менандр/Дестунис* 1860, сс. 320—321; англ. пер.: Menander-Blockley, p. 115.

Агрессивные Сасаниды тоже соблюдали правила, но сельджуки, пришедшие из дикой степи, обучились вежеству столь отменно, что могли, как мы увидим, сами обучать ему — и византийцы отвечали им тем же, приводя в ярость крестоносцев, нацеленных на бескомпромиссную священную войну.

21 мая 1097 г. Килич Арслан, сельджукский султан Иконии (ныне Конья), был разбит участниками Первого крестового похода возле своей новой столицы, Никеи (совр. Изник), после чего отступил с остатками своих сил. Предоставленный собственному попечению сельджукский гарнизон города благоразумно сдался византийскому императору Алексею Комнину (1081—1118 гг.), люди которого проникли в город, чтобы поднять над ним имперский флаг и захватить двор, сокровищницу, любимую жену и детей Килич Арслана.

Крестоносцы, которые сражались семь недель и три дня и понесли немалые потери, пришли в бешенство, потеряв возможность разграбить город — несмотря на его христианское население; но очевидец, написавший «Деяния франков и других иерусалимлян» (*Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*, II, 8), вспоминает, что ещё пуще их взбесило то, какое обращение Алексей Комнин приуготовил захваченной жене («Султане») Кылыдж Арслана и его детям: по «несправедливому замыслу» (*iniqua cogitatione*) императора их защитили от франков, заботились о них по-царски и возвратили, не взяв выкупа.

В противоположность опасным, но вежливым врагам-сельджукам в течение десятого века самыми полезными союзниками империи неизменно выступали дикие печенеги из Понтийской степи к северу от Чёрного моря, самые последние на то время тюркские конные лучники и коневоды, пришедшие в эти края¹⁸. Происхождение их настолько тёмно, что лучший дошедший до нас источник представляет собою тибетский перевод уйгурского документа, в котором говорится, что печенеги жили в Средней Азии до того как отправились на Запад, оказавшись при этом в сфере действия византийской дипломатии. Печенеги храбро сражались с врагами империи за подобающее вознаграждение, и в следующем столетии их отряды добровольно служили в византийских войсках. Но они были, видимо, дики и опасны в обращении, судя по рекомендациям, содержащимся в трактате по государственному управлению, составлен-

¹⁸ В современных событиям греческих источниках они назывались пачинакитами; Golden 1982, начиная с p. 264.

ном в десятом веке и приписываемом императору Костантину VII Багрянородному (913—959 гг.); ныне это сочинение известно под заглавием «Об управлении империей» (*“De administrando imperio”*)¹⁹:

Когда послан [в Понтийскую степь] отсюда василик [имперский агент, везущий подарки] с хеландиями [военные суда], то он может... найти здесь тех же пачинакистов [печенегов], обнаружив которых он оповещает их через своего человека, пребывая сам на хеландиях, имея с собою и охраняя на судах царские вещи. Пачинакисты сходятся к нему, и, когда они сойдутся, василик дает им своих людей в качестве заложников, но и сам получает от пачинакистов их заложников и держит их в хеландиях. А затем он договаривается с пачинакистами. И, когда пачинакисты принесут василику клятвы по своим «законам» [обычным законам], он вручает им царские дары... и возвращается [на корабль]²⁰.

Этот рассказ неизбежно заставляет вспомнить меры предосторожности, сопровождающие уплату денег при незаконной торговле наркотиками. И напротив, в корне иная последовательность процедур при заключении договора с Сасанидами предполагает давнее существование протокольных формальностей, столь прочно устоявшихся, что сами они не были предметом каких-либо переговоров, сведения о которых дошли до нас; возможно, они остаются в силе и поныне. Так, заключение «пятидесятилетнего» мирного договора в 561—562 гг. было крайне напряжённым, и каждый его пункт стал предметом непростых переговоров. Но когда договор был наконец заключён, обе стороны знали, что им делать:

Пятидесятилетний договор был записан по-персидски и по-гречески, причём греческая копия была переведена на персидский язык, а персид-

¹⁹ В дальнейшем DAI; изд. Gy. Moravcsik; рус. пер. Г. Г. Литаврина: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp; англ. пер. R. J. H. Jenkins (Washington DC: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies/Harvard University, 1967). Из озорства заново истолковано Игорем Шевченко: *Re-reading Constantine Porphyrogenitus* (Перечитывая Константина Порфирогенета), в: Shepard-Franklin, начиная с p. 167.

²⁰ DAI, No. 8; рус. пер. Г. Г. Литаврина, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp1.htm#00; англ. пер.: pp. 55—57. Со словом «закана» (8—17) ср. совр. русское закон, восходящее к архаическому кон = граница, предел (комм. p. 38, вступительное замечание, pp. 145—146).

ская — на греческий... Когда соглашения были подписаны с обеих сторон, их положили друг подле друга, чтобы удостовериться в том, что тексты соответствуют друг другу.

...написан был договор о пятидесятилетнем мире на персидском и эллинском языках; эллинский договор переведен на персидский язык, а персидский — на эллинский. <...> Взаимные условия по написании их сличены были между собой, дабы слова и мысли имели одинаковый смысл²¹.

После одиннадцати статей, непосредственно относящихся к сути дела (Каспийские ворота близ Дербента закрываются от вторжений варваров; союзные с персами государства не нападают на ромеев — и наоборот; торговля производится через особые таможенные пункты; послы пользуются государственной почтой и имеют право торговать беспошлинно; иностранных купцов заставляют следовать по большим дорогам и уплачивать таможенную пошлину; выдача перебежчиков в мирное время; возмещение ущерба, нанесённого гражданам одного из государств гражданами другого государства; не возводятся никакие укрепления, кроме Дары (возле Огуза в современной Турции; это был укреплённый город Анастасиополь); ненападение на народы, являющиеся подданными другой стороны; ограничение численности гарнизона Дары; двойное возмещение убытков, причинённых друг другу пограничными городами, с кумулятивным сроком выплаты в полтора года) — идёт двенадцатая статья, призывающая благодать Бога на тех, кто соблюдает настоящий договор, и гнев Бога на тех, кто его не соблюдает. Это был один-единственный бог: ведь Ахурамазда зороастрийцев также был единственным богом, хоть и не всемогущим. Затем следует ещё одна статья, которую люди, слабо знакомые с дипломатией, могут осудить как лишнюю и мелочную:

Договор заключается на пятьдесят лет, и условия мира будут оставаться в силе в течение пятидесяти лет, причём год подсчитывается по-старому, как истекающий на триста шестьдесят пятый день.

...быть мирному договору на пятьдесят лет, и миру длиться пятьдесят лет, считая годы по древнему обычаю, а именно: чтобы каждый год заканчивался по прошествии трехсот шестидесяти пяти дней.

²¹ *Excerpta de Legationibus Romanorum ad gentes*, 3 (Выдержки о посольствах римлян к народам), строки 305—390; рус. пер. С. Г. Дестуниса, цит. по: Менандр/Дестунис 1860, сс. 340—341; англ. пер.: *Menander-Blockley*, pp. 71—75.

Иными словами, никакого високосного года не предусматривается — и это такая деталь, значение которой признает всякий опытный дипломат.

Теперь оба правителя — Юстиниан и Хосров I Ануширван — должны были отправить письма, чтобы ратифицировать всё то, о чём договорились послы. Тогда были предъявлены прежние письма обоих правителей, наделяющие полномочием вести переговоры. Но протокол требовал большего: тексты обоих документов, по-гречески и по-персидски, были теперь «обработаны», чтобы термины и выражения обоих языков были равнозначны (напр., не «пытаться», а «стремиться», не «тот же самый», а «равноценный» и т. п.).

...потом сделаны были другие точные списки. Подлинные были свернуты и утверждены печатями восковыми и другими, какие в употреблении у персов, и вытисненными на них перстнями посланников; притом двенадцать переводчиков, шесть римлян и столько же персов, выдали взаимно другу другу мирный договор...²²

Византийцы получили персидский текст — и наоборот. Затем незапечатанная копия персидского перевода греческого оригинала была передана персам — и наоборот. Только тогда процедура была завершена.

Несмотря на весь этот дипломатический профессионализм, профессиональных дипломатов, как мы видели, не было, и различные должностные лица и чиновники, которым поручали обязанности послов, могли докладывать любому высокопоставленному чиновнику, несколькими из них или же самому императору. Ни один чиновник не нёс исключительной ответственности за это: министра иностранных дел не существовало. Не было и прежней бюрократической иерархии единой Римской империи, и ничего нового в этом смысле не было введено. Переводчик и тайный агент-любитель, Вигила, столь неудачно послуживший Хрисафию в провалившемся заговоре убийства Аттилы, был всего лишь одним из многих подчинённых чиновника, возглавлявшего

²² Менандр Протектор. *Excerpta de Legationibus Romanorum ad gentes* (Выдержки о посольствах римлян к <варварским> народам), 3, строки 408—423; рус. пер. С. Г. Дестуниса, цит. по: Менандр/Дестунис 1860, с. 345; англ. пер.: *Menander-Blockley*, p. 77. Я следую Блокли (Blockley, p. 255, прим. 47): эта процедура представляет собою не «дублет» в тексте, а вполне подлинный обычай — и, конечно же, благоразумный.

тогдашнюю бюрократическую иерархию, магистра оффиций (*magister officiorum*). Он отвечал за посланников, переводчиков и «уполномоченных по [государственным] делам» (*agentes in rebus*); последнее зачастую ошибочно понимают как «тайные агенты», хотя в действительности это были чиновники младшего ранга с перспективой повышения, чей элитный статус подтверждался законами, ограничивавшими их число: 1174 в 430 г., согласно закону Феодосия II, и 1248 при Льве I (457—474 гг.)²³. И то, и другое число вполне могло обеспечить штат настоящего министерства иностранных дел, с географическими отделами, секциями по разным странам, функциональными службами по торговле и т. д. Однако в отсутствие министерства иностранных дел, а также разведывательного управления, «агенты по делам» (или магистрианы [*magistriani*], как их называли по должности их начальника) служили во всех различных отделениях, подчинявшихся магистру оффиций, обязанности которого были чрезвычайно разнообразны.

В списке гражданских и военных должностных лиц, воинских подразделений и старших офицеров Восточной и Западной империи, датируемом началом пятого века, известном под названием «Перечень должностей» (*“Notitia dignitatum”*) и представляющем собою бюрократическую компиляцию, несомненно, несколько далёкую от действительного положения дел, но тем не менее показательную²⁴, мы обнаруживаем различные подразделения, должности и штат под началом «славного магистра оффиций» для восточной части империи:

7 отрядов-схол (*scholae*) дворцовой гвардии, которые он комплектовал, содержал и контролировал, но на войне ими не командовал: первую щитоносцев (*scutariorum prima*), вторую щитоносцев (*scutariorum secunda*), старших иностранных гвардейцев (*gentilium seniorum*), щитоносцев-лучников (*scutariorum sagittariorum*), щитоносцев-клибанариев (*scutariorum*

²³ Кодекс Феодосия VI, *De Agentibus in rebus* (Об уполномоченных по государственным делам), 27. 23; Кодекс Юстиниана, XII. 20.3.

²⁴ *Otto Seeck. Notitia Dignitatum, accedunt Notitia Urbis Constantinopolitanae Laterculi Prouinciarum* (Перечень должностей, с прибавлением перечня города Константинополя и списка должностей провинций; Berlin, Weidmannos, 1876), pp. 31—33; см. оригинал: <http://www.pvv.ntnu.no/~halsteis/ori001.htm>. Я присоединяюсь к скептическому толкованию Бреннана (Brennan), см.: *Mining a Mirage* (Подкоп под мираж), подзаголовок в его введении к изданию, выходящему в Liverpool University Press: *Notitia* (Перечень должностей); он любезно прислал мне текст 31.03.2008 г.

clibanariorum), младших легковооружённых гвардейцев (armatorum iuniorum) и младших иностранных гвардейцев (gentilium iuniorum).

Начальники снабжения (mensores) и факелonosцы (тёмный дворец мог таить опасность); четыре канцелярии (scrinia): памятных записок, переписки, прошений и распоряжений; штат дворцовых служителей;

15 поименно перечисленных оружейных мастерских (fabricae infrascriptae) для производства щитов, кирас, копий и другого оружия²⁵.

Едва ли магистр оффиций мог управлять всем этим лично: ведь речь идёт о факелonosцах, письмоводителях, приставах и других мелких чиновниках, а также о таком существенно важном учреждении, как дворцовая стража, и наконец, о первых в западном мире настоящих заводах, о целом «военно-промышленном комплексе» из пятнадцати оружейных мастерских, производивших оружие и латы, поставлявшиеся в армию. Он был надлежащим образом обеспечен корпусом «агентов по делам», но ему подчинялось ещё большее число чиновников, заместителей и помощников: двое для мастерских, трое для отдела по отношениям с варварами, один для Востока, один для Азии, один для Понта, один для Фракии и Иллирика, один инспектор публичной почты, один инспектор для всех провинций и, наконец, ещё одна служба, которая обычно находится в ведении министерства иностранных дел — переводчики с языков различных народов (interpretes diversarum gentium).

Таким образом, мы видим, что магистр оффиций, видимо, не мог быть министром иностранных дел в прямом смысле этого слова просто из-за нехватки времени. Однако это, как можно полагать, не относилось к византийскому логофету дрома, который унаследовал лишь некоторые из функций магистра оффиций, когда он был, с одной стороны, лишён обширных полномочий к концу правления Льва III (717—741 гг.), а с другой же — возведён в должность главы сената. Это был церемониальный остаток древнего римского сената, и его глава выступал представителем императора в его отсутствие — опасная роль, если только она когда-либо исполнялась всерьёз²⁶. Вполне разумно будет предположить, что Лев III, который пришёл к власти, заставив Феодо-

²⁵ Пять в диоцезе Восток; четыре в диоцезе Понт; один в диоцезе Азия; два в диоцезе обеих Фракий и четыре в диоцезе Иллирик.

²⁶ J. B. Bury The Imperial Administrative System in the Ninth Century With a Revised Text of The Kletorologion of Philotheos (Административная система империи в девятом веке с

сия III (715—717 гг.) отречься от престола, а затем вынужденный бороться с опасными мятежниками, счёл, что магистр оффиций слишком могуществен, так что лучше «запнуть» его повыше (kick upstairs), чтобы он услаждался пустыми почестями.

«Логофет дрома» буквально означает «счетовод дороги», что в данном случае относится к *cursus publicus*, как называлась римская и византийская система имперской почты и грузоперевозок. Она знала свои взлёты и падения, но в удачные времена обеспечивала как услуги грузоперевозки (платис дромос) на повозках с впряжёнными в них волами, так и службу быстрой доставки (оксис дромос) на лошадях и мулах для имперских чиновников и их багажа. Как уже отмечалось, волы обычно восемь часов спят, восемь часов жуют жвачку и перевозят груз со скоростью всего лишь две или две с половиной мили в час по ровной поверхности, так что в лучшем случае посредством платис дромос можно было перевезти тонну груза на расстояние в сто миль за пять дней, если при этом имелось хотя бы десять волов для запряжки, тогда как на дорогах, идущих по возвышенностям, требовалось восемнадцать волов. В противоположность этому верховые путешественники, пользовавшиеся услугами оксис дромос, могли передвигаться гораздо быстрее, потому что на почтовых станциях (статми) для них были свежие лошади. Прокопий описал, как эта система действовала в её лучшие дни:

На каждой подставе было до сорока лошадей, соответственно числу лошадей на всех подставах было и конюхов. И, часто меняя лошадей, которые были отменными, [всадники] безостановочно мчались, покрывая, случалось, за один день расстояние в десять дней пути²⁷.

Это составило бы примерно 240 римских миль, 226 уставных миль или 360 километров, и для путешествующего верхом это необычная скорость; даже при наличии смен добрых и свежих лошадей более вероятной представляется половина указанного Прокопием расстояния.

пересмотренным текстом «Клеторология» Филофея; Oxford: для Британской академии, 1911), p. 32.

²⁷ *Прокопий Кесарийский*. Тайная история, кн. XXX. 4—7; рус. пер. А. А. Чекаловой, цит. по: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Prokop3/index.php; англ. пер.: Dewing. Vol. VI, pp. 347—349.

Для сравнения: в 1860 г. наездники службы «Пони Экспресс» с почтовыми сумками весом в 20 фунтов покрывали 250 миль в сутки по маршруту протяжённостью в 1966 миль (3106 км) из Сент-Джозеф, Миссури, до Сакраменто, Калифорния, располагая 190 почтовыми станциями для 50 всадников и 500 лошадей. В своей полемической «Тайной истории» Прокопий расхвалил эту систему, чтобы резко осудить Юстиниана за то, что император упразднил некоторые маршруты, уменьшил число пересадочных станций и заменил лошадей мулами (причём даже их было мало), что полностью разрушило систему. В действительности же служба дрома действовала весьма исправно, если не считать времён самого острого кризиса, и служила ещё одним отличием империи от её соседей.

И для византийских послов, и для важных иностранцев, приглашённых в качестве официальных гостей, сухопутная поездка за пределами империи была в лучшем случае очень медленным предприятием, тогда как в пределах империи она была обычной рутинной и совершалась на значительно большей скорости²⁸. Единственный дошедший до нас подробно документированный отчёт о подобном путешествии восходит к четвёртому веку (между 317 и 323 гг.): некто Феофан, богатый землевладелец и чиновник из значительного города Гермополь Великий (его развалины находятся близ нынешнего селения эль-Ашмунейн) в Верхнем Египте, воспользовался услугами *cursus publicus* для поездки в Антиохию (ныне Антакия в Турции). Он отправился 6 апреля из Никиу (Пшати) в Дельте и прибыл на место 2 мая, делая в среднем по 40 км в сутки, с наименьшей скоростью в 24 км в день, когда он пересекал бездорожную Синайскую пустыню, и с наибольшей — более 100 км в сутки на конечном отрезке хорошей дороги в Сирии²⁹.

Для тех, кто путешествовал в спешке, использование услуг дрома могло оказаться решающим; и хотя обеспечить смены лошадей на протяжении всего маршрута можно было только обладая огромным богатством, за куда меньшие деньги можно было купить себе пропуск. Только магистр оффиций, а впоследствии логофет дрома, мог выдавать

²⁸ *Louis Brehier. Les Institutions de l'empire Byzantin* (Установления Византийской империи; Paris: Albin Michel, 1949, 1970), pp. 263–268; существовал даже оптический телеграф: см. pp. 268–270.

²⁹ Данные папируса Ханта (Hunt) в Библиотеке имени Джона Райланда (John Ryland Library) в Манчестерском университете; но я следую Хизеру: *Heather. Fall* (Гибель), p. 105.

такие пропуска, причём лишь чиновникам, следовавшим по казённым надобностям. Разумеется, существовало взяточничество. Иоанн Лид, или Лидиец, бюрократ, живший в шестом веке, чьё сочинение «О магистратах Римского государства» представляет собою утомительную череду административных заметок (местами всё же весьма забавных), пишет, что глава следователей (*frumentarii*) префектуры должен был всегда присутствовать в службе выдачи пропусков:

...чтобы произвести множество расследований и найти причину того, почему столь многие снабжены... так называемым официальным разрешением... пользоваться услугами *cursus publicus*. Эти расследования производились, хотя так называемый магистр [оффиций] должен также первым подписывать официальное разрешение на использование *cursus*³⁰.

Иными словами, даже самым высокопоставленным чиновникам нельзя было доверять в отношении пропусков, которые так легко можно было приобрести за крупные суммы. Этих следователей (*frumentarii*) иногда ошибочно принимали за агентов имперской службы безопасности (некто вроде римских ФБР, MI5 [военной разведки] или DST [дирекции территориальной безопасности]), соответствующих «агентам по делам» (*agentes in rebus*) столь же воображаемого имперского разведывательного управления; если бы это действительно было так, империя была бы защищена очень плохо, поскольку общее число следователей (*frumentarii*) было абсурдно низким для такой задачи: не более нескольких сотен человек³¹.

Высший надзор за дромом был лишь одной из обязанностей и лишь одним из полномочий логофета. Он возглавлял службу, следившую за визитёрами-варварами, управлявшую гостевым домом для иностранных послов (апокрисарион), а также службой переводчиков, унаследованной от «переводчиков с языков различных народов» (*interpretes diversarum gentium*) магистра оффиций; во главе её стоял «главный

Иоанн Лидиец. О магистратах Римского государства (*On the Magistracies of the Roman Constitution*), кн. II. 10. 5; англ. пер. T. F. Carney (Sydney: The Wentworth Press, 1965).

³¹ N. J. E. Austin, N. B. Rankov. *Exploratio: Military and Political Intelligence in the Roman World from the Second Punic War to the Battle of Adrianople* (*Exploratio: военная и политическая разведка в римском мире от Второй Пунической войны до битвы при Адрианополе*; London: Routledge, 1995), p. 152.

переводчик» (мегас диэрменевтис). Все эти посты наводят на мысль о министерстве иностранных дел, но тогда это были сугубо внутренние обязанности, включая охрану императора, надзор за мерами безопасности в некоторых провинциях, а также церемониальные обязанности. Приказ по ведению дел логофета (логофисия) с особым штатом засвидетельствован с девятого века, а в двенадцатом веке он стал называться «секретомом», не имея особого отношения к иностранным делам. Единственное, чего логофет не делал, — это ведение переговоров с иностранными державами, так что, даже если он был советником императора по иностранным делам (подчинённым, обязанным ежедневно являться ко двору, поскольку та или иная держава ежедневно угрожала той или иной части империи), он всё же не был исполнительным министром, уполномоченным вести внешнюю политику³².

Итак, у византийцев не было ни министра иностранных дел, ни профессиональных дипломатов. И всё же с самого начала до самого конца отличительной чертой византийской большой стратегии был именно сильный упор на средства убеждения в обращении с иностранными державами. Убеждение — это, конечно, основная цель всякой дипломатии, располагает ли она системой постоянных посольств или не располагает, и большей части того, чего византийцы добивались путём убеждения, другие добивались задолго до них, равно как и современные государства всё ещё продолжают добиваться этого.

Запугать потенциального агрессора, грозя страшными карами (устрашение, как мы называем это сегодня), — практика столь же древняя, как и само человечество: боевые кличи и размахивание руками выполняли ту же функцию, что и ядерное оружие в годы холодной войны. Той же цели служат подарки или прямая дань, чтобы откупиться от врагов, воевать с которыми будет дороже, даже при полной уверенности в своей победе. То, что предположительно декадентская «Византия» должна была откупаться от своих врагов, в деле обеспечения своей безопасности полагаясь на трусливое золото, а не на воинственное железо римлян эпохи их расцвета, — это всего лишь одно из ложных различий между двумя державами. Факты показывают, что во все времена притязания на героизм не определяли поступков римлян: даже на пике своей силы, с эпохи Августа в первом веке до Марка Ав-

³² D. A. Miller. The Logothete of the Drome in the Middle Byzantine Period (Логофет дрома в средневизантийский период), *Byzantion*, XXXVI (1966), fasc. 2, pp. 438—470.

релия во втором, они предпочитали золото железу всякий раз, когда от врагов легче было откупиться, нежели сражаться с ними³³. Список известных нам выплат очень долог: так, ок. 422 г. восточное правительство платило гуннам годовую дань в 350 фунтов (литр) золота; эта сумма возросла до 700 фунтов в 437 г. и ещё утроилась в 447 г. до 2100 фунтов — и это была гораздо меньшая сумма с гораздо большим эффектом, чем 4000 фунтов, выплаченные западным правительством вестготам Алариха в 408 г., за чем последовали 5000 фунтов золота в 409 г., наряду с 30 000 фунтами серебра, 4000 шёлковых туник, 3000 окрашенных пурпуром кож и 3000 фунтов перца³⁴. Все эти выплаты (не предотвратившие разграбление Рима в следующем году) поступали из страшно уменьшившегося в размерах, страшно обедневшего города, каким был Рим в то время, и они показывают, какое же громадное количество золота и серебра скопилось за века имперского грабежа, сопровождаемого ещё более доходным налогообложением. Один современный историк провёл тщательное различие между шестью категориями выплат, стоящими за ними намерениями и их результатами. Его вывод был таким: опасность неограниченного вымогательства была предотвращена, и золото служило «гибким и действенным орудием внешней политики»³⁵. Разумеется, в сочетании с железом для устрашения, принуждения и наказания.

Как мы увидим, византийцы постоянно полагались на устрашение (ведь любая держава, противостоящая другим державам, должна поступать так постоянно, пусть даже по умолчанию и, возможно, неосознанно), и в то же время они регулярно откупались от своих врагов. Но они делали и нечто гораздо большее, применяя все возможные средства убеждения, чтобы завербовать союзников, разделить своих врагов, разбить вражеские союзы, переманить на свою сторону недружелюбных правителей, а в случае мадьяр даже сбить целые мигрирующие на-

³³ C. D. Gordon. The Subsidization of Border Peoples as a Roman Policy of Imperial Defense (Выплаты пограничным народам как римская политика государственной обороны; University of Michigan, Ph.D Dissertation, 1948).

³⁴ Michael F. Hendy. Studies in the Byzantium Monetary Economy c. 300—1450 (Исследования византийской монетарной экономики ок. 300—1450 г.), Cambridge: Cambridge University Press, 1985, p. 261.

³⁵ Blockley-Foreign. Policy (Внешняя политика), pp. 149—150; он же: Subsidies and Diplomacy: Rome and Persia in Late Antiquity (Выплаты и дипломатия: Рим и Персия в позднеантичную эпоху), Phoenix, Vol. 39, No. 1 (весна 1985), pp. 62—74.

ции с их пути. Для римлян эпохи республики и единой империи, как и для большинства великих держав вплоть до наших дней, военная сила была главным инструментом государственного управления, тогда как убеждение служило второстепенным дополнением. Но для Византийской империи дело по большей части обстоит ровно наоборот. Действительно, перенесение акцента с силы на дипломатию — один из способов отличить Рим от Византии, конец поздней римской истории на Востоке от начала византийской истории³⁶.

Слишком самоочевидной причиной этой коренной перемены была относительная слабость Византийской империи: её военных сил зачастую не хватало для того, чтобы справиться со множеством её врагов. Но была и позитивная причина полагаться на дипломатию: византийцы располагали более эффективными средствами убеждения, нежели их предшественники или соперники, и одним из этих средств была христианская религия, «истинно православная вера».

³⁶ Blockley-Foreign. Policy (Внешняя политика), начиная с p. 151.

РЕЛИГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ

Что почти все известные нам византийцы были глубоко набожными христианами, не подлежит никакому сомнению; но не подлежит сомнению и тот факт, что империя постоянно использовала религию как источник влияния на иностранных правителей и на их нации. Для набожного человека в этом не было ни цинизма, ни противоречия — даже в том случае, когда ради спасения или выгоды крещение охотно принимали взятые в плен турки или невежественные степные варвары. Если это не помогало им духовно, то обращение в византийскую религию могло по крайней мере помочь империи материально, а ведь только одна она была защитницей истинно православной веры, которая, в свою очередь, представляла собою единственные подлинные врата в жизнь вечную, согласно её собственному учению. Поэтому усиление империи означало содействие христианскому спасению.

Византийская церковь, её величественные соборы с парящими куполами, её берущие за душу богослужения, мелодичное хоровое пение, тщательно разработанное вероучение и высокообразованное, по тем временам, духовенство привлекали к себе целые нации новообращённых, важнейшей из которых была русская. Некоторые и после этого продолжали яростно сражаться с империей, но другие были расположены к сотрудничеству или даже к союзу путём обращения в христианство, и

даже в том случае, если они не собирались делать никаких уступок императору как мирскому главе Церкви, авторитет патриарха Константинопольского они отрицали не столь охотно, хотя патриархов назначали императоры. Даже в годы заката после восстановления империи, продолжившиеся до 1453 г., русские охотно признавали главенство таких знаменитых патриархов, как, например, Филофей (1364—1376 гг.)¹.

Когда, начиная с девятого века, византийские миссионеры отправились обращать в христианство своих соседей-булгар, балканских славян и моравов, а также, для большего эффекта, и скандинавских правителей Киевской Руси, они спасали души от язычества — причина, вполне оправдывавшая все их усилия. Но в качестве неизбежного последствия они также вербовали потенциальных союзников империи. Правда, обращение в православную веру не предотвратило ожесточённых войн против империи, которые вели христианизированные болгары и Киевская Русь, но даже после признания Болгарской Церкви автокефальной в 927 г. византийская дипломатия могла пользоваться (и действительно пользовалась) властью патриарха Константинопольского над местными церковнослужителями, чтобы заручиться их помощью или хотя бы умерить вражду.

Время от времени византийцы могли также извлекать выгоду из религиозных запретов нападать на их христианскую империю. Даже распалённым латинянам, участвовавшим в Четвёртом крестовом походе, собиравшимся напасть на Константинополь, захватить и разграбить город, имперская власть в котором была разрушена из-за династического братоубийства, это было запрещено — или по крайней мере этого опасались их предводители, ибо 11 апреля 1204 г., накануне окончательного приступа, произошло следующее:

И тогда стали скликать по всему лагерю, чтобы утром в воскресенье все явились на проповедь: венецианцы и все остальные; так они и сделали. И тогда стали проповедовать в лагере епископы — епископ Суассонский, епископ Труасский, епископ Ханетест, мэтр Жан Фасет и аббат Лоосский, и они разъясняли пилигримам, что битва является законной, ибо греки — предатели и

¹ John Meyendorff. *Byzantium and the Rise of Russia* (Византия и возвышение Руси; New York: St Vladimir's Seminary Press, 1989), начиная с р. 173; рус. пер.: *прот. Иоанн Мейендорф. Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке*. Р., YMCA-PRESS, 1990; см.: <http://vizantia.info/docs/147.htm>.

убийцы и им чужда верность, ведь они убили своего законного сеньора, и они хуже евреев. И епископы сказали, что именем бога и властью, данной им апостоликом, отпускают грехи всем, кто пойдет на приступ, и епископы повелели пилигримам, чтобы они как следует исповедались и причастились и чтобы они не страшились биться против греков, ибо это враги господа. И был отдан приказ разыскать и изгнать из лагеря женщин легкого поведения и всех их отослать подальше от лагеря; так и поступили: всех их посадили на корабль и увезли весьма далеко от лагеря².

Нам не дано знать, как обернулось бы дело, не будь поблизости крестоносцев-христиан; но если что-то возможно показать документально, так это роль Константинополя как культового центра в византийской дипломатии. Можно также показать, что религиозный авторитет города сознательно повышался, что составляло часть имперской политики.

Когда Константин ещё только основал свою столицу, она не особенно притязала на то, чтобы стать центром паломничества. Правда, в ней пребывал император (а он был не просто светским главой Церкви, ведь императоры могли высказываться и по вероучительным вопросам и действительно высказывались), а также Вселенский патриарх, самый старший из членов назначенного им духовенства, уступавший лишь епископу-патриарху Римскому согласно порядку первенства, установленному на Халкидонском Вселенском Соборе в 451 г., до того как стать первым среди всех православных патриархов после разделения Церквей, происшедшего спустя шесть веков.

Но, как город новый, Константинополь не мог вступить в состязание с христианским престижем Рима с его многочисленными церквями и кафедрой преемника св. Петра; не мог он состязаться ни с Александрией, ни с Антиохией, ни с Иерусалимом. Александрийский и Антиохийский патриархаты следовали за Константинопольским в халкидонском распорядке, но и тот и другой были епископствами задолго до Константинополя, а их Церкви были гораздо древнее. Иерусалимский патриархат в порядке старшинства шёл последним, но только в его пределах паломники могли посетить места рождения, жизни и смерти

² Робер де Клари. Взятие Константинополя, гл. LXXIII; рус. пер. А. М. Заборова, цит. по: Робер де Клари/Заборов 1986, сс. 52—53; оригинал: *Charles Hopf. Chroniques gréco-romanes inédites ou peu connues* (1873).

Иисуса, от церкви Рождества в близлежащем Вифлееме до храма Гроба Господня на Храмовой горе в Иерусалиме. Уже хотя бы потому, что иудеи, предшественники паломников, периодически съезжались со всех краёв империи и из-за её пределов, чтобы отмечать свои главные праздники в Иерусалимском Храме, паломничество было чрезвычайно важным как акт веры, а Константинополь не мог притязать на какое-либо религиозное значение (с неизбежной политической составляющей), если бы он не привлекал к себе паломников.

С таким вызовом столкнулись и справились императоры и патриархи. Благодаря значительным усилиям и крупным затратам Константинополь превратился в христианский город по преимуществу и в центр притяжения паломников, не уступающий Риму или Иерусалиму, причём в течение долгого времени его посещали даже больше, чем Рим и Иерусалим.

Началом послужило строительство церквей, прежде всего нового кафедрального храма св. Софии-Премудрости, который стал мечетью первостепенного значения после завоевания города в 1453 г., был секуляризован в 1935 г. и с тех пор стал самым посещаемым памятником Стамбула. Прежняя Святая София, бывшая уже второй церковью, построенной на этом месте, была сожжена во время восстания «Ника» в январе 532 г. По приказу Юстиниана Анфимий Тралльский и Исидор Милетский тщательно спроектировали новое здание, ставшее тогдашним чудом света, с поразительно большим и высоким куполом в 31,87 м в поперечнике и высотой в 55,6 м (182 фута) над землёй, который поддерживала новоизобретённая система парусов, и барабана, прорезанного окнами; кажется, будто он парит над посетителем, поддерживаемый то ли волшебством, то ли чудом. (В качестве ещё одного чуда эстетики спустя более века после того как завоеватели-османы впервые замазали мозаики внутри храма, превратив храм святой Софии в мечеть, лишённую запрещённых изображений, архитектор Ходжа Мимар Синан Ага (1489—1588 гг.) добавил четыре высоких, относительно тонких цилиндрических минарета, поражающих своим контрастом с массивной округлостью изначального здания. Таким образом, столкновение цивилизаций привело по крайней мере к культурному сплаву.)

Почти триста церквей были со временем выстроены в Константинополе, но со дня своего освящения 27 декабря 537 г. именно Святая София, Айя-София, в первую очередь привлекала паломников в Константинополь. Этот храм с его обширным внутренним пространством,

не пестрящим поддерживающими своды колоннами, ибо сама его конструкция таинственным образом поддерживалась за счёт математически рассчитанного сопротивления распору, из-за чего внутренних опор не требовалось; храм со сводами, полностью выложенными золотом, разноцветным мрамором и яркими многокрасочными мозаиками (а многие посетители были просто не знакомы с этим видом искусства), украшенный, кроме того, роскошными шелками, мозаиками и фресками, он в течение многих веков был, вне всякого сомнения, самым впечатляющим зданием в мире.

Конечно, для многих верующих он был чем-то большим, то есть божественным чудом, достойным местопребыванием самой Святой Премудрости. Дав подробное описание новаторского проекта и не изменявшегося ранее способа строительства, Прокопий Кесарийский передаёт современное событиям сообщение о впечатлениях первых посетителей собора:

И всякий раз, как кто-нибудь входит в этот храм, чтобы молиться, он сразу понимает, что не человеческим могуществом или искусством, но Божьим соизволением завершено такое дело; его разум, устремляясь к Богу, витает в небесах, полагая, что Он находится недалеко и что Он пребывает особенно там, где Он сам выбрал. <...> Никого никогда не охватывало пресыщение от этого созерцания, но находящиеся в храме люди радуются тому, что они видят, а уходя восхваляют его в своих беседах о нём³.

Приезжие, знавшие о соборе святой Софии только по слухам, по прибытии в Константинополь обычно первым делом отправлялись осмотреть этот храм, независимо от того, для чего они прибыли в город. Но многие паломники приезжали для того, чтобы поклониться Богу именно там, причём их поток не прерывался в течение целых веков, что повышало престиж империи во многих странах, куда паломники возвращались.

Но ни самая впечатляющая архитектура, ни самые роскошные украшения не так сильно притягивали паломников, как знаменитые святыни. В православии и христианстве святыни суть доступные посредники, каждый из которых способен пробуждать особую преданность

³ Прокопий Кесарийский. О постройках, I. 1. 61—64; рус. пер. С. П. Кондратьева, цит. по: Прокопий Кесарийский 1996; англ. пер.: Dewing. Vol. VII, p. 33.

жителей той или иной местности либо представителей того или иного слоя общества. Поэтому у многих верующих были и есть свои особые святыне, которых они почитают наиболее благоговейно, кому они могут совершать подношения, чьи могилы или мощи они стремятся посетить, чтобы поклониться им, но также и для того, чтобы извлечь выгоду из духовных эманаций, нигде более не присутствующих.

Вот почему мощи могли привлекать набожных людей даже издалека, повышая при этом престиж той церкви, того монастыря или святилища, где они хранились. Некоторые из них изначально были святилищами над могилой святого или над его мощами, тогда как другие приобретали мощи, если могли себе это позволить: шла оживлённая торговля, и цены могли быть высокими, поскольку мощи, кроме их духовной ценности и обеспечиваемого ими престижа, служили ещё и источником доходов от пожертвований паломников. Правители, властвовавшие над такими местами, получали долю со всех этих доброхотных приношений; так же, несомненно, поступала и Византия, потому что её международный авторитет среди христиан, живших как недалеко от её границ, так и весьма далеко от них, постоянно укреплялся благодаря всё большему накоплению знаменитых мощей в столице империи. Мощи подробно перечисляются в собрании рассказов о Константинополе, составленном в XII веке в Скальхольте, в отдалённой Исландии.

Свидетельством притягательной силы константинопольских мощей может послужить «Сага о Книтлингах» (*Knýtlinga Saga*). Повествуя об истории датских конунгов, автор саги описывает длительное пребывание Эрика Эйегода (Ejegod, «вечно добрый») в Константинополе на пути во Святую землю (ему довелось умереть в Пафосе, на Кипре, в июле 1103 г.). Когда он готовился покинуть столицу, чтобы продолжить путешествие, император, согласно «Деяниям данов» (*Gesta Danorum*) Саксона Грамматика, спросил Эрика, чего тот желал бы в качестве прощального подарка. Эрик отвечал, что ему желанны только святыне мощи. Ему дали часть мощей св. Николая и кусочек Креста Господня, которые он отправил к себе домой в Роскильде, а также в церковь в родном для него местечке Слангеруп в Северной Зеландии⁴.

Не все мощи были одинаково ценны, ибо существует иерархия свя-
тых, начиная с первых учеников Христа. Кроме того, легко опознаваемые

⁴ Саксон Грамматик. Деяния данов (*Gesta Danorum*), XII. 7. 4; <http://www2.kb.dk/elib/lit/dan/saxo/lat/or.dsr/index.htm>.

конечности всегда превосходили своей ценностью какие-нибудь обрывки ткани. Хотя пределом мечтаний оставался обломок Креста Господня, всё же хорошо сохранившаяся рука или нога, приписываемая одному из первостепенных святых, также ценилась очень высоко. Императоры, как и духовенство, не жалели ни труда, ни денег на то, чтобы приобрести эти «руки помощи империи»⁵, хотя рук было недостаточно: головы, руки, ноги, сердца, носы, простые куски ткани и, в общем, любая часть тела (за легко предсказуемыми исключениями) пользовались огромным спросом.

Когда длань св. Иоанна Крестителя, выкраденная из Антиохии, прибыла в Константинополь в 956 г. на имперском судне по завершении финального отрезка своего путешествия, она была принята патриархом Полиевктом и собравшимся сенатом, состоявшим из высокопоставленных чиновников в лучших облачениях, посреди свечей, факелов и курящихся благовоний, прежде чем её перенесли во дворец, а не в какую-нибудь церковь, монастырь или часовню: император Константин VII Багрянородный хотел, чтобы рука святого защищала его самого.

К тому времени, когда Константинополь пал под натиском завоевателей-«латинян» во время Четвёртого крестового похода в 1204 г., в городе было, видимо, более 3600 мощей примерно 476 различных святых⁶, включая вышеупомянутую руку; хотя её больше не почитают, до сих пор её можно увидеть в венецианской серебряной оправе в музее Топкапы в нынешнем Стамбуле.

Мощи были важнее всего, но собрания особо почитаемых икон также увеличивали религиозное притяжение Константинополя. Если не считать крайне спорного иконоборческого периода в восьмом-девятом веках, православная вера всегда отличалась крайним благоговением, с которым в ней относились к иконам — к изображениям Иисуса, Богородицы, апостолов и других святых; чаще всего иконы представляли собою расписанные дощечки, но были также переносные или настенные мозаики. В этом отношении эллинская склонность к образности явно возобладала над абстрактным еврейским монотеизмом с его стро-

⁵ Заглавие очерка «Руки помощи империи» (*Helping hands for the Empire*) Иоли Калаврезу в сборнике: Henry Maguire (ред.). *Byzantine Court Culture from 829 to 1204* (Византийская придворная культура с 829 по 1204 г.; Washington DC: Dumbarton Oaks Research Library/Harvard University Press); в дальнейшем: *Court Culture* (Придворная культура), pp. 53—79.

⁶ *Kalavrezou*, p. 53, цит. из работы: O. Meinardus. *A Study of the relics of the Greek Church* (Изучение мощей Греческой Церкви), *Oriens Christianus*, 54 (1970), pp. 130—133.

гим запретом изображать Бога, отзвуки чего ещё слышатся в творениях ранних отцов Церкви.

Как и мощи, иконы тоже не были равноценны. Большинство из них были всего лишь живописными произведениями или мозаиками, которые можно было ценить за их декоративное или просветительское значение (мозаики в соборах городов Чефалу и Монреале и в Палатинской капелле (г. Палермо) на Сицилии, исполненные либо вдохновлённые византийцами, весьма успешно пересказывают изрядную часть Библии), — но в них самих святости нет. Зато некоторые иконы называли чудотворными, то есть видели в них эманации священного. Обладание ими приносило религиозный авторитет, как было и с мощами, и всё возрастающее количество святых икон также способствовало правдоподобности представления о Константинополе как о святом граде.

Самой почитаемой из всех византийских икон была икона Девы Марии Богородицы (Феотокос), держащей на руках младенца Иисуса Христа и указующей на Него как на источник спасения — Одигитрия, «Путеводительница» — написанная, как полагали, св. евангелистом Лукой, учеником апостола Павла (верующие приписывают Луке две книги Нового Завета). Согласно отрывку из сочинения церковного историка шестого века Феодора Чтеца, который приводит (или, скорее, фабрикует) в своей «Церковной истории» Никифор Каллист Ксанфопул в начале четырнадцатого века, Одигитрия св. Луки была отправлена из Иерусалима Пульхерии, дочери императора Аркадия (395—408 гг.). Икона хранилась в монастыре Панагия Одигитрия («Всесвятая Путеводительница») в Константинополе, но её выносили наружу, проносили в шествиях и даже выставляли на стенах города, чтобы отразить врагов в час великой опасности; и, хотя икона пережила разграбление Константинополя «латинянами» в 1204 г., после османского завоевания 1453 г. она исчезла.

Лука был святым, но всё же человеком; тогда как самые священные образы были «нерукотворными» (ахиропиита), возникли они чудесным образом и к тому же были чудотворными. Один пример, относящийся к поствизантийской эпохе, лучше передаёт глубину веры, которую способны вызывать эти изображения, а также их политическое значение — сочетание самое что ни на есть странное для кого угодно, только не для византийцев. Икона Казанской Божией Матери, чьё местонахождение под землёй было, как рассказывают, открыто маленькой девочке Самой Богородицей 8 июля 1579 г., была принята за нерукотворную тем охотнее, поскольку Казань была недавно за-

воёванным татарским, мусульманским городом, где прежде христиан не было вообще. Верили, что она отразила польское вторжение 1612 г., шведское нашествие 1704 г. и наполеоновское нашествие 1812 г.; однако ей не удалось ни разбить японцев в гибельной войне 1904—1905 гг., ни помешать большевикам захватить власть, поскольку икона Казанской Божией Матери была украдена ради её драгоценного оклада и, по слухам, уничтожена 29 июня 1904 г., что вызвало к жизни весьма точные предсказания о грядущей катастрофе.

Но в 1993 г. некая икона, которая, как утверждали, была той же самой, снова объявилась и была подарена папе Иоанну Павлу II, который почитал её в течение одиннадцати лет («Она сопровождала меня материнским взором в моём повседневном служении Церкви...»), в то же время предпринимая настойчивые попытки договориться о том, чтобы лично возвратить эту икону в Казань⁷. Для этого потребовался бы его визит в Российскую Федерацию — визит, которого польский прелат, понимавший толк в политике, сильно желал, тогда как Московский Патриархат и Кремль были настроены на решительный отказ. В конце концов российское упрямство восторжествовало, и Ватикан, не ставя никаких условий, возвратил икону в августе 2004 г. В следующий праздник в честь этой иконы, 21 июля 2005 г. по западному календарю (8 июля по старому стилю), патриарх Московский и всея Руси Алексий II (считающийся также бывшим агентом КГБ «Дроздовым») и президент Татарстана Минтимер Шаймиев, номинально мусульманин, поместили икону Богородицы в Благовещенский собор Казанского кремля. Византийцы отнеслись бы с пониманием и даже с симпатией к хладнокровным политическим расчётам всех, кто был вовлечён в это дело, — в то же время самым искренним образом веруя в Богородицу.

Нерукотворные иконы были самыми значительными с вероучительной точки зрения, потому что они примиряли желание обладать могучими духовными орудиями с запретом на изготовление изображений в Книге Исход 20:4. Путём компромисса, после ожесточённых споров, постиконоборческое православное вероучение осудило поклонение иконам (латрия), предписав их почитание (дулия), которое можно оказывать, например, и императору, хотя Богородице полагалось «сверхпочитание» (ипердулия).

⁷ На самом деле это копия XVIII в., и папа Иоанн Павел II отлично об этом знал. — *Прим. ред.*

Но нерукотворные иконы, не изготовленные людьми, представляли собою нечто иное, поскольку они сами по себе могли творить чудеса, включая их собственное чудесное воспроизведение. Самым значительным из них был образ «Мандилион» (Эдесский убрus, Спас Нерукотворный) — лик и шея Иисуса Христа, запечатленные на полотенце, посланном некогда самим Иисусом (историческому) Абгару V, царю Эдессы в Осроене, взамен личного визита. Неоднократно завоёванный и отвоёванный вместе с городом «Мандилион» был утрачен и заново обретен, а в 944 г. торжественно водворён во дворце императором Романом I Лакапином (919—944 гг.). Правда, это не помогло Роману удержать трон в своих руках, но образ оставался во дворце в качестве главной городской иконы, откуда не пропал окончательно при взятии Константинополя в 1204 г., в отличие от схожей с ней иконы св. Вероники (это имя толковалось как «истинный образ», *vera icona*), держащей в руках убрus с изображением Христа, которую ненадолго и с серьёзными мерами предосторожности выставляют в соборе св. Петра в Риме каждое Вербное воскресенье.

Святые мощи и священные изображения были лишь частью незабываемого переживания, поджидавшего паломников и всех посетителей, приходивших на службы в великие церкви Константинополя, особенно в Святую Софию.

Первая русская летопись, «Повесть временных лет», которую по-английски принято называть “Primary Chronicle” («Начальная хроника») — причудливое смешение разрозненных исторических фактов, прямого вымысла, благочестивых повествований и игривых непристойностей, — под 6495 годом от сотворения мира (987 г. по нашему календарю) упоминает комбинированное «мультимедийное» воздействие величественной архитектуры, позолоченных мозаик, освещённых свечами икон, роскошных одеяний священников, благовонных курений и ещё одного великого достижения византийцев — богослужебного хорового пения, по сей день восхищающего души верующих. Согласно «Повести», Владимир I, варяжский (= скандинавский) правитель Киевской Руси, отправил посольство, чтобы найти веру, подходящую ему самому и его народу, то есть соплеменникам-скандинавам и коренным славянам, которых уже не удовлетворяли ни Перун, славянский бог-громовник, ни ввезённые северные божества. По возвращении посольство, согласно «Повести временных лет» от 6494 г. (= 986 г.), доложило следующее:

И созвал князь бояр своих и старцев, и сказал Владимир: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними», — и обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили в Болгарию, смотрели, как они [мусульмане] молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам [католикам], и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю [в Константинополь], и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той»...⁸

Ничего случайного в этой встрече с православной религией не было. За год до этого, в 986 г., некий византийский миссионер, который в «Повести временных лет» примечательно именуется «философом», предположительно прибыл в Киев, чтобы предстать при дворе Владимира и проповедовать там. Кроме того, он был не первым. Византийские миссионеры уже ранее приезжали в течение некоторого времени: бабка Владимира, княгиня Ольга, уже лично обратилась в христианство, и её с огромной помпой, в окружении многочисленной свиты, чествовали в Константинополе. Посольство Владимира тоже приняли с пышными церемониями:

И призвали их [послов] цари Василий [II, 976—1025 гг.] и Константин [VIII, его брат и номинальный соправитель], и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою.

Религиозная вербовка была не только одним из средств дипломатии. Византийцы были слишком привержены своей вере для того, чтобы не видеть в евангелизации свою религиозную обязанность, хотя евангелизация не служила стопроцентной гарантией имперского влияния на

⁸ Рус. пер. Д. С. Лихачёва; цит по: <http://www.hrono.info/dokum/povest2.html>; англ. пер.: Samuel H. Cross and Olgerd P. Sherbowitz-Wetzor. The Russian Primary Chronicle: Laurentian Text Harvard Studies and Notes in Philology and Literature (Cambridge, Mass: Medieval Academy of America, 1953), [no.108], p. 111.

новообращенных. Принявшие христианство и всё более славянизированные болгары причиняли ничуть не меньше хлопот, чем их предшественники-язычники, турки-булгары, да и сами христиане: ведь их наиболее преуспевшие цари даже ставили под сомнение верховную власть императора над христианским миром⁹.

По крайней мере в случае Киевской Руси выгоды обращения в христианство для императора оказались скорыми и существенными. То ли вследствие пылкового отчёта своего посольства, то ли независимо от него (судя по тому, что мы знаем, второе более вероятно) Владимир обратился в христианство сам и обратил свой народ в 988 г. В качестве объяснения этого в «Повести временных лет» приводится рассказ (едва ли достоверный) о том, как Владимир осаждал Корсунь, значительный византийский город в Крыму, угрожая осадить и сам Константинополь, если не получит в жёны Анну, сестру Василия:

И когда прошел год, в 6496 (988) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий <...> Владимир вошел в город с дружиною своей и послал к царям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав это, опечалились цари, и послали ему весть такую: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное восприимешь, и с нами единовверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя»¹⁰.

Более правдоподобная версия выглядит иначе: Варда Фока, отпрыск самой богатой и могущественной семьи в империи, впавший в неми-

⁹ Русское «царь» — сокращение титула «цезарь», а не его обесценившегося византийского варианта «кесарь», обозначающего правителя, подчинённого василевсу (собственно императору), как цезари позднеримской эпохи были подчинены Августу в диоклетиановой тетрархии 293—305 гг., состоявшей из двух «старших» императоров (Августов) и двух «младших» (Цезарей). Начиная с XIII в., титул «кесарь» был вытеснен титулами «деспот» и «севастократор». [В действительности славянское слово «царь» происходит от греческого «кесарь», и лишь впоследствии оно подверглось обычной палатализации (ср. «церковь» из нем. “Kirche”). — Прим. ред.]

¹⁰ Рус. пер. Д. С. Лихачёва; цит по: <http://www.hrono.info/dokum/povest2.html>; англ. пер.: Samuel H. Cross and Olgerd P. Sherbowitz-Wetzor. The Russian Primary Chronicle: Laurentian Text Harvard Studies and Notes in Philology and Literature (Cambridge, Mass: Medieval Academy of America, 1953) [No.109], p. 112.

лость domestik схол Востока (главнокомандующий войсками восточной части империи), солдат-ветеран гигантского роста с репутацией героя, поднял восстание против Василия II, тогда молодого и ещё не одержавшего славных побед, провозгласив себя императором 15 августа 987 г. Когда его семья и другие аристократические семьи встали на его сторону, как и восточные войска в Анатолии, в начале 988 г. Варда Фока выступил в поход на Константинополь. Двумя годами ранее Василий II потерпел серьёзное поражение от болгар, и западные войска которыми он командовал, всё ещё были слабы. По этой причине Василий II оказался почти беззащитен, когда Варда Фока окружил Константинополь с моря и с суши, из Хрисополя (ныне Юскюдар), прямо на другом берегу Босфора, и из близлежащего Абидоса (ныне Чанаккале).

Казалось, что Василий II бесповоротно проиграл, но в течение месяцев, последовавших за восстанием, он провёл успешные переговоры с Владимиром I, чтобы заручиться военной помощью последнего:

...император... ночью снарядил несколько кораблей и, посадив на них росо (потому что ему удалось набрать себе союзников из них, и он породнился с их князем, Владимиром, через свою сестру Анну), пересёк проливы вместе с ними, дерзко напал на врагов и без труда подчинил их¹¹.

Таким образом, весной 988 г. шесть тысяч варяжских (Vaeringjar) воинов прибыли из Киевской Руси; им суждено было остаться на имперской службе и составить начальный контингент варяжской гвардии — элитного корпуса императорских телохранителей, набор в ряды которого должен был производиться напрямую из Скандинавии, даже из Исландии, а впоследствии — из числа саксов из Англии после поражения при Гастингсе, а также из норманнов¹². Василий II лично повёл

Англ. пер.: John Wortley. John Scylitzes, A Synopsis of Histories (811—1057 AD) A provisional translation. (Иоанн Скилица. «Обзор историй [811—1057 гг.]». Предварительный перевод). The Centre for Hellenic Civilization at the University of Manitoba; текст любезно предоставлен проф. Джоном Уортли (Wortley); в дальнейшем: Skylitzes. Basil II Bulgharoctonos, (Василий II Болгаробойца), гл. 17, р. 181.

¹² Sigfus Blondal. The Varangians of Byzantium (Византийские варяги; Cambridge University Press, 1978), начиная с р. 43. В Киевской Руси «варяги» также были иностранными наёмниками. См.: Simon Franklin and Jonathan Shepard. The Emergence of Rus 750—1200 (Возникновение Руси: 750—1200 гг.), Longman History of Russia (New York Longman, 1996), p. 197.

варягов против повстанцев, сначала разбив их силы при Хрисополе, а затем ещё раз, 13 апреля 989 г., при Абидосе, где сам Варда Фока умер — предположительно от сердечного приступа.

Владимир ещё не был крещён в начале 988 г., когда он отправил в Константинополь варягов, и возможно, он напал на прибрежное владение Византии, Корсунь в Крыму, перед самым своим крещением. Но в момент острейшего кризиса он всё же оказал жизненно важную помощь императору и главе его Церкви. У Владимира могли быть свои, вполне светские причины на то, чтобы помочь Василию II. В качестве одного из объяснений предлагалось и такое: он нёс унаследованные им обязательства по договору. Действительно, по договору от 971 г. между Святославом, отцом Владимира, и императором Иоанном Цимисхием (969—976 гг.) Святослав обещал защищать империю от всех противников. Но этот договор был подписан вынужденно, после сокрушительного поражения, а сам Святослав был убит печенегам до своего возвращения в Киев. Маловероятно, что его сын стал бы помогать Василию II только для того, чтобы соблюсти договор. Гораздо более правдоподобно, что именно процесс обращения в христианство и последовавший за этим диалог между имперским двором и Киевом создал благоприятный контекст, в котором Василий II мог запросить и получить войска, спасшие его престол.

В более широкой перспективе обращение раздвинуло пределы православно-христианского пространства, внутри которого империи по меньшей мере было обеспечено центральное положение. Вместо того чтобы оставаться в одиночестве в мире врагов-мусульман, враждебных монофизитов, экзотических язычников и западных приверженцев сомнительных папских вероучений, к концу десятого века византийцы создали православное содружество автокефальных Церквей, число которых неизбежно возрастало¹³. А это, в свою очередь, расширило и сферу влияния византийцев, и даже рынок сбыта их произведений: ведь в российских музеях до сих пор можно любоваться яркими, красочными иконами, приобретёнными в Константинополе.

¹³ *Dimitri Obolensky. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500—1453* (Византийское содружество наций: Восточная Европа в 500—1453 гг.; New York: Praeger, 1971), начиная с р. 272, *Factors in cultural diffusion* (Факторы культурной диффузии).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИМПЕРСКОГО ПРЕСТИЖА

Благодаря своим духовным, а также вполне земным приманкам метрополия Константинополь сама по себе была могущественным орудием убеждения, по крайней мере до и после бедствий седьмого и восьмого веков, когда вследствие череды осад, повторяющихся эпидемий чумы и особенно страшного землетрясения 740 г. от города осталось не так уж и много. Но даже в таких условиях Константинополь оставался величайшим городом в пределах распространения европейской цивилизации, каким он и был со времени упадка Рима в пятом веке.

Кроме того, Константинополь был и самым впечатляющим из городов: он, как и нынешний Стамбул, располагался на полуострове, картинно вдающемся в морской пролив, и красовался строем величественных дворцов и храмов, ныне обезображенным удручающими новыми постройками. Чтобы усилить воздействие города, перемещения официальных посетителей по нему тщательно контролировались, дабы перед ними представляли только самые изысканные виды — а заодно, как можно предположить, и запоминающиеся сцены тактических занятий хорошо вооружённых воинов.

Что византийцы бесконечно гордились своей столицей — ничуть не удивительно; однако для их дипломатии важно было впечатление, оказываемое ею на посетителей-иностранцев, а впечатление это было

просто ошеломляющим, если учесть, что очень многие из них прибывали из мира хижин, палаток или юрт. Мы располагаем редкостным сообщением историка Иордана о реакции готского короля Атанариха в конце четвёртого века, то есть задолго до того как Юстиниан (527—565 гг.) прибавил к красотам города храм св. Софии и много другого, что впечатляло посетителей впоследствии:

Феодосий... короля Атанариха, который тогда наследовал Фритигерну, <...> привлек к себе поднесением ему даров и пригласил его со свойственной ему приветливостью нрава побывать у него в Константинополе. Тот охотно согласился и, войдя в столицу, воскликнул в удивлении: «Ну, вот я и вижу то, о чем часто слыхивал с недоверием!» — разумея под этим славу великого города. И, бросая взоры туда и сюда, он глядел и дивился то местоположению города, то вереницам кораблей, то знаменитым стенам. Когда же он увидел толпы различных народов, подобные пробивающимся со всех сторон волнам, объединенным в общий поток, или выстроившимся в ряды воинам, то он произнес: «Император — это, несомненно, земной бог, и всякий, кто поднимет на него руку, будет сам виноват в пролитии своей же крови»¹.

Таков был задуманный эффект, и текст Иордана — предположительно сокращение утраченной коллаборационистской истории Кассиодора, служившего готскому королю Теодориху, — содержит подобающее упоминание о том, что даже после смерти Атанариха всё его войско осталось на службе у ромеев, «слившись как бы в одно тело с римским войском».

Уже сами названия города показывают, что престиж его был огромен, а слава о нём расходилась далеко. Славяне, жившие по соседству, в нынешней Болгарии и Македонии, а также дальше, в нынешней Украине и России, называли Константинополь Царьградом, столицей мира и даже представительством Бога на земле. В далёкой Скандинавии и в ещё более далёкой Исландии его называли Миклагард (Miklagard, Mikligardr, Micklegarth), «великий град», и бесконечное восхищение им выражено в сагах.

¹ Иордан. *De origine actibusque Getarum* (О происхождении и деяниях готов), XXVIII. 142—1434; рус. пер. Е. Ч. Скржинской, цит. по: http://www.alanica.ru/library/Iordan/iordan.htm#TOC_id2653452; англ. пер.: Charles C. Mierow. *The Gothic History of Jordanes* (Готская история Иордана; Cambridge: Speculum Historiale, 1915), далее *Getica*, p. 91.

Сам император был средоточием тщательно разработанных придворных ритуалов, исполнявшихся чиновниками в блистательных одеяниях, чтобы нагнать пущего благоговейного страха на иностранных послов при дворе. Если этого оказывалось недостаточно, то одно время гидравлические устройства поднимали императорский трон при приближении посетителей и приводили в действие львов, бивших хвостами и рычавших вполне убедительно для того, чтобы ошеломить и ввергнуть в ужас людей неподготовленных². Это было чуть ли не детским дурачеством, однако тщательная подготовка и продуманная режиссура присутствовали в обращении византийцев с многоразличными державами, народами и племенами, которых они встречали на протяжении веков, включая нехристиан и схизматиков, которых оставлял равнодушными религиозный авторитет империи. Немало из того, что делали византийцы, было рассчитано на сохранение и преумножение престижа императорского двора, и он использовался даже для того, чтобы произвести впечатление, внушить благоговейный страх, привлечь на свою сторону, а то и соблазнить. В отличие от войска или золота престиж не расходуется при использовании, и это было огромным достоинством для византийцев, которые всегда стремились найти экономичные источники власти.

Таким образом, двор, как и многое другое, служил орудием убеждения: он был единым средоточием политической, законодательной и административной власти; местом хранения казны, откуда золото текло в руки гражданских чиновников и военнослужащих императора, а также иностранных союзников, клиентов, помощников, а подчас и прямых шантажистов; роскошной сценой, на которой разворачивался бесконечный круг частных и публичных церемоний, оживляемых ослепительными шёлковыми одеяниями высокопоставленных чиновников, каждое из которых обозначало их ранг; идеальной целью для амбициозной молодёжи, стекавшейся со всей империи в надежде сделать чиновничью карьеру, — некоторых из них специально оскопляли, чтобы они вошли в число дворцовых евнухов. Иногда двор был также тем местом, где при правителях-меценатах подвизались художники, литераторы и учёные, но он всегда оставался местом пребывания самого императора, священного для православных христиан как мирской

² Эту уловку, как известно, высмеял Лиутпранд Кремонский. См.: *Gerard Brett. The Automata in the Byzantine "Throne of Solomon" (Автоматы в византийском «Соломоновом престоле»).* *Speculum*. Vol. 29, No. 3 (Jul., 1954), pp. 477—487.

наместник Бога на земле и самый значительный из людей для многих, даже нехристиан, живших как по соседству, так и очень далеко.

На приезжих владык и вождей, знавших лишь грубые удовольствия и варварские нравы, царившие в их бревенчатых залах, юртах или недавно возведённых крепостях с палисадами, византийский двор с его пышными аудиенциями, шествиями и церемониями должен был производить невообразимое впечатление, поражая зрелищами неземной красоты. Подробные рассказы о том, как принимали иноземных владык, содержатся в бесценном собрании описаний дворцовых церемоний и многого иного, приписываемом императору Константину VII Багрянородному, которое обычно известно под латинским заглавием "*De cerimoniis aulae Byzantinae*" («О церемониях византийского двора»), но здесь будет цитироваться под заглавием «Книга церемоний» ("*Book of Ceremonies*")³.

Особый интерес представляет приём мусульманских послов в 946 г.; они знали уже не только хижины и шатры, но и монументальную мечеть Омейядов в Дамаске, изысканную (и сугубо византийскую по стилю) мечеть Купол Скалы (Масджид Куббат ас-Сахра) на Храмовой горе в Иерусалиме, а также багдадский двор, так что произвести на них впечатление было непросто. Они прибыли от имени аббасидского халифа, всё ещё считавшегося правителем всего исламского мира, хотя к тому времени халифат совершенно обессилел, и посланцы, прибывшие в мае, а затем в августе 946 г., чтобы обсудить условия перемирия и обмена пленными, представляли хоть и не мировую, но вполне реальную силу: воинственных пограничных царьков и более солидных правителей различных областей. В числе первых был эмир Тарса в Киликии (возле нынешнего города Мерсин в Турции) на юго-восточной границе империи, чьи призывы к джихаду раздавались порой по всему мусульманскому миру; его соратник по джихаду и соперник, эмир Амиды (Диярбакыр в современной Турции, Амед по-курдски), на центрально-восточной границе империи; куда более могущественный буидский (бувайхидский) правитель Али, сын Абу Шадджа Бувайха, шиит-гетеродокс и военный вождь из Ирана, только что овладевший и Багдадом, главной силой которого

³ Она была частично подновлена при Никифоре II Фоке (96—3-969 гг.). См.: Константин VII Багрянородный, *De cerimoniis aulae Byzantinae* (О церемониях византийского двора), *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*, Ed. J. Reiske (Bonn: Weber, 1829); далее *De Cerimoniis* (О церемониях).

была стойкая в бою пехота, состоявшая из его соплеменников, горцев-дайламитов⁴; и Али Абу ал-Хасан ибн Хамдан, принадлежащий к весьма гетеродоксальной секте нусайритов или алавитов, более известный по прозвищу Сайф-ад-Даула, «меч державы» (имеется в виду халифат), на деле же основатель собственного государства Хамданидов в Сирии, чьё последующее падение ознаменовало подъём Византии в десятом веке. (Он до сих пор известен среди арабов, но скорее потому, что одно время он был покровителем невероятно одарённого, несдержанного и высокомерного поэта Абу-т-Тайиба Ахмада ибн-ал-Хусейна, обычно известного по прозвищу ал-Мутанабби («лжепророк», «выдающий себя за пророка»: такова была лишь одна из его выходок.)

Из «Книги церемоний» мы знаем, насколько тщательной была подготовка к приёму этих арабских послов⁵. Меблировка и украшения дворца, достаточно роскошные для других посетителей, были сочтены неудовлетворительными, поэтому венки, серебряные подсвечники, золотой платан, увешанный жемчугом, вышивками и драпировками, а также прочие украшения были заимствованы из церквей и монастырей, тогда как храм св. Софии и другая великая церковь, базилика Свв. Апостолов, одолжили для этого мероприятия своих роскошно одетых хористов. Но и этого показалось мало, так что эпарх (префект) города одолжил дополнительные украшения из странноприимных домов, из старинных зданий, из других церквей и из ювелирных мастерских. Кроме того, на него была возложена и более обыденная задача: проследить за украшениями процессии, проходившей через город и по ипподрому.

Когда час настал, лестница, ведущая во дворец, с обеих сторон была уставлена императорскими штандартами; командующие гребцами держали два штандарта, а командующий гетерией, то есть полком дворцовой гвардии, держал собственный императорский штандарт: шёлковый, с золотой вышивкой. В самом дворце римские жезлы, диптихи и военные инсигнии были расположены с обеих сторон трона; кроме того, одолженные серебряные органы цирковых партий «зелёных» и «синих»

⁴ См. прекрасное исследование: *Eric McGeer. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine warfare in the tenth century* (Сея зубы дракона: византийское военное дело в десятом веке; Washington DC: Dumbarton Oaks, 1995). Далее *McGeer* 1995, pp. 233—236.

⁵ *De Cerimoniis* (О церемониях), начиная с p. 571; но здесь по книге: *Arnold Toynbee. Constantine Porphyrogenitus and his World* (Константин Багрянородный и его мир; London: Oxford University Press, 1973); далее *Toynbee*, начиная с p. 500.

были добавлены к золотому дворцовому органу. Шелковые драпировки преобразили внутренний сад (*arboretum*) в приёмное помещение для прогулок, а драгоценные одеяния, эмали, серебряные изделия, персидские ковры, лавровые венки и свежие цветы усугубляли показную роскошь. Полы были устланы лавром, плющом, миртом и розмарином с розами в главном приёмном зале.

Степень роскоши одеяния придворных строго определялась их рангом⁶; но по этому случаю даже не столь высокопоставленным чиновникам выдали более роскошные одеяния чиновников высоких рангов и даже скромных дворцовых прислужников, вплоть до банщиков, которые буквально назывались «мыльниками» (сапонистами), снабдили прихотливыми накидками. Император Константин VII Багрянородный не доверил столь ответственных задач своим чиновникам — он лично проследил за тем, чтобы мусульманским послам тоже были выданы дорогие одеяния с воротничками, инкрустированными «драгоценными камнями и крупными жемчужинами»:

Не-евнуху запрещается правилами... носить подобный воротник, будь то с жемчугом или с драгоценными камнями; но роскоши ради, и только на этот случай, христоролюбивый император Константин распорядился, чтобы они носили эти украшения⁷.

Этот частный эпизод можно истолковать двояко, причём диаметрально противоположным образом: значит ли это, что Константин, в угоду своим пристрастиям к обветшавшей старине, ударился в глупый ритуализм? Или же это был расчётливый психологический ход: облачить в одеяния и мусульманских послов, дабы вовлечь их в блистательное действо, чтобы они не оставались в стороне в качестве никчёмных зрителей? Оба ответа — единственно верные, особенно если учесть то, что последовало за первым пышным приёмом: прошло немало дней без каких-либо переговоров. Зато был пир, оживляемый пением двух хоров, а при каждой перемене блюд играла органная музыка. Когда послы собрались в обратный путь, они получили подарки золотом и драгоценностями, а их свите выдали «чаевые».

⁶ *Elisabeth Piltz. Middle Byzantine Court Costume* (Средневизантийский придворный костюм), в: *Court Culture* (Придворная культура), pp. 39—52.

⁷ Англ. пер.: *Toynbee*, p. 502 (я не могу отождествить его ссылки на издание *Reiske*).

Затем послов развлекали на ипподроме особым представлением (это был праздник Преображения, 8 августа, отмечавшийся с чрезвычайной пышностью), а 9 августа был ещё один торжественный банкет с представлением. В то время установился обычай усаживать за пиршественный стол в пасхальное воскресенье и на Рождество восемнадцать пленников-мусульман — несомненно, с символически-прозелитическими намерениями; в иные времена мусульманских пленников всячески казнили, увечили, пытали либо, напротив, содержали в весьма пристойных условиях, чтобы затем обменять. Кажется, обращение с пленными постепенно улучшалось, хотя в 995 г. теолог-мутазилит Абд ал-Джаббар ибн Ахмад ал-Хамадани ал-Асадабади (ум. в 1025 г.) горько сетовал:

В ранние годы ислама, когда ислам был силён, а они слабы, они обычно заботились о военнопленных, чтобы иметь возможность обменять их... Но [впоследствии, став сильнее] они стали выказывать пренебрежение по отношению к мусульманам, настаивая на том, что господство ислама уже прекратилось...⁸

Это было сильным преувеличением. Сдвиг равновесия сил в пользу Византии, происшедший в течение десятого века, заключался лишь в степени, тогда как обмен пленными начался ещё в эпоху Омейядов, примерно с 805 г.⁹ Что же касается обычая допускать некоторых пленных на пиршественную трапезу, то впервые он засвидетельствован в «Клеторологии» («Табели о рангах») Филофея ок. 899 г.¹⁰ На пиршестве 9 августа сорок пленных усадили с двумя послами эмира из Тарса: обсуждался обмен пленниками. Опять же за трапезой последовали дары: 500 серебряных милиарисиев по 2,25 гр. каждый, для каждого из двоих послов; 3000 для их свиты, 1000 для сорока пленных и гостей на пиру; кроме того, некая сумма была отправлена и другим пленным, не при-

⁸ *David Ayalon. Eunuchs, Caliphs and Sultans: A study in power relationships* (Евнухи, халифы и султаны: исследование о властных отношениях; Jerusalem: The Magnes Press, 1999), Приложение F, p. 347.

⁹ Там же, Приложение J, pp. 345—346.

¹⁰ *Liliana Simeonova. In the Depth of Tenth-Century Byzantine Ceremonial: the treatment of Arab prisoners of war at imperial banquets* (В глубь византийского церемониала десятого века: обращение с военнопленными-арабами на имперских пиршествах), в: *Haldon* 2007, p. 553; из *BMGS* 22, pp. 75—104.

глашённым на пир. Общая ценность этих подарков была невелика, но они действительно помогли внушить мысль о том, что приятнее и выгоднее вести с императором переговоры, нежели воевать с ним¹¹. Для самих послов-мусульман в 946 г. стало вполне очевидно, что только дальнейшие переговоры могут снова дать им возможность очутиться при дворе, где раздают подарки и устраивают пиры. Кроме того, престиж Византии укрепился и распространился благодаря ставшим широко известными рассказам двух послов, которые, несомненно, вынесли сильное впечатление от своего пребывания при дворе¹².

Тот, кто хоть раз увидел и испытал жизнь при дворе, не отказывался от неё добровольно, не заручившись сначала каким-либо поводом повидать её снова. Там были красоты, удобства, пиршества, всякого рода благопристойные развлечения, иногда там проходили литературные декламации, дамы могли щеголять лучшими одеждами, там были сплетни, учёные беседы, осторожные высказывания о большой политике и разговоры шепотком о насущных политических делах (*guarded talk of policies, and furtive talk of politics*)¹³.

Но прежде всего там было постоянное присутствие власти, магнетизм которой в той или иной степени чувствуют все, а презирают лишь те, кто лишён всякого доступа к ней. В современном Вашингтоне даже способные люди соглашались занимать низкооплачиваемые должности в Исполнительном управлении президента ради непосредственной близости к средоточию власти, даже если им едва ли удастся увидеть президента живьём в течение целого года. Удостоверения сотрудников Белого дома часто, как бы по забывчивости, носят с собой вне службы, то и дело размахивая ими на виду у всех. А в поисках должности даже дорогостоящие профессионалы охотно оказывают бесплатные услуги кандидатам в президенты во время бесконечных выборных кампаний. Но при константинопольском дворе притягательность власти была много сильнее, потому что это была власть, не ограниченная ни

¹¹ *Toynbee*, p. 503.

¹² *El-Cheikh, Nadia Maria. Byzantium Viewed By The Arabs* (Византия глазами арабов; UMI Dissertation Harvard University, 1992), начиная с p. 173. (Также: Cambridge, Mass.: Distributed for the Center for Middle Eastern Studies of Harvard University by Harvard University Press, 2004.)

¹³ *Paul Magdalino. In Search of the Byzantine Courtier* (В поисках византийского придворного), *Court Culture*, pp. 141–165.

законами, ни регламентом, ни проверками, ни вмешательством парламента, ни судебным контролем: император мог оскопить, ослепить, обезглавить — или, напротив, поддержать; мог назначить на любую должность, снять с неё и отправить в изгнание; жаловать ценнейшими дарами и произвести конфискацию, наделить человека богатым поместьем и отобрать у него всё его имущество. В личной перспективе эта власть бесконечно превышает власть любого президента США, и тем или иным образом наличие этой власти определяло тональность и содержание жизни при дворе¹⁴. Хотя президент в Вашингтоне не может жаловать своим сторонникам богатые поместья, они тем не менее ожесточённо состязаются друг с другом за награды куда более скромные, относящиеся, кроме того, к отдалённому и неверному будущему, — а также за возможно большую близость к власти.

Точно так же было и в Константинополе. Получить доступ ко двору настойчиво стремились люди со всех концов империи, а также из других стран: ведь племенные вожди и князья прибывали с просьбой о поддержке против своих врагов, будь то внешних или внутренних, либо ради развлечений и церемониальных подарков, тогда как другие прибывали за титулами и должностями с соответствующим жалованьем — то был постоянный доход из самого надёжного на то время источника. В обмен все эти претенденты предлагали всё что угодно: военные союзы или просто свои воинские силы во временное пользование, группы воинов для императорской гвардии либо всего лишь собственное тело и верность для военной службы. Именно так император Юстин I, дядя и покровитель Юстиниана, начал свою карьеру, если стоит доверять Прокопию в его наименее достойном доверия сочинении, где он всячески пытается очернить Юстиниана, а скромное происхождение ещё не стало тогда желательным качеством для лица публичного:

В то время как в Византии власть автократора находилась в руках Льва [около 462 г.], трое юношей-крестьян, родом иллирийцев, Зимарх, Дитивист и Юстин из Бедерианы, чтобы избавиться от нужды и всех сопутствующих ей бед, с которыми им вечно приходилось бороться дома, отправились на военную службу. Они пешком добрались до Византия, неся за плечами козьи тулупы, в которых у них по прибытии в город не находи-

¹⁴ *Alexander P. Kazhdan and Michael McCormick. The Social World of the Byzantine Court (Социальный мир византийского двора): Court Culture, pp. 167—197.*

лось ничего, кроме прихваченных из дома сухарей. Занесенные в солдатские списки, они были отобраны василевсом в придворную стражу [недавно учреждённого особого отборного отряда экскувитов, состоявшего из 300 человек], ибо отличались прекрасным телосложением¹⁵.

Уроженцы деревеньки Таврисий близ укрепления Бедериана, находившегося далеко от Константинополя, поблизости от столицы современной Македонии, города Скопье, эти трое предстают перед предполагаемым читателем Прокопия как изголодавшаяся деревенщина, как варвары (Зимарх и Дитивист — фракийские имена), но они, конечно, не были варварами-иностранцами, потому что Юстин говорил на латыни — во всяком случае, на том наречии, которое в Бедериане считалось латынью.

Многие иноземцы прибывали для того, чтобы защищать императора от его внутренних врагов, чтобы сражаться за империю, и это были не одни лишь изголодавшиеся крестьяне, подобные Юстину, — ведь золото, которое можно было получить при императорском дворе, служило достаточно сильным побудительным средством даже для сытых племенных вождей. До открытия богатых месторождений золота в обеих Америках, в Сибири, в Трансваале и в Австралии золото встречалось несравненно реже, чем сегодня, и соответственно этому было гораздо ценнее по отношению к прочим товарам. Один лишь император в Константинополе мог распоряжаться постоянными запасами, которые пополнялись благодаря циркуляции казённого золота, собиравшегося в его сокровищницах в качестве налоговых платежей и затем выплачивавшегося в качестве жалованья, что в конечном счёте порождало денежные доходы, которые, в свою очередь, подвергались налогообложению.

Уже сами монеты империи были источником престижа. Со времени первого выпуска при Константине (306—337 гг.) и до своего снижения в цене при Романе Аргире (1028—1034 гг.) византийский солид (откуда в конечном счёте происходит наше слово «солдат»), впоследствии номисма, был излюбленной валютой купцов далеко за пределами империи благодаря своей устойчивости: из одного римского фунта (литры) чеканили 72 номисмы весом в 4,544 метрического грамма

¹⁵ Прокопий Кесарийский. Тайная история, VI. 2—3; рус. пер. А. А. Чекаловой, цит. по: http://www.alanica.ru/library/Prokop/text.htm#TOC_id2830163; англ. пер.: Dewing. Vol. VI, p. 69.

золота 955—980/1000 пробы. Это тоже было редкостью: императорские солиды были почти полностью золотыми. Автору саги о Харальде Сигурдарсоне (Хардраде), которую Снорри Стурлуссон (1179—1242 гг.) включил в своё собрание хроник норвежских конунгов, известном ныне под заглавием «Круг земной» (“Heimskringla”), достаточно было увидеть значительное количество золота, чтобы понять, откуда оно. Вот два царька горячо спорят друг с другом о первенстве, хвастаясь своими золотыми богатствами:

Затем Харальд велел расстелить большую воловью шкуру и высыпать на неё золото из сундуков. Принесли тут весы и гири, и всё было порознь взвешено на чашах весов и разделено по весу, и казалось всем, кто видел это, в высшей степени удивительным, что в северных странах могло столько золота собраться в одном месте. И в самом деле, это были имущество и сокровища греческого конунга, у которого, как все говорят, дома полны червонного золота.

Конунги очень веселились. Тут внесли слиток величиною с человеческую голову. Харальд-конунг взял этот слиток и сказал:

— Где то золото, родич мой Магнус, которое ты мог бы поставить против этого слитка?

Магнус-конунг отвечает:

— Столько было войн и больших ополчений, что я тебе отдал почти всё золото и серебро, какое у меня имелось. Теперь нет у меня больше золота, кроме этого обручья¹⁶.

Этот анекдот являет собою доказательство даже в том случае, если данный эпизод никогда не происходил в действительности (почему Магнусу пришлось вступить в состязание, располагая одним-единственным кольцом?), потому что Харальд, сын Сигурда, по прозвищу Хардрад («Суровый правитель») был фигурой вполне исторической. Рождённый в Норвегии в 1015 г., он погиб в битве при Стамфорд-Бридже (ныне это один из регионов Большого Лондона) в 1066 г., в ходе

¹⁶ Снорри Стурлуссон. Круг земной; рус. пер. А. Я. Гуревича, цит. по: <http://norse.ulver.com/heimskringla/h9.html>; англ. пер.: Snorri Sturluson. Heimskringla. The Chronicle of the Kings of Norway (Хеймскрингла. Хроника норвежских конунгов; Norroena Society, London, 1907); электронное изд.: Douglas B. Killings DeTroyes, 1996, Online Medieval and Classical Library, Release No. 15. Saga of Harald Hardrade (Сага о Харальде Хардраде), I. 24: <http://omacl.org/Heimskringla/hardrade1.html>.

неудачной попытки завоевать Англию, совсем незадолго до того как норманнам, его отдалённым родичам, повезло в такой попытке гораздо больше. До этого Харальд жил в Киеве, где был предводителем военного отряда на службе у князя Ярослава Мудрого, затем служил офицером варяжской гвардии в Константинополе, после чего благополучно возвратился в Скандинавию, где взялся отстаивать свои права на норвежский трон. (Правда, до этого его ненадолго задержали во Франции, считая за мародёра из-за того количества золота, которое он вёз с собой; однако его освободили, когда из Константинополя пришло письмо, подтверждающее, что это золото было его «выходным пособием».)

Иноземцы часто нападали на империю в надежде захватить некоторое количество её золота или получить его в качестве дани, а зачастую и служили империи, чтобы заработать её золото. Но привлекало их и другое: возможность удостоиться имперских титулов, сияющих безмерным престижем императорского двора, — ведь некоторые из них подразумевали ежегодное жалованье золотом и драгоценными служебными одеяниями, причём не все они предполагали исполнение гражданских или военных обязанностей¹⁷. О тяге иноземных вождей к титулам и одеяниям говорится в сочинении «Об управлении империей» («*De administrando imperio*»). Текст этого трактата, обычно полный разумных и трезвых советов насчёт того, как следует строить отношения с иноземными державами, в данном случае сознательно вводит в заблуждение, притом довольно неуклюже¹⁸:

Если потребуют когда-либо и попросят либо хазары, либо турки, либо также росы или какой иной народ из северных и скифских — а подобное случается частенько — послать им что-нибудь из царских одеяний или венцов, или из мантий ради какой-либо их службы и услуги, тебе нужно отвечать так...¹⁹

¹⁷ *Nicolas Oikonomides. Title and Income at the Byzantine Court* (Титул и доход при византийском дворе), в: *Court Culture* (Придворная культура), 1997, pp. 199—215.

¹⁸ Даже сам Константин согласился теперь с тем, что это была бессмысленная табарщина, прибегнув к посредничеству своего медиума: *Ihor Sevcenko. Re-reading Constantine Porphyrogenitus* (Перечитывая Константина Багрянородного), в: *Shepard-Franklin*, p. 182.

¹⁹ DAI Sect. 13; Lines 25—70; рус. пер. Г. Г. Литаврина, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp1.htm.

И далее следует утомительное разглагольствование о том, что Сам Бог ниспослал государственные одеяния и венцы исключительно для того, чтобы император пользовался ими в праздничные дни, так что отдавать их другим, видимо, не следует. Но слова «подобное случается частенько» выдают с головой: титулы и чиновничьи одеяния, им сопутствующие, обычно присваивались «народам из северных и скифских» за оказанные ими услуги, хотя, конечно же, облачения самого императора не были предметом просьб и не выдавались.

Оплачиваемые титулы, не предполагавшие исполнения каких-либо обязанностей, то есть синекуры, становились источниками ежегодной ренты в современном смысле слова, когда ими торговали, чтобы собрать основные суммы, и могли быть особо ценными подарками иноземцам, полезным для империи. Но даже титулы, не предполагавшие ни должности, ни жалованья, ни служебного одеяния, пользовались немалым спросом, ибо они обозначали признание со стороны императора и предполагали негласное обещание дальнейшего допуска ко двору с его пиршествами, церемониями и развлечениями. Например, титул «патрикий», некогда прилагавшийся только к древнейшим семьям первого Рима, к седьмому веку был доступен и особо обласканным чужестранцам. Но никакого единственного почётного титула не было бы достаточно, чтобы примениться к великому многообразию правителей и вельмож, состязавшихся друг с другом в тщеславии. В «Книге церемоний» перечисляется значительное количество титулов, подходящих для чужеземных властителей. Они восходят к самым разнообразным прецедентам; одни из них расшифровываются легко, другие — нет:

Эксусиакратор, эксусиарх, эксусиаст [варианты «внешнего» правителя], архонт архонтов, архиг, архегет, архонт, эксархонт [из древнего именованья правителя или чиновника высокого ранга, в вольном переводе «князь»], проигемон, игемонарх, игемон, кафигемон [варианты «предводителя»], ди-наст, проигетор, игетор, протос, эфор [спартанский «надзиратель»]; гиперэxon, диатактор, панипертатос, ипертатос, киран, мегалодоксос [велеславный], рекс [царь], принкипс [принцепс, лат. *princeps* = «первый гражданин»: титул, который Август избрал, чтобы лицемерно умолчать о своих широких властных полномочиях; к этому термину восходит позднейший титул «принц»], дукс [лат. *dux*, «вождь», военный наместник, на германской почве ставший «герцогом»], синклитик, этнарх [глава народа], топарх [то же самое], сатрап [изначально правитель провинции в Персии], филарх [глава

племени], патрарх, стратег, стратарх, стратиарх, стратилат [четыре варианта звания «генерал»], таксиарх, таксиархис [командир отряда пехотинцев], мегалопрепестатос [велепреподобнейший], мегалопрепес, пепофименос, эндоксотатос [наиславнейший], эндоксос, перифанестатос, перифанис, перивлептос, перивлептотатос [варианты титула «знаменитый»], эвгенестатос, эвгенес [два варианта титула «благородный»], арипрепестатос, арипрепес, аглаотатос, аглаос, эритимотатос, эритимос, герусиотатос, герусиос, файдимотатос, файдимос, кириотатос, кириос [оба слова означают «господин»], энтимотатос, энтимос, проигумен, игумен [ныне «настоятель»], ольвиотатос, ольвиос, вулифорос, арогос, эпикурос, эпиррофос, амантор²⁰.

Столь значительное разнообразие было, несомненно, полезным, потому что оно безнадежно запутывало иерархию рангов. Если какой-нибудь племенной вождь, гордо носящий величественный титул мегалопрепестатос («велепреподобнейший»), встречался с другим, носящим титул мегалодоксос («велеславный»), оба могли почувствовать, что получили от императора величайшие почести, и оба могли поэтому осознать свой долг выказывать предельную лояльность ему.

Императорский двор мог извлечь выгоду из запутанного беспорядка, царившего в титулатуре, но его тщательно разработанные церемонии требовали ясности и порядка. Их едва ли можно было придумывать прямо на месте, потому что в ходе каждой церемонии множество людей должны были находиться на должном месте в должное время, причём в порядке предшествования. Соответственно этому во всём предписывался строгий протокол, включая точные формулировки официальных приветствий и ответов на них. Их нельзя было просто придумать прямо на месте, не рискуя быть неправильно понятым или даже подвергнуться опасности. Если только целью иностранных послов не было нанести оскорбление, они нуждались в помощи, чтобы подготовить свои официальные заявления и выучить свои шаги в тщательно поставленных церемониях; и такая помощь должным образом оказывалась.

В «Книге церемоний» сохранился текст приветствий императору, которых ожидали от послов и властителей; в нём есть пропуски для

²⁰ De Cerimoniis (О церемониях), кн. II, гл. 46—47. Vol. I, pp. 679—86. Но здесь цитируется по изданию: Paul Stephenson, <http://homepage.mac.com/paulstephenson/trans/decer2.html>.

внесения надлежащих имён, а также текст ответов, предписанный протоколом. Приветствия, которые неизбежно требовали серьёзной предварительной муштры, дабы избежать ошибок, предполагают использование греческого языка всеми — разумеется, через переводчиков, когда это было необходимо:

Главные из святых Апостолов да хранят тебя: Пётр, ключарь небесный, и Павел, учитель языков. Наш духовный отец [имя], святейший и вселенский патриарх, вместе с преосвященными епископами, священниками и диаконами и со всем чином духовенства святой Церкви Римской шлёт тебе, василевс, преисполненные веры молитвы. Достопочтеннейший принцепс ветхого Рима вместе с вельможами и со всем народом, им подчинённым, выражают твоей императорской особе самое преданное послушание²¹.

Император слишком высокопоставлен для того, чтобы отвечать на это приветствие. За него это делает логофет — это был логофет дрома, на которого, как мы видели, возлагалась обязанность иметь дело с иностранными послами:

Как поживает святой епископ Римский, духовный отец нашего святого василевса? Как поживают все епископы, священники, диаконы и иные духовные лица Римской Церкви? Как поживает достопочтеннейший [имя] принцепс ветхого Рима?

Последнее представляло собою выражение приверженности древности в подлинно византийском стиле, а возможно, намеренно пренебрежительное напоминание о нынешнем упадке Рима, ибо там, конечно же, уже в течение пятисот лет не было императора, способного защитить папу Римского.

Далее идут поздравления послов от правителя болгар, которые в течение веков были важнейшими соседями Византии, а зачастую и опаснейшими, особенно после своего обращения в православное христианство, как отмечалось выше, ибо с тех пор болгарские правители могли даже притязать на императорский престол как соперничающие защитники веры. В «Книге церемоний», составленной в ту эпоху, ког-

²¹ Книга I, гл. 47—48 (Reiske. Vol. I, начиная с р. 680). Но здесь цитируется по указанному изданию в Сети: *Paul Stephenson*.

да болгарское государство становилось всё более могущественным, его посланникам даётся указание прибегать к такому приветствию, которое особо предназначалось для того, чтобы сбить спесь с болгарского правителя, воображавшего себя равным императору, — но чрезвычайно утончённым образом:

Как поживает боговенчанный император, духовный дед (пнууматикос паппос) богоданного (эк феу) князя (архонт) Болгарии? Как императрица (аугуста) и госпожа (деспина)? Как императоры, сыновья Его Императорского Величества и Высочества, и другие его дети? Как святейший и вселенский патриарх? Как оба магистра (магистри)? Как весь Сенат? Как четверо логофетов? [логофетис ту дрому, отвечавший за почтовую службу и за дела с иностранными послами; логофетис тон икиакон, отвечавший за общественную экономию и безопасность Константинополя; логофетис ту генику, отвечавший за налоги, и логофетис ту стратиотику, главный казначей.]

Ответ логофета болгарским послам опять же намекает на то, что по своему статусу их правитель подчиняется единственному подлинному императору в Константинополе: правитель Болгарии (он тоже притязал на титул императора) становится «внуком» императора, своего номинального духовного отца:

Как духовный внук (пнеуматикос экгонос) нашего святого императора, богоданный князь Болгарии? Как богоданная княгиня (архонтисса)? Как... сыновья богоданного правителя Болгарии, и другие его дети? Как шестеро великих бояр (волиадес)? Как простой народ?

Как отмечалось выше, с 945 г. самым важным для византийцев мусульманским владыкой стал Али ибн Хамдан, или Сайф-ад-Даула. Едва ли можно было ожидать от мусульманских послов, что они станут призывать милость Иисуса и Его апостолов на императора, но их тоже обучали вежливым приветствиям, удачно отсылавшим к иудейскому монотеизму, образующему общую основу обеих религий:

Мир и милость, счастье и слава от Бога да пребудут с Вами, Ваше Величество, могущественный император ромеев! Богатства и здоровья, благой император-миротворец! Да пребудут в Вашей державе справедливость и прочный мир, миролюбивейший и щедрейший император!

Ответное приветствие логофета было изысканно вежливым:

Как поживает велепреподобнейший (мегалопрепестатос), благороднейший (эугенестатос) и прославленный (перивлептос) эмир верных? Как эмир и Совет (герусия) города Тарса? <...> Как вы сами? Как принял вас патрикий и стратиг Каппадокии? [Византийский правитель той области, которую послам из Сирии пришлось пересечь.] Как обращался с вами уполномоченный императора (василикос), посланный заботиться о вас? Не случилось ли каких-нибудь несчастий или огорчений во время вашего путешествия? Пребывайте в ликовании и веселии оттого, что ныне вы разделите трапезу с нашим святым императором.

Упоминание «несчастий или огорчений» вполне объяснимо. Чтобы по сути добраться до Константинополя из столицы Сайф-ад-Даула, находившейся в Алеппо, послам пришлось пересечь приграничную зону, бывшую тогда ареной набегов и ответных набегов, засад, внезапных нападений, грабежей и угона скота, производимого приграничными военными силами, отрядами воинов джихада, жителями приграничной полосы, бродячими бандитами и контрабандистами — если не учитывать того, что эти категории были взаимозаменяемы, как мы увидим ниже.

Текст продолжается приветствиями и ответами для послов от эмиров Египта, Персии и Хорасана (что соответствует областям нынешнего северо-восточного Ирана, северо-западного Афганистана, Таджикистана, Туркменистана и Азербайджана) в числе иных правителей.

Нетрудно представить себе психологическое воздействие, которое эти церемониальные обмены приветствиями оказывали на обе стороны. Отношения почти со всеми упомянутыми державами были практически всё время натянутыми и очень часто выливались в вооружённые конфликты. Тогда, как и теперь, правители-мусульмане, послушные своей религии, должны были рассматривать все немусульманские страны на планете как «дом войны», дар ал-харб, который мусульманам предстоит завоевать до дня искупления. Поэтому постоянный мир (салам) с немусульманской державой нельзя было (да нельзя и сейчас) заключить на законных религиозных основаниях. Соответственно этому мусульманские притязания на византийские земли были безграничны. Верным позволялось лишь перемирие (худна), временное, прагматически обусловленное соглашение, целью которого было выиграть время: на неделю, на год или на срок одного поколения — покуда

джихад не возобновится. Однако, пока длилась худна, нужно было вести переговоры, и обе стороны были заинтересованы в цивилизованных взаимоотношениях, которых удавалось достичь независимо от того, насколько жестокой была или будет война до или после перемирия²².

Впрочем, и до возникновения ислама дело обстояло ничуть не лучше на месопотамской границе империи, где Сасаниды представляли собою постоянную опасность и время от времени предпринимали широкомасштабные наступления, включая последнее, в 603 г. и позднее, приведшее к крушению обеих империй, с роковым исходом.

Что же касается северного фронта империи, пролежавшего по Дунаю или на Балканах, то Болгария, ставшая к тому времени полностью христианской, была ничуть не лучшим соседом. Когда болгарские цари располагали реальным могуществом, они не удовлетворялись частичным захватом территорий и пытались притязать на византийский трон, да и на всю империю. Другие враги, предшествовавшие болгарам или чередовавшиеся с ними, то есть гунны, авары, Киевская Русь, мадьяры, печенеги и куманы, могли быть почти столь же опасны, даже если они не предъявляли притязаний на императорский престол.

Поэтому, когда послы прибывали к византийскому двору, война с их владыками либо только что завершилась, либо ещё шла, либо должна была вот-вот начаться. Это было ровно то же самое, что начинать разговор с обмена любезностями, перед тем как незамедлительно приступить к переговорам с неизбежными взаимными обвинениями и предполагаемыми или открытыми угрозами. Язык, предписанный дворцовым протоколом, был строго формальным и отнюдь не приветствовал обмен спонтанными репликами, но он мог хотя бы предотвратить непреднамеренные проявления пренебрежения и оплошности, создающие излишние затруднения.

²² См.: *Walter Emil Kaegi Jr. The Frontier: Barrier or Bridge?* (Граница: барьер или мост?), где обильно цитируются арабские источники: см.: *Haldon 2007*, pp. 269—293, с пространными библиографическими указаниями.

ГЛАВА 6

ДИНАСТИЧЕСКИЕ БРАКИ

Не располагая ни дипломатической службой, ни министерством иностранных дел, византийцы тем не менее могли использовать (и действительно использовали) все средства дипломатии, а они, конечно, включали в себя и династические браки, целью которых было упрочение отношений с могущественными иноземцами¹. В Риме они не практиковались в отсутствие стоящих партнёров, но для византийцев прецедентом служили династические браки между соперничающими эллинистическими державами, основанными преемниками Александра Великого. Эти грекоязычные государства, которыми поначалу правили его непосредственные подчинённые, а затем — их потомки или почти потомки, нередко заключали мирные договоры посредством браков, хотя чаще они воевали, с разводами либо без оных.

Но в случае императора ромеев всё обстояло куда тоньше и сложнее. Брак со смертными, стоящими ниже него самого, его сестры или ребёнка, рождённого во дворце, был несовместим с провозглашавшимся положением императора как наместника Бога на земле и предполагаемого верховного владыки всех христиан, который должен занимать более

¹ *Ruth Macrides*. Dynastic marriages and political kinship (Династические браки и политическое родство), в: *Shepard-Franklin*, начиная с p. 263.

высокий уровень, чем все иные правители. Кроме того, сама мысль о том, чтобы отдать дочь или сестру императора на ложе варвара, каким бы христианином он ни был, или же в шатёр кочевника, пусть даже полный золотых сокровищ, а ещё того хуже — в мусульманский гарем, была невыносима: ведь она оскорбляла и национальную гордость греков, и христианскую благопристойность.

Всё было несколько проще, если императоры или их сыновья женились на дочерях правителей-иноземцев. Юстиниан II, прозванный Ринотмитом («Урезанным носом»), правивший с 685 г., затем низложенный, символически изувеченный и сосланный в отдалённое поселение Херсон в Крыму в 695 г., вступил в династический союз с хазарами, правившими в прилежавших степях. Он женился на сестре кагана Бусира Главана (Ивусир Глиаван в греческой передаче), принявшей имя Феодора — хотя, как мы увидим, только с помощью болгарского хана Тервеля Юстиниан II впоследствии возвратил себе престол в 705 г. и правил с грехом пополам до 711 г., когда был окончательно низвергнут.

Век спустя Лев III (717—741 гг.), дабы заключить союз против арабов-мусульман со степной империей хазар, которых византийцы и арабы независимо друг от друга разбили на разных фронтах, женил своего сына и преемника Константина V (741—775 гг.) на дочери кагана, принявшей имя Ирина, — её сын и его преемник Лев IV (775—780 гг.) получил прозвище Хазар. Случилось так, что эту Ирину запомнили благодаря двум её деяниям, друг с другом слабо связанным: во-первых, приняв христианство, она снискала себе репутацию весьма набожной женщины. В записи под 6224 г. от сотворения мира, то есть под 731/732 гг. н. э., Феофан Исповедник сообщает:

В том же году царь Лев [III] сговорил дочь хагана... за сына своего Константина, обративши ее в христианскую веру, назвал Ириною. Она, научившись Божественным писаниям, украшалась благочестием и обличала их [иконоборцев] нечестие².

Вторым её свершением было следующее: она ввела при византийском дворе свою национальную одежду, богато украшенный кафтан — длинное платье всадников-кочевников, которое могло распахиваться спереди,

² Феофан. No. 410. Рус. пер. (с незначительными изменениями): Феофан/Оболенский-Терновский; англ. пер.: p. 567.

чтобы можно было сесть на коня, и которое при дворе стали называть *цицакий*. Хотя первоначально это была верхняя одежда кочевников, она заняла высший ранг среди разновидностей средневизантийского придворного костюма, потому что *цицакий* носил только сам император, да и то лишь по самым торжественным случаям. Гораздо позже Константин VII Багрянородный (913—959 гг.), тонкий любитель и знаток старины, объяснял: «Следует знать, что *цицакий* — это хазарская одежда, появившаяся в богоспасаемом Граде со времён императрицы из Хазарии»³.

Несмотря на эти прецеденты, официальная версия гласила, что члены императорской семьи не должны вступать в брак с членами семей менее значительных правителей, сколь бы ни были велики притязания последних. Не предусматривалось рассмотрение никаких просьб со стороны религиозно враждебных мусульманских государств; степные державы ни в коем случае не были антихристианскими, но им тоже следовало отказывать. В трактате «Об управлении империей» (*“De administrando imperio”*) приводится «шпаргалка», содержащая предлагаемый ответ, цель которого — отклонить подобные просьбы, прибегнув к хитрости:

Если когда-либо народ какой-нибудь из этих неверных и нечестивых северных племен попросит о родстве через брак с василевсом ромеев, т. е. либо дочь его получить в жены, либо выдать свою дочь, василевсу ли в жены или сыну василевса...

Предлагается следующий типичный лукавый ответ на столь «неразумную» просьбу:

Об этом деле также страшное заклятие и нерушимый приказ великого и святого Константина начертаны на священном престоле вселенской церкви христиан Святой Софии: никогда василевс ромеев да не породнится через брак с народом, приверженным к особым и чуждым обычаям, по сравнению с ромейским устроением, особенно же с иноверным и некрещёным...

Более категоричного ответа и представить себе нельзя — хотя далее допускается одно исключение:

³ *De cerimoniis aulae Byzantinae* (О церемониях византийского двора), I. 17. Цит. и англ. пер. в: *Elisabeth Piltz. Middle Byzantine Court Costume* (Средневизантийский придворный костюм), в: *Court Culture* (Дворцовая культура), p. 42.

...разве что с одними франками. Ибо для них одних сделал исключение сей великий муж святой Константин, так как и сам он вел род из тех краев... [и] ради древней славы тех краев и благородства их родов⁴.

Всё это было откровенной подделкой: Константин никогда не оставлял никаких указаний относительно брака, да и родился в Верхней Мёзии (ныне южная Сербия), тогда как Франкская конфедерация сложилась в долине нижнего Рейна, — но эта выдумка действительно оправдывала династические союзы с сильнейшей державой Запада, Франкским королевством Карла Великого и его потомков, а затем с Восточно-Франкским королевством, ставшим *Regnum Teutonicum*, Тевтонским (Германским) королевством в десятом веке, с приходом к власти Оттоновской династии.

В 781 г. Ирина, вдова Льва IV Хазарина (775—780 гг.) и регентша при её единственном сыне, десятилетнем Константине VI, устроила его помолвку с Ротрудой, шестилетней дочерью Карла Великого, тогда ещё «короля франков», а не коронованного императора, каковым он стал в 800 г., но уже правителя большей части Западной Европы. Тогда ещё не было сколько-нибудь значительных трений между двумя империями, но, поскольку Карл Великий продолжал расширять сферу своего влияния и проявлял всё большую активность в Италии, предсказать столкновения было несложно, потому что византийцы всё ещё владели прибрежными южными анклавами, то есть Неаполем, Реджо в южной Калабрии и Бриндизи в южной Апулии, а также Венецией как остатком прекратившего своё существование Равеннского экзархата, равно как и портовыми городами Далмации на побережье Адриатического моря — хотя Истрия, на самом севере этого побережья, уже принадлежала франкам. Предупредительный династический союз с самым могущественным с римских времён западным владыкой был, конечно, мерой благоразумной.

Чтобы избавиться от варварского звучания имени Ротруда, византийцы называли её Эритро и отправили образованного евнуха Елисея, чтобы тот обучил её греческому языку и придворным манерам. Но в

⁴ Разд. 13, строки 105—170 (изд. Gy. Moravcsik). Рус. пер. Г. Г. Литаврина, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp1.htm; англ. пер. R. J. H. Jenkins (Washington DC: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies/Harvard University, 1967), pp. 70—71. См. также: изд. R. J. H. Jenkins. *De Adminstrando Imperio* (Об управлении империей). Vol. II, Commentary (London: The Athlone Press, 1962), p. 67, s. v. 13/107; 13/121—2.

786 г., когда принцессе было всего одиннадцать лет, страшная интриганка Ирина по неизвестным причинам расторгла помолвку; что же касается Константина VI, то ему довелось закончить свою жизнь низложенным и ослеплённым по воле собственной матери.

В отсутствие династического союза отношения с Карлом Великим были не лучшими, хотя прямой войны удалось избежать вплоть до гораздо более позднего времени⁵. Когда Карл Великий принял титул *Imperator Augustus*, «император и август», на своей коронации, совершённой папой Львом III на Рождество, 25 декабря 800 г., это стало прямым вызовом верховенству Византии, независимо от намерений самого Карла. Его официальный биограф, Эйнхард (*Einhardus*, *Eginhard*, *Einhart*), франкский монах-историк, преданный придворный Карла Великого, открыто порицает папу Льва III за это деяние:

...римляне, которые подвергли папу Льва большому насилию, выколов ему глаза и вырвав язык, принудили его молить короля о защите. Поэтому, отправившись в Рим, чтобы восстановить положение дел в церкви, пришедшее в полный беспорядок, он задержался там на всю зиму. Именно тогда он принял титул императора и августа [*Imperator Augustus*], чего вначале совершенно не желал, утверждая, что если бы заранее знал о замысле папы, то в тот день не пошел бы в церковь, несмотря на то, что это был один из главных праздников. С великим терпением переносил он зависть ромейских императоров [Константинополя], негодовавших на то, что он принял это звание. Их упорство Карл победил своим великодушием, которым он, несомненно, их превосходил, посылая к ним частые посольства и в письмах называя их братьями⁶.

Действительно, папа и Римская Церковь сильнее нуждались в западном императоре, способном защитить их, чем Карл Великий — в этом титуле: ведь к тому времени и его личное преобладание, и его гегемония над континентальной Западной Европой не подлежали ни-

⁵ В действительности они произошли уже при Никифоре I (802—811 гг.): см. ниже. — *Прим. ред.*

⁶ *Vita Karoli Magni* (Жизнь Карла Великого), 28; рус. пер. М. С. Петровой, цит. по: Эйнхард/Петрова, сс. 113—115; англ. пер. по: <http://www.fordham.edu/halsall/basis/einhard.html> No.Charlemagne О контексте см.: *Robert Folz. The coronation of Charlemagne 25 December 800* (Коронация Карла Великого 25 декабря 800 г.: London: Routledge Kegan Paul, 1974); в дальнейшем *Folz*, начиная с р. 132.

какому сомнению. Тогдашние византийские императоры стали еретиками в глазах римлян из-за своего иконоборчества, но ещё большее оскорбление они нанесли тем, что находились слишком далеко и потому не могли оградить пап от воцарившейся вокруг них дикости, причём не всегда варварской: ведь именно шайка римлян, посланная раздосадованными родственниками предшественника Льва III, Адриана I, напала на него, простолюдина по происхождению, вынудив его искать защиты у Карла Великого.

Византийский взгляд на коронацию Карла Великого как на политический акт, тщательно рассчитанный с обеих сторон, куда более правдоподобен:

...[подвергшись нападению, папа Лев] прибегнул к франкскому королю Карлу, который горько отмстил врагам его и снова посадил его на своем престоле, и с того времени Рим находился под властью франков. Папа из благодарности к Карлу венчал его в римские цари в храме святого апостола Петра, помазал его елеем от головы до ног декабря 25 индиктиона 9 [25 декабря 800 г.]⁷.

Ирина, фактически правившая как императрица с 797 по 802 г. в качестве регента при своём сыне, не желала ставить под сомнение первенство империи, признав Карла Великого «императором и августом» (Imperator Augustus). Последовавшие события, с другой стороны, засвидетельствованы лучшим для той эпохи источником, с другой же — поверить в них нелегко:

В сем году 25 числа декабря месяца индиктиона 9 [800 г.] Карл, король франков, коронован был папою Львом, и намеревавшись отправиться с флотом против Сицилии, раздумал, и лучше хотел соединиться браком с Ириною, и для того отправил послов в наступающем году...⁸

Кроме того, разгорелся давно уже ожидаемый территориальный конфликт, предметом которого стала Венеция и её окрестности, — о

⁷ Феофан. Но. 473, АМ 6288; рус. пер. (с некоторыми изменениями) Феофан/Оболенский-Терновский, с. 345; англ. пер.: р. 649.

⁸ Феофан. Но. 475, АМ 6293; рус. пер. (с некоторыми изменениями) Феофан/Оболенский-Терновский, с. 348; англ. пер.: р. 653.

своих притязаниях на Истрию, находящуюся на противоположной стороне Адриатики, заявлял уже отец Карла Великого, Пипин III.

Преемник Ирины, Никифор I (802—811 гг.), добился мирного соглашения в 803 г., но всё ещё отказывался признать за Карлом Великим титул императора. Затем война возобновилась и продолжалась до тех пор, пока при императоре Михаиле I Рангаве (811—813 гг.) не был заключён новый мирный договор в 812 г., по которому Венеция и Истрия возвращались империи, а за Карлом Великим признавался императорский титул: только не *Imperator Augustus* («император и август») и не *Imperator Romanorum* («римский император»), а неуклюжая и временная формулировка — *Imperator Romanorum gubernans imperium*, т. е. «Римский император, правящий империей». Карл Великий и его секретари удовлетворялись титулом «император и август», а также «король франков и лангобардов», оставив уточнение «Римский» за Михаилом I и Византией⁹.

Брак с франками, разрешавшийся автором трактата «Об управлении империей» (*De administrando imperio*), так никогда и не состоялся, а вот другие примеры были. Вот один из самых примечательных: император Иоанн Цимисхий (969—976 гг.) согласился выдать Феофано, предложенную в качестве его племянницы, за сына короля Германии и Италии Оттона I — будущего императора Оттона II. Переговоры начались при его предшественнике, Никифоре II Фоке (963—969 гг.), который презрительно отверг это предложение и был в отместку язвительно высмеян гневливым представителем Оттона на этих переговорах, Лиутпрандом Кремонским, написавшим и полемический отчёт о происшедшем¹⁰. Это был не просто династический брак, это был стратегический брак, неотъемлемая часть плана войны.

При его предшественнике Никифоре Фоке (963—969 гг.) две империи столкнулись друг с другом в Италии, но Цимисхий хотел возобновить наступление на противоположном конце империи, против арабов-мусульман. Брак был заключён в Риме 14 апреля 972 г., и противостоянию на Западе, казалось бы, положен был конец. В том же году Цимисхий начал свою успешную кампанию, целью которой было изгнание му-

⁹ Folz, p. 174.

¹⁰ *Relatio de legatione Constantinopolitana* (Рассказ о посольстве в Константинополь). Англ. пер. F. A. Wright. *The Works of Liutprand of Cremona* (Труды Лиутпранда Кремонского; New York: Dutton, 1930).

сульман-арабов. Вот краткое сообщение Скилицы: «Города, которые... император Никифор захватил и подчинил ромеям, теперь взбунтовались и сбросили с себя римское господство; поэтому император выступил против них и дошёл до Дамаска»¹¹.

Впоследствии было гораздо больше династических и стратегических браков со старыми и новыми державами, причём всё более экзотическими. Исаак I Комнин (1057—1059 гг.) женился на Екатерине Болгарской, дочери давно умершего к тому времени царя Ивана Владислава; Михаил VII (1071—1078 гг.) пошёл гораздо дальше, женившись на Марии Аланской, дочери грузинского царя Баграта IV из рода Багратионов, насчитывающего тысячелетнюю историю, — и её также взял в качестве супруги, которая придала бы законность его власти, преемник Михаила, Никифор III Вотаниат (1078—1081 гг.), низложивший её бывшего мужа (которого великодушно постригли в монахи, благодаря чему он начал новую карьеру, венцом которой стало его рукоположение митрополитом-архиепископом Эфесским).

Иоанн II Комнин (1118—1143 гг.) также зашёл далеко, женившись на Пирошке (которой дали цивилизованное имя Ирина), дочери венгерского короля Ласло (Владислава) I, но при этом не получил ничего, кроме вынужденного вмешательства в венгерские распри; Мануил I Комнин (1143—1180 гг.) женился на Берте фон Зульцбах, свояченице (сестре жены) германского короля Конрада III, а после её смерти в 1159 г. — на Марии Антиохийской, дочери князя Раймунда Антиохийского, французского вельможи из Аквитании.

Но самый решительный шаг сделал Михаил VIII Палеолог (1259—1282 гг.), отвоевавший Константинополь у латинян и бывший хитрым Улиссом среди императоров благодаря своим неистощимым стратегемам. Кроме семерых законных детей, один из которых стал его преемником, Андроником II (1282—1328 гг.), у него были ещё две внебрачные дочери, которых он отдал замуж в империю, самую географически пространную за всю историю. К 1279 г. преемники Темучина (Чингисхана) завоевали земли к востоку вплоть до Южного Китая и Кореи, к западу — вплоть до Венгрии, а к югу — от Центральной Азии до Афганистана, Ирана и Ирака. Повсюду подвижные монгольские всадники за счёт высокой манёвренности наносили сокрушительные поражения превосходящим силам противника, как было в битве при Валь-

¹¹ Скилица. Иоанн Цимисхий; англ. пер.: гл. 21, р. 168.

штатте близ Лигница в тогдашней Германии (ныне Легница в Польше), известной каждому немецкому школьнику; там 9 апреля 1241 г. князь Генрих II Благочестивый пал вместе с большей частью своих польских, моравских и баварских сил, а также с горсткой рыцарей-тамплиеров и госпитальеров, в сражении, как представлялось, со всем монгольским войском (хотя в действительности это был всего лишь второстепенный отряд). Другие оказались мудрее: в 1243 г. турки-сельджуки, сражавшиеся с Византией в течение почти двухсот лет, стали данниками монголов. Тех, кто сопротивлялся, уничтожали: войско под началом Хулагу, внука Темучина, разгромило и исмаилитов [ассасинов], и Аббасидский халифат, разграбив и разрушив Багдад в 1258 г.¹²

Вскоре воспоследовала консолидация врагов и с запада, и с востока от Константинополя, когда потомки Темучина (Чингисхана) основали прочные государства, которые следует называть скорее чингизидскими, нежели просто монгольскими, потому что их силы всё больше и больше набирались из местного населения, тогда как монголы оставались лишь на вершине руководящей власти, да и то не слишком долго.

На востоке Хулагу, носивший титул ильхана, то есть правителя, подчинённого владыке всех монголов, основал государство, простиравшееся от нынешнего западного Афганистана до восточной Турции через Ирак, охватывая и весь Иран; этот ильханат господствовал также над сельджукскими правителями в Анатолии, которые стали его подданными, дабы избежать уничтожения. На северных берегах Каспийского и Чёрного морей всё огромное степное пространство, начиная от нынешней Молдавии и вплоть до нынешнего Узбекистана, а к северу захватывавшее значительную часть нынешней России, перешло во владение западного войска, или «орды» (от монгольского слова «орда», «воинский стан», отсюда «ставка вождя» и его войско¹³). Ещё и сегодня все русские помнят Золотую Орду — устоявшееся впоследствии общее название для возникавших позже монгольских и тюркских держав, собиравших дань с русских городов и князей вплоть до 1476 г.: их остатком было Крымское ханство Гиреев (Гераев), продержавшееся до 1783 г. Вновь основанное монгольское государство господствовало над наро-

¹² Обзорные труды: *David Morgan. The Mongols* (Монголы; Oxford: Blackwell, 1986); *John J. Saunders. The History of the Mongol Conquests* (История монгольских завоеваний; Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971).

¹³ Частное сообщение проф. Голдена (Golden), 23 марта 2008 г.

дами Центральной Азии, над волжскими булгарами, над кыпчаками из Понтийских степей к северу от Чёрного моря, известными византийцам как куманы, и над русскими, даже к северу от Москвы.

Захватчики-монголы из обоих чингизидских государств подошли к границе империи, но тот же Михаил VIII Палеолог, который расстроил планы Карла Анжуйского, поддержав Петра Арагонского на другом конце Средиземного моря, был полностью готов к этому вызову. Его внебрачная дочь, Евфросиния Палеологина, была успешно выдана замуж за Ногая, сына Баула, [сына Берке], сына Джучи, сына самого Чингисхана, неутомимого предводителя западного войска, который никогда не притязал на должность главнокомандующего, но при этом всё равно распоряжался западной Ордой.

Другая внебрачная дочь Михаила VIII Палеолога, Мария Деспина Палеологина, была обручена с человеком поважнее Ногая, с самим Хулагу, разрушившим Багдад; но, поскольку он умер, она вышла замуж за Абака, сына и преемника Хулагу, ещё одного праправнука Чингисхана и преемника Хулагу на должности правителя ильханата. Итак, хотя сестёр разлучили, их мужья оказались родственниками.

Движимые силами внутримонгольского соперничества, оба государства расширялись, по крайней мере в тех направлениях, где была трава для лошадей; в силу этого для них были недоступны гористая Центральная Европа и Египет, так что их силы столкнулись на Кавказе, где оба они естественным образом встретились друг с другом¹⁴.

Это была не война на уничтожение, а всего лишь спор о юрисдикции — по крайней мере в теории: ведь предполагалось, что все тер-

¹⁴ В «Сокровенном сказании монголов», составленном в 1240 г., то есть до великих завоеваний, ничего не говорится о государствах Чингизидов, но многое сообщается о монгольской ментальности — и прозой, и стихами. См. рус. пер. С. А. Козина «Сокровенное сказание монголов (монгольский обыденный сборник)»: <http://altaica.ru/SECRET/tovchoo.htm>; Marie-Dominique Even and Rodica Pop. Histoire secrète des Mongols: chronique mongole du XIIIe siècle. Monghol-un ni'uca tobcigan (Тайная история монголов: монгольская хроника XIII века; Paris, Gallimard, 1964); в Сети: <http://altaica.narod.ru/SECRET/french.htm>; англ. Igor de Rachewiltz. The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century (Тайная история монголов: монгольская эпическая хроника тринадцатого века; Leiden: Brill, 2004), 2 тома; и анахронистически старомодный, но при этом чудесный англ. пер.: Francis Woodman Cleaves. The Secret History of the Mongols. Vol. I (Тайная история монголов. Т. 1; Cambridge: Harvard University Press, 1982), в Сети: http://altaica.ru/SECRET/cleaves_shI.pdf; ср. рус. пер. архимандрита Палладия (Кафарова): http://altaica.ru/SECRET/Palladij_1866.pdf.

ритории Евразии протяжённостью в 12 000 миль, находившиеся под властью Чингизидов, представляют собою коллективное владение клана потомков Темучина. Однако Ногай, как всегда, лично повёл своих людей в бой и потерял один глаз, сражаясь против своего родственника Абака. О реакции двух сестёр ничего не сообщается.

Михаил VIII Палеолог, безусловно, добился успеха. Ни одна из его дочерей не сгинула в гаремах деятельных воителей. Обе они спаслись.

В определённый момент Ногай-хан отрядил 4000 всадников, чтобы они сражались за Михаила в Фессалии; но важнее было то, что ни одна держава к северу от византийских границ не могла предаваться мечтам о нападении на императора, не испытывая при этом страха перед появлением незваных гостей из державы Чингизидов.

Что же касается Абака-хана, то он попытался обратить своих подданных-мусульман в буддизм, в миролюбивую религию, которую воинственные монголы почему-то сочли самой для них подходящей. Мария Деспина Палеологина оказалась влиятельной государыней. Ни сельджуки, ни другие, в то время ещё более опасные тюркские бейлыки («княжества»?) не могли безнаказанно нападать на её отца в Анатолии. В Стамбуле, в квартале Фенер, выходящем на Золотой Рог, есть единственная православная церковь, не превращённая в мечеть после завоевания 1453 г.: Панагия Мухлиотисса, церковь Богородицы Монгольской, перестроенная Марией Деспиной по её возвращении после смерти Абака-хана.

О византийцах можно, конечно, сказать много разного, но уж деревенскими простачками они точно не были.

ГЛАВА 7

ГЕОГРАФИЯ ВЛАСТИ

Учитывая линейность мышления римлян и византийцев (они мыслили скорее маршрутами от одного места до другого, нежели пространствами, и полагались скорее на путеводители, чем на карты), может быть, следовало бы назвать эту главу «Этнография власти». Любопытство по отношению к чужеземным народам было достоинством греков, которого римляне, в сущности, не разделяли — до тех пор, пока не превратились в византийцев. Вопреки современной академической моде, склонной не видеть в византийских сочинениях ничего, кроме враждебности и предрассудков¹, эти сочинения свидетельствуют о том, что византийцы живо интересовались чужеземными культурами и обычаями, причём так живо, как не каждый народ в наши дни². Правда, новые сведения

¹ Подобную дурную моду ввёл востоковед-дилетант Эдвард Саид (Said): см., напр., *Francois Hartog. The Mirror of Herodotus: the Representation of the Other in the Writing of History* (Зеркало Геродота: изображение «Другого» в историографии: University of California Press, 1988); и *Edith Hall. Inventing the Barbarian* (Выдумывание варвара: Oxford: Oxford University Press 1989): «Другого» всегда «выдумывают» — и, конечно, всегда предвзято.

² *Gilbert Dagron. Ceux d'en face. Les peuples étrangers dans les traités militaires byzantins* (Те, кто напротив. Чужеземные народы в византийских военных трактатах), TM No. 10 (1987), 207—232. В дальнейшем: Dagron 1987.

о чужеземных народах проходили через фильтр, нагромождённый прежними мифами — включая Гога и Магога, амазонок и благородных ди-карей, которых всегда изобретают заново, чтобы бичевать изнеженность и ещё что похуже. Но, как мы увидим, византийские военные собирали много реальных сведений о тактике и вооружении врага, а византийские послы старательно сообщали об огромном разнообразии встречавшихся им народов, причём настолько точно, что их сообщения стали основным источником сведений о многих из них. Христианство, конечно, помогало сражаться с предрассудками — и не только из-за своего вселенского охвата, но также и потому, что оно осуждало обычай мыться в банях, тем самым не ставя ни во что такую преграду, как дурной запах, сильно препятствовавший тесному общению римлян с варварами.

В «Книге церемоний» Константина Багрянородного уточняется, как надлежит обращаться к адресатам официальной корреспонденции согласно принятым тогда правилам, а также указывается ценность печати для каждого письма (до сих пор сохранились тысячи византийских печатей, и это всё, что осталось от такого же количества утраченных документов). Длинный перечень наименований свидетельствует об обширном географическом кругозоре и о разборчивом подходе византийской дипломатии³. Если оставить в стороне спорадические контакты с державами, лежавшими гораздо дальше в Азии, то горизонт византийской дипломатии простирался на тысячу миль к востоку, от Константинополя до Каспийского побережья, более чем на тысячу миль к западу через Европу, более чем на пятьсот миль к северу до Киевской Руси, а на юг — до самого Египта⁴.

Порядок первенства в «Книге церемоний» отчасти отражал иерархию реальной власти, отчасти же определялся традиционным протоколом. Поэтому папа Римский идёт первым:

Папе Римскому (ис тон папан Ромис). Золотая булла в один солид.

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, нашего единого и единственного Бога. (Такие-то [имя] и [имя], императоры ромеев, верные Богу, —

³ II, 48. *De Cerimoniis* (О церемониях). Vol. I, pp. 686-92. Но здесь цит. по: *Paul Stephenson*, <http://homepage.mac.com/paulstephenson/trans/decer2.html/>.

⁴ *Gilbert Dagron. Byzance et ses Voisins. Étude sur certains passages du livre de cérémonies*, II. 15 et 46—48 (Византия и её соседи. Исследование некоторых пассажей из «Книги церемоний»: II. 15, 46—48). *TM* No. 13 (2000); и карта на p. 357.

такому-то [имя], Святейшему Папе Римскому и нашему духовному отцу (пневматикон патэра)».

В письмах патриархам Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому слова те же, но выражение «нашему духовному отцу» отсутствует. С другой стороны, письма им скреплялись печатью в три золотых солида.

Первым из светских правителей в перечне, несомненно отражающем порядок первенства, шёл аббасидский халиф в Багдаде, считавшийся правителем всех исламских стран, но к тому времени превратившийся в сугубо номинального главу состязавшихся между собою держав: как эмиратов, признававших за халифом номинальную власть, так и султанатов и враждебных эмиратов, такой власти не признававших. Когда был написан этот текст, Хамданидский эмират со столицей в Алеппо (подробнее о нём будет говориться ниже) был для византийцев самой значительной мусульманской державой. К тому времени скорее мусульмане боялись империи, чем она — их, так что можно было не опасаться того, что вежливость будет превратно понята как признак слабости:

Протосимвулу [первому визирю] эмира верных [амирмумнис, эмир-ал-мумнин, «повелитель правоверных»]. Золотая булла в четыре солида.

Величайшему, благороднейшему и знатнейшему [имя] первому советнику повелителя агарян [арабов, чьё происхождение возводилось к Агари, отвергнутой наложнице Авраама], от [имя] и [имя] верных Христу Господу, самодержцев, августов и великих императоров ромеев, высокочтимому, благороднейшему и знатному [имя] повелителю агарян.

После мусульман идут правители Закавказья. Особая топография Кавказа, чьи глубокие долины отделены друг от друга высокими горами, непроходимыми зимой и едва преодолимыми даже летом, несомненно, в высшей степени способствовала культурной, языковой и политической раздробленности⁵. Вплоть до сего дня этот регион остаётся беспокойным домом для множества различных народностей, говоря-

⁵ О контексте десятого века и о его исторической подоплёке см.: *Bernardette Martin-Hisard. Constantinople et les Archontes du Monde Caucasicen dans le Livre de Cérémonies*, II, 48 (Константинополь и «архонты» кавказского мира в «Книге церемоний», II. 48), *TM No. 13* (2000), pp. 361—521.

щих на совершенно разных языках, исповедующих разные религии и принадлежащих к разным антропологическим типам. Если бы у каждого из них было своё государство, таковых было бы гораздо больше, чем нынешние Армения, Азербайджан, Грузия и семь республик в составе Российской Федерации — в крупнейшей из которых, а именно в Дагестане, где насчитывается два с половиной миллиона населения, проживают десять национальностей, считающихся основными, хотя говорят там более чем на тридцати языках. В действительности там есть ещё и непризнанные государства, включая Абхазию, Южную Осетию и Нагорный Карабах.

В византийские времена, как, впрочем, и в наши, кавказские державы сражались друг с другом на очень маленькой территории, воины вдохновлялись раздутыми представлениями о национальном самоотождествлении, а также разбойничьими обычаями, которые остаются неискоренимыми по сей день. Владея удачно расположенной башней из грубо обтёсанных камней и отрядом воинов, любой мелкий вождь мог стать правителем части своей долины, тогда как вожди, способные обладать всей долиной, уже метили в князья. Одни кавказские правители были значительными владыками, другие — племенными вождями, чьё положение было шатким; но византийцы не могли позволить себе обойти вниманием даже самых ничтожных правителей, потому что любой из них мог открыть или перекрыть проход через горы, что в войне порой имело решающее значение. Все были уязвимы для нападения или осады, но куда лучше было избежать битвы, не тратя на неё время и ублажив возможного противника льстивыми посланиями и дарами.

В ходе долгой борьбы Византии с Сасанидской Персией, завершившейся тремя столетиями ранее, кавказские правители также могли быть врагами — уже хотя бы потому, что они были настолько же персами по своей материальной культуре, насколько христианами по религии. Империи легче было сотрудничать с ними в борьбе с культурно чуждыми арабами-мусульманами. Большинство кавказских правителей были хорошо знакомы с византийской культурой, многие на себе испытали притягательность константинопольского двора и раздаваемых им наград; и хотя некоторые располагали собственными автокефальными Церквями, заявляя при этом об их большой древности, у них не было религиозных препятствий, мешающих им признать первенство империи во всех остальных вопросах.

Соответственно этому большинство кавказских владык выступали в двойном качестве: как правители своего народа, облечённые обычно армянским титулом ишхан — архонт в бюрократическом греческом, что отдалённо соответствует князю, и в то же время как имперские чиновники, часто в ранге куропалата (старшего дворцового чиновника). Это был третий по высоте ранг в девятом-десятом веках, выше которого стояли только кесарь (этот титул по большей части присваивался только членам императорской фамилии) и новииссим (благороднейший).

Во время составления «Книги церемоний» один кавказский правитель был действительно великим: куропалат Давид III («Давит'» для грузин, заявляющих свои права на него), более известный в истории как Давид, царь Тао-Кларджети (Тао, или Тарона, армянское Тайк), из армянско-грузинского рода Багратидов. Правители Армении, Иверии к северу от неё (ныне восточная Грузия и часть западного Азербайджана), а позднее и всей Грузии, высшие Багратиды носили титул куропалата. Они правили территориями, находившимися по большей части в нынешней Грузии и Армении, примерно с 966 г. вплоть до убийства Давида в 1001 г., когда его территории были включены в состав Византийской империи; их потомки снова выступали в качестве местных правителей, став наконец дворянами Российской империи вплоть до большевистской революции⁶. Хотя этот текст был составлен незадолго до того, как Давид из Тао стяжал широкую известность, он подошёл бы для следующей предписанной формы обращения лучше любого другого современного ему кавказского правителя:

Князю князей (архон тон архонтон) Великой Армении.

Золотая булла в три солида.

Константин и Роман, верные во Христе Господе, самодержцы, августы и великие василевсы ромеев, — такому-то [имя], знатнейшему правителю Великой Армении и нашему духовному сыну.

Был ещё и другой армянский правитель из дома Арцруни (или Ардзун), правивший Васпураканом, областью, находившейся уже не на

⁶ С. *Toumanoff*. Armenia and Georgia (Армения и Грузия), в: изд. J. M. Hussey. The Cambridge Medieval History (Кембриджская история Средних веков). Vol. IV, The Byzantine Empire (Византийская империя). Часть I (Cambridge: Cambridge University Press, 1967), pp. 593—637.

Кавказе, а к югу от него, в современной Турции, в окрестностях озера Ван. Правители Васпуракана почти всегда были в известной степени зависимы от рода Багратидов, но обращаться к ним полагалось как к независимым повелителям. Особая форма обращения была предусмотрена не только для могущественных владык, но и для многих мелких правителей, разделивших между собою тогдашнюю Армению: для архонтов Коковита, Тарона (Тайка, которому в следующем столетии была уготована более славная судьба), Моекса, Аузана, Сюника, Вайцора, Хациены и даже для «трёх князей сервотиев, именуемых “чёрными ребятами” (мавра педиа).

К северу от Армении находилась Иберия (Иверия): так греки и римляне называли древнегрузинское царство Картли, потомки жителей которого до сих пор называют себя картвелами в противоположность мингрелам, лазам и сванам, населяющим другие части Грузии. Её правители тоже носили высокий титул куropалата.

Историческая Иверия была не больше современной Бельгии или Тайваня, но, учитывая кавказские наклонности, она была всё же слишком велика для того, чтобы управляться единолично, поэтому признавались также архонты Вериасаха (арм. «Верхняя сторона»), Карни (Карнатаис), Квелы и Ачары. В действительности весь Кавказский регион не превышает размерами Грецию, но, кроме исторической Армении и Картли, то есть Грузии, в его разделе участвовали и другие государства: Алания, более или менее соответствующая нынешней Осетии в пределах Российской Федерации⁷; Абасгия, более или менее тождественная нынешней Абхазии, чьё отделение от Грузии признано (вне всяких сомнений, бескорыстно!) только Российской Федерацией; и Албания в современной республике Азербайджан.

Даже сегодня восточная часть Кавказского региона проявляет более сильные тенденции к раздробленности, чем его западная часть: будь то в республике Дагестан, где говорят на тридцати языках, будь то в Азербайджане с его анклавами. Поэтому признавались и архонты многих других местностей, включая Азию, то есть нынешний Дербент в Дагестане, где по сей день стоит сасанидская крепость и «где находятся Каспийские ворота». Каким бы мелким ни был князёк Азии, он держал

⁷ В действительности Алания в X в. занимала территории совр. Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, части Краснодарского и Ставропольского краёв и, вероятно, Ингушетии. — *Прим. ред.*

под своим контролем проход, в высшей степени важный стратегически, легкопроходимый прибрежный маршрут, соединяющий южную степь с северо-западным Ираном.

После перечисления многочисленных кавказских правителей список продолжают главы христианских Церквей, не находящихся в общении с Православной Церковью, возглавляемой патриархом Константинопольским: это католикос Армении [до сих пор таков титул главы Армянской Апостольской Церкви, не находящейся в общении с Римом; его резиденция находится в Эчмиадзине в Республике Армения]; католикос Иберии [предшественник патриарха Грузинской Апостольской Автокефальной Церкви]; католикос Албании [вышедший из употребления титул исчезнувшей Церкви].

Далее следует интересный повтор с более детально разработанными приветствиями папе Римскому, к которому уже обращались ранее, и более ценной печатью: в два солида золота, а не в один. Объяснить это несложно. «Книга церемоний» — не единая книга, написанная одним автором, а скорее компиляция выдержек из архивных документов, и тем она особенно ценна. В данном случае компиляторы по небрежности включили в текст приветствия из двух разных писем — возможно, составленных в разное время.

В Западной Европе власть была далеко не так раздроблена, как на Кавказе, и, пожалуй, более стабильна. Раздробленность, возникавшая после эпохи Каролингов, продлилась в течение нескольких веков; образовывались всё более мелкие государства, не слишком-то развившиеся к десятому веку:

Королю (рекс) [титул куда более низкий, чем август-василевс] Сазонии [Саксонии = восточной Германии]; королю Байурии [Баварии (это страна так называемых «немициев» (немцев)], королю Галлии [в 987 г. Гуго Капет, граф Парижский, герцог западных франков, был коронован как король Франции, но владения его были значительно меньше, чем современная Франция]; королю Германии [Оттону I из дома Людольфингов, который основал собственную династию Оттонов, был коронован в 936 г. архиепископом Майнцским, примасом Германии, в Аахенском кафедральном соборе Карла Великого, что стало недвусмысленным знаком его притязаний на титул императора⁸]

⁸ Общий обзор см.: *Eckhard Müller-Mertens. The Ottonians as Kings and Emperors* (Оттоны как короли и императоры), в: изд. Timothy Reuter. *The New Cambridge Medieval*

Стандартная форма обращения ко всем вышеупомянутым такова: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, нашего единого и единственного Бога. Константин и Роман, императоры ромеев, верные Богу, такому-то [имя], знаменитому королю, желанному духовному брату (пепофименос пневматикос адельфос)».

Это было ещё до объявления о схизме между Римской и Константинопольской Церквями, то есть при желании полное духовное братство ещё разрешалось. Лишь 2 февраля 962 г., уже после составления «Книги церемоний», скандально известный папа Иоанн XII, крепко нуждавшийся в покровительстве, присвоил Оттону I титул императора (*Romanorum imperator augustus*; император римлян, август) в Риме. Через десять дней Оттон дал Иоанну то, в чём он нуждался: письменную гарантию безопасности папских территорий, *Diploma Ottonianum* (Оттонов диплом). Император спешно выступил из Рима, чтобы сражаться с врагами папы, но оказался слишком удачлив: папа Иоанн XII стал опасаться за свою независимость и тайно отправил послов к мадьярам, которые были ещё язычниками, и в Константинополь — с просьбой разбить Оттона. Тайна открылась, и Оттон возвратился в Рим в ноябре 963 г., чтобы созвать синод епископов, низложивший Иоанна.

Оскорбление, нанесённое императору в Константинополе коронаванием другого императора в Риме, не изгладилось почти немедленным раскаянием папы; но в 972 г. Иоанн I Цимисхий (969—976 гг.) признал титул самого могущественного правителя Запада. Убедительный аргумент Оттона заключался в том, что с 966 г. он заставлял своих союзников нападать на византийские владения в юго-восточной Италии, в Малой Лангобардии (*Langobardia Minor*), т. е. в нынешней Калабрии и Апулии, отвоёванной у арабов-мусульман в 876 г. Местные византийские силы под командованием стратегов каждого из регионов успешно отражали эти атаки, но Иоанн I Цимисхий готовился к крупному нападению на державу Хамданидов в Алеппо, и вместо того чтобы распылять свои силы в борьбе с Оттоном I в стратегически второстепенной Италии, он предпочёл достичь соглашения, предполагавшего династический союз.

Далее мы обнаруживаем обращение к несуществующему правителю: принцепсу (принкипс) Рима. Когда составлялась «Книга церемоний», в

Риме не было никакого принцепса, причём не было его уже более чем полтысячелетия; непонятно, что это такое: просто любовь к древностям или колкий намёк в адрес папы.

Эмиру Африки [Ифрикия по-арабски, римская провинция Африка и современная республика Тунис; до 909 г. ею правила династия Аглабидов, а затем Зиридов — берберов, служивших египетскому Фатимидскому халифату]. В обращении к этим мусульманам вновь утверждалось христианство:

Константин и Роман, верные во Христе Господе, самодержцы, августы и великие императоры ромеев, славнейшему (эндоксотатос) и благороднейшему (эвгенестатос) эксусиасту мусульман. Золотая булла в два солида.

«Эмиру Египта». Это был ихшид (акшид), правитель, подчинённый багдадскому халифу вплоть до Фатимидского завоевания 972 г. Будучи шиитами, а точнее исмаилитами-«семеричниками», Фатимиды сами притязали на титул халифов и отвергли бы нижестоящий по отношению к нему титул эмира.

Далее признаются две итальянские державы, одна из них особенно загадочна: «князь (архонт) Сардании», то есть Сардинии, но в то время на острове было четыре независимых правителя; и другое государство, которому было уготовано блистательное благосостояние и громкая слава: «дукс [дож] Венеции».

Венеция вступила на путь своего восхождения от деревни-города до города-империи как территория, зависимая от Византии. Её византийский дукс, или местный правитель, почти неприметно превратился в дожа независимой морской империи как раз к тому времени, когда составлялась «Книга церемоний». В 723—727 гг. Венецией всё ещё правили из резиденции византийского экзарха («внешнего правителя», вице-монарха) из Равенны. Затем был первый венецианский правитель Урс, с 738 г. носивший старый римский титул дукс (изначально военный предводитель, затем местный военачальник, наконец, «герцог»); за ним последовали Доминик, Феликс Корникула и Деусдедит (Теодат, сын Урса) и ещё трое других, опять включая Деусдедита (Теодата) вплоть до 756 г.; все они носили византийское военное звание *magister militum* (военачальник). Между тем Равеннский экзархат был завоёван и прекратил своё существование в 751 г. Никакие византийские титулы больше не упоминались ни на монетах, ни в надписях после 756 г., хотя византийская власть всё ещё оста-

валась в силе по меньшей мере до 814 г. Только после этого венецианские дожи начинают выступать главами полностью независимой олигархической республики с заморскими колониями, обретавшими всё большее значение. В 1204 г. венецианцы, возглавляемые дожем Энрико Дандоло (1192—1205 гг.), захватили львиную долю добычи при разграблении Константинополя объединёнными силами Четвёртого крестового похода.

Когда составлялась «Книга церемоний» и ещё в течение девяти веков после этого Италия оставалась географическим названием без единого правительства. Зато там были местные владыки: начиная от захолустных князьков, неотличимых от главарей разбойников, и до более цивилизованных правителей главных прибрежных городов. Одним из них был Амальфи, уже представлявший собою значительную морскую республику и остававшийся независимым вплоть до норманнского завоевания в 1073 г. Поэтому князья Капуи, Салерно, Амальфи и Гаэты признавались наряду с дуксом Неаполя.

Далее следует более экзотическая и обширная держава, Хазарский каганат⁹:

Хагану (хаганос) Хазарии. Золотая печать в три солида.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, нашего единого и единственного Бога. Константин и Роман, императоры ромеев, верные Богу, такому-то [имя], благороднейшему (эвгенестатос) и светлейшему (перифанестатос) хагану Хазарии.

Хазарский (по-еврейски кузарим) каганат, столица которого находилась на нижней Волге, на северо-восточном побережье Каспийского моря, во времена своего расцвета, то есть с восьмого по десятый век, проявлял достаточно сильную волю к экспансии, приводившую к столкновению с византийскими интересами в Крыму и на Кавказе¹⁰.

⁹ По-еврейски кузари, мн. ч. кузарим; по-персидски и по-арабски: хазар, казар; по-славянски: хозары; по-китайски: хо-са, ко-са, хотя их неизменно трактовали как ту-цзю-э (тюрки), с уточнением: ту-цзю-э ко-са (тюрки-хазары): Golden 1982, pp. 233—244, а также: *Khazar Studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars* (Хазарские штудии: историко-филологическое исследование происхождения хазар, Budapest: Akademia Kiado, 1980).

¹⁰ См.: *Thomas Noonan. Byzantium and the Khazars: a special relationship?* (Византия и хазары: особые отношения?), в: *Shepard-Franklin*, p. 109, но также p. 129: «Мнимого столкновения хазар с Византией на южном Кавказе никогда не было».

С другой стороны, одно немаловажное обстоятельство превращало хазар в весьма ценных союзников Византии: они не были непосредственными соседями империи; скорее они соседствовали с её злейшим на то время врагом, с арабами-мусульманами, то и дело совершавшими набеги на Кавказ и в Левант. Хазарский каганат был расположен достаточно удобно для того, чтобы подрывать их мощь, когда арабы-мусульмане сами нападали на восточные границы империи в Анатолии, выступая из нынешнего Курдистана в Иране. Хазары могли помогать империи и косвенно, нападая на тылы арабов, когда те угрожали Константинополю с моря со своих баз, расположенных в Сирии или ещё ближе к столице Византии.

Хазары вышли на историческую арену после распада великого Тюркского каганата, то есть около 640—650 г. (его окончательно разгромили китайцы в 659 г.), хотя разрозненные свидетельства наводят на мысль о том, что они не были подчинёнными племенами, возвратившимися к собственной независимости, а сами составляли ядро элиты Тюркского каганата, а именно правящий клан Ашина («синий» по-восточно-ирански), упоминаемый в китайских источниках. Возможно, этим объясняется причина, по которой союзники-тюрки, оказавшие жизненно важную помощь императору Ираклию (610—641 гг.) в его борьбе против Сасанидской Персии во время страшного кризиса 626—628 гг., когда империя была близка к уничтожению, именуются «восточными турками, которых называют хазарами» в хронике Феофана¹¹, то есть в лучшем из сохранившихся источников. Однако более вероятно, что это был простой анахронизм: Хазарский каганат стал в его время значительной державой, тогда как Тюркский каганат уже прекратил своё существование. Как бы то ни было, их правитель Зиевил у Феофана — это, несомненно, Тон-ябгу, глава Западного тюркского каганата как такового или же, может быть, возникающего Хазарского — поскольку нет никакого сомнения в том, что последний возник из предыдущего.

Недавно было высказано предположение о том, что исключительно быстрое падение Тюркского каганата, который занимал огромную территорию и стремился к экспансии ещё около 625 г., но стал распадаться уже в 640 г., объясняется переменой климата, а именно резким похолоданием, вызванным извержением вулкана, вследствие которого в 627—629 гг. Восточная Тюркская империя пережила катастрофичес-

¹¹ Феофан. No. 315, AM 6117; англ. пер.: p. 446.

кие снегопады и морозы. Много овец и лошадей пало. Люди жестоко голодали и массово умирали. Империя оказалась в страшном демографическом кризисе и погибла¹².

Несомненно одно: империя по-прежнему уверенно полагалась на союз с хазарами, прежде всего против арабского халифата Омейядов на вершине его могущества в седьмом-восьмом веках, когда Константинополь подвергался нападениям. Арабские источники сообщают об уничтожении войска Абд ар-Рахмана ибн Рабии в 650 г., когда оно вторглось на хазарскую территорию на Северном Кавказе, а хазарские войска дошли до самого Мосула в северном Ираке в 731 г. Возможно, Ираклий предложил свою шестнадцатилетнюю дочь Евдокию в жены Тон-ябгу; но, как отмечалось выше, Юстиниан II женился на сестре кагана, а Константин V — на дочери кагана, родившей Льва IV Хазарина.

Когда Сасаниды, а затем и Омейяды сошли со сцены, хазары ещё долго выступали в качестве полезных союзников империи, причём даже после того как могущество их каганата, начиная с девятого века, стало увядать. Окончательная катастрофа произошла в 969 г., когда хазарская столица Итиль (или Атиль) на Волге была разрушена дружиной Святослава, сына Игоря, правителя Киевской Руси.

Именно русы идут следующими в списке приветствий в «Книге церемоний»:

Князю Росии. Булла в два золотых солида.

Письмо [граммата] Константина и Романа, христоролюбивых императоров ромеев, архонту Росии.

Этот правитель бывал либо скандинавом, либо славянином, либо рождался в смешанном браке — в зависимости от эпохи и от национальных чувств историков, об этом пишущих (но происхождение этнонима «русь» от старошведского *roper*, через древнефинское *rotsi*, часто оспаривали, причём особой пользы эти споры не принесли¹³). Ви-

¹² *Jie Fei, Jie Zhou, Yongjian Hou*. Circa a.d. 626 volcanic eruption, climatic cooling, and the collapse of the Eastern Turkic Empire (Вулканическое извержение ок. 626 г. н.э., похолодание и гибель Восточной Тюркской империи). *Climatic Change*, Vol. 81, No. 3—4, April, 2007, pp. 469—475. Авторы полагаются на сведения «Цзю Тан Шу» (Старой истории династии Тан), составленной Ли Сюем ок. 945 г.

¹³ DAI (Об управлении империей), комментарий s.v., 9/I, pp. 20—23. То же самое относится и к государству, основанному русью.

зантийцев не интересовало, кем был данный архонт: потомком скандинавов или предком русских; он правил государством, известным как Россия, или Киевская Русь, находившимся в нынешней Украине, откуда происходит и более позднее «Россия» и английское “Russia” — держава, о которой империи почти не было известно до 860 г., когда множество лодок с воинами внезапно появились из Чёрного моря, чтобы напасть на Константинополь. О существовании росов как народа уже, конечно, было известно, потому что в первом упоминании о них, засвидетельствованном у Пруденция из Труа в «Бертинских анналах» в 839 г., они прибывают из Константинополя:

[В 839 г.] прибыли послы греков от императора Феофила [830—839 гг.]. <...> Император [Людовик Благочестивый, 814—840 гг.] с почётом принял их в Ингельгейме. <...> С ними были те, кто утверждал, что их народ называется Рос (Rhos vocari dicebant)... они просили у Людовика разрешения пройти через его страну по пути домой. Весьма тщательно исследовав причину их прихода, император узнал, что они из народа свеонов [шведов]¹⁴.

Нападение в 860 г. было типичным дальним набегом викингов («разбойников» по-древненорвежски), целенаправленным и стремительным нападением, целью которого было сломить сопротивление; этот набег совершался способом, печально известным прибрежным народам Западной Европы, но оказавшимся совершенно неожиданным для византийцев. В гомилии патриарха и будущего святого Фотия перед нами предстаёт живая реакция очевидца, и пережитое им потрясение вполне осязаемо, несмотря на медоточивый стиль маститого литературного критика:

Помните ли вы смятение, слезы и вопли, в которые тогда весь город погрузился с совершенным отчаянием? Знакома ли вам та крошечная жуткая ночь, когда круг жизни всех нас закатился вместе с солнечным кругом, и светоч жизни нашей погрузился в пучину мрака смерти? Знаком ли вам тот час, невыносимый и горький, когда надвинулись на вас варварские ко-

¹⁴ *Annales Bertiniani* (Бертинские анналы), 839 г., изд. G. Waitz, MGH, *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum* (Hannover: Hahn 1883), pp. 19—20. См.: *Simon Franklin and Jonathan Shepard. The Emergence of Rus 750—1200* (Возникновение Руси, 750—1200 гг.; New York: Addison Wesley Publishing Company, 1996), pp. 29—32.

рабли, дыша свирепостью, дикостью и убийством; когда тихое и спокойное море раскинулось гладью, предоставляя им удобное и приятное плавание, а на нас, бушуя, вздыбило волны войны; когда мимо города проплывали они, неся и являя плывущих на них с протянутыми мечами и словно грозя городу смертью от меча... Когда рассудки объял трепет и мрак, а уши были открыты лишь слухам о том, что варвары ворвались внутрь стен и город взят врагами? Ибо неимоверность происшедшего и неожиданность нападения будто подталкивали всех выдумывать и выслушивать подобное, тем более что такое состояние и при других обстоятельствах имеет обыкновение охватывать людей: ведь то, чего они особенно боятся, считают, не разбираясь, уже наступившим...¹⁵

Росы, участвовавшие в набеге, не проникли за стены, но разграбили пригороды, открыв тем самым новую главу истории, в которой были угрозы, союзы, новые набеги, обращение в христианство и беспощадные войны.

В первый и до тех пор единственный раз в 880 г. могущественная держава возникла в степных землях к северу от Чёрного моря, в нынешней Украине, со столицей в Киеве и порою обширными, хотя и неопределёнными владениями вокруг него.

Сила этой державы, известной историкам как Киевская Русь, основывалась на искусстве её лодочников, способных сплавляться по опасным рекам и бросать вызов открытому морю, а также на боевой мощи стойких пехотинцев. Они сильно отличались от конных лучников тюркской степи, окружавших их со всех сторон. Их предводителями были не клановые или племенные вожди и ханы, способные заключить союз сначала с одним каганом, а затем с другим: их возглавляли мореходы, воины-купцы. К 907 г. у них был постоянный правитель — Олег, попытавшийся напасть на Константинополь и получивший ти-

¹⁵ В своей «Библиотеке», называемой также «Мириобиблион» («10 000 книг»), Фотий дал обзор и краткий пересказ 279 книг (готовится сетевое издание: www.ccel.org/p/pearse/morefathers/photius_03bibliotheca.htmNo.34). Здесь цитируется «Святейшего Фотия, архиепископа Константинополя — Нового Рима, вторая гомилия на нашествие росов»; рус. пер. П. В. Кузенкова, цит. по: <http://www.vostlit.narod.ru/Texts/rus9/Fotij/text2.htm>; англ. пер. Сирила Манго (Mango), цит. по: The Homilies of Photius (Гомилии Фотия), в: *Deno John Geanakoplos. Byzantium: Church, Society, and Civilization Seen through Contemporary Eyes* (Византия: Церковь, общество и цивилизация глазами современников; Chicago: University Press, 1984), p. 351.

тул князя (архонт), подписав договор с империей в 911 г. Киевская Русь достигла вершины своего могущества при князе Владимире (с 980 г.), начавшем обращать свою страну в христианство в 988 г., и при князе Ярославе Мудром (1019—1054 гг.), после которого начался стремительный распад державы на отдельные княжества (в конце концов они стали насчитываться десятками), часто воевавшие друг с другом.

Неустрасимые торговцы, совершавшие дальние путешествия, русы вывозили янтарь, меха, мёд и рабов; всё это либо закупалось в русских и балтийских странах, либо собиралось в качестве дани со славян на их собственных территориях. Главный торговый путь начинался далеко на севере, на ярмарках на западе Балтийского моря, в Бирке, Хедебю и на острове Готланд; затем он шёл к восточной Балтике и вниз по Неве, где ныне стоит Санкт-Петербург, к Ладожскому озеру; далее он шёл по Волхову к древнейшему русскому городу, Новгороду, пересекал озеро Ильмень и продолжался по реке Ловать, откуда лодки нужно было перетаскать волоком на Днепр возле Гнёздова, неподалёку от Смоленска, где были найдены византийские и арабские монеты. Оттуда предстояло преодолеть ещё тысячу миль на юго-запад, в Константинополь, через Киев, вниз по Днепру (чтобы обойти пороги, приходилось перетаскивать лодки волоком), а затем кружным путём, вдоль побережья, или же напрямую через Чёрное море. Из Киева товары и рабы доставлялись также посуху на юго-восток, к дельте Волги, где был конечный пункт торгового пути в Багдад через Каспийское море, через западные отроги Загроса и далее по равнинам Месопотамии.

Воины-купцы Руси были ещё более неустрасимыми бойцами, способными к дальним экспедициям по суше и по морю, братьями по оружию таких отважных норманнов, как Харальд, по прозвищу Хардрад (Harðráðe), убитый в Англии в 1066 г., как говорилось выше, совсем незадолго до того как уже оседлые, более цивилизованные, но всё ещё храбро сражавшиеся норманны завоевали Англию в том же 1066 г. — в то время как другие норманны отвоевали южную оконечность Италии у Византии, а затем Сицилию — у арабов-мусульман, располагая небольшим войском, изрядным мастерством и ещё большей храбростью.

Но, несмотря на всю героическую энергию, свойственную воинам Киевской Руси, они не сдержали вторжения новых пришельцев из степи, которым суждено было однажды уничтожить их державу. Их интересы были сосредоточены на речных путях, ведущих к Чёрному морю

по Дону (греч. Танаис), Днепру (это был важнейший маршрут), Бугу (Гипанис) и Днестру (Данастрис), но не в просторной и однообразной степи между этими реками, по которой по-прежнему продолжали одна за другой прокатываться волны степных кочевников, являвшихся, чтобы пасти свои стада и сражаться со всеми, кто вставал у них на пути.

Авары к тому времени давно уже «погибоша», исчезли. Откочевав к северу, в нынешнюю Венгрию, после своего поражения под стенами Константинополя в 626 г., они в конце концов были уничтожены франками в конце восьмого века — разграбив их главную укрепленную ставку, «Аварское кольцо», в 796 г., Карл Великий добыл столько золота и серебра, что эта победа стала для него величайшей из всех его побед.

Злейший враг авар, великий Тюркский каганат, прекратил существование гораздо раньше, тогда как племена оногуров, кутригуров и утригуров, не оставшиеся к востоку от Волги, уже давно осели к югу от Дуная, в Болгарии. Таким образом, степные земли от Волги до Дуная стали владением Хазарского каганата, при том что с запада на него надвигались мадьяры, теснимые, в свою очередь, гораздо более могущественным тюркским народом — печенегам (пачинакитами), попеременно то мирно сосуществовавшими, то воевавшими не на жизнь, а на смерть с Киевской Русью, часто на стороне Византии.

Архонту [князю] тюрок [= мадьяр = венгров]. Золотая булла в два солида.

Письмо Константина и Романа, христолюбивых императоров ромеев, архонту тюрок.

Как и подобает их характеру, происхождение венгров, или мадьяр, как они сами себя называют, исключительно запутанно. Изначально мадьяры были их главным племенем, куда все они не стали отождествлять себя с этим этнонимом, тогда как название «турки», применявшееся к ним византийцами, было ошибочным лишь отчасти. Византийские авторы недолюбливали диковинные варварские названия: как аваров они неизменно называли гуннами, потому что это экзотическое имя уже покрылось благородной патиной благодаря его использованию в более ранних текстах, так же неизменно они называли венгров турками по имени исчезнувших уже народов великой степной империи. Но в данном случае они были отчасти правы, поскольку венгры вели вполне тюркский образ жизни, будучи кочевниками-скотово-

дами и конными лучниками, хотя их финно-угорский язык доказывает, что прежде они были жителями лесов к северу от степи, в нынешней республике Башкортостан в Российской Федерации¹⁶.

К середине восьмого века они сформировались как нация, поскольку говорили на одном языке, но у них было много различных названий: оногуры, ставшие унगरями и хунगरями, для славян уграми, для хазар — майгарами (Majgar); сами себя они называли мадьерами (Majier)¹⁷. Когда византийцы впервые встретились с ними около 830 г., мадьяры и другие племена жили в нынешней восточной Украине, испытывая влияние хазар, если не подчиняясь им напрямую — у мадьяр, несомненно, никогда не было своего каганата. Гораздо более многочисленные печенеги продвигались к своим пастбищам, к 850 г. вытеснив часть мадьяр на запад, через Украину, в конце концов — в нынешнюю Румынию. Другие остались на землях между южным Уралом и Волгой, в нынешней Башкирии (Башкортостане) — в названии этой области, возможно, отражено имя целой нации (на румынском жаргоне слова «бозгоры», «бозгиоры» и «боанги» всё ещё выступают как уничижительные прозвания венгров).

В 894 г. мадьяры и племена, следовавшие за ними, по просьбе византийцев совершили набег через Дунай, чтобы напасть на Болгарию, управлявшуюся князем Симеоном I, и вынудить его отказаться от выступления против превосходящих сил императора Льва VI. Болгария по-прежнему представляла собою угрозу, но византийцам не удалось удержать своих новых союзников на должном месте — или, скорее, они даже не пытались это сделать, предпочитая полагаться на Киевскую Русь и на печенегов в вопросе контроля над болгарами.

Перейдя горы Трансильвании под давлением болгар или печенегов (скотоводы-степняки не стали бы по доброй воле рисковать свои-

¹⁶ См.: *Andras Rona-Tas. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: an Introduction to Early Hungarian History* (Венгры и Европа в раннем Средневековье: введение в раннюю историю Венгрии; Budapest: Central European University Press, 1999), начиная с р. 319; Golden 1982, р. 258; и обобщающее изложение в: *P. B. Golden. The Peoples of the Russian forest belt* (Народы русского лесного пояса), в: D. Sinor (изд.). *The Cambridge History of Early Inner Asia* (Кембриджская история ранней Внутренней Азии; Cambridge: Cambridge University Press, 1990), pp. 229—248, где излагается знаменитый труд Дюлы Немета (Németh) *A honfoglaló magyarország kialakulása* (Образование страны мадьяр, завоеванной родины; эта книга содержалась в библиотеке, доставшейся мне от отца).

¹⁷ *Rona-Tas*, p. 311.

ми стадами в горах), к 900 г. мадьяры и сопровождавшие их племена достигли равнин Паннонии, нынешней Венгрии, которую сами венгры называют Мадьярорсаг (Magyarország), Страна мадьяр. Как всегда происходит в случаях подобных переселений, кто-то отстал, и в конце концов отряды лёгкой мадьярской конницы (вардариоты) сформировались в долине реки Вардар в нынешней Македонии. Самая равнинная часть почти полностью равнинной Венгрии, Пуста (Puszt), — это самая западная оконечность великой Евразийской степи, вполне пригодная для конных пастухов, которых в действительности можно было увидеть здесь ещё в конце 1930-х гг.

Как конные лучники, мадьяры в процессе своего становления¹⁸ были отроду приспособлены к набегам; но, как и более грозные авары до них, они тоже умели возводить осадные машины. В течение более чем пятидесяти лет мадьяры совершали набеги, грабили и жгли всё к западу, в германских землях, иногда добираясь до нынешней Франции — они упоминаются в «Песни о Роланде» (напр., в строфе CCXXXIII), где они входят в число племён, не служащих Богу, «одни — гунны, другие — угры». Оттон I, тогда уже король Германии и будущий император, разгромил огромную орду мадьяр 10 августа 955 г. в долине Лехфельд близ укрепленного города Аугсбурга; их лёгкая конница, вооружённая луками, была наголову разбита тяжёлой конницей Оттона, облачённой в панцири, и после этого набеги мадьяр быстро прекратились. Авары, их предшественники в Венгрии и в Пусте, также совершали набеги на запад и делали это до тех пор, пока не были уничтожены. А вот мадьяры пережили быстрое преобразование. Через пять лет после сокрушительного поражения при Лехфельде у них был христианский король, впоследствии святой Стефан (Иштван), коронованный папой Сильвестром II в 1000 г., и с тех пор мадьяры вели только христианские войны, забыв о тюркских конных набегам.

Печенеги появились в степях как новая тюркская нация в девятом веке и сменили хазар в качестве самых полезных союзников империи в десятом веке¹⁹. Это не было стратегическим союзом, как с хазарами, потому что отсутствовал общий враг, который понуждал бы к постое-

¹⁸ По мере того как другие племена поглощались ими, признавая себя мадьярами; только румынские секеи (Székely), или «секлеры» (Szeklers), хотя и говорят по-венгерски, венграми не являются и сохраняют особые обычаи.

¹⁹ Golden 1982, начиная с p. 264.

янного сотрудничеству. Но при условии достойной оплаты печенеги могли весьма эффективно выступать против Киевской Руси, а также против кочующих мадьяр и против болгар. Если же им не платили или платили недостаточно, то печенеги могли (что они и делали) либо сами напасть на империю, либо присоединиться к другим агрессорам.

Как все полукочевые тюркские нации до них, они пересекли Волгу по пути из Центральной Азии, теснимые другими тюркскими народами, главным образом огузами, которые в своё время сменили печенегов в роли союзников и врагов Византии. Но хазары тоже теснили их к западу. Ко времени составления «Книги церемоний» их держава располагалась между Доном и Дунаем.

Архонту пачинакитов [печенегов]. Золотая булла в два солида.

Письмо Константина и Романа, христолюбивых императоров ромеев, архонту пачинакитов.

Константин VII Багрянородный как автор «Книги церемоний» здесь весьма лаконичен, зато Константину VII Багрянородному как автору трактата «Об управлении империей» (*“De administrando imperio”*) есть что поведать о печенегах; и действительно, они служат самым первым предметом обсуждения в этом тексте, под весьма характерным заглавием:

О пачинакитах [печенегах]: насколько полезны они, находясь в мире с василевсом ромеев. ...Я полагаю всегда весьма полезным для василевса ромеев желать мира с народом пачинакитов, заключать с ними дружественные соглашения и договоры, посылать отсюда к ним каждый год апокрисиария [посла] с подобающими и подходящими дарами для народа и забирать оттуда омиров, т. е. заложников, и апокрисиария, которые... воспользуются царскими благодеяниями и милостями, во всем достойными правящего василевса²⁰.

Первая цель, пусть и отрицательная, но очень важная, заключалась в том, чтобы отвлечь печенегов от нападений на имперские территории:

²⁰ Гл. 1; со строки 15; изд. Gy. Moravcsik; рус. пер. Г. Г. Литаврина, цит. по: http://oldrur.narod.ru/biblio/kb_imp1.htm#01; англ. пер.: R. J. H. Jenkins (Washington DC: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies/Harvard University, 1967). Здесь и далее: DAI, p. 49.

Поскольку этот народ пачинакитов соседствует с [византийской] областью Херсона, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон...

Положительная же цель состояла в том, чтобы использовать печенегов для устрашения тех держав, которые находились в пределах их досягаемости, начиная с хазар на нижней Волге до болгар за Дунаем. Под заглавием «О пачинакитах и росах» в тексте впервые в общих чертах объясняется, как действовало такое устрашение:

Но и против удаленных от их пределов врагов росы вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с пачинакитами, так как пачинакиты имеют возможность — в то время когда росы удалятся от своих [семей], — напав, всё у них уничтожить и разорить²¹.

Далее описывается особый механизм устрашения, отражавший весьма своеобразное распределение сил в данном случае: Киевская Русь со своими лодками могла держать под своим контролем Днепр вплоть до Чёрного моря, но не просторные степи по обеим его сторонам:

...и у царственного сего града ромеев [Константинополя], если росы не находятся в мире с пачинакитами, они появиться не могут, ни ради войны, ни ради торговли, ибо, когда росы с ладьями приходят к речным порогам [Днепра] и не могут миновать их иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа пачинакитов и легко... побеждают и устраивают резню²².

Печенеги могли устрашить и мадьяр (в тексте они последовательно называются турками), хотя у последних не было ни лодок, ни необходимости обходить пороги, — просто потому, что мадьяры были куда малочисленнее, и печенеги всегда могли одолеть их:

²¹ DAI, гл. 2; рус. пер. Г. Г. Литаврина, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp1.htm#01; англ. пер.: pp. 49—50.

²² DAI, гл. 2; рус. пер. Г. Г. Литаврина, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp1.htm#01; англ. пер.: p. 50.

...и турок [мадьяр] род весьма страшится и боится упомянутых пачинаки-
тов потому, что был неоднократно побеждаем ими... оттого турки всегда
страшными считают пачинаки-тов и трепещут перед ними²³.

Автор повествует о том, что случилось, когда византийский посол
обратился к мадьярам с просьбой напасть на печенегов:

...все архонты [предводители] турок [мадьяр] воскликнули в один голос:
«Сами мы не вяжемся в войну с пачинаки-тами, так как не можем воевать
с ними, — страна [их] велика, народ многочислен, дурное это отродье. Не
продолжай перед нами таких речей — не по нраву они нам!»²⁴

Далее в тексте предлагается использовать тех же печенегов как
средство спасения от булгар и отмечается, что в то время они непосред-
ственно соприкасались друг с другом на Дунае:

...поскольку и с этими булгарами соседят названные пачинаки-ты и, когда
пожелают, либо ради собственной корысти, либо в угоду василевсу ромеев,
могут легко выступать против Булгарии и, благодаря своему подавляюще-
му большинству и силе, одолевать тех и побеждать²⁵.

С другой стороны, печенеги не причисляются к полезным союз-
никам против хазар, как тюрки-огузы и кавказские аланы. Причина,
возможно, заключается в том, что они боялись хазар, которые вместе
с огузами ранее захватили их пастбища, вытеснив их за Волгу, а по-
том к Дону.

Разумеется, печенегам нужно было платить, чтобы они служили це-
лям империи, причём платить скорее вещами, нежели золотом:

будучи ненасытными и крайне жадными до редких у них вещей, [печене-
ги] бесстыдно требуют больших подарков... когда василик [агент импе-

²³ DAI, гл. 3; рус. пер. Г. Г. Литаврина, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp1.htm#01; англ. пер.: р. 51.

²⁴ DAI, гл. 8; рус. пер. Г. Г. Литаврина, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp1.htm#01; англ. пер.: р. 57.

²⁵ DAI, гл. 5; рус. пер. Г. Г. Литаврина, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp1.htm#01; англ. пер.: р. 53.

ратора] вступит в их страну, они требуют прежде всего даров василевса и снова, когда ублажат своих людей, просят подарков для своих жен и своих родителей²⁶.

Печенеги были по-своему правы, предпочитая товары золоту: чтобы потратить его, нужно было везти его далеко. Степные ремёсла по необходимости сводились к небольшому набору кожаных, шерстяных, каменных, золотых и серебряных изделий (железные встречались реже); их пища состояла в основном из мяса, сыра и кумыса: таковы были устоявшиеся у них вкусы. В Константинополе выбор был несравненно шире, включая привозимые из дальних стран специи и вина, а византийские ремесленники производили всё, что было известно античности, из всех материалов, включая сплавы, керамику и стекло. Отдельные предметы, упоминаемые в тексте, довольно прозаичны, но в степи они, конечно, были редкостью: «...влаттии [отрезы пурпурной ткани], прандии [ленты], харерии [лёгкая шерстяная одежда], пояса, перец, алые кожи парфянские и другие предметы...»²⁷

Что явно раздражало автора и толкало его к употреблению бранных эпитетов — так это то, что все причастные выпрашивали плату помимо и сверх императорского «подарка»; все, включая знатных печенегов, которых удерживали в качестве почётных гостей-заложников, пока византийские послы подвергались опасности на землях печенегов, а также члены их свиты, перевозившие как заложников, так и послов туда и обратно:

...заложники домогаются одного для себя, а другого для своих жен, охранники — одного за свои труды, а другого за утомление их лошадей²⁸.

С тем же требованием обращались члены свиты, доставлявшие императорского посла. Автору это казалось проявлением мелочной скарედности, хотя в действительности здесь отражалась важная по-

²⁶ DAI, гл. 7; рус. пер. Г. Г. Литаврина, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp1.htm#01; англ. пер.: p. 55.

²⁷ DAI, гл. 6; рус. пер. Г. Г. Литаврина, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp1.htm#01; англ. пер.: p. 53.

²⁸ DAI, гл. 7; рус. пер. Г. Г. Литаврина, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp1.htm#01; англ. пер.: p. 55.

литическая реальность. Дело в том, что печенежского каганата со всемогущим главой, способным карать и награждать, не существовало. Вместо него было всего лишь собрание племён, не слишком строго управлявшихся вождями, которые могли сходиться на совет, чтобы планировать совместные действия. Текст гласит:

...вся Пачинакия [Печенегия] делится на восемь фем [областей], имея столько же великих архонтов... Восемь фем разделяются на сорок частей, и они имеют архонтов более низкого разряда²⁹.

Это, пожалуй, чересчур схематично для того, чтобы быть правдоподобным, хотя здесь заложено объяснение отсутствия всемогущего единоличного правителя, которому служат верные слуги, получающие вознаграждение только от него одного. Поэтому каждый печенег ждал, что его лично вознаградят за любые оказанные услуги. Хотя для византийского императора это было непривычно, хотя это его раздражало, всё же ни один грек не мог презирать свободу: «...печенеги — люди свободные и независимые [автономи], и они никогда не оказывают никаких услуг без вознаграждения». Разумеется, у печенегов была своя цена, но так обстояло дело со всеми степными народами, и печенеги, очевидно, были дешевле:

...пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки [= мадьяры] не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезмерных денег и вещей³⁰.

Но даже отважные печенеги не всегда могли быть полезны. Чтобы служить Византии, союзник должен был быть и достаточно силён для того, чтобы успешно действовать против врагов империи, и вместе с тем не представлять собою угрозы. С 1027 г. печенеги стали терять очки по обоим этим счетам. В этом году они стали совершать набеги через Дунай и в 1036 г. были разбиты дружиной Киевской Руси под началом князя Ярослава I — то есть той самой державой, которую они предпо-

²⁹ DAI, гл. 37; рус. пер. Г. Г. Литаврина, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp1.htm#01; англ. пер.: р. 167; о контексте см.: DAI, Комментарий, s. v. 37, p. 143.

³⁰ DAI, гл. 4; рус. пер. Г. Г. Литаврина, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp1.htm#01; англ. пер.: р. 51.

ложительно должны были сдерживать. Византийцам нужен был новый тюркский союзник в великой степи, и они обрели его в лице куманов, или кипчаков, как они сами называли себя на своём тюркском языке, тогда как в Киевской Руси их знали под именем половцев; им предстояла долгая эпоха успехов при различных режимах³¹.

Они тоже были весьма подвижными и смертельно опасными конными лучниками, как гунны, авары, булгары, хазары, мадьяры и печенеги до них, и они также стали хозяевами степей, превзойдя численностью прежних насельников.

29 апреля 1091 г. византийцы со своими новыми союзниками-куманами сошлись с несметной ратью печенегов в битве при Левунии (Лебурне) на реке Марица в южной Болгарии. Очевидно, печенеги были вытеснены на имперскую территорию куманами, захватившими их пастбища, потому что пришли они не как войско в набеге, а как многочисленная масса кочевников, состоявшая из скота, мужчин, женщин и детей.

В то время общее стратегическое положение империи было чрезвычайно неблагоприятным. Двадцатью годами ранее, в августе 1071 г., Роман IV Диоген (1067—1071 гг.) повёл многочисленное войско, составленное из регулярных территориальных сил и пополненное франкскими рыцарями, наёмными тюркскими конными лучниками и элитной дворцовой гвардией, на битву с поднимающейся силой Сельджукской тюркской империи. В сражении, известном как битва при Манцикерте (ныне Малазгирт), хотя проходило оно на более широком пространстве к западу от озера Ван в нынешней восточной Турции, рыцари пустились в бегство, некоторые наёмники перешли на сторону врага, а сам Роман IV Диоген был взят в плен, когда войска под командованием Андроника Дуки, притязавшего на императорский трон, покинули его на поле боя³². Хотя эта битва сама по себе традиционно считалась решающей, она не стала катастрофическим разгромом. Большая часть византийского войска сражалась вполне храбро до пленения императора, а затем отступила в стройном порядке, чтобы на следующий день возобновить битву.

Сельджукский султан Мухаммад ибн Дауд Чагри, лучше известный по прозвищу Алп Арслан («Отважный лев»), обращался со своим пленником уважительно, потому что был человеком утончённым, а мягкие

³¹ На них распространялось монгольское правление; *Golden* 1982, начиная с р. 270.

³² *Haldon* 2001, pp. 112—127.

условия, которые он выставил, говорили о прежней мощи византийских войск, прежде разгромивших сельджуков в Киликии. Император и султан в течение некоторого времени вели переговоры, прямо до самой битвы, и они быстро пришли к соглашению, так что Роман IV Диоген отправился в Константинополь уже через неделю.

Катастрофа наступила впоследствии. Император был низложен и ослеплён, его сменил слабый Михаил VII Дука (1071—1078 гг.), чьи советники отказались признать мирный договор, но не мобилизовали армию на защиту границ, через которые тогда тысячами просачивались кочевники-туркоманы (туркмены) — тогда этим словом называли всех тюрков, обратившихся в ислам, хотя большинство из них составляли огузы³³.

Анатолия была ядром империи, и утрата любой её части в соответствующей мере снижала ресурсы державы, состоявшие в облагаемых налогом урожаях и в боеспособном мужском населении, пригодном к военной службе. — и вот большая часть из этого была утрачена в течение двадцати лет после битвы при Манцикерте, перейдя в руки огузских вождей и сельджукских беев, военачальников. Молва о поражении византийцев придавала смелости и другим врагам, главным образом норманнам, уже захватившим последние византийские анклавы в юго-восточной Италии к 1071 г., а также (в числе прочих) и сербам на Балканах, но империю опустошали прежде всего гражданские войны, продолжавшиеся и при следующем императоре, Никифоре III (1078—1081 гг.).

Однако воспоследовало впечатляющее восстановление империи при Алексее I Комнине (1081—1118 гг.), которое привело и к возвращению значительной части Анатолии. В течение десяти лет Алексей сражался с норманнами, с сельджукскими беями и с воинствующими еретиками-павликианами, при этом восстанавливая систему денежного обращения, сбора налогов, а также территориального управления оставшимися землями империи — Грецией с её островами, полосой побережья в западной Анатолии и южными Балканами. Все доходы и человеческие ресурсы империи должны были поступать с этой уменьшившейся территории, что и стало причиной вторжения печенегов в 1091 г., грозившего большей оставшейся части Византии и всему её будущему. Вот почему сокрушительное поражение, нанесённое печенегам при Левунии (Лебурне), было чревато стратегическими последствиями для возраста-

³³ Эпические огузские песни до сих пор известны среди турок в Турции и в Иране (там их принято называть «азери»).

ющего успеха Алексея I Комнина и империи — с того времени началось постепенное возвращение земель в Анатолии, чему немало способствовал Первый крестовый поход, несмотря на все его опасности и невзгоды. Описывая результаты этой битвы в своей «Алексиаде», Анна Комнина, высокообразованная дочь победителя, открывает свои чувства:

В тот день произошло нечто необычайное: погиб целый народ вместе с женщинами и детьми, народ, численность которого составляла не десять тысяч человек, а выражалась в огромных цифрах. Это было двадцать девятого апреля 846 г. [1091 г.], в третий день недели. По этому поводу византийцы стали распевать насмешливую песенку: «Из-за одного дня не пришлось скифам [печенегам] увидеть мая».

На закате, когда все скифы, включая женщин и детей, стали добычей меча и многие из них были взяты в плен, император приказал сыграть сигнал отхода и вернулся в свой лагерь³⁴.

Битва при Левунии (Лебурне) стала великой победой, но вместе с тем и страшной бойней (куманы отказались принять в ней участие); однако в степи ещё оставались печенеги, на которых куманы напали в 1094 г., после чего и сами вторглись в пределы империи, перейдя через Дунай, пока войска Иоанна II Комнина, сына Алексея I, не разбили их наголову при Берое, или Вери (ныне Стара Загора в Болгарии).

Динамика этногенеза действовала в обоих направлениях: успешные группировки племён привлекали к себе другие племена, а также одиночек, становясь при этом всё многочисленнее и могущественнее как деятельные нации или даже как державы-каганаты, тогда как незадачливые державы теряли одиночек, целые кланы и даже племена, переходившие к более удачливым соперникам. Одни печенеги из числа оставшихся в живых стали болгарами, другие — венграми, третьи — куманами.

«Архонту» [князю] Хроватии [Хорватии]. Когда авары стали совершать набеги на империю в начале седьмого века, кульминацией которых стала осада Константинополя в 626 г., в их рядах было немало славян (склабинов, склавенов, склавинов), которые либо сражались под их началом,

³⁴ Алексиада. VIII. 5. 204—205; рус. пер. Я. Н. Любарского, цит. по: *Комнина/Любарский*, с. 236; англ. пер.: Elizabeth A. Dawes (London, 1928), цит. по: <http://www.fordham.edu/halsall/basis/annacomnena-alexiad08.html>.

либо просто выступали как их союзники, рассчитывая на добычу; своим числом они усиливали боевое снаряжение и искусство аварских воинов. Согласно трактату «Об управлении империей» (*“De administrando imperio”*), император Ираклий впоследствии отделил этих славян, начиная с хорватов: «Поэтому, по повелению василевса Ираклия, эти хорваты, пойдя войною против аваров и прогнав их оттуда, по воле василевса Ираклия и поселились в сей стране [Далмации]»³⁵.

Когда попытка авар захватить Константинополь провалилась и они ушли на север, к Далмации и венгерской равнине, некоторые из этих славян отправились вместе с ними, постепенно разделившись на хорватов (*Hvrti*) и более многочисленных сербов (*Srbi*), причём в течение долгого времени это разделение было сугубо политическим, потому что говорили они на одном и том же языке (как и сегодня) и, как можно полагать, исповедовали одну и ту же языческую религию.

К середине девятого века хорваты были обращены в христианство и стали образовывать начатки государств как в приморской Далмации, естественной границей которой служили Динарские Альпы, так и на равнинах за ними, в части бывшей римской Паннонии.

Портовый город Ядера (Задар) даже после упразднения Равеннского экзархата лангобардами в 751 г. оставался центром византийской фемы (см. ниже) Далмация под управлением стратега, которому порой приходилось отражать нападения хорватского князя Трпимира в 845—864 гг.

Видимо, вскоре после этого возникла держава более основательная, потому что в 879 г. папа Иоанн VIII льстиво писал «герцогу хорватов» (*dux Chroatorum*) Бранимиру, сыну Трпимира, и путём интриг добился лояльности Хорватской Церкви Риму. В Сплите (по-латински Спалатум), бывшем, как и теперь, самым крупным городом Далмации, издавна был епископ, подчинявшийся патриарху Константинопольскому. К тому времени хорваты были, несомненно, православными, потому что использовали славянскую литургию святых Кирилла и Мефодия, записанную глаголицей, а не латинскую литургию.

Лишь значительно позже отдалённые последствия властных амбиций Иоанна VIII (о вероучительных разногласиях не было и речи) осуществились в смертельной ненависти, воцарившейся между ка-

³⁵ DAI, гл. 31; рус. пер. Г. Г. Литаврина, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp1.htm#31; англ. пер.: р. 149. Эта формулировка вызывает скептическое к себе отношение: см.: DAI, Комментарий, гл. 31/8—9, р. 124.

толиками-хорватами и православными-сербам, которых яростно подстрекали их высокопоставленные священнослужители в конце двадцатого века. К 925 г., в эпоху Константина VII, два хорватских государственных образования объединились под началом собственного короля (rex) Томислава I.

«Князю сервлов (сербов)». В трактате «Об управлении империей» (*“De administrando imperio”*) опять же заявляется о том, что император Ираклий участвовал в создании их государственности, пожаловав им «место для поселения в феме Фессалоника»³⁶ — что, видимо, было хорошим способом отделить их от авар.

Могущественное сербское государство возникло в двенадцатом веке при Стефане Немане (ум. ок. 1199 гг.), который был опасным врагом Византии до тех пор, пока его не взял в плен и не вынудил стать другом император Мануил I Комнин (1143—1180 гг.).

Но во время составления «Книги церемоний» существовали лишь маленькие княжества, управлявшиеся «жупанами» (отсюда слово «жупания» = «княжество», «округ»); самой крупной жупанией была Рашка (Раска). В трактате «Об управлении империей» (*“De administrando imperio”*) под заголовком «Рассказ о феме Далмация» некоторые из этих жупанатов, или княжеств, описаны вполне достаточно для того, чтобы определить их примерное местонахождение, по большей части вдоль Адриатического побережья, в нынешней Хорватии и в Герцеговине, входящей в состав современной Боснийской Федерации:

От Раусия [Рагуза, Дубровник] начинается архонтия захлумов. Она простирается до реки Оронтия, а у морского побережья граничит с паганами; на севере, со стороны гор, — с хорватами, а сверху — с Сербией³⁷.

Далее следуют отдельные упоминания жупанатов Канали (ныне Конавли), Тервунии (Требуния, ныне Требинье), Диоклеи (ныне Дукля) и совсем иного государственного образования: Моравии.

«Великая Моравия» появляется в трактате «Об управлении империей» (*“De administrando imperio”*); это подходящее название для обширной, но не вполне определённой территории, которая, возможно, вклю-

³⁶ DAI, гл. 32, р. 153. Но см. толкование в: DAI, Комментарий, р. 131.

³⁷ DAI, гл. 30; рус. пер. Г. Г. Литаврина, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp1.htm#31; англ. пер.: р. 145; DAI, Комментарий, 30/90—3, pp. 120—122.

чала в себя части нынешней Словакии, Австрии и Венгрии, а также Чешской республики (название нынешнего региона Моравия — лишь её отзвук, а не прямой наследник). Её первый князь, Моймир I (830—846 гг.), был соседом обширной Франции, созданной Карлом Великим, и вассалом его сына, императора Людовика Благочестивого (Louis le Pieux или Ludwig der Fromme, 814—840 гг.)³⁸. Когда Моймиру наследовал его сын Ростислав (846—870 гг.), новый моравский правитель попробовал избавиться от франкского влияния — конечно, потому, что империя Карла Великого распалась, и его соседом стало теперь Восточно-Франкское королевство Людвига II Немецкого. Проводя такую политику, Ростислав направил послов к византийскому императору Михаилу III (842—867 гг.) с просьбой предоставить епископа и наставников, которые могли бы принести Евангелие славянским народам на их родном языке, заменив франкских священников, проповедовавших по-латински и стяжавших христианские души не только для Бога, но и для папы в Риме, а также для Франции.

Михаил III ответил незамедлительно, направив миссию, состоявшую из братьев, будущих святых Кирилла и Мефодия. Вместо того чтобы навязывать славянскому уху греческую литургию, как франки навязывали литургию латинскую, они создали блистательную старославянскую литургию на старомакедонском варианте славянского языка, записанную глаголицей — алфавитом, изобретённым Кириллом (кириллицы он не изобретал). Византийские миссионеры весьма преуспели в иных краях, но их зачаточная моравская православная Церковь вскоре прекратила своё существование. Людвиг II Немецкий, уже пытавшийся подчинить себе Ростислава в 855 г., стяжал большой успех в своей второй карательной экспедиции в 864 г., а спустя шесть лет Ростислав был беспощадно ослеплён (вскоре после этого он умер), и его место занял его племянник Свентоплук (Святополк, Сватоплук на современном чешском). Не случайно новый правитель предпочёл славянской литургии латиноязычное богослужение франкских священников и никак не воспрепятствовал тому, чтобы папские легаты изгнали моравских учеников св. Мефодия, подпадавших под юрисдикцию патриарха Константинопольского.

³⁸ См. реконструкцию в: Charles R. Bowlus. Franks, Moravians and Magyars: the struggle for the middle Danube, 788—907 (Франки, моравы и мадьяры: борьба за средний Дунай в 788—907 гг.; Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995).

Это определило религиозную судьбу большей части Центральной Европы, причём вплоть до нынешнего дня. При Сватоплуке (870—894 гг.) Великая Моравия включала в себя часть восточной Германии с многочисленным славянским населением (в округе Коттбус в земле Бранденбург до сих пор большинство составляют сорбы, т. е. лужицкие сербы), а также славянскую западную Польшу, равно как и Богемию, Моравию и Словакию, то есть все страны, в которых впечатляющая и мелодичная славянская литургия православной Церкви естественным образом воцарилась, если только не вытеснялась силой, как это случалось. Папы той эпохи, особенно Формоз (891—896 гг.), обладали исключительно богатым опытом ведения войны против Константинопольского патриарха. Их беспощадная энергия зачастую позволяла им преодолеть главное препятствие: отсутствие императора-защитника. Именно это устойчивое неравное положение придавало элемент горького негодования распрям между духовенством Рима и Константинополя в то время, когда ещё не существовало вероучительных разногласий, способных оправдать всю эту враждебность. Папа Формоз сам выступал в качестве легата к Борису I, или Богорису, правителю Болгарии (852—889 гг.), который в 867 г. просил папу Николая назначить Формоза архиепископом Болгарским; это была точно рассчитанная попытка вывести возникающую Болгарскую Церковь из юрисдикции патриарха и переподчинить её папе.

Четырьмя годами ранее, в 863 г., Борис стал первым правителем болгар, обратившимся в христианство. Король Ростислав хотел, чтобы христианство пришло к нему из отдалённого Константинополя, а не из чрезмерно могущественного Франкского королевства Людвига Немецкого, граничившего с его страной; вот и Борис предложил тому же Людовику послать к нему в Болгарию миссионеров, чтобы способствовать его обращению, но не стал приглашать клириков из близкого, но властолюбивого Константинополя.

И Ростислав, и Борис старались не усугублять невыгоды своего стратегического положения подчинением религиозным. Но ни тот, ни другой успеха не добился. Тот же Михаил III, который позаботился направить Кирилла и Мефодия, чтобы поддержать просьбу Ростислава о канонической независимости от франкской Церкви, послал войско в Болгарию, чтобы вынудить Бориса обратиться в христианство по православному обряду, что он должным образом исполнил вместе со всей семьёй и приближёнными в своей столице Плиске в 864 г., приняв имя своего крестного отца и таким образом став для истории Борисом-Ми-

хаилом, а в документах просто Михаилом — например, надпись на более поздней его печати такова: «Михаил монах, архонт болгар»³⁹.

Два обращения Бориса I были, конечно, политическими актами, причём одно из них ему навязали силой. Но он был, несомненно, привержен христианству: когда болгары всё ещё держались старой религии и даже взбунтовались против новой веры в 865 г., Борис ответил массовым насилием, убив 52 племенных вождей («бояр») вместе с их семьями. Далее, отрекшись от престола в 889 г., чтобы уйти в монастырь и стать монахом (явное доказательство его искренней религиозности), в 893 г. Борис вышел из кельи, чтобы с помощью войска низложить и ослепить собственного сына Владимира и отдать престол своему третьему сыну, Симеону I; согласно почти современной этим событиям хронике, происходящей предположительно из области Прум, Борис сверг и искалечил Владимира, потому что тот хотел восстановить старую религию. Но лишь Симеону удалось сочетать религию с независимостью, снискав признание Византией автокефальности Болгарской Церкви, патриарха которой он мог назначать так же, как византийский император назначал патриарха Константинопольского.

ФРАНКСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

Королю (рекс) Франции. Золотая булла [стоимость не указана].

В то время, когда «Книга церемоний» составлялась и подновлялась при Константине VII Порфирородном (913—959 гг.) и Никифоре II Фоке (963—969 гг.), наследие Карла Великого продолжало существовать, хотя и было разделено. Было Западнофранкское королевство, изначально отданное Карлу Смелому (840—887 гг.), которое уже сделало Париж своей столицей и стало известно как королевство Франция при династии Капетингов; и Восточнофранкское королевство, удел Людвига Немецкого (817—843 гг.), ставшее ядром империи Оттона I (936—973 гг.), короля Германии и Италии. Средняя часть Франкской державы, изначально унаследованная внуком Карла Великого Лотарем I (818—855 гг.), была

³⁹ DoB, Vol. I, pp. 310—311.

разделена между другими наследниками в 869 г. — потому-то ныне и не существует независимой Лотарингии между Францией и Германией, хотя жители приграничных земель обеих стран зачастую желали, чтобы она существовала.

ИНДИЯ

В «Книге церемоний» упоминается даже Индия:

Высочайшему государю (иперэхон кириос) Индии.

Константин и Роман, верные Христу Господу, великие самодержцы и императоры ромеев, такому-то [имя], Высочайшему государю Индии, нашему возлюбленному другу.

Импорт пряностей из Индии не имел никакого стратегического значения⁴⁰. Но вплоть до седьмого века существовали широкие возможности для союза, потому что персидская Сасанидская империя угрожала также и Гуптам, правителям Индии.

Поскольку общий враг Византии и Гуптов находился между ними, они могли бы с выгодой для себя согласовать свои военные операции. Горы Гиндукуш, стык западных отрогов Памира и Гималаев, представляли собою непреодолимое препятствие для путешествий в Индию по суше через Центральную Азию, но корабли уже давно ходили из византийского Египта в индийские порты, а это скорее всего означало, что об Индии было известно немало. «Индика» Ктесия Книдского (его расцвет пришёлся примерно на 400 г. до н.э.) была полна невероятных вымыслов, если судить по её краткому пересказу, дошедшему до нас, зато «Индика» Мегасфена (ок. 350 до н.э. — 290 до н.э.), который сам был послом Селевка I, преемника Александра Великого, к Чандрагупте, основателю империи Маурьев, содержит вполне достоверные сведения, включая описание кастовых различий.

⁴⁰ J. Innes Miller. The Spice Trade of the Roman Empire 29 BC to AD 641 (Торговля пряностями в Римской империи с 29 г. до Р.Х. до 641 г. по Р.Х.; Oxford: Clarendon Press, 1969). Заключительная дата — смерть Ираклия и падение Александрии.

Анонимный греческий текст второго века нашей эры, обычно известный под названием «Перипл Эритрейского моря» (*“Periplus maris Erythraei”*), содержит подробные сведения о торговле, а в составленной в шестом веке «Христианской топографии» Косьмы Индикоплова («Плававшего в Индию»), купца, торговавшего с дальними странами, а впоследствии ставшего монахом, описана, кроме всего прочего, и Тапробана (ныне Шри-Ланка). В сравнении с путешествием Зимарха к тюркскому кагану в Алтайские горы и обратно, занявшему три года, поездки послов в Индию и обратно морем могли быть не столь опасными, более удобными и значительно более быстрыми.

Но этот потенциальный союз так и не состоялся. Учитывая географические барьеры, не было никакой возможности объединить силы для совместных действий. Даже при наличии совсем иных средств транспортировки во время Второй мировой войны Германия и Япония не смогли развернуть соединённые силы, и дело ограничилось краткой встречей их подводных лодок близ Пенанга в Малайзии. Совместные наступательные действия были бы возможны, но нет никаких указаний на подобную инициативу. Ко времени составления «Книги церемоний» к определению «высочайший государь Индии» более всего подходил правитель династии Чавда с центром в Гуджарате; последний правитель из этой династии, Самантсинха Чавда, был свергнут в 942 г. его сыном Мулраджем, основателем собственной династии, носившей его имя.

КИТАЙ

О Китае византийцы немного знали от жителей тюркских держав, лежавших между двумя империями; им он был известен под названием Таугаст = тюркское Табгач, как именовали Китай в эпоху династии Вэй. Но по большей части Китай был известен как изначальный источник шёлка, необходимого для одеяний придворных и высокопоставленных служителей Церкви. Шёлк также был важен стратегически из-за частых войн за контроль над путевыми станциями на Великом шёлковом пути через Центральную Азию. Мы видели, как согдийцы из городов, лежавших на Великом шёлковом пути с той и другой стороны от Самарканда, приспособились к появлению Тюркского каганата, выступив

посредниками в заключении его союза с Византией. Кроме того, вплоть до эпохи Юстиниана византийцы были вынуждены импортировать шёлк через Сасанидскую Персию, принося ей немалые денежные доходы. Прокопий Кесарийский передаёт едва ли заслуживающий доверия рассказ о том, как «несколько монахов из Индии» предстали перед императором Юстинианом (527—565 гг.), объяснив, что шёлк производится в Сериндии, к северу от Индии, червями (в действительности гусеницами), которых кормили листьями тутовника, и предложили провезти их яички контрабандой; ими двигало желание лишить Сасанидов изрядных доходов, получаемых благодаря торговле шёлком⁴¹.

Точно известно, что производство шёлка действительно началось в империи при Юстиниане, но импорт не прекратился, поскольку состязаться с качеством и разнообразием китайского шёлка оказалось невозможно. Золотой солид Юстина II (565—578 гг.) был найден при раскопках могилы династии Суй в провинции Шаньси в 1953 г., а с возрождением китайской археологии, происшедшим после культурной революции, было найдено гораздо больше византийских монет⁴².

Китайцы и византийцы часто сталкивались с одними и теми же угрозами, потому что величайшие степные каганаты, будь то тюркские или монгольские, занимали всё пространство между ними — и в самом деле, о ранней истории тюрков мы знаем из китайских династических хроник⁴³. Но даже самая приблизительная стратегическая координация была невозможна из-за отсутствия логистики, так что дипломатия неизбежно сводилась к пустому обмену любезностями. Это не могло заинтересовать византийцев: их кажущаяся склонность к бессмысленным формальностям была обычно весьма целенаправленной и содержательной.

Кублай, или Хубилай-хан, внук Чингисхана, действительно отправил двоих посланцев-несториан, которых в конце концов принял Андроник II (1282—1328 гг.). Две из его единокровных сестёр, как мы видели, были замужем за праправнуками Чингисхана, так что Андроник II получил послание от своего свойственника в Пекине.

⁴¹ Война с готами, VIII. 17. 1—8. Англ. пер.: Dewing, Vol. V, pp. 227—231.

⁴² Lin Yin. Western Turks and Byzantine gold coins found in China (Западные тюрки и находки византийских золотых монет в Китае). *Transoxiana* 6 — июль 2003. http://www.transoxiana.org/0106/lin-ying_turks_solidus.html.

⁴³ Прежде всего это «Цзю Тан Шу», «Старая история династии Тан», приписываемая Лю Сюю, ок. 945 г.

Другое сообщение также было лишено стратегического содержания, хотя само по себе оно интересно: в 1372 г. Чжу Юаньчжан, основатель династии Мин, правивший под девизом Хун-у, послал известие о своём восшествии на трон императору Византии. Он не стал бы ему докучать, если бы знал, что владения Иоанна V Палеолога (1341—1376 гг.) к этому времени сводились к уменьшившемуся в размерах и обедневшему Константинополю с небольшими остатками земель на островах и полуостровах, а сам византийский император трижды подвергся унижению: он пережил заключение в долговой тюрьме в Венеции, когда пытался заручиться помощью Запада, а также узурпацию престола, совершённую его родным сыном, Андроником IV Палеологом, и вассальное подчинение османскому султану Мураду I, вернувшего ему титул «самодержца». В самом деле, близилось полное окончательное крушение империи, и оно было лишь отсрочено ещё на 80 лет до 1453 г. благодаря исключительной удаче, равно как и жалким остаткам дипломатического гения, а в самом конце — исключительному героизму.

Из текста извещения становится ясно, почему минский император Хун-у, бывший прежде голодным крестьянином, буддийским монахом и повстанцем Чжу Юаньчжаном, был вынужден распространить весть о своём восшествии на трон как можно шире. Он представляется первым китайским правителем Китая после монгольской династии Юань Хубилай-хана и стремится получить признание законности своей новой династии Мин, взывая к национальным чувствам, которые кажутся удивительно современными:

Поскольку [монгольская] династия Юань... возникла в пустыне [Гоби], чтобы вступить в [Китай] и править им более сотни лет, когда Небо, устав от их дурного управления и распутства, решило, что следует сменить их жребий на гибельный, <...> [Китай] пребывал в беспорядке в течение восемнадцати лет.

Но когда страна начала подниматься, Мы, как простой крестьянин из Хуай-ю, задались патриотическим намерением спасти народ. <...> Тогда Мы вели войны в течение четырнадцати лет... [Теперь] Мы принесли мир империи и восстановили старые границы [Китая].

...Мы послали своих чиновников во все чужеземные царства... кроме вашего, Фу-линь [Рим, Византия]: будучи отделены от нас Западным морем, вы до сих пор не получили этого извещения. Теперь мы посылаем уроженца вашей страны, Не-ку-луня (Nieh-ku-lun), чтобы вручить вам это

Извещение. Хотя мы не равны мудростью нашим древним правителям, чья добродетель признана во всём мире, Мы не можем не известить мир о Нашем намерении поддерживать мир в пределах четырёх морей. Только по этой причине Мы издали настоящее Извещение⁴⁴.

Возможно, посланником по имени Не-ку-лунь был францисканец Николай де Бентра (de Bentra), епископ Ханбалыка, как по-монгольски называлась резиденция кагана, то есть столица империи Юань, ныне известная как Бэйцзин, Северная столица, то есть Пекин.

⁴⁴ Из: *Friedrich Hirth. China and the Roman Orient: Researches into their Ancient and Mediaeval Relations as Represented in Old Chinese Records* (Китай и Римский Восток: исследования отношений между ними в древности и в Средние века по сведениям древних китайских хроник»; Shanghai & Hong Kong, 1885), pp. 65—67. Изд. J. S. Arkenberg; англ. пер. цит. по интернет-ресурсу: Paul Halsall's Internet East Asian History Source book, <http://www.fordham.edu/halsall/eastasia/1372mingmanf.html>.

ГЛАВА 8

БУЛГАРЫ И БОЛГАРЫ

Отношения Византии с кавказскими государствами были сложны и чреватые неопределённостью, но они не несли империи никакой «тбилисской угрозы». Это было верно и по отношению к мусульманам-арабам, после того как их вторая осада Константинополя потерпела неудачу в 718 г., несмотря на периодически возникавшие в дальнейшем опасные ситуации, как было в 824 г., когда воинственные мусульмане-арабы, бежавшие из омейядской Испании, захватили Крит. Правда, на границе продолжался хронический джихад, перемежавшийся пограничным мародёрством с обеих сторон, но угрозы самому выживанию империи уже не было. Что же касается вновь набиравшего силу Запада, то он мог угрожать лишь византийским владениям в Италии и Далмации, но должно было пройти примерно двести пятьдесят лет, прежде чем войска Запада смогли напасть на Константинополь, поскольку для этого требовался многочисленный флот, причём достаточно сильный для того, чтобы разгромить мощные византийские военно-морские силы.

Иначе обстояло дело с Болгарией. Она находилась не так уж далеко от Константинополя, на расстоянии, преодолимом для пешего похода; поэтому она представляла собою смертельную угрозу в том случае, если бы критическое положение на других фронтах, восстания или гражданская война ослабили городской гарнизон, как это могло

быть и бывало в действительности. Поэтому Болгария привлекала к себе самое пристальное внимание византийских императоров, причём во всех возможных обстоятельствах: любое болгарское государство к югу от Дуная, независимо от его силы или слабости, невзирая даже на его намерения, неизбежно представляло собою смертельную угрозу выживанию империи¹.

За Дунаем лежали бескрайние просторы евразийской степи, откуда в своё время хлынули гунны, подточившие силы Западной империи, затем авары, почти захватившие Константинополь в 626 г., а за ними и сами булгары, которых, пока существовала империя, сменяли печенеги, мадьяры, куманы и монголы Темучина.

Только граница по Дунаю, защищённая византийскими войсками, подкреплёнными византийским речным флотом, могла обеспечить должную охрану и послужить препятствием (зачастую оценивавшимся слишком высоко) для нашествий из степи. Болгары не могли этого сделать по определению: если они были достаточно сильны для того, чтобы самостоятельно защищать границу по Дунаю, они неизбежно стали бы угрозой и для Константинополя; если же они были слишком слабы, тогда не только они сами, но и Константинополь был бы в опасности. Только такая Болгария, которая была бы сильна и притом рабски покорна, могла стать желанным соседом Византии, но такое невероятное совпадение случалось лишь в переходные периоды, когда болгарское государство становилось, но ещё не стало слишком слабым для того, чтобы защищать Дунай, или же, напротив, становилось, но ещё не стало слишком сильным для того, чтобы угрожать Константинополю.

Великая ирония заключалась в том, что Болгария во многом была созданием самой Византии. Появившись к западу от Волги в седьмом веке как отдельные оногуро-булгарские племена (а также огуры, оногундуры — вунунтур на еврейском языке хазар), будущие болгары обрели общую, всё ещё вполне тюркскую самотождественность под господством авар, когда в наших источниках они появляются чаще всего как оногуры². При Ираклии (610—641 гг.) империя сильно нуждалась в союзниках, способных и желающих воевать с особо опасными авара-

¹ См. отличный обзор: *Stephenson 2000*, а также: *Florin Curta. Southeastern Europe in the Middle Ages 500—1250* (Юго-Восточная Европа в Средние века, 500—1250 гг.; Cambridge: Cambridge University Press, 2006), pp. 147—179.

² *Golden 1982*, начиная с p. 244.

ми, осаждавшими Константинополь во время страшного кризиса 626 г. В то время не было налицо ни одного народа, только что прибывшего из степей, который бы уже приближался к Дунаю и мог бы быть вовлечён в борьбу против авар. Поэтому византийцы отыскивали союзника гораздо дальше, в лице Куврата (Кубрата, Курта), верховного вождя оногур, основавшего степную державу, которую византийцы впоследствии называли Старой Великой Болгарией. В 619 г. Ираклий принял в Константинополе вождя оногур Органа (по-тюркски Орхан), окрестил его вместе с его свитой и отослал обратно с титулом патрикия — а также, несомненно, с дарами. Возможно, Орхан приходился Куврату дядей.

Около 635 г. Куврат сбросил аварское иго и отправил своих людей к самому Дунаю и на другой его берег, чтобы напасть на авар. Ираклий пожаловал ему титул патрикия — хотя бы этому есть надёжное археологическое подтверждение в виде трёх золотых колец с надписью «Хуврат патрикий», обнаруженных в 1912 г. вместе с двадцатью килограммами золотых и пятьюдесятью килограммами серебряных предметов искусной работы возле села Малое Перещепино в Полтавской области Украины — очевидно, это была могила Куврата³. Согласно «Хронике Иоанна, епископа Никиусского», источнику, почти современному этим событиям, но дошедшему до нас только в эфиопском переводе арабского перевода оригинального греческого текста, Куврат был племянником Орхана, в детстве был крещён и вырос при дворе вместе с Ираклием, своим другом на всю жизнь:

Кубрат, вождь гуннов [таково тогда было общее название для всех степных народов], племянник Орхана, который был крещён во граде Константинополе, принят в христианскую общину в детстве и вырос в императорском дворце... Между ним и старшим по возрасту Ираклием царили дружба и мир, а после смерти Ираклия он выказал привязанность к его сыновьям и к его жене Мартине из-за того добра, которое Ираклий проявлял по отношению к нему⁴.

³ В действительности это лишь одно из множества возможных прочтений данных монограмм, так что принадлежность Перещепинскогоклада остается в науке предметом дискуссии. — *Прим. ред.*

⁴ Глава СХХ, 47, 48. Англ. пер. цит. по: R. H. Charles. The Chronicle of John, Bishop of Nikiu: (Хроника Иоанна, епископа Никиу), переведено с эфиопского текста, изданного Цотенбергом, или Зотенбергом (Zotenberg, 1916 г.); в Сети: http://www.tertullian.org/fathers/index.htmNo.John_of_Nikiu.

Похоже, перед нами исходящее из «человеческих интересов» объяснение стратегического партнёрства, поскольку Ираклий, видимо, провёл юность в Карфагене, где его отец занимал должность экзарха Африки. Нападение Куврата было по крайней мере одной из причин ухода авар из Фракии, откуда они напрямую угрожали Константинополю. До своей смерти в 642 г. патрикий Куврат, очевидно, оставался верным союзником империи.

В то время Хазарский каганат расширился на запад, вытесняя оногур, или булгар, как их стали называть. Один из сыновей Куврата, Аспарух (Исперих), почитаемый ныне как основатель Болгарии, вынужденно пересёк Дунай около 679 г. и занял территорию Мёзии, нанеся поражение войскам Константина IV (668—685 гг.). Упоминание об этом событии содержится в сохранившемся тексте послания хазарского кагана, написанном по-еврейски, где сказано, что вунунтур (оногуры = булгары) бежали за Дуна (Дунай)⁵. Хотя для степи воины-кочевники Аспаруха были многочисленны, их самих, как и их семей, было относительно мало в сравнении с земледельческим славянским населением, жившим к югу от Дуная; поэтому тюркоязычные булгары были в языковом отношении ассимилированы славянским большинством, образовав средневековых и современных болгар. Этот особый этногенез происходил постепенно, в течение более чем двух веков: был тюркский хан Крум (803—814 гг.), хан Омуртаг (814—831 гг.); хан Пресян (836—852 гг.); затем хан, обратившийся в христианство и ставший Борисом I (852—889 гг.); затем был царь Симеон (893—923 гг.), царь Пётр I (927—970 гг.)... Но это преобразование тюрков-шаманистов в славян-христиан ничуть не убавило воинственности, свойственной этим новым соседям империи.

Поскольку даже воинственные соседи могут быть иногда полезны, отношения между империей и новым Булгарским каганатом претерпели все возможные изменения, от тесного союза до непримиримой войны, что хорошо видно на примере булгарского хана Тервеля (Тарвеля, Тербея в наших греческих источниках), преемника и, возможно, сына Аспаруха, правившего 21 год в период с 695 по 721 г. (существующие хронологии противоречивы).

Тервель впервые упоминается у Феофана: он согласился помочь свергнутому византийскому императору Юстиниану II Ринотмиту («С отрезанным носом») вернуть ему престол. Свергнутый в восстание

⁵ Golden 1982, p. 246.

в 695 г. и замещённый Леонтием, стратегом фемы (см. ниже) Эллады, Юстиниан II был сослан в Херсонес под Севастополем в Крыму (ныне Украина), то есть в самый отдалённый из византийских городов. Самого Леонтия сверг германец Апсимар, друнгарий приморской фемы Кивириотов, правивший под именем Тиверия III (698—705 гг.).

В 703 г. Юстиниан II бежал из Херсонеса, чтобы искать убежища у хазарского кагана; тот встретил изгнанника с царским гостеприимством и отдал ему в жёны свою сестру (принявшую крещение с именем Феодора). Но когда Тиверий III отправил послов к хазарам, требуя выдать Юстиниана II, тот бежал на запад и отправил послание Тервелю, владыке Булгарии,

с тем чтобы он дал ему помощь для овладения империей его предков, и обещал Тервелю множество даров и свою дочь [Анастасию] в жёны. Тот [Тервель] клятвенно пообещал во всём повиноваться и дать помощь, принял Юстиниана с почестями и двинул весь подвластный ему народ болгар и славин. Вооружившись, на следующий год [705 г.] они появляются у царственного града [Константинополя]⁶.

Не было ни приступа, ни осады: с немногими людьми Юстиниан II проник в город через один из акведуков, набрал сторонников и захватил власть (он был не просто искалеченным бывшим императором: ведь под его командованием состояло целое войско), в конце концов казнив Апсимара/Тиверия III вместе с низложенным Леонтием.

Юстиниан II должным образом отблагодарил Тервеля, «щедро одаривши Тервеля и подаривши ему царские утвари»⁷. По словам патриарха Никифора, этим дело отнюдь не ограничилось:

...он осыпал милостями болгарского вождя Тервеля, разбившего стан за Влахернской стеной, и наконец послал за ним, облачил его в императорскую мантию и провозгласил кесарем⁸.

⁶ Феофан, No. 374, AM 6196; рус. пер. И. С. Чичурова, цит. по: Феофан/Чичуров, с. 63; англ. пер.: р. 374.

⁷ Феофан, No. 375, AM 6198; рус. пер. В. И. Оболенского/ Ф. А. Терновского, цит. по: Феофан/Оболенский-Терновский; англ. пер.: р. 523.

⁸ Изд. Cyril Mango. Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History [Breviarium Historicum] (Никифор, патриарх Константинопольский. Краткая история; Washington

Титулом кесаря, вторым по значению, никогда прежде не награждали ни одного иноземного правителя. Возможно, Юстиниан II также уступил Тервелю некоторые территории в северо-восточной Фракии, но ничего не известно об Анастасии, обещанной ему в жёны.

Для международной политики три года — срок немалый: в 708 г., когда дружба забылась, а благодарность испарилась, Юстиниан II «нарушил мир между римлянами и болгарами, переведя конные фемы во Фракию, и, вооруживши флот, пошёл против болгар и Тервеля»⁹. Возможно, война шла именно за те территории, которые Юстиниан пообещал отдать, но не отдал. Неблагодарность была должным образом наказана: Тервель наголову разбил войска Юстиниана в битве при Анхиале (ныне Поморие в юго-восточной Болгарии). Так после тесного союза, скреплённого обещанием династического брака, опять началась беспощадная война. Тем не менее, согласно Никифору, всего три года спустя, в 711 г., Тервель отправил 3000 своих людей, чтобы помочь Юстиниану II подавить восстание в Малой Азии; этого оказалось недостаточно не то по замыслу хана, не то по иным причинам — ибо император был взят в плен и казнён¹⁰.

Проведав про беспорядки, в 712 г. Тервель совершил набег на Фракию, дойдя до окрестностей Константинополя:

...болгары... произвели великое кровопролитие, доходили до самого города, перехватывали переправлявшихся на другой берег [на азиатскую сторону], и знаменитые свадьбы и великолепные пиршества с разным серебром и прочею посудой, дошли до Золотых ворот и, пленивши всю Фракию, без всякой потери возвратились с бесчисленными стадами¹¹.

Но опять произошла перемена к противоположному: при Тервеле или при его преемнике болгары были могучими союзниками империи при отражении второй осады Константинополя арабами в 717—718 гг.

DC: Dumbarton Oaks, 1990). Здесь и далее: Nikephoros (Никифор), No. 2, pp. 103—105; Феофан, No. 376, AM 6200; англ. пер.: p. 525.

⁹ Феофан, No. 376, AM 6200; рус. пер. (с незначительными изменениями) В. И. Оболенского/Ф. А. Терновского, цит. по: Феофан/Оболенский-Терновский; англ. пер.: p. 525.

¹⁰ «Он снова попросил помощи у Тервеля, предводителя болгар, который отправил к нему три тысячи человек...»: Никифор, No. 45; англ. пер.: p. 111.

¹¹ Феофан, No. 382, AM 6204; рус. пер. В. И. Оболенского/Ф. А. Терновского, цит. по: Феофан/Оболенский-Терновский; англ. пер.: p. 532.

Маслама ибн Абд-ал-Малик, брат омейядского халифа Сулеймана ибн Абд-ал-Малика (ок. 674—717 гг.) и энтузиаст джихада, переправил множество своих людей через Босфор, на европейскую сторону, чтобы осадить Феодосиеву стену, тогда как арабские корабли блокировали Константинополь и пытались атаковать приморские стены. Вот когда, по Феофану, «воздвигли против них [арабов] войну и болгары и, как говорят люди верно знающие, побили из них двадцать две тысячи»¹². При императоре-воителе Льве III (717—741 гг.) византийские войска сопротивлялись нападению арабов на море и на суше, причём и за пределами Константинополя: сам омейядский халиф Сулейман ибн Абд-ал-Малик был убит на сирийской границе в 717 г. — предположительно он возглавлял диверсионную атаку.

Значение вклада болгар в разгром арабов выступает очень ясно в «Истории» Псевдо-Дионисия Телль-Махрского, написанной по-сирийски, то есть на позднем восточноарамейском, в пассаже, дошедшем до нас благодаря тому, что он был включён в анонимную сирийскую «Хронику 1234 г.», которая сама сохранилась в единственной копии.

Первым следствием вмешательства болгар был ущерб, нанесённый личным военным силам Масламы (это была не обычная охрана):

Войско Масламы высадилось в месте, находившемся примерно шестью милями ниже Города [на побережье Мраморного моря], но сам Маслама со своей охраной из 4000 всадников высадился после отдыха на расстоянии примерно десяти миль от стана тех, кто ему предшествовал. Той ночью болгары, союзники ромеев, неожиданно напали на них и перебили большинство бывшего с ним войска. Маслама бежал, побывав на волосок от смерти¹³.

Высавившись на европейском берегу, чтобы подвергнуть Константинополь прямой атаке со стороны суши (что было жизненно важно для захвата города), арабы открыли собственный тыл, который они по-прежнему оставляли незащищённым, исходя из здоровой предпосылки: все византийские войска находятся в стенах города, а не блуждают бесцельно по окрестностям. Возможно, они ничего не знали о болгарях или же

¹² Феофан, No. 387, AM 6209; рус. пер. В. И. Оболенского/Ф. А. Терновского, цит. по: Феофан/Оболенский-Терновский; англ. пер.: p. 546.

¹³ Andrew Palmer. *The Seventh Century in the West-Syrian Chronicles* (Седьмой век в западносирийских хрониках; Liverpool: Liverpool University Press, 1993).

действовали, исходя из разумного предположения о том, что болгары либо постараются присоединиться к ним в нападении на город, либо хотя бы не сделают ничего, чтобы помочь византийцам защитить его, — надо принять во внимание, что они сами воевали против империи.

Но византийская дипломатия опять действовала (мы не знаем, как и когда именно), и Маслама испытал на себе последствия этой деятельности.

Было отправлено ещё одно войско в 20 000 человек под командованием Шара ибн Убайда, чтобы охранять от болгар подступы к лагерю (с суши), а подступы с моря — от ромейских кораблей. <...> однажды болгары собрались против Шара и его войска, вступили в битву с ним и убили множество из них, так что арабы стали бояться болгар больше, чем ромеев. Затем их припасы закончились, и весь бывший с ними скот пал из-за отсутствия корма¹⁴.

Сведения о целом ряде нападений болгар на арабов во Фракии, а также о византийской блокаде арабов-мусульман, разбивших стан на берегу Мраморного моря, сохранились в тексте, известном ныне как «Хроника 819 года». Её составитель вёл отсчёт времени по Селевкидской эре, от 312 г. до н.э., «от Александра Великого», и вот в записи под 1028 г. он отмечал:

Снова Сулейман [ибн Абд-ал-Малик] собрал свои войска... и отправил многочисленную армию во главе с Убайдой на Римскую империю. Они вторглись во Фракию... Убайда вторгся в страну Булгарию, но его армия была уничтожена булгарами... а тех, кто остался в живых, коварный царь римлян Лев [III] довёл до того, что они стали есть мясо и навоз своих коней¹⁵.

ВОЙНА 811 г., ФЕМЫ И ТАГМЫ

Благодарность не является в стратегии добродетелью. Раз болгары пришли слишком быстро для того, чтобы их заметили, дабы сразиться с арабами за империю, — значит, они могли так же быстро прийти, дабы сражаться против империи. Учитывая, что ни слабая, ни сильная Бол-

¹⁴ Syriac Chronicles (Сирийские хроники), текст 13, №№ 159—160, р. 216.

¹⁵ Syriac Chronicles (Сирийские хроники), текст 12, р. 80.

гария не была совместима с безопасностью Константинополя, её полное уничтожение было вполне рациональной целью византийской стратегии. Лишних сил для такого предприятия не было, пока арабы-мусульмане ежедневно вели джихад, то и дело нападая с большим размахом. Только к началу девятого века империя стала сильнее, а арабы-мусульмане — значительно слабее, что позволило действовать и на других фронтах. Следствием этого стало в 811 г. широкомасштабное наступление императора Никифора I (802—811 гг.) на проявляющую опасные тенденции к экспансии Болгарию хана Крума, которого греки иногда называли Круммом¹⁶.

Но соперники только недавно избавились от опасных врагов, отвлекавших их силы на других направлениях. Авары потерпели сокрушительное поражение от войск Карла Великого, что позволило Круму вторгнуться на их территорию в нынешней Хорватии и Венгрии, чтобы покончить с ними. И ещё ближе к описываемым событиям могущественный и прославленный халиф Харун-ар-Рашид умер в 809 г., что повлекло за собою борьбу за наследование, парализовавшую династию. Это позволило византийцам сосредоточить своё внимание на булгарах Крума, удвоивших свою территорию с 800 г. и углублявшихся во Фракию в сторону самого Константинополя. Никифору было стратегически крайне выгодно воспользоваться этой передышкой на восточном фронте, чтобы покончить с неминуемой угрозой на северном фронте.

Обычная византийская стратегия заключалась бы в том, чтобы подготовиться к войне, отыскав в евразийской степи союзников, желающих напасть на болгар с тыла, пока византийские войска будут наступать с фронта — и, по возможности, не слишком быстро, чтобы дать храбрым воинам-степнякам полнейшую возможность стяжать славу в битвах. К тому времени сильные печенеги, вытесняя мадьяр, двигались к западу от Волги, как некогда болгары. Хотя и те, и другие были ещё далеко, было бы вполне в традициях византийской дипломатии ускорить приход печенегов подарками и посулами, как болгар Куврата некогда соблазнили пойти на запад, чтобы воевать с аварами. Однако Никифор решил полностью положиться на собственную военную силу.

Лучший доступный нам источник сведений о происшедшем далее — это Феофан Исповедник, верный сын Церкви, ненавидевший Никифо-

¹⁶ О Круме см.: *Florin Curta. Southeastern Europe in the Middle Ages 500—1250* (Юго-Восточная Европа в Средние века, 500—1250 гг.; Cambridge: Cambridge University Press, 2006), p. 149—153.

ра, которого он обвинял во многообразных ересьях, слабо друг с другом согласующихся (манихейской и павликианской и иудействующей), в чёрном колдовстве с жертвоприношением быка в придачу, в гомосексуальном распутстве и в самом неслыханном грехе из всех: в повышении налогов, уплачиваемых духовенством: «...этот новый Ахав, ненасытнейший Фаларида и Мидаса, обратился с оружием против болгар [в 811 г.]... выступив из столицы, приказал Никите, патрицию и логофету геникона [главе налоговой службы], увеличить общественные налоги на церкви и монастыри...»¹⁷

Феофан был безнадёжно пристрастен, но последующие события доказывают, что в сущности его рассказ верен; кроме того, второй источник, анонимный фрагмент, опубликованный под заглавием «Византийская хроника 811 г.»¹⁸, подтверждает основные факты, о которых повествуется в этой мрачной истории.

Феофан начинает так:

Собравши войско не только из Фракии, но и из азиатских фем, а также бедных на собственном их иждивении, вооруженных пращами и палками, которые со всем войском проклинали его, он пошел в Болгарию.

Здесь мы встречаемся с сугубо военным установлением средневизантийского периода: с фемами (отсюда наше слово «тема»). Это были в одно и то же время и административные единицы, и территориальные воинские подразделения; их стратеги наделялись и широкими военными полномочиями.

Поскольку благодаря фемам было покончено со строгим разделением между полномочиями гражданских чиновников и военных офицеров, характерным для поздней римской системы, ключевое значение фемной реформы в империи не подлежит сомнению, хотя до сих пор это ещё является предметом оживлённых дискуссий¹⁹.

¹⁷ Феофан, № 490—492, АМ 6303; рус. пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского (с некоторыми изменениями), цит. по: Феофан/Оболенский-Терновский; англ. пер.: pp. 672—674.

¹⁸ Неизвестный автор (Scriptor incertus), фрагмент 1, изд. I. Dujcev, ТМ № 1 (1965), 205—254 на 210—216.

¹⁹ См.: De thematibus / introduzione, testo critico, commento (О фемах. Введение, критический текст, комментарий), cura di A[gostino] Pertusi (Città del Vaticano: Biblioteca

Фемы укомплектовывались «частично занятыми» крестьянами-солдатами, которых призывали при необходимости, а главной обязанностью стратигов был надзор за тренировкой и обучением этих резервистов.

Азиатские фемы, мобилизованные в 811 г., были предположительно следующие: Оптиматов, Опсикия и Вукеллариес; видимо, три фемы, державшие оборону от нападений арабов, то есть Армениака, Анатолика и морскую фему Кивирриотов, нельзя было лишать всех их мобильных сил. Однако вопреки этому в «Хронике» говорится, что Никифор взял с собой «...всех патрикиев, командующих (архонτες) и должностных лиц, все тагмы, а также сыновей архонтов, которым было пятнадцать лет или более, из которых он образовал свиту для своего сына и которых он назвал “достойными” (иканати)»²⁰ — неудачная попытка создать кадетский корпус. В конце, перечисляя потери, Феофан добавляет шесть патрикиев, включая Романа, стратига фемы Анатолика, стратига Фракии, откуда выступила экспедиция, «многих» протоспафариев и спафариев, офицеров среднего звена, командиров тагм и «бесчисленных» рядовых.

Из них самыми мобильными и предположительно самыми ценными были тагмы, укомплектованные воинами-профессионалами. Изначально они были учреждены Константином V в 743 г., чтобы подорвать силу очень обширной в то время фемы Опсикия, расположенной в соблазнительной близости от Константинополя, — её глава Артавазд (Артабаз), зять Константина, только что попытался захватить престол²¹.

Шесть тагм были сформированы из войск фемы Опсикия. В каждой тагме числилось 4000 человек (по крайней мере на бумаге), разделённых на две меры, или турмы, по 2000 человек; каждая из них, в свою очередь, делилась на друнги по 1000 человек, состоявших из пяти банд по 200 человек, то есть по две сотни.

apostolica vaticana, 1952); тот же *Agostino Pertusi*. La Formation de themes byzantins (Образование византийских фем), в: *Berichte zum XI Internationalen Byzantinisten-Kongress* (Сообщения к XII международному конгрессу византистов; München, 1958), I. 1—40; *DoB*, Vol. 3, pp. 2034—2035, приводит литературу по этому вопросу.

²⁰ Transl. Rev. (ноябрь 2004 г.); *Paul Stephenson*: <http://homepage.mac.com/paulstephenson/trans/scriptor1.html>.

²¹ *John F. Haldon*. Byzantine Praetorians: an administrative, institutional and social survey of the Opsikion and Tagmata, с. 580—900 (Византийские преторианцы: административный, институциональный и социальный обзор Опсикия и тагм, ок. 580—900 гг.; Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 1984), начиная с p. 209.

Из этих шести тагм по крайней мере две сопровождали императора в Болгарию, поскольку в список потерь вошли domestik (глава) экс-кувитов (буквально стражников «за пределами спальни») и друнгарий виглы, начальник дворцовой охраны (вигла — искажение латинского слова *vigilia*, «стража»).

В отсутствие союзников Никифор, очевидно, мобилизовал имперские войска в самом широком масштабе, чтобы разгромить Крума так, как могли сделать это римляне: за счёт превосходящей силы. Чтобы добавить живой массы к тренированным, вымуштрованным и организованным фемным силам, он также набрал неподготовленных ополченцев, сражавшихся за деньги («много бедняков»).

И масса делала своё дело. «Хроника» гласит:

когда... болгары узнали о численности приведённого им войска, они, поскольку явно не могли оказать сопротивления, бросили всё своё имущество и бежали в горы.

В образцовой сказке о падении злодея должны быть возможности его спасения, которые он презрел:

Устрашённый такой ратью... Крумм стал просить о мире. Однако император... отказался. Немало поблуждав по непроходимой стране [неверное понимание или истолкование военных манёвров], опрометчивый трус беззаботно вступил в Болгарию 20 июля. Через три дня после первых стычек император, казалось, добился успеха, но не приписал своей победы Богу²².

В «Хронике» прибавляются цифры, пусть даже слишком большие, учитывая сделанное ранее утверждение о том, что болгары бежали в горы:

[Никифор обнаружил] там войско отборных и вооружённых болгар, оставленных для охраны этого места, числом до 12 000; он вступил с ними в битву и перебил их всех. Затем схожим образом он встретился с ещё 50 000 и, схватившись с ними, уничтожил их всех.

²² Это должно относиться к столице Крума, Плиске, расположенной примерно в 200 милях от Константинополя, потому что к 26 июля Никифор уже и победил, и был разгромлен.

Дальнейшие события определённо указывают на то, что потери в рядах дворцовой гвардии и элитных сил Крума действительно были тяжкими.

Затем последовало разграбление дворца Крума, деревянного, но значительно более величественного, чем грубый зал вождя варваров; в «Хронике» Никифор изображён так: «Расхаживая по дворцовым дорожкам и разгуливая по террасам домов, он хвалился и восклицал: “Вот, Бог дал мне всё это!”» Кроме того, дворец был полон всякого добра и богатств, копившихся от прежних грабежей. Ничуть не желая хвалить Никифора за захват дворца и сокровищницы Крума, Феофан вместо этого подчёркивает его жадность: «Он наложил замки и печати на сокровищницу Крумма и охранял её так, как будто она принадлежит ему».

Напротив, «Хроника» изображает Никифора щедрым:

[он] взял большую добычу, которую приказал распределить в своей армии, как по войсковому реестру... Когда он открыл погреб с его [Крума] винами, он роздал их, так что каждый мог пить вволю.

За этим последовали грабёж и разрушение. «Хроника» гласит:

[Никифор] покинул дворец нечестивого Крума и, уходя оттуда, сжёг все здания и окружавшую их деревянную стену. Затем, не думая о быстром уходе, он прошёл по всей Болгарии... Войско... беспощадно грабило, сжигая поля с несобраным урожаем. Они подрезали поджилки коровам и вытягивали из них жилы, а животные громко мычали и судорожно сопротивлялись. Они закалывали овец и свиней и совершали недопустимые поступки [насильничали].

Феофан упоминает ещё одну упущенную возможность избежать катастрофы:

[Крум] ...был сильно унижен и заявил: «Итак, ты победил. Так что возьми всё, что пожелаешь, и уходи с миром». Но враг мира не одобрил мир; возмущённый этим, тот [Крум] отдал приказ перекрыть все входы в его страну и выходы из неё деревянными заграждениями.

Очевидно, Крум был в состоянии собрать болгарских воинов, бежавших в горы, а также других, находившихся ещё дальше. В «Хрони-

ке» Никифор переходит от «ибрис» («кощунственной дерзости») к «летаргии», уступая инициативу Круму:

Он провёл пятнадцать дней в полном небрежении своими делами, ум и разум оставили его, он уже не был самим собою и пребывал в полной растерянности. Охваченный оцепенением, вызванным тщетными притязаниями, он уже не выходил из шатра и никому не отдавал никаких распоряжений или приказов. <...> Поэтому болгары взяли всё в свои руки... Они наняли [оставшихся] авар и соседние славянские племена (склавинов).

Войска Крума, устремившиеся на византийцев, оставшихся без главнокомандующего и разбредавшихся по стране ради грабежей, использовали характерную и уникальную болгарскую технику: быструю сборку и установку палисадов из брёвен, связанных друг с другом верёвками, по всей ширине узких долин; так они воздвигали «страшный и непреодолимый забор», согласно «Хронике». Эти палисады не были укреплениями, способными выдержать осаду, но они могли защитить воинов, пускавших из-за них стрелы и метавших копья; при этом эффективность стрельбы византийцев практически сводилась на нет, а болгары могли стрелять через прорези-бойницы в палисадах: как прежние степные кочевники, они, должно быть, ещё сохранили и составной лук с обратным изгибом, и искусство пользоваться им. Подобные боевые заграждения эффективны как препятствия на пути врага настолько же, насколько их трудно обойти со стороны. Но, согласно «Хронике», болгары не дожидались, пока византийцы забредут в их ловушки-палисады на пути домой: они атаковали сами, достигая полной неожиданности, приводившей к паническому бегству, которое, в свою очередь, завершалось бойней:

Они напали на полусонных [византийских воинов], те вскакивали на ноги, спешно вооружались и присоединялись к битве. Но поскольку [войска] разбивали станы далеко друг от друга, они не могли сразу узнать, что случилось. Ибо они [болгары] напали только на императорский стан, который принялись крошить на куски. Сопротивлялись немногие, и никто — упорно; многие были убиты; остальные, видя это, пустились в бегство. В этом самом месте была река, очень заболоченная и труднопреодолимая. Не найдя сразу же брода, чтобы перейти реку... они кинулись в воду. Войдя в реку с лошадьми и не имея возможности выбраться оттуда, они вязли в

болоте; их затапывали те, кто бежал за ними. Одни валились на других, так что река была настолько забита людьми и лошадьми, что враги беспрепятственно пересекали её прямо по их спинам и преследовали остальных.

Согласно «Хронике», был всего один палисад, задержавший оставшихся в живых беглецов, и он был, скорее всего, не укомплектован людьми, то есть представлял собою просто боевое заграждение:

Те, кто думал, что им удалось избежать бойни на реке, наткнулись на забор, построенный булгарами; он был прочен, и преодолеть его было исключительно сложно. ...Они оставили своих лошадей и, вскарабкавшись на палисад, кинулись на другую его сторону. Но там, на другой стороне, был глубокий ров, поэтому те, кто бросался в него с высоты, ломали себе руки и ноги. Одни из них умерли сразу же, другим удалось преодолеть некоторое расстояние, но идти у них не было сил... В других местах эти палисады поджигали, и когда верёвки [скреплявшие брёвна друг с другом] лопались от огня, и палисад валился на ров, беглецы неожиданно проваливались и падали в огненный ров вместе с лошадьми...

В тот же день император Никифор был убит в ходе первой атаки, и никто не может сообщить о том, как именно он погиб. Тяжко пострадал и его сын Ставракий, получивший смертельную рану в позвоночник, от которой он и умер, правив ромеями два месяца.

Это был первый павший в бою римский император с того времени, когда готы убили Валента 9 августа 378 г. при Адрианополе, но катастрофа, происшедшая в июле 811 г., была даже опаснее, потому что не было «запасного» императора, готового взять контроль в свои руки, как сделал западный император Грациан в 378 г., пока он не назначил Феодосия августом на Востоке в январе 379 г. Кроме того, победители-булгары находились в двухстах милях от Константинополя в отличие от готов, которые были очень далеко от Рима, когда стяжали себе победу.

Когда Крум провозглашал варварские тосты и, как было принято, пил из черепа Никифора, обложенного серебром, казалось, что всё потеряно. Никифор собрал все мобильные силы, чтобы раздавить булгар, и теперь ничто уже не могло помешать им захватить Константинополь после сокрушительного поражения его войск.

Но в империи приключилось ещё много других бедствий. На востоке Аббасидский халифат, представлявший собою величайшую угрозу

при грозном Харуне ар-Рашиде вплоть до его смерти в 809 г., был парализован войной, которую его сын, Абу Джафар ал-Мамун ибн-Харун, вёл против другого его сына, правящего халифа Мухаммада ал-Амина ибн-Харуна, которого он обезглавил в 813 г. Поэтому полевые войска из фем Армениаков и Анатолика можно было призвать на помощь в защите от болгар. Поначалу повести их мог только смертельно раненный и непопулярный Ставракий, сын Никифора, спешно провозглашённый императором в Адрианополе 26 июля; но 2 октября 811 г. его заставили отречься в пользу его зятя, Михаила I Рангаве, главного придворного чиновника (куропалата), который удостоился похвалы Феофана за то, что отрёкся от Никифора и выказал православное благочестие, за подарок в 50 фунтов (литр) золота патриарху и в 25 литр — духовенству, а также за приказ казнить еретиков.

Михаил с готовностью выступил в поход, но неудачно, и 11 июля 813 г. он отрёкся в пользу коварного и опытного в битвах Льва V (813—820 гг.), прежнего стратига фемы Анатоликон, который позволил Михаилу и его семье жить мирно в чине монахов и монахинь, предварительно оскотив его сыновей. К тому времени, когда Крум попытался всерьёз напасть на Константинополь, там был боеспособный император, готовый защищать город.

Одна из причин столь долгого промедления Крума заключалась в том, что он потерял много или даже большинство войска, охранявшего его дворец, — возможно, единственных настоящих его воинов, в противоположность воинам-булгарам, которых можно было призвать на войну и которые сражались очень хорошо, но они не были «тщательно отобраны и вооружены», и командовать ими было нелегко.

Вторая причина заключается в том, что Крум не мог успешно напасть на Константинополь без флота, чтобы блокировать город с моря и в конце концов уморить его голодом, или без осадных машин и умения обращаться с ними, чтобы пробить брешь в стене Феодосия. Булгары были раньше конными воинами-степняками, которые научились также очень хорошо сражаться пешими и в горах, но корабли, морское и военно-морское дело оставались за пределами их кругозора.

Конечно, они нашли и наняли предателей-византийцев, чтобы изготовить необходимую осадную технику (Феофан упоминает обращённого в христианство араба, знатока осадного дела, которого, конечно же, возмущала жадность Никифора), но всё это заняло много времени, и необходимые машины не были построены и готовы вплоть до апреля

814 г., — слишком поздно для Крума, умершего 13 апреля и оставившего преемника-неудачника. К тому времени он выиграл ещё одно важное сражение при Версиникии 22 июня 813 г., прошёл по обширной византийской территории в нынешней Болгарии, а также по Фракии, завоевав её главный город, Адрианополь, и множество других, более мелких населённых пунктов; но империя выжила, и ей суждено было однажды возвратить все утраченные ею территории.

Поражение 811 г. не было вызвано ни недостатком обучения или снаряжения, ни тактической беспомощностью, ни даже изъятиями на оперативном уровне. Это была страшная ошибка на уровне театра военных действий, вследствие которой византийские войска оказались в крайне невыгодном положении; исправить её можно было только благодаря своевременным и очень успешным действиям на оперативном уровне. Карл фон Клаузевиц в своём трактате «О войне» объясняет, почему защиту от серьёзного врага никогда не следует проводить в горах, если есть хоть какая-то возможность защищаться прямо перед ним или даже за его спиной, в случае необходимости позволив врагу занять некое пространство²³.

Правда, горная местность даёт много возможностей построить укрепления, весьма удобные для обороны, а в узких долинах можно устроить засады. И укрепления, и засады могут повысить тактическую силу оборонительных войск, позволяя горстке людей возобладать над множеством в одном месте. Но если войско таким образом раздроблено по горной местности на множество отдельных «гарнизонов» в укреплениях и осадных командах, тогда, даже если каждое из этих подразделений по отдельности очень сильно, вся оборона в целом обречена быть очень слабой, если учесть, что вражеские войска по-прежнему сосредоточены на двух или более векторах наступления. В таком случае немногочисленные защитники, удерживающие своё место, столкнутся с массовой атакой врагов, которые могут прорваться сквозь засады и обойти укрепления, чтобы двинуться вперёд прямо через горы; при этом большинству оборонительных войск остаётся только «куковать» в своих отдельных укреплениях и засадах, которые вовсе не подверглись атаке.

²³ Defensive Mountain Warfare (Оборонительная война в горах), в: *Carl von Clausewitz. On War* (О войне), изд. Michael Howard, Peter Paret (Princeton: Princeton University Press, 1976), начиная с p. 417.

Когда полевая армия Никифора, не встретив сопротивления, продвинулась до самой столицы Крума, до города Плиска, войска болгар оказались беспомощно разбросаны по горам и долам. В своей тактически сильной, но стратегически бесполезной позиции они не могли ни сопротивляться продвижению византийцев, ни защитить грубо выстроенный дворец Крума. Но при этом их продвижение не беспокоило византийцев, и поэтому они могли вступить в дело, когда Крум призвал их в контрнаступление на врагов, которые теперь оказались вдали от дома, отрезанные булгарами. Этого не случилось бы, если бы Никифор прочёл своего Клаузевица и благодаря этому направил все свои усилия против войска Крума, а не против его дворца. Разгромив болгарское войско, Никифор мог бы завладеть и дворцом, и всем остальным, не опасаясь контрнаступления. Никифору, мобилизовавшему все тагмы, все фемные полевые войска и ополчение и возглавившему поход во Фракию, нужно было бы замедлить своё продвижение или даже совсем остановиться на достаточно долгий срок, чтобы дать Круму возможность собрать свои войска. Вследствие этого фронтальная битва на уничтожение была бы, несомненно, ожесточённой, с тяжёлыми потерями; но, учитывая численное превосходство византийцев (если не что-либо другое), последние могли одержать победу. Тогда Никифор мог бы приступить к реорганизации вновь отвоеванных земель в налогооблагаемые территории, будучи твёрдо уверен в том, что в тылу у болгар не осталось никакой сколько-нибудь значительной силы, способной напасть на него.

В качестве альтернативы: если бы Крум отказался от битвы, Никифор мог бы дойти до Плиски, чтобы захватить дворец (как он и сделал), но тогда ему следовало бы быстро отступить на территорию империи, пока болгары не соберутся с силами, чтобы отрезать византийское войско от его баз на родине. Кроме того, такое отступление нужно было проводить столь же тщательно, как и наступление, высылая вперёд разведчиков, расположив по флангам особые отряды, которые могли бы справиться с засадами, и сформировав отдельные боевые группы, готовые пробиться через болгарские палисады.

Единственная возможность оставаться в Плиске и на завоёванных землях, несмотря на то что большинство болгарских войск не было разбито, заключалась в том, чтобы всё время держать византийское войско сосредоточенным и в состоянии боевой готовности, дабы отразить любые атаки болгар. Но оккупационным войскам трудно под-

держивать боеготовность, и такое решение в любом случае было бы опасным стратегически, учитывая, что у империи были другие враги, кроме болгар, — начиная с арабов-мусульман, не говоря уже о возможной гражданской войне.

Поскольку в данном случае Никифор не исправил свою коренную ошибку на уровне театра военных действий, необученные «бедняки» со своими дубинами и пращами были на поле боя не хуже и не лучше любой, даже самой прославленной тагмы: и тех, и других болгары Крума отрезали на стратегическом уровне и обошли в маневрировании на уровне оперативном.

Новых попыток уничтожить Болгарию не предпринималось в течение двух следующих столетий. К тому времени тюркоязычные болгары ассимилировались и превратились в славяноязычных болгар-христиан, после того как хан Богорис, или Борис I, принял христианство в 865 г. (при крещении он принял имя Михаил: так звали его крёстного отца, императора Михаила III). Но даже христианство не изгладило первородного греха Болгарии: её близости к Феодосиевой стене.

Таков был стратегический контекст отношений Византии с булгарами и болгарями. Как мы увидим, был также контекст политический, который временами оказывался ещё более неблагоприятным — не вопреки, а как раз вследствие массового принятия болгарскими правителями византийской религии и культуры: ведь это означало, что они могли мечтать о том, чтобы стать императорами всех христиан; правда, сначала им нужно было стать императорами.

Что ж, этого они добились. В «Книге церемоний» налицо переход от обращения к «богоданному архонту [князю] Болгарии» к более позднему протоколу: «Константини Роман, благочестивые самодержцы, василевсы ромеев в Господе Христе, нашему желанному духовному сыну, господину [имя]... василевсу Болгарии».

Это повышение не было добровольным. В 913 г., после нескольких лет успешной военной экспансии, потомок тюркских болгарских ханов и христианин в первом поколении, Симеон I (893—927 гг.), до тех пор именовавшийся византийцами архонтом, или князем, был коронован в качестве василевса патриархом Николаем I Мистиком во Влахернском императорском дворце. Наш источник одиннадцатого века, Иоанн Скилица, сам занимавший очень высокую придворную должность куропалата, приводит вполне официальную версию этого события:

Симеон, правитель болгар, вторгся в пределы ромеев с огромным войском и, дойдя до столицы, устроил плетень от Влахерн до Золотых ворот [главный церемониальный въезд с Эгнатиевой дороги]. Он превознёсся в своих чаяниях, полагая, что теперь легко сможет взять [город]. Но, когда он понял, насколько прочны стены, сколь великое множество людей защищает их и сколь изобильно снабжены они камнемётными и стреломётными машинами, он оставил свои надежды и отступил, <...> с просьбой заключить мирный договор... Когда он [Феодор, магистр Симеона] явился и были проведены долгие переговоры, патриарх и прочие регенты, взяв с собою императора, пришли во Влахернский дворец.

• Когда [болгарам] отдали подобающих заложников, Симеона ввели во дворец, где он трапезничал с императором. Затем Симеон склонил главу пред патриархом, который прочитал над ним молитву и, как говорят, возложил на голову варвара собственный эфирриптарий [монашеский головной убор] вместо венца. После трапезы, хотя мирный договор не был заключён, Симеон и его дети возвратились в свою страну, награждённые множеством даров²⁴.

Но дело обстояло совсем не так. Симеона не обвели вокруг пальца с помощью эфирриптария, а должным образом венчали на царство как василевса. Патриарх к тому времени выступал «остаточным легатарием» императорской власти в качестве регента, и только он один отвечал за дипломатические отношения с Симеоном, который отказывался иметь дело с императором Романом I Лакапином (919—944 гг.). Как подобает благочестивому архиерею, Николай I был прежде всего щедр, в том числе и материально: как-то раз в письме он предложил пожаловать «золото, дорогие одеяния или даже уступить часть территории, что может оказаться выгодным для болгар, не причинив непоправимого ущерба ромеям...»²⁵. Из дипломатической переписки Николая с Симеоном нам известна лишь та сторона, которую представлял Николай, но можно предположить, что Симеон не преминул обвинить патриарха в том, что тот служит интересам Византии, а не Бога, — ужасное обвинение!

²⁴ Скилица. Константин VII, No. 3, p. 110; ODB, s. v. Symeon of Bulgaria (Симеон Болгарский). Vol. 3, p. 1984.

²⁵ Письмо № 19: Николай I, патриарх Константинопольский. Письма; изд. и англ. пер.: R. J. H. Jenkins and L. G. Westerink (Washington: Dumbarton Oaks, 1973), p. 216.

Некогда уверенно утверждали, что для Симеона даже венец и титул составляли всего лишь половину дела, что его наивысшим притязанием была интронизация в качестве императора Византии, включая Болгарию²⁶. Сейчас это оспаривается. Но ясно одно: для империи было в высшей степени унижительно наградить кого бы то ни было титулом «василевс». Тогда было время раздоров и слабости: император Константин VII Багрянородный (912—959 гг.) был всего лишь восьмилетним ребёнком; его волевою мать, Зою Карбонопсину, изгнали из дворца; его дядя и соправитель Александр (912—913 гг.) умер в июне 913 г., когда Симеон подходил к городу; популярный претендент на престол, Константин Дука, также приближался к столице; в византийских анклавах в южной Италии вспыхнули беспорядки; вторжение арабов угрожало Анатолии. Эта комбинация угроз исключала возможность дополнительного укрепления столицы. Скилица упоминает полностью укомплектованный гарнизон, способный защитить стены, но не утверждает, что сил было достаточно для того, чтобы вытеснить Симеона из Фракии.

Некоторые современные историки, предпочитающие видеть в потрясении, испытанном византийцами вследствие уступки, совершённой в 913 г., всего лишь свойственную им озабоченность ничего не значащими титулами, ошибаются: с тех пор как появился ещё один василевс, также защищавший Православную Церковь, император в Константинополе уже не был единственным гарантом дальнейшего существования единственно истинной Церкви, предлагавшей единственный путь спасения всему человечеству. Утрата этой монополии, несомненно, подрывала власть византийского императора над его подданными-христианами и снижала его престиж среди христиан, живших в других странах, включая последователей папы Римского: ведь окончательный разрыв ещё не произошёл.

Подрыв религиозного авторитета Византии стал ещё более глубоким в 927 г., когда ради заключения мирного договора императору пришлось также признать Болгарскую Православную Церковь автокефальной, с собственным, канонически независимым патриархатом. Не было никаких идеологических возражений в адрес другого патри-

²⁶ *Paul Stephenson. Byzantium's Balkan Frontier: A political study of the northern Balkans 900—1204* (Византийская балканская граница: политическое исследование северных Балкан в 900—1204 гг.; Cambridge: Cambridge University Press, 2000), p. 18, не соглашается с этим.

архата как такового: в конце концов, автокефальные патриархи Александрийский, Антиохийский и Константинопольский существовали с давних пор, но все они были грекоязычными, все служили одну и ту же греческую литургию; возражение культурного и «профессионального» характера выдвигалось в адрес негреческого патриархата и такой Церкви, которая больше не предоставляла должностей грекоязычному духовенству.

Парадоксальным, но неизбежным образом (учитывая их миссионерское призвание) независимость Болгарской Церкви стала возможна благодаря византийским церковнослужителям. В 886 г. ученики братьев и будущих святых Кирилла и Мефодия прибыли в Болгарию, чтобы наставлять её стремившееся к возвышению духовенство. Эти грекоязычные миссионеры справились со своей задачей столь успешно, что к 893 г. у болгар были собственные священники и монахи, а потому можно было выдворить из Болгарии всё греческое духовенство. Несмотря на полное вероучительное единство обеих Церквей, их взаимная ненависть оказалась удивительно стойкой: спустя тысячу лет, в 1908—1909 гг., в Македонии много людей погибло в стычках за контроль над местными церквями, а эти стычки яростно подстрекали соответствующие болгарские, македонские и греческие священники.

Византийских императоров интересовало не то, в чьих руках находятся сельские храмы, а сохранение их легитимности. Если правитель Болгарии мог назначать своего патриарха, который, в свою очередь, мог помазать его на царство как василевса, то император в Константинополе уже не мог заявлять о том, что в ойкумене, в христианском мире, есть лишь один легитимный император.

В таком контексте называть Симеона «нашим возлюбленным духовным сыном» означало, в данном приветствии, вполне сознательное понижение его ранга, ибо прежде он признавался «нашим духовным братом» в письмах, отправленных Романом I Лакапином (920—944 гг.) и собранных протосинкритом Феодором Дафнопатом, ведавшим перепиской императора²⁷.

Чем низводить духовного брата до уровня подчинённого сына, лучше было разделаться с ним окончательно. Именно это и попыталась

²⁷ Письма 5, 6 и 7: *J. Darrouzes. Épistoliers byzantins du Xe siècle* (Византийские эпистолярии X века). *Archives de l'Orient Chrétien*, 6 (Paris: Institut Français d'Études Byzantines, 1960), p. 94.

сделать возвратившаяся императрица-мать и регент Зоя четырьмя годами позже, в 917 г., согласно Продолжателю Феофана:

Царица Зоя [регент при Константине VII Багрянородном, 912—959 гг.], видя, как вознесся [до звания императора] Симеон [Болгарский] и как теснит он христиан [включая ромеев], задумала вместе со своими вельможами думу: заключить договор и перемирие с агарянами [арабами], а всё восточное войско переправить, чтобы воевало и уничтожило Симеона. И вот послали в Сирию для заключения перемирия патрикия Иоанна Родина и Михаила Токсару. После этого тагмам роздали причитающееся им довольствие и вместе с фемами переправили во Фракию... все [военачальники] преклонили колена и, поклявшись умереть за общее дело, вместе со всем войском двинулись на болгар. <...> Двадцатого августа пятого индикта у реки Ахелой разразилась битва между ромеями и болгарами. По неисповедимому и непостижимому суду божью дрогнули ромеи всем войском, и начались бегство всеобщее и крик ужасающий; одних давили свои, других убивали враги, и случилось такое кровопролитие, какого не бывало от века²⁸.

Разрушения болгарского государства пришлось ждать до следующего столетия.

ВОЙНА НА РАЗРУШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА: ВАСИЛИЙ II, 1014—1018 гг.

Для византийцев было обычным делом нападать на болгар всякий раз, когда не приходилось вести активных кампаний против арабов. Иоанн I Цимисхий (969—976 гг.), который также разбил арабов-мусульман и киевского князя Святослава, славился своими успехами. Его победа была полной и привела к уничтожению болгарского государства в 971 г. Все болгарские территории были аннексированы, а автокефальный Болгарский патриархат — упразднён. Однако впоследствии не

²⁸ Продолжатель Феофана (изд. Bekker, pp. 388—90), № 10; рус. пер. Я. Н. Любарского, цит. по: <http://oldru.narod.ru/biblio/feofan6.htm>; англ. пер.: Paul Stephenson, <http://homepage.mac.com/paulstephenson/trans/theocont2.html>.

мирное подчинение, а почти немедленное восстание в нынешней Македонии, возглавленное Комитопулами, четырьмя сыновьями комита (местного военачальника; его звание соответствует нашему графу), младший из которых, Самуил, пережил своих братьев, в конце концов удержав за собою титул царя (василевса)²⁹.

Византийские войска не могли сосредоточиться на военных действиях против Комитопулов, потому что тогда было время острой внутренней распри. В 976 г., после смерти Иоанна I, Варда Склир, магнат, владевший обширными землями, и domestik схол Востока (командовавший восточными войсками), выдвинул свою кандидатуру на должность опекуна (а фактически управляющего делами) юного соправителя Василия II (976—1025 гг.), тогда восемнадцатилетнего, и Константина VIII (1025—1028 гг.), тогда шестнадцатилетнего. Получив отказ, он провозгласил себя императором, начав широкомасштабную войну, длившуюся до 978 г., когда он бежал к Аббасидам в Багдад, оставив у себя за спиной ослабленную, разделённую и деморализованную армию и империю. Только вмешательство Варды Фоки, другого состоятельного магната и боевого командира, позволило Василию и Константину удержать за собою престол.

Поэтому Самуил получил возможность распространить сферу контроля за свои македонские владения к востоку, на территорию нынешней Болгарии, обеспечивая войска средствами за счёт решительных набегов в северную Грецию и Фракию.

В 986 г., когда порядок в империи, как казалось, восстановился, а арабы-мусульмане всё ещё были поглощены борьбой между Фатимидами, которые были шиитами-исмаилитами, и суннитами, которых номинально возглавляли Аббасиды, Василий II, тогда уже вполне зрелый муж (ему было 28 лет), но ещё не выказавший себя как полководец, выступил в поход против Самуила. Он оттеснил болгар, дойдя до Сердики (ныне София), чтобы взять её осадой. Как мы увидим, к десятому веку техника подкопов под стены и контрподкопов стала преобладающей, хотя их наведение проходило неизбежно медленнее, чем применение передвижных башен и стенобитных таранов, которым отдавали предпочтение прежде. В данном случае Сердика выстояла, а

²⁹ *Paul Stephenson. The Legend of Basil the Bulgar-slayer (Легенда о Василии Болгаробойце, Cambridge: Cambridge University Press, 2003). Здесь и далее: Stephenson 2003, начиная с р. 12. В нижеследующем я полагаюсь на его мастерский новый анализ.*

Василий II не добился своего: то ли у него не хватило припасов, то ли потенциальная нестабильность дома призывала его безотлагательно возвратиться в Константинополь.

Василий наступал на Сердику по римской «императорской дороге», базилики одос, которая некогда шла от Константинополя в северо-восточную Италию и даже дальше, до самого Северного моря. Из Адрианополя (ныне Эдирне в европейской Турции) дорога шла через долину реки Марица между высоким и скалистым хребтом Гема, или Балканскими горами, давшими нынешнее название всему полуострову (они лежали к северу), и столь же скалистыми Родопами к югу; далее она проходила прямо через Сердику (Софию) к Сингидуну (ныне Белград) и далее к Аквилее, за границей Италии, к востоку от Венеции. Сняв осаду, Василий отступил тем же путём, которым пришёл.

Император, ведущий своё войско между двумя горными хребтами, представляет собою кого угодно, но только не существо, непредсказуемое в своих передвижениях — а люди Самуила, поднаторевшие в дальних набегах, были кем угодно, только не теми, кому не доставало быстроты передвижения. Они также владели особой техникой засад в горных проходах: умели быстро возводить засеки, или палисады, перед приближающимся врагом, чтобы оказать более успешное сопротивление попыткам прорыва и дать засадным войскам больше времени для атаки вниз по склонам на обездвиженного врага, находящегося внизу. Дальнейшие события показывают, что войска Самуила либо, прежде всего, находились не в Сердике — либо, если они всё же были там, то им каким-то образом удалось опередить отступающее византийское войско, хотя оно шло по большой дороге, так что перегонять его пришлось бы по прилегающим к ней склонам.

Итог стал для Василия двойной катастрофой. Его войска попали в засаду в узком проходе, известном как Траяновы ворота» (ныне Ихтиманский проход в горном массиве Средна Гора к юго-востоку от Софии), понеся очень тяжёлые потери. Сам Василий бесславно бежал с поля боя, спасшись сам, но опасно подорвав свой авторитет. Мы располагаем редчайшим свидетельством достойного доверия очевидца, Льва Диакона, который рассказывает о случившемся так:

...войско проходило по лесистому, изрытому пещерами ущелью; едва пройдя его, оно попало в изобилующее расселинами, трудно проходимое место; там на ромеев напали мисяне [= болгары], перебили большую

часть воинов, захватили шатер императора, казну и весь обоз. Был там и я, рассказывающий с горечью об этом; на беду мою я сопровождал правителя, неся службу дьякона. <...> Остатки войска с трудом нашли спасение в бегстве по [почти] непроходимым горам от преследовавших мисян и вернулись, потеряв почти всю конницу и обоз, в ромейские пределы³⁰.

Фана-Хусрау Адуд-ад Даула («Помощь державы»), перс, шиит-двенадцатиричник, эмир Багдада, номинально подчинявшийся аббасидскому халифу, отреагировал на поражение Василия освобождением Варды Склира, которого он и принимал в качестве гостя, и в то же время удерживал. Когда Варда Склир вступил в восточную Анатолию, чтобы снова заявить о своих притязаниях на империю, Василию, в свою очередь, пришлось призвать Варду Фоку, обладавшего большими связями, чтобы тот снова помог ему. Но на сей раз Варда Фока решил повернуть оружие против Василия и константинопольской бюрократической элиты, чтобы поделить империю с Вардой Склиром.

Последовали три года гражданской войны, и Василию удалось восстановить порядок лишь в 989 г. с помощью 6000 воинов, посланных к нему Киевской Русью. После этого, несмотря на упоминаемую в источниках операцию в Болгарии в 995 г., Самуил не мог быть первостепенной целью Василия, потому что ему опять нужно было восстанавливать имперский контроль и престиж на Востоке, которому грозил не только беспорядок, оставленный гражданской войной, но и — причём в куда большей степени — возвышение державы Фатимидов. Шииты-исмаилиты, «семиричники» (сабийя), Фатимиды расположили свою столицу в Египте и развернули решительную экспансию через Синайскую пустыню в Сирию. Задолго до этого отразив арабские набеги в Киликию и саму Анатолию, византийцы к тому времени распоряжались и христианскими, и мусульманскими владыками, а также бедуинскими племенами в Сирии и за ней, а их вассалы удерживали важные сирийские города: Антиохию и Алеппо.

³⁰ X. 8 (C. B. Hase, pp. 172—173). Рус. пер. М. М. Копыленко, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/ldt6_10.htm#03; изд., англ. пер., примеч.: *Alice-Mary Talbot and Denis F. Sullivan, George T. Dennis and Stamatina McGrath: The History of Leo the Deacon: Byzantine military expansion in the tenth century* («История» Льва Диякона: византийская военная экспансия в десятом веке; Washington DC: Dumbarton Oaks, 2005). Здесь и далее: *Leo the Deacon* (Лев Диякон), pp. 214—215.

Именно в эти годы Василий II начал проявлять себя как самый успешный император-воитель за всю историю Византии. Восстановление империи в восточной Анатолии и реорганизация восточных войск были несомненным успехом. В ответ на осаду Алеппо войском Фатимидов в 995 г. Василий прибыл и своевременно отбил осаждавших, а затем выступил к Триполи в нынешнем Ливане. Если не прямо тогда, то всего через несколько лет экспансионистский натиск Фатимидов был окончательно остановлен: в 1001 г. фатимидский халиф ал-Хаким уже вёл переговоры о десятилетнем перемирии, которое было возобновлено ещё на десять лет в 1011 г. и снова — в 1023 г.

Тем временем севернее Василий захватил значительные территории в нынешней южной Грузии, восточной Турции и западном Иране. Ранее армянского правителя Давида из Тао (Тарона, Тайка) не то убедили, не то вынудили завещать свои владения империи, и по смерти Давида в 1001 г. это завещание вступило в силу. Благодаря этому империя расширилась на восток дальше, чем когда бы то ни было, превзойдя все завоевания римлян, а впоследствии распространилась ещё и к северу, на Кавказ, завладев другими княжествами.

Тем временем после своей победы в 986 г. Самуил успешно расширил свои земли в западном направлении, к Адриатическому морю, в нынешнее Косово, и к югу, в Грецию. Он также подготовил плацдарм для притязаний на императорский титул, восстановив Болгарский патриархат в Охриде, на берегах знаменитого озера. Хотя византийские войска под командованием знаменитого военачальника и предположительного автора пособия по военному делу «Тактика», Никифора Урана, разбили болгарское войско в 996 г., сама эта победа показывает, насколько ухудшилось положение империи: эта битва происходила в глубине Греции, на реке Сперхий, возле города Ламия, гораздо ближе к Афинам, чем к Охриду, который можно считать чем-то вроде столицы Самуила.

Новой серьёзной попытки избавиться от Самуила Василий не предпринимал до 1001 г., когда было заключено прочное перемирие с Фатимидами. На сей раз Василий не пытался оттеснить болгар, как это часто делали раньше византийские войска с неудачными или пагубными результатами. Не пытался он и атаковать Самуила на его родных македонских землях в западной части его разросшейся Болгарии. Вместо этого Василий подготовился к этому самому решительному противостоянию, лишив Самуила самых плодородных и густонаселённых земель в изначальной и нынешней Болгарии: широкой речной до-

лины к югу от Дуная. Там болгарские ханы расположили свою первую ставку, а затем и столицу в Плиске, впоследствии перенеся её в Великий Преслав (оба города находятся в нынешней северо-западной Болгарии). Чтобы добраться до этих земель, войско Василия могло пойти вдоль Чёрного моря или поблизости от него, вдали от высоких гор Гема (Балкан) с их опасными проходами. Или, если ромеи всё же пересекли их (единственный источник, современный этим событиям, «Обзор истории» Иоанна Скилицы, в этом отношении неубедителен), тогда люди Василия, очевидно, освоили надлежащую тактику борьбы с засадами. Как мы увидим, пособия по военному делу, бывшие тогда в ходу, предлагали надёжные средства, основанные на двойном принципе: во-первых, проходы в низменностях и теснинах нужно прочёсывать с помощью патрулей, идущих впереди основных сил, расположенных ниже; во-вторых, особенно в горной местности, время и силы, потраченные на рекогносцировку, редко уходят впустую. Как бы то ни было, горький опыт 986 г. не повторился:

В 6508 году [поскольку сотворение мира состоялось в 5509 до н.э., то это 1001 г.], в тринадцатый индикт, <...> император отправил большое и сильное войско против болгарских кастра [укреплений] за хребтом Гема, под командованием патрикия [боевого командира] Феодорокана и [Никифора] Ксифия [протоспафария, военачальника]. Великий и Малый Преслав были взяты; также и Плиска; затем войско ромеев возвратилось с триумфом и без потерь³¹.

После этого систематическая кампания Василия, целью которой было уменьшение территории (и снижение престижа) Самуила, продолжалась год за годом, чтобы отрезать царя от политических и логистических баз его власти³². Начав со староболгарских земель, затем он стал направлять свои ежегодные вторжения и в Симеонову македонскую глубинку. Воины-болгары, несомненно, могли в той или иной степени прожить и вне обрабатываемой земли: ведь они не были византийской или даже современной армией, которая не может долго продержаться, если её отрезать от родных баз и их припасов.

³¹ Скилица. Василий [II] и Константин [VIII], гл. 26, р. 184.

³² Stephenson 2003 скептически относится к сведениям о ежегодных набегах и сомневается в том, что Василий II намеревался уничтожить Болгарию.

Но Самуил не мог или не стал снова отказываться от своей базы в Македонии, и тогда была подготовлена арена для большой битвы, которая оказалась решающей.

Она произошла 29 июля 1014 г. в проходе Клеидион, ведущем через гору Беласица между долинами рек Струма и Вардар, недалеко от того места, где сходятся нынешние границы Македонии, Греции и Болгарии.

Самуил полагался на свой обычный метод: на пути наступающего войска Василия он перегородил проход рвами и палисадами, чтобы подготовить место для очередной удачной крупномасштабной засады. Однако, повторив свой оперативный метод, он дал византийцам возможность изучить его, найти его уязвимые места и придумать собственный реляционный (relational) ответ. Метод Самуила требовал скопления его войск за преградами, чтобы сразиться с наступающими войсками Василия, а это означало, что люди Самуила тоже вынуждены были находиться в низменной местности, с обеих сторон которой возвышались крутые склоны.

Это и было тем уязвимым местом, по которому византийцы нанесли удар, поручив особым отрядам подняться на высоты и затем спуститься с них, чтобы напасть на болгар. Застигнутые врасплох и поражённые болгары уже не могли защищать палисады, чтобы сдержать основные силы Василия; не могли они и отступить под атакой обошедших их византийских отрядов. Следствием стала бойня, из-за которой (значительно позже, в изменившихся к худшему обстоятельствах XIII века) Василий удостоился прозвища Болгаробойца (Вулгароктонос)³³. Она стоила Самуилу войска, царства и жизни.

Рассказ Скилицы может быть отчасти литературной выдумкой, но он последователен и достаточно точен:

Император не медлил, но каждый год совершал поход в Болгарию, опустошал и разорял всё, что находилось перед ним. Самуил не мог ни оказать сопротивление в открытом поле, ни сражаться с императором в регулярной войне. Итак, терпя урон со всех сторон, он выбрался из своего горного [букв.: высокого] логова для того, чтобы укрепить вход в Болгарию рвами и изгородами. Зная, что император всегда производит свои вторжения через равнину, называемую Кампу Лунгу [Длинное поле], и проход, называемый Клеидион [Ключ], он принялся укреплять эту труднопроходимую

³³ Stephenson 2003, p. 13.

Карта № 5. Империя в 1025 г., к моменту смерти Василия II

местность, чтобы преградить путь императору. Построили стену через всю ширину прохода, и достойным защитникам [стены] было поручено дать отпор императору. <...>

Когда император отчаялся в захвате прохода, Никифор Ксифий, стратег Филиппополя [он был назначен на эту должность с 1001 г.], встретился с императором и убедил его оставаться на месте и продолжать приступ стены в то время, как он [Ксифий], согласно с обговоренным с императором планом, совершил отход со своими людьми и кружным путём к югу от прохода Клеидион, через пересечённую и бездорожную местность, перешёл очень высокую гору, известную как Беласица. 29 июля 12 индикта [1014 г.] Ксифий и его люди внезапно обрушились сзади на болгар, издавая боевые кличи. Приведённые в полное замешательство и панику атакой с тыла, болгары обратились в бегство. В это же время войска императора прорвались через оставленную [защитниками] стену. Многие болгары были убиты, но гораздо большее количество захвачено в плен. Самуил едва избег опасности с помощью своего сына, который доблестно сражался с атакующими, посадил его [отца] на лошадь и отвёл в крепость, известную как Прилеп. Император подверг ослеплению болгарских пленников [около 15 000 человек]. Он приказал, чтобы каждую группу из 100 [ослеплённых] вёл один одноглазый. <...> Самуил... не имел мужества перенести [это зрелище] храбро, но сам был поражён слепотой... и умер через два дня, 6 октября³⁴.

Эта знаменитая история о 15 000 ослеплённых пленниках, отосланных назад отрядами по сто человек, каждый из которых вёл одноглазый, похожа на сказку — и, возможно, это и есть сказка, хотя ослепление широко применялось в те времена как наказание более христианское, поскольку данную Богом жизнь отнимать нельзя. Однако надёжно установленный факт того, что сопротивление болгар продлилось ещё четыре года, до 1018 г., говорит против потери 15 000 бойцов: ведь это большое число, если учитывать численность населения. Но даже окончательная сдача оставшихся в живых болгарских предводителей не была безусловной: им пожаловали земли в восточной Болгарии³⁵. Воз-

³⁴ Скилица. Василий [II] и Константин [VIII], гл. 35; рус. пер. В. Демчука (с незначительными изменениями), цит. по: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Skyлиза/1014.phtml?id=1341>; англ. пер.: р. 187.

³⁵ Stephenson 2003, pp. 4–6. Он должным образом отмечает, что «Стратегикон» Кекавмена подтверждает тот рассказ, который он подвергает убедительной деконструк-

можно, лишь небольшое число пленных были ослеплены и доставлены в Прилеп, чтобы деморализовать Самуила.

Важнее то, что после битвы при Клеидионе византийское правление было восстановлено на пространстве от Адриатического моря до Дуная, впервые за три столетия. Реляционный (relational) манёвр на уровне театра военных действий — это высшее проявление военного искусства.

«ВИЗАНТИЙСКАЯ» ДИПЛОМАТИЯ В ВИЗАНТИИ

В 896 г. император Лев VI (889—912 гг.) отправил своего сановника Льва Хиросфакта посланником к Симеону Болгарскому (894—927 гг.), речь о котором пойдёт ниже, чтобы добиться освобождения пленных византийцев³⁶. В то время Болгария была сильнее Византийской империи на Балканах, и Симеон стремился к тому, чтобы его тоже признали императором в пределах общеправославной культурной и религиозной сферы³⁷. В этом духе он в шутку попросил Льва Хиросфакта предсказать, освободят ли пленных: ведь Лев VI попытался произвести впечатление на болгар, предсказав недавнее солнечное затмение.

В своём письме Лев отвечал на столь специфический вопрос, построив фразу со сложным порядком слов и совсем без пунктуации, так что её смысл оставался намеренно двояким — хотя при самом простом прочтении получалось: «Нет, их не освободят».

Симеон ответил сардонически: если бы Льву Хиросфакту удалось верно предсказать исход событий («Да, их освободят»), он освободил

ции; когда Кекавмен писал, были очень нужны воспоминания о великих победах. См.: Maria Dora Spadaro (изд., итал. пер., введ.). *Cecaumeno. Raccomandazioni e consigli di un galantuomo* (Кекавмен. Советы и рассказы придворного; Alessandria: Edizioni del Orso, 1998), начиная с р. 19.

³⁶ Нижеследующее полностью почерпнуто из: N. G. Wilson. *Scholars of Byzantium* (Византийские учёные), новое изд. (London: Duckworth, 1996), pp. 3—4. Текст основан на рукоп. Патмос 178.

³⁷ Paul Stephenson. *Byzantium's Balkan Frontier: A political study of the northern Balkans 900—1204* (Балканская граница Византии: политическое исследование северных Балкан в 900—1204 гг.); Cambridge UK: Cambridge University Press, 2000.

бы пленных; но поскольку Лев этого не сделал, он отказывается освободить их. В ответ Лев заявил, что в своём письме он предсказал исход верно, но секретарь Симеона по своей некомпетентности не смог правильно истолковать письмо, неверно расставив пунктуацию.

Симеон отвечал: «Я не давал тебе никакого обещания относительно этих пленных; я ничего не говорил тебе об этом; я не возвращу их тебе».

В своём ответе Лев сохранил слова Симеона, но исказил смысл фразы, иначе расставив пунктуацию: «Я не мог не дать тебе обещание относительно этих пленных» (Лев толкует двойное отрицание как утверждение); я действительно говорил с тобой об этом; как же я не возвращу их тебе?» И болгары в конце концов возвратили пленных.

Льву не удалось привести убедительный довод, и его эпистолярная попытка манипулировать с текстом письма так, чтобы вложить в слова Симеона тот смысл, которого там явно не было, была скорее ребяческой, нежели хитроумной. Но Симеон, очевидно, хотел поддерживать общение с Византией, и пленных освободили.

ГЛАВА 9

МУСУЛЬМАНЕ: АРАБЫ И ТЮРКИ

В «Книге церемоний» читаем:

Владыке [кириос] счастливой Аравии. Золотая булла. Константин и Роман, верные Христу Господу, великие самодержцы и императоры ромеев, такому-то [имя], правителю Аравии.

Но в десятом веке не было «владыки» Аравии в смысле старой римской провинции Аравия Петра, «Каменистая Аравия», в пределах нынешнего королевства Иордания. Созданное Гасанидами объединение принявших христианство племён арабов-бедуинов, достойно служившее империи, защищая пустынные подступы к Леванту как от обходных манёвров Сасанидов, так и от набегов бедуинов, было уничтожено мусульманским завоеванием. Кроме того, их правитель, подчинявшийся власти Византии, должен был носить титул филарха (племенного вождя) или, скорее, мегафиларха (верховного вождя), а не господина (кириос).

Не было и владыки Аравийского полуострова, хотя он и был объединён в седьмом веке под харизматическим лидерством Мухаммада и под эгидой воинственной новой религии, характеризовавшейся неподдельным иудейским монотеизмом, стремлением к искупительному миссионерскому завоеванию, узаконенным грабежом и гарантированным превосходством

над неверующими буквально во всём. Парадоксальным образом именно успешные завоевания мусульман по всем направлениям оставили саму Аравию без центра власти, тогда как Багдад, Алеппо и Фустат (ныне в Каире) в числе других городов стали центрами арабо-мусульманской власти.

Через год после смерти Мухаммада в 632 г., под руководством его прежних сотоварищей и талантливых преемников, назначивших самих себя, а именно Абу Бакра, Умара ибн ал-Хаттаба, Усмана ибн Аффана и их боевого командира, Халида ибн-ал-Валида, его последователи из числа арабов-мусульман начали совершать грабительские рейды в византийскую Сирию и в Сасанидскую Месопотамию, которые оказались настолько успешны, что прямо за ними последовали завоевательные и миссионерские экспедиции.

Джихад, священная война с неверными, не является основополагающим столпом (аркан) ислама¹. Одна из причин, по которой хариджиты оказались «маргиналами» как первые экстремисты в истории ислама, заключалась в том, что они как раз возводили войну с неверными в ранг основополагающего предписания, как это до сих пор делают сирийские алавиты и все современные сторонники джихада, которых ныне следует называть ультраэкстремистами, поскольку экстремизм Мухаммада ибн-Абда ал-Ваххаба, восходящий к XVIII веку и запрещающий всякие дружеские отношения с немусульманами, является государственной религией Саудовской Аравии.

Хотя джихад не является абсолютным обязательством, налагаемым на всех верующих, всё же он представляет собою религиозный долг, который все сколько-нибудь ортодоксальные мусульманские правоведы ставят непосредственно за арканом в силу распоряжений самого Аллаха в Коране, прежде всего в II. 193: «Сражайтесь с ними, пока не исчезнет неверие и не утвердится вера в Аллаха». Поэтому джихад — временное состояние, которое закончится, когда все люди станут мусульманами; до тех пор это обязанность всех мусульман в целом, хотя и не каждого мусульманина по отдельности, как хотелось бы думать экстремистам². В наши дни лю-

¹ Их всего пять: исповедание веры (шахада): «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Его»; пять ежедневных молитв (араб. салат, перс. намаз); благотворительность (закят); пост в течение всего дня в месяц рамадан (саум) и паломничество в Мекку (хаджж), которое примирило мекканцев с новой религией, продолжив доисламскую традицию паломничества к чёрному камню, Каабе.

² Из обширной литературы см. самые свежие работы: *Michael Bonner. Jihad in Islamic History: doctrines and practice* (Джихад в исламской истории: учение и практика; Princeton:

бят носиться с концепцией ал-джихад ал-акбар, «великая война» против собственных плотских желаний, в силу которой война против неверных понижается в ранге и становится ал-джихад ал-асгар, «малой войной». Но это гетеродоксальное толкование некоторых суфийских и либеральных теологов, которое по большей части оставляют без внимания мусульмане, принадлежащие к основным течениям ислама, включая большинство суфийских движений. Мягкие, гуманистические, терпимые к другим версии ислама преобладают в его преподавании в западных университетах, но они остаются неизвестны или по меньшей мере маргинальны среди самих мусульман, исключая такие меньшинства, как бекташи-алевиты в Турции и в странах, прежде принадлежавших Османской империи, гуманизм которых и восходит к древности, и притом аутентичен³.

Религия Мухаммада обещала победу, и арабы-мусульмане, неудержимо продвигаясь вперёд, увидели, как это обещание победоносно подтверждается, казалось бы, чудесным поражением обширных, древних дотоле непобедимых империй, Римейской и Сасанидской, которые делили друг с другом господство над всеми землями Ближнего Востока, достаточно плодородными для того, чтобы достойным образом управлять ими.

Эти две империи только что завершили самую долгую и разрушительную из всех своих войн — почти тридцать лет широкомасштабных вторжений с обеих сторон, разрушивших множество городов, расстроивших торговлю, опустошивших казнохранилища, истощивших людские ресурсы, погубивших пограничные силы и действующие войска, тогда как провинциальное население с обеих сторон агонизировало, оставшись без защиты от вражеских грабителей, а к тому же влача непосильное налоговое бремя — и прежде, и впоследствии. Несколько мирных лет могли бы восстановить мощь обеих держав и позволили бы достойно ответить на вызов, брошенный вторжением арабов, какой бы энтузиазм ими ни двигал. Однако обе державы подверглись их вторжению, и каждая из них потерпела катастрофическое поражение в битве⁴.

Princeton University Press, 2007), cp.: *Valeria F. Piacentini. Il Pensiero Militare nel Mondo Mussulmano* (Осмысление войны в мусульманском мире; Milano: FrancoAngeli, 1996), pp. 191–221, 290–301.

³ Алевиты ближе всего к бекташи, чем к кому-либо иному; их шиизм по большей части номинальный, тогда как характерные для них практики — самый настоящий шаманизм.

⁴ Таково классическое мнение. Сейчас чаще утверждают, что византийская держава была роковым образом подрвана внутренними раздорами; см.: *Kaegi* 1992, начиная с p. 47.

В 632 г., когда умер Мухаммад, ни один здравомыслящий человек не мог бы предвидеть, что Ромейская империя, владевшая Сирией, Египтом и всеми землями между ними, утратит всё это к 646 г. Впрочем, большая часть была утрачена ранее, после того как войско, посланное императором и прежде великим завоевателем, Ираклием, было полностью разгромлено в битве на реке Ярмук в августе 636 г.

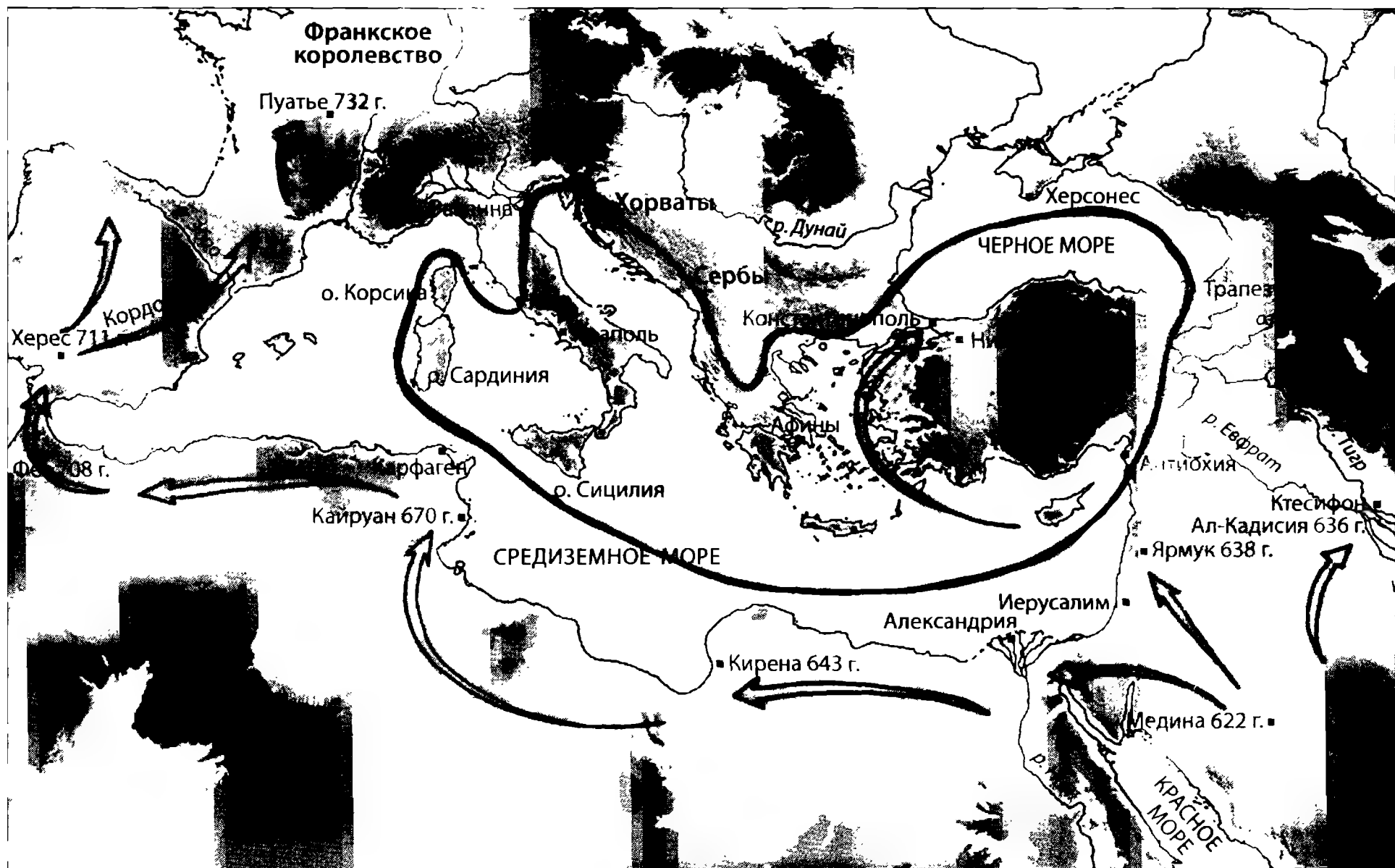
Какую бы веру ни исповедовали арабы, до сих пор они никогда не были грозными. Их новая идеологическая сплочённость заслужила, возможно, слишком высокую оценку, а их способность к мобилизации определённо была преувеличена⁵. Но сражения протекают как явления на тактическом и оперативном уровне, они обусловлены собственными обстоятельствами, каждая сторона может принимать решения и исполнять их более или менее успешно, и кажется, что византийские полководцы Вахан и Феодор Тритирий совершили явные тактические ошибки⁶. Однако в данном случае более общие факторы оказались важнее, чем тактика, потому что в том же году арабы-мусульмане напали также на Сасанидскую империю в Персии, власть которой совсем недавно распространялась от средиземноморского бассейна до долины Инда. Она тоже потерпела решающее поражение в 636 г. при ал-Кадисии в Месопотамии, потеряв своё казнохранилище и свою столицу, город Ктесифон. После заключительной попытки защитить внутренние земли Персии в битве при Нихаванде в 642 г., в которой войсками командовал сам шах Ездигерд III, сопротивление (а вместе с ним и Сасанидская империя) ослабло, что привело к концу державы в 651 г.

То, что сами арабские завоеватели-мусульмане скромно рассматривали как победу Бога, как наср-Аллах («помощь Аллаха»), можно в обратной перспективе признать даже чем-то более впечатляющим, политической победой над обеими империями, благодаря которой были завоёваны не только обширные земли, но и согласие их обитателей.

Стремительные наступления арабов так и остались бы всего лишь эфемерными набегами, которые были обречены на поражение сопротивлением местных народов, если бы захватчики при своём появлении не предложили два весьма значительных и непосредственно ощутимых преимущества.

⁵ *High Kennedy. The Armies of the Caliphs (Войска халифов; New York: Routledge, 2001),* начиная с р. 19.

⁶ *Kaegi 1992, p. 119.*

Карти № 6. Мусульманские нападения в 662—740 гг.

Первым из них было резкое снижение налогов, ставших пагубно обременительными. Второе было воистину парадоксальным: введя законы дискриминации по отношению ко всем немусульманам, арабы-мусульмане покончили с произвольными религиозными преследованиями, которым до последнего времени подвергалось большинство обитателей Сирии и Египта.

МУСУЛЬМАНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И СНИЖЕНИЕ НАЛОГОВ

Мусульманские налоги могли быть низкими, потому что стоимость мусульманского правления была поначалу очень низкой. В суровых условиях Мекки и Медины у завоевателей не было многочисленного штата имперского управления, состоявшего из бюрократов и придворных, и они не пытались срочно восстановить разбитые имперские армии, как делали в те годы и Сасаниды, и византийцы. Налоги, вводимые мусульманскими властями, были, с одной стороны, строго дискриминационными, поскольку большую их часть должны были выплачивать немусульмане, с другой же — они были милосердно ниже, чем соответствующие (надёжно документированные) византийские налоги⁷, а также известные нам сасанидские налоги.

Поскольку никому ещё не удалось доказать, что Ромейская империя «пала» из-за чрезмерно высокого налогообложения (хотя многие пытались сделать это), вывод таков: она была и до середины седьмого века оставалась иерархически устроенной системой, при которой сначала определялась полная сумма расходов империи на следующий год, затем рассчитывались требуемые поступления, провинция за провинцией, а далее общая сумма распределялась среди зарегистрированных налогоплательщиков в пределах каждой провинции, в основном из земельного налога согласно периодическим оценкам сельскохозяйственных поставок с каждого югера земли (*jugatio*) и наличных человеческих ресурсов (*capitatio*, подушная подать)⁸.

⁷ *Haldon* 1990, начиная с р. 173.

⁸ См. краткий обзор в: *A. H. Jones. The Later Roman Empire 284—602: a Social and Economic Survey* (Поздняя Римская империя 284—602 гг.: социально-экономический обзор; Oxford: Basil Blackwell, 1973). Vol. 1, начиная с р. 411.

Это была исключительно сложная и очень эффективная система сборов, представлявшая в действительности главное преимущество Римской и Византийской империй перед всеми современными им державами. Однако это означало, что налогоплательщик обязан был выплачивать заранее рассчитанную сумму, несмотря на хороший или плохой урожай, на засуху или наводнение, на разрушительные набеги чужеземцев и даже на прямые вторжения. Особо крупное бедствие, привлекая к себе всеобщее внимание, могло убедить имперские власти снизить налоговые обязательства пострадавшей провинции, но из-за обычных колебаний урожая или рыночных цен никаких уступок не делалось, поскольку концепция государственного займа и его продажи в форме процентных облигаций ещё не была изобретена.

Покупка оплачиваемых правительственных должностей, которая также выступала как обмен единократной выплаты капитала на поток поступлений, была функциональным эквивалентом публичной продажи облигаций, но она не могла практиковаться широко. Поэтому текущие расходы должны были покрываться текущими налогами по строгой системе уплаты налогов из текущих доходов; это было совсем не обременительно в хорошие годы, но тяжело в плохие, и иногда служило достаточной причиной для того, чтобы, бросив свою землю, бежать из дома при известии о приближении сборщиков налогов.

В сущности, византийская система сбора налогов просто была слишком эффективна. Императору Анастасию (491—518 гг.) довелось отражать чужеземные вторжения, прибегая к дорогостоящим военным операциям, что вылилось в четыре года ещё более дорогостоящей полномасштабной войны с неизменно агрессивной Сасанидской Персией, начиная с 506 г.; кроме того, он потратил огромные суммы на общественные постройки, среди прочего перестроив и укрепив Длинную стену и возведя город-крепость Дара (близ Огуза в нынешней Турции), которую он «окружил крепкой стеной, украсил различными зданиями, церквями и другими священными домами, царскими портиками, публичными банями...»⁹.

Не один Анастасий тратил много, но он также упразднил хрисаргир, или *collatio lustralis* («пятилетний взнос»), устанавливаемый

Евагрий Схоластик. Церковная история, III. 37; рус. пер. СПбДА под ред В. В. Серповой, цит. по: <http://miriobiblion.narod.ru/ev3.htm>; англ. пер.: Michael Whitby, *The Ecclesiastical History of Evagrius Scholasticus* («Церковная история» Евагрия Схолас-тика; Liverpool: University Press, 2000), p. 183.

«сверху» денежный налог на всё имущество (на здания, домашних животных, на орудия труда и на стоимость рабов), собиравшийся с ремесленников, купцов и профессионалов, исключая учителей, но включая проституток обоего пола. Поначалу он собирался раз в пять лет (*lustrum*: «пятилетка»), но ко времени Анастасия пятилетний срок превратился в четырёхлетний, хотя в любом случае ремесленникам и мелким купцам было тяжело справиться с единократными выплатами золотом (несмотря на греческое название этой подати, хрисаргир, то есть «злато-серебро», сборщики налогов принимали только золото). В тексте, известном под названием «Историческое повествование о бедствиях, постигших Эдессу, Амид и всю Месопотамию», или «Хроника Йешу Стилита (Столпника)», описывается восторг, охвативший при вести об отмене этого налога жителей города Эдесса, которые должны были выплачивать 140 фунтов золота, т. е. 10 800 солидов — явно непосильное бремя:

В этом году пришёл указ императора Анастасия, отменяющий денежные выплаты, которые торговцы должны были совершать каждые четыре года, и освобождающий их от этого налога. Указ этот пришёл не только в Эдессу, но и во все города, подвластные ромеям... Весь город радовался, и все они [жители] облачились в белые одежды; все, большие и маленькие, несли зажжённые свечи и кадила, полные горящего ладана, и шли вперед с псалмами и гимнами, благодаря Господа и хваля императора... они устроили радостный и весёлый праздник, продолжавшийся целую неделю... Все ремесленники радовались, совершая омовения и празднуя во дворе самой большой церкви и во всех портиках города¹⁰.

Хотя Анастасий потратил много и отказался от многих доходов (при этом, правда, увеличив эффективность и добросовестность сбора налогов), всё же после его смерти в казне осталось три тысячи двести кентенариев золота, то есть 320 000 римских фунтов¹¹; в пересчёте цена составляет примерно 903 доллара за унцию, то есть 31,1 грамма, так что изли-

¹⁰ 809 г. Селевкидской эры (497/498 н.э.). Англ. пер. Frank R. Trombley and John W. Watt. *The Chronicle of Pseudo-Joshua the Stylite* (Хроника Псевдо-Йешу Стилита); Liverpool: Liverpool University Press, 2000, No. 31, pp. 30–31.

¹¹ Прокопий. Тайная история, XIX. 7; англ. пер.: Dewing. Vol. VI, p. 229.

шек, оставленный Анастасием, составлял примерно 3 039 496 257 долларов: для наших дней не слишком много, но в те дни золото было гораздо дороже, например, в пересчёте на хлеб...

Но ко времени вторжений арабов уже не было бюджетных излишков, которые можно было бы скопить. За тридцать лет войны расходы сильно повысились, а поступления значительно сократились, вследствие чего казна опустела или была близка к этому. Скрытые резервы — например, золотые и серебряные церковные украшения, которые можно было конфисковать в случае кризиса, — также истощились.

Уже в 622 г. император Ираклий «взял также из Великой церкви [храма св. Софии] паникадила и другие церковные сосуды, перелил в крупные и мелкие деньги...»¹². Вследствие этого налоги пришлось собирать с Сирии и с Египта, как только они были отвоёваны после долгих лет сасанидской оккупации, — а ведь это были земли, которые сначала облагали налогами византийцы, затем в них вторглись Сасаниды, также собиравшие с них налоги, затем за них то и дело сражались, зачастую они подвергались грабежам, пока не были наконец отвоёваны и снова подверглись налогообложению. Империя собиралась с силами, и её подданные должны были поставлять необходимое золото или же пережить экспроприацию, а то и кое-что похуже. Это было уже слишком. Поэтому они радостно встретили арабов-мусульман, их дискриминационную систему налогообложения и всё остальное.

У нас меньше сведений о сасанидских налогах, но, несомненно, существовал земельный налог, таска на талмудическом арамейском, и подушная подать, карга. Таска была высокой (по крайней мере на здания) и неизменной. Один пассаж из трактата «Недарим» из Вавилонского Талмуда¹³ служит иллюстрацией первого из этих утверждений: обсуждаемая там сделка этически допустима, если арендатор снимает здание

¹² Феофан. No. 303, л. м. 6113; рус. пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, цит. по: Феофан/Оболенский-Терновский; англ. пер.: p. 435.

¹³ Folio 46b. Подтверждено Морисом Сартром (Sartre), D'Alexandre à Zénobie: Histoire du Levant antique, IVe siècle avant Jésus-Christ — IIIe siècle après Jésus-Christ (От Александра до Зенобии: история древнего Леванта, IV век до Р.Х. — III век по Р.Х.; Paris, Fayard, 2001). Возможно, я рискую ошибиться, придавая больше весу свидетельствам Талмуда, чем Ze'ev Rubin. The Reforms of Khusro Anushirvan (Реформы Хосрова Ануширвана), в: изд. Averil Cameron, The Byzantine and early Islamic Near East. Vol. 3 (Византия и раннеисламский Ближний Восток; Princeton: the Darwin press, 1995), начиная с p. 232.

у собственника в обмен на уплату таски, из чего явствует, что этот налог вполне мог покрывать все доходы от сдачи в аренду, получаемые от недвижимости.

Что же касается неизменности, то известен леденящий душу анекдот в лучшем из источников наших сведений о сасанидских налогах и о многом другом: в «Истории пророков и царей» («Тарих ал-русул ва-л-мулук») особо поучительного исламского историка Абу Джафара Мухаммада ибн Джарира ибн Язида ибн Катира ат-Табари (839—923 гг.), написавшего всеобщую историю исламских стран, полную точных сведений и вневременных прозрений. Разъясняя, каким образом была решительно реорганизована сасанидская фискальная система, ат-Табари переходит к кадастровой переписи сельскохозяйственной продукции и урожая — явно скопированного с византийского земельного налога на югер (*jugatio*¹⁴), — совершённую по приказу Кавада I, умершего в 531 г.:

...когда его сын Кисра [Хосров I Ануширван, для греков Хосрой] унаследовал власть, он приказал провести её [перепись]... и пересчитать финиковые пальмы, оливковые деревья и головы [рабочих, византийская подушная подать, *capitatio*]. Затем он велел своим секретарям подсчитать общую сумму всего этого и издал общие обращения к народу. Он приказал секретарю, отвечавшему за земельный налог, огласить им общий объём налоговых обязательств с земли и число финиковых пальм, оливковых деревьев и голов... после чего Кисра сказал им: «...Мы повелеваем, чтобы налоги выплачивались частичными платежами, распределёнными по году, тремя частичными платежами. Благодаря этому деньги будут скапливаться в нашем казнохранилище, так что, если возникнет какая-либо опасность на одной из наших уязвимых границ... или случится какая-то иная беда, и нам нужно будет... пресечь её в зародыше, для чего потребуются денежные затраты... то у нас будут накопленные там деньги, в готовности и под рукой, ибо мы не желаем проводить новую частичную выплату налогов по случаю этой опасности. Итак, что вы думаете о намеченном нами и согласованном мероприятии?..»

Разумеется, Хосров I гордился своим новшеством, которое в действительности было задумано его отцом и представляло собою копию римско-

¹⁴ Однако, по авторитетному мнению Рубина (Zeev Rubin), это спорный вопрос: там же, р. 231.

византийской системы земельного и подушного налогообложения (*jugatio-capitatio*). Но собрание хорошо знало привычки абсолютных монархов:

Никто из присутствующих... не проронил ни слова. Кисра повторил [свой вопрос] трижды. Тогда некто из числа присутствовавших поднялся и сказал: «О шах — да продлит Бог твою жизнь! Ты хочешь воздвигнуть присносущее здание этого земельного налога на преходящих основаниях: на виноградных лозах, которые могут погибнуть, на земле, засеянной зерном, которое может увянуть, на каналах, которые могут пересохнуть, и на источниках или каналах [*qanat*, подземные каналы], которые можно перекрыть?»

Этого говорить не следовало.

Кисра отвечал: «О смутьян, несущий дурное предзнаменование, откуда ты взялся?» Тот сказал: «Я один из твоих секретарей». Кисра приказал: «Бить его чернильницами, пока не сдохнет!» Тогда секретари стали бить его [тяжёлыми] чернильницами, стараясь в глазах Кисры отмежеваться от мнения этого человека и от его слов, пока не забили его насмерть».

Теперь всем стало ясно, чего от них ждали:

Люди сказали: «О шах, мы полностью согласны с земельным налогом, которым ты нас облагаешь!»¹⁵.

В конечном счёте все государства черпают материальное могущество из своей способности извлекать доходы из населения: будь то в силу обычного подчинения, будь то под страхом наказания. Система Хосрова была новой, поэтому её нельзя было поддержать обычным повиновением. Но он оказался удачлив в войне, так что его доходы от дани уменьшили его потребность во взимании налогов — которые также были снижены несколькими примечательными способами. Налогоплательщики могли просить административных судей вмешаться, если сборщики

¹⁵ Под заглавием: «Mention of the holders of power in the Kingdom of Persia after Ardashir b. Babak» («Упоминание властей предержащих в Персидской державе после Ардашира б. Бабака»), подзаголовок: «Возобновление истории Кисра Анушарвана», разд. 960—962; англ. пер. и комм: С. Е. Bosworth. The history of al-Tabari («История» ал-Табари; Albany: State University Press of New York, 1999). Vol. V, pp. 256—257.

налогов требовали суммы, превышающие те, что были указаны в оригинальном экземпляре оценки в канцелярии Хосрова, копия которого у них была. Ведь налогом облагались только обозначенные там виды сельскохозяйственной продукции: пшеница, ячмень, рис, виноград, клевер, финиковые пальмы и оливковые деревья — до минимального уровня, при котором, как предполагалось, у населения останется достаточно для того, чтобы жить за счёт домашних животных и овощей, которые налогом не облагались. Что же касается подушной подати (*capitatio*), то она не взималась с лиц младше двадцати лет и старше пятидесяти и при этом была прогрессивной, от 4 до 12 дирхемов (а дирхем — это драхма, то есть 3,4 грамма золота: меньше недельного заработка наёмного рабочего).

В действительности эта система была в принципе столь умеренна, что халиф-завоеватель Умар ибн ал-Хаттаб прибавил ещё налог на невозделанную землю, не встретив, по-видимому, никакого сопротивления: возможно, потому что он тоже не включил в число облагаемых налогом средства ежедневного пропитания людей. Но Хосрову II (591—628 гг.), правившему за поколение до арабского завоевания, нужно было гораздо больше доходов, чтобы оплачивать широкомасштабную войну. Только посредством террора можно было собрать всё необходимое с территорий, на которых становилось всё меньше жителей боеспособного возраста. То же самое происходило и с византийской стороны границы.

ХРИСТИАНЕ, ЕВРЕИ И МУСУЛЬМАНСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Ещё одним преимуществом мусульманского правления было то, что введённая им религиозная дискриминация была лучше византийских преследований. Язычников, отказавшихся принять ислам, полагалось убивать, но на прежних византийских и сасанидских землях их было мало, они уже давно находились вне закона и научились надёжно скрываться. В противоположность этому «людям книги» (*ахл ал-китаб*), под которыми в Коране имеются в виду христиане и иудеи (впоследствии к ним, единственно в силу необходимости, были прибавлены зороастрийцы, сикхи и индусы), было позволено жить спокойно в качестве безоружных «покровительствуемых» граждан второго сорта (*ахл ал-зимма*).

Освобождённые от военной обязанности, все зимми, то есть «покровительствуемые», должны были платить джизью, подушную подать, причём делать это им приходилось при унижительных условиях. Коран, представляющий собою, по мнению мусульман, слово Самого Бога, в этом отношении выражается ясно: «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и в последний день, не запрещает того, что запретил Аллах и Его посланник, и не подчиняется религии истинной — из тех, которым ниспослано писание, пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными»¹⁶. Процедуры могли быть разнообразными и исполняться не слишком старательно, но те, кто верит, что обращение в ислам есть единственный путь ко спасению, чувствуют своё полное моральное право измываться над зимми до тех пор, пока они не узрят свет. В последующие века выдающиеся правоведы предлагали различные процедуры в дополнение Суре 9.29; одной из излюбленных была такая: ухватить платящего налог неверного за бороду и бить его по обеим щекам¹⁷.

Поначалу мусульманские дискриминационные законы широко копировались с более ранних византийских законов против еретиков и иудеев. Лишь впоследствии, когда удача стала отворачиваться от арабов и мусульман, а власть и слава по необъяснимым причинам достались неверным, что разожгло кризис доверия к исламу, до сих пор приводящий в ярость его последователей, — лишь тогда юристы и местные власти стали состязаться в изобретении новых ограничений; на этом пути впереди всех оказались шииты как униженные и потому особенно любящие унижать, как это всегда происходит у людей (постпостмодернистский великий аятолла сейид Рухолла Мусави Хомейни возобновил ограничения «чистоты» против «нечистых» христиан, иудеев и зороастрийцев; в Исламской Республике Иран им запрещено прикасаться к еде или питью, предназначенным для мусульман.

Но непосредственно после завоеваний, когда мусульман-арабов было немного и они по большей части укрывались в своих гарнизонах, каждый мог в общем-то жить как ему вздумается. Кроме того, мусуль-

¹⁶ Сура 9. 29, Ат-Тауба (Покаяние); рус. пер. И. Ю. Крачковского; англ. пер. Abdullah Yusuf Ali.

¹⁷ «Неверный стоит... склонив голову и согнув спину. Неверный должен положить монеты на весы, а сборщик податей держит его за бороду и бьёт по обеим щекам» (ан-Навави); или: «Евреи и христиане... должны платить джизью... принося джизью, зимми должен склонить голову, а чиновник хватает его за бороду и бьёт его по выдающейся кости под ухом [по челюсти]... (ал-Газали); http://en.wikipedia.org/wiki/Dhimmi_Sect. 4.7.1/.

манская дискриминация обладала следующим громадным преимуществом: она не была дискриминационна. Со всеми категориями христиан и иудеев обращались одинаково — будь то хорошо или плохо. Это было весьма желательно для большинства населения византийских территорий, подпавших под мусульманское правление, начиная с большинства самих христиан: сирийских и египетских монофизитов.

Византийские власти строго преследовали их, чтобы убедить принять христологию Халкидонского Собора 451 г., которой и поныне придерживается большинство христианских деноминаций, согласно которой Божественная и человеческая природы сосуществуют в единой сущности Христа. Но большинство христиан — уроженцев Сирии и Египта были и остаются монофизитами, ибо таково учение их православных Церквей, Коптской и Сирийской; лишь грекоязычное меньшинство и элита были халкидонитами и потому не подвергались преследованиям со стороны византийских властей¹⁸.

Это была весьма опасная брешь в единстве империи. Монофизит — автор текста, известного под заглавием «Хроника Псевдо-Дионисия Телль-Махрского», перечисляет имена епископов, «выдворенных со своих кафедр» (всего 54 человека), и даже фигура куда более крупная, Севир, патриарх Антиохийский, также вынужден был оставить свой пост. Затем автор описал новоназначенного халкидонитского патриарха Антиохийского такими словами: «Павел иудей... Орудие гибели было избрано и прислано сюда — Павел, [также] прозываемый Евтихием, то есть иудей, если можно так сказать... именно он ввёл [учение] презренного Халкидонского Собора»¹⁹. Сильным «соблазном» стало и поведение халкидонитских и нехалкидонитских монахов, ранивших и убивавших друг друга в стычках за церкви и монастыри. Политически важнее были кровавые беспорядки, возникавшие всякий раз, когда византийские власти пытались конфисковать церкви или прочие патриаршьи учреждения, изгоняя или хватая прелатов-монофизитов, которых поддерживала большая часть населения именно в тех землях, в

¹⁸ Монофизиты презрительно называли их мелькитами, т. е. сторонниками малко, как сирийцы называли императора — прежде всего Маркиана (450—457 гг.), председательствовавшего на Соборе. Но в XVIII веке это оскорбление стало полноправным названием деноминации: Мелькитская Греко-Католическая Церковь из числа Халкидонских Церквей, сохраняющих византийское богослужение, но признающих первенство папы Римского.

¹⁹ Псевдо-Дионисий, Pseudo-Dionysius, pp. 19—21.

которых сасанидские войска, а затем и мусульмане-арабы вторгались в империю: от Антиохии в Сирии до Александрии в Египте.

Вероучительная ненависть была столь сильна, что своих врагов обе стороны определяли по-разному: для монофизитов это были халкидониты, а не арабы. «Анонимная сирийская хроника 1234 г.», написанная монофизитом, рассказывает о том, как Теодорих, брат императора Ираклия, проходил со своим войском через Сирию, чтобы сразиться с вторгшимися арабами-мусульманами:

Когда они достигли в области Эмеса селения Гусит, один муж, столпник-халкидонит, стоял на столпе. Теодорих приблизился к нему, начал с ним беседу, и после того как они много говорили друг с другом, сказал столпник Теодориху: «Не пообещаешь ли ты, если ты вернешься с войны с миром и с победой, что ты истребишь севириан [приверженцев изгнанного Севира Антиохийского, патриарха-монофизита] и поразишь их тяжкими наказаниями?» Патрикий же Теодорих ответил ему, говоря: «Помимо того, что тобою приказано, я положил себе гонениями и многочисленными бедствиями действовать против севириан»²⁰.

И далее автор с явным удовольствием рассказывает о том, как арабы-мусульмане разгромили византийцев.

Незадолго до своей смерти Ираклий (610—641 гг.) попытался объединить своих подданных, предложив новый христологический компромисс, — или, во всяком случае, позволил патриарху Сергию I сделать это в «Экфесисе» от 638 г. Там провозглашалось учение монофелитства («единой воли»), согласно которому во Христе две природы, Божественная и человеческая, но они пребывают в полном телеологическом единстве в пределах одной воли²¹. Это была улучшенная версия первой попытки императора, предложившего моноэнергизм, важное достоинство которого заключалось в том, что «единая энергия» Христа оставалась в нём без определения, дабы это устроило всех и каждого.

Поначалу с одобрением принятое на месте и даже в Риме, папой Гонорием I (625—638 гг.), монофелитство было отвергнуто его важнейшей

²⁰ Сирийская хроника, текст № 13; рус. пер. Н. В. Пигулевской, цит. по: http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Anonym_Syr/frameset2.htm; англ. пер.: №. 53, p. 148.

²¹ *Walter E. Kaegi. Heraclius emperor of Byzantium* (Ираклий, византийский император; Cambridge: Cambridge University press, 2003), pp. 269—271.

«целевой аудиторией», то есть самими монофизитами: их семитский монотеизм не смягчился греческими софизмами²². В то же время строгие халкидониты противились любому компромиссу; по их настоянию монофелитство было осуждено как еретическое учение на Шестом Вселенском Соборе в 680 г.

В любом случае к тому времени почти все монофизиты уже были под мусульманским управлением. Мы располагаем вполне современными тем событиям словами Иоанна, монофизитского епископа города Никиу в Египте; согласно Иоанну, мусульманское завоевание было божественным наказанием за гонения на его веру и облегчением для гонимых:

[византийские] ...воины и офицеры... оставили город Александрию. Поэтому Амр, вождь мусульман, без труда вступил в город Александрию. Жители приняли его с уважением: ведь они переживали великие бедствия и напасти.

Авва Вениамин, [монофизитский] патриарх египтян, возвратился в город Александрию на тринадцатый год после своего бегства от ромеев; он обошёл церкви и осмотрел их все. И все говорили: «Это изгнание ромеев и победа мусульман случились из-за порочности императора Ираклия и из-за его гонений на православных, проводившихся руками [халкидонитского] патриарха Кира. Это стало причиной гибели ромеев и подчинения Египта мусульманами²³.

Всё было проще для иудеев, которых оставалось ещё много на их родине, в Египте и в Месопотамии, где Вавилонский Талмуд составлялся из записей споров раввинов в школах городов Пумбедита (ал-Фаллуджа), Сура, Нисибин (Нусайбин в современной Турции) и Махоза — арамейское название Ктесифона, столицы Сасанидов, близ нынешнего Багдада.

Мухаммад обогатил своих последователей, разграбив иудейский оазис Хайбар близ Медины, изгнал исповедавшее иудаизм племя куз-

²² Ливанская Маронитская Церковь в течение долгого времени отличалась тем, что была единственной монофелитской Церковью — до тех пор пока присоединение на основе халкидонского вероисповедания к папству, которому покровительствовала Франция, не стало весьма полезно для нее с ростом французского влияния в XIX веке.

²³ Глава СХХ, разд. 72; и СХХI, разд. 1. R. H. Charles. The Chronicle of John, Bishop of Nikiu (Хроника Иоанна, епископа Никиуского), англ. пер. с эфиопского текста, изданного Зотенбергом (Zotenberg), 1916: http://www.tertullian.org/fathers/index.htmNo.John_of_Nikiu.

нецов бану Надир из Медины (в числе прочих притеснений), и Коран выражает его горькое сожаление, вызванное отказом иудеев принять исправления, внесённые им в их древнюю веру, хотя он и отдал им высшую дань уважения, включив много элементов иудаизма в свою новую религию²⁴.

Несмотря на это, иудеи всё же приветствовали арабское завоевание, как и монофизитское большинство среди христиан, и ровно по той же самой причине: при арабской дискриминации царило полное равенство, и иудеям были предоставлены те же самые ограниченные, но постоянные права, что и другим зимми, включая привилегированных ранее «царских христиан», то есть халкидонитов.

Это было значительное улучшение, потому что византийские императоры периодически издавали всё более и более притесняющие иудеев законы; здесь главным был Ираклий, который, похоже, приказал обращать их в христианство насильно, согласно современному этим событиям документу под названием «Учение новокрещёного Иакова»²⁵. Это могло быть отместкой за помощь, которую местные иудеи предположительно оказывали Сасанидской Персии при завоевании Иерусалима в 614 г., ставшим одним из крупнейших бедствий последней и самой разрушительной войны между двумя империями. Одно время сасанидская реставрация зороастризма повлекла за собою преследования иноверцев. Уже при предшественнике Хосрова II, шахе Ормизде IV (579—590 гг.), христианам и иудеям пришлось бежать — в рядах последних была даже целая талмудическая школа города Пумбедита, согласно иггерет пав Шрира Гаона — письму рабби Шрира, главы (гаона) Пумбедиты тремя веками позже²⁶.

Если только иерусалимские иудеи не были очень плохо осведомлены, маловероятно, что они пошли на крупный риск, чтоб помочь Хосрову II заменить византийскую нетерпимость — собственной. Но во времена поражения и деморализации легко верят во все гадости, приписываемые евреям, — и охотно их приукрашивают или, скорее,

²⁴ Мартин Лютер реагировал ещё более нетерпимо: он призывал сжигать иудеев, без объяснения причин отказывавшихся принять лютеранство.

²⁵ Folio 46b. Подтверждено Морисом Сартр *Doctrina Jacobi nuper baptizati* (Учение новокрещёного Иакова), изд. и англ. пер. V. Déroche TM, 11 (1991), pp. 70—218.

²⁶ S.v. Pumbedita; *Encyclopedia Judaica* (Энциклопедия иудаизма; Jerusalem: Keter, 1973). Vol. 13. p. 1383.

обезобразивают; в данном случае это относится к человеку, называющему себя очевидцем, к Антиоху Стратигу, монаху существующего по сей день монастыря Мар (святой) Саба (св. Саввы). От его текста остался лишь фрагмент, дошедший только в древнегрузинском переводе с греческого оригинала или, возможно, с арабского перевода греческого оригинала:

...недобрые иудеи, враги истины и ненавистники Христа, очень обрадовались [при падении города]... так как они ненавидели христиан... значение их у персов было велико за их предательство. <...> Как раньше они купили Христа от Иуды за серебро, так покупали они христиан из цистерны [где они томились в заключении], давали серебро персам, приобретали христианина и резали, точно овцу. Христиане же радовались, так как они закалывались за Христа... Когда народ был уведен в плен, иудеи остались в Иерусалиме и начали собственноручно разрушать святые церкви, оставшиеся неразрушенными, и сжигать их²⁷.

Иудеи, выкупающие христиан, чтобы убить их ради собственного удовольствия, — это напоминает вымысел злопыхателя; Антиох Стратиг был не первым и не последним церковнослужителем, излившим свою ненависть на иудеев, вызванную злобой на сам факт их существования, — хотя сама Церковь разрешала его, исключая одних лишь иудеев из перечня прочих нехристианских религий, объявленных вне закона. Задолго до 614 г. всех нехристиан в пределах империи либо заставили креститься под страхом смерти, либо просто перебили. Только иудеям было позволено жить как нехристиане, хотя эта жизнь не была ни хорошей, ни спокойной.

Поток новых законов, продолжавшийся в течение двух столетий, вызвал введение религиозных ограничений на прозелитизм и высказывания («насмешку»), а также поражение в гражданских правах, включая важнейший закон от 10 марта 418 г. (Кодекс Феодосия, XVI. 18. 24), запрещавший пользоваться услугами иудеев на имперской службе, —

²⁷ *Антиох Стратиг*. Пленение Иерусалима; рус. пер. Н. Я. Марра, цит. по: <http://vostlit.narod.ru/Texts/rus8/Stratig/text.htm>; англ. пер.: Frederick C. Conybeare. *Antiochus Strategos' Account of the Sack of Jerusalem (614)* (Рассказ Антиоха Стратига о разорении Иерусалима в 614 г.), *English Historical Review*, Vol. 25, № 99 (July 1910), pp. 502—517. В сети: Paul Halsall June 1997: <http://www.fordham.edu/halsall/source/strategos1.html>. В более широком контексте см.: Kaegi 1992, начиная с p. 220.

притеснение немалое, поскольку другого занятия, даже отдалённо сопоставимого с этим, не было:

Тем, кто живёт в иудейском предрассудке, доступ к государственной службе отныне должен быть закрыт. Посему принесшим присягу из числа чиновников [*agentes in rebus* = младшие администраторы] или придворных [*palatini*], мы предоставляем возможность продолжать её и довести до конца на законном жалованьи, скорее закрывая глаза на это, нежели это приветствуя; впредь же да не будет позволяться то, что здесь нам угодно было ввести как послабление для немногих. С тех же, кто, будучи побеждён извращённостью этого народа, всё же сумел поступить на военную службу, мы безоговорочно постановляем снять перевязь [*cingulum*, перевязь для меча, символ римского воина], и никакого заступничества ради своих прежних заслуг они не получают. Тем не менее мы не запрещаем образованным иудеям, обучившимся свободным искусствам, беспрепятственно оказывать услуги адвоката и позволяем им пользоваться почестями куриальных должностей [*curialia munera* = принудительные муниципальные должности], которые полагаются им по прерогативе рождения и из-за славы их семьи. Поскольку этого им должно быть достаточно, им не следует считать запрет на государственную службу знаком [бесчестья]²⁸.

Возможно, здесь заключается непреднамеренная ирония, поскольку никто не хотел исполнять дорогостоящую и лишённую вознаграждения должность декуриона. Тем не менее до шестого века иудеи ещё пользовались юридической защитой от насилия — включая погромы, к чему подстрекали священники, встревоженные умножением числа «небопоклонников» (*caelicolae*), которые следовали иудейским обрядам, формально не обращаясь в иудаизм. Закон от 6 августа 420 г., включённый в Кодекс Феодосия (XVI. 8. 21) и скопированный в Кодексе Юстиниана (I. 9. 14), предписывал:

Никого не следует унижать за то, что он иудей, если он невиновен, и ни одна религия не должна расправляться с ним как с доступным для оскорб-

²⁸ Кодекс Феодосия, XVI. 18. 24. Рус. пер. А. Н. Ковалёв с лат. оригинала: <http://www.thelatinlibrary.com/theodosius/theod16.shtml>; лат. текст и англ. пер.: Amnon Linder. *The Jews in Roman Imperial Legislation* (Иудеи в законодательстве Римской империи); Detroit: Wayne State University Press 1987; Linder, № 45, pp. 281—282.

лений. Их синагоги и жилища не следует сжигать без разбору или же причинять им ущерб по ошибке либо без причины.

Но иудеев предупреждают, что им следует хранить скромность:

Мы желаем обеспечить этим всех иудеев, но равным образом мы считаем нужным предупредить, чтобы иудеи не наглели и не заносились из-за своей безопасности и не совершали ничего необдуманного вопреки благочестию, свойственному христианскому богочитанию²⁹.

К тому времени юридический статус иудеев в Римской империи был средним: хуже, чем прежде, но лучше, чем он станет впоследствии. 31 января 438 г. Феодосий II и Валентиниан III опубликовали новый закон, спровоцированный, возможно, иерусалимскими монахами, в силу которого «иудеям, самаритянам, язычникам и еретикам» запрещалось занимать какие бы то ни было должности и посты, включая муниципальные, — кроме куриальных (*curiales*): занимающие их лица вынуждены были тратить собственные деньги на исполнение своих обязанностей. Закон также запрещал строительство новых синагог и постановлял, что всякого иудея, обратившего в иудаизм другого человека, следовало казнить, а его имущество — конфисковать. При Юстиниане одиннадцать новых важных законов, изданных с 527 по 553 г., добавили новые гражданские и юридические ограничения и постановили ввести более строгие наказания, в то же время предлагая стимул для обращения в христианство: любой крестившийся из группы наследников-иудеев должен был получить всё наследство целиком³⁰.

В общем, иудеям позволили жить, тогда как другие нехристиане, целые многочисленные группы населения, были уничтожены; но резонов хранить верность Византии у иудеев не было: когда мусульмане-арабы вторглись в Месопотамию ок. 634 г., рабби Исаак, глава (гаон) школы Пумбедита, радостно приветствовал завоевателя Али ибн Аби Талиба, мужа Фатимы, дочери Мухаммада, четвёртого исламского халифа.

²⁹ Кодекс Феодосия, XVI. 18. 24. Рус. пер. А. Н. Ковалёв с лат. оригинала: <http://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/liber16.htm8>; англ. пер.: там же, № 46, pp. 284—285.

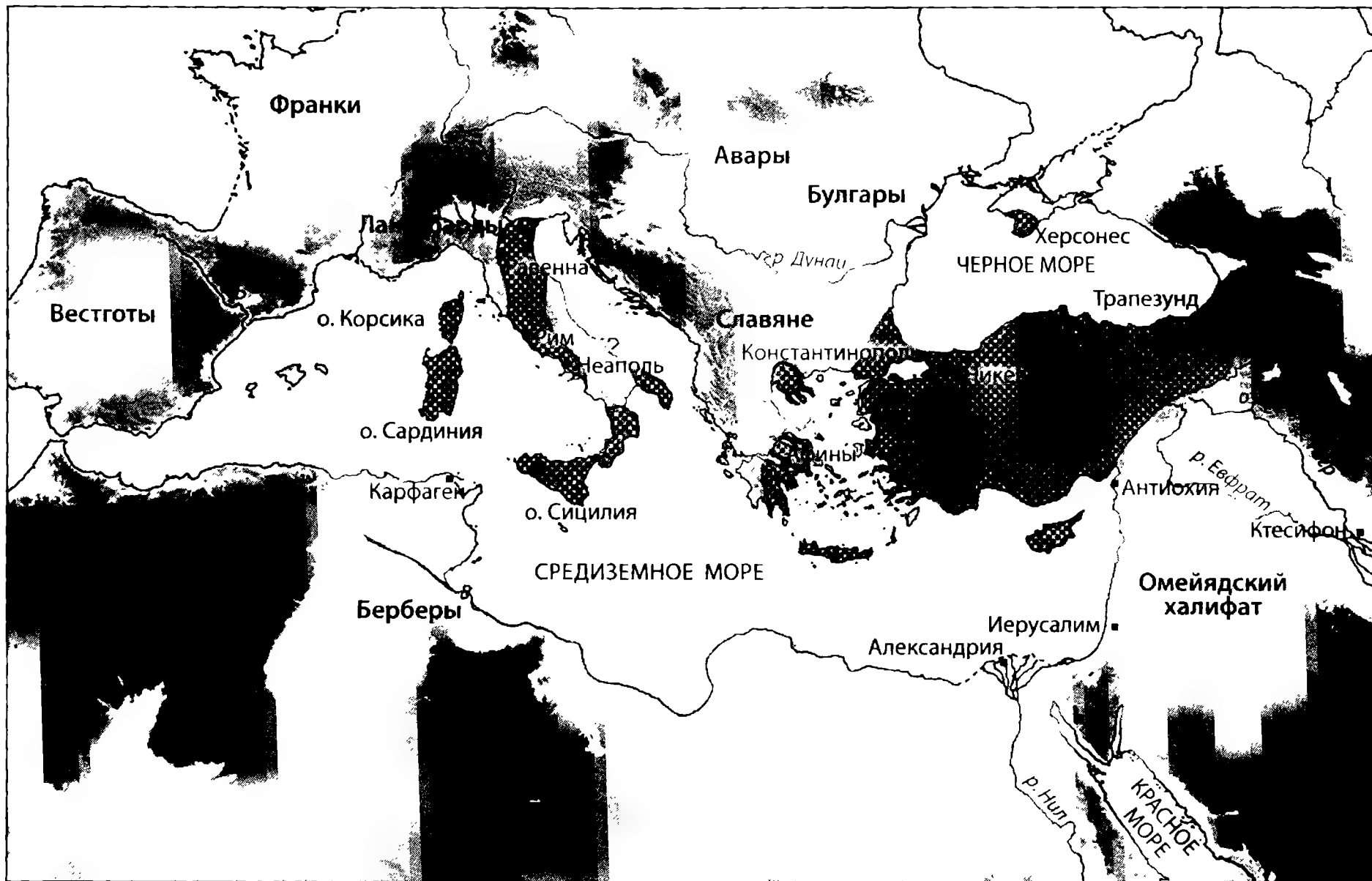
³⁰ Кодекс Юстиниана, I. 5. 13; англ. пер.: Linder № 56, начиная с p. 356.

ХАЛИФАТ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Не способные взять на себя пророческую роль Мухаммада, его преемники Абу Бакр, Умар ибн ал-Хаттаб и Усман ибн Аффан изобрели титул «халифа» (наместника) для мусульман, который не становился им по праву наследства, но избирался советом. Харизматическое лидерство Мухаммада уладило арабийские племена, но их верность ограничивалась только его особой, а не его религиозным движением, так что после его смерти снова воцарилась племенная раздробленность, естественным образом противостоящая любому централизованному правительству.

Первому халифу, Абу Бакру ас-Сиддику (632—634 гг.), пришлось в течение всего своего недолгого правления воевать, чтобы навязать своё правление. Со вторым, Умаром ибн ал-Хаттабом (634—644 гг.), боролись сторонники семьи Мухаммада, хотя убил его раб-перс по неизвестным нам причинам. Третий халиф, Усман ибн Аффан (644—656 гг.), в правление которого был составлен письменный текст Корана, столкнулся с восстаниями и мятежами и в конце концов был убит победившими повстанцами в своём доме в Медине. Четвёртый халиф, Али ибн Аби Талиб (656—661 гг.), зять Мухаммада, которого перехитрил Муавия ибн Аби Суфьян, военачальник в Сирии и основатель династии Омейядов, хотя убил самого Али экстремист из секты хариджитов (как и современные идеологи джихада, хариджиты требовали бесконечной войны против всех немусульман, осуждали всех несогласных с этим как отступников и противились всем владыкам).

Современные мусульмане, впадающие в лирический тон при разговоре о халифате первых четырёх «праведных» халифов (ал-хулафа ур-рашидун) — ведь многие из их преемников были осуждены как тираны, — обходят вниманием страшную нестабильность этого института, несомненно, потому, что предпочитают прославлять их впечатляющие победы над неверными, досаждающими им по сей день. Конечно, ни распри, ни даже гражданские войны не ослабили натиск арабских завоеваний. Они продолжались к западу, через Северную Африку, вследствие чего к 690 г. была захвачена византийская провинция Африка (с центром в нынешнем Тунисе); к 711 г. арабы дошли до Испании; к северу — через восточную Анатолию и Армению, через Кавказ, и только за ним арабы встретились с решительным сопротив-

Карта № 7. Империя в 668 г., после вторжений славян, ломбардов и мусульман

лением хазар; и к востоку, через весь Афганистан, до Синда на западном краю исторической Индии к 664 г.

Коран враждебен по отношению к фараонам и царям, а его дух равенства среди всех верующих противится концепции наследственного преемства. Но через тридцать лет после смерти Мухаммада пятый халиф, Муавия ибн Аби Суфьян (661—680 гг.), обеспечил преемство власти для своего сына Язида I, тем самым основав будущую династию Омейядов, которую осуждают многие правоведы-сунниты и все шииты (это название — сокращение от «Ши'ат Али», «партия Али»: имеется в виду четвёртый халиф, Али ибн Аби Табиб, зять Мухаммада, который, согласно шиитам, должен был стать его наследственным преемником).

Именно Муавия прежде разбил Али, и, как это порой случается, воины его сына Язида I убили сына Али, Хусейна, в лунный месяц мухаррам 680 г. — с тех пор шииты оплакивают это событие как величайшее преступление в истории, ежегодно вспоминая о нём слёзными причитаниями и кровавыми сценами самобичевания и нанесения себе ножевых ранений в ашура, десятый день месяца мухаррам (сунниты особо сокрушаются о том, что детям делают надрезы на голове, чтобы показать, как кровь стекает по их лбам, во свидетельство глубокого благочестия всей семьи).

Поскольку халифат Муавии ожесточённо оспаривался, лишь новые завоевания смогли умиротворить оппозицию благодаря захваченной ею добыче и свидетельству неиссякающей божественной милости. Сасанидская империя была уже уничтожена, но Византийская империя выстояла, пусть даже сильно сократившись в размерах, и её окончательное завоевание было очевидным и побудительным приоритетом. На практике это означало завоевание Константинополя. В своих набегах арабы уже давно проникали в глубь Анатолии, и именно посредством более масштабных и глубоких набегов готовилось окончательное нападение на город. К 674 г., если не раньше, набеги арабов достигли даже крайнего запада Анатолии, тогда как в сирийских портах обращали в ислам или нанимали множество корабельных экипажей.

С ними войска Муавии обложили Константинополь с суши и с моря. Не было ни постоянной осады, ни успешной блокады города: скорее, была череда периодических атак войск, высадившихся на сушу, и столкновений на море, продлившихся до 678 г. Их натиск казался неудержимым, но итогом пятилетних перемежающихся боёв стало первое

поражение арабов, имевшее стратегическое значение, первый разрыв в непрерывной до того цепи их завоеваний³¹.

Ко времени смерти Феофана в 818 г. арабы-мусульмане всё ещё оставались опасными врагами империи, и войны на границе шли непрерывно, но после своего поражения во второй осаде Константинополя в 717 г. арабы стали представлять собою меньшую угрозу, чем болгары. Это отражено в записи Феофана о первом нападении в 6165 г. от сотворения мира:

В сем году упомянутый флот богоборцев, двинувшись к Фракии, протянулся от западного мыса... до восточного мыса... Всякий день происходила сшибка от утра до вечера... толкали друга и отталкивали. В таких сшибках провели время с апреля месяца до сентября; тут отступили враги к Кизику и, занявши его, здесь зимовали. С наступлением весны опять двинулись и возобновили войну на море с христианами. До семи лет продолжили эту войну, наконец, посрамленные помощью Божьею и Богородицы, потерявши много храбрых мужей, со множеством раненых отступили с великою досадою. На возвратном пути сей Богом гонимый флот застигнут был жестокою бурей... и совершенно был сокрушен³².

До этого произошло морское сражение, в котором византийский флот впервые применил сифоны, выпускавшие игрон пир, жидкий огонь, греческий огонь, речь о котором пойдёт ниже.

Битва всегда полна случайностей, её итог могут определять на оперативном и даже на тактическом уровне случайные события — например, сильные бури. Но в данном случае налицо была Феодосиева стена, укомплектованный для неё гарнизон и превосходный флот. Затем разразилась буря, разметавшая и потопившая корабли арабов-мусульман. Итоги битвы, даже крупной, могут также сводиться к ограниченным тактическим или оперативным последствиям. Но на сей раз последствия оказались стратегическими.

³¹ См. авторитетное изложение в: *Haldon* 1990, pp. 63—64, и более раннюю оценку, данную Георгием Острогорским (*Ostrogorsky*) в *History of the Byzantine State* (История византийского государства; переизд.: New Brunswick: Rutgers University Press, 1969), pp. 123—125.

³² *Феофан*, № 354; рус. пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, цит. по: *Феофан/Оболенский-Терновский*; англ. пер.: pp. 493—494.

Халиф Муавия ибн Аби Суфьян, несомненно, предпринял величайшие усилия для достижения величайшей цели — взять Константинополь; он мобилизовал все свои воинские силы и все корабли, которые он смог нанять в портах Леванта за очень высокую цену. Потерпев неудачу, он внезапно оказался в слабой позиции. Битвы шли также на юго-востоке Анатолии, в них арабы тоже потерпели поражение, и мардаиты, потомками которых объявляют себя нынешние воинственные марониты (хотя их действительное происхождение спорно), овладели хребтом Аман (Нур), идущим в глубь суши от Антиохии и Ливанских гор, привлекая на свою сторону множество беглецов (рабов, пленных, местных уроженцев).

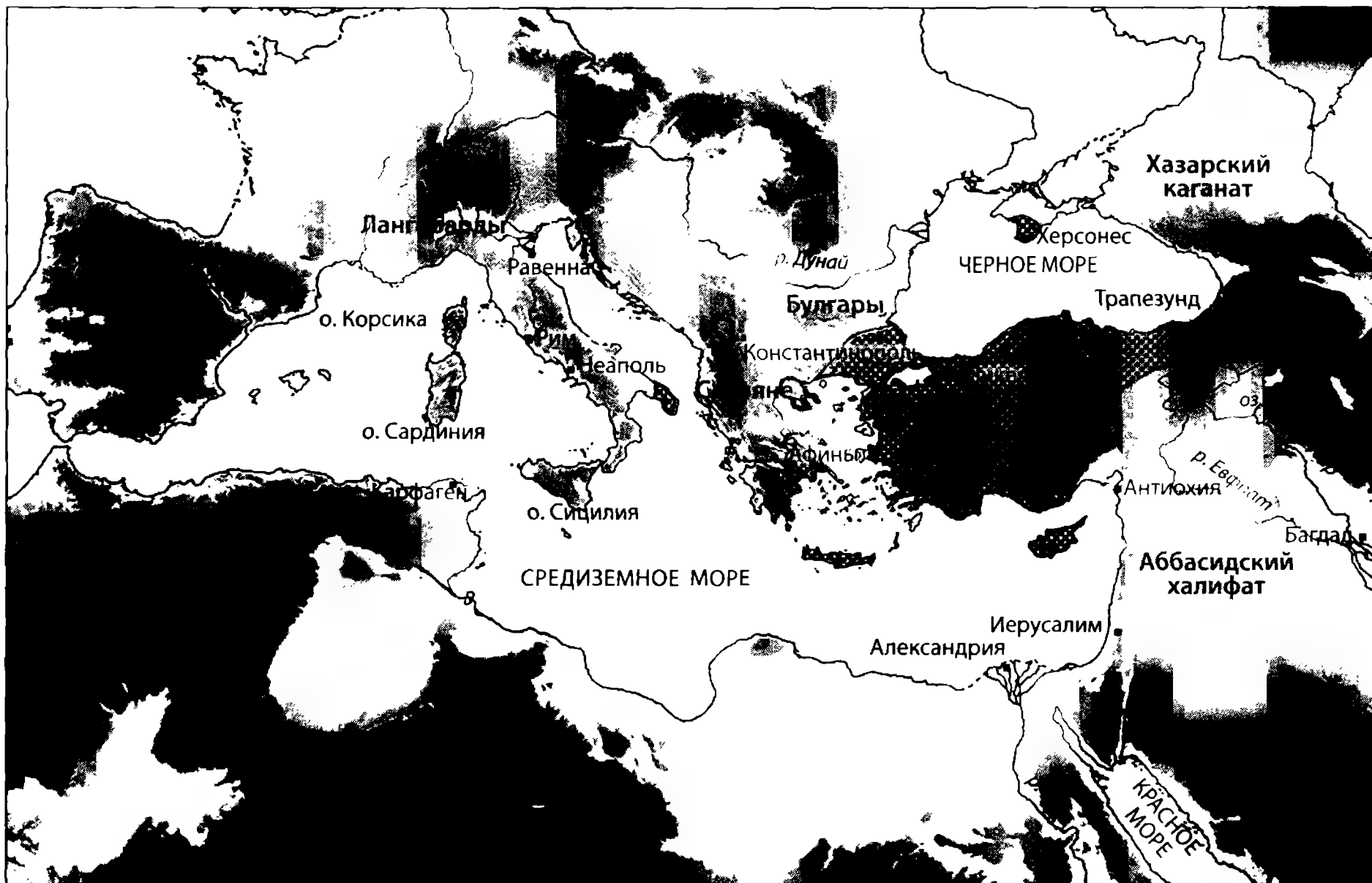
Поэтому у арабов, ведших джихад против византийцев в Киликии, были враги с обеих сторон. В записи под 6169 г. от сотворения мира Феофан перечисляет последствия этого: Муавии пришлось просить о мире так, как это понимали византийцы («письменный мирный договор»), хотя это была всего лишь худна, дозволяемое исламом перемирие, потому ограниченное во времени.

Не было никакого сомнения в том, чья сторона взяла верх: Муавия согласился платить ежегодную дань в 3000 золотых слитков, пятьдесят чистокровных лошадей и пятьдесят пленников в обмен на тридцатилетнее перемирие.

Киликия была далеко от Запада, но критически важное сражение произошло в Константинополе: «Западные народы, и каган аварский, и тамошние цари, и правители, и касталды [гастальды, чиновники у лангобардов], и важнейшие особы от запада, узнавши об этом, чрез посольства прислали царю дары и просили о соблюдении к ним мирных расположений»³³. Значительная часть Италии всё ещё была византийской, лангобарды владели большей её частью, и потому их испуг при вести о победе над, казалось бы, неудержимыми арабами-мусульманами имел стратегическое значение, поскольку при необходимости воевать с булгарами и защищать границу с арабами Византия не могла послать в Италию сколько-нибудь значительное войско, чтобы устрашение превратилось в защиту.

Второй попытки напасть на Константинополь арабы не предпринимали до 717 г., когда омейядский халиф Сулайман ибн Абд ал-Малик (715—717 гг.) мобилизовал войско для джихада, чтобы отправить в Кон-

³³ Феофан, № 355; рус. пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, цит. по: Феофан/Оболенский-Терновский; англ. пер.: р. 496.

Карта № 8. Империя в 780 г., после мусульманских завоеваний и превращения булгар в оседлых жителей

стантинополь морскую экспедицию под командованием своего брата, Масламы ибн Абд ал-Малика, за которым сам он последовал со своими силами по суше, предположительно через Киликию. Как уже отмечалось, войска, высадившиеся с Масламой во Фракии, чтобы осадить Феоносиеву стену, были атакованы с тыла и разбиты булгарами, тогда как войска, высадившиеся на берегу Мраморного моря, были блокированы и уморены голодом; сам халиф был убит в 717 г., так что ждать помощи Масламе было неоткуда.

Новый халиф, Умар ибн Абд ал-Азиз, характеризуется как «пиетист», безразличный как к знаменитой изысканности Омейядов, так и к их стремлению захватить Константинополь. Согласно анонимной «Сирийской хронике 1234 г.»:

...едва став царём [халифом], он приложил все свои силы ко спасению народа арабов, попавших в ловушку в Византийской империи. Поняв, что новостей от них не получить, он назначил надёжного человека, дал ему достаточно сильную охрану и отправил его в Римскую империю... этот человек добрался до арабского стана и узнал всё о положении войска; затем Маслама вручил ему письмо, полное лжи, чтобы тот отвёз его Умару и сказал: «Войско в отличном состоянии, и Город скоро падёт».

Только по прошествии зимы 717 г., когда навигация вновь стала возможна, Умар смог приказать Масламе возвращаться домой, но это означало необходимость прорваться через блокаду с моря: «...они погрузились на корабли и вышли в море, а ромеи вступили в битву с ними и сожгли множество их кораблей. Выживших застигла морская буря, и большинство их кораблей затонуло»³⁴.

Характерно, что за этим поражением последовало гонение на христиан и попытки насильного обращения в ислам по приказу халифа Умара, сочетавшего «пиетизм» с экстремизмом.

До десятого века арабо-мусульманская держава оставалась мощной, совершала набеги по всему Средиземноморью и периодически нападала также на границы империи на суше. Урон, нанесённый империи, был столь велик, что многие города превратились в деревни; в восьмом веке даже население Константинополя уменьшилось до менее чем пятидесяти тысяч человек, живших среди заброшенных домов; даже ни

³⁴ Сирийская хроника, текст 13; № № 161, 162, 163, pp. 217—218.

один акведук не действовал до 768 г.³⁵ В девятом веке империя быстро собиралась с силами, оправляясь от прежних территориальных потерь и грабежей, но арабские атаки с моря по-прежнему обходились дорогой ценой, а вторжения с моря и грабительские набеги всё ещё продолжались. В августе 902 г. последний византийский оплот на Сицилии, город Таормина, был потерян; к тому времени почти все острова Средиземного моря были оккупированы либо подверглись набегам, а большие и малые прибрежные города также переживали нападения.

В июле 904 г. обратившийся в ислам Лев Триполитанский возглавил самый опустошительный набег: войдя в Мраморное море и, по видимости, направляясь к Константинополю, большой флот Льва пустился в бегство от массивной вылазки византийских военных кораблей, но лишь для того, чтобы напасть на второй город империи, Фессалонику. Город пребывал в неведении, его защита не была подготовлена. Многие его жители были убиты, огромное число пленных было обращено в рабство.

Мобилизация для джихада всё ещё действовала в полную силу, двойной стимул (добыча и рабы в случае победы либо роскошная посмертная жизнь после гибели в бою) всё ещё мог привлекать немало добровольцев, но политически арабо-мусульманская держава была роковым образом подточена хроническим внутренним разладом. В Византийской империи были свои мятежники, повстанцы, узурпации и гражданские войны. Но до 1204 г. существовала всего одна империя, не две, не три и не четыре. Арабо-мусульманская экспансия, даже до того как она превратилась во многонациональную мусульманскую экспансию, захватила территории, значительно превышавшие размеры Византийской империи: к востоку она доходила до внешней границы Китая (битва на реке Талас с войсками династии Тан в 751 г.), в то же время достигнув долины Инда (ныне Пакистан).

Но наряду с этой колоссальной экспансией происходило также политическое и религиозное, сектантское дробление (они часто переплетались друг с другом), а также этнические конфликты — прежде всего между арабами и персами. Поначалу подавленная и заглушенная исламским завоеванием, древняя и привлекательная культура Персии с её зороастрийскими обрядами и обычаями нашла возможности заново

³⁵ Спорный вопрос о продолжавшемся запустении и вымирании городов постепенно проясняется данными археологии; см.: *Haldon* 1990, начиная с р. 93. О Константинополе: *DoB*, Vol I, C. 1, p. 511.

проявиться в рамках персидского ислама, как это происходит и поныне: даже фанатичные основатели Исламской Республики Иран не пытались упразднить сугубо зороастрийский обряд огня Новруз и следующее за ним празднество; показательно и то, что с шестнадцатого века персидские мусульмане определённо являются скорее шиитами, чем суннитами, как большинство арабов и вообще мусульман.

Византийские победы зачастую можно было предсказать в силу отсутствия единства среди мусульман — и никогда это не было столь явно, как в последние годы правления неутомимого и в конечном счёте победоносного Василия II (ум. в 1025 г.), при котором империя расширилась во всех направлениях. К тому времени халифата, который, как предполагалось, управляет всеми мусульманами как единой нацией (умма), в действительности более не существовало.

Вместо него налицо были многообразные державы, часто находившиеся в состоянии войны друг с другом. Важнейшим для византийцев в то время был гетеродоксальный (шиитский) халифат Фатимидов, ал-Фатимийун, названный по имени Фатимы, дочери Мухаммада; о происхождении от неё заявлял основатель этой державы, Убайдулла ал-Махди Билла. Начинаясь она в нынешнем Тунисе, центр её находился в Египте, а максимум её владений доходил к западу до атлантического побережья Марокко, к югу до Судана, к востоку до Сирии на границе Месопотамии, вплоть до Мекки и Медины в западной Аравии.

Таким образом, Фатимиды граничили с Византией в течение одиннадцатого и двенадцатого столетий; немало воевали, но ещё больше жили в мире, поскольку Фатимиды были терпимы в религиозном отношении и благоразумны в управлении государством, заботясь об экономической экспансии и о широкомасштабной торговле. Фатимиды были исмаилитами, шиитами-«семиричниками», которые, как и все шииты, верят, что Али ибн Аби Талиб, муж Фатимы, должен был стать преемником Мухаммада по праву наследования и что его линия продолжается непогрешимыми имамами, последний из которых ещё жив, но прячется или «сокрыт». Но в отличие от шиитов-двенадцатиричников в нынешнем Иране и Ираке, для которых последний имам — это Мухаммад ал-Махди, родившийся в 868 г. (и всё ещё живой), исмаилиты признают преемство лишь до шестого имама, Джафара ибн Мухаммада, умершего в 765 г., а за ним помещают своего окончательного и бессмертного имама Мухаммада ибн Исмаила, родившегося в 721 г.

Аббасидские халифы были суннитами и не признавали скрытых имамов, но их халифат, хоть он и утвердился поначалу силою пограничных арабов Хорасана, поддерживали главным образом персы, сменившие сугубо арабскую элиту прежнего Омейядского халифата. Уничтоженная Аббасидами в Сирии ок. 750 г., Омейядская династия была возобновлена одним из её наследников в ал-Андалусе, в мусульманской Испании, в качестве эмирата, что предполагало наличие по меньшей мере молчаливого согласия со стороны Аббасидского халифата. Но в 929 г. восстановленный Омейядский халифат был провозглашён в Кордове, так что Фатимидам пришлось принять двойной вероучительный и политический вызов со стороны суннитского халифата в Испании к западу от них и со стороны суннитского халифата Аббасидов к востоку от них. У последнего к десятому веку не осталось своих сил, но его защищали, над ним господствовали и тем самым его усиливали сначала персы, стремившиеся возродить свою культуру, то есть шииты-«пятиеричники» Буиды (Ал-и Буйа), а затем сунниты, тюрки-сельджуки, отвоёвывавшие Багдад для Аббасидов и правившие от их имени.

В промежутке произошло даже своего рода возрождение зороастрийской Персии, пусть и в мусульманском одеянии, когда карматы (карамиты), появившиеся в Бахрейне в 899 г. как особая персидская разновидность шиизма, бросили вызов Фатимидам, управлявшим тогда Меккой, и совершили набег на город в 928 г., вывезя Чёрный Камень, восстановив зороастрийское поклонение огню и провозгласив упразднение шариата, мусульманского законодательства.

Когда арабы пришли в упадок, а персы оказались хронически неспособны примирить свою национальную культуру с исламом (эта дилемма остаётся в силе и в наши дни), пришло время первенства тюрков, обратившихся в ислам.

ТЮРКИ-СЕЛЬДЖУКИ И ЗАКАТ ИМПЕРИИ

После смерти Василия II в 1025 г. Византийская империя находилась на пике своей второй экспансии. Хотя в её состав входило меньше территорий, чем во время первой экспансии, происшедшей пятьюстами годами

ранее, при Юстиниане, её владения теперь не были опасно разбросаны вширь на три тысячи километров по Средиземноморью, её христианство было куда более сплочённым, а её более компактным границам не угрожали сильные новые враги — кроме оставшегося анклава в юго-восточной Италии. В остальном после уничтожения болгарского государства оставались лишь податливые сербы, малая держава христианизированных мадьяр нового Венгерского королевства, печенеги, пребывавшие в упадке перед появлением куманов или кипчаков, а также Киевская Русь Ярослава I. Эта держава находилась на вершине своей географической экспансии, но не представляла собою постоянной стратегической угрозы, поскольку колебалась между враждой и почтением (кажется, таково неизменное свойство русских): в 1043 г. прибыл флот, чтобы напасть на Константинополь, но после того как он был разгромлен и сожжён византийскими военно-морскими силами, Ярослав I с благодарностью принял внебрачную дочь Константина X Мономаха (1042—1055 гг.) в качестве жены для своего сына Всеволода, будущего князя Киевского.

Что же касается обычно более опасного восточного фронта, то к 1025 г. там было спокойно, потому что суннитский Аббасидский халифат был бессилен, а его незадачливые покровители, шииты-«двенадцатиричники», да и сами персидские буидские визиря (они пользовались доисламским титулом «царь царей», шахиншах) всё больше слабели в силу внутренних раздоров и воздействия держав-соперниц.

Казалось бы, всё обстояло благоприятно, но византийцы жили в хронически нестабильном стратегическом окружении. Когда Василий II установил контроль над армянскими землями к востоку от озера Ван (в современной восточной Турции и западном Иране) в 1000 г., он мог ничего не знать о Тогруле (который, возможно, был тогда всего лишь семилетним мальчиком), внуке Сельджука, первом из своего тюркского огузского клана, кто обратился в суннитский ислам. Но к тому времени как Тогрул умер 4 сентября 1063 г., Сельджуки под его правлением превратились из клана воинов-кочевников в великую державу³⁶. Много иных обстоятельств содействовало их успеху, но был и тактический фактор: они были новыми пришельцами из Центральной Азии, и их искусство стрельбы из лука (гибельное мастерство!) стояло

³⁶ *Golden* 1982, начиная с р. 216; «Деде Коркут» («Книга моего деда Коркута»), эпическая поэма огузов — это древнейшая литература турок, отчасти являющихся их потомками.

на высшем уровне³⁷. По вступлении в Багдад в 1055 г. Тогрул удостоился титула султана («держателя власти»), пожалованного аббасидским халифом, к тому времени в лучшем случае выступавшим как духовный авторитет: халифат был раздираем внутренними распрями, осаждаем Фатимидами на западных рубежах (они даже захватили Мекку и Медину) и приходящими в упадок Газневидами на востоке³⁸.

Сельджуки ещё не существовали как держава в 1025 г., когда умер Василий II, но в течение тридцати лет они стали правителями обширных владений, в которые входили земли современного Ирака, Ирана, Туркменистана и Узбекистана. Как таковые они представляли стратегическую угрозу для Византии, но они были также невольными её союзниками, потому что тоже сопротивлялись экспансионистской политике фатимидских халифов Египта. Фатимиды, которым придавали силы значительные налоговые поступления из Египта, располагали и боеспособным флотом, и умелыми войсками наёмников-тюрок.

Поэтому сельджуки были стратегическими союзниками Византии, желали они того или нет; но в то же время они угрожали восточным приграничным зонам от северного Ирака до северо-восточного Ирана, а на Кавказе — землям армян и грузин, тогда находившимся под контролем Византии. С появлением всё возрастающего числа голодных, безземельных, новообращённых кочевников-огузов набеги через границу и более глубокие вторжения участились, и прямое вторжение становилось явной угрозой. В 1064 г. значительный армянский город Ани, где была епископская кафедра, религиозная столица Армениии, был разграблен³⁹.

Как новообращённые, сельджуки и их последователи огузы или, шире, туркоманы/туркмены (= любой тюрок-мусульманин) чувствовали себя обязанными исполнять религиозный долг джихада, чтобы распространять Дар-эль-Ислам за счёт вторжений в Дар-эль-Харб, землю войны

³⁷ См.: *Walter Emil Kaegi (Jr). The Contribution of Archery to the Turkish Conquest of Anatolia* (Вклад искусства стрельбы из лука в турецкое завоевание Анатолии), в: *Haldon* 2007, pp. 237—267.

³⁸ Столица их предков и последняя твердыня, Газни, сохранила одну характерную черту имперской столицы: это самый многонациональный город в Афганистане, если не считать Кабула.

³⁹ В современной турецкой провинции Карс, на армянской границе. Лишь грабительские набеги кочевников-курдов несколько веков спустя разрушили этот город.

против неверных. Но для гази (пограничных воинов джихада) исламский долг и личная выгода были тесно переплетены друг с другом: они могли захватывать добычу, пленных на продажу или для обращения в рабство, а гибель в бою сулила богато обставленные и изобилующие водой небеса (джанна) бесконечных усад с черноглазыми девами и пригожими мальчиками⁴⁰. Это было верно и по отношению к их предшественникам-арабам, но арабский завоевательный натиск, с середины седьмого века преобразовавший северную Африку и западную Азию, а также земли за их пределами, к тому времени совершенно угас.

Уже при Тогруле грабительские набеги огузов и других конников-туркоманов сильно беспокоили восточную Анатолию — но они лишь усилились при его весьма способном преемнике, Алп Арслане (1063—1072 гг.). Кочевники-туркоманы под командованием своих гази, как бедуинские и курдские грабители до них, выступали в качестве передового эшелона сельджукской экспансии — и, судя по всему, они были искуснее в бою, как и полагалось конным лучникам из Центральной Азии.

Не существовало организованной защиты границы, чтобы сдержать их, не было цепи фортов, связанных друг с другом патрулями, — только точечная защита окружённых стенами городов, крепостей-монастырей и укрепленных усадеб местных магнатов. В них жили акриты, пограничные воины, по большей части набравшиеся из армян и стяжавшие громкую славу благодаря песням и рыцарским романам о них; но они были полезны не столько для местной защиты, сколько для сокрушительных ответных набегов через границу. Такими средствами восточная граница Анатолии в течение трёх веков удерживала арабов на пространстве от Трапезунда на Чёрном море до Киликии на средиземноморском побережье, как объясняется в пособии по военному делу «О стычках» (*“De velitatione”*), рассматриваемом ниже. Но этого было недостаточно, чтобы сдержать набеги туркоман; не помогали здесь ни засады, ни преследования, устраиваемые имперскими войсками.

Только классическая римская система обороны границы в своём наиболее разработанном виде могла бы защитить восточную Анато-

⁴⁰ Коран; напр., Сура 52, Гора (Ат-Тур), рус. пер. И. Ю. Крачковского: «17. Воистину, богобоязненные — среди садов и благодати, 18. забавляясь тем, что дал им Господь их... 19. Ешьте и пейте во здравие за то, что совершали, 20. возлежа на ложах, расставленных рядами. И Мы сочетаем их с черноглазыми, большеокими. 22. И снабдим Мы их плодами и мясом из того, что они пожелают. 24. И обходят их юноши, точно они сокровенный жемчуг»; англ. пер.: Yusuf Ali.

лию: она сочетала укрепленные сторожевые башни, расположенные в пределах взаимной видимости, форты с гарнизонами численностью в сотни человек в каждой приграничной долине, а также крупные тыловые формирования, призванные усилить их; требовалось нечто вроде стены Адриана протяжением в сотни миль, но для её постройки, для её комплектации гарнизоном и для её снабжения требовались огромные средства. Была и более дешёвая альтернатива, которую римляне применяли в засушливых областях Среднего Востока и Северной Африки, где не существовало развитого на территории всей провинции сельского хозяйства, которое нуждалось бы в защите, а были только большие или малые оазисы: подразделения лёгкой конницы патрулировали границу и даже заходили за неё, чтобы обнаружить грабителей или настоящие вторжения, на пути которых должны были встать отряды лёгкой вспомогательной конницы численностью 500—1000 человек и пехота или смешанные соединения, стоявшие в укреплениях на некотором расстоянии от границы, которые, в свою очередь, могли быть усилены ближайшими формированиями, состоявшими из сил легионов или из вспомогательных войск.

Немедленная реакция была невозможна, потому что известия должны были сначала дойти до фортов, а после этого вспомогательным силам нужно было время, чтобы выступить в готовности к сражению; наконец, нарушителей границы нужно было сначала обнаружить, чтобы вступить с ними в битву, или просто испугать так, чтобы они ушли обратно за границу. Всё это дало бы мародёрам достаточно времени для грабежа и захвата рабов; но в каждом сколько-нибудь значительном оазисе или поселении были собственные «точечные» защитные силы — будь то стены или просто внешнее кольцо каменных домов, построенных вплотную друг к другу, так что оставались лишь узкие проходы, едва ли удобные для всадников. Незащищённые фермы или деревеньки не могли существовать в засушливых областях рядом с кочевниками, странствующими вместе со своими стадами. Кочевники-животноводы обычно не позволяют незащищённым земледельцам жить в пределах своей досягаемости: нет никакого стимула проявлять умеренность в грабеже урожая, поскольку то, что одна шайка оставляет, чтобы обеспечить урожай в следующем году, захватит другая шайка — это вариант «трагедии общих ресурсов» (“tragedy of the commons”) для дальновидных налётчиков.

Решения, принятого римлянами для засушливых областей, было ~~недостаточно~~ для того, чтобы обеспечить надлежащую защиту ар-

мянских крестьян и пастухов, населявших долины и обводняемые плато восточной Анатолии. С другой стороны, их потребность в защите нельзя было игнорировать: ведь они давали империи часть налогов, множество новобранцев и резервные пограничные войска. Кроме того, тактика патрулирования и перехвата столкнулась бы с элементарным фактом военного дела: никакая конница, надлежащим образом оснащённая для битвы, не смогла бы обогнать туркоман, которые по большей части ездили без шлемов, без кольчуг, щитов, мечей, палиц и копий, располагая лишь составным луком и кривой саблей (скимитар) или даже просто кинжалами — а это куда более лёгкая ноша, позволяющая ездить верхом гораздо быстрее.

Это уже было неоднократно доказано долгой чередой бесполезных стычек с легко ускользавшими от преследования всадниками-туркоманами, когда летом 1071 г. император Роман IV Диоген (1068—1071 гг.)⁴¹ собрал исключительно большую армию — по оценкам, в 40 000 человек, — чтобы пресечь зло в самом корне⁴². Его целью было выдворить сельджуков из недавно захваченных ими крепостей в северо-восточной Анатолии, служивших базами для огузских набегов, а также для их более целенаправленных вторжений на территорию империи. Ни одна крепость сама по себе не могла быть достаточно сильна, чтобы выдержать натиск армии в 40 000 человек, так что Роман мог переходить от одной крепости к другой, чтобы разрушить сельджукскую инфраструктуру туркоманского терроризма, как мы выразились бы сегодня. Одна из таких крепостей называлась Манцикерт (ныне Малазгирт), к северу от озера Ван на крайнем востоке Турции. Она, как и полагалось, сдалась византийцам.

Дальнейшие события служат отличной иллюстрацией противоречия между стратегией и тактикой, которое вскрывается нередко — и может расстроить самые прекрасные планы. Предотвратить такие противоречия не может ничто, кроме предвидения и талантливого командования, потому что, хотя логика стратегии и тактики вполне одинакова, уровень действия там совершенно различен и подвержен всевозможным влияниям, включая расходящиеся друг с другом наклонности людей.

Прежде всего Роман пришёл туда, чтобы обеспечить безопасность жителей и подданных империи от набегов туркоман и не допустить ос-

⁴¹ DoB, Vol. III, C. 1, p. 1086.

⁴² См. краткое, но авторитетное изложение в: *Haldon* 2001, p. 114.

тавления новых участков обрабатываемой налогооблагаемой земли — а значительная её часть была уже оставлена.

Такова была его стратегическая цель. Но хотя 40 000 бойцов предположительно должны были нести с собой запас еды на шестьдесят дней, сами они грабили многострадальное население этой области, значительную или большую часть которого составляли армяне с собственным национальным самоотождествлением и обычаями, и даже императорские телохранители-«немицы» (то есть «немцы») присоединялись к этому, к его неудовольствию, — он, как сообщается, отослал их прочь, сам оставшись под значительно меньшей личной охраной, что оказалось роковой ошибкой. Вместо того чтобы принести уверенность и безопасность имперским налогоплательщикам силами своих 40 000 воинов, экспедиция, по-видимому, только усугубила неприязнь местных жителей по отношению к империи: многочисленное христианское население окрестностей озера Ван оставалось покорным при сельджукском правлении, не испытывая никакой ностальгии по византийской власти.

Единственная цель, достойная дорогостоящей армии (возможно, половину её составляли иностранные наёмники: огузские и печенежские конные лучники, норманнская тяжёлая конница, варяжская гвардия и армянская пехота), заключалась в стратегическом нападении с целью завоевания Ирана, но ни один источник не даёт намёков на то, что Роман когда-нибудь задумывался о столь масштабной задаче. Что же касается ограниченных целей, которые он действительно перед собою ставил, то для их достижения, возможно, хватило бы 4000 хороших воинов — конечно, в том случае, если бы сельджукский султан Алп Арслан не принял глупого решения сосредоточить свои основные силы в этой глубинке, чтобы отразить ограниченную атаку. Но всё обернулось совсем иначе, когда маршем выступили 40 000 воинов: игнорировать их было нельзя. Похоже, Алп Арслан готовил широкомасштабное нападение на Фатимидов, когда до него дошла весть о том, что огромное византийское войско проходит маршем по горам нынешней северо-восточной Турции.

Это был даже не главный театр военных действий между двумя сторонами, которым естественнее было бы сражаться друг с другом за куда более ценные территории именно там, где некогда сражались Сасаниды и ромеи, то есть в северо-западной Месопотамии (ныне юго-восточная Турция), где располагались часто подвергавшиеся осаде города: Амида, Дара, Эдесса и Нисибин. В любом случае стратегический приоритет Алп Арслана заключался вовсе не в том, чтобы сражаться с византийцами,

а скорее в нападении на египетских Фатимидов, единственных действительно серьёзных претендентов на должность правителя Багдада, которую он тогда занимал. Учитывая, что его политическая власть как султана законным образом распространяется столь же широко, сколь и религиозный авторитет аббасидского халифа, уполномочившего его править вместо себя, если бы Фатимиды со своей гетеродоксальной верой были уничтожены, тогда религиозная хватка халифа завладела бы и Египтом, и там его султан Алп Арслан правил бы плодородными землями с особенно высокими налоговыми поступлениями. Ведь было ещё одно достоинство Египта для мусульманского правителя: его население в большой или по крайней мере в немалой мере состояло из христиан и потому в отличие от мусульман подлежало подушной подати.

В данном случае Алп Арслан предпочёл не закрывать глаза на византийское контрнаступление, оставив мысли о своём стратегическом нападении на Египет. Несомненно, было бы политически весьма невыгодно для новой династии, недавно обратившейся в ислам, нападать на других мусульман, какими бы гетеродоксальными они ни были, вместо того чтобы защищать завоевания мусульман от самой мощной христианской державы. Или же, возможно, предоставить Роману беспрепятственный путь было политически весьма невыгодно по совсем иным причинам: ведь в прилежащих областях Ирана оставалось ещё много христиан и зороастрийцев, и ещё больше христиан на Кавказе, которым могло придать смелости беспрепятственное продвижение большого христианского войска, способного привлечь на свою сторону и многих новообращённых мусульман.

Когда Алп Арслан отказался от своих видов на Египет, чтобы остановить Романа собственными силами и ещё большим числом добровольцев-туркоманов, была подготовлена площадка для случайного столкновения при Манцикерте. Роман, со своей стороны, полагал, что предстоящее ему дело будет едва ли сложнее простой полицейской операции, а потому разбросал свои силы, чтобы покрыть ими как можно больше мест: значительный отряд под командованием норманнского наёмника Урселя, или Русселя де Байлёля, был отправлен, чтобы взять крепость Хлиат (ныне Ахлат) на северо-западном берегу озера Ван. Затем другой отряд под командованием военачальника-армянина Иосифа Тарханиота был послан в качестве подкрепления отряду Русселя де Байлёля, в то время как германские телохранители императора, как отмечалось выше, были отосланы в тыл. Ещё один отряд под ко-

мандованием военачальника-армянина Никифора Василага потерпел сокрушительное поражение за два дня до битвы, когда он стремительно преследовал банду бежавших сломя голову всадников, заманивших Василага в тщательно заготовленную засаду.

Враг верно следовал обычной тактике степных конных лучников, тогда как Никифор Василаг пренебрёг ясными противозасадными инструкциями византийских руководств по военному делу, как мы подробнее увидим ниже. За четыреста лет до этого тактика ложного отступления кочевников была верно проанализирована в «Стратегиконе» Маврикия с весьма чёткими выводами: если они действительно бегут в панике, то ты уже выиграл битву, и преследовать их ни к чему; при этом ты также будешь застрахован в том случае, если они всего лишь изображают бегство, чтобы заманить тебя в засаду. Трудно отличить один вид бегства от другого, но, к счастью, в этом и нет нужды, ибо в обоих случаях применяется одно и то же безотказное средство: не преследовать бегущих кочевников; они быстрее тебя, так что тебе всё равно их не догнать, но они могут заманить тебя в засаду — так что не преследовать их будет всегда верно. Очевидно, Василаг был необучен, порывист или же и то, и другое вместе: он окончил свои дни, подняв неудачный мятеж на Балканах⁴³.

В силу этих причин 26 августа 1071 г., когда началась битва при Манцикерте, у Романа IV Диогена не было ни 40 000 человек, сосредоточенных вокруг него, ни даже половины этого числа. Когда он внезапно обнаружил, что Алп Арслан собрал свои более свежие силы, чтобы напасть на него в пятницу 26 августа 1071 г., значительная часть его войска находилась в других местах, и быстро отозвать её назад было невозможно. Это воспрепятствовало большой тактической удаче, чем и было предопределено поражение.

Но вместо нелёгкого тактического исправления оперативной ошибки были совершены и другие ошибки. Правда, после поражения всегда можно доказать, что все тактические диспозиции и перемещения были грубо ошибочными, и точно так же в случае победы их можно расценить как блистательные⁴⁴.

⁴³ Автор смешивает армянина Василага, павшего при Манцикерте, с Никифором Василагом, поднявшим мятеж в 1078 г. — *Прим. пер. и ред.*

⁴⁴ Как-то раз автору настоящей книги довелось присутствовать при том, как боевое подразделение, сбившееся с пути из-за ошибки в навигации, наткнулось на командный пункт врага и причинило ему тяжкий ущерб.

Источники также сообщают о предательстве. Это обычное объяснение неожиданных поражений, но в данном случае оно вполне вероятно, поскольку Романа окружали политические враги при его дворе, прежде всего Дуки, его родственники по прежнему браку его жены, Евдокии Макремволитиссы⁴⁵. В высшей степени неосторожно (хотя, возможно, избежать этого было нельзя) Роман положился на Андроника Дуку, сына и доверенное лицо Иоанна Дуки, зятя Романа и его явного политического противника, который командовал войсками в арьергарде⁴⁶.

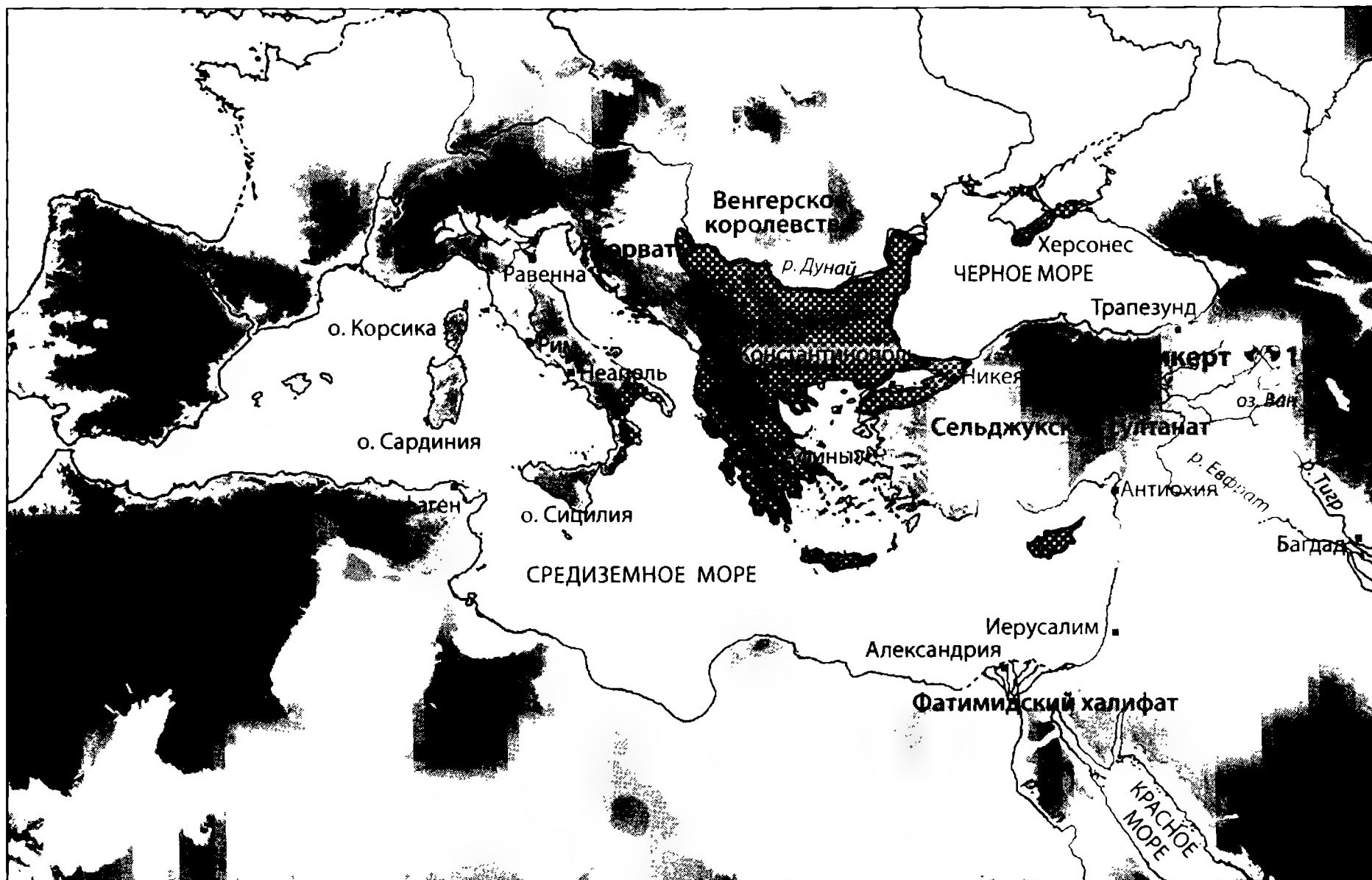
Ключевое превосходство обдуманых способов ведения войны такими умудрёнными опытом войсками, как византийское, над обычной тактикой атаки-отступления, свойственной толпам варваров, заключается в том, что особые силы должны держаться отдельно, чтобы обеспечивать взаимодействие, если битва протекает благоприятно, или выступать в качестве страховки, если дело обстоит иначе.

Диспозиции бесконечно различались в зависимости от обстоятельств, но они почти всегда предполагали наличие стражи с флангов, а также в арьергарде — автор руководства настаивает на необходимости в обоих видах стражи, даже ценою ослабления основных боевых сил. Авангард можно было вызвать вперёд для укрепления успеха, или же он мог оставаться на месте, чтобы сдержать силы передовой линии, если они отступали под давлением врага. В случае прорыва врага только стража в арьергарде могла стабилизировать ситуацию, заполняя брешь в первой линии; равным образом она могла унять панику, просто оставаясь на своём месте в надлежащем порядке. В задачи арьергарда входило также блокирование попыток неприятеля совершить обход с флангов: в таких случаях арьергард должен был распространиться в стороны за первой боевой линией, чтобы перехватить врагов; зачастую это было гораздо лучше, чем распускать порядок первой линии, чтобы расширить её фронт.

Наконец, арьергард обычно предоставлял командующему на поле возможность сделать второй ход. Находясь между первой линией и арьергардом, он в действительности мог и командовать последним, и управлять его действиями, когда передовая линия была уже вовлечена в сражение и не поддавалась контролю.

⁴⁵ DoB, Vol. II, C. 2, p. 739.

⁴⁶ DoB, Vol. I, C.1, p. 658.

Карта № 9. Империя в 1081 г., при восшествии на престол Алексея I Комнина

Но Роман не занял позиции, позволявшей ему осуществлять контроль над обоими эшелонами. Вместо этого он предпочёл сыграть роль воина, а не военачальника, и стал сражаться в первых рядах. Увидев, что ненавистный император попал в переделку и нуждается в помощи, Андроник Дука просто отвёл свои силы до самого Константинополя, чтобы принять участие в низложении Романа и в возведении на престол его пасынка Михаила VII, сына Евдокии Макремволитиссы от её первого мужа.

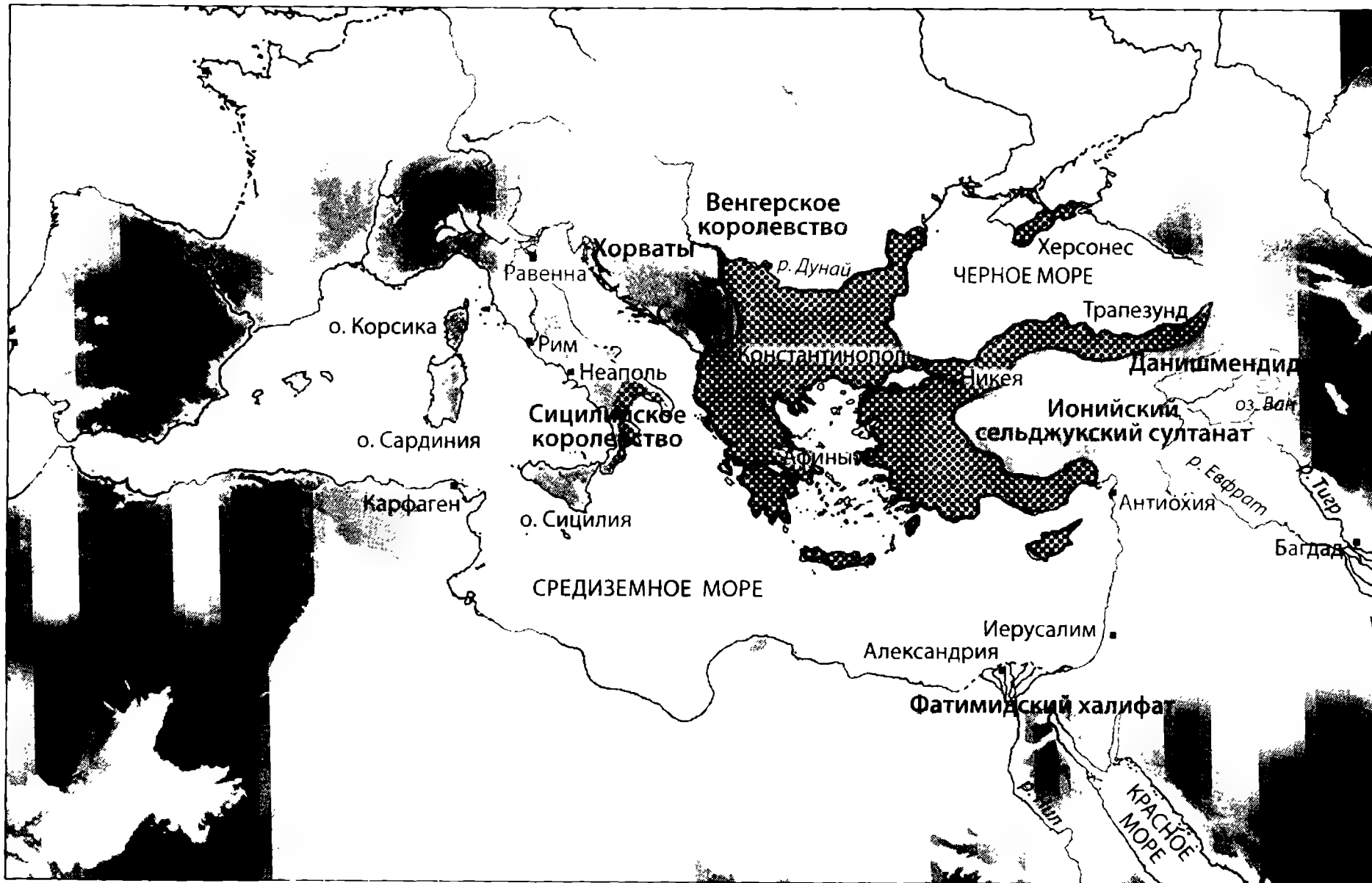
Следствием этого стало стратегическое поражение, оказавшееся для Византийской империи катастрофическим: не просто вытеснение с какой-то выступающей вперёд полосы земли, не просто потеря множества воинов — ведь ни то, ни другое не имело решающего значения в длительной перспективе, особенно для такой империи, которая владела всеми территориями Балканского полуострова к югу от Дуная, отвоёванными Василием II к 1025 г., а также Анатолией и Грецией. Катастрофа заключалась в том, что Анатолия была ядром империи, и значительная её часть так никогда и не была возвращена.

Потери византийцев при Манцикерте не были особенно тяжёлыми — а может быть, они вовсе и не были тяжёлыми⁴⁷. Лёгкая конница огузских воинов прекрасно подходила для набегов и для наблюдательных патрулей, но не для сковывания более тяжело вооружённого противника: ведь это задача для тяжеловооружённой пехоты или, возможно, для тяжёлой конницы того времени, бойцы которой, одетые в броню, своими палицами без труда могли раскрошить силы врага.

Сельджуки выиграли эту битву, но главным образом и прежде всего благодаря тому, что большая часть византийского войска не принимала в ней участия или же спокойно отступила, пусть и по предательски. Но сенсационным итогом битвы стало то, что легко раненный Роман IV Диоген был взят в плен. По слухам, его обнаружили на следующий день после битвы люди, грабившие его роскошный палаточный лагерь и обоз конвоя. Они-то и доставили Романа IV Диогена к Алп Арслану.

Это не была встреча с дикарём: Сельджуки поддерживали общение с империей с того времени, когда Тогрул основал своё государство. Последний обмен любезностями произошёл не далее как за день до битвы, когда Роман неосмотрительно отказал послам, прибывшим с мирными

⁴⁷ Haldon 2001, p. 126.

Карта № 10. Империя в 1143 г., ко времени смерти Иоанна II Комнина

предложениями. Характерно (и разумно), что эти предложения делались от имени халифа в далёком Багдаде, а не от имени того, кто, возможно, был не виден лишь потому, что находился на другой стороне холма со своими главными силами.

Алп Арслан не унижал и не пытал пленённого императора: он оказал ему почётное гостеприимство и вёл переговоры с ним вежливо. Очевидно, зная о том, что его врагам при дворе, то есть Дукам, родственникам его жены, Роман не нужен, Алп Арслан не пытался получить с них выкуп. Вместо этого через неделю он отпустил Романа домой с охраной в обмен на его честное слово: император должен был выплатить выкуп (хотя его уже освободили), уступить полосу земли в восточной Анатолии и дать обещание поддерживать дружбу. Оставим в стороне рыцарское благородство духа (ведь это было началом обмена любезностями, который продолжался в перерывах между военными действиями, длившимися в течение двух веков): Алп Арслан снова подтвердил свои стратегические приоритеты, которые заключались не в том, чтобы уничтожить Византийскую империю, а в том, чтобы расширить зону влияния Сельджуков в мусульманской сфере, в пику Фатимидам, от имени суннитского ислама и багдадского халифа, и в пику противникам-суннитам от имени Сельджуков.

Это соглашение не приветствовалось в Константинополе, где Роман был уже низложен, а его место занял его пасынок, Михаил VII Дука (1071—1078 гг.). В ходе воспоследовавшей гражданской войны у туркоманских банд и организованных сельджукских войск были все возможности для того, чтобы продвинуться в глубь Анатолии, до самой Никеи (ныне Изник) и Кизика на Мраморном море, в одном дне езды от Константинополя.

Это могло бы стать концом империи уже тогда, поскольку соперничающие претенденты на титул императора боролись друг с другом за поддержку со стороны Сельджуков, уступая им всё больше земель и при этом тратя истощающиеся доходы империи на войну друг с другом.

Однако трём не связанным друг с другом факторам суждено было неожиданно изменить равновесие сил между византийцами и Сельджуками.

Во-первых, нападение Сельджуков на Фатимидов отдало в их руки Иерусалим в 1071 г., но в воспоследовавшем хаосе Святая земля стала небезопасна для паломников с Запада, и это, наряду с иными при-

чинами (мнения о них расходятся), вызвало к жизни движение крестоносцев из Западной Европы. Спустя двадцать лет после битвы при Манцикерте, в 1097 г., явились бойцы Первого крестового похода, столь же жадные до войны, как и грабители-туркоманы или священные воины-гази. Они завоевали западную Анатолию по пути к отдалённой Антиохии и Святой земле.

Во-вторых, гражданская война в Византии была упражнением на выживание сильнейших, и Алексей Комнин (1081—1118 гг.), одержавший победу в десятилетней распре, последовавшей за низложением Романа, был, безусловно, талантлив и способен восстановить опустошённую империю; впрочем, у него было время для этого: ведь он правил 37 лет⁴⁸.

В-третьих, ядром Сельджукской империи был Иран, и приоритет Алп Арслана, конечно, заключался в том, чтобы установить контроль над прилегающими областями Средней Азии; именно там, на реке Окс (Амударья), между нынешними республиками Туркменистан и Узбекистан, Алп Арслан был убит в 1072 г., прожив всего лишь год после победы при Манцикерте.

Кроме того, Сельджуки не были защищены от хронической нестабильности, царившей в Великой степи, что привело к пагубным последствиям: 9 сентября 1141 г. в пустыне Катван близ Самарканда сельджукский султан Синджар (Санджар) потерял целую армию, разгромленную каракитаями⁴⁹.

Поэтому Сельджуки не смогли воспользоваться плодами победы при Манцикерте (или, скорее, десятилетней гражданской войны, в которой им предлагали участвовать) и не завоевали всю Анатолию. Поступи они так, империя не могла бы продержаться долго, потому что Анатолия была её главной демографической и налоговой базой. Однако, подойдя совсем близко к Константинополю при султанине Кылыче (Килидже) Арслане I, благодетельствованном Алексеем I Комнином (император, как истинный джентльмен, возвратил султану его пленённую семью, не потребовав выкупа), Сельджуки были вытеснены назад, в центральную Анатолию, и разместили свой двор в Икони (ныне Конья), ставшей столицей их Румского султаната (Рум = Римская империя = Анатолия), просуществовавшего до конца тринадцатого века, хотя и в подчинении монголам с 1243 г.

⁴⁸ DoB, Vol. I, C. 1, p. 63.

⁴⁹ *Golden* 1982, p. 223.

Мануил I Комнин (1143—1180 гг.), неустрашимый, лишённый религиозного благоговения, исключительно многокультурный (что проявлялось в его покровительстве как латинским, так и турецким подданным и их обычаям), был так же талантлив в дипломатии и войне. Несколько раз он успешно вмешивался в итальянскую политику, хотя вынужден был отказаться от прямого вторжения; он воевал с союзом норманнов, сербов, венгров и Киевской Руси, захватив при этом земли на Балканах после разгрома венгров при Семлине (ныне Косово) в 1167 г. и восстановив византийское присутствие в Крыму. Но важнее всего то, что он усилил византийский контроль над всеми прибрежными равнинами Анатолии, сведя территорию Румского султаната до внутренней части полуострова, и укрепил византийское влияние в Киликии и западной Сирии.

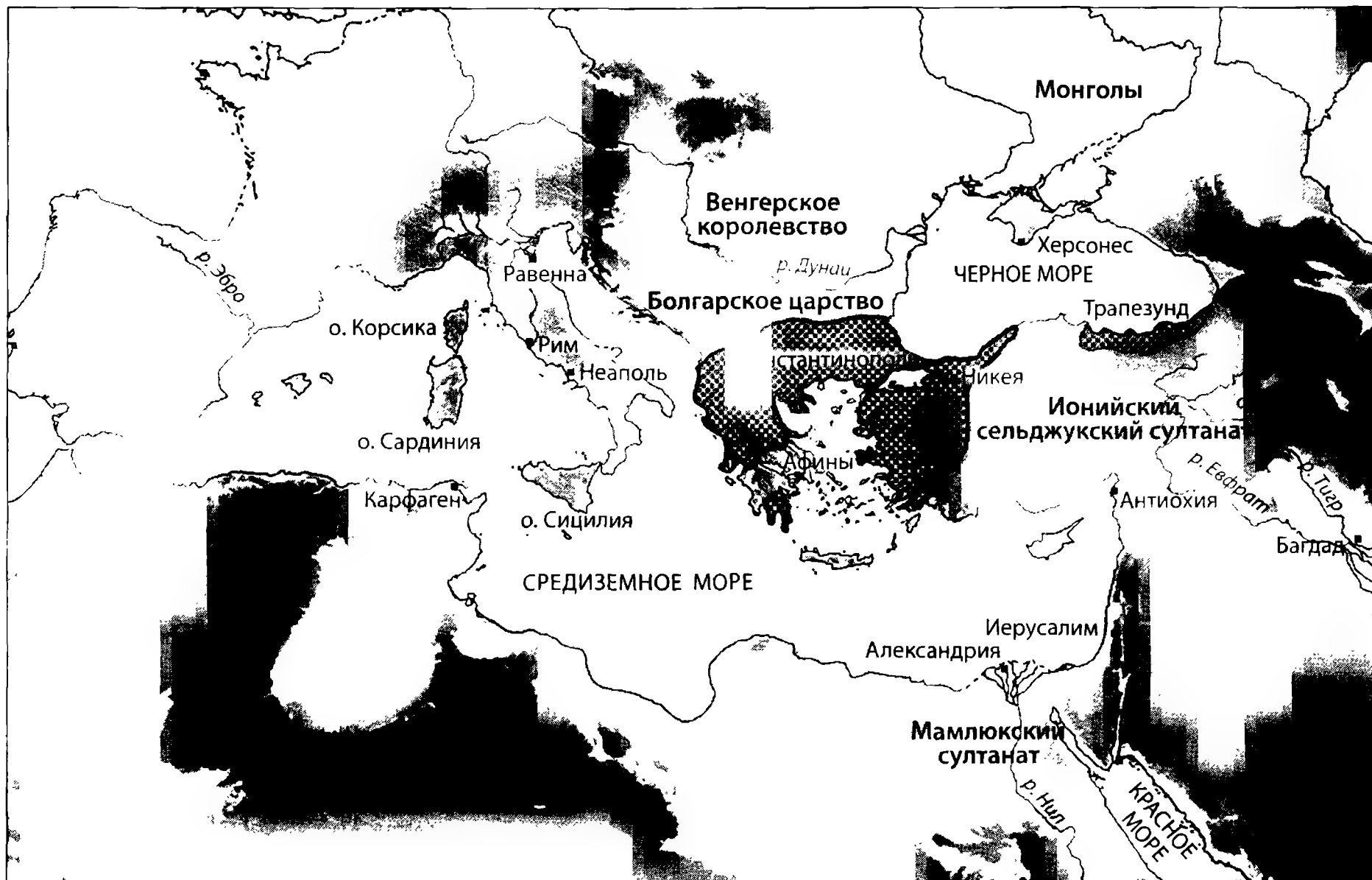
Именно в таком контексте Мануил I Комнин попытался предпринять наступление на уровне театра военных действий, чтобы покончить с Румским султанатом и восстановить власть империи во всей Анатолии. Ему уже удавалось отвоёвывать у султаната земли в ряде мелких операций. Это не нарушило традиционно дружеских личных отношений между султанами и императорами, царивших в промежутках между приступами ожесточённых военных действий. Так, в 1162 г. случилось нечто из ряда вон выходящее: визит Кылыч Арслана в Константинополь. Это не был официальный деловой визит, и кратким он тоже не был; Кылыч Арслан был человеком культурным и обладал открытым умом, как и принимавший его император, который даже осмелился заигрывать с некоей разновидностью пересмотренного теизма, который подходил бы обеим религиям.

Реакция жителей города была восторженной:

Событие великое, до удивления важное, какого, сколько я знаю, прежде у римлян никогда не случалось; ибо не всего ли выше то, что человек, управляющий такой страной и господствующий над столькими народами, предстал перед римским царем в качестве просителя?⁵⁰

Была проведена величественная церемония приёма, за которой последовали празднества и пиршества. Только совместное шествие к Свя-

⁵⁰ *Иоанн Киннам*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. V. 3; рус. пер. под ред. В. Н. Карпова, цит. по: http://www.krotov.info/acts/12/2/kinnam_5.htm; англ. пер. Charles M. Brand (New York: Columbia University Press, 1976), pp. 156—157.

Карта № 11. Империя к моменту смерти Михаила VIII Палеолога в 1282 г.

той Софии не состоялось в силу запрета, наложенного патриархом Лукой Хрисовергом, чей авторитет, несомненно, возрос из-за происшедшего в ночь перед намеченным шествием сильного землетрясения.

В ходе визита в 1162 г. к особой личной дружбе был присоединён мирный договор, но союз распался, и в 1176 г. Мануил решительно свернул с пути постепенных мер, который, как мы увидим, рекомендовали византийские посолы по военному делу, и предпринял дальнейшее нападение, чтобы захватить сельджукскую столицу Иконий (ныне Конья). В ходе тщательных приготовлений были собраны каменёты и инженерное оборудование для осады Икония, 3000 повозок с припасами, начиная с запасных стрел и кончая продовольствием, и по меньшей мере 10 000 (а может быть, вдвое больше) пехотинцев, как легко-, так и тяжеловооружённых, и конница, включая катафрактов, то есть тяжёлую конницу, применявшуюся для атаки с копьём и для близкого боя с палицей и мечом, что могло разметать любое число легковооружённых всадников⁵¹.

Обычные опасности глубокого наступления на вражескую территорию были налицо: труднопроходимая местность (Фригийские горы), которые нужно было пересечь быстро, чтобы застичь неприятеля врасплох, через узкие ущелья и проходы, удобные для сельджукских засад, но неудобные для быстрого наступления. Но после этого войскам Мануила предстояло развернуть порядки на более ровной местности перед Иконием, а ближе к городу катафракты оказались бы на ровной земле, вполне подходящей для их опустошительных атак.

То ли потому, что византийцы продвигались слишком медленно, то ли потому, что сельджуки шли слишком быстро, но 17 сентября 1176 г. два войска встретились не на равнине близ Икония, а ещё в горах, и название того места, где произошла битва, Мириокефалон, означает «Десять тысяч [горных] вершин».

Местность была неблагоприятной для византийских войск, лишённых простора, необходимого им, чтобы развернуться, перестроившись из длинных маршевых колонн в широкие боевые ряды. Кроме того, сельджуки заняли проход Циврица, которому предстояло стать полем боя до основной битвы, ибо их лучники расположились на склонах по обеим сторонам, готовые пускать во врагов стрелы или спуститься, чтобы атаковать более слабые подразделения.

⁵¹ Haldon 2001, начиная с p. 139.

Это был именно тот защитный ответ на вторжение, который, как мы увидим, предписывали византийские руководства по военному делу, особенно трактат «О стычках» (*“De velitatione”*).

Итогом стала крупномасштабная засада на оперативном уровне, при которой тактические преимущества означали нечто большее, чем простая сумма частей: преимуществом засадных лучников над лучниками, находящимися внизу, была сила тяжести; даже самая мощная конница здесь бессильна, потому что она не способна подниматься по склонам, а силы, расположившиеся на высоте, могут выбирать, когда им лучше оставаться там, а когда — спускаться, чтобы атаковать врага внизу; именно повозки с обозом были почти полностью уничтожены. Сельджуки отвратили непосредственную угрозу от своей столицы, но у них не хватило сил для того, чтобы разгромить войско Мануила. Оно в большинстве своём уцелело и отступило, но наступательный натиск империи уже иссяк.

Поражение в проходе Циврица не привело ни к каким немедленным последствиям. Мануил не был низложен, как Роман IV Диоген после своего поражения при Манцикерте в 1071 г., сельджукские войска не выступили на Константинополь, а крестоносцы не нацелились на своих покровителей-византийцев в минуту слабости последних.

В последующие годы империя оказалась не способна восстановить свою военную силу, чтобы вернуть себе инициативу. Для этого требовалось прежде всего политическое единство в правление успешных императоров, административная эффективность при сборе налогов и ещё большая эффективность в наборе вооружённых сил. Но вместо политической сплочённости рядов правящей элиты, то есть прежде всего самого двора, налицо была пагубная раздробленность на партии, из-за которой более слабая партия вынуждена была обратиться к помощи войск Четвёртого крестового похода, то есть к многонациональному сборищу сварливых и голодных королей-разбойников и незадачливых паломников, блистательно управлявшемуся венецианским дожем Энрико Дандоло, которому удалось извлечь реальные выгоды для своего города из беспорядочного насилия крестоносцев.

Далеко не впервые иностранные войска, призванные претендентами на престол, решали, кто будет править Византией. Хазары, болгары и русы — все они выступали в этой роли, но это не приводило к далекоидущим последствиям, потому что сильное византийское чувство самоотождествления, стойкая мораль и сохранившиеся в

силе административные возможности всякий раз обеспечивали полную реставрацию. Но в 1204 г. итог иноземного вторжения оказался губительным, отчасти потому, что католики больше не соглашались с легитимностью православного правления. За год до этого силы Четвёртого крестового похода восстановили власть низложенного Исаака II (1185—1195 гг.) из династии Ангелов и его сына Алексея IV в качестве соправителя. Когда недовольный этим придворный Алексей V Мурцуфл сверг их, венецианцы и крестоносцы ответили на это 13 апреля 1204 г. приступом, разграблением и захватом Константинополя в своих интересах: они возвели на престол собственного католического императора. Колоссальная прочность Восточной Римской империи была наконец подорвана не степными кочевниками из Центральной Азии, не пылкими мусульманами, ведущими джихад, но своими же собратьями по вере, христианами, соперничавшими с ними в правах на одну и ту же римскую традицию.

Крайняя изменчивость стратегического окружения, с которой византийцам приходилось считаться, опять же иллюстрируется резкими контрастами. Когда крестоносцы ворвались в Константинополь, чтобы разграбить накопленные в нём сокровища (некоторые из них можно увидеть в Венеции по сей день), многие из тех, кто был в городе, могли вспомнить о том, что в дни их юности император Мануил I Комнин, казалось, вот-вот отвоюет Италию (точно так же, как значительная часть Анатолии уже была отвоёвана ранее). Возможно, византийское влияние проникло тогда глубже в Европу, чем когда-либо ранее.

Прежде империя несколько раз была на волосок от уничтожения, но всякий раз быстро восстанавливалась; однако за падением в 1204 г. восстановления не последовало. Когда Михаил VIII Палеолог захватил Константинополь в 1261 г., он стал править греческим царством, а не империей.

Спустя несколько лет Осман, талантливый военачальник, собрал и повёл за собой последователей, выступая в качестве ещё одного гази, хотя и сомнительного воина джихада: ведь на его стороне сражались и христиане. Султан Коньи протянул до 1308 г., но ко времени смерти Османа в 1326 г. его османлы («османские») последователи начали строить могущественное государство, которое использовало всёвозрастающую оседлость огузов и других тюркских мигрантов и обладало действенной способностью вводить важные новшества в во-

енном деле. Но ни одно из этих новшеств не было важнее создания единообразного и строго дисциплинированного корпуса янычар (йе-ничери), «нового войска», предшественника всех современных армий, включавшего в себя всё, вплоть до военных оркестров. Территория на обеих сторонах пролива, находившаяся под контролем императоров в Константинополе (их титул всё более утрачивал своё значение), неуклонно сужалась в ходе непрерывных династических распрей, тогда как возрастающие потери налоговых поступлений ослабляли оставшуюся часть государства. Сдача султану Баязиду, прозванному Молниеносным (Йылдырым), казалась неизбежной к 1402 г., но вмешательство Тимурленга, притязавшего на происхождение и от монгольских Чингизидов, и от тюрок, уничтожило войско Баязида при Анкаре 28 июля 1402 г. Это позволило императорам в Константинополе протянуть до 1453 г., когда последнему из них довелось сражаться и погибнуть, проявив предельный героизм.

Часть III

ВИЗАНТИЙСКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

ПРЕДИСЛОВИЕ

В деле организации и обучения своих войск, в изобретении тактических и операционных методов, в оценке своих стратегических решений византийцы были сформированы целой военной культурой, восходящей к Древней Греции и более ранней Римской империи; но они всё больше и больше полагались на собственные наработки, в корне отличные от прежних.

По мере того как, начиная с пятого века, накладывались всё новые и новые слои, эта особая культура сохранялась и передавалась, как это всегда происходит со всеми культурами, посредством установлений, обычаев, норм, а также изустно, но наиболее надёжно — посредством письменного слова. Древнегреческие тексты по военному делу были в подобающей чести, как и некоторые римские пособия, но византийцы всё больше и больше полагались на собственный растущий корпус военной литературы, в который входит множество подробных руководств, имеющих вполне практическое значение. У нас нет ни одного настоящего римского руководства по военному делу, т. е. пособия, написанного опытным военным для военных, но у нас есть несколько византийских руководств, имеющих несомненное практическое значение. Все они рассматриваются ниже, и не все приводимые в них рекомендации устарели.

Самым непосредственным преимуществом этой накопленной военной культуры стало расширение репертуара византийских войск и военно-морского флота, что позволило им применять гораздо больше разнообразных оперативных и тактических схем, а также практически применимых стратегем, в сравнении с тем, чем могли располагать любые противники империи. Иногда это давало византийским войскам возможность застать врага врасплох и ошеломить его, используя тактику, методы, стратегемы или оружие, врагу совершенно не известные. Но гораздо чаще преимущество, получаемое благодаря этой военной культуре, было скорее более тонким и второстепенным (*marginal*), чем ошеломляющим, — но верно и то, что именно благодаря подобным небольшим второстепенным успехам (*margins*) империя переживала даже самые острые кризисы.

Однако по своим последствиям важнее любых, даже самых изощрённых стратегем была сама византийская концепция войны, совершенно особая, развившаяся к концу шестого века в настоящий «оперативный кодекс», изложенный ниже, в «Заключении». Отправной точкой здесь служило представление о невозможности решающей победы — а ведь именно она была главной целью военного дела и для ранних римлян, и для Наполеона, Клаузевица и их последователей вплоть до наших дней, — хотя, вероятно, убедительность этого представления постепенно уменьшалась. Таким образом, византийская концепция войны была революционным переворотом, чреватым далекоидущими последствиями. Эти последствия ясны из того, что делали византийцы, из того, что действительно происходило, а порою — из того, о чём византийцы сплетничали, хотя яснее и полнее всего они проявляются в различных текстах, относящихся к их военной литературе.

Византийские полководцы не были интеллектуалами. В целом они были, возможно, даже менее образованны, чем рядовые бойцы римской армии в её лучшие годы, если судить по многочисленным памятным запискам, личным письмам и разнообразным записям, сохранившимся на папирусе и древесной коре. Во всяком случае, из лучшего византийского военного руководства, то есть из «Стратегикона», приписываемого императору Маврикию, можно сделать вывод, что неграмотность была нормой даже среди старших офицеров, поскольку автор призывает мерархов быть благоразумными, практичными, опытными и по возможности уметь читать и писать. Это

особенно важно для командиров центральной меры, которые при необходимости принимают на себя обязанности стратига, то есть главнокомандующего¹. Мерарх мог командовать 7000 конников — третьей частью всей полевой армии, которую предполагает автор; иными словами, он выступает эквивалентом современного бригадного генерала, возглавляющего небольшую дивизию или большую боевую бригаду. А один из трёх упомянутых мерархов должен быть ипостратегом, «унтер-генералом», то есть примерно генерал-лейтенантом, заместителем командующего всей армией.

Но автор даже не настаивает на необходимости грамотности, он всего лишь её рекомендует, «если возможно». Видимо, грамотность среди офицеров конницы действительно была редкостью.

Одна из вероятных причин этого заключалась в том, что византийская конница шестого века, описанная автором, которая была столь многим обязана методам кочевников-степняков, сражалась бок о бок с наёмными конными лучниками, с «гуннами», часто упоминаемыми Прокопием. Возможно, это были оногуры или другие воины-тюрки, а не прямые потомки немногочисленных гуннов Аттилы, и они, конечно, набирались в регулярные византийские боевые подразделения. В ходе бесконечных войн Юстиниана безграмотные степные воины, похоже, сильно повлияли на войсковую культуру, да и на само войско, из рядов которого в силу необходимости выдвигались офицеры конницы — ибо знатная молодёжь, присылаемая из учёного Константинополя, едва ли преуспела бы в командовании полудикими всадниками.

Примечательно, что их римские предшественники делали именно это в должности префекта алы (*praefectus alae*) вспомогательной конницы, служившей первой ступенькой карьеры в сословии всадников; но офицеры, которые состояли в этой должности, сведения о коих сохранились, были по большей части не юными нобилями, а ветерана-

¹ Книга I; *Das Strategikon des Maurikios* («Стратегикон» Маврикия), изд. и предисл.: George T. Dennis, нем. пер. Ernst Gamillscheg (Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaft, 1981). Ранее: H[aralambie] Mihăescu (изд., пер.). *Mauricius. Arta militară* (Маврикий. Военное искусство; Bucarest: Academiei Republicii Socialiste, 1970). Здесь приводится англ. пер.: George T. Dennis (пер., прим.). *Maurice's Strategikon. Handbook of Byzantine Military Strategy* («Стратегикон» Маврикия. Пособие по византийской военной стратегии; Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1984). Здесь и далее цитируется как: *Strategikon-Dennis*, p. 16.

ми-центурионами или племенными вождями². Попутно можно заметить, что в европейских армиях до 1914 года кавалерийские офицеры, особенно гусары и другие лёгкие кавалеристы, были, как правило, не столь образованны, как их коллеги из пехоты и особенно из артиллерии, — и это, возможно, верно и по отношению к шестому веку.

Преобладающей безграмотностью вполне можно объяснить то, что автор «Стратегикона» столь тщательно перечисляет названия подразделений и рангов и выписывает множество команд, которых требует разъясняемая им тактика, — как мы видели, многие из них отдавались скорее по-латински, чем по-гречески. Когда неграмотные повторяют слова, услышанные ими от других неграмотных, особенно на неизвестном им языке, со временем большинство этих слов изменяется до неузнаваемости, и своё действительное значение они сохраняют только среди членов группы, но не за её пределами, вследствие чего возникает высокая вероятность катастрофического непонимания, когда офицеры переходят из одного подразделения в другое.

Безграмотностью среди офицеров объясняется и то, почему автор оправдывает свою книгу такими словами: «...те, кто берётся командовать бойцами, не понимают даже самых простых вещей и попадают во всевозможные затруднения...»

Война — дело коллективное. Если один грамотный командир вспомнит хитроумную стратегему или тренировочный приём, с которыми он встретился при чтении, то их сможет применить целое войско неграмотных бойцов.

² G. L. Chessman. *The Auxilia of the Roman Imperial Army* (Вспомогательные силы римского имперского войска; Chicago: Ares publishers, 1975; перепечатка издания: Oxford, 1914), pp. 90—92.

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Неграмотность среди конных офицеров не помешала изучению, распространению и сохранению целого репертуара знаний о тактике, почерпнутого изначально из книг. Это и в самом деле было важным преимуществом византийцев, собственная военная литература которых внесла важный вклад в их же военную культуру — насколько нам известно, больше, чем римская литература, включая утраченные тексты Катона, Цельса, Фронтин (чьи «Стратегемы» сохранились до наших дней) и Патерна. Более поздние византийские руководства по военному делу следовали одно за другим; и, хотя некоторые из них представляли собою всего лишь сокращённые изложения более ранних трудов, восходящих в конце концов ко греческой античности, начиная с Энея Тактика, писавшего в 364 г. до н.э., другие были, несомненно, трудами вполне оригинальными¹.

В противовес этому единственное сохранившееся до наших дней римское руководство по военному делу, «Краткое изложение военного дела» Вегеция, было написано учёным, склонным к любованию древностями, не имевшему никакого военного опыта, в самом конце чет-

¹ По-прежнему сохраняет важное значение обзор: *Alphonse Dain*, ed. by J. A. de Foucault. *Les stratégistes Byzantins* (Византийские теоретики стратегии), в ТМ, № 2 (1967), в дальнейшем *Dain-Foucault*, pp. 317—392.

вёртого века или в начале пятого века — когда от римского войска осталось не так уж много². В отличие от «Муломедицины» (*Mulomedicina*), пособия по ветеринарии, полного здоровых практических советов, в его изложении военного дела приводятся увещания и благородные примеры древней славы наряду с тактическими предписаниями и наставлениями, которые иногда непрактичны и зачастую непоследовательны, потому что римская армия, изображённая в этой книге, представляет собою коллаж из более ранних реалий, подаваемых именно как таковые, некоторых современных автору реалий и личных пожеланий автора относительно современной ему римской армии. Подчас Вегеций слишком увлекался копированием того или иного текста.

Например, говоря об упражнениях в стрельбе из лука, Вегеций сначала даёт довольно бесполезный совет, совершенно обходя стороной значение составного лука с обратным изгибом, который к тому времени уже широко использовался:

Третью или четвертую часть молодых новобранцев, которые по отбору являются для этого наиболее подходящими, надо всегда заставлять упражняться деревянными луками и стрелами, предназначенными для игры, тоже на чучелах. Для этого надо выделить специальных искусных учителей...³

Таковым Вегеций не был, ибо глупо тренировать стрелков на слабых деревянных луках для боя с очень тугими составными луками. Напротив, основополагающим правилом для римлян было использование утяжелённых щитов, мечей и дротиков, чтобы по крайней мере облегчить физические усилия в бою. Если тренировочные луки вообще существовали, то они должны были быть ещё более тугими, чтобы подготовить людей к сражению.

Другие дошедшие до нас латинские тексты, посвящённые военному делу, бесполезны, но они тоже не представляют собою систематичес-

² Публий Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела (*Epitoma rei militari*). Латинский текст: <http://www.intratext.com/X/LAT0189.HTM> группой Eulogos SpA — желаю им процветания. Рус. пер.: Вегеций/Кондратьев, <http://www.xlegio.ru/sources/vegetii/>; англ. пер. и комм.: N. P. Milner. *Vegetius: epitome of Military Science* (Liverpool: Liverpool University Press, 1996), Second Revised Edition. Здесь и далее *Vegetius-Milner*. О датировке см.: pp. xxxvii—xli.

³ Вегеций. I. 15; рус. пер.: Вегеций/Кондратьев, цит. по: <http://www.xlegio.ru/sources/vegetii/vegetii2.htm>; англ. пер.: Vegetius-Milner, p. 15.

ких военных пособий. «Стратегемы» Секста Юлия Фронтинана, как сам он объясняет, не являются трудом по стратегии: ведь он призывает читателя иметь в виду, «что стратегика [стратегия] и стратегемата [военные хитрости], хотя и очень сходны, различаются между собой»⁴ — но скорее компиляцией образцовых эпизодов стойкого, отважного, новаторского, умного, хитрого и коварного командования на войне. «Стратегемы» разделены на четыре книги: о стратегемах, начиная с раздела о том, «Как скрыть свои планы»; «О поведении во время боя»; «Об осаде», и последняя, четвёртая книга — скорее о принципах войны, чем о стратегемах. Примеры отобраны удачно и хорошо изложены — можно даже отметить, что современный командир извлёк бы пользу из чтения этой книги. Книга II, о поведении командира в бою, излагает ряд интересных стратегем под заголовками: «Выбор времени для битвы», «Выбор места для битвы», «Построение войска», «Как расстроить ряды неприятеля», «Засады», «Как выпустить врага, чтобы он, будучи заперт, в отчаянии не возобновил сражения» (этот принцип высоко ценился в военном деле в восемнадцатом веке, когда «золотые мосты», пути удобного отхода врага, намеренно оставляли без охраны) — и ещё восемь, завершая разделом «О бегстве».

Особый интерес из-за того света, который они проливают на римский, а в данном случае на византийский образ мыслей, представляют цитаты, отобранные Фронтином для седьмого (и последнего) раздела книги IV, посвященного военным максима́м. Некоторые из них взяты из «Достопамятных деяний и изречений» Валерия Максима, от имени которого и происходит само это слово, «максима́». Они выказывают отсутствие желания подражать дерзкому натиску, свойственному Александру Великому, сколько бы им ни восхищались. Так, уместно цитируется Юлий Цезарь:

[он] говорил, что он применяет против врага тот же способ, который большинство врачей применяют против телесных недугов, — побеждать их скорее голодом, чем железом⁵.

⁴ Секст Юлий Фронтин. Стратегемы (Strategemata). рус. пер. А. Б. Рановича, Фронтин/Ранович, цит. по: <http://www.xlegio.ru/sources/frontin/frontinus.htm>; англ. пер.: С. Е. Bennet, Loeb № 174 (Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1980); здесь и далее: Frontinus, p. 7.

⁵ Фронтин. IV. 7. 1; рус. пер. А. Б. Рановича, Фронтин/Ранович, цит. по: <http://www.xlegio.ru/sources/frontin/frontinus.htm>; англ. пер.: p. 309.

Цитируются также слова успешного военачальника первого века, Домиция Корбулона, говорившего, что «врага нужно побеждать мотыгой (dolabra)». Следующая максима лишь подтверждает эту точку зрения:

Луций Павел [Луций Эмилий Павел Македонский, 229—160 гг. до н.э.] говорил, что полководец должен иметь нрав старца, желая этим сказать, что надо следовать благоразумным планам.

Равно как и четвёртая:

Сципион Африканский, как передают, когда некоторые говорили, что он мало участвовал в боях, заявил: «Мать родила меня повелителем [imperatorem], а не забиякой [bellatorem]»; это слово противопоставляется названию дисциплинированного воина, miles].

И пятая:

Гай Марий [консул и военный реформатор в 157—86 гг. до н.э.], когда тевтонец вызывал его и требовал, чтобы он вышел вперед, ответил, что, если ему хочется умереть, он может покончить с собой посредством веревки...

Не случайно сам Фронтин был удачлив на войне как командир легиона и военный правитель [legatus] в воинственной Британии с 74 г., где он подчинил опасных силуров в Уэльсе и построил дорогу Виа Юлия, следы которой до сих пор можно видеть в графстве Монмутшир. Значительно позже, в 97 г., император назначил его ответственным за все акведуки города Рима, и его очень точное описание того, как они действовали («О водах города Рима», “De aquis urbis Romae”), на диво поучительно. К сожалению, его пособие по тактике, «Военное искусство», было утрачено, и сам Фронтин отмечает, что в те дни в Риме не было другого труда, сопоставимого с этим, что весьма показательно: «Поскольку лишь я один из тех, кто интересовался военной наукой (militaris scientia), решил свести её правила в систему...»⁶

Живший во втором веке юрист-литератор Полиен из Вифинии в северо-западной Анатолии посвятил свой трактат «Стратегика», написанный по-гречески (посвященный всё же стратегемам, а не стра-

⁶ Frontinus, p. 3.

тегии, невзирая на заглавие), императорам Марку Аврелию и Луцию Веру по случаю их войны с аршакидской Персией, или Парфией, начавшейся в 161 г. Он заискивал перед властью имущими — возможно, надеясь на хорошо оплачиваемую синекуру, вроде той, что Адриан пожаловал плодовитому писателю Плутарху. Имея в виду эту цель, Полиен заявлял о своём македонском происхождении: «Я же, муж-македонянин, у которого способность побеждать несущих войну персов — в обычае отцов, не хочу быть бесполезным для вас при нынешних обстоятельствах»⁷.

Примеры, избранные Полиеном, почерпнуты частью из собственно классических текстов о древних временах и о малозначительных битвах, которые вели греческие города классической эпохи (после чего ко времени Полиена прошли уже сотни лет), частью из эллинистической эпохи (причём Полиен сохранил некоторые исторические данные и детали, из других источников неизвестные), а частью из римской истории вплоть до Юлия Цезаря; во всех примерах упор сделан определённо на «штучки», а не на какие-то иные формы проявления одарённости.

Это не вдохновляющий труд. Кажется вполне очевидным, что у Полиена не было личного военного опыта (никаких характерных признаков этого нет), и если он действительно написал утраченный труд по тактике, как утверждает византийская энциклопедия «Суда», составленная в десятом веке⁸, то потеря невелика. Но некоторые византийцы ценили Полиена очень высоко. Высокоучёный Константин Порфирородный рекомендовал его труд как ценный источник исторических сведений, а успешный военачальник Никифор Уран — из-за изложенных в нём стратегем; сочинение Полиена то и дело подвергалось пересказам с изменениями или без таковых, а также служило источником цитат и выписок. В новом издании Полиена два таких опыта переведены: трактат IX в. «Выдержки из Полиена» (*“Excerta Polyaei”*) и сочинение X в. «Стратегемы» (*“Strategemata”*), ошибочно приписываемое императору Льву и составляющее последнюю часть

⁷ Книга I, 6—8; рус. пер. О. Владимирской и др., цит. по: http://evrasiabooks.narod.ru/Nonserial/Polienus_text.htm; изд. и англ. пер.: Peter Krentz, Everett L. Wheeler. *Polyaenus Stratagems of War* (Chicago: Ares, 1994). Vol. I, paragraph 1, p. 5. Из предисловия мы узнаём, что Уилер (Wheeler) посвящает свой труд своему коту J. B., «который любит читать по-гречески».

⁸ Сейчас предпринята похвальная попытка выложить 30 000 статей словаря «Суда» в Сеть, с программой поиска: <http://www.stoa.org/sol-bin/search.pl>.

(разделы 76—102) труда, опубликованного под заглавием «Собрание тактиков» (“Sylloge Tacticorum”), речь о котором пойдёт ниже.

Можно даже сказать, что оба они полезнее оригинального труда: частью потому, что выборки действительно предпочитают лучший материал, частью же потому, что истории классифицированы в них по темам: выявление трусов и шпионов, разбивка стана и т. п. в «Выдержках», включая «тактику», хотя в посвящённом ей разделе мы обнаруживаем всего три довольно банальных примера: о том, как афиняне изумили лакедемонян, стоя на месте с вытянутыми копьями, когда от них ждали атаки; о том, как спартанец Клеандрид перехитрил левканийцев, сперва уплотнив фалангу, чтобы её обошли с флангов, а затем развернул её вширь, чтобы поймать врагов в ловушку; и о том, как Александр Великий разбил Пора, то есть пенджабского раджу Пуру, применив новое тактическое разворачивание сил: конница выступала под углом с правого фланга боевого строя, причём и фаланга, и легковооружённые воины находились также справа — это была, наверное, самая тяжёлая битва из всех, что ему довелось вести. Что же касается «Стратегем», то их составитель отбирает совсем иные предметы, начиная с того, как надлежит передавать секретные сообщения, что предполагает изощрённейшую хитрость — хотя она действительно применялась:

[Луций Корнелий] Сулла [Феликс] взял мочевого пузыря свиньи и, туго надув его и завязав, дал ему высохнуть, после чего написал на нём восковой [несмываемой] краской то, что хотел написать. Затем он развязал пузырь, скомкал его и положил в кувшин для масла; после чего, снова надув пузырь и наполнив его маслом, он отдал кувшин одному из самых доверенных людей и отправил его [к получателю] с наказом: разбить кувшин в укромном месте.

Другие предметы включают в себя парную хитрость: как сделать, чтобы маленькое войско выглядело большим (добавить людей на ослах или мулах прямо перед немногочисленной конницей), и как сделать, чтобы большое войско показалось маленьким (разжечь всего несколько костров в стане ночью и т. п.).

Что Полиен может развлечь и увлечь читателя — это несомненно, но его труд, разумеется, не представляет собою систематического руководства наподобие «Стратегикона».

Это вполне верно (и куда менее простительно) по отношению к труду другого, лучше образованного и гораздо более высокопоставленного

римского гражданина, Луция Флавия Арриана, друга Адриана до того, как тот стал императором, впоследствии же назначенного Адрианом на высокую должность наместника Каппадокии в северо-восточной Анатолии. Он тоже писал без особой пользы, но в его случае это объяснялось его же дурным выбором, потому что у него был широкий и крайне интересный военный опыт: ведь он служил на нескольких фронтах, занимая командные должности. Но он предпочёл принять позу собирателя древностей — несомненно, для того, чтобы угодить своему патрону, эллинофилу Адриану.

Этот плодовитый писатель, более известный своим повествованием о походе Александра Великого до самой Индии, написал также «Тактическое искусство» («Техне тактике»)⁹. Заглавие многообещающее, ибо слово «техне» означает практическое знание/умение, но содержание разочаровывает, поскольку вместо того чтобы написать о римской тактике, которую Арриан отлично знал из первых рук, он предпочёл подражать другому греческому литератору, жившему в Риме чуть раньше, в начале второго века, Элиану Тактику, чья «Теория тактики» («Тактике феория») представляет собою подробнейшее описание упражнений и базовой тактики давно уже вышедшей из употребления македонской фаланги; труд Элиана был широко известен в Европе начиная с XVI века, когда беспорядочные средневековые толпы, пригодные лишь для рукопашного боя, уступили место устойчивым воинским формированиям, предназначенным исполнять тактические указания¹⁰. Арриан единственный раз прерывает свой пересказ этого текста, чтобы описать... не римскую тактику, нет, но скорее парадное упражнение конницы, которым он, очевидно, командовал — или просто созерцал его, сидя рядом со своим патроном Адрианом (117—138 гг.). В этом отрывке он опять же не даёт никакого описания того, что в действительности происходило, а сохраняет лишь команды — причём со смехотворными извинениями за экзотические слова, уродующие его греческий текст: точно так же римляне брали иберийские и кельтские термины, как они брали «троны правителей...».

⁹ Греч. текст и англ. перевод: *James G. De Voto. Flavius Arrianus* (Флавий Арриан) Chicago: Ares, 1993.

¹⁰ Напр., *Cl. Aeliani et Leonis Imp. tactica sive de instruendis aciebus* (Кл. Элиана и Льва имп. Тактика, сиречь о боевых построениях): Meursius, Lugduni Batavorum [Leiden], apud Ludovicum Elzevirium, 1613.

В 136 г. Арриан повёл большую полевую армию из двух легионов с сильными вспомогательными войсками в римскую Армению, чтобы отразить нападение конников-алан с Северного Кавказа и лежащих за ним степей. Сохранилась лишь часть его рассказа о построении сил, которыми он командовал, «Диспозиция против алан» («Этаксис ката аланон»), и она опять же искажена стремлением Арриана подражать античности: вместо легиона у него выступает давно уже не существующая фаланга, классические скифы вместо незнакомых алан (хотя в заглавии они появляются) и другое в том же роде, вплоть до отождествления командующего (то есть себя самого) с Ксенофонтom, жившим за пятьсот лет до этого, которым Арриан, очевидно, восхищался и как писателем, и как военным (между прочим, в качестве заглавия своего труда о походе Александра Арриан взял название самого известного сочинения Ксенофонта: «Анабасис»).

Несмотря на то что сам автор старался избегать малоизящной точности, для его «Диспозиции» (известной также под латинским заглавием, “*Acies contra Alanos*”) были реконструированы вполне точные определения каждого из построений, и результат получился весьма интересным: и сам по себе, и как пример строя настоящей римской полевой армии, готовой к бою, и как основа для сравнения с более поздними византийскими полевыми войсками — поскольку некоторые стандартные римские формирования появляются в них заново в качестве предписанных византийской тактикой. Но основные силы двух легионов были сугубо римскими: имеются в виду XII легион «Фульмината» (“*Fulminata*”) и XV «Аполлинариев» (“*Apollinaris*”), каждый из которых располагал камнемётной и стреломётной артиллерией, 120 легковооружёнными всадниками для обеспечения связи и для разведки, а также различными специалистами, равно как и десятью когортами пехоты, что давало в сумме 5000 вооружённых пехотинцев при полном укомплектовании.

Обычно принято утверждать, что в римской армии той поры силы легионеров, состоявшие из тяжеловооружённой пехоты, инженерных войск и артиллерии, дополнялись примерно таким же числом вспомогательных войск, набиравшихся по большей части из людей, не являвшихся гражданами империи, на её окраинах и даже за её пределами. Они, конечно же, дополняли тактически доминирующую, но медленную и неповоротливую тяжеловооружённую пехоту за счёт различных подразделений пехоты легковооружённой, а также лёгкой и тяжёлой

конницы, что прибавляло недостающей легионам оперативной гибкости, подвижности и искусства метания камней и стрельбы из лука. Но если действительно верно, что эти пропорции были примерно равны в римской армии в целом (а убедительных доказательств этому нет), тогда они непременно должны были быть равны в каждой полевой армии, иначе не было бы смысла собирать экспедиционные полевые войска, не предприняв попытки отобрать вспомогательные подразделения, тесно связанные с основными силами и при этом подходящие именно для этой местности и именно для этого врага.

В данном случае Арриан сражался с аланами, пришедшими из степи со своими лошадьми, как ранее гунны и авары (хотя эти народы проделали более долгий путь), но аланы не были вооружены составными луками с обратным изгибом, как и римские вспомогательные подразделения лучников. Кроме того, конные гунны и авары объединяли свои силы с воинами из покорённых ими народов, сражавшихся пешими: гунны — с готами и гепидами, авары — со славянами. В отличие от них аланы, с которыми столкнулся Арриан, были, похоже, исключительно конниками и не располагали никакой пехотой (аланы, сведения о появлении которых в Европе восходят примерно к 400 г., были вытеснены к западу гуннами. Кавказские аланы продолжали жить в средневековом государстве Алания, а их потомки, осетины, до сих пор живут в Грузии и в России).

Этим объясняется высокий процент конных воинов во вспомогательных силах его экспедиционного войска: сначала подразделение конных разведчиков, которое должно было идти впереди основных сил, «отряд разведчиков» (*numerus exploratorum*), состоявший, возможно, из 300 всадников; затем главный конный контингент, четыре алы по 500 всадников в каждой при полной комплектации¹¹; затем следовал особый тип римского вспомогательного подразделения, «когорты с конницей» (*cohors equitata*), в которой всадники были смешаны с пехотой в составе одного формирования, чтобы обеспечить и патрулирование и защиту крепостей, а также лёгкая конница и пехота для наступления: три удвоенных по численности (*miliaria*) подразделения из 240 всадников и 760 пехотинцев при полной комплектации, включая одно подраз-

¹¹ I Императорская ала колонов (*Ala I Augusta Colonorum*), I Ульпийская ала даков (*Ala I Ulpia Dacorum*), II ала галлов (*Ala II Gallorum*), II Ульпийская Аврийская ала (*Ala II Ulpia Auriana*).

деление лучников, и пять смешанных подразделений стандартной численностью по 120 всадников и 380 пехотинцев в полном комплекте¹².

Все эти конные и смешанные подразделения сопровождала единственная сугубо пехотная когорта, притом необычная, изначально составленная из римских граждан: I Италийская когорта римских граждан-добровольцев (*Cohors I Italica voluntariorum civium Romanorum*) в 500 человек при полной комплектации; при общем составе в 4680 человек вспомогательной пехоты в противоположность 3620 всадникам. Если бы все наличные вспомогательные подразделения были полностью укомплектованы (что наименее вероятно в любой армии в любое время), то их общее число должно было бы составить 8300 человек (значительно меньше, чем 10 000 снабжённых надёжным оборонительным вооружением пехотинцев в двух легионах), но, конечно, ещё менее вероятно, что они могли быть полностью укомплектованы: отчасти потому, что базы легионов нельзя было оставить вообще без воинов, учитывая присутствие там их семей, а также и находящихся на лечении и обучающихся новичков, отчасти же потому, что воинам легионов, которые обычно умели читать, писать и считать, всегда приходилось исполнять самые разнообразные поручения в помощь гражданской власти.

Что же касается соотношения всадников и пехотинцев в войске Арриана, то оно составляет один к четырём, если распределить отсутствующих поровну, то есть гораздо меньше, чем в византийских полевых армиях, статистическими сведениями о которых мы располагаем. Больше конницы, чем пехоты, притом конницы элитной, многоцелевой — вот что лучше подходило для менее решительного и более гибкого византийского стиля ведения войны.

Изобрести новый стиль войны — именно такова была цель анонимного сочинения “*De rebus bellicis*”, «О военном деле», последнего римского руководства по военному делу — ибо Западная империя близилась к своему концу в то время, когда он был написан¹³.

¹² IV когорта ретов с конницей (*Cohors IIII Raetorum equitata*), III Императорская Кирийская когорта лучников с конницей (*Cohors III Augusta Cyrenaica sagittariorum equitata*), I когорта ретов с конницей (*Cohors I Raetorum equitata*), когорта лучников-итуреев с конницей (*Cohors Ituraeorum sagittariorum equitata*), I когорта нумидийцев с конницей (*I Numidiarum equitata*).

¹³ E. A. Thompson. A Roman Reformer and Inventor: being a new translation of the treatise *De Rebus Bellicis* (Римский реформатор и изобретатель: новый перевод трактата «О во-

Этот памфлет, дошедший до нас в единственном экземпляре с существенно важными иллюстрациями, — не упражнение в ностальгической любви к древностям в манере Вегеция и не литературный экзерсис. Он написан смертельно серьёзно, и его автор действительно боялся за выживание своей цивилизации.

Заявив о том, что империя разрушается из-за невероятно дорогостоящего содержания многочисленного войска, которое тем не менее не способно отразить опустошительные вторжения варваров, и признав при этом, что простое снижение численности войска стало бы причиной ещё больших разрушений, автор предлагает на диво современное решение: механизацию. Он даже приводит нечто вроде анализа стоимости/выгоды, чтобы доказать, что военную силу римлян можно увеличить, снизив численность воинов, но повысив при этом боеспособность каждого отдельного бойца. Это нужно сделать, вкладывая деньги в лучшее оборонительное и личное оружие (включая лёгкие дротики, которые впоследствии действительно станут излюбленным оружием в византийских войсках), а также в новые военные машины, включая установленные на колёса многозарядные стреломёты, различные виды боевых колесниц с вращающимися лезвиями, а также корабли, приводимые в движение быками (их изображение впоследствии часто воспроизводилось). Одни из этих машин вполне осуществимы практически, другие — всего лишь плод вымысла; но если автор и не был практикующим инженером, то он, несомненно, был трезвым и последовательным аналитиком своего трагического времени.

Лет за пятьсот до этого гораздо более практичные военные машины были описаны Марком Поллионом Витрувием, военным инженером, жившим в первом веке до н.э., при Юлии Цезаре, автором популярного впоследствии трактата «Об архитектуре» (*“De architectura”*), оказавшего сильное влияние на Андреа Палладио, который жил в XVI в., но был известен притом и в Византии; последнее явствует из того, что живший в двенадцатом веке свободный писатель и поэт Иоанн Цец упоминает пассаж из этого труда¹⁴.

енном деле»; Oxford: Oxford University Press, 1952). Рус. пер. С. А. Лазарева см.: http://www.ancientrome.ru/antlittr/anon-lat/bell_f.htm.

¹⁴ *Frank Granger. Vitruvius on Architecture* (Витрувий об архитектуре; Cambridge: Harvard University Press, 1983), p. xv. Рус. пер. трактата: *Витрувий. Десять книг об архитектуре*. Пер. с лат. Ф. А. Петровского. М.: Изд-во Академии архитектуры, 1936.

Большая часть этого сочинения посвящена подробным разъяснениям методов и проектов строительства, греческим и римским, а также их истории, с такими добавлениями, как осмотр печени местных овец, цель которого — решить, пригодно ли данное место для жилища: если печень у всех животных синеватая и повреждённая (*livida et vitiosa*), то данное место опасно (I. 4. 11). Характерная для Витрувия особенность: этот метод действительно мог применяться для определения химически загрязнённой почвы. Книга X в основном посвящена машинам: лебёдкам, шкивам, водяным насосам, транспортным средствам, рычагам, подъёмникам, механическим мельницам, сифонам, водяному органу и повозке, измеряющей пройденное расстояние, — всё это можно построить, соблюдая его размеры, и всё это будет работать.

Это верно и по отношению к описанию стреломётных катапульти (все их размеры определяются длиной предполагаемой стрелы), открывающему десятую главу книги. Витрувий объясняет, как сконструировать катапульты, приводимые в действие торсионным усилием веревок и/или скрученных человеческих волос, а также сухожилий, приводя точные размеры каждой из составных частей; много подобных машин было построено в наше время по его указаниям. Затем, в главе XI, даются столь же полные указания по постройке камнемётной баллисты¹⁵, тщательно продуманная конструкция которой является производной от предполагаемого веса снарядов. Они предназначены для людей, несведущих в геометрии, которым некогда тратить время на расчёты (*cogitationibus detineantur*) среди опасностей войны, т. е. воинам в поле; лишь неясности обозначений затруднили бы современную реконструкцию опытными любителями. В главе XII следуют указания о том, как готовить оба эти устройства к битве.

Затем Витрувий пишет об истории и концепциях проекта осадного тарана (очевидно, на основе утраченных греческих текстов), о передвижных башнях, речь о которых пойдёт ниже, о сверлильных и подъёмных машинах (*ascendentem machinam*), поднимающих осаждающих воинов на высоту стены (см. описание самбуки ниже), и об иных подобных вещах. Затем он переходит к подробным указаниям о том, как построить передвижной защищённый таран, или «баранью черепаху» (*testudo arietaria*). Глава XIV начинается с описания передвижной крытой «черепахи» для

¹⁵ Впоследствии значение двух этих терминов поменялось: камнемётная катапульта и стреломётная баллиста.

засыпки рвов, защищённой от тяжёлых снарядов прочными балками, а от зажигательных — сшитыми в две совершенно сырыми бычьими шкурами, набитыми водорослями или соломой, смоченной в уксусе. Далее следуют концептуальные модели других древнегреческих машин, включая защитные сооружения из главы XVI: такие, как кран, способный захватить осадную башню, приближающуюся к стене, поднять и перетащить её внутрь города; и метод, применённый архитектором Диогнетом Родосским, которому сначала платили из казны жалованье за его искусство; ему пришлось придумать, как справиться с гигантской передвижной осадной башней, построенной для царя Деметрия (Деметрий I Македонский, 337—283 гг. до н.э.), прозванного Полиоркетом («Осаждающим города»). Эта башня была более 41 м высотой и 18 м шириной, прочна настолько, что выдерживала удар камня весом примерно в 163,5 кг, и сама весила около 163,5 тонны. Диогнет велел жителям города выливать воду, нечистоты и помои через пролом в стене, из-за чего передвижная башня застряла в образовавшемся болоте, и Диогнет получил заранее оговорённую плату: саму машину. Далее идут ещё несколько подобных рассказов, хороших историй и примеров здоровой инженерной мысли.

Впоследствии более эллинизированные византийцы отказались от всего этого как от наследия древнегреческого инженерного дела; в сущности, так оно и есть, но достоинствами трактата Витрувия являются краткость и практичность.

Те же самые достоинства в ещё большей мере присущи труду третьего века н.э. «Об устройстве военных лагерей» (*“De munitionibus castrorum”*), который некогда приписывали автору второго века Гигину Громатике (Hyginus Gromaticus, «землемер»); потому автором этого сочинения считается ныне Псевдо-Гигин. Сохранившаяся часть («фрагмент» — то есть полный текст, казалось бы, должен быть гораздо длиннее, но это не представляется правдоподобным) этого трактата состоит из 58 разделов, по большей части длиною всего в несколько строк, то есть около десяти печатных страниц; но написано это предельно кратко и ясно, так что «фрагмента» оказывается достаточно для точных, последовательных инструкций по устройству римского походного лагеря — *“Marschlager”*, как называл его издатель, переводчик (на немецкий) и комментатор этого текста, знаменитый Альфред фон Домашевский¹⁶.

¹⁶ Hygini Gromatici Liber de Munitionibus Castrorum (Гигина Громатика «Книга об укреплении лагерей», Leipzig: von Hirzel, 1887; перепечатка: Hildesheim: Dr. H. A. Gestenberg,

Римский лагерь (*castrum*) был, несомненно, одним из секретов военных успехов римлян — и этот секрет не был утрачен в Византии: написанный в десятом веке труд «О военном деле» (*“De re militari”*), заново изданный под заглавием «Организация и тактика кампании» (*“Campaign Organization and Tactics”*) и рассмотренный ниже, начинается с подробного описания расположения походного лагеря.

Устраивая окружённый рвом и палисадом лагерь для самих себя, при необходимости ежевечерне, когда приходилось идти маршем по беспокойным территориям, римляне, а за ними и византийцы не только ограждались от опасных ночных атак, но и обеспечивали себе спокойный сон, не тревожимый ни внезапными набегами, ни лазутчиками. Когда тысячи бойцов и лошадей скапливаются внутри укрепленного периметра, который должен быть как можно короче, чтобы охранять его как следует, строго определенное расположение палаток, груза и лошадей в каждом подразделении, со свободными проходами между ними, ведущими на широкие «улицы», — вот единственная альтернатива хаосу, толкотне и сумятице, которые воцаряются в случае вражеской атаки или даже просто при срочном выходе из лагеря. Кроме того, только таким образом можно помещать уборные вдали от рек или источников и ниже их. В основополагающем пособии по военному делу, известном как «Стратегикон» (императора) Маврикия, который подробно рассматривается ниже, рекомендуется совершать ночные атаки на лагерь сасанидских персов, если идёт война с ними (XI. 1. 31); высокосведущие во всём остальном, в лагерях они совершали серьёзное упущение. Хотя они тоже обносили их рвом и охраняли периметр, но к внутреннему дисциплинированному расположению одного подразделения за другим они не принуждали — воины располагались, где им заблагорассудится¹⁷.

Лагерь, описанный в труде «Об устройстве военных лагерей» (*“De munitionibus castrorum”*), действительно очень велик (слишком ве-

1972) с анализом (*Die Lagerordnung. Устройство лагеря*), начиная с р. 39. Есть также ценный «интра-текст»: <http://www.intratext.com/X/LAT0347.html>, и недавний англ. пер. Cathrine M. Gilliver. *The de munitionibus castrorum*. *Journal of Roman Military Equipment Studies*. Volume 4, 1993. 33—48 (я его не просматривал). Рус. пер. А. В. Колобова (с паралл. лат. текстом): http://ancientrome.ru/antlittr/psdgigin/cast_f.htm.

¹⁷ См. также: *John Earl Wiita. The Ethnika in Byzantine Military Treatises* (Этнонимы в византийских военных трактатах; неопубликованная докторская диссертация в университете Миннесоты, 1977), р. 101.

лик, обычно они были гораздо меньше), потому что он должен вместить три легиона в полном составе, четыре конные «тысячные алы» (*alae miliariae*) по тысяче всадников в каждой, пять «пятисотенных ал» по пятьсот всадников в каждой и ещё тридцать три легионных подразделения и единицы вспомогательных войск, при широком разнообразии представленных видов войск, включая 1300 моряков или «морских пехотинцев» на лодках (500 моряков Мизенской флотилии и 800 — Равеннской), 200 разведчиков (*exploratores*), 600 мавританских всадников, 800 паннонских лёгких конников и многие другие, что даёт в сумме невероятную цифру: более 40 000 солдат и 10 000 лошадей. Вполне очевидно, что перед нами своего рода учебное упражнение по устройству лагеря, и каждому подразделению в общем плане отводится своё место, то есть когорты легионной тяжеловооружённой пехоты расставляют палатки по внешнему периметру, который они должны были защищать в первую очередь, с обычной двойной штаб-квартирой квестория и претория в просторном центральном сегменте. Несмотря на свой малый объём, этот труд чрезвычайно поучителен, и вполне возможно, что именно благодаря ему сохранилась концепция походного лагеря, которую, как нам известно, изучали и практиковали ещё в течение по меньшей мере семисот лет.

Для византийцев римская военная литература, будь то по-гречески или по-латински, не могла быть классической: только древнегреческие тексты могли притязать на этот статус, начиная с безупречно древнего Энея, жившего в четвёртом веке до н.э. и обычно известного по прозвищу Тактик, который написал труд об обороне укреплённых позиций¹⁸. Дошедший до нас текст — лишь часть более пространныго труда, упоминаемого и цитируемого Полибием («История», X. 44), но с притворной похвалой методу подачи сигналов, предлагаемому Энеем.

Содержание трактата было, несомненно, оригинальным для тех времён; но, хотя это сочинение достаточно практично, особой одарённости в нём не проявляется, и оно не оказало сколько-нибудь ощутимого влияния на византийскую практику, хотя этот труд помнили, цитировали и использовали как источник выписок, которые делал, в

¹⁸ Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander (Эней Тактик, Асклепиодот, Онасандр. Изд. и англ. пер.: W. A. Oldfather для Illinois Greek Club, Loeb 156 (Cambridge Mass: Harvard University Press, 1977). Рус. пер. В. Ф. Беляева: <http://www.xlegio.ru/sources/aeneae/aeneae.htm>.

числе прочих, и Юлий Африкан (речь о нём пойдёт ниже), и фрагменты, сохранившиеся в его сочинении, дополняют доступный нам текст. Это верно и в отношении утраченных пособий по военному делу той эпохи, известных нам лишь по имени авторов¹⁹, включая одного, которого мы вполне можем обойти вниманием: Полибия, который мимоходом рассуждает о тактике в своих заметках в «Истории» IX. 20; в этом подробном и достойном доверия труде разговор о военном деле выдаёт проницательность и опытность, которые, видимо, были в ещё большей степени свойственны утраченному труду по тактике.

От третьего века до н.э. у нас есть очень интересный технический трактат некоего Битона, о котором более ничего не известно; автор посвятил свой труд Атталу I Сотеру («Спасителю») Пергамскому, тем самым датировав своё сочинение, поскольку Аттал взойшёл на трон в 239 г. до н.э.²⁰

Битон описывает шесть артиллерийских орудий: маленький камнемёт, изобретённый Хароном из Магнесии на Родосе и действовавший по принципу арбалета; большой камнемёт Исидора Абидосского, построенный в Фессалонике и действовавший по тому же принципу; передвижная осадная башня (гелеполь, «градобор»), приводимая в движение людской силой при помощи кабестана, вращавшего колёса, с осадными разводными мостами, изобретённая для Александра Великого Посидонием Македонским — причём этот проект вполне практически осуществим в отличие от других образцов больших размеров, снабжённых катапультами, которые, однако же, оказывались слишком тяжелы для того, чтобы подвозить их к самым вражеским стенам; самбука (названная по имени треугольной арфы), то есть осадная лестница, прикреплённая на шарнире к основанию, чтобы её можно было опустить на стену осаждаемого города, — её изобрёл Дамид Колофонский; гастрифеты, артиллерийские орудия средней мощности, в действительности представлявшие собою большие арбалеты, — их сконструировал Зопир Тарентский в Милете; а также меньший, «горный» гастрифет, построенный тем же Зопиром в Кумах.

¹⁹ Пирр, Александр, Клеарх (!), Павсаний, Эвангел, Эвполем, Ификрат, Посидоний, Брион; *Dain-Foucault*, p. 321.

²⁰ Biton's Construction of War Engines and Artillery («Сооружение военных машин и артиллерии Битона»), текст в: *E. W. Marsden. Greek and Roman Artillery, Technical Treatises* (Греческая и римская артиллерия: технические трактаты; Oxford: at the Clarendon Press, 1971), здесь и далее Marsden 1971; начиная с p. 67.

Текст Битона настолько точен в описаниях и в совершенно реальных размерах, что все эти шесть военных машин можно без особого труда реконструировать, даже без рисунков, сохранившихся в дошедших до нас рукописях. Сама сохранность текста Битона служит свидетельством непрекращающегося интереса к его труду, хотя его цитирует и гораздо более известный инженер, Герон Византийский, речь о котором пойдёт ниже.

В своём рассказе об осаде римлянами Сиракуз (замечательная история с реальным военным и техническим содержанием) Полибий описывал морскую самбуку в действии:

...делается лестница в четыре фута ширины и такой длины, чтобы и при установке она достигала верхнего края стены; с обеих сторон ее ограждают и закрывают высокими перилами, потом кладут ее наискось вдоль соприкасающихся стенок связанных между собой судов, так что лестница выступает далеко за корабельные носы. На вершинах мачт укрепляют блоки с канатами. Когда нужно действовать, канат привязывают к верхнему краю лестницы, и люди, стоящие на корме, тянут его на блоке, а другие, находящиеся на передней части корабля, следят за правильным подъемом лестницы и подпирают ее шестами. Наконец, при помощи гребцов, размещенных по обеим наружным сторонам, римляне подходят с кораблями к суше и стараются только что описанное сооружение приладить к стене. На вершине лестницы находится доска, с трех сторон огороженная плетнем; на ней стоят четыре человека, которые и ведут борьбу с неприятелем, находящимся на зубцах стены и мешающим установке самбуки. Как только лестница установлена так, что эти четыре воина возвышаются над стеной, боковые стенки плетня снимаются, и воины тотчас с двух сторон взбираются на зубцы или башни...²¹

Вот каким образом кажущиеся неприступными приморские стены можно было атаковать с кораблей, стоящих под ними, и у римского командира Марка Клавдия Марцелла были все основания для того, чтобы положиться на самбуки для быстрого взятия Сиракуз в 211 г. до н.э., в ходе Второй пунической войны, — но, к несчастью для римского вое-

²¹ Книга VIII. 4. 4—9; рус. пер. Ф. Г. Мищенко, цит. по: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Polib/08.php; англ. пер: W. R. Paton. Polybius The Histories (Cambridge Mass Harvard University Press, 1979). Vol. 3, p. 455.

начальника, главным инженером на стороне противника оказался Архимед, у которого были свои устройства против самбуки, способные перевернуть её с ног на голову, причём вместе с кораблём, на котором она устанавливалась. Осада длилась более двух лет. Между прочим, Марцелл заслуживает нашего уважения за его реакцию на поражение, сопровождавшееся издёвками осаждаемых: «Архимед угощает мои корабли морской водой, а мои самбуки будто с позором прогнаны с попойки палочными ударами».

Филон Византийский был ещё одним инженером, жившим в третьем веке до н.э., но обладавшим куда более широким кругозором. В число множества его сочинений входили труды по инженерной математике, о рычагах, об устройстве гаваней, о строительстве метательной артиллерии («Белопозика»), а также по другим темам, включая трактат о пневматике, дошедший только в арабском переводе. Сам он свёл свои сочинения в полное собрание (синтаксис) механики, но большинство из них были утрачены — к счастью, не книга о метательной артиллерии, «Белопозика»²². В предисловии Филон признаёт: сложно вполне точно объяснить, как построить предлагаемые им машины, чтобы добиться неизменных результатов:

...многие из тех, кто брался за строительство машин того же размера, использовали ту же самую конструкцию, схожую древесину и тот же металл, даже не меняя её вес; но одни орудия получались дальнобойными и мощными, а другие — наоборот.

Как средство против этого он предлагает очень тщательные расчёты, то есть делает упор на математику как основу инженерного дела, хотя сам Филон, наряду с другими, ошибочно прочёл Аристотеля и полагал, что более тяжёлые грузы падают быстрее, чем более лёгкие, — долго державшаяся ошибка, которую опровергли экспериментальным путём лишь много спустя, хотя и до Галилея, в противоположность устоявшейся легенде. Слабость византийцев состояла в том, что они слишком охотно следовали авторитетам; но они, конечно, понимали огромное значение математики как в архитектуре, так и в военной инженерной науке.

«Белопозика» Филона включает в себя описание действующих на торсионном принципе катапульт, метających стрелы или иные снаряды,

²² Marsden 1971, начиная с p. 107.

в которых для эластичности использовались волосы или сухожилия; стреломётной машины с натяжным устройством (её описание сопровождается критикой обычных катапульт, действие которых, как он пишет, обесценивается за счёт хлипких составных частей; о халкентоне (chalcentonon) Ктесибия, жившего в третьем веке до н.э. математика, который, возможно, возглавлял Александрийскую библиотеку: эта машина приводилась в действие бронзовыми пружинами в двусторонней торсионной коробке; о его «воздухонатяжном катапультном камнемёте» (аэротонос катапальтес литоболос), совершенно оригинальном пневматическом устройстве, приводимом в действие бронзовыми цилиндрами и клапанами; а также о многозарядной стреломётной катапulte (полуболос катапальтэс), сконструированной Дионисием Александрийским, из других источников не известным — это была удивительная машина, способная запускать снаряды в 19 дюймов (25 дактилей) длиной, один за другим, на большой скорости; снаряды поступали из расположенного сверху магазина под действием силы тяжести; подача регулировалась особым вращающимся устройством. Это не выдумка: из текста ясно, что Филон рассматривал такую машину, и его описание вполне точно: основываясь на нём, изобретательный издатель Филона, Э. У. Марсден (Marsden), начертил её схему во всех деталях (оригинальный рисунок был утрачен); между прочим, Марсден замечает, что в войне 1894—1895 гг. китайцы крайне неудачно применяли самозарядные арбалеты против японской пехоты, вооружённой магазинными винтовками со скользящим затвором, причём их оружие с бамбуковыми стрелами было далеко не таким мощным, как полуболос катапальтес Дионисия Александрийского, которую, возможно, использовали при осаде Родоса в 304 г. до н.э.²³

В обзоре Дэна (Dain) упоминается трактат о военных машинах, написанный в первом веке до н.э. Афинеем-математиком, после чего Дэн переходит к не столь вторичному и более точному Герону Александрийскому, который известен как Древний и как Механик, — к одарённому ученику знаменитого Ктесибия. Дэн относит жизнь Герона к рубежу второго и первого веков до н.э., тогда как более современный издатель Герона помещает его двумя столетиями позже; но если учесть, что технологически за это время мало что изменилось, византийских читателей это едва ли занимало.

²³ Marsden 1971, рис. 9, р. 179; о китайских возвратных самострелах: прим. 106, р. 178.

До нас дошли два труда Герона: «О метательных машинах» («Белопоеика»), где даются описания метательной артиллерии, дополненные 76 иллюстрациями, изображающими в основном их составные части и отличающиеся удивительной точностью; и дошедший во фрагментах труд «Хиробалистра»; судя по заглавию, в нём описывалась передвижная стреломётная катапульта — и об этом можно ещё кое-что поведать. В 1870-х гг. французский архитектор Виктор Пру (Prou) действительно построил модель катапульты на бронзовых пружинах; новое рассмотрение дошедшего до нас текста, произведённое воинственным немецким издателем, показало, однако, что в нём описано не орудие, а только некоторое число механических составных частей, все греческие названия которых начинаются с буквы «каппа» (каноны, клисис, камвестрия...), из-за чего этот издатель утверждал, что данный фрагмент — всего лишь раздел на «к» некоего словаря по механике. Но последний и самый авторитетный издатель, E. W. Marsden, пришёл к выводу, что эти детали всё же собираются в орудие, а именно в катапульту, приводимую в действие натяжением жил и изображённую на колонне Траяна²⁴. Сам трактат «Белопоеика», где, несомненно, описываются цельные орудия, предваряется смелым доводом в пользу изучения военного дела, который затем часто повторяли:

Самая большая и существенная часть философии имеет дело с безмятежностью [это было до того как лингвистика, увы, покорила философию]... и я думаю, что в поисках безмятежности никогда не достичь окончательного вывода, используя метод аргументов. Но механика посредством одной из самых малых своих отраслей — я имею в виду, конечно же, ту, что занимается конструкциями метательных машин, — превзошла в этом отношении любое обращение с аргументами и научила человечество тому, как жить безмятежной жизнью. С её помощью людей в мирное время никогда не будут беспокоить нападения врагов.

Иными словами, *si vis pacem para bellum*, «хочешь мира — готовься к войне»²⁵.

²⁴ Marsden 1971, p. 206.

²⁵ См. обзор в: Stephen Edward Cotter. *The Strategy and Tactics of Siege Warfare in the Early Byzantine Period: from Constantine to Heraclius*. (Стратегия и тактика осады в ранневизантийский период: от Константина до Ираклия). Ph. D Thesis, Queen's University of Belfast, 1995, начиная с p. 99.

От жившего в первом веке до н.э. Асклепиодота Философа, ещё одного грека времён Римской империи, дошла «Тактика» («Техне Тактики»), чьё многообещающее заглавие оказывается обманчивым²⁶. В ней ничего не говорится ни о современной автору римской тактике, ни вообще о тактике какой-либо должным образом определённой эпохи. Этот текст состоит из чрезмерно подробного, даже навязчивого описания рангов, званий, структур, иерархий, диспозиций и тренировочных перемещений македонской фаланги, и за это «Тактика» ценится как лексикографический источник: ведь многие слова, приводимые в ней, более нигде не засвидетельствованы. В рукописях есть также многочисленные рисунки упражнений, в которых используются бесчисленные значки, чтобы можно было следить за предписанными позициями при каждом перемещении. Но всё это было бы совершенно бесполезно для византийских воинов, поскольку ничто не могло вернуть к жизни устаревшую фалангу (швейцарские копейщики и алебардчики, главенствовавшие на полях сражений в Европе в XIV и XV веках, сражались глубокими колоннами, как и их византийские предшественники с их копьями).

Архаизирующий характер этого труда подтверждается далее его VIII разделом, о боевых колесницах («две колесницы называются парной зигархией, две пары — двухпарной сизигией...»), что полностью устарело уже в то время, и разделом IX, о боевых слонах («...погонщик одного слона называется животнотначальником, зоархом; погонщик двух — звереначальником, фирархом...»), которые в последний раз использовались, притом безуспешно, против Юлия Цезаря в 46 г. до н.э. в битве при Тапсе в современном Тунисе, где легионеры V легиона «Жаворонков» (Alaudae) удостоились чести изображать на своих значках слона, потому что пустили в ход боевые топоры, подрубая слонам ноги.

Гораздо более известный труд, «Стратегикос» («Военачальник») Онасанадра или Онесандра, жившего в первом веке н.э., вызывает сильное недовольство Дэна (Dain). Он высмеивает автора как «гречишку» (graeculus, так римляне презрительно называли мелких выскочек-греков, которых было немало в раннем императорском Риме) и очерняет

Асклепиодот, в: Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander. Изд. и англ. пер.: W. A. Oldfather для Illinois Greek Club, Loeb 156 (Cambridge Mass: Harvard University Press, 1977), начиная с р. 229.

его как льстеца, заискивающего перед своими хозяевами-римлянами и лишённого какой бы то ни было оригинальности; его книга, как пишет Дэн, полна неясных советов и пустых увещаний²⁷.

Византийцы не согласились бы с этим, поскольку этот труд упоминает Иоанн Лидиец (I. 47. 1) в шестом веке; его полностью включил в свою «Тактику» Лев VI; его упоминает в десятом веке Никифор Уран. Мы знаем, что многие другие в Европе после эпохи Возрождения также не согласились бы с этим, потому что сам Дэн перечисляет многочисленные издания и переводы, начиная с 1494 г. и далее, и упоминает похвалы, с которыми отзывался об этой книге такой успешный и вдумчивый воин, как маршал де Сакс (эти похвалы цитируются в нескольких французских изданиях). Современный читатель скорее всего решит, что этот труд не следует ни хулить, ни превозносить. В нём налицо изрядный здравый смысл, проявляющийся в выборе военачальника и в характеристике хороших военачальников (в голову сразу приходят случаи, которые следовало бы рассматривать как исключения), а также в суждении (III) о совете военачальника:

...поскольку опасно принимать мнения единственного человека, основанные единственно на его суждении... Однако военачальнику не следует ни быть столь нерешительным, чтобы совсем не доверять себе, ни столь упрямым, чтобы не думать, что кому-то другому может прийти в голову более удачная мысль, чем ему самому...²⁸

Столь же новаторским был для его эпохи и совет (IV) о том, что война должна иметь благовидное оправдание:

Должно быть вполне очевидно для всех, что они сражаются за правое дело... ибо, сознавая это, [бойцы] ведут не наступательную, а оборонительную войну, их совесть чиста, что придаёт им немало храбрости.

Итак, перед нами вовсе не гомеровская война ради личных почестей и не та, что беззастенчиво ведётся ради добычи или имперской экспан-

²⁷ Dain-Foucault, pp. 328—329.

²⁸ Онасандр, в: Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander (Эней Тактик, Асклепиодот, Онасандр). Изд. и англ. пер.: W.A. Oldfather для Illinois Greek Club, Loeb 156 (Cambridge Mass: Harvard University Press, 1977), p. 389.

сии, — это определённо рабочий довод в пользу справедливой войны, сформулированный раньше своего времени, и именно это, возможно, высоко оценил маршал де Сакс.

С тактическими советами дело тоже обстоит совсем неплохо: они полезны, хотя не являются ни оригинальными, ни подробными. Они следуют в таком порядке: продвижение воинского формирования через проход в опасном горном ущелье (VII), устройство и смена лагерей (по гигиеническим причинам), забота о доставке фуража, пойманные шпионы (их надо убивать, если войско слабое, и отпускать, если оно впечатляюще сильное) — и ещё кое-что в том же духе, включая такое, чего нельзя было бы ожидать от такого автора, которому Дэн отказывает в каком бы то ни было военном опыте (*“nullement versé dans l’art militaire”*, «совсем не опытен в военном искусстве»), например, наличие резервных сил в сражении, которые стоят в стороне, чтобы вмешаться в критический момент; ведь именно это позволяет военачальнику определять ход битвы, а именно не введённый в бой резерв, без которого он остаётся всего лишь зрителем. В целом читатель склонен согласиться скорее с византийцами и с маршалом де Саксом, чем с Дэном, несмотря на всю его блестящую учёность.

Многоязычный, многоодарённый и многонациональный Секст Юлий Африкан (или, точнее, Секстос Иулиос Африканос, поскольку писал он по-гречески), который родился в Иерусалиме около 180 г. и был, возможно, евреем, обратившимся в христианство, посвятил собрание своих сочинений («Кесты», букв. «Узоры», но возможно, и «Амулеты») на самые разнообразные темы императору Александру Северу (222—235 гг.)²⁹. До нас дошли только части этого труда, включающие в себя некоторые, посвящённые военным вопросам, хотя подлинный талант Африкана проявлялся в логике и математике, которые он при-

²⁹ *Jean-René Vieillefond. Les “Cestes” de Julius Africanus: étude sur l’ensemble des fragments avec édition, traduction et commentaries («Кесты» Юлия Африкана: исследование собрания фрагментов с изданием, переводом и комментариями). Publications de l’Institut Français de Florence, Première Série, Vol. 20 (Paris: Sansoni, 1970). Англ. пер. с комментариями: Francis C. R. Thee. Julius Africanus and the Early Christian View of Magic (Юлий Африкан и раннехристианский взгляд на магию), Hermeneutische Untersuchungen zur Theologie, Bd. 19 (Tübingen: J. C. B. Mohr, 1984). См. другие точки зрения в: Martin Wallraff et al. Julius Africanus und die christliche Weltchronistik (Юлий Африкан и христианские всемирные хроники). Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, Band 15 (Berlin: de Gruyter, 2006).*

менял ко всему на свете, став основателем христианской хронографии, которого часто цитировал Евсевий и другие отцы Церкви, — и, что самое любопытное, к изучению полёта стрелы.

Он начинает со следующего утверждения: стрела может пролететь расстояние в 25 000 стадиев (4675 километров) за сутки, т. е. за 24 часа. Затем он объясняет, как можно доказать это посредством тщательно продуманного эксперимента, при котором измерение расстояния заменяется замером времени, и расчёты в конце концов основываются на предпосылке, согласно которой не более 6000 стрел можно выпустить одну за другой в течение часа. Этот эксперимент вполне состоятелен, как и проистекающие из него расчёты, если пренебречь снижением начальной скорости: 4675 километров за 24 часа соответствуют 194,8 километра в час, что примерно равно измеренной начальной скорости современных луков средней мощности категории 50—55 фунтов, и это лишь немногим больше скорости современных реконструкций древних составных луков³⁰.

Первая великая эпоха византийской военной литературы начинается в шестом веке, но начало это было малообещающим: имеется в виду «Тактика» («Тактикон») Урвикия, или Орвикия, посвящённая Анастасию I (491—518 гг.) — простая переделка сочинения Арриана о фаланге, по большей части всего лишь терминологическая. Другое, ещё менее значительное сочинение того же автора, «Практическое пособие» («Эпитидивма»), посвящено его чудесному изобретению, призванному справиться с неудержимым натиском варварской конницы: канонам. Они представляют собою сборные устройства, состоящие из переносных треножников, которые можно расставлять впритык друг к другу, чтобы защитить пехоту — в тексте имеется в виду лёгкая пехота, вооружённая луками и метательными снарядами, не снабжённая прочными пиками и большими щитами, способными отразить конные атаки³¹.

³⁰ Книга VII. I. 20. Я следую *Giovanni Amatuccio. Peri Toxeias. L'arco di guerra nel mondo bizantino e tardo-antico* (Пери токсейас (О стрельбе из лука). Боевой лук в византийском и позднеантичном мире, Bologna, 1996), pp. 34, 51—53.

³¹ Этот текст под заглавием *Ourbikiou Epitedeuma* (Практическое пособие Урвикия) неожиданно включён в: H[aralambie] Mihăescu (изд., пер.). *Mauricius Arta militară* («Военное искусство» Маврикия, Bucarest, Academiei Republicii Socialiste, 1970), начиная с р. 368; см. также Dain, p. 341.

СИРИАН МАГИСТР О ТАКТИКЕ МОРСКОГО БОЯ

Сириан Магистр также не производит сильного впечатления, хотя сейчас полагают, что сохранившиеся части его труда, а именно недавно приписанный ему «Анонимный византийский трактат о стратегии», прежде известный как сочинение «О стратегии» («Περὶ στρατηγικῆς», “De re strategica”), а также «Военная риторика» (“Rhetorica militaris”), которые обсуждаются ниже, равно как и фрагмент о военно-морском деле, рассматриваемый здесь, не дают представления обо всём труде в целом.

Фрагмент о морской битве, почерпнутый из гораздо более древнего источника Сирианом, жившим в девятом веке, начинается с главы IV, прямо с середины фразы, рекомендующей экипажам немедленно выстраиваться в боевом порядке, как только они высадятся на сушу, пока они полностью не удостоверятся, что врага поблизости нет.

Это служит напоминанием о том, что с использованием галер всё военно-морское дело было «земноводным», то есть протекало как на море, так и на суше, поскольку свежую воду приходилось набирать очень часто, и отдыхать по-настоящему люди могли только на берегу — не важно, кем были гребцы: гражданами, профессионалами или рабами (последние, впрочем, в византийском военном флоте не использовались); никто не мог долго грести, не поспав лучше, чем можно было спать на своих гребных скамьях.

Далее автор даёт такой совет: гребцы должны быть также пловцами, в том числе и подводными. Боевые пловцы могут действовать очень эффективно. Они способны тайком перерезать корабельные канаты вражеских судов, вследствие чего корабли, подгоняемые течением, начинают дрейфовать по направлению к рифам; передвигаясь под водой, пловцы могут уйти от преследования, даже если их заметят³².

В главе V автор отмечает, что при стратиге (командующем, но не обязательно военно-морскими силами) должны быть настоящие зна-

³² *Dain-Foucault*, p. 342. Авторитетное издание того же Дэна (*Dain*) *Naumachica* (Морской бой; Paris: Le Belles Lettres, 1943). Но я положился на проф. *F. Corazzini*. *Scritto sulla Tattica Navale, di anonimo greco* (Трактат о военно-морской тактике, греческого анонима; Livorno: Pia Casa del Refugio, 1883); из: *Roma Aeterna* / *Domenico Carro*. www.romaeterna.org. Теперь есть текст лучшего качества в: *Dromon*, pp. 457—481.

токи ветров, течений, отмелей, портов и всего морского дела, и один такой знаток должен быть на каждом корабле, ибо флот вполне может быть разбросан ветром. Кроме того, по крайней мере два гребца на каждом судне должны уметь чинить корпус судна, а всем гребцам необходимо знать, как затыкать пробоины одеждой и простынями.

Далее, в главе VI, идёт речь о разведке, причём даются полезные советы. Самым лёгким и быстрым кораблям с гребцами, отобранными скорее ради их силы и выносливости, а не храбрости (ибо их задача — не сражаться, а наблюдать и докладывать), надлежит отслеживать вражеские корабли, спрятанные за мысами или островами, в портах или в речных устьях. Из состава флота нужно выделить четыре корабля; два из них остаются на расстоянии в шесть миль, а ещё два заходят дальше, так что можно передавать сведения с корабля на корабль посредством условленных ранее сигналов. На суше также необходимы способные разведчики. В следующей, VII главе уточняются методы сигнализации: белые полотнища на близком расстоянии, сигналы дымом на более дальнем (в шесть миль), а при солнечном свете — зеркала или отполированные до блеска мечи. Предполагается особый код для каждого вида сигнализации.

Тактика разъясняется в гораздо более длинной главе IX. Для флота, находящегося в море, сохранять плотное построение формирования так же важно, как держать должным образом выстроенные ряды на суше; чтобы обучиться этому мастерству, флот должен не выжидать битвы, а всегда перемещаться в строю. Стратиг идёт впереди на одном из самых больших кораблей; они тихоходны, так что у него должны быть два быстрых корабля, чтобы передавать команды по всему флоту. Другие корабли больших размеров должны образовывать фронт, как делает на суше тяжеловооружённая пехота.

Адмирал Нельсон не одобрил бы всю концепцию военно-морского дела, предлагаемую автором: вместо того чтобы всегда искать битвы, вместо того чтобы всегда наступать, как делал Нельсон, стратига призывают быть осторожным и вступать в битву обдуманно. Прежде всего стратига призывают спросить самого себя и самых доверенных подчинённых, действительно ли необходимо сражаться. Далее его призывают ещё раз оценить соотношение сил, доверяя перебежчикам, если несколько из них говорят одно и то же. Если его флот сильнее, то ему напоминают, что даже тот, кто находится в численном меньшинстве, может победить. Если обе стороны равны по силе и враг не атакует, не должен атаковать и стратиг.

Это предупреждение не тактического, а стратегического характера, и проистекает оно из самой сути византийского стиля войны. Выследить основной флот врага и атаковать его всеми имеющимися в распоряжении кораблями, чтобы одержать «решающую» победу, — такова была единственно достойная цель военно-морского дела для Нельсона, как и её сухопутный эквивалент — для Наполеона и Клаузевица, а также для всех, кто следовал им вплоть до нынешнего дня. Эту основополагающую предпосылку разделяли и римляне, жившие в единой империи: целью войны является решающая победа, потому что она уничтожит силы врага и принесёт мир — разумеется, на благоприятных условиях. То есть на этом дело завершается — счастливо и окончательно.

Но византийцы знали, что конца войне не будет, что придут новые враги, если старые будут окончательно разбиты, и есть все шансы на то, что они окажутся столь же опасны и даже ещё опаснее. В этом случае однажды уничтоженный вражеский флот мог бы оказаться полезным, поскольку новые противники могут так же угрожать старому врагу, как и империи. Так же обстояло дело и на суше: уничтожение одного врага, наседающего на границы империи, могло просто оставить простор для следующего, который тоже будет грозить имперским границам.

Поэтому для византийцев цель войны не могла заключаться в том, чтобы искать битвы ради решающей победы, поскольку таковой просто не могло быть; цель была только в том, чтобы сдерживать вражескую угрозу, ослабляя врага различными уловками, военными хитростями и засадами и оставив любой вид полномасштабной двусторонней битвы лишь как крайнее средство. Таков стратегический контекст этого сочинения, как и всех серьёзных византийских руководств по военному делу.

Вполне очевидно, что самый сложный случай представляется автору и самым важным: что делать, если враг гораздо сильнее, но битвы нельзя избежать, иначе города будут открыты для нападения. Тогда флот должен сражаться в численном меньшинстве и побеждать благодаря тактическим манёврам и стратегемам. Использование ветров для того, чтобы умело перевести сражение в воды между островами, даёт сильное преимущество тому, кто находится в численном меньшинстве, потому что враг не сможет полностью развернуть свои силы, ибо многие из его кораблей будут слишком далеко для того, чтобы вступить в битву. Ещё один способ — разделить вражеский флот, либо прибыв к месту боя первым, пока все корабли ещё не собрались, либо растянув вражеское построение, чтобы те, кто находится в численном мень-

шинстве в целом, могли добиться численного превосходства в каждой отдельной схватке.

Автор опять рекомендует избегать битвы и даёт такой совет: если её следствием станут грабительские набеги, их можно уравновесить собственными набегами на вражеские берега.

Когда битва всё же началась, стратиг должен быть готов приободрить храбрых и пригрозить трусливым; может начаться дезертирство или нечто худшее даже в отборном первом ряду боевых кораблей, если гребцы остановятся или станут грести медленно. Если все увещания окажутся тщетны, то нужно отправить быстрые лёгкие корабли, чтобы перебить дезертиров, прыгающих в воду.

Корабли среднего размера, которым не страшны маленькие суда и которые могут обогнать большие корабли, нужно отправить в тыл вражеского формирования, чтобы они напали на него, когда фронтальное сражение уже будет идти. Корабли среднего размера также годятся на роль фланговых стражей.

Подробные тактические рекомендации автора вполне реалистичны, как и его обращение к стратигу в главе X: оставайся благоразумен при победе, не отчаивайся при поражении, а собирай уцелевшие корабли, чтобы на следующий день снова дать битву.

«О СТРАТЕГИИ»

(«ПЕРИ СТРАТИГИКИС»/“DE RE STRATEGICA”)

Озаглавленный в переводе как «Анонимный византийский трактат о стратегии» его последним издателем, Джорджем Т. Дэннисом (Dennis, S. J.), но обычно известный под названием «О стратегии» («Пери стратигикис»), или чаще по-латински, “De re strategica”, этот текст был датирован в труде “Dain-Foucault” концом шестого века³³ — в основном из-за того, что автор упоминает Велисария так, как будто является почти его современником. Однако недавно этот текст был убедительно истолкован как сохранившаяся часть (или, скорее, несколько частей) гораздо более пространныго сочинения о военном деле, при-

³³ Dennis 1985, начиная с p. 11; Dain-Foucault, p. 343.

писываемого неуловимому Сириану Магистру, так что его можно датировать концом девятого века, хотя он, как обычно, содержит в себе гораздо более древние материалы³⁴. Гипотеза об утраченном большом труде обладает следующим преимуществом: она объясняет, почему Сириан удостоился таких похвал из уст достохвального Никифора Урана, а также неkritичного Константина Порфирородного, ибо ничто из сохранившегося не производит столь сильного впечатления.

Первая страница отсутствует, но в остальном трактат полон, и он представляет собою существенно важный труд, хотя Дэн (Dain), как отмечалось выше, и полагает, что его автор был не действующим воином и не опытным военачальником, а «кабинетным стратегом». Но на других учёных произвёл впечатление реализм глав, посвящённых военному инженерному делу, и они видели в авторе штабного офицера или даже военного инженера, если не командира³⁵; однако близкое знакомство автора с древними источниками и то предпочтение, которое он временами отдаёт совершенно устаревшим текстам в ущерб военному опыту шестого или седьмого веков, подсказывает, что Дэн (Dain) был прав.

Труд начинается с трёх глав об обществе и управлении и лишь затем, в четвёртой главе, обращается к собственно стратегии, «самой важной отрасли всей науки управления в целом». Автор даёт сжатое определение: «Стратегия есть средство, благодаря которому военачальник может защищать свои земли и наносить поражение врагам. Военачальник — это тот, кто применяет стратегию на практике». Довольно любопытно, что, прежде чем взяться за свой предмет, автор счёл необходимым оправдать свой интерес. Снижение оценки войны как занятия, достойного человека, сильно развилось со времён массовых войн двадцатого века. Но этот процесс, видимо, начался уже в шестом веке благодаря влиянию христианства (и по большей части он происходит только в его рамках), потому что автор пишет:

Мне хорошо известно, что война — это зло, притом худшее из всех зол. Но, поскольку наши враги рассматривают пролитие нашей крови как одну

³⁴ 565—895 гг. — это внешние границы; *Salvatore Cosentino*. The Syrianos's "Strategikon": a 9th century source? («Стратегикон» Сириана: источник IX века?), *Bizantinistica*, Second Series Year II (2000), p. 266, исчерпывающим образом обозревает споры и высказывается в пользу поздней датировки Сириана.

³⁵ *V. Kucma and Col. O. L. Spaulding Jr.*, цит. в: *Dennis* 1985, p. 3.

из своих главных обязанностей и высшую добродетель, а также потому, что каждый должен встать за свою страну и за свой народ словом, письмом и делом, мы решили написать о стратегии³⁶.

То, что следует дальше, отчасти представляет собою теоретические выкладки, отчасти — дань старине (конечно же, упоминается и македонская фаланга, которую всегда поминали греческие писатели, всё ещё не примирившиеся с римским господством), отчасти же — соображения гораздо более практические, реалистические и, несомненно, полезные для византийских командиров в дальнейшем. Разделы «о надлежащей охране», о страже и сторожевых постах, о применении сигнальных огней и о фортах относятся к первой категории: они благоразумны, но неоригинальны и слишком общи для того, чтобы быть действительно поучительными. Ещё три раздела, об изучении местности с целью определить, пригодна ли она для города, о выборе места для него и о его постройке, применимы исключительно к пограничному городу, построенному из стратегических соображений; соответственно этому раздел о подготовке к сопротивлению подкопам и осадным машинам длиннее, с гораздо большим количеством технических деталей. В числе прочего автор даёт особые указания о том, как обнаружить попытки подкопа под стены и как противостоять им, включая эффективные и хитроумные способы контрподкопов.

Строительство укреплённых городов действительно могло быть для римлян и византийцев орудием на стратегическом уровне театра военных действий, хотя применялось оно по необходимости редко, учитывая его стоимость. Самый знаменитый пример — Дара, или Анастасиополь (ныне Огуз в юго-восточной Турции), построенная в 505—507 гг. при Анастасии I (491—518 гг.) как город-крепость, несомненно, для того чтобы укрепить контроль империи над этим сектором границы с Сасанидской империей, которому часто грозил враг³⁷. Её местоположение столь же показательное: шестьдесят римских миль (три дня пути для снаряжённого войска) к югу от более крупного и чаще переходившего из рук в руки города-крепости Амиды, сданного Сасанидам в 359 г.

³⁶ Раздел 4; *Dennis* 1985, p. 21.

³⁷ *DoB*. Vol. 1, p. 588, C1; Прокопий ошибочно приписывает основные сооружения Юстиниану в своём трактате «О постройках», II. I. 4 (англ. пер.: *Dewing and G. Downey*) Vol. VII, Loeb, начиная с p. 99.

отвоёванного в 363 г., снова сданного Сасанидам в 502 г., отвоёванного в 504 г., снова утраченного в 602 г. и возвращённого в 628 г. и сданного арабам-мусульманам в 640 г.; и в пятнадцати римских милях к западу от Нисибина (Нусайбин в современной Турции), который оставался неприступным оплотом империи до тех пор, пока не был сдан Сасанидам по условиям мирного договора от 363 г. Как запоздалая замена Нисибина, Дара, конечно, подвергалась нападениям, оказавшись под контролем Сасанидов с 573 по 591 г., и ещё раз — с 604 по 628 г., в ходе последней, самой долгой из персидских войн.

В современных событиях рассказе о строительстве города, принадлежащем Марцеллину Комиту, прослеживаются ясные параллели к указаниям, изложенным в разделах 10—12 «Анонимного трактата»:

Анастасий... отправил умелых рабочих и приказал начать строительство. Он поставил Каллиопия... во главе работ. Тот с удивительной проницательностью... наметил мотыгой борозду, указывающую, где будет расположен фундамент на холме, переходящем в равнину; и со всех сторон окружил её до самых границ, воздвигнув очень прочные каменные стены. Он также заключил в искусственное русло речку Кордисс... которая петляет, журча, а возле пятого мильного камня разделяет... новый город, впадая в укрытый вход [под стенами] с обоих концов... так называемая Геркулесова башня, большая городская наблюдательная вышка, была построена на более высоком участке и соединена со стенами. Она смотрела вперёд [в сторону] Нисибина [через Сасанидскую границу] к востоку и назад — в сторону Амиды, к северу³⁸.

Антикварная жилка проявляется у автора «Анонимного трактата», когда он обращается к тактике: вопреки собственному военному опыту, он то и дело отсылает к «древним писателям»³⁹. Их имён он не называет, но в них распознали вышеупомянутых Элиана и Асклепиодота. Его рассказ о пехоте, к счастью, гораздо проще, но он не слишком полезен, потому что в нём речь идёт о фаланге, о её снаряжении

³⁸ Из фрагмента утраченного труда «О свойствах времён и о расположении мест» (*De temporum qualitatibus et positionibus locorum*), приложенного к моммзеновскому изданию «Хроники Марцеллина» [Комита]. Англ. пер. и комм.: Brian Coke. *Byzantina Australiensia* 7 (Sydney: Australian Association for Byzantine studies, 1995), p. 40.

³⁹ *Dennis* 1985, pp. 3, 47, n. 1.

(«копья должны быть как можно длиннее», пишет он (16. 31), но называет копья общегреческим словом «дората», а не македонским «сарисса»), о конной фаланге и о фаланге в движении. В то время пехота Юстиниана сражалась в гораздо более простых и, несомненно, более подвижных формированиях — и в любом случае главной ударной силой была конница, причём она сильно отличалась и от македонской, и от римской конницы, располагая таким оружием, как составной лук, усиливавшим натиск атаки, и готовой, кроме того, сражаться в ближнем бою копьём и мечом. Автор, должно быть, хорошо знал всё это, но во времена явного упадка былой славы блистательные и победоносные македонцы Александра Великого, несомненно, оставались неотразимо притягательны — даже для писателя, который обо всём остальном писал строго практически.

Так, совершенно иной тон царит в следующем разделе о «переправе через реки», когда приходится преодолевать сопротивление врага: чувствуется, что автору случалось делать это, и здесь уже определённо не отзвуки «древних писателей». Он начинается с простого утверждения о том, что необходимо превосходство в метательном оружии и в лучниках, чтобы помочь переправе, которую пытается расстроить противник; автор предлагает использовать крытые лодки со «стреломётами и камнемётами, а люди за укрытиями делают своё дело, стреляя через бойницы». Именно исходя из беспристрастного опыта старого вояки, он обсуждает оригинальную идею Аполлодора — предположительно Аполлодора Дамасского, архитектора, сконструировавшего мост Траяна через Дунай, описанный Дионом Кассием (LXVIII. 13), модель которого (в значительной мере выдуманная) выставлена в городе Турну Северин в Румынии (римская Дробета). Идея заключалась в том, чтобы построить вдоль берега реки плот длиною в ширину реки. На том конце плота, что выше по течению, нужно поставить башенку, в которой расположатся лучники. Когда всё будет готово, тот конец, что ниже по течению, крепится к берегу, тогда как другой конец отталкивают от берега, чтобы течение отнесло его на вражескую сторону реки. Под прикрытием стрел, выпускаемых из башенки, воины переправляются по наведённому мосту.

В действительности это был вариант понтонного моста, очень длинного; такие строили и византийцы, и персы. Так в декабре 627 г. доведённый до отчаяния шах Хосров II, убегая от Ираклия, переправился через реку Тигр «и перерезал канаты понтонного моста» за со-

бой⁴⁰. Но то был мост, построенный обычным способом, то есть из лодок, скреплённых друг с другом брёвнами, на которые настилали доски, чтобы получился ровный проезжий путь. А запустить длинный мост по течению — совсем другое дело. Вот скептический комментарий нашего автора к блестящему предложению Аполлодора:

Теоретически такая операция может показаться возможной, но я не думаю, что на практике она окажется удачной. Приглядитесь внимательнее. Если река узкая, можно быть уверенным, что вражеские стрелы без труда воспрепятствуют строительству плота. Но даже если беспокоиться об этом не приходится, было бы невозможно построить такие большие плоты или как-то обращаться с ними. Ширина плота, разумеется, должна быть пропорциональна его длине; в противном случае, когда оба конца будут прикреплены к берегу, течение согнёт его, как лук, и наконец разорвёт надвое. Кроме того, толщина должна быть пропорциональна его ширине, особенно потому, что плот должен также выдерживать башню, заграждения и большой военный отряд. Если он должен быть достаточной для этого толщины, тогда вся конструкция становится невозможной... По-моему, гораздо безопаснее пользоваться лодками⁴¹.

Доставка лодок к берегу реки может, конечно, оказаться сложной, если только речь не идёт о маленьких лодках; но в таком случае бойцам придётся переправляться на вражескую сторону реки маленькими группками, способными поместиться в лодке, без прочных площадок для лучников, а это едва ли назовёшь верным решением для переправы, которую враг пытается расстроить. Но у автора есть отличное практическое решение: он предлагает строить лодки в безопасном удалении от берега, из сборных частей: «Каждая часть должна быть отмечена, чтобы указать её место при сборке лодки». Таким образом, довольно большие лодки для нападения можно перевозить в разобранном виде на повозках и вьючных животных, и тогда, «когда мы подойдём к реке, деревянные части лодок можно

⁴⁰ The Armenian History attributed to Sebeos (История Армении, приписываемая Себеосу). Англ. пер.: R. W. Thompson, комм.: James Howard-Johnston; ассист.: Tim Greenwood. Vol. (part) I, text; Vol. (part) II (Liverpool: Liverpool University Press, 1999). Здесь и далее: Sebeos, разд. 127, гл. 39. Vol. I p. 84.

⁴¹ 19, 38—51; англ. пер.: Dennis 1985, pp. 63—65.

снова собрать и скрепить, а соединения и швы проконопатить смолой и воском...»⁴².

За этим здравым советом следуют другие, в которых сильнее проявляется склонность к собиранию древностей: об отработанных перемещениях фаланги, по подразделениям — повороты в сторону, полные обороты, контрмарши рядами или шеренгами («...таковы названия контрмаршей у древних писателей. Они добавляют, что есть три способа выполнения каждого из них» — здесь мы опять встречаемся с нудной лексикографией, свойственной Асклепидоту. Но после этого следуют более ценные практические советы: о разбивке лагерей, о распределении места в них (конница должна расположиться посередине, чтобы лошади были спокойны и неуязвимы для стрел), об укреплении лагерей и о том, как военачальникам лучше отдавать команды в битве (голосом, звуком трубы, сигналами), а также об управлении сражением. Автор по-прежнему пользуется словом «фаланга», но вполне очевидно, что на сей раз речь идёт об общем термине для пехотного формирования, а не о македонской фаланге ударной пехоты с длинными копьями.

Далее следуют указания о том, когда следует вступать в битву, а когда — избегать её: «Если мы рискуем потерпеть поражение, разумнее не вступать в битву с врагом до тех пор, пока солнце не станет садиться, чтобы нам не понести тяжкого ущерба: ведь мне хорошо известно, что сгущающиеся сумерки не дадут преследовать ночью»⁴³. Это замечание выдаёт боевой опыт, причём не обязательно на стороне проигравших. Незадолго до этого автор напоминает о средстве, которым пользовался Велисарий, когда ему доводилось сталкиваться с превосходящими силами противника, сопротивляться которым он не мог: Велисарий отступал, уничтожая за собой продовольствие и фураж и тем самым вынуждая противника разделить свои силы, чтобы снабдить их продовольствием и фуражом, а затем сражаться с каждой из частей по очереди, располагая преимуществом на своей стороне.

Автор снова становится вполне практичен, давая советы относительно тактических построений в нескольких следующих главах своего трактата, и можно быть вполне уверенным в том, что его «фаланга» представляет собою современное ему пехотное формирование, а не воспоминание о древности, потому что его пехотинцы,

⁴² 24. 10—11; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 79.

⁴³ 33. 42—47; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 105.

выходящие против конницы, вооружены луками, а не длинными македонскими сариссами:

Люди, стоящие в первой и второй шеренге, должны вести непрерывный обстрел из луков, целясь в ноги вражеских лошадей. Все остальные должны метить выше, чтобы их стрелы, падая сверху, причиняли ещё больше вреда, поскольку всадники не могут пользоваться щитами, чтобы защитить самих себя и своих лошадей⁴⁴.

О том, что сегодня назвали бы «управлением боем» (“battle management”), о том, как вступать в битву, как держать в готовности резервы, чтобы поправить дела в случае неудачи, а также о ночном сражении автор пишет, несомненно, с авторитетом, выдающим личный боевой опыт:

Обычные люди полагают, что ночное сражение — дело несложное... напротив, для него нужна очень тщательная организация... если небо закрыто облаками и звёзд не видно, необходимо, чтобы люди, хорошо знающие дорогу и вражеский лагерь, шли перед нами. У них должны быть фонари, подвешенные к копьям. Эти фонари должны быть закрыты с четырёх сторон щитками; с трёх сторон эти щитки должны быть чёрными, а с четвёртой — белыми, чтобы пропускаемый ими свет от маленькой лампы мог освещать дорогу... У них... должны быть железные подошвы обуви, чтобы защищать их от шипов и «чеснока» [шипы с несколькими остриями, одно из которых обращено вверх, против лошадей и людей]⁴⁵.

Автор даёт ещё один подробный совет относительно успешной ночной атаки, из которого становится совершенно ясно, почему многие говорят о ночной битве, но лишь немногие на неё решаются: даже при дневном свете всё стремится воспрепятствовать ровному ходу событий, а ночью это верно вдвойне (между прочим, даже с современными приборами ночного видения).

Кстати говоря, из этого пассажа ясно, что безымянный автор писал для своих сограждан, заинтересованных в предмете, а не для того, чтобы наставлять военачальников. Это верно и в отношении следую-

⁴⁴ 36. 4—8; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 109.

⁴⁵ 39; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 117.

щего далее раздела о засадах и о приёме дезертиров, а также о засылке шпионов. Он рекомендует отправлять их на дело парами, чтобы один из них следил за врагом, оставаясь «на месте», не переходя с места на место, и передавал свои сведения при встрече другому, который доложит о них своим; встречи можно устраивать на общественном рынке, под предлогом купли-продажи. «Благодаря этому им удастся остаться не замеченными врагом. Один из них предлагает наши товары для продажи или обмена, а другой даёт взамен чужеземные товары и сообщает о планах врага...»⁴⁶.

Следующая глава, о послых, уже упоминалась выше; но именно последние три главы, посвящённые тренировке в стрельбе из лука, особенно практичны — возможно, их и в самом деле написал другой автор, бывший, несомненно, весьма опытным лучником. Он начинает с объяснения того, как нужно тренировать лучников, чтобы достичь тройной цели боевой стрельбы из лука: стрелять точно, стрелять мощно, стрелять быстро.

Нужно упражняться и в «римской» (большим и указательным пальцами) и в «персидской» (тремя пальцами) технике натяжения тетивы, чтобы в том случае, если одни пальцы устают, стрелок «мог воспользоваться другими». Лук натягивается до уха с максимальным усилием, тогда как о натягивании до груди говорится лишь для непрямого упоминания амазонок (= безгрудых), которые выжигали себе правую грудь, чтобы немного удлинить размах натяжения тетивы⁴⁷.

Что касается боевой техники, то автор даёт такую рекомендацию: если враг стянул свои силы в шеренги прямо во фронт, то лучникам нужно целиться не прямо перед собой, а под углом, минуя щит, который держит перед ним ещё один человек.

Но главная сложность — добиться точности. Мишени должны быть широкими и высокими, ибо, если тренирующиеся «всё время стреляют и промахиваются, они могут утратить уверенность в себе». Ширину мишеней нужно «постепенно уменьшать, пока они не станут совсем

⁴⁶ Начиная с 42.20; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 123.

⁴⁷ Из Диодора Сицилийского (II. 45. 3), который настолько смаковал выдумку о господствующих над мужчинами (пусть и искалеченных) женщинах, что воссоздал их, описывая воображаемых ливийцев (III. 52. 2—3), у которых мужчины «как наши замужние женщины, проводили дни за работой по дому, исполняя распоряжения, отданные им их жёнами», а одну из грудей у девочек, разумеется, выжигали: *C. H. Oldfather. Diodorus of Sicily* (Cambridge Mass. Harvard University Press, 1935). Vol. II, pp. 33, 249.

узкими». Автор отмечает: хотя стрелки могут промахиваться в боковом направлении, нельзя допускать серьёзных промахов по высоте — и действительно, легче научиться рассчитывать дальность выстрела, чем держать верный азимут. Наконец, высота мишеней также снижается, так что остаётся обычная круглая мишень. По мере роста мастерства можно использовать мишени различных размеров, причём диаметр прицельного круга («яблочка») постепенно уменьшается. Затем идут движущиеся мишени: птицы, животные или такие искусственные мишени, как мячи, которые тянут на верёвке.

Для развития мощности он советует использовать «тугой лук или длинную стрелу», требующую соответствующего длинного натяжения тетивы, — в противоположность деревянным лукам и потешным стрелам Вегеция.

Рекомендуется постройка простой и эффективной машины, чтобы стимулировать состязательную стрельбу: деревянный диск, разделённый линиями на 360 градусов, крепится горизонтально ко вкопанному в землю шесту; затем ещё один деревянный диск крепится вертикально на скользящих кольцах на оси того же шеста, чтобы он мог вращаться — но не слишком легко. Тупыми стрелами нужно вести прицельную стрельбу по вертикальному диску: «Линии, нанесённые на диск [расположенный горизонтально], отмечают... мощность выстрела. Более слабый выстрел повернёт [вертикальный] диск, предположим, на один градус; более мощный — на два или более градуса»⁴⁸. Лучник-учёный Джованни Аматуччо (Amatuccio), чьи иллюстрации полностью проясняют действие этого устройства, замечает, что это приспособление могло бы и сейчас быть полезным как для тренировки лучников-охотников, так и на соревнованиях по стрельбе из лука⁴⁹.

Мощная стрельба была характерна для ромейских лучников шестого века, согласно Прокопию, который пишет:

...персы почти все являются стрелками и научены быстрее пускать стрелы, чем остальные народы. Но поскольку луки у них мягкие и тетивы не туго натянуты, то их стрелы, попадая в броню, шлем или щит римского воина,

⁴⁸ 46, «Тренировка мощности стрельбы»; англ. пер.: Dennis 1985, p. 133.

⁴⁹ Peri Toxeias. L'arco di guerra nel mondo bizantino e tardo-antico («Пери токсейас» (О стрельбе из лука). Боевой лук в византийском и позднеантичном мире). Bologna, 1996, pp. 78–79.

ломаются и не могут причинить вреда тому, в кого они попадают. Римляне всегда пускают стрелы медленнее, но поскольку луки их чрезвычайно крепкие и туго натянуты и к тому же сами стрелки — люди более сильные, их стрелы значительно чаще наносят вред тем, в кого они попадают, чем это бывает у персов, так как никакие доспехи не могут выдержать силы и стремительности их удара⁵⁰.

Наконец, автор отмечает, что тренировка в скоростной стрельбе требует долгой практики, которую нельзя заменить простой техникой. Он предлагает всем отмечать свои стрелы своими именами или значками, прежде чем приступить к непрерывной стрельбе, длящейся до тех пор, пока не будет дан сигнал. Тогда стрелы каждого можно будет сосчитать, чтобы определить скорость, с которой они были выпущены.

Последняя рекомендуемая автором техника тренировки такова: лучники, ведущие быструю стрельбу, перемещаются по прямой линии, продолжая выпускать стрелы в сторону, пока их не соберут и не установят на каждом месте значок; напротив этой линии, на расстоянии в 56 метров [тридцать оргий; каждая оргия — длина размаха рук — составляет примерно 1,87 метра], нужно расставить вторую линию значков⁵¹. Стрелкам нужно быстро передвигаться от одного значка к другому, целясь в первую линию значков, — чтобы подражать перемещению лучников в настоящей битве.

Ничего, что могло бы по полезности сравниться с этим сочинением, не было написано вплоть до трактата «Любитель стрельбы из лука» (“Toxophilus”) Роджера Эшема (Ascham), посвящённого королю Генриху VIII в 1545 г.

Дэн и Фуко презрительно отказывают в ценности ещё одному тексту, который они приписывают автору «Анонимного трактата», известному под заглавием «Военная риторика» (“*Rhetorica Militaris*”) и представляющему собою компиляцию из достойных призывных речей для военачальников в 48 главах: «Дополнением к кабинетным стратегам выступают здесь кабинетные ораторы» (“*Aux strateges en chambre font ici pendant des orateurs en chambre*”⁵²). Но с тех пор авторство было

⁵⁰ Война с персами. I. XVIII. 32—34; рус. пер.: А. А. Чекаловой; англ. пер.: Dewing. Vol. I, pp. 169—171.

⁵¹ 47; англ. пер.: Dennis 1985, p. 135.

⁵² Dain-Foucault, p. 344.

приписано упоминавшемуся выше Сириану Магистру, а сам труд «был более значителен и влиятелен, чем они [Дэн и Фуко] полагали»⁵³. Он стал влиятелен, когда империи пришлось столкнуться с арабами — или, обобщая, с мусульманами, ведущими джихад, где сильна была идеологическая составляющая. Как уже отмечалось, если мусульманский приграничный эмир мог совершить успешный набег на имперскую территорию, он не только захватывал добычу и рабов: он также подтверждал исламское обетование победы и повышал свою личную репутацию героя-завоевателя, подрывая при этом позицию императора как защитника веры и верных⁵⁴. Идеологический вызов заставил византийцев дать энергичные ответы на него, как мы увидим ниже.

⁵³ Eric McGeer, частное сообщение от 14.01.2008; я некритично следовал труду Dain-Foucault; см.: *Gilbert Dagron. Byzance et le modèle islamique au Xe siècle: à propos des Constitutions tactiques de l'empereur Léon VI* (Византия и исламская модель в X веке: к вопросу о «Тактических конституциях» императора Льва VI), *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, April-June 1983, pp. 219—224.

⁵⁴ *Eric McGeer. Two Military Orations of Constantine VII* (Две военные речи Константина VII), в: John W. Nesbitt (изд.). *Byzantine Authors: Literary Activities and Preoccupations. Texts and translations dedicated to the memory of Nicolas Oikonomides* (Византийские авторы: литературная деятельность и заботы. Тексты и переводы, посвящённые Николасу Икономидису; Leiden: Brill, 2003), p. 112. Обзор см. ниже.

ГЛАВА 11

«СТРАТЕГИКОН» МАВРИКИЯ

Вегетия высоко чтили и часто цитировали практики военного дела в эпоху Возрождения и много позже. Напротив, гораздо более ценный трактат «Стратегикон», приписывавшийся императору Маврикию (ок. 582—602 гг.), оставался по большей части неизвестен вплоть до недавнего времени. Это основательное руководство по военному делу, которое много копировали и пересказывали, которому часто подражали последующие византийские писатели, которым пользовались императоры-воители и их военачальники в течение веков, было попросту недоступно, когда классики античного военного дела были заново открыты и тщательно исследованы ради полезных идей европейскими новаторами военной науки, начиная с XV века и далее. В наличии были многочисленные средневековые рукописи Вегетия; его текст был напечатан уже в 1487 г., в первом из многочисленных изданий как на оригинальном латинском, так и в переводах; некоторые из этих изданий были щедро иллюстрированы¹.

¹ Напр., парижское издание от 1535 г. со 120 изящными и причудливыми иллюстрациями (с трактатами Фронтин, Элиана и Модеста): Fl. Vegetii Renati, Viri illustris, De re militari libri quatuor. (Фл<авия> Вегетия Рената, сиятельного мужа, «О военном деле» четыре книги). Sub scuto Basiliensi, ex officina Christiani Wecheli.

Когда этот язык и сочинения, на нём написанные, были открыты заново очень вскоре после этого, страстный интерес вызывали классические греческие авторы, от Гомера до Аристотеля, а не более поздние, предположительно упадочные и уж точно схизматические писания византийцев. Так случилось, что текст «Стратегикона» не был напечатан вплоть до 1664 г. под одной обложкой вместе с намеренно архаизирующим и декоративным сочинением «Тактическое искусство» («Тэхнэ тактикэ») Арриана, римского офицера, писавшего тем не менее по-гречески (а потому и более «престижного»)². Даже после 1664 г. пренебрежение ещё долго оставалось в силе, ибо с эпохой Просвещения возникла чёрная легенда о византийской ментальности, парализованной религиозным мракобесием, и получилось так, что «Стратегикон» не был заново открыт вплоть до начала двадцатого века, когда он наконец привлёк к себе интерес теоретиков и даже практиков стратегии, потому что они были способны распознать действительные опытные знания, в нём содержащиеся.

Сам автор скромно заявлял о том, что обладает лишь ограниченным боевым опытом, хотя он, несомненно, был высококомпетентным боевым офицером. В предисловии он обещает писать сжато и просто, имея в виду пользу «больше в содержании, чем в словесной форме»³, и своё обещание он держит. Этот труд был написан в конце шестого века или совсем немного спустя — современный издатель убедительно доказал, что он был завершён после 592 г. и до 610 г.⁴

В «Стратегиконе» изображается армия, полностью отличная по структуре от классической римской модели; совершенно очевидно, что это произошло из-за основополагающего перехода от пехоты к коннице как к главной боевой силе. Эта перемена была не просто практической; она была вызвана настоящей стратегической революцией, изменением самой цели ведения войны, вынудившим принять новые оперативные методы и новую тактику.

Прежде чем идти дальше, любопытно отметить, что столь радикальной перемены в языке войска не произошло: оно было отчасти латиноязычным (по-латински говорили даже в восточной половине Римской

² Arriani *Tactica et Mauricii Artis militaris libri duodecim* («Тактика» Арриана и двенадцать книг «Военного искусства» Маврикия; Uppsala, Joannes Schefferus 1664); Dain-Foucault, p. 344.

³ Рус. пер. В. В. Кучмы, цит. по: Стратегикон/Кучма, с. 61; англ. пер.: Strategikon-Dennis, p. 8.

⁴ Strategikon-Dennis, p. xvi; ср. Стратегикон/Кучма, с. 12.

империи). Со времени Юстиниана наметился постепенный переход от латинского к греческому, хотя многие греческие термины в «Стратегиконе» всё ещё представляют собою латинские слова с присоединёнными к ним греческими окончаниями и произносятся по-гречески. Так, «генерал», стратиг, и «генерал-лейтенант», ипостратиг — это сугубо греческие слова, но в званиях нижестоящих офицеров сохраняется латинская номенклатура: дукс, откуда английское слово *duke* («герцог»), командует (сугубо греческой) мирой (мойрой) из 1000 бойцов, тогда как комит (откуда английское слово *count*, «герцог»), или трибун (*tribunus*) командует одним из трёх подразделений, составляющих миру (мойру), для которых автор приводит три различных названия из трёх различных языков, хотя все они обозначают ровно одно и то же — подразделение численностью около 300 человек: сугубо греческое слово «тагма», означающее «построение»; аритхмос, представляющее собою прямой перевод латинского *pumerus* («отряд»); и банда (бандон), от того же самого германского слова, обозначавшего «флаг», от которого происходит английское слово «отряд» (*war-band*). Мы встречаем курсоров (курсорес), впоследствии протокурсоров (протокурсорес), то есть бойцов, предназначенных для небольших стычек или для рекогносцировки, говоря нынешним языком (а это слово взято из оригинального латинского курсорес); и, хотя латинское слово «дефенсоры» (дефенсорес, «защитники») осталось неизменным (бойцы, вооружённые и обученные для того, чтобы сражаться в тесном строю, чтобы держать боевую линию), «депутаты», то есть фельдшеры, это латинские *deputati*.

В военной среде обычно царит строгий консерватизм, особенно в отношении переменчивого исхода битвы; поэтому мы обнаруживаем, что военные команды славных легионов победоносных римлян остались совершенно неизменными, латинскими: *exi*, «выйти!», то есть «вперёд!», когда ширину боевой линии нужно удвоить, вполонину уменьшив глубину ряда с восьми человек до четырёх; *dirige frontem*, «выровнять фронт!», то есть боевую линию, «когда кто-то выходит вперёд, и вся линия становится неровной»; *junge*, «сомкнись!», т. е. сомкни ряды... Учёный, выписавший пятьдесят таких команд, чтобы показать, как они были переведены на греческий в более поздней переделке, принадлежащей Льву Тактику, речь о которой пойдёт ниже, привёл современный пример армейского лингвистического консерватизма: немецкий язык сохранился в элитном полку шведских гусар⁵.

⁵ *Henrik Zilliacus. Zum Kampf der Weltsprachen im oströmischen Reich* (О борьбе международных языков в Восточной Римской империи; Helsingfors-Helsinki: Mercators

В современных войнах рукопашный бой случается очень редко; сражение обычно начинается внезапно, с артподготовки, производимой невидимым противником издали. В сражениях древности дальнобойных орудий не было, поэтому последние минуты перед боем переживались во всей полноте, в осознании приближения врага или при наступлении на него, вплоть до того момента, как противники впервые скрестят оружие. Порядок команд, предписанный для этих последних минут, переживаемых с максимальным напряжением, которое равным образом ощущали и ветераны, знавшие, чего нужно бояться, и новички, этого не знавшие, выливался в довольно тонкий последовательный процесс психологической подготовки:

silentium («молчать!»); *mandata capitate* («слушать команды!»), *non vos turbatis* («не волноваться!»), *ordinem servate* («держатъ строй!», в шеренгах и колоннах), *bando sequite* («следуй за флагом!», за штандартом подразделения); *nemo demittat bandum et inimicos seque* («никому не бросать флаг и не следовать за врагом!»).

Когда битва вот-вот начнётся, при приближении бойцов на расстояние вражеского выстрела подаётся команда: «Готовься!» (*parati*). За ней следует другая, громким голосом: «Помоги!» (*Adiuta*), и все как один отвечают одновременно и согласованно: «Боже!» (*Deus*)⁶. Тут лучники выпускают первый залп стрел, а более надёжно защищённая тяжёлая пехота должна выдвигаться тесными рядами, щит к щиту по всей длине шеренги.

Сохранение команд, подаваемых по-латински, в армии, основным языком которой был греческий, было не просто данью бездумному консерватизму: это был способ поддержать преемственность по отношению к самой совершенной на то время (да и по сей день) военной институции в человеческой истории, к самому важному наследию, полученному империей нового Рима от старого.

Несмотря на свою краткость, «Стратегикон» Маврикия — самое полное византийское руководство по военному делу. Чтобы описать трени-

Tryckeri Aktiebolag, 1935). Здесь и далее: Zilliacus, pp. 134—135; полк: гусары кронпринца (*Kronprinsens husarer*), p. 137, n.

⁶ Книга XII. В. О боевом строе пехоты, 16. 14; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 213; англ. пер.: Strategikon-Dennis, pp. 145—146.

ровку и тактику, позволяющую одному победить троих, сам автор пользуется одним словом там, где другим авторам понадобились бы три. Это была, несомненно, самая полезная из всех византийских книг для военачальников за все века, и даже теперь её не назовёшь бесполезной. Под покровом подчас ханжеской христианской церемонности византийцы были подлинными римлянами в своём сугубом практицизме, и это нигде не сказывается так ясно, как в «Стратегиконе», который открывается молитвенным обращением к «Непорочной Владычице нашей Приснодеве Богородице Марии», чтобы сразу же перейти к обсуждению тренировки отдельно взятого воина — верная отправная точка любого серьёзного руководства по военному делу как тогда, так и сейчас.

Военная история часто пишется даже без упоминания о том, как тренировались воины на той или иной стороне. А ведь это пусть и самый рутинный, но решающий фактор в силе любой армии. Не только историки недооценивают существенное значение тренировки в целом, начиная с тщательного курса начальной индивидуальной или базовой подготовки. Если новобранцы не усваивают навыков обращения с оружием и действий в полевой обстановке ещё на уровне базового обучения, прежде чем их отправят по подразделениям, тогда последние не смогут осуществлять тактические действия, вместо чего вынуждены будут восполнять недостаток простейших навыков у каждого новобранца. В большинстве подразделений в большинстве армий именно так и происходит, и, в сущности, потому, что офицеры могут провести своё время гораздо приятнее, нежели следя за индивидуальным обучением новобранцев, для чего часто приходится рано вставать (что уже исключает всякие ночные забавы), тратить долгие часы на утомительно однообразные инструкции, а также много маршировать, бегать и ползать при любой погоде. Так что в большинстве армий мира новобранцы поступают в свои подразделения через пару недель строевой подготовки, сделав для виду десяток-другой выстрелов, да и то в лучшем случае. Результаты этого в бою предсказать нетрудно. Лишь малая часть современных армий тренирует своих солдат серьёзно и потому обладает решающим тактическим превосходством над слабо тренированным большинством человечества, облачённым в военную форму.

Такова и была цель, поставленная в «Стратегиконе», где главным типом бойца предстаёт не пехотинец и не конник, а скорее тот, кто выступает в обоих этих качествах, но прежде всего являющийся лучником. Поэтому ему нужно было тренироваться и в пешей, и в конной стрельбе.

бе из мощного лука, в нанесении ударов и уколов копьём с коня (в общей для всего подразделения тренировке в атаке) и в действии мечом в ближнем бою. Старый термин «конная пехота» (“mounted infantry”) здесь не подходит, поскольку в большинстве случаев она была всего лишь пехотой с дешёвыми лошадьми, не способной сражаться верхом и тем более с луком; ещё более старый термин, «драгун», удачнее потому, что лучшие их подразделения снабжались ружьями, обеспечивавшими более точную и более дальнюю стрельбу. Под заголовком «Как нужно упражнять отдельного солдата в ходе тренировок» автор «Стратегикона» замечает:

В пешем строю — в скоростной стрельбе из лука и ромейским [большим и указательным пальцами] и персидским [тремя средними пальцами] способами, то есть в навыке быстро вынимать стрелу [из колчана] и сильно натягивать тетиву; то же самое полезно уметь и всадникам. В самом деле, медленная стрельба бесполезна, даже если окажется, что стрела выпущена точно в цель.

Вполне очевидно, что тактическая эффективность лучников зависит от скорости, точности и убойной силы их стрельбы, но это не взаимозаменяемые качества, потому что враги обычно либо отступают на расстояние, превышающее полезную дальность точной и убойной стрельбы, либо, напротив, постараются атаковать и смять лучников; в обоих случаях именно скорость стрельбы выступает в качестве главной переменной. «[Он также должен упражняться] в скоростной стрельбе из лука на скаку верхом на коне в движении [на галопе] — вперёд, назад, вправо и влево»⁷.

Большинство наездников довольны, если им удаётся крепко сидеть на лошади при полном галопе, и далеко не всякий из них решится положиться только на хватку колен, используя обе руки для того, чтобы выпустить стрелу перед собой.

Но ещё труднее, отказавшись от наклона корпуса вперёд, который обычно держат на галопе, повернуться, чтобы прицелиться в сторону, и уж тем более — сделать «парфянский выстрел», повернувшись в седле так, чтобы выстрелить точно назад. Но при наличии изначальных способностей и долгих тренировок даже эти виртуозные приёмы

⁷ Книга I. 1; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 64; англ. пер.: Strategikon-Dennis, p. 11.

стрельбы из лука можно освоить на подобающем уровне. Эти техники, перенятые византийцами у гуннов, которые начинали тренироваться с раннего детства, до сих пор служат для привлечения зрительского интереса на монгольских праздничных соревнованиях «Эрийн гурван наадам» («Три игры мужей»), где можно подивиться тому, как местные чемпионы точно стреляют из лука на полном галопе «вперёд, назад, вправо и влево», именно так, как предписывается в «Стратегиконе». Согласно Прокопию, этим искусством владели и византийские наездники, которых он видел в действии незадолго до того, как был написан «Стратегикон»:

Они прекрасные наездники и могут без труда на полном скаку натягивать лук и пускать стрелы в обе стороны, как в бегущего от них, так и преследующего их неприятеля [так называемый «парфянский выстрел» назад]. Лук они поднимают до лба, а тетиву натягивают до правого уха, отчего стрела пускается с такой мощностью, что всегда поражает того, в кого попадает, и ни щит, ни панцирь не может отвратить ее стремительного удара⁸.

Конная и пешая стрельба из лука исполняла особую роль на каждом этапе битвы, начиная с первых выстрелов из укрытия на дальнейшее расстояние до скоростной стрельбы в ходе полномасштабного сражения, до преследования отступающих врагов выстрелами прямо вперёд или, напротив, прикрытия собственного тыла за счёт направленных назад выстрелов в наступающего врага.

Оружием византийского конника был, конечно, не простой деревянный лук с тетивой, натягивавшейся до груди, которым пользовались вспомогательные войска римской армии и который то и дело высмеивался у Гомера, несмотря на то, что из лука стрелял и сам Аполлон: «Аргоса вои, стрельцы презренные, нет ли стыда вам?» («Илиада», 4. 242); «Подлый стрелец!» («Илиада», 11. 386); «Тупа стрела ничтожного, слабого мужа!» («Илиада», 11. 390)⁹, причём самые презрительные слова Гомер вкладывает в уста героя Диомеда, чью ногу только что пронзила стрела Париса, любовника Елены:

⁸ Прокопий. Войны, I. 1. 13—15; рус. пер. А. А. Чекаловой; англ. пер.: Dewing. Vol. I, p. 7.

⁹ Caroline Sutherland. Archery in the Homeric Epics (Стрельба из лука в гомеровском эпосе), Classics Ireland. Vol. 8 (2001); <http://www.ucd.ie/cai/classics-ireland/2001/sutherland.html>.

Подлый стрелец, лишь кудрями гордящийся, дев соглядатай!
 Если б противу меня испытал ты оружий открыто,
 Лук не помог бы тебе, ни крылатые частые стрелы!
 Ты, у меня лишь пяди оцарапавши, столько гордишься;
 Мне же ничто! как бы дева ударила или ребенок!
 Так тупа стрела ничтожного, слабого мужа!
 Иначе мчится моя [метательное копье]: лишь враждебного тела достигнет,
 Острой влетает стрелой, — и пронзенный лежит бездыханен!¹⁰

К шестому веку византийские стрелки были вооружены составным луком с обратным изгибом, самым индивидуальным личным оружием древности. Задолго до написания «Стратегикона», когда византийцы сражались с готами в Италии в середине шестого века, они уже воевали с тактическим упором на конных лучников. В «Стратегиконе» указывается специфика требуемых тренировок:

[Он должен упражняться] в навыке быстро выстрелить из лука верхом на коне в движении [на галопе] одной или двумя стрелами, убрать натянутый лук в налучие, если оно достаточно просторно, или в другое полуналучие, которое для этого предназначено, и выхватить копье [контарион], которое носится за спиной. Имея натянутый лук в налучии, владеть копьем; быстро забросив его за спину, выхватить лук. Было бы хорошо, если бы всё это стратиоты [воины] упражнялись проделывать верхом на конях¹¹.

Составные луки, державшиеся на клее из костей животных и получающие свою мощь прежде всего за счёт высушенных сухожилий, нужно было оберегать от дождя посредством особых налучий, достаточно широких для того, чтобы в них поместился лук, уже натянутый для битвы, а не только со спущенной тетивой. Османские колчаны, водонепроницаемые благодаря отделке кожей, можно увидеть ещё и сегодня в отличие от их византийских аналогов.

¹⁰ Илиада, XI. 385—392; рус. пер. Н. И. Гнедича; англ. пер.: E. V. Rieu (Harmondsworth: Penguin books, 1950), p. 207.

¹¹ Книга I. 1. 5; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 65. Михаэску (Mihăescu, p. 51) переводит греческое «контарион» румынским словом *sulita* = «дротик», что неверно; английское «spear» (Strategikon-Dennis, p. 11) также предполагало бы метательное оружие, но здесь имеется в виду хорошо знакомый колющий контус (*contus*) римской тяжёлой конницы, перенятый у сарматов.

Кроме того, «Стратегикон» рекомендует «очень просторные... верхние одеяния из войлока с широкими рукавами... и если, как это случается, пойдёт дождь или воздух станет сырым от влаги, то они, надев эти гунии [накидки] поверх панцирей и луков, смогли бы защитить своё вооружение»¹². Обращает на себя внимание ещё одна примечательная рекомендация: переходить от быстрой стрельбы одной-двумя стрелами к извлечению копья из-за спины, затем возвращать копьё на место и снова вынимать лук.

Вот как должны проводиться плодотворные тренировки в обращении с оружием в любую эпоху. В данном случае после начального этапа овладения оружием как таковым, самим по себе, что происходит посредством стрельбы по мишеням столько раз, сколько понадобится для того, чтобы стрелять точно (сила выстрела — другой вопрос), идёт следующий этап: научиться пользоваться оружием в бою, когда оно уже не одно, когда, кроме него, есть ещё щиты, мечи, копья или дротики. На этом этапе цель состояла в том, чтобы научиться ловко и быстро пользоваться этим снаряжением, то и дело переключаясь на работу разными видами оружия: колющего, рубящего и метательного (включая лук).

Это искусство уже ранее широко практиковалось в римской армии. У нас есть вполне достоверное свидетельство, изложенное в знаменитой надписи, в которой сохранились резкие слова, произнесённые в 128 г. совершавшим поездку императором Адрианом (117—138 гг.) перед бойцами смешанной конно-пехотной VI Коммагенской когорты (*Cohors VI Commagenorum*, из Коммагены в нынешней юго-восточной Турции). Они только что исполнили упражнение по переключению с одного вида оружия на другой; но, к несчастью для них, это произошло сразу после виртуозного выступления гораздо более элитного, чисто конного подразделения, Первой Паннонской алы (*Ala I Pannoniorum*):

[Смешанное подразделение] едва ли может угодить даже само по себе, но ещё труднее для него не ударить в грязь лицом после упражнений, исполненных воинами из состава алы. Площадки для выступлений другие; число метателей дротиков другое; чёткие повороты в быстрой последовательности; кантабрийский галоп в тесном ряду [виртуозные достижения, только что продемонстрированные алой]... а стати и качество [ваших] ло-

¹² Книга I. 2; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, сс. 69—70; англ. пер.: Strategikon-Dennis, p. 13.

шадей, тренированность и состояние вооружения отвечает [вашему более низкому] уровню оплаты. Но моего негодования вам удалось избежать благодаря [вашему] рвению... в бойком исполнении своих обязанностей. Кроме того, вы пускали камни из пращей и применяли другое метательное оружие... Отецеская забота [вашего командира] Катуллины... явствует из того, что такие люди, как вы, служите под его начальством...¹³

Для римлян, веривших в уничтожение врага (что было недостаточно мудро и мешало признать преимущества покорения противника), тяжёлая пехота, обученная рубить, колоть и осаждать, была важнейшим видом войск, потому что она лучше могла достичь решающих результатов.

Напротив, на протяжении почти всей своей истории и уж точно во время написания «Стратегикона» византийцы полагали, что нужно сдерживать врагов, а не уничтожать их — возможных завтрашних союзников. Поэтому конница для них была более важным видом войск, ибо сражения с её участием не должны были быть решающими: они могли завершиться быстрым отступлением или осторожным преследованием, вследствие чего обе стороны не понесли бы слишком тяжкого ущерба. И всё же даже в эпоху расцвета конницы нужно было и некоторое количество пехоты — и тяжёлой, и лёгкой. Поэтому в «Стратегиконе» даются советы относительно тренировки обоих видов пехоты, причём отмечается, что этот предмет долго пребывал в пренебрежении.

Под заглавием «Чему нужно обучать одиночных skutatov [тяжело-вооружённых пехотинцев]» сказано всего несколько слов:

[Их нужно обучать] единоборству друг против друга с использованием щитов и палы, метанию на расстояние берет [дротиков] и применению марсобарбулов [дротиков со свинцовыми наконечниками]¹⁴.

Есть также советы относительно того, «чему нужно обучать псилов или лучников»:

¹³ CIL, vol. VIII, 18042 = Dessau, ILS, 2487. Пер.: Naphtali Lewis и Meyer Reinhold. Roman Civilization source book II: the empire (Антология источников по римской цивилизации. II: империя; New York: Harper Torchobooks, 1966), p. 509.

¹⁴ Книга XII. В. О боевом строе пехоты, 2; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 204; англ. пер.: Strategikon-Dennis, p. 138.

...Скоростной стрельбе по вертикальному копьё как по ромейскому, так и по персидскому способу; скоростной стрельбе со щитом, метанию на расстояние берит и стрельбе из пращей; прыжкам и бегу¹⁵.

Снаряжение, указанное в «Стратегиконе» для каждого вида пехоты, красноречиво говорит о её характере: это панцири по крайней мере для двух первых шеренг тяжёлой пехоты, чтобы и первая шеренга, и следующая за ней были защищены от вражеских стрел; рубящее оружие (или палицы); шлемы с нащёчниками для всех; железные или деревянные поножи для защиты ног ниже колен, а также щиты, тип которых не уточняется, но больших размеров (кроме того, упоминаются малые щиты, или «мишени»). Исчерпывающее, хотя и не слишком вдохновляющее современное исследование содержит длинный перечень различных видов снаряжения — или, возможно, лишь названий видов снаряжения; и хотя иллюстрации там есть, их связь с названиями не назовёшь бесспорной¹⁶.

Несомненно следующее: задача тяжеловооруженной пехоты в то время и ещё в течение нескольких веков (а на деле — до внедрения огнестрельного оружия) состояла в том, чтобы захватить позицию и удержать её. От неё не следовало ожидать ни особой подвижности, ни ливня метательных снарядов и стрел, превышающего пределы досягаемости камнемётных пращей, метательных копий и дротиков, в том числе со свинцовыми наконечниками.

Перечень разновидностей длинного оружия начинается в «Стратегиконе» с колющей пики (лат. *contus*, греч. контос) для конников, хотя они должны быть и у пехотинцев, чтобы сдерживать натиск атакующей конницы. Далее, было много названий для лёгких метательных копий или дротиков различного происхождения и вида: моноконтии, зивинны, миссибилии или классические аконтии¹⁷; как бы

¹⁵ Книга XII. В. О боевом строе пехоты, 3; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 204; англ. пер.: *Strategikon-Dennis*, p. 138.

¹⁶ *Taxiarchis G. Kolias. Byzantinische Waffen: ein Beitrag zur byzantinischen Waffenkunde von den Anfängen bis zur lateinischen Eroberung* (Византийское оружие: исследование византийского оружейного дела от начала вплоть до латинского завоевания; Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1988). Здесь и далее: *Kolias*.

¹⁷ «Новеллы» Юстиниана, 85, от 539 г. н.э., гл. V: *contos et quolibet modo vel figura factas lanceas, et quae apud Isauros nominantur monocopia* («копья и другие пики, как бы

они ни назывались, они были особенно важны для легковооружённых пехотинцев, которые по тем или иным причинам не могли пользоваться луками.

В «Стратегиконе», как и во всех других византийских текстах, лёгкая пехота предстаёт прежде всего как сила, снабжённая метательными снарядами и луками: лёгким пехотинцам полагается иметь колчаны, вмещающие до сорока стрел для составного лука с обратным изгибом, хотя при этом уточняется, что «тех, у кого нет луков, а также малоискусных стрелков» надо снабдить малыми дротиками, [лёгкими] славянскими копьями, дротиками со свинцовыми наконечниками [марсобарбулы] и пращами.

Был ещё один предмет боевого снаряжения пехотинцев, суть которого понять труднее, отчего его часто толковали неверно: это соленарий — не маленький арбалет с короткими стрелами, как полагали раньше, а скорее «трубки», или (если перевести полное его название, соленария ксилина мета микрон сагиттон, «деревянные соленарии с маленькими стрелами») деревянные трубки для стрельбы короткими стрелами. Они аналогичны устройствам для дополнительного натяжения, или «удлинителям», до сих пор применяемым иногда современными лучниками¹⁸.

С его помощью короткие стрелы, способные лететь дальше длинных, вставляются в трубку с выемкой в центре; благодаря этому тетиву можно натянуть полностью, даже если длина стрелы составляет, скажем, 40 сантиметров, а не 140. Эти короткие стрелы, которые сами византийцы называли «мухами» (миэс), служили для того, чтобы их градом осыпать противника, когда он ещё находится вне зоны досягаемости длинных стрел, обладающих, конечно же, куда большей убойной силой, потому что они могли пробить толстые защитные покровы и даже панцирь, а «мухи» — нет¹⁹.

они ни были изготовлены и какой бы формы ни были, а также те, что у исавров называются монокопиями»).

¹⁸ D. Nishimura. Crossbow, Arrow-Guides, and the Solenarion (Арбалет, стрелонаправляющие и соленарий), *Byzantion*, 58 (1988), pp. 422—435. Ср.: G. [T]. Dennis. Flies, Mice, and the Byzantine Crossbow (Мухи, мыши и византийский арбалет), *BMGS* 7 (1981), pp. 1—5.

¹⁹ Джованни Аматоуччо (Amatuccio) упоминает возможное изображение соленария в Бари; "Lo strano arciere della porta dei Leoni" («Станный лучник на Львиных воротах»), *Arcosophia* 1, приложение к *Arco* 1, янв.-февр. 2005. http://www.arcosophia.net/database/N1/amatuccio_leoni.htm_edn6.

Главный тип воина в «Стратегиконе» — это, несомненно, конный копейщик-лучник, и вполне естественно, что о его снаряжении говорится подробнее. Видимо, невозможность обучить каждого использованию составного лука с обратным изгибом, а также обычное преобладание лучников-пехотинцев ввели в заблуждение одного выдающегося учёного, полагавшего, что «византийский копейщик/конный лучник — это скорее всего что-то вроде мифа»²⁰.

Автор рекомендует снабжённые капюшоном накидки с нашитой на них чешуйчатой бронёй (*lorica squamata*), или же пластинчатую броню, или же кольчугу (*lorica hamata*) длиной до лодыжек — последняя была излюбленным снаряжением воинов в течение ещё примерно восьмисот лет, до широкого распространения мушкетов. Были особые футляры для них, покрытые водостойкой кожей, поскольку доспех был дорогим и мог заржаветь; далее уточняется, что более лёгкие плетёные короба для нательного доспеха также нужно было возить с собой на крупах лошадей позади задних седельных луков, «и если случится так, что накануне дня возвращения, возможно, не окажется поблизости запасных лошадей, перевозящих снаряжение, панцири не остались бы неприкрытыми и не были бы повреждены...».

Упоминаются также шлемы, мечи, стальные нагрудники и налобники для лошадей, но особое внимание уделяется главному оружию: «Луки по силе каждого, но не сверх этого, а лучше — даже более слабые»²¹.

Составной лук с обратным изгибом был эффективен, поскольку он накапливал много энергии для выстрела, но он был и весьма тугим, так что вполне уместна была мысль о том, чтобы предпочесть ему такой лук, тетиву которого можно было натянуть быстро и уверенно даже при спуске с неё тридцатой стрелы, а не только первой. Как говорилось выше, упоминаются также налучники для натянутого лука, готового к бою, и запасные тетивы в собственной чересседельной сумке бойца, а не только на складах подразделения, защищённые от влаги колчаны на тридцать-сорок стрел (остальные стрелы хранились на складах подразделения), а также пилки и шила для починки снаряжения в полевых условиях.

Автор упоминает копья для конников, с кожаными ремнями и фламулами [флажками] на навершиях, круглые шейные щитки, на-

²⁰ Haldon 1999, p. 216.

²¹ Книга I. 2; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, сс. 66—67; англ. пер.: Strategikon-Dennis, p. 12.

грудники и шейные щитки, просторные гунии (накидки) и палатки (в действительности круглые кожаные юрты), которые должны быть «аварского образца». Византийские конные лучники, столь отличившиеся при Прокопии за полвека до этого, были созданы по гуннскому образцу, но ко времени написания «Стратегикона» на византийцев уже не раз нападали авары, первые из тюркских конных лучников, пришедшие на Запад, у которых был такой же составной лук с обратным изгибом, что и у гуннов; но по пути авары переняли ещё много всего у обеих самых развитых цивилизаций того времени: у Китая, откуда они вышли, и от Ирана, с культурой которого они встречались, продвигаясь к западу, как только достигли торговых городов Средней Азии.

В отличие от гуннов авары с самого начала могли строить и использовать тщательно разработанные осадные машины, включая, возможно, противовесный требушет с его мощной простотой действия, после которого все прежние камнемётные устройства быстро устарели²²; возможно, они также ввели на Западе самую знаменитую часть снаряжения, впервые упомянутую в «Стратегиконе»: стремя (ска́ла). Буквально слово «ска́ла» означает «ступенька», но здесь оно относится именно к стремени («при сёдлах должны быть также два железных стремени»²³), которое было тогда настолько новым, что для него не было даже особого названия — аварское слово, если оно и существовало, осталось неизвестным. Это досадно, потому что аварское название стремени могло бы прояснить вопрос о его происхождении — хотя это всего лишь одно из разногласий, порождённых этим предметом.

Вопреки мифу, распространённому историками, не ездящими верхом (напр.: «Без стремени ударная атака с копьём наперевес была бы попросту невозможна»²⁴), стремя не является решающим для того, чтобы позволить всаднику атаковать с копьём наперевес, не будучи сби-

²² Paul E. Cheveddent. The Invention of the Counterweight Trebuchet: a study in cultural diffusion (Изобретение противовесного требушета: исследование культурной диффузии); *Dumbarton Oaks Papers*, No. 54 (Washington DC, 2000), pp. 72—116; и более поздняя работа: Stephen McCotter. Byzantines, Avars and the Introduction of the Trebuchet (Византийцы, авары и введение требушета). The Queen's University of Belfast (2003); <http://www.deremilitari.org/resources/articles/mccotter1.htm>.

²³ Книга I. 2; англ. пер.: Strategikon-Dennis, p. 13.

²⁴ Maurice Keen. Chivalry (Рыцарство; New Haven: Yale U Press 1986), p. 23.

тым с лошади при столкновении. Если копейщики, жившие в эпоху до введения стремени, падали с лошадей, то это случалось не из-за отсутствия стремян, потому что всадник держится за счёт плотно сжатых бёдер и колен, а не свободно болтающихся стремян. В этом отношении весьма ценно свидетельство нашего современника, занимающегося реконструкцией рыцарских турниров: «Исследование механики битвы на столкновение и развитие соответствующей тактики» доказывает это экспериментально и окончательно²⁵.

Кроме того, недавние исследования позволили произвести реконструкцию римского седла; его особая конструкция позволяла опытным наездникам надёжно усидеть на коне даже после удара копьём, а также сидя влоборота, чтобы действовать мечом. Оно состояло из прочной деревянной рамы, покрытой кожей, и на каждом из четырёх углов было снабжено рукояткой, чтобы всадник мог удержаться в седле, действуя во всех четырёх направлениях²⁶. Реконструкторы опробовали эту модель, доказав, что она была вполне функциональна и без стремян. У нас нет доказательств тому, что византийская конница пользовалась теми же сёдлами, но кажется маловероятным, что столь удачная конструкция была забыта.

И у римлян, и у их врагов, то есть прежде всего у сарматов с их конницей в характерной чешуйчатой броне, а также у пришедших им на смену великих иранских держав, то есть у Аршакидской Парфии и Сасанидской Персии, была тяжёлая кавалерия, особо обученная для атаки. Несомненно, у них была тяжёлая панцирная конница задолго до появления стремени; всадники были облачены в доспехи из толстой вываренной кожи, в кольчуги, в пластинчатые или даже в цельные панцири, чем объясняется их поверхностное сходство со средневековыми рыцарями — или, скорее, с изображениями бойцов на турнирах эпохи Возрождения, представлявших средневековых рыцарей, поскольку последние редко облачались в полный панцирь. Между прочим, оружие для атаки, которым пользовались римляне, сарматы, парфяне и персы (а также все другие, кому приходилось ата-

²⁵ R. P. Alvarez. Saddle, Lance and Stirrup (Седло, копьё и стремя). The International Newsletter for the Fencing Collector. Vol. 4, Nos 3&4, July 15, 1998.

²⁶ Peter Connolly and Carol van Driel-Murray. The Roman cavalry saddle (Римское кавалерийское седло). Britannia 22 (1991), pp. 33—50; этой отсылкой я обязан Эрику Мак-Гиру (McGeer).

ковать своих врагов в настоящей битве). было ручным копьём, или пикой (контос), какими были вооружены отряды копейщиков в европейской коннице восемнадцатого-девятнадцатого веков, а не тяжёлым ударным копьём турниров позднего Средневековья, которое воспроизводят реконструкторы и кинорежиссёры.

Впервые встретив конных персов, знойным месопотамским летом закованных в панцири, римляне дали им насмешливое прозвище: клибанарии (*clibanarii*), от греческого слова «клибанос» — печь или форма для выпечки хлеба. И всё же римляне стали подражать этой самой тяжёлой форме панцирной конницы, хотя она была дорогостоящей и быстро утомлялась (особенно в жару), по одной простой и разумной причине: на подходящей местности она могла добиться «эскалационного превосходства» благодаря кратким, но мощным атакам. В «Перечне должностей» (*“Notitia dignitatum”*), восходящем к пятому веку²⁷, упоминаются десять подразделений, включая такие, названия которых выдают их восточное происхождение: «Первые парфянские всадники-клибанарии» (*Equites primi clibanarii Parthi*), в память об Аршакидской Парфии; «Вторые парфянские всадники-клибанарии» (*Equites secundi clibanarii Parthi*) и «Четвёртые парфянские всадники-клибанарии» (*Equites quarti clibanarii Parthi*), для второго и четвёртого подразделений; «Персидские всадники-клибанарии» (*Equites Persae clibanarii*); «Клин вторых пальмирских всадников-клибанариев» (*Cuneus equitum secundorum clibanariorum Palmirenorum*). Другие подразделения назывались просто по их специализации: «Всадники-клибанарии» (*Equites clibanarii*), «Отборные всадники-клибанарии» (*Equites promoti clibanarii*) и «Всадники-клибанарии с луками» (*Equites sagittarii clibanarii*).

Конечно, как отмечалось, «Перечень должностей» (*“Notitia dignitatum”*) не мог быть точным списком боевого распорядка — в разные моменты времени в него, возможно, включались уже упразднённые подразделения, всё ещё входившие в устаревшие ведомости выдачи жалованья (что было выгодно казначеям), тогда как новые, ещё не зарегистрированные в столице, туда не вошли. Кроме того, воинские подразделения стремятся сохранять традиционные названия, даже когда их настоящий характер полностью меняется: так, в бронекавалерийских полках современной армии США нет лошадей, и наоборот — в пехотных дивизиях много танков. Так что нельзя сказать, какова была

²⁷ См. ценный интра-текст: <http://www.intratext.com/X/LAT0212.htm>.

подлинная природа перечисленных подразделений клибанариев, когда составлялась эта часть «Перечня», но едва ли их называли бы так, если бы они изначально не носили отличавшие их панцири.

Была и другая категория тяжёлой конницы, вошедшая в «Перечень», которой суждено было просуществовать гораздо дольше: катафрактари (катафракты, от греч. катафрассо, «покрывать»). Они тоже были надёжно защищены для того, чтобы вступать в ближний бой, и тоже были обучены атаковать с пикой, но изначально у них всё же не было таких тяжёлых панцирей, как у клибанариев²⁸. Вместо более тяжёлых сплошных или пластинчатых панцирей у них были чешуйчатые панцири, нашитые на основу, или кольчуги, как упоминается в «Стратегиконе», или нательные панцири из вываренной кожи либо из толстой и плотной ткани — если выпрясть её туго, то можно сшить и связать её во множество слоёв, чтобы она превратилась в некую предшественницу нынешнего кевлара.

В «Перечень должностей» входят девять подразделений, включая одно, появившееся, возможно, в третьем веке, «Первая Юпитерова ала катафрактариев» (*Ala prima Iovia catafractariorum*) из Фиваиды в южном Египте, тогда как другие перечислены просто как «всадники» (*equites*), конные подразделения или эскадроны, как мы выразились бы сегодня, если не считать «Клина всадников-катафрактариев» (*Cuneus equitum catafractariorum*) и одного подразделения, названного по его командиру, «Префекту всадников-катафрактариев Морбиону» (*Praefectus equitum catafractariorum, Morbio*), в Британии. Похоже, что здесь, как это обычно бывает с воинскими формированиями за долгое время, различие между двумя видами бронекавалерии стёрлось, хотя их старинные названия сохранились.

Представляется вполне очевидным, что историческое значение появления стремени было сильно преувеличено, прежде всего Линном Уайтом (White) Младшим, попытавшимся утвердить всё объяснение социальных перемен на столь узкой опоре (если здесь позволительна такая шутка)²⁹. Но, безусловно, верно, что стремя повысило относительное боевое значение всех видов конницы, как и сейчас оно облегчает все виды

²⁸ J. W. Eadie. The Development of Roman Mailed Cavalry (Развитие римской панцирной кавалерии). *Journal of Roman Studies*. Vol. LVII (1967), pp. 161—173.

²⁹ В книге: *Medieval Technology and Social Change* (Средневековая технология и социальные перемены), Oxford: Clarendon Press, 1966.

верховой езды. Люди, облачённые в доспехи, которым нелегко было запрыгнуть на коня, как предписывала римская тренировка, могли сесть на них, вступив одной ногой в стремя. В бою стремяна повышали боковую устойчивость при действии мечом и палицей и при метании копья.

Но важнее всего то, что стремяна позволяли конным лучникам, обладающим достаточным уровнем мастерства, на рыси, на лёгком галопе и даже на карьере держаться прямо и при стрельбе из лука метить поверх своих скачущих лошадей, что существенно увеличивало возможности прицеливания.

В «Стратегиконе» не упоминаются клибанарии, облачённые в пластинчатые доспехи, тогда как катафрактарии превратились в первостепенных по значению копейщиков-лучников в чешуйчатых панцирях или кольчугах — хотя в «Перечне должностей» нет упоминания «катафрактариев-лучников» (*catafractarii sagittarii*), которые должны были выступать их прямыми предшественниками.

Наряду с лёгкой пехотой, вооружённой луками и метательными снарядами, а также с тяжёлой пехотой, предназначенной для того чтобы захватить позицию и удержать её, в «Стратегиконе» упоминаются ещё три категории бойцов.

Первые из них — букелларии/вукелларии (*bucellarii*), «состоящие на сухом пайке»; их название произведено от слова «сухари»: они выдавались морякам и бойцам во время кампании. Изначально букеллариев набирали и им платили в частном порядке боевые командиры, державшие их в качестве личной гвардии и отряда для атаки, но они, несомненно, превратились со временем в элитные войска, которым платило государство, ибо мы обнаруживаем, что их внешнему виду уделяется серьёзное внимание:

Букеллариям нелишне позаботиться о железных наручах, небольших султанах на хвостовом и нагрудном ремнях конской сбруи, небольших фламулах поверх панцирей по плечам. Ведь чем более внушительно выглядит стратиот [воин] в полном вооружении, тем более увеличивается его боеготовность и усиливается страх врагов перед ним³⁰.

Конечно, это было бы столь же верно и по отношению к другим категориям воинов, однако о статусе букеллариев красноречиво говорит

³⁰ Книга I, 2; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 67; англ. пер.: Strategikon-Dennis, p. 12.

тот факт, что они упомянуты именно по этому поводу. Между прочим, вскоре после этого букелларии превратились в территориальные войсковые корпуса, которым, в свою очередь, были приданы определённые округа, или фемы, чтобы и управлять ими, и защищать их, когда этот срочный ответ на поражение и отступление стал административной системой в конце седьмого века. Фему Вукеллариев должным образом упоминает в X веке Константин Багрянородный в своём обзоре, известном под заглавием «О фемах» (*“De thematibus”*)³¹.

Вторую категорию воинов, упоминаемых либо под своим названием, либо просто как «иноземцы», составляли федераты (от латинского слова «договор», *foedus*), т. е. войска, поставляемые империи как полные отряды под началом собственных командиров племенами, слишком бедными или, напротив, слишком сильными для того чтобы платить налоги. Впоследствии федератами могли называть просто отряды, служащие по контракту³². В отличие от нынешних наёмников, поставляемых страховыми контрагентами, которые стоят порой гораздо дороже даже хорошо оплачиваемых солдат, отряды федератов были гораздо дешевле, чем соответствующее число легионных солдат, потому что граждане — бойцы легионов получали хорошее жалованье, прочно построенные казармы, тщательное медицинское обслуживание и существенную пенсию по выходе в отставку.

Почти половина армии эпохи принципата была дешевле, поскольку состояла она из низкооплачиваемых бойцов вспомогательных войск, не являвшихся римскими гражданами и служивших под началом римских офицеров, — из них набиралась почти вся конница тогдашней армии, центром которой всё ещё служила пехота; но поскольку у федератов не было высокооплачиваемых римских офицеров, они обходились ещё дешевле. Несомненно, это стало причиной того, почему они в той или иной форме продолжали служить в византийских войсках до самого конца, чаще всего в виде лёгких «расходных» отрядов, как обстояло дело с «вооружёнными дротиками, будь они русами или каким-нибудь иным народом», о которых говорится в обсуждаемом

³¹ A. Pertusi. *De Thematibus* (О фемах), ук. соч., pp. 133—136. О федератах см. также: A. H. Jones. *The Later Roman Empire 284—602: a Social and Economic Survey* (Поздняя Римская империя, 284—602 гг.: социально-экономический обзор; Oxford: Basil Blackwell, 1973), здесь и далее: LRE, Vol. I, pp. 665—667.

³² LRE. Vol. I, pp. 663—666.

ниже трактате «Военные предписания» (*“Praecepta militaria”*), написанном в десятом веке³³.

Иногда они отличались мастерством и отвагой, как оногуры («гунны»), сражавшиеся за Велисария в Италии; реже их бранили за поражения или даже обвиняли в прямой измене на поле боя, особенно если враги были их соплеменниками. Предположительно именно такой была одна из причин стратегически важного поражения, которое Роман IV Диоген потерпел в битве при Манцикерте в пятницу 26 августа 1071 г.: некоторые из его наёмников были такими же тюрками-огузами, как и его враги сельджуки, и они, как сообщается, перешли на сторону врага. В «Стратегиконе» рекомендуется особая мера предосторожности на сей счёт под заглавием «О соплеменниках врагов»:

Вражеских соплеменников следует задолго до сражения отделять от войска и отправлять в другие места, чтобы во время столкновения они не предались врагам³⁴.

Наконец, в «Стратегиконе» упоминается нечто вроде гражданского ополчения — или по крайней мере говорится об общей готовности граждан выступать в таком качестве:

Все новобранцы-ромей, исключая иноплеменников, в возрасте до сорока лет, умеющие стрелять из лука либо так, как это предписано выше, либо в достаточной мере, обязаны принести с собой токсифаретру [налучие, лук и колчан на 30—40 стрел]; им следует также приобрести два копья, чтобы, если, как это случается, одно не попало в цель, использовалось бы другое. Менее опытные солдаты должны пользоваться более слабыми луками; если же они не умеют стрелять, они должны постараться со временем обучиться, поскольку это необходимо³⁵.

Если вспомнить о том, сколько было глубоких вторжений на имперскую территорию вплоть до самого Константинополя, то можно понять, почему автор «Стратегикона» был за всеобщую воинскую подготовку,

³³ В труде: *McGeer* 1995, I. 51—52; параграф 6, p. 15.

³⁴ Книга VII. 15; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 134; англ. пер.: *Strategikon-Dennis*, p. 69.

³⁵ Книга I. 2; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 68; англ. пер.: там же, p. 12.

чтобы все способные держать оружие могли оказать помощь в защите своей местности, дополняя профессиональные войска империи. Точно такая же рекомендация давалась впоследствии и в более поздних военных руководствах. Например, мы знаем о том, как героически проявили себя жители Эдессы (ныне Шанлыурфа или Урфа в Турции) в сражении с персами-сасанидами в 544 г.: «Взрослые мужчины вместе с солдатами мужественно отражали врагов, и многие из крестьян (агрикон полли) проявили в борьбе с варварами удивительную храбрость»³⁶.

Но римские и византийские законы запрещали частное использование оружия³⁷, тогда как организованное ополчение редко получало санкцию на своё существование от византийских властей.

Это неудивительно. Их потенциальный и эпизодический вклад в случае вражеских вторжений, проникавших в их область империи, перевешивался их актуальной и постоянной угрозой местным имперским властям, а в целом — стабильности империи. А ею управляли не по произволу: её правление регулировалось законами, но оно не было и консенсуальным. Политическая предпосылка существования ополчения заключается в том, что граждане-солдаты непременно должны верно служить правительству, ибо оно представляет их как граждан-избирателей или же скоро будет представлять по завершении новых выборов.

Конечно, это было неприменимо по отношению к императорскому самодержавию, даже к самому милосердному — а ни один император не был милосерднее Траяна (98—117 гг.). По крайней мере так утверждал восхищавшийся им Плиний Цецилий Секунд, или Плиний Младший, которого Траян назначил императорским наместником (*legatus propraetore consulari potestate*) значительной провинции Понт-Вифиния в северо-западной Анатолии. В письме Траяну Плиний сообщил:

...в Никомедии [ныне Измит в Турции] огромный пожар уничтожил много частных домов и два общественных здания... Пожар широко разлился, во-первых, вследствие бурного ветра, а затем и по людской бездеятельности:

³⁶ Прокопий. Войны, II. XXVII. 33—35; рус. пер. А. А. Чекаловой; англ. пер.: Dewing. Vol. I, p. 511.

³⁷ Кодекс Юстиниана, 11. 47. 0, где запрещается пользоваться оружием без ведома имперских властей (*Ut armorum usus incio principe interdictus sit*, «Чтобы запретить пользоваться оружием без ведома принцепса»), это повторение закона, включённого уже в Кодекс Феодосия (XV. 151) и восходящего к императорам Валентину и Валенту в 364 г.

зрители стояли, неподвижно и лениво смотря на такое бедствие. <...> Ты же, владыка, посмотри, не основать ли коллегия пожарных, человек только в полтора. Я буду следить, чтобы в нее принимали только ремесленников... держать под надзором такое малое число людей будет нетрудно.

Как подобает опытному имперскому чиновнику, Плиний проявил должную осторожность, хотя 150 человек едва ли представляли угрозу империи. Но для Траяна Плиний оказался недостаточно осторожен:

Тебе пришло в голову, что можно по примеру многих городов основать коллегия пожарников у никомедийцев. Вспомним, однако, что этой провинции и особенно ее городам не давали покоя именно союзы подобного рода. Какое бы имя и по каким бы основаниям мы ни давали тем, кто будет вовлечен в такой союз, он в скором времени превратится в гетерию [политическое общество]. Лучше поэтому приготовить всё, что может потушить огонь, и уговорить домовладельцев пользоваться таким оборудованием у себя...³⁸

В остальном автор «Стратегикона» последовательно реалистичен в своих рекомендациях относительно индивидуальной тренировки, как и в рекомендуемых им тактических и оперативных методах, как мы увидим в дальнейшем.

ВОЙНА НА УНИЧТОЖЕНИЕ И МАНЁВР

Для сильного, который благодаря своему превосходству способен победить врага в лобовой битве, тактика может оставаться всего лишь простыми действиями по доставке воинов и оружия к месту сражения с врагом. За следующее далее уничтожение врага, представляющее со-

³⁸ Книга X, письма 34 и 35. Рус. пер.: М. Е. Сергеев, цит. по: Письма Плиния Младшего. Кн. I—X. Издание подготовили М. Е. Сергеев, А. И. Доватур. М., 1982, с. 187, сетевой ресурс: <http://www.biblicalstudies.ru/Lib/Antik/Plini10.html>; англ. пер.: Pliny Letters and Panegyricus (Письма и панегирик Плиния; Cambridge Mass: Harvard University Press, 1975). Vol. II, pp. 206—209.

бою процесс почти механический, приходится платить жертвами со своей стороны; когда англичане ещё оставались нацией торговцев, они называли это «счётом от мясника» (*butcher's bill*); но при этом можно спокойно «перемолоть» врага, избежав всех опасностей, которые могут возникнуть вследствие более хитроумных и сложных манёвров.

Даже при отсутствии дальнобойного оружия, которое сегодня способно сделать уничтожение врага вполне односторонним, в древности тоже не было равенства: при наличии превосходной индивидуальной выучки, оборонительного и наступательного оружия «счёт от мясника» можно было в соответствующей мере сократить. Именно так обстояло дело для римлян в их лучшие дни. Они могли полагаться на мощные лобовые атаки своей хорошо защищённой доспехами и хорошо обученной легионной пехоты, чтобы выигрывать сражения «перемалыванием» врага — конечно, это война на уничтожение, но довольно экономная. Вспомогательные конные отряды, которые состояли из бойцов, не являвшихся римскими гражданами (*алы*, *alae*, букв.: «крылья»), могли охранять фланги и тыл пехотных формирований и отбивать вражеских всадников, тогда как вспомогательные подразделения лёгкой пехоты (*когорты*, *cohortes*), разнообразно вооружённые дротиками, луками и пращами, могли разить и донимать врага своими стрелами и метательными снарядами, равно как и стреломётная и камнемётная полевая артиллерия. Но обычно именно мясорубка легионной пехоты в ближнем бою решала исход сражения.

Враги, отстаивавшие свои позиции перед лицом наступающего легиона (в большинстве случаев безрассудно), сначала принимали на себя две последовательные тучи пилумов (*pila*), то есть дротиков с тяжёлыми железными наконечниками, способных пробить щиты и шлемы. Затем на них накатывалась стена легионеров под прикрытием тяжёлых щитов с шишаками, пробиваясь вперёд смертельными ударами коротких мечей. Со шлемами и поножами, защищавшими воинов сверху и снизу их больших щитов, с ещё одним рядом щитов поверх голов, которые держали воины второго ряда, образуя построение «черепахой» (*testudo*), пехота легионов, наседавая на врага равномерными шагами, защищённая бронёй, получала неудержимый момент наступательной силы. Смерть или бегство — вот был обычный выбор для тех, кто с ними сходил, но пускаться в бегство лучше было раньше — желательно ещё до начала битвы: хотя тяжеловесная легионная пехота едва ли могла преследовать врага на далёкое расстояние или быстро, вспо-

могательная конница и лёгкая пехота готовы были гнаться за беглецами и рубить их на куски.

Византийцы восхищались славной древностью македонской фаланги, а ещё больше — мощью римских легионов в пору их расцвета. Но они решительно отвергли их стиль ведения войны. Они никогда не пытались воспроизвести эти пехотные машины по перемалыванию врага, потому что не хотели нести потери, неизбежные при римском способе ведения войны. Взамен они устойчиво отдавали предпочтение не столь решительной тактике с более подвижными и, если понадобится, более маневренными конными силами. В «Стратегиконе» автор вкратце излагает тактический аргумент в пользу того, что потерь необходимо избегать всегда, насколько это возможно:

Действия на войне подобны охоте. Подобно тому как успех на охоте достигается больше с помощью выслеживаний, сетей, засад, обманов, облав и других уловок, чем с помощью силы, всё это нужно использовать и в войнах, будут ли враги более сильными или более слабыми. Ведь действовать против врагов только в открытую или напролом, даже если победа над ними кажется очевидной, значит связывать исход дела с опасностью и неоправданным ущербом. Поэтому безрассудно добиваться победы, сопряжённой с уроном, без большой необходимости, — это приносит лишь призрачную славу³⁹.

Хотя римляне постоянно тренировались для своей типичной битвы на уничтожение, сами они обычно пытались избежать её. Они предпочитали дать своим врагам возможность отступить в крепости, которые можно было взять измором посредством долгой, систематической, беспощадной осады. Неспроста же легионеров обучали и экипировали как военных инженеров, столь же опытных в разрушении фортификационных сооружений, как и в их постройке, равно как и в строительстве дорог, мостов, виадуков, складов и даже театров. Юлий Цезарь окончательно разбил Верцингеторикса в Галльской войне в ходе осады Алесии, и точно так же Веспасиан и его сын Тит закончили Иудейскую войну осадой Иерусалима и Масады. Заперев врага в ловушке и заморив его голодом вплоть до добровольной сдачи, римляне избегали жертв, неизбеж-

³⁹ Книга VII. А. «О стратегии. Какими принципами должен озаботиться стратиг до начала войны; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 129; англ. пер.: Strategikon-Dennis, p. 65.

ных в любой двусторонней битве, и превратностей судьбы в ходе стычек и планомерных операций, а итог был тот же, притом более верный.

Византийцы тоже любили медленную и надёжную осаду, когда полагали, что они смогут выждать и враги их не потревожат. Но это были редкие случаи, хотя в целом византийцы проявляли очень стойкое нежелание тратить свои всегда немногочисленные войска, обучение и экипировка которых стоила дорого, в битвах на уничтожение.

Оперативные схемы, разработанные для того, чтобы достичь цели с минимальными потерями, могли быть столь сложными, как совместные действия многообразной пехоты, конницы и сил речного флота, устремлённые к одной цели; или же, напротив, столь простыми, как простая последовательность действий — но действий, взаимно усиливающих друг друга, как в стандартной трёхшаговой оперативной схеме для византийской конницы: сначала пригрозить атакой, чтобы заставить врага сомкнуться в тесные ряды; но не атаковать, а засыпать градом стрел тесно сбитую массу врага; затем атаковать по-настоящему, но лишь в том случае, если враг несёт численные потери и явно колеблется, дабы обратить его в бегство.

Не столь простыми теоретически, но вполне выполнимыми на практике (при условии достаточной тренированности) были различные схемы оперативного уровня, сочетавшие тактические действия лёгкой и тяжёлой пехоты с действиями лёгкой и тяжёлой конницы.

Чтобы вообще получить возможность сражаться, тяжёлая пехота должна была оказаться на расстоянии длины одного копья от врага; чтобы применить метательные снаряды, будь то дротики, короткие копья, пращи или стрелы, лёгкая пехота должна была находиться в пределах досягаемости врага — но она нуждалась в защите от вражеских копий и мечей. В византийскую эпоху эта проблема была уже очень древней, и предлагалось немало способов её решения: все они были вариантами линейных и нелинейных решений. В первом случае оба рода пехоты смешиваются в одном и том же построении: «Иногда лучники встают позади каждого ряда в зависимости от величины наличных сил, то есть четыре псила [лучника] к 16 skutатам [тяжеловооружённым пехотинцам]... иногда на глубину рядов попеременно один skutат — один токсот [лучник]»⁴⁰.

⁴⁰ Книга XII. 12; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 210; англ. пер.: Strategikon-Dennis, pp. 143—144.

У этого решения было одно достоинство: простота (очень важное достоинство в сумятице, сопровождающей битву), но это означало бы, что лучникам и другим бойцам с метательными снарядами пришлось бы либо пускать снаряды поверх голов бойцов, образующих ряды тяжёлой пехоты перед ними, либо обходиться без их прикрытия, находясь попеременно с ними на самой передней линии, тем самым уменьшая её силу сопротивления вражеской атаке. Без лёгких пехотинцев в своих рядах тяжёлая пехота могла образовать стену из щитов в первом ряду, чтобы отразить конницу, тогда как бойцы во втором ряду за ними могли поднять щиты, чтобы прикрыть их головы от стрел и метательных снарядов, — «черепаша» (*testudo*). Атакуя тем же способом, блок тяжёлой пехоты неизбежно обладал большей массой и способностью создать наступательный порыв, чем смешанные силы, содержащие в своих рядах лёгких пехотинцев с их маленькими щитами и начисто лишённых каких бы то ни было доспехов.

При нелинейных решениях подразделения лёгкой пехоты и подразделения тяжёлой пехоты располагались отдельно друг от друга, так что и те, и другие могли действовать с наибольшим эффектом. Тогда проблема решалась одним из двух способов. Очень легко — если в наличии была возвышенная местность, на которой отряды лёгкой пехоты могли разместиться в полной безопасности, чтобы обрушить свои стрелы и метательные снаряды на врага, находящегося внизу: идеальная роль идеальной засады в идеальной местности, то есть в узком горном проходе или ущелье; в этом случае местность могла восполнить нехватку сдерживающей силы лёгкой пехоты, что было верно и в отношении стен и башен при осадах. В иных случаях требовалось куда больше усилий для того, чтобы справиться с этой древней проблемой: подразделениям лёгкой пехоты приходилось перемещаться взад-вперёд между фронтом и тылом, проходя по коридорам между отрядами тяжёлой пехоты. Последние могли разомкнуть колонны в глубину, чтобы сузить свои передние ряды, открыв тем самым коридоры, или же сомкнуть колонны, чтобы расширить первую шеренгу, тем самым закрывая коридоры и образуя непрерывный фронт.

Это кажется сложным, но византийцы делали так всё время — и большая часть упражнений, которыми столь усердно занимались их бойцы, нужна была именно затем, чтобы быстро изменить глубину колонн подразделений, а тем самым и ширину их передних шеренг. Можно было либо сузить ширину фронта каждого подразделения, чтобы

сузить всю боевую линию, дабы она совпала с боевой линией врага, либо углубить построение и придать ему больше возможности к отражению натиска врага, либо открыть коридоры для лёгкой пехоты, для конницы или для той и другой разом.

Это тоже была древняя проблема: как сочетать конницу и пехоту, чтобы добиться их взаимодействия на оперативном уровне. Можно даже сказать, что комбинации различных видов пехоты являются всего лишь тактическими, пусть и сложными.

Стремление избежать битвы на уничтожение было не только вопросом сбережения скудных ресурсов. Была также и стратегическая причина на то, чтобы избегать её, даже если она могла обойтись очень низкой ценой. Византийцы всегда сталкивались с множеством актуальных и потенциальных врагов. Никогда не существовало какого-то единственного врага, уничтожение которого можно было бы счесть равноценным прекращению конфликта — как развал Советского Союза некоторые ошибочно приняли когда-то за конец истории. Со времени появления гуннов византийцы знали, что за врагами, уже стоявшими на их границах, были и другие, ожидающие своей очереди; поэтому уничтожение одного врага могло попросту открыть путь другому — возможно, ещё более опасному. Кроме того, вчерашний враг мог стать сегодня ценным союзником. Обхаживать потенциальных врагов, привлекать их в качестве союзников — это не было оригинальным изобретением византийцев, но это стало их специальностью. Поэтому они научились смотреть на своих врагов в настоящий момент с явной долей двойственности, видя в них не только непосредственную угрозу, которую нужно было встретить и, возможно, отразить ценой тяжких боёв, но и возможных будущих союзников. В силу этого тактика войны на уничтожение становилась неуместной на уровне стратегическом, а к тому же и дорогостоящей.

Были случаи, когда империя действительно преследовала максимальные цели, прежде всего при Юстиниане (527—565 гг.), когда держава вандалов в Северной Африке и остготы в Италии были полностью уничтожены; это не раз повторилось и в войнах с болгарами, прежде всего при Василии II (976—1025 гг.). В этих случаях, столь редких в византийской истории, что приведённые примеры отделены друг от друга сроком в полтысячи лет, тактика войны на уничтожение полностью согласовалась со стратегической целью, и всё же она осталась неприемлемой для византийцев, поскольку требовала пропорционально больших сил и стоила бы соответствующих жертв. В течение веков византийцы

не имели первого и не могли позволить себе второго, поэтому вместо лобовых нападений и быстро решающих всё дело битв на уничтожение даже войны Юстиниана в Италии и Василия II на Балканах велись в основном затяжными кампаниями, с манёврами и осадами, и это не могло стоить слишком уж больших жертв, поскольку, прежде всего, общая численность византийских войск была невелика.

Острая нехватка боеспособных войск — вот каким было в действительности неизменное состояние византийского военного дела⁴¹.

Несмотря на демографическую катастрофу, вызванную бубонной чумой начиная с 541 г., не отсутствие здоровых мужчин боеспособного возраста было причиной этой нехватки. Численность большинства врагов империи (за исключением бедуинов, рассеянных по пустыне) уменьшилась в той же мере; кроме того, империя всегда могла вербовать новобранцев за своими пределами и зачастую поступала именно так. Даже высокая стоимость содержания военных сил не объясняет этой нехватки, поскольку империя часто откупалась от иноземных правителей золотом, которое могло бы пойти на содержание большего числа воинов.

Критическим ограничением выступала не нехватка людской силы и не отсутствие денежных средств, а выучка — или, скорее, время, необходимое для того, чтобы полностью обучить бойцов. Учитывая византийский стиль войны, бойцы, обладающие лишь элементарными навыками, были почти бесполезны в имперской армии. Она нуждалась в многосторонних профессиональных военных, входящих в состав сплочённых и хорошо обученных подразделений, готовых по команде выполнять различные практические задачи. Бойцам нужно было практиковаться во всех тактических приёмах снова и снова, чтобы достичь такого уровня мастерства, а для этого требовалось много времени. В современных армиях, включая армию и военно-морской флот США, солдат могут послать в бой через шесть месяцев после набора или даже раньше, тогда как византийские бойцы, не отслужившие года, считались всё ещё не готовыми к сражению. Вот как Прокопий объяснял тяжкие потери в сражении с персами:

...пали ещё восемьсот человек, отличившиеся в этом бою, а также почти все исавры со своими предводителями, не отважившиеся даже поднять оружие

⁴¹ См.: *Michael Whitby. Recruitment in Roman Armies from Justinian to Heraclius (c. 565—615)* (Набор бойцов в римские войска от Юстиниана до Ираклия, ок. 565—615 гг.), в: *Cameron 1995. Vol. 3, pp. 61—124.*

против врагов. Ибо они были совершенно неопытны в военном деле, потому что, совсем недавно отнятые от земледельческих работ, они впервые подверглись опасностям войны, прежде им совершенно неизвестным⁴².

Прокопий также упоминает о том, что 4000 человек, набранных во Фракии Велисарием для его второй итальянской кампании, были сочтены недостаточно подготовленными к битве спустя целый год — конечно, они потеряли много времени на переход, но начальная подготовка, о которой говорится в «Стратегиконе», несомненно, требовала по крайней мере шесть месяцев (в современной армии США этот срок составляет 16 недель или даже меньше)⁴³.

Это создавало неразрешимую стратегическую проблему. Налогов, которые можно было собрать со скромных излишков примитивного сельского хозяйства, не могло хватить на постоянное содержание достаточного числа тренированных бойцов; но не было и смысла набирать юношей, когда они были нужны для войны с врагом, потому что их подготовка к войне заняла бы слишком много времени. Поэтому империи приходилось иметь дело с хронически недостаточным числом тренированных бойцов, и мы видим, что все тактические принципы, изложенные в «Стратегиконе», характеризуются стремлением избежать битвы на уничтожение.

Эта тактическая ориентация подчёркивается целым рядом максим:

После взятия многолюдного города необходимо согласиться отворить ворота, чтобы многие спаслись бегством, а не впали в отчаяние и безрассудство; это же следует делать и тогда, когда будет захвачен лагерь врагов⁴⁴.

И ещё:

Окружив врагов, будет лучше оставить в кольце открытые промежутки для бегства, чтобы враги предпочли лучше бежать⁴⁵.

⁴² Прокопий. Войны, I. XVIII. 38—39; рус. пер. А. А. Чекаловой; англ. пер.: Dewing. Vol. I, p. 173.

⁴³ Giorgio Ravegnani. Soldati di Bizanzio in Età Giustiniana (Византийские воины в эпоху Юстиниана; Roma: Jouvence, 1988), p. 53.

⁴⁴ Книга VIII. 1, 25; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 148; англ. пер.: Strategikon-Dennis, p. 81.

⁴⁵ Книга VIII. 2. 92; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 158; англ. пер.: там же, p. 91.

Фронтин давал аналогичный совет, но его соотечественники-римляне обычно хотели, чтобы их осады завершились полным уничтожением врага и обращением в рабство тех, кто выжил, тогда как для византийцев стандартным было именно такое решение: оставить врагу путь к отступлению. Наконец, есть ещё одна рекомендация, в кратком виде облечённая в следующий принцип: «Хороший вождь никогда не вступит с противником в генеральное сражение, если только его не вынудят к этому серьёзные обстоятельства времени или дел»⁴⁶.

Иными словами, даже в том случае, если численное и качественное превосходство несомненно и даже не приходится сомневаться в победе, это ещё не служит достаточной причиной для того, чтобы вступить в битву.

Если война на уничтожение отвергается, значит, должны быть иные способы сражения; и действительно, «Стратегикон» в немалой мере состоит из перечисления двух альтернатив: либо стратегемы, то есть военные хитрости, либо «реляционный манёвр» (“relational maneuver”)⁴⁷, складывающийся из тактических и оперативных схем, разработанных специально для того, чтобы обойти стороной характерные для данного врага сильные стороны и использовать свойственные ему слабости.

И стратегемы, и «реляционный манёвр» описываются довольно подробно, но они также излагаются в виде максим. В разделе о том, что мы назвали бы сегодня «маскировкой и дезинформацией» (Cover & Deception), читаем: «Необходимо врагам выказывать одно, а делать другое, и о том, что необходимо сделать, не ставить в известность многих»⁴⁸, а также: «Если будет захвачен вражеский катаскоп [шпион], изучающий наши дела, то если наше положение безопасно и прочно, мы должны его отпустить, не причинив вреда»⁴⁹.

Введение в заблуждение обеспечивает «охрану ложью» (“the bodyguard of lies” — слова Черчилля) ради правды, которую следует держать в тайне.

⁴⁶ Книга VIII. 2. 86; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 157; англ. пер.: там же, р. 90.

⁴⁷ «Реляционный манёвр» (*relational manoeuvre*) — термин, введённый Э. Люттваком и обозначающий неожиданный манёвр, который основан на изучении слабых сторон противника. — Прим. ред.

⁴⁸ Книга VIII. 1. 8; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 147; англ. пер.: Strategikon-Dennis, р. 80.

⁴⁹ Книга VIII. 2. 29; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 152; англ. пер.: там же, р. 85.

Меры безопасности, цель которых состоит в том, чтобы закрыть врагу доступ к правдивым сведениям, конечно, необходимы, но недостаточны: если эти сведения просачиваются в значительных количествах, только уже заранее подготовленная «легенда» может ввести врага в заблуждение относительно смысла этих сведений. Кроме того, обман может и сам по себе быть оружием:

Во время встречи посольства от врагов следует особо выделить их проводителей и проявить к ним дружелюбие, когда они придут, чтобы вызвать у остальных врагов подозрение к ним⁵⁰.

А также:

Раздоры и подозрения среди врагов возникнут тогда, когда не будут сожжены или разграблены только те поселения, которые принадлежат самым знатным из них⁵¹.

ВИЗАНТИЙСКИЙ СТИЛЬ ВОЙНЫ: «РЕЛЯЦИОННЫЙ МАНЁВР»

Под заглавием «Какими принципами должен озаботиться стратег до начала войны» «Стратегикон» даёт в начале книги VII такой отличный совет: «Мудрый стратег — это тот, кто ещё до начала военных действий тщательно изучит всё, чем располагает противник, и, с одной стороны, защитит себя от его преимуществ, а с другой стороны, обратит в свою пользу его слабости»⁵².

Таково предварительное условие «реляционного манёвра», то есть целого стиля ведения войны, относящегося совсем к иному порядку, чем любое число простых стратегем; он представляет собою одно из характерных различий между римским и византийскими стилями ведения

⁵⁰ Книга VIII. 1. 17; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 147; англ. пер.: там же, р. 80.

⁵¹ Книга VIII. 1. 20; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 148; англ. пер.: там же, р. 81.

⁵² Книга VII. А; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 128; англ. пер.: Strategikon-Dennis, р. 64.

войны, как уже отмечалось ранее: “un tournant important qui conduit de la guerre de conquete romaine vers la guerilla Byzantine”⁵³ — хотя использование слова «герилья» в данном случае является упрощением, потому что для византийцев она была лишь одним из способов ведения войны в числе прочих.

Если «реляционный манёвр» осуществляется успешно, он изменяет существующий баланс военных сил, позволяя уклониться от сильных сторон врага и использовать его слабые стороны. В лобовой битве на уничтожение 3000 бойцов с тем же уровнем подготовки скорее всего одолеют 1000 вражеских бойцов, если тому не воспрепятствуют чрезвычайные обстоятельства. Но если применять реляционные оперативные методы, вполне может статься, что 1000 бойцов разгромят 3000. Или же, если численность одинакова, 1000 бойцов могут одолеть 1000, но с гораздо меньшими потерями, или же израсходовав гораздо меньше ресурсов, или же добившись преимущества и в том, и в другом отношении.

Так зачем же вообще кому-либо сражаться как-либо иначе?

Первая причина такова: чтобы вскрыть сильные стороны врага, которых следует избегать, и его слабые стороны, которыми можно воспользоваться, нужно прежде всего понимать самого врага, а это требует усилий интеллектуальных, а также и эмоциональных, необходимых для того, чтобы справиться с ненавистью, ибо никакое глубокое понимание невозможно без вчувствования⁵⁴.

Возможно, византийцы тоже ненавидели своих врагов — но, видимо, недостаточно для того, чтобы это помешало им понять их характерные свойства, как мы увидим ниже.

У могущественных и невежественных, даже если они не ослеплены ненавистью, может просто отсутствовать элементарное любопытство,

⁵³ «Важный поворот, ведущий от римской завоевательной войны к византийской герилье» (франц.): Dagron 1987, p. 209.

⁵⁴ В 1973 г. египетский Генеральный штаб, во всём остальном проявлявший себя вполне компетентным, назначил дату своего тщательно спланированного нападения на 6 октября, то есть на одиннадцатый день седьмого месяца Тишри по еврейскому календарю; между тем в десятый день этого месяца отмечался Йом Киппур, День искупления, — и это оказался лучший день в году для срочной мобилизации израильтян, потому что все резервисты были дома и предавались молитве, а дорожное движение запрещалось. Египтяне сделали всё для того, чтобы отсрочить разворачивание резервных израильских войск на линии фронта, — но они, видимо, не приняли в расчёт Йом Киппур.

необходимое для того, чтобы изучать врага. Действительно, превосходящее могущество обычно приводит к невежеству, поскольку из-за него начинает казаться, что изучать презренных и низестоящих ни к чему. Одно это объясняет множество неприятных сюрпризов на войне: начиная с происшедшего в 9 г. уничтожения XVII, XVIII и XIX легионов Публия Квинтилия Вара, при том что Арминий, его херуски и все другие германские племена казались вполне лояльными, полностью подчинёнными или по крайней мере неспособными нанести поражение огромной объединенной силе целых трёх легионов, и до многих современных катастрофических поражений. Наполеон, в 1812 г. роковым образом недооценивший русскую армию, состоявшую, по его мнению, из неграмотных крепостных и пьяных офицеров (а ведь именно она непоправимо прервала величественную цепь его побед!), не обратил внимания на поражение его предшественника, также великого победителя, шведского короля Карла XII, наголову разбитого русскими новобранцами-мужланами под Полтавой в 1709 г., а ошибку Наполеона, в свою очередь, повторил в ещё больших масштабах Гитлер, когда в 1941 г. решил уничтожить сталинские армии, состоящие из «расово неполноценных недочеловеков».

Римляне не были расистами — скорее, они были «культуралистами», если это слово здесь уместно; но они были просто слишком могущественны для того, чтобы интересоваться банальной жизнью неримлян. Поэтому, несмотря на знаменательное исключение, а именно «Германию» Корнелия Тацита (которая, впрочем, всё равно была малоизвестна), римляне не следовали этнографической традиции греков, воплощённой у Геродота, и полагались они на «Географию» грека Птолемея (83—161 гг.), если вообще хоть сколько-нибудь интересовались этим. Как бы то ни было, в этом отношении современные властители Америки — настоящие римляне: у них тоже начисто отсутствует любопытство по отношению к иностранным народам, а значит, и знание о них. Мир убедился в этом в 2003 г., когда они решились уничтожить диктаторский режим Саддама Хусейна, исходя из предпосылки, что население Ирака готово принять демократическое правительство.

Византийцы были совсем иными: их сочинения говорят о наличии живого любопытства по отношению к культуре и жизни иноземных народов, не сводящегося к разведывательным сведениям об их правлении и военных качествах: раннюю историю и культуру многих наций, вклю-

чая болгар, хорватов, чехов или моравов, венгров и сербов, можно реконструировать только по их текстам⁵⁵.

В доказательство центрального положения, отводимого «реляционному манёвру» в рекомендуемом им стиле войны, автор «Стратегикона» целиком посвящает XI книгу своего сочинения военной этнографии различных народов, а это существенно необходимая предпосылка для того, чтобы разработать оперативные методы, рассчитанные на специфического врага. Кроме того, автор не ограничивается техническими подробностями: там есть и психология, и социология в придачу к сведениям о специфике оружия врага, его тактики и обычного поведения на поле боя⁵⁶.

В то время, когда затянувшаяся война с Сасанидской Персией (череда ожесточённых войн, прерывавшаяся периодами дружественных отношений, обеспеченных официальным мирным договором) приближалась к своей роковой высшей точке в седьмом веке, о персах, разумеется, следовало сказать в первую очередь. Автор прежде всего утверждает, что они особенно опасные противники, потому что одни только персы высокоорганизованны, во многом как византийцы, в отличие от менее цивилизованных и более индивидуалистических врагов:

Стремясь достичь многого из задуманного прежде всего разумом и полководческим искусством, персы отдают предпочтение боевому строю, а не безрассудной отваге и опрометчивости. <...> Грозные при осуществлении осад, они ещё более грозны, когда подвергаются осаде⁵⁷.

Это ясное предупреждение о том, что вступать с ними в позиционную войну не следует. Как развитая цивилизация, Сасанидская Персия могла наладить снабжение полевых войск, обеспечивая их съестными припасами, фуражом и водой даже в засушливых областях. В отличие от варваров, которые вскоре вынуждены были бы отступить из-за голода, персы могли поэтому подолгу осаждать укреплённые города; кроме того, у них было снаряжение и навыки для того, чтобы подводить подкопы под защищённые городские стены и пробивать в них бреши.

⁵⁵ A. D. Lee. *Information and Frontiers: Roman Foreign Relations in Late Antiquity* (Сведения и границы: римские международные отношения в эпоху поздней античности; Cambridge: Cambridge University Press, 1993), pp. 101—102, где подчёркивается этот контраст.

⁵⁶ *Dagron* 1987, p. 209.

⁵⁷ Книга XI. 1; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 183; англ. пер.: Dennis I, pp. 113—115.

Всё это явствует из подробного рассказа об осаде Амиды в 359 г., содержащегося в сочинении воина-очевидца, Аммиана Марцеллина; среди прочего он описывает передвижные башни, обложенные железом, в которых устанавливались камнемётные машины, возвышавшиеся над стенами⁵⁸.

Другая черта, общая для Сасанидов и византийцев, ещё один признак высокого уровня организации, состоит в том, что во время кампании они располагаются в укреплённом лагере и, ожидая битвы, сооружают оборонительный периметр со рвом и палисадом из заострённых брёвен. С другой стороны, у них отсутствует римская традиция разбивать палаточный городок со строго намеченными улицами в пределах четырёх четвертей, образуемых пересечением главной (*via principalis*) и преторской (*via praetoria*) улиц; персы разбивали палатки где придётся по всей укрепленной площади, что делало их уязвимыми для неожиданных атак.

Отмечается, что персы носят и панцири (предположительно латы, то есть нагрудную пластину и спинную часть), и кольчугу, что они вооружены мечами и луками. Не уточняется, к чему это относится: к коннице, к пехоте или к обоим родам войск; но похоже, только конники могли носить такие тяжёлые доспехи.

Продолжая своё описание снаряжения и тактики персов, автор «Стратегикона» указывает на их слабости, которые следует использовать: их стрельба из лука «скоростная, но не сильная». Это означает, что персы пользуются меньшими по размеру или же не столь тугими луками, так что византийские лучники превосходят их в дальности стрельбы. «Им тягостны: стужа, дождь и дуновение южного ветра, ослабляющие силу луков» — эти полезные сведения часто повторяются в руководствах по военному делу. Брюшко византийских луков также было обклеено высушенными сухожилиями, терявшими эластичность во влажную погоду, но, как мы видели, предписывалось применение водоотталкивающих налучий; если же приходилось вести стрельбу в дождь, воинам следовало полагаться на запасные тетивы: у каждого лучника должно было быть несколько штук в карманах на поясе.

«[Им страшен] тщательно выстроенный боевой порядок пехоты». Это замечание, видимо, отражает тот факт, что в большинстве случаев Сасанидам приходилось сражаться с менее организованными врагами, с кочевниками и полукочевниками, которых они встречали за Оксом, с

⁵⁸ Книга XIX. 7. 2; англ. пер.: Ammianus-Rolfe. Vol. I, p. 503.

бедуинами и арабами, а также с горцами и кочевыми племенами Афганистана и Белуджистана. Для них Византия тоже была единственным врагом, обладавшим высокоразвитой цивилизацией, и персы, не привыкшие видеть врагов в стройных рядах, были обеспокоены по вполне понятным причинам. Персам также страшно «ровное и открытое пространство, благоприятное для нападений контатов [копьеносцев]», потому что все сасанидские пехотинцы были лучниками, в отличие от тяжёлой пехоты не обученными и не экипированными для того, чтобы противостоять атакам: «копьями или щитами они не пользуются».

Что же касается персидской конницы, то она при атаке на неё «обращается в стремительное бегство», причём персы «не умеют, подобно народу скифов, делать неожиданные повороты против своих преследователей». Не высказанная автором причина этого заключается в том, что персидская конница была обучена сражаться в формированиях, подразделение к подразделению, и невозможно обратить вспять направление движения целого формирования, повернув каждое из его подразделений по отдельности, ибо это получится лишь в том случае, если все повернутся точно в одно и то же время, на одной и той же скорости — но ни один конный отряд не способен к столь виртуозной езде с таким уровнем точности. Кочевники-степняки проделывали это довольно легко, поворачивая лошадей по команде, потому что они всегда держались в свободном порядке и вполне привыкли маневрировать так, чтобы не столкнуться и не задеть друг друга — что, впрочем, всё равно не создало бы особых помех в отсутствие строгого боевого строя.

По той же причине автор «Стратегикона» советует: «Повороты или обратные удары при отступлениях следует производить персам не во фронт, но нужно обращаться против их флангов и ударять по их тылам. Ибо персы при преследовании стремятся не разрушать боевой строй, и для тех, кто обратился бы против них вспять, оказались бы легко доступны их тылы. <...> Поэтому тем, кто вновь поворачивает против них, <...> не следует нападать на их фронт, но нужно стремиться ударить через фланги по тылу».

Такова вообще их слабость: «[персам страшны] нападения или окружения вследствие обхода с флангов... потому что они не выделяют из своего строя плагииофилаков [охрану флангов], способных отразить сильное нападение».

После персов-сасанидов автор «Стратегикона» рассматривает «скифов», отдавая этим именем дань типично византийскому пристрастию

к древним классическим терминам, но тут же прибавляет: «то есть авар, турок и другие гуннские народы, ведущие подобный образ жизни»⁵⁹. Они в то время были хорошо знакомы византийцам: всадники-кочевники и конные лучники-степняки, начиная с самих гуннов, за которыми последовали более разносторонние авары, пришедшие прямо перед своими исконными врагами, первыми тюрками. В перерывах между их нашествиями были и другие народы, также попавшие в поле зрения византийцев, — прежде всего эфталиты, впервые упомянутые Прокопием. Но, заявив, что все они одинаковы, автор тут же проводит различие между ними, отмечая, что тюрки и авары заботятся о боевом порядке, а потому они искуснее других степных народов, когда действуют в ближнем бою.

Вполне очевидно, кто был главным врагом в то время, когда писалась эта книга: авары, которые «в высшей степени порочны, изворотливы и очень опытны в войнах».

Не уточняя, что это относится именно к аварам, автор перечисляет их оружие, то есть мечи, луки и копья: «Неся копья за плечами и держа луки в руках, они используют их попеременно, по мере складывающейся необходимости». Именно это автор «Стратегикона» предписывает для византийской конницы наряду с панцирем и железными или фетровыми нагрудными щитками для лошадей, как у аварской знати. Отмечается также, что они обладают хорошими навыками в верховой стрельбе из лука — а для этого действительно нужна долгая тренировка, чтобы это было вообще сколько-нибудь эффективно.

В разделе о сильных сторонах врага, которых надлежит избегать, содержится целый ряд предупреждений. То, что представляется длинной боевой линией, скрывает за собою подразделения различной численности, имеющие скрытую глубину, а возможно, и тайный резерв: «Снаружи боевого порядка они держат некоторые дополнительные боевые силы, которые направляются в засады против неосмотрительных врагов...»

Даже не принимая во внимание пыль, поднимаемую копытами тысяч лошадей, даже при дневном свете, в битвах со степными всадниками трудно было оценить силу вражеских войск, чтобы благодаря этому решить, что лучше: смело атаковать, решительно защищать свои

⁵⁹ Книга XI. 2; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, сс. 185—188; англ. пер.: Strategikon-Dennis, начиная с p. 116.

позиции или быстро отступить, как предписывают византийским командирам, оставшимся в численном меньшинстве, все руководства по военному делу. Вывод таков: необходимо разведать местность вокруг всего вражеского войска, поскольку с фронта оно производит впечатление меньшего, чем оно есть на самом деле.

Преследуя бегущих врагов, они не остановятся для грабежа, но будут напирать до полного уничтожения противника. Значит, если упорядоченное отступление с сильной тыловой стражей невозможно, лучше остановиться и сражаться, нежели отступать. Обратное тоже верно: если они отступают или даже бегут, нельзя пускаться в погоню сломя голову, потому что они привыкли быстро поворачивать и контратаковать, а также заманивать преследователей в засады, имитируя отступление; самый знаменитый случай такого рода произошёл в 484 г., когда эфталиты убили сасанидского шаха Пероза.

Когда дело доходит до слабых мест врагов, которыми можно воспользоваться, то первое из них предстаёт оборотной стороной их способности быстро передвигаться на лошадях. В отличие от византийской конницы воины-степняки располагали не только одной верховой и ещё максимум одной запасной лошадью: они перемещались с большими табунами лошадей, обеспечивавших кочевников их основной пищей, то есть кровью и молоком, а также множеством сменных лошадей, так что они могли поскакать назад и взять свежую лошадь даже в самый разгар сражения (их держали стреноженными возле шатров). Известно свидетельство очевидца, описавшего куман (кипчаков), сменивших печенегов в качестве воинов-степняков, выступавших то союзниками, то врагами Византии в двенадцатом веке:

У каждого из них есть десяток или дюжина лошадей; и они так хорошо их приучили, что те следуют за ними повсюду, куда бы их ни повели, и время от времени они пересаживаются то на одну, то на другую лошадь. И у каждого коня, когда они вот так кочуют, имеется мешочек, подвешенный к морде, в котором хранится корм; и так-то лошадь кормится, следуя за своим хозяином, и они не перестают двигаться ни днем, ни ночью. И передвигаются они столь быстро, что за одну ночь и за один день покрывают путь в шесть, или семь, или восемь дней перехода⁶⁰.

⁶⁰ Роберт де Клари. Завоевание Константинополя (*La Conquête de Constantinople*), LXV; рус. пер. М. А. Заборова, цит. по: де Клари/Заборов, с. 47; англ. пер. цит. по:

Всем этим лошадям нужны были пастбища, а для всех этих торб («мешочков, подвешенных к морде») нужен был фураж, что ограничивало пределы кочевий воинов-степняков, особенно зимой. Это явствует из «Проблем» («Провлимата») Льва VI, которые составлены из выдержек из «Стратегикона», изложенных в виде вопросов и ответов:

Что делать военачальнику, если его [враг] — скифский или гуннский народ?

«Следует нападать на него в феврале или в марте, когда лошади ослаблены из-за трудностей зимнего времени»⁶¹.

Это взято из книги VII, «Какими принципами должен озаботиться стратиг до начала войны», хотя этот совет приписывали и Урвикию⁶². Зависимость от фуража означала также, что воины-степняки будут ослаблены, если лишить их корма для лошадей, поджигая траву, когда погода это позволяет. Но более сильное средство — вести кампанию таким образом, чтобы посредством манёвров вытеснить их с добротных пастбищ, а также выбить в земли, уже использованные для выпаса или, лучше всего, совершенно пустынные.

Но главная слабость, которую надлежало использовать, была структурной. Авары были конниками, а не пехотинцами; в пешем бою угрозы они не представляли и были совершенно не обучены сражаться в тесном строю. Поэтому конницу вполне могла сдержать пехота, построенная строгими рядами, если в ней было достаточно лучников, чтобы не дать лучникам-степнякам просто стоять перед ними и пускать стрелы в тесно сплочённые ряды. Кроме того, хотя наездники-степняки были лучшими конниками, они не были тяжеловооружёнными конниками, и при них не было тяжеловооружённой пехоты, так что их могла смести конная атака византийцев, за которой последовал бы ближний бой. Соответствующим образом автор «Стратеги-

John Earl Wiita. The Ethnika in Byzantine Military Treatises (Сведения о негреческих народах в византийских военных трактатах, неопубликованная докторская диссертация, University of Minnesota, 1977), p. 144.

⁶¹ Книга VII. 1; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 129; англ. пер.: Strategikon-Dennis, p. 65.

⁶² Как это сделал Е. А. Thompson. *The Huns (Гунны)*, ред. Peter Heather (Oxford: Blackwell, 1996), p. 65, цитируя издание Дэна (Dain): *Leonis VI Sapientis Problemata* («Проблемы» Льва VI Мудрого; Paris: Les Belles Lettres, 1935), а также (n. 57, p. 287) Урвикий VII. I, из *Arriani Tactica et Mauricii Artis militaris libri duodecim* («Тактика» Арриана и двенадцать книг «Военного искусства» Маврикия; Uppsala, Joannes Schefferus, 1664).

кона» указывает на необходимость выбрать ровное и свободное поле для битвы.

Это говорит о том, что, несмотря на все свои усилия, византийцы не могли рассчитывать на превосходство в стрельбе из лука над степняками, мастерски владевшими этим искусством, не могли превзойти конных лучников в дальности стрельбы, как это происходило с другими врагами. Поэтому верный ход был таким: как можно скорее сократить дистанцию, чтобы стрельба с обеих сторон стала невозможна, дабы заменить её боем на мечах, кинжалах и палицах — после того как конная атака возымела своё воздействие. Отмечается также, что успешны бывают «ночные нападения с соблюдением мер безопасности»: возможно, потому, что противники-степняки не могли снизить до стандартных тренировок с целью избежать сумятицы.

Есть у них и политическая слабинка: «...составленные из множества племён, они не считаются с сородичами и не стремятся к взаимному согласию». Поэтому их можно с успехом переманивать на свою сторону: «...когда некоторые из них начнут перебегать к врагам и там благосклонно принимаются, их примеру следует множество других...» Однако это предполагает, что ход битвы уже изменился: как победы увеличивали численность гуннов, а впоследствии авар, за счёт покорённых ими народов и приспешников, так поражение уменьшало их число.

Такая уж доля выпала византийцам, что им пришлось воевать не только с Сасанидской империей на востоке и с конными лучниками-степняками на севере, но и с воинами из Западной Европы, которые в «Стратегиконе» собирательно именуется «светловолосыми народами»⁶³. В их числе упомянуты франки, лангобарды «и другие с подобным образом жизни».

Франки вступили в Италию с северо-запада в 539 г., напав на Милан в то самое время, когда византийцы громили готов Витигиса, осаждённого в Равенне, где он и сдался победителям. Прокопий описывает, как они сражались:

В это время франки, слыша, что во время войны готы и римляне нанесли друг другу большие потери, <...> быстро собрав войско в сто тысяч человек, двинулись в Италию под начальством Теодеберта, имея всадников

⁶³ Книга XI. 3; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, сс. 188—189; англ. пер.: Strategikon-Dennis, pp. 119—120.

только около своего короля в небольшом числе; эти всадники имели только одни копья [дората, то есть короткие копья]; все же остальные были пешими, не имели ни луков, ни копий, но каждый нес меч, щит и одну секиру. Ее железо было крепким, и лезвие с обеих сторон острое до крайности, деревянная же ручка очень короткая. При первом же натиске по данному знаку они обычно бросают во врагов эти секиры, разбивают их щиты и убивают их самих⁶⁴.

Лангобарды (давшие имя ломбардцам) вторглись в Италию с северо-востока в 569 г., вскоре после окончательного разгрома готов в 552 г., но византийцы встречались со многими другими «светловолосыми народами» задолго до франков и лангобардов; последними из них по времени были мигрирующие вандалы, которых византийцы разгромили в конце их пути, в Северной Африке, в 535 г., перед тем как вступить в Италию, а также гепиды, центр державы которых располагался в Сирмиуме (ныне Сремска-Митровица в Воеводине, Сербия), откуда они угрожали византийским землям вплоть до своего сокрушительного поражения, нанесённого им объединёнными силами лангобардов и авар в 568 г. Когда лангобарды под предводительством Альбоина вторглись в Италию и захватили земли, находившиеся под византийским контролем, вплоть до Беневента близ Неаполя, они пришли вместе с гепидами, баварами и другими союзниками-германцами, а возможно, и с булгарами, но ассимиляция, приведшая к возникновению народа лангобардов, произошла быстро.

Свои комментарии автор «Стратегикона» начинает с высшей похвалы: «Светловолосые народы, ставящие свободу превыше всего...» Ранее он отзывался о персах как «раболепных» и подчиняющихся властителям только из страха (кое-что не меняется даже по прошествии тысячелетий) и приписывал монархическую форму правления (= каганат) степным народам, которых властители приучили к суровым наказаниям.

Как свободные люди, «светловолосые» сражаются за свою честь, и это придаёт им сил, но также ограничивает их тактику: они «отважны и неустрашимы в войнах, отличаются смелостью и стремительностью; проявление страха и даже малейшее отступление они считают позором». Поэтому не для них ни имитация отступления, ни любой другой подоб-

⁶⁴ Войны. VI. 25. 1—4; рус. пер. С. П. Кондратьева, цит. по: <http://militera.lib.ru/h/caesariensis/index.html>; англ. пер.: Dewing, Vol. IV, p. 85.

ный манёвр; их героическая нестигаемость предоставляла византийцам различные возможности, которыми надлежало воспользоваться.

Однако самой слабой их стороной была нехватка луков и метательных снарядов: «Вооружены они щитами, копьями и короткими мечами, которые носят за спиной». Луки совсем не упоминаются, хотя они у них, несомненно, были, но, видимо, в малых количествах, и притом не мощные. Итальянская кампания началась в 535 г. и длилась волнообразно в течение трёх десятилетий, однако готы, а потому и франки и лангобарды, сопровождавшие их, не переняли у византийцев составной лук, как последние переняли его у гуннов.

Почему же «светловолосые народы» не смогли перенять это превосходное оружие? Конечно, не потому, что они были слишком отсталыми для того, чтобы научиться, как класть слои лошадиных сухожилий на деревянную сердцевину, как крепить костяные пластины и варить клей, скрепляющий трёхсоставный лук. Во-первых, сохранились готские ювелирные изделия, требовавшие гораздо большего технического мастерства; во-вторых, готы были ещё одной военной силой, которую по ошибке стали называть нацией, и они включали в себя другие этнические группы, в том числе, несомненно, и римлян, и даже приспешников из степных народов. Можно лишь предположить, чем объясняется эта тайна, но в этом случае мы можем зайти слишком далеко: готы не переняли составной лук и тактику стрельбы, которую он позволял применять, по той же причине, по какой английский длинный лук не был перенят даже после славных побед, одержанных с его помощью (и первому ручному огнестрельному оружию, неуклюжим аркебузам, было отдано предпочтение перед луками, хотя последние обладали преимуществом в точности, дальности и скорости стрельбы): нужна была бесконечная тренировка, чтобы обрести и поддерживать мастерство в обращении с очень мощными луками — будь то длинный лук или составной лук византийцев.

Свобода «светловолосых» ещё не сочеталась с дисциплиной, и это создавало уязвимые места, которыми можно было воспользоваться: «Атаки, как конные, так и пешие, они производят стремительно и неудержимо, как будто бы они являются единственными из всех, не ведающими страха. Проявляют непослушание по отношению к своим предводителям». Так что их можно было заманить в необдуманное преследование, оставив крупные силы поджидать их в засаде. Это могло сработать в любом масштабе, и таким образом можно было выиграть битву, если

выманить за собой основной боевой контингент: «На фланги и тыл их боевого порядка совершить нападение несложно, потому что они недостаточно заботятся о патрулях и других мерах безопасности».

Поэтому «светловолосые» были действительно грозны лишь в том случае, если их численность и натиск могли перевесить их недостатки, то есть в лобовом сражении. Из этого вполне логично следует такой совет: «Итак, в войнах с ними в первую очередь не следует стремиться к генеральным сражениям... [нужно] нападать из засад, действовать против них больше обманом и хитростью».

Есть также важный совет, не имеющий отношения к тактике: «Притворно вступать с ними в переговоры». Почему? Наш автор говорит: чтобы оттянуть битву, дабы их пыл поостыл «из-за недостатка съестных припасов». Ведь самое уязвимое место менее организованных войск — слабая логистика. Если не считать осад и худших времён, византийские войска всегда надёжно снабжались византийским государством с его армией сборщиков налогов, чиновников и кладовщиков. Но у «светловолосых» большую часть рассматриваемого времени не было государства, а были только военные вожди. В основном лишь на высшем оперативном уровне можно было воспользоваться этим самым уязвимым местом, то есть мягко удерживая врага, стараясь не вступать в настоящие сражения, чтобы его съестные припасы истощились просто по прошествии известного времени. Кроме того, переговоры представляли возможность внести разлад в ряды «светловолосых»: отчасти потому, что при этом могли пробудиться скрытые этнические противоречия, но скорее всего по той причине, о которой ранее заявляет автор: «их легко подкупить».

Ко времени написания «Стратегикона» граница по Дунаю и Балканскому полуострову к югу от него, включая основную часть Греции, вынуждена была сопротивляться набегам и вторжениям, а также славянскому заселению. В сравнении с готами и с остальными «светловолосыми», а тем более с Сасанидами и гуннами, славяне были куда более новыми врагами. Возможно, именно по этой причине глава о славянах и антах (склавы, или чаще склавины, анты, по-латински *Antae*) «и им подобных» гораздо длиннее всех прочих. Но кто они были такие? Склавинов можно с полным основанием отождествить со славянами, но лишь потому, что значение этого слова действительно расплывчато: оно охватывало много народов, говоривших на разных языках, пусть и имевших много общих элементов. Но если анты не были всего лишь

особо беспокойной частью склавинов, они были, возможно, вовсе не этнической группой, а скорее собранием воинов различного происхождения, как обстояло дело с аланами, различные слухи о которых ходили от Кавказа до нынешней Франции; видимо, общим у склавинов и антов был лишь язык, на котором говорили в военных лагерях, как было с языком урду (хиндустани) в могольских войсках Индии.

С другой стороны, Прокопий сообщает, что прежде анты и склавины были одним народом, но затем разделились; кажется, его описание их способа ведения войны относится к антам: «Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают»⁶⁵.

Замечание, открывающее раздел о славянах в «Стратегиконе», неизбежно вызывает в памяти образы русских солдат двадцатого века: «Они... выносливы, легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку съестных припасов».

У них есть несколько сильных сторон: «С выгодой для себя [они] пользуются засадами, внезапными нападениями и хитростями... Они опытнее всех других людей в переправе через реки» (это верно и в отношении современных русских армий). Автор описывает особую хитрость, которая применялась и во Второй мировой войне:

...внезапно застигнутые опасностью, [они] погружаются глубоко в воду, держа во рту изготовленные для этого длинные тростинки, целиком выдолбленные и достигающие поверхности воды; лёжа навзничь на глубине, они дышат через них и выдерживают много часов, так что не возникает на их счёт никакого подозрения.

Слабые места славян начинаются с их оружия — скудного оружия неразвитых народов: «Каждый мужчина вооружён двумя небольшими дротиками, а некоторые из них и щитами, крепкими, но труднопереносимыми».

Хотя славян часто оккупировали и подчиняли конные лучники, составного лука у них нет: они обходятся простым деревянным луком, вполне пригодным для того, чтобы охотиться на дичь, но, несомненно, лишённым убойной силы при стрельбе на сколько-нибудь

⁶⁵ Войны. VII. 25. 25—26; рус. пер. С. П. Кондратьева; англ. пер.: Dewing. Vol. IV, p. 271.

дальнее расстояние. Правда, они пользуются «небольшими стрелами, намазанными отравляющим веществом». Но на войне это не такое уж грозное оружие. С ним можно охотиться на зверей, терпеливо идя по их следу, пока они не умрут; но едва ли он может быть эффективен против воинов, защищённых панцирями из толстой ткани или кожи, не говоря уж о кольчугах с капюшоном, предписываемых конникам «Стратегиконом».

От них не следует ожидать особо изощрённой тактики: «Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном строю не стремятся». Иными словами, они не способны выполнять боевые упражнения шеренгами и колоннами, чтобы закрыться от стрел стенами из щитов, колоть копьём и пикой, прикрыть лёгкую пехоту, вооружённую луками и метательными снарядами, посредством тяжёлой пехоты во фронте, а также сражаться мечами, держась бок о бок, чтобы взаимно поддерживать друг друга. Рекомендуемый автором способ использования этих изъянов вполне прямолинеен: «В сражениях для них губительны метания стрел, неожиданные нападения на них, атаки из различных мест, рукопашные бои пехоты...» Но поймать славян нелегко, потому что они «убегают в леса, имея там большое преимущество, поскольку умеют сражаться подобающим образом в тесных местах».

Рекомендуемые оперативные методы сражений со славянами таковы: отправить против них смешанное войско, состоящее из конницы и пехоты, снабжённое «большим количеством метательных снарядов — не только стрел, но и иных», а также материалами для наведения мостов, по возможности понтонных. Страна славян, располагающаяся на левой стороне Дуная и всего дельте, труднодоступна («Живут они среди лесов, рек, болот и труднопреодолимых озёр»), поэтому автор советует строить штурмовые мосты по скифскому способу: одни наводят мосты, другие в это время укладывают настил. Нужны также плоты из бычьих и козьих мехов, отчасти для того, чтобы переправлять на них доспехи и оружие воинов, переплывающих реку с целью обрушиться на врага внезапной атакой — разумеется, в летнее время. Но в действительности автор рекомендует зимние кампании, когда реки можно быстро перейти по льду, когда славяне страдают от голода и холода и не могут укрыться среди голых деревьев.

В тёплые и жаркие месяцы предлагается проводить операцию на воде и на суше, оставляя военные корабли (дромоны, как уточняется) в

нужных местах на Дунае. Одна мира (мойра) конницы должна обеспечивать безопасность страны, держась в одном дне пути от Дуная.

Через реки нужно переправляться, заслав на другую сторону в ночь перед переправой небольшой отряд тяжёлых пехотинцев и лучников, чтобы они, выстроившись в боевой порядок и имея в тылу реку, обеспечили безопасное наведение мостов. Когда всё готово, нужно неожиданно переправиться через реку и обрушиться на врага всей силой, предпочтительно на открытой и ровной местности. Боевые формирования не должны быть слишком глубокими; кроме того, следует всегда избегать лесистых мест — хотя бы для того, чтобы предотвратить угон лошадей.

Для неожиданной атаки рекомендуется стандартная последовательность: один отряд должен подойти к врагу с фронта, чтобы спровоцировать его, а затем обратиться в бегство, тогда как другой отряд располагается позади, чтобы поджидать преследователей в засаде.

Впрочем, разделять войско рекомендуется также и при нападениях, даже если налицо всего одна пригодная дорога; это делается для того, чтобы передовые отряды вели наступление, а остальные силы грабили и разоряли селения славян, потому что «у них множество разнообразного скота и злаков». Даже если сами византийцы не нуждались в съестных припасах, важно было, чтобы нужду в них испытывали славяне.

Переманивать на свою сторону подарками или убеждением — особо эффективный метод, «поскольку у них много вождей, которые не согласны друг с другом»; но автор смиряется с необходимостью сражаться, потому что предлагает несколько оперативных методов ведения войны, причём все они реляционные (relational).

Почему же «Стратегикон» уделяет так много внимания столь плохо подготовленным врагам? Или, скорее, так: как славянам удалось стать столь грозными врагами, если они были так скудно вооружены и почти совсем не организованы? Односложный ответ таков: они «многочисленны», как пишет автор.

Конечно, войска Сасанидов тоже были многочисленны, но лишь по стандартам высокоорганизованных армий: тысячи для битвы, десятки или, возможно, сто тысяч общим числом. «Светловолосых» было больше, но не намного: так, нам известно, что все вестготы Алариха на марше могли кормиться за счёт реквизиций, хотя Римская империя пребывала тогда в состоянии глубокого упадка. Что же касается гуннов и авар, то, если оставить в стороне все споры относительно численности гуннов и авар как таковых (конечно, не огромных орд, а правящей эли-

ты), то, вне всякого сомнения, общее количество конных лучников на любой отдельно взятой территории не могло быть больше, чем позволяли пастбища для их многочисленных лошадей, что строго ограничивало их число. Каким бы это число ни было, оно неуклонно снижалось, когда конные лучники отваживались перекочёвывать на не столь равнинные и не столь влажные земли, как они сделали, двинувшись к югу, через Дунай, на Балканы, а затем во Фракию и Грецию. Как бы ни были грозны конные лучники, они не могли быть столь же многочисленны, вторгаясь в эти земли. Иначе обстояло дело со славянами, которые были достаточно многочисленны для того, чтобы заново заселить большую часть Греции, то есть их было слишком много для того, чтобы их сдержали куда меньшие по числу византийские войска. Действительно, автор мало пишет о защите от славян, зато много — о наступательных операциях, проводящихся на их же землях, то есть о сражениях с другими славянами, жившими за Дунаем, на его левом берегу, а не с теми, которые уже вошли в состав империи при Юстиниане и которых уже нельзя было выдворить обратно.

Сейчас модно высмеивать подобные тексты как колониалистские выдумки, цель которых заключается в том, чтобы поднять на смех «Другого»; они полны воображаемых страхов или, возможно, тайных желаний, но всегда движимы стремлением господствовать словами так же, как и угнетающими делами. Может быть, и так; но всё же кажется, что автор «Стратегикона» пытался скорее понять, чем выдумать, потому что его целью было вскрыть подлинно сильные и слабые стороны противника, а не воображаемые.

Сведения, необходимые для разработки рациональных методов и тактики, представляют собою препятствие, которое можно преодолеть, приложив достаточно усилий по сбору разведывательных данных; как мы увидим ниже, именно это и рекомендуют руководства по военному делу. Но здесь есть и риск, и его не так легко устранить. «Реляционный манёвр» может удалиться на славу, но может и закончиться полным провалом. Дерзко проникнуть глубоко за линии врага в его тыл, привести его в смятение и уничтожить его припасы — всё это замечательно, если враг действительно будет обессилен из-за беспорядка. Но если враг способен перенести смятение и сохранить спокойствие, тогда передовые колонны могут быть зажаты вражескими силами, которые встретятся им в тылу, и заперты теми, кто возвращается с пробитого фронта, чтобы напасть на них сзади.

Риск того, что дерзкий манёвр сам нанесёт себе поражение, если зайдёт слишком далеко, — обычная причина того, почему таких манёвров обычно избегают. Но ещё одна причина заключается в том, что любое боевое действие, более сложное, чем прямая атака или упорная защита своих позиций, с гораздо большей вероятностью потерпит крах просто из-за «трения», то есть из-за общей совокупности отсрочек, ошибок и недоразумений, представляющихся совсем незначительными, но способных образовать некое единое целое и разрушить самые тщательные планы. Это верно в отношении любого боевого действия, но особенно в отношении таких манёвров, цель которых состоит в том, чтобы застать врага врасплох быстрыми согласованными действиями, неожиданным сближением с ним по труднопроходимой местности или глубоким проникновением в его тыл.

Поэтому «Стратегикон» предпочитает средний путь, всячески подчёркивая важное значение сбора разведывательных сведений посредством лазутчиков и шпионов, но рекомендуя скорее благоразумные, нежели дерзкие операции.

Разговор о собственно тактике начинается с критики длинной одиночной боевой линии конницы, особенно вооружённой пиками; автор объясняет, что эта линия будет ослаблена и расстроена в условиях пересечённой местности, что ею будет трудно управлять, особенно на флангах, удалённых от командира, и могут даже произойти случаи дезертирства. Кроме того, у одиночной линии нет глубины и отражающей силы, поскольку за ней нет второй линии, нет и оперативного резерва наподобие того, который оставляют авары, так что в случае обхода линии с флангов или её прорыва помочь ничем будет нельзя⁶⁶. Но прежде всего, почему вообще кто-то должен отдавать предпочтение одиночной линии? Этот вопрос в «Стратегиконе» не ставится, и ответа на него не даётся, потому что он самоочевиден. Дело не в том, что длинная одиночная линия выглядит более впечатляюще, чем любое более глубокое построение, в глазах врагов, стоящих прямо перед ней на равнине или ниже, поскольку всадники, едущие бок о бок, растягиваются, кажется, по всему горизонту. Это могло бы произвести впечатление только на врагов, несведущих в тогдашней войне, а это редкая птица, с которой изредка встреча-

⁶⁶ Книга II. 1; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, сс. 84—85; англ. пер.: Strategikon-Dennis, pp. 23—24.

лись в своих дальних странствиях британцы, но о которой никогда не сообщали византийцы.

Главная побудительная причина состояла попросту в том, что длинная единичная линия не требует предварительных тренировок с целью научить каждого тому, как быстро занимать своё место в разных построениях и как лично перемещаться по команде, чтобы изменить вид всего построения, то есть глубже, в более длинные колонны и более короткие шеренги, или наоборот, в менее глубокие колонны и более широкие шеренги — либо образовать построение какого-то совсем иного вида.

Вот почему длинная единичная линия была обычным способом построения и ромеев, и персов, как признаёт сам автор (II. 1. 20): ведь когда две сверхдержавы той эпохи сражались одна с другой, они привлекали все свои силы, мобилизовав всех, кого можно, — и гвардейские подразделения, отлично обученные всяческим перестроениям, и всех остальных, кого только смогли призвать, то есть полукрестьянскую ополченческую (фемную) конницу, союзников-варваров и вспомогательные войска, которые, возможно, были отличными наездниками и бойцами, но не были обучены образовывать и поддерживать строй.

Далее автор «Стратегикона» переходит к оправданию и разъяснению боевого строя, составленного из разных формирований, каждый из которых возглавляет его командир (единичная линия уже не обсуждается). Ровно так же, как и в современных армиях, рекомендуется треугольное построение: основной боевой единицей выступает банда из трёхсот или более человек; три банды вместе с офицерами и специалистами образуют миру, а три мира — мер численностью около шести тысяч человек.

Отвергая длинную единичную линию, автор утверждает, что глубина рекомендуемого им формирования не может быть слишком большой: он склоняется в пользу глубины в четыре ряда.

В тексте (книга III) предлагается некоторое количество формирований, подробно иллюстрируемых символами для каждого младшего офицера и бойца: в основном варианте в главе каждой колонны стоит декарх (десятник) с копьём и щитом (= тяжёлая пехота); за ним в колонне идёт пентарх (командующий пятёркой) с копьём и щитом; третьим в колонне идёт лучник без щита (= лёгкая пехота); четвёртым — ещё один лучник, но со щитом: возможно, для обороны с тыла; пятым — ещё один лучник без щита, а за ним — шестой боец, сам выбирающий себе оружие.

Приводятся различные варианты построений одной тагмы, в которых изменяется порядок тяжёлой и лёгкой пехоты, смыкания и размы-

кания колонн; затем приводится боевое построение целого войска, дополненного стражей на правом и левом флангах, обозом и резервом, а также различными комбинациями тяжёлой пехоты, необходимой для занятия позиции, её удержания и вступления в ближний бой, с лёгкой пехотой, призванной уничтожать и беспокоить врага своими стрелами.

Самый масштабный боевой строй, изображённый в книге XII «Стратегикона», «О смешанном боевом строе»⁶⁷, представляет собою целую армию, составленную из тяжёлой пехоты и конницы, с горсткой легковооружённых пехотинцев в тылу. И тяжёлая пехота, и конница построены в колонны по семь в глубину, причём каждый мер пехоты выстроен шеренгами по пять в ширину, а конный мер — по семь.

Боевой строй таков: по одному меру пехоты с каждой стороны для защиты флангов, рядом с ними, к центру, расположено по одному конному меру, затем ещё по одному меру пехоты и, наконец, один конный мер в центре, всего семь меров. Для защиты тыла с каждой стороны стоит по отдельному отряду пехоты, также шеренгами по пять в ширину, причём колонны глубиной в пять образованы тяжеловооружёнными пехотинцами, а последняя шеренга с обеих сторон, шириной в пять, — легковооружёнными, так что две внешние фланговые колонны в действительности оказываются глубиной в тринадцать человек, но состоят из двух различных подразделений. При этом в тылу формирования остаётся обширное пространство шириной в пять меров, но едва ли враг отважится сунуться туда, учитывая ту лёгкость, с какой конница может сманеврировать против такого хода.

Можно представить себе, как будет сражаться такое формирование. Конные противники, рассчитывая на натиск и создаваемый им момент движения, столкнутся со сдерживающей силой тяжёлой пехоты с её щитами, образующими непрерывную стену, и воткнутыми в землю копьями. Враг, рассчитывающий на массу своей пехоты, попадёт под обстрел конных лучников — вот почему для защиты тыла требуется лишь малое число пехотинцев. Конечно, нет ничего удивительного, если такое построение заметят издали. Конница слишком высока от земли для того, чтобы оставаться незамеченной, но вот пехота может скрыться в пыли и сумятице. «Для того чтобы строй до сражения не был заранее виден врагам, можно выставить впереди пехотной фаланги редкую

⁶⁷ Книга XII. А. 1; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 197; англ. пер.: Strategikon-Dennis, начиная с р. 127.

цепь кавалеристов, пока враги не приблизятся»⁶⁸. Такими комбинациями можно добиться на оперативном уровне эффектов, превышающих тактическую силу каждого отряда самого по себе, но в военном деле бесплатных подарков не бывает, и цена, которую приходится за это платить, — это ещё более напряжённая тренировка, как справедливо отмечает автор «Стратегикона»: «Такое построение требует постоянных тренировок: чтобы и люди и лошади приобрели опыт и навык...»⁶⁹

Профессионализм требовался и от людей, укомплектовывавших речной флот, в задачи которого, кроме сторожевого патрулирования, входила также переправа бойцов, лошадей, артиллерии и припасов, а также отпор врагу, поджидающему на противоположном берегу во время переправы. Такова тема пяти параграфов, включённых в часть В книги XII «Стратегикона», обычно упоминаемой под заглавием “De fluminibus traiciendis”, «О переправах через реки». Значение этой главки было недавно признано и получило чёткое разъяснение⁷⁰. На стратегическом уровне значение речного флота превосходило значение флота морского, потому что в течение более чем пятисот лет у византийцев почти совсем не было врагов-мореходов (готы в третьем веке были важным исключением), кроме редких пиратов и морских разбойников, тогда как за Рейном и Дунаем всегда были опасные варвары; на оперативном уровне сочетание фронтальной атаки с поддержкой других сил, засады и рейды, совершавшиеся отрядами, которые речной флот переправлял за позиции врага, служили отличным способом, позволяющим воспользоваться сравнительным преимуществом византийцев в организации и планировании, — действительно, при сражениях с булгарами и болгарами стандартное оперативное действие заключалось в том, чтобы отправить войска через Чёрное море на Дунай и атаковать врага с тыла; на тактическом уровне переправа через реку под обстрелом противника требовала особой тренировки, поскольку для того чтобы высадиться на противоположный берег, охраняемый бдительны-

⁶⁸ Книга XII. А. 7; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 201; англ. пер.: Strategikon-Dennis, p. 134.

⁶⁹ Книга XII. А. 7; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 202; англ. пер.: там же, p. 135.

⁷⁰ Salvatore Cosentino. Per una nuova edizione dei Naumachica ambrosiani. Il De fluminibus traiciendis (Strat. XII B, 21) (О новом издании амброзианской «Навмахики». Сочинение «О переправе через реки» (Strat. XII. B. 21)), в: Bizantinistica, Seconda Serie, Anno III (2001), pp. 63—105; включает в себя текст и итальянский перевод.

ми врагами, в развёрнутом боевом порядке, сначала нужно «подавить его огнём», выражаясь по-современному, то есть рассеять врага градом стрел и снарядов из камнемётов, установленных на кораблях, пока свои наводят понтонный мост, секция за секцией (параграф 5).

Хорошо тренированный и обученный военный, изображаемый в «Стратегиконе», был не жалким оборванцем, а профессионалом, и его социальный статус был соответствующим:

Следует обязать стратиотов [воинов], в первую очередь тех, которые получают плату на содержание обслуги, непременно позаботиться обо всех своих слугах, как рабах, так и свободных, укомплектованных в соответствии с их предназначением... [чтобы не пришлось определять воинов в обоз]. Если же некоторые стратиоты, как это случается, не имеют возможности приобрести слуг, необходимо обеспечить стратиотов нижних чинов из такого расчёта: на трёх или четырёх человек — один слуга; подобным образом следует поступить и в отношении вьючных животных, необходимых для перевозки их панцирей и палаток⁷¹.

Слуги снова упоминаются в разделе «Об обозе», причём предполагается, что их много:

...обычно в нём находятся слуги, необходимые стратиотам... мы не советуем, если предполагается генеральное сражение, вести с собой большую массу слуг... [но] их численность должна быть соразмерной и достаточной, чтобы они были в состоянии обслуживать лошадей в каждой контубернии [подразделении]... на время сражения... слуг следует оставить в фоссате [лагере]...⁷²

Та форма ведения войны, которую рекомендовал «Стратегикон», была весьма непростой, однако наградой за напряжённые индивидуальные тренировки, за тактические упражнения и дисциплину в выполнении оперативных схем служило достижение цели при максимуме маневрирования и минимуме потерь. Именно последнего нужно было избегать во все эпохи, чтобы тактические победы не обернулись стратегическими поражениями, при которых на горизонте всегда появлялся новый враг.

⁷¹ Книга I. 2; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, сс. 70—71; англ. пер.: Strategikon-Dennis, pp. 13—14.

⁷² Книга V. 1; рус. пер.: Стратегикон/Кучма, с. 122; англ. пер.: там же, p. 58.

ГЛАВА 12

ПОСЛЕ «СТРАТЕГИКОНА»

Значение «Стратегикона» Маврикия (а были, как мы увидим, и другие руководства по военному делу) было полностью признано византийскими офицерами, византийскими писателями, а также теми, кто выступал в обеих этих ипостасях: в течение последующих веков они делали выдержки из этого труда, составляли парафразы и краткие изложения, занимались плагиатом и даже подгоняли его к современным им условиям.

Труд, которому Дэн (Dain) даёт заглавие «О военной науке» (“*De Militari Scientia*”), — один из подобных; он датируется по крайней мере седьмым веком, потому что предметом рассмотрения в нём выступают арабы-мусульмане, а не авары и не тюрки. Он считается ещё одним свидетельством жизнеспособности византийской военной литературы, более поздние примеры которой, упомянутые Дэном, но не прочитанные мною, включают в себя трактат Элиана, выдержку из «Тактикона» Урбикия, ещё одно сочинение «О переправе через реки» (“*De Fluminibus traiciendis*”), представляющее собою выдержку из «Стратегикона», а также некоторое количество утраченных текстов, на существование которых указывают сохранившиеся следы и парафразы в трудах, дошедших до наших дней¹.

Дэн и Фуко (Dain-Foucault) упоминают «Антиполиоркетик» (*Antipoliocerticum*) о том, как выдерживать осады (р. 349), «Корпус трактатов по военно-морскому делу»

Первой великой эпохой византийской военной литературы стал шестой век, и не случайно это был век войн и завоеваний Юстиниана. Затем началась Юстинианова чума, событие всемирно-исторического значения, как мы видели выше; она уничтожила большую часть населения, что неизбежно привело к краху всех имперских установлений, включая армию и военно-морской флот. Мятежи, узурпации, катастрофические вторжения персов, пагубным образом запоздавшая победа Византии и последовавшие почти сразу за этим арабские вторжения – всё это привело к тому, что империя сильно уменьшилась в размерах и страшно обеднела; к концу седьмого века в ней мало читали и ещё меньше писали. Но за упадком последовало не крушение, а возобновление, которое определённо началось к концу восьмого века и развилось в подлинное экономическое, культурное и военное возрождение.

Вторая великая эпоха византийской литературы была одним из следствий и, в свою очередь, одной из причин военного возрождения империи: началась она с труда, приписываемого Льву VI Философу (886—912 гг.).

Его первая попытка создать руководство по военному делу, «Проблемы» («Провлимата»), представляет собою не что иное, как выдержки из «Стратегикона» Маврикия, изложенные в виде ответов на вопросы автора. Но за столь малообещающим началом (Льву было тогда наверное, лет двадцать) последовал труд куда более обстоятельный «Тактика», или «Тактические конституции» (“*Tacticae constitutiones*”) которые писались постепенно и были впоследствии изданы его сыном Константином VII Багрянородным², ещё более преданным литературным занятиям. Латинское слово «конституция» (*constitutio*) употреблялось не в современном значении: скорее так называли закон, а точнее – императорский декрет в виде личного письма, содержащего указания и приказы, адресованные поименованным чиновникам или вообще лицу, занимающему данную должность: в своей «Тактике» Лев VI адресует письма безымянному «стратигу», то есть генералу или адмиралу. Долгожданное новое издание, осуществлённое Джорджем Т. Дэнни

(*Corpus nauticum*), «Утраченную тактику» (*Tactica perditia*, p. 350) и цитируют книгу: A[phonse] Dain. *Le Corpus perditum* (Утраченный корпус сочинений, *Collection de Philologie Classique* (Paris: L'Auteur, 1939).

² Dain-Foucault, p. 354, о «Вопросах» (*Problemata*); и, начиная с p. 354, о «Тактике» (*Taktika*).

сом (George T. Dennis, S. J.), сейчас находится в печати, и пока что есть только флорентийское издание Лами (Lami) 1745 г., в действительности представляющее собою переиздание первого лейденского издания Иоанна Меурсия 1612 г., плагиатски воспроизведённое в необозримой «Греческой патрологии» Жан-Поля Миня (Migne, Vol. 107, col. 669—1120) и цитируемое как издание то Меурсия, то Лами, то Миня — по «праву первой ночи» (*droit de seigneur*).

Содержание представляет собою по большей части парафразы более ранних сочинений, почерпнутые из «Стратегика» Онасандра, из «Тактической теории» («Тактике феория») Элиана Тактика, а шире — из «Стратегикона: Лев VI апеллирует к предисловию к этому трактату, переводя с латинского на греческий перечисленные в нём военные команды³. Но есть и вполне оригинальные части, обладающие исторической ценностью. Материал организован не по авторам, а по логической схеме, то есть по предметам: I) тактика, или скорее упражнения; II) качества стратига, или генерала; III) структура и построение войска; IV) военные советы и решения; V) оружие; VI) оружие конницы и пехоты, в основном из «Стратегикона»; VII) тренировка, в которой рекомендуются двусторонние упражнения в «потешной» битве, с деревянными копьями и мечами и со стрелами без наконечников или с затуплёнными наконечниками. Также следует упражняться в атаке конницы под градом вражеских стрел, которую нужно вести, держа очень тесные построения, щит к щиту: как горизонтально, в первых двух рядах, так и над головами, начиная с третьего ряда и далее; VIII) военные наказания; IX) марши, X) обозы; XI) лагеря, в том числе и походные; XII) о подготовке к битве; XIII) за день до битвы — важная тема, если предположить, что можно было определить день битвы, поскольку в действительности он назначался по взаимному соглашению; XIV) день битвы; XV) осадное дело; XVI) на другой день после битвы; XVII) неожиданные вторжения; XVIII) обычаи различных народов, ещё один «этнографический» трактат, как в «Стратегиконе», но по большей части о врагах-мусульманах, — речь о нём пойдёт ниже; XIX) о морских сражениях, обзор также см. ниже, XXI) максимы о войне и эпилог.

³ Zilliacus, pp. 134—135 («Команды у всадников и пехотинцев», *Kommandoworte bei der Reiterei und Fussvolk*).

КОНСТИТУЦИЯ ХVIII ЛЬВА VI В ВОЙНЕ С МУСУЛЬМАНАМИ⁴

Как в большей части «Тактики», главный источник Льва — «Стратегикон», в данном случае книга XI об этнических свойствах различных врагов империи. Это и есть «этнографический трактат», рассмотренный выше, — и отправная точка реляционного манёвра со всеми его потенциальными тактическими и оперативными преимуществами. Но Лев добавляет оригинальный материал в применении к современным ему реалиям. Когда составлялся «Стратегикон», главного врага эпохи Льва просто ещё не было на исторической сцене: речь о мусульманах, изначально арабах, но затем всё больше не об арабах, а о тюрках или иранских народах, прежде всего о курдах и горцах-дайламитах из прикаспийских областей⁵. Всех их могли собирательно называть саракинами, сарацинами: первоначально это было названием доисламских бедуинов северного Синая, впоследствии же это слово вошло во множество языков: даже *Saracini*, из моего детства на Сицилии, где так называли всех вообще мусульман.

Мусульмане были особо опасны в силу преданности своей идеологии, что в нашем тексте полностью признаётся. Но всё далеко не так просто: даже если преданность идеологии вполне искренна, условия джихада предоставляют возможность добиться своей цели и бедным воинам, участвующим в нём с целью обогащения: «Они идут на военную службу не по призывному списку: каждый приходит по своей воле и со всем своим семейством. Богатые считают достаточным вознаграждением смерть в борьбе за свой народ, бедные же приходят ради военной добычи. Их соплеменники, мужчины и особенно женщины, обеспечивают их оружием, словно участвуя вместе с ними в походе». Лев, несомненно, восхищён ими: саму эту религию он презирает, но уважает вдохновляемый ею военный альтруизм⁶.

⁴ *George T. Dennis*, машинопись; его издание ожидается с нетерпением.

⁵ *McGeer* 1995, pp. 233—236.

⁶ Хотя Жильбер Дагрон (*Dagron*. *Byzance et le modèle islamique au Xe siècle: à propos des Constitutions tactiques de l'empereur Léon VI*, [Византия и исламская модель в X веке], *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, April-June 1983, p. 220) считает, что автор текста был плохо осведомлён: “[il] trahit une assez mauvaise information” («[он] обнаруживает весьма слабую осведомлённость»); см. также: *Dagron* 1987, p. 223.

Лев начинает расходиться со «Стратегиконом» почти с самого начала: за общим призывом обеспечивать поставки оружия согласно регламенту идёт следующее: «Особенно уверься в том, что у тебя много луков и стрел. Ибо лук и стрелы — успешное оружие против сарацин и курдов, полагающих всю свою надежду на победу именно на луки и стрелы».

Это было верно в отношении курдов, выступавших как конные лучники, и в отношении тюрок, численность которых всё более возрастала, но не в отношении нерегулярной бедуинской конницы или дайлами-тов, сражавшихся пешими, с дротиками и мечами.

Далее следует вполне здравый тактический совет:

...против самих лучников, незащитных в момент выстрела, и против лошадей их конницы стрелы, выпущенные нашими войсками, весьма действенны... когда кони, столь высоко у них ценимые, гибнут под непрерывным градом стрел, боевой дух сарацин, так рьяно рвавшихся в битву, совершенно падает.

Для воинов великих травянистых степных равнин, имевших обычно с десятков лошадей для самих себя и для своих семей и державших запасных лошадей стреноженными поблизости от места боя, убитая лошадь была дополнительным мясом для варки; но не так обстояло дело для всадников из пустынных земель, где каждую лошадь нужно было буквально кормить из рук в самые сухие месяцы: их взгляд на поедание конины соответствовал взгляду обычного английского любителя лошадей; кроме того, у них лишь изредка были под рукой сменные лошади, как это часто бывало в византийской коннице. Вот почему было столь целесообразно метиться в лошадей.

Была и идеологически слабая сторона, остающаяся предельно важной вплоть до нынешних дней: поскольку мусульмане «идут на войну не из-за рабства и не в силу военной обязанности», а скорее ради своей веры, в случае поражения «они думают, что Бог стал их врагом, и не могут этого перенести» — отсюда глубокая травма, оставшаяся у нынешних мусульман вследствие поражений, нанесённых им христианами и евреями, а также всеобщая мобилизация, воспоследовавшая за мнимой победой над советским врагом в Афганистане.

Разделавшись с этим, в XVIII Конституции автор переходит к тактике, к необходимости походных лагерей и к различным способам преследо-

вания; в этом разделе упоминаются турки, то есть недавно появившиеся в поле зрения мадьяры. Это приводит к любопытному отступлению:

Когда болгары презрели мирный договор и прошли через Фракию (ок. 894 г.)... Справедливость преследовала их за нарушение клятвы... Поскольку наши войска были заняты войной с сарацинами, Провидение направило мадьяр, чтобы они вместо ромеев вели войну против болгар.

В данном случае Провидению помогли византийцы:

Флот василевса... перевёз их через Дунай... и они, словно императорские палачи, раскрошили их [болгар], <...> так что христиане-ромеев могли не осквернять себя пролитой кровью христиан-болгар [мадьяры ещё были язычниками].

Далее следует отзвук книги XI «Стратегикона» о военных обычаях «скифов», то есть конных лучников-степняков, франков и ломбардов, а также славян, после чего речь заходит о «народе сарацин, беспокоящем ныне нашу ромейскую державу».

В форме сокращённой истории в тексте повествуется о том, что прежде арабы были рассеяны по Сирии и Палестине, но:

...когда Мухаммад учредил их суеверие, они завладели этими провинциями силою оружия... они захватили Месопотамию, Египет и другие страны в то время, когда опустошение ромейских земель персами позволило им занять эти страны.

Затем идёт речь о военных обычаях и методах:

Они пользуются для перевозки грузов не повозками, а верблюдами, а также [другими] вьючными животными, осликами и мулами. В боевых построениях они применяют барабаны и цимбалы, к которым привыкли их лошади. Этот грохот и шум приводит в смятение лошадей врага, обращая их в бегство. Кроме того, вид верблюдов мог испугать и привести в смятение лошадей, к ним не привыкших...

Это, несомненно, полезные сведения: лошадей можно было соответствующим образом натренировать — что, конечно, и делалось.

Ещё одно полезное замечание: они «боятся ночной битвы и всего, что с ней связано, особенно если проходят по чужой для них стране». Конечно, все тонко чувствующие бойцы опасаются дополнительных опасностей ночной битвы, потому что исход битвы непредвиден даже при дневном свете; но Лев, несомненно, сознавал, что в данном случае речь идёт об особой неохоте вступать в ночное сражение.

Это без труда объясняется составом мусульманских войск: они комплектовались добровольцами из разных стран, гораздо менее единообразными, чем византийцы, и не прошедшими одинаковой тренировки, а потому не столь способными к спонтанным координированным действиям, происходящим (буквально) в темноте.

Когда речь заходит о специфике стратегии на уровне театра военных действий, никаких разговоров о перепевах или подражаниях быть не может. Автор описывает ежегодную мобилизацию воинов джихада, соответствующую призывам приграничных военных магнатов и воинственных проповедников, — когда они уходят, возобновляются обычные грабительские набеги: «Они чувствуют себя превосходно... в тёплые времена года, набирая войска, особенно летом, когда они объединяются с жителями Тарса в Киликии и выступают в поход. В другие времена года только люди из Тарса, Аданы и прочих киликийских городов выходили в набеги против ромеев»⁷. Главное средство совладать с этим — опережающий удар:

...необходимо напасть на них, когда они только начинают набег, особенно зимой [т. е. предотвращая грабительские набеги]. Этого можно добиться, если [наши] войска остаются вне поля видимости... Если наши заметят их выступление, они могут атаковать их и таким образом истребить. [Мы также можем напасть], когда все наши войска собрались одновременно в значительных количествах, полностью экипированные для битвы.

Суть в том, что такая битва, «встречный бой» (meeting engagement), как мы сегодня говорим, подвержена всяческим случайностям, а потому её следует избегать, если только нет налицо численного превосходства — и притом очень, очень значительного. Это вполне ясно излагается далее: «Как мы не раз говорили, очень опасно решаться на генеральное

⁷ Ср. О стычках (De velitatione), глава 7.

сражение, даже если кажется совершенно ясным, что [наши силы] превосходят вражеские по числу...»

Альтернативой выступает «не-битва» или, точнее, эластичная защита, при которой врагу позволяют совершить вторжение (потому что невозможно надёжно защищать каждый участок длинного фронта), а затем перехватывают его на обратном пути домой:

Если они совершают набег в горах Тавра, чтобы награть добычи, тебе нужно схватиться с ними в узких проходах этой горной области, когда они возвращаются домой и очень утомлены и, возможно, обременены добычей: животными и вещами. Тогда тебе следует расставить пращников и лучников на возвышенных местах, чтобы стрелять по врагу и таким образом подготовить конную атаку.

Следующее далее подробно изложено в особом руководстве, обычно известном под заглавием “De velitatione”, то есть «О стычках», которое рассматривается ниже. Но последнее сводится к анализу битвы на суше, тогда как Конституция XVIII оценивает всю угрозу в целом:

Сарацины в Киликии считают нужным тренировать всю свою пехоту для битвы на двух фронтах, то есть на суше, по дороге, ведущей в горы Тавра, и на море, посредством кораблей... Когда они не выходят в море, они ведут кампании против ромейских городов на суше.

Рекомендуемое средство весьма интересно: понять намерения арабов и затем поступить наоборот:

Ты... стратиг, должен следить за ними посредством верных шпионов... Если они ведут кампанию на море, иди по суше, если это возможно, и нападай на них на их же земле. Но если они намереваются вести кампанию на суше, тебе нужно посоветовать командующему [фемным] флотом Киверриотов взять дромоны под его началом и напасть на города близ Тарса и Аданы, лежащие на побережье. Ведь войско киликийских варваров не слишком многочисленно, ибо одни и те же люди воюют и на суше, и на море.

Оперативная логика очевидна: невозможно оборонять длинную линию границы, предотвращая нападения на каждой её пяди. Бывает так, что приходится позволить врагу где-нибудь вторгнуться, хотя это, конеч-

но, нежелательно. Так что самый удачный ответ — предпринять асимметричное контрнаступление, благодаря которому можно застичь врага врасплох, атаковав его на суше в ответ на атаку с моря — и наоборот.

Автор проявляет похвальную скромность, заключая своё сочинение следующими словами: «Мы предложили Вашему Величеству эти правила. Возможно, в них нет ничего нового...» Как мы видели, это чрезвычайно скромно, потому что Конституция XVIII, несомненно, была новым ответом на новую угрозу. Богословская сторона этого ответа сказывается на всём протяжении текста, пересыпанного обращениями к Богу и проклятиями в адрес лживой религии. Они встречаются во всех византийских военных руководствах того времени, но образуют самую сердцевину двух увещаний — публичных речей, обращённых к воинам, которые приписываются сыну Льва, Константину VII Багрянородному, и содержатся в приложении к вышеупомянутой «Военной риторике» (*“Rhetorica militaris”*). Учёный император не водил своих людей в битву и скорее всего не обращался к ним с речью перед сражением; но, прежде чем попасть в разряд образцовых речей для византийских командиров, они вполне могли зачитываться перед солдатами по завершении сезона кампаний, когда главная забота заключалась в том, чтобы они возвратились весной в хорошей форме⁸.

Первая речь следует за победоносной кампанией, и соответственно этому она начинается с похвалы бойцам и их подвигам против хорошо вооружённых врагов с их «резвыми конями, которых невозможно догнать [арабских лошадей бедуинов]» и чьё вооружение было «непревзойдённым по мощи и по искусству изготовления»⁹. Но они не смогли победить, потому что у них не было «одного важнейшего преимущества, под коим я разумею упование на Христа», который противопоставляется Велиалу или Мухаммаду и смело приравнивается к еврейскому Богу Псалмов в его самых воинственных проявлениях, за чем следуют ветхозаветные цитаты: «Чьё оружие опьянено кровью врагов

⁸ *Eric McGeer. Two Military Orations of Constantine VII* (Две военные речи Константина VII), в: изд. John W. Nesbitt. *Byzantine Authors: Literary Activities and Preoccupations. Texts and translations dedicated to the memory of Nicolas Oikonomides* (Византийские авторы: литературная деятельность и предметы особой заботы. Тексты и переводы, посвящённые памяти Николаса Икономидиса. Leiden: Brill, 2003), pp. 113, 116—117, где уместно упоминается кампания 964 г. Здесь и далее: *Orations* (Речи).

⁹ *Orations* (Речи), p. 117.

Это (ср. Втор 32, 42)... Кто опустошает крепкие города, превращая их в груды развалин (ср. Ис 37, 26)... Господь крепкий и сильный, Господь, ильный в брани (Пс 23, 8)».

Затем врага — Сайфа ад-Даулу, который уже называется своим династическим именем, Хамданид — поносят за тщеславие и хвастовство:

Он труслив... и нет у него надёжной силы... [но] он пытается вселить страх в ваши души, прибегая к хитростям и обманам. Вдруг он заявляет, что ещё одно войско идёт к нему, что союзники [на подходе]... или... огромное количество золота послано ему [взносы на джихад]. Он раздувает слухи, чтобы испугать своих слушателей¹⁰.

Этот пассаж интересен сам по себе. Как Сайф ад-Даула распространял свою пропаганду? Отправлял ли он агентов, чтобы вести её? Это вполне возможно: ведь граница была, конечно, проницаемой, в Сирии было немало христианских общин, туда и обратно постоянно курсировали купцы и паломники.

Затем бойцам сообщают, что это хвастовство само служит доказательством слабости:

Если бы можно было заглянуть в душу Хамданиду, вы увидели бы, сколько трусости, сколько страха угнетает её... не обращайтесь к его выходки, но с упованием на Христа встаньте против супостата. Вы знаете, насколько это добродетельно — сражаться за христиан¹¹.

Если это так, то почему же сам император отказывается от битвы? Он хочет сражаться, но не может, ибо такова воля Божия:

Сколь великое стремление, сколь великое желание воспламеняет мою душу... Я охотно предпочёл бы облачиться в панцирь, надеть шлем и, потрясая копьём в деснице, слушать звук трубы, зовущий в битву...

Но Бог велит ему вместо этого носить «венеч и порфиру»¹².

¹⁰ Orations (Речи), p. 119.

¹¹ Orations (Речи), p. 119.

¹² Orations (Речи), p. 120.

После обязанностей перед Богом и христианами речь заходит о наградах для офицеров и обычных бойцов: повышение в должности, подарки, земельные и денежные пожалования, доля в добыче; повышение в должности относится ко всем: «Стратиги, стоящие во главе меньших фем, будут переведены в большие... командиры тагм и других подразделений, сражавшиеся храбро, будут вознаграждены в соответствии со своими делами: одни станут турмархами, другие — клисурархами или топотиритами»¹³.

Откуда императору знать, кто заслуживает награды и в какой мере? Прежде чем назначать награды, император требует точных сведений — заверенного клятвой свидетельства командиров или: «ещё лучше, если вы будете вести записи». Именно так бюрократия опосредует героизм вплоть до наших дней.

,1

«СБОРНИК ТАКТИКОВ» ("SYLLOGE TACTICORUM")

Трактат «Сборник тактиков» ("Sylloge tacticorum"), изданный самим Дэном (Dain) и ошибочно приписанный Льву VI, является в значительной мере обобщающей парафразой более ранних сочинений по военному делу, как, например, «Тактика» Льва, хотя отчасти он восходит к иным текстам¹⁴. Но вдобавок в этом труде содержится некоторое количество важного оригинального материала, который Дэн по непонятным причинам не отметил в своём обзоре. Это прежде всего глава 47 (pp. 86—93) о тактике для смешанного войска, состоящего из конницы и пехоты (она идёт за предыдущими главами, посвящёнными этим родам войск по отдельности), послужившая основой тактической системы, описанной в «Военных предписаниях» ("Praecepta militaria") Никифора Фоки, несколько подробнее рассматриваемых ниже. Кроме всего прочего, «Сборник» — это «первый текст, в котором предписы

¹³ Orations (Речи), p. 120.

¹⁴ A[lphonse] Dain (изд.), аннотир. (по-латински) Sylloge tacticorum (Сборник тактиков), ранее "Inedita Leonis Tactica" (Неизданная «Тактика» Льва; Paris: Les Belles Lettres 1938), начиная с p. 116.

вается построение в виде каре, стандартное для византийской пехоты». У этого новшества была затем долгая история в армиях, располагавших дисциплинированной пехотой: прочно державшееся каре образовывало скрытую и надёжную базу для конницы, откуда конные подразделения могли совершать вылазки — и куда они могли возвращаться, утомлённые атакой, потерпев поражение или рискуя потерпеть его или просто для отдыха и восстановления сил после выполнения трудных задач¹⁵. Кроме того, «Сборник» включает в себя современные ему сведения о ромейских и мадьярских щитах и видах оружия¹⁶.

Что же касается заимствованного материала в «Сборнике», не совпадающего с выборками в «Тактике» Льва, то он, по мнению Дэна, был почерпнут из двух прежних компиляций, которые он называет «Утраченная “Тактика”» (“*Tactica perdita*”) и «Утраченный корпус» (“*Corpus perditum*”). Из первого сочинения «Сборник» парафразирует разделы о свойствах, желательных для военачальника; о метрологии; о различных видах боя; о развёртывании войск в мирное время в военных городках и крепостях; о мерах, предпринимаемых против врагов, — и многое другое. По мнению Дэна, который явно ошибается, весь «Сборник» целиком представляет собою скорее произведение, написанное в библиотеке, нежели плод военного опыта той эпохи. В числе источников указываются прежде всего те же Онасандр, Элиан, «Стратегикон», «Анонимный трактат», труд по метрологии и Кодекс Феодосия — о том, как делить военную добычу. Реконструкция 87 глав «Утраченного корпуса» (“*Corpus perditum*”) по парафразам в более поздних текстах представляет собою филологическое достижение, но она не прибавила никаких новых интересных материалов, ибо составлена была из более ранних переработанных текстов, известных гораздо лучше по иным изданиям.

¹⁵ *Eric McGeer. Infantry versus Cavalry: The Byzantine Response* (Пехота против конницы: византийский ответ), в: Haldon 2007, pp. 336—337, перепечатка с: *Revue des Etudes Byzantines* 46, pp. 135—145. Хотя впоследствии я справлялся с текстом Дэна (Dain), к вышеуказанному изданию меня любезно адресовал Эрик Мак-Гир (McGeer, частное сообщение от 14 января 2008 г.).

¹⁶ См.: *John [F.] Haldon. Some aspects of early Byzantine arms and armour* (Некоторые аспекты ранневизантийского оружия и доспехов), в: Haldon 2007, p. 375; перепечатка с: David Nicolle (изд.), *A Companion to medieval arms and armour* (Справочник по средневековому оружию и доспехам; Woodridge, UK: Boydell and Brewer, 2002), pp. 65—87.

ГЕРОН ВИЗАНТИЙСКИЙ

«Герон Византийский» (в блистательном новом издании его имя взято в кавычки) — так прежний издатель решал назвать неизвестного автора двух весьма интересных трактатов, написанных в двенадцатом веке и посвящённых осадному делу и измерениям. Дэн, собственная книга которого об этих рукописях служит памятником его учёности, хотя написана она, по его меркам, в ужасающе популярном стиле (даже не по-латински, а по-французски!), отмечает, что анонимность не равносильна отсутствию индивидуальности¹⁷. Действительно, у автора есть оригинальные идеи, хотя его материал по большей части заимствован из инженерных руководств, которым к тому времени исполнилось семьсот лет или даже больше. Издатель авторитетного нового издания делает верное замечание об «обычно неизменном характере методов фортификации»¹⁸; но, несмотря на статичность, царившую в технологии, налицо были и значительные новшества, включая два, упомянутые в этом тексте: натяжной требушет, неизвестный на Западе вплоть до седьмого века, и греческий огонь, который обычно считался морским оружием, но применялся и при осадах, и даже при сражениях в поле: его и выпускали из сифонов, и метали в виде зажигательных снарядов.

Первый из этих текстов, «Наставления по осаде городов» («Парангельмата полиоркетика»), начинается так, что становится ясно — он адресован не инженеру: «Всё, что касается осадных машин, — сложно и труднопостижимо, как вследствие запутанности и загадочности их изображений, так и из-за того, что понять их устройство нелегко».

От рисунков, как утверждает автор, помощь тоже невелика — лучше всего разъяснения самих изобретателей, — но автор обещает дать трёхмерные рисунки, понять которые значительно легче¹⁹. Затем он пере-

A[lphonse] Dain. *La tradition du texte d'Héron de Byzance* (Традиция текста Герона Византийского; Paris: Les Belle Lettres, 1933).

¹⁸ Denis F. Sullivan. *Siegecraft: Two tenth-century Instructional Manuals by "Heron of Byzantium"* (Осадное дело: два учебных руководства десятого века, приписываемых «Герону Византийскому»); Washington DC: Dumbarton Oaks, 2000. Здесь и далее: Sullivan 2000, p. vii.

¹⁹ См. различие между рисунками а, б и с в: Sullivan 2000, после p. 281; указано Дэни-сом Ф. Салливэном (Sullivan), личное сообщение от 29.03.2008.

числяет некоторые из своих источников: текст Аполлодора Дамасского, построившего мост через Дунай для Траяна и написавшего трактат для Адриана (трактата он в действительности не писал); книгу Афиней Механика, написанную для Марцелла²⁰ (это был племянник Августа, а не жалкий оппонент Архимеда); и Битона, упоминавшегося выше. Затем он перечисляет машины, необходимые для осадных операций, включая «черепахи», то есть прочно защищённые укрытия для атаки с тараном или без тарана, для проведения подкопов и для засыпания рвов; и недавно изобретённые «корзины» (лесе, множественное число): лёгкие укрытия от стрел, сплетённые из ветвей, лоз или тростника; передвижные деревянные башни, «которые легко изготовить», то есть не приводимые в движение воротом, передающим вращение колёсам; очень высокие разведывательные лестницы; средства для подкопа; «машины для подъёма на стену без лестниц» типа самбуки; мосты для переправ при атаке и кое-что другое.

После ритуального извинения за то, что пишет он о вещах понятных и самоочевидных, автор предлагает свою версию принципа *si vis para bellum* («Хочешь мира — готовься к войне»), процитированную из Герона Александрийского: чтобы не бояться ни внутренних, ни внешних врагов, полагайся на артиллерийские орудия и на некоторые другие военные приготовления, включая заблаговременную заготовку «сухого пайка». Любопытно постраничное примечание, оставленное комментатором: варёные и высушенные дольки морского лука (питательная луковица, а не стрелки), тонко нарезанные, с одной пятой частью кунжутного семени (как в боевом пайке израильской армии) и одной пятнадцатой частью макового семени с «примешанным к нему лучшим мёдом»; либо, в качестве альтернативы, кунжутное семя, мёд, растительное масло, свежий лущёный миндаль, обжаренный, перемолотый и очень мелко растолчённый с таким же количеством морского лука — схолиаст называет такой паёк «сладким, сытным и не вызывающим жажды»²¹.

Действительно, питание — один из главных вопросов при осаде: как для осаждаемых, припасы которых день ото дня скудели, если они были полностью окружены, так и для осаждающих, которым

²⁰ Изд. и пер.: David Whitehead and P. H. Blyth. *Athenaeus Mechanicus. On Machines* (Афиней Механик. О машинах). *Historia Einzelschriften* 182 (Stuttgart: Franz Steiner, 2004); рус. пер.: <http://www.xlegio.ru/sources/afineus/machines.htm>.

²¹ Глава 2; Sullivan 2000, p. 29; и прим. 1, p. 33.

приходилось доставлять себе пищу из всё более и более отдалённых областей, по мере того как возможности фуражировки, грабежей, реквизиций и закупок истощались.

Поскольку каждая из сторон пыталась заморить другую голодом, осады принимали беспорядочный характер. «Хроника Псевдо-Йешу Стилита», первый исторический текст на сирийском языке, описывает красноречивый эпизод, имевший место при осаде Амиды в 503 г., когда персам пришлось оборонять город, захваченный ими в 502 г.:

Однажды, когда всё войско ромеев пребывало в мире и спокойствии, завязалось сражение следующим образом. Молодой парень пас верблюдов и ослов, и один из ослов, щипля траву, подошёл к стене. Парень слишком напугался для того, чтобы пойти за ним и вернуть его; и когда один из персов увидел это, он спустился со стены по лестнице, намереваясь зарезать осла и взять его на съедение, потому что в городе совсем не было мяса. Однако один из ромейских бойцов, родом галилеянин, обнажив меч и взяв в левую руку щит, кинулся к персу, чтобы убить его. Поскольку он подошёл к самой стене, персы, стоявшие на ней, сбросили вниз большой камень и сразили галилеянина, а перс стал карабкаться назад по стене. Когда он преодолел половину стены, подошёл один из ромейских офицеров; перед ним шли два щитonosца; из-за их прикрытия он выпустил стрелу и попал в перса, и тот упал рядом с галилеянином. С обеих сторон поднялся крик, и потому противники разъярились и вступили в битву²².

Этот случайный переход от сонного дня, проводимого возле стен, к внезапно разразившейся битве за осла имеет весьма отдалённое отношение к осадным операциям, но он даёт вполне реалистический контекст, в котором разворачивались все инженерные работы.

Тактическая и техническая подготовка к осаде, описанная в «Наставлениях по осаде городов» («Парангельмата полиоркетика»), предполагает нападение — и это вполне понятно, поскольку Византия в десятом веке наступала и занимала удерживаемые арабами города в юго-восточной Анатолии, то есть в нынешней северо-западной Сирии.

²² The Chronicle of Pseudo-Joshua the Stylite (Хроника Псевдо-Йешу Стилита), англ. пер.: Frank R. Trombley and John W. Watt (Liverpool: Liverpool University Press, 2000), 296—297; p. 89.

Сначала идёт разведка вражеских укреплений, затем предварительные диверсионные акции, в ходе которых симулируются работы по подготовке к приступу на тех участках стены, где никакой атаки в действительности не планируется; чтобы усилить натиск осады, нужно выкопать траншеи для атаки в диагональном направлении, дабы избежать продольного обстрела со стороны врага. Объяснения относительно того, как нужно продвигать различные виды «черепах» к вражеской стене, кратки, но связны: люди, которые находятся внутри «черепах», поставленных на колёса и надёжно защищённых спереди, должны засыпать рвы, ямы и углубления, приближаясь к вражеской стене, чтобы другие машины можно было подкатить по ровному грунту. Необходимо также прощупать намеченный путь подхода к стене железными копьями, чтобы обнаружить ловушки, засыпанные землёй поверх хрупких глиняных горшков; подошвы бойцов также должны быть защищены от шипов; ведение подкопов, чтобы провести их под вражескую стену, что должно завершиться поджогом сухого дерева и сосновых факелов, которыми обкладывали деревянные подпорки, до той поры поддерживавшие стену. Альтернатива такова: каменные блоки в основании вражеской стены можно расшатать, предварительно раскалив их с помощью углей, а потом поливая их уксусом или мочой, причём уголь подаётся в нужное место с помощью труб в передней части «черепахи», защищающей всю операцию в целом; с химической стороны это, конечно, правильно: реакция между кислотой и углекислотой кальция, содержащейся в камне, усиливается при высокой температуре. Надувные лестницы, которые «сшиваются как мехи, а в швах тщательно промазываются жиром, чтобы не пропускать воздух»²³, рекомендуются для неожиданной атаки (современные командос пользуются надувными подъёмными шестами); кроме того, благодаря множеству дырок, проделанных в каменных стенах с помощью свёрл, приводимых в движение луком (их по сей день используют некоторые индейские мастера), можно куда легче пробить стену.

Среди совершенно чётких объяснений полностью практических техник автор с похвалой отзывается о размерах гигантского тарана, построенного в древности Гегетором Византийским: он был 56 метров (150 футов) в длину. Иными словами, он был слишком длинным для того, чтобы выступать в качестве эффективного оружия. Но за этим следу-

²³ Глава 12; рус. пер.: <http://www.xlegio.ru/sources/anonim/poliorcetica2.htm>; англ. пер.: Sullivan, I, p. 45; и Chapter 16, Sullivan p. 51.

ют более практические инструкции относительно того, как строить и использовать вполне применимое практически осадное оборудование: например, закрытую щитами осадную лестницу, которую можно быстро поднять с помощью четырёх верёвочных устройств (современные коммандос всё ещё пользуются ими либо предпочитают трубчатые лестницы из лёгких сплавов, ничем не защищённые).

В тексте много говорится о передвижных осадных башнях, причём полностью признаются заслуги Диада и Хария, служивших Александру Великому, но даются вполне функциональные уточнения и подробные данные о размерах, а также список доступных вспомогательных устройств, таких как сифоны для разбрызгивания воды, чтобы затушить пожар, порождённый зажигательными снарядами врага, а также матрасы, набитые мякиной, которые вымочены в уксусе, сопротивляющемся пламени, либо морским мхом или водорослями, чтобы заглушить удары снарядов из камнемётов. Источники некоторых столь подробных предложений неизвестны, как отмечает знаток-комментатор; но, вместо того чтобы рассуждать об утраченных текстах, он соглашается с Дэном и Фуко и заявляет «об изобретательности самого Герона»²⁴.

Автор предлагает устройство для подъёма на стены без лестницы: это разновидность самбуки, но в виде трубы, покрытой шкурами, с защитной дверцей; её устанавливают на двух вертикальных балках, прикреплённых к четырёхколёсной повозке; всего один вооружённый человек может поместиться в этой трубе, чтобы добраться до вершины вражеской стены; но, когда верхний конец трубы поднят на всю высоту, её нижний конец касается земли, так что ещё один боец может забраться в неё, чтобы поддержать первого храбреца²⁵. Следуют точные размеры каждой детали вместе с советом построить большее по размеру устройство с трубой большего диаметра (хотя цифры не приводятся), чтобы не один, а двое вооружённых людей могли поместиться в ней бок о бок.

Затем автор без обиняков переходит к другому предложению — об оформлении защитных дверок: «На наружных стенках этих дверок должны быть бросающиеся в глаза страшные резные изображения... Находящаяся впереди резная фигура изображает дракона или льва, изрыгающего пламя, который должен вызвать у врага страх и ужас и

²⁴ Глава 39, 30; англ. пер.: *Sullivan*, I, p. 85. Комментарий об «изобретательности»: p. 208.

²⁵ Глава 50, 51; англ. пер.: *Sullivan*, I, pp. 100—101.

заставить оробевших защитников крепости еще до момента нападения бежать со стен»²⁶. Это напоминает нам об эпохе, в которую писался этот текст, — или, возможно, о тех людях, с кем византийцам приходилось сражаться: и об изощрённых врагах, столь же мало боявшихся расписных драконов, как и они сами, и о примитивных племенах, которых мог поразить внезапный подъём машин, причём даже раньше, чем они увидят, что на них устремляются эти огнедышащие чудища. Это устройство для осадной машины, а осада предполагает наличие укрепленного города, а не стоянку примитивного племени; но в контексте десятого века это означает сражения за то, чтобы вернуть Византии города, ранее захваченные мусульманами, а к тому времени сражаться приходилось преимущественно с воинами-тюрками из центральноазиатских степей, а не с утончёнными городскими жителями.

Труд завершается описанием знаменитого плота Аполлодора. Длина этого плота чуть превышает ширину реки; течением его дальний конец должно отнести точно к намеченному месту на дальнем берегу (хотя уже значительно раньше автор «Анонимного трактата» отвергал этот способ как невозможный: 19. 40 слл.). Здесь этот проект излагается без атрибуции и с упором на хитроумное вспомогательное устройство, то есть на деревянную защитную стену, крепящуюся к плоту на петлях; из-за неё бойцы могут пускать стрелы и метательные снаряды; когда же плот пристаёт к вражескому берегу, защитная стенка опускается, и бойцы сбегают по ней, чтобы напасть на врага²⁷.

«КАК ВЫДЕРЖИВАТЬ ОСАДУ» (“DE OBSIDIONE TOLERANDA”): РУКОВОДСТВО ПО ОТРАЖЕНИЮ ОСАД

В десятом веке, особенно в первой его половине, осадное дело было важной составляющей военного искусства, причём не только в наступательном аспекте: в июле 904 г. арабский флот под командованием обратившегося в ислам Льва Триполитанского, в арабских источниках

²⁶ Глава 52; англ. пер.: *Sullivan*, I, pp. 103—104.

²⁷ Главы 55—57; англ. пер.: *Sullivan*, I, pp. 109—113; комментарии: pp. 241—243.

известного как гулям («раб-воин») Зурафа или Рашик ал-Варцами, захватил Фессалонику, второй по значению город империи, после осады, длившейся всего три дня. Это стало полной неожиданностью и привело к страшному поражению. Разумеется, город не был готов к осаде.

Этот катастрофический эпизод упоминается в трактате десятого века, посвящённом осадному делу и известном под условным названием; он доступен теперь в ценном комментированном издании²⁸; вполне возможно, что именно взятие Фессалоники вдохновило автора на написание этого труда. Этот дидактический текст адресован воображаемому стратигу, то есть лицу, облечённому и политической, и военной властью.

Вначале стратига убеждают в том, что нет необходимости капитулировать, даже если предвидится затяжная осада — то есть такая осада, в ходе которой истощатся его запасы пищи и воды. В рядах врага может произойти раскол из-за каких-то разногласий, могут вмешаться другие силы, осаждающее войско может израсходовать свою «пшеницу», да и чума «может начаться, когда многочисленное войско остаётся на одном и том же месте в течение долгого времени»²⁹; могут произойти и другие события, благоприятные для осаждаемых. Иными словами, сначала необходимо наличие воли к сопротивлению, а уж затем следует необходимая для него логистика, рассматриваемая ниже довольно подробно.

Следует скопить припасы на срок до одного года, в том числе и для тех, кто не будет сражаться; если это невозможно из-за отсутствия государственных ресурсов, за счёт которых можно было бы всё это приобрести, а также из-за неурожая, отсутствия транспорта либо из-за разорения, причинённого врагом, тогда купцы и состоятельные люди должны принять участие в раздаче всем месячного пайка пшеницы, ячменя и овощей, взятых из общественных или частных хранилищ. Но

²⁸ *Denis F. Sullivan. A Byzantine instructional manual on siege defense: the De obsidione toleranda: introduction, English translation and annotations (Византийское учебное руководство по защите от осады: De obsidione toleranda, Как выдерживать осаду: введение, англ. перевод и примечания), в: John W. Nesbitt (изд.). Byzantine Authors: Literary Activities and Preoccupations. Texts and translations dedicated to the memory of Nicolas Oikonomides (Византийские авторы: литературная деятельность и предметы особой заботы. Тексты и переводы, посвящённые памяти Николаса Икономидиса; Leiden: Brill, 2003). Здесь и далее: Sullivan 2003, pp. 140—266. Этот текст был ранее издан: Hilda Van Den Berg, Anonymous de obsidione toleranda (Анонимный трактат «Как выдерживать осаду»; Leiden: E. J. Brill, 1947).*

²⁹ *Sullivan 2003, p. 151.*

более действенным средством является организованная эвакуация стариков, больных, детей, женщин и нищих в более безопасное и, предположительно, хорошо снабжаемое место³⁰.

Схожим образом далее предписывается уничтожение «вьючных животных [ослов], лошадей и мулов, а также всего того, что не является жизненно необходимым для войска [?]', потому что они «способствуют уничтожению осаждаемых городов, уничтожая их съестные припасы...»³¹.

Неотъемлемым дополнением к сбору припасов выступает уничтожение тех припасов, которые могут достаться врагу: следует сжигать поля, «даже если они ещё не готовы к жатве, и устранять всё полезное... не только скот, но и людей... также нужно отравить реки, озёра или местные источники... Реки следует отравлять с места, находящегося выше по течению, чем вражеский лагерь, притом в час трапезы, когда зной изнуряет врагов, обессиливших от трудов, когда они [пьют]... вода... полностью истребит их»³². Ядовитые ягоды, корни и семена обычны в средиземноморских странах, как и в других местах, но лишь немногие из них достаточно токсичны для того, чтобы применять их в виде раствора, способного отравить воду; одно из таких веществ — псевдоаконитин ($C_{36}H_{49}NO_{12}$), сильный алкалоид, в значительной концентрации обнаруживаемый в корнях обычных прелестных цветов аконита.

Автор приводит длинный список техников и ремесленников, которым надлежит оставаться в городе и приступить к производству щитов, стрел, шлемов, копий, дротиков и осадной артиллерии, в числе разновидностей которой упоминаются тетрарии, манганики, элакаты, хироманганы³³ (всё это термины, которые нельзя истолковать с достаточной степенью уверенности, хотя все они, видимо, относятся к известным типам камнемётов и стреломётов), камнемёты с направляющими балками, металлические крюки для захвата, а также накидки (эпилорика), с которыми мы уже встречались, и плотные шапки из валяной шерсти, камилавки, служившие заменой более дорогостоящим шлемам. Производство всех этих изделий потребует сырья: железа, бронзы, влажной и сухой смолы, серы, пакли, льна, конопли, сосновых факелов,

³⁰ Там же, pp. 153—154.

³¹ *Sullivan* 2003, p. 177.

³² Там же, p. 179.

³³ Там же, p. 157.

шерсти, хлопка, полотна, досок, древков из молодых стволов, кизило-вых деревьев (необходимых для изготовления прочных пик, менавлий, речь о которых пойдёт ниже). Некоторые числа определяются стандартными критериями изготовления: 10 дротиков для метателя дротиков, 50 стрел для лучника (гораздо меньше, чем в полевых условиях, но при осаде целиться можно было гораздо тщательнее) и 5 копий (контарии, а не более тяжёлые менавлии) для каждого копьеносца³⁴. Автор, несомненно, исходит из того, что речь идёт о лесистой области, потому что каждому жителю города грозит смертная казнь (!), если он не соберёт и не накопит достаточно дров на определённый срок; кроме того, даётся предписание собирать прутья и ивовые ветки, чтобы сплести из них заграждения от стрел (лесе), речь о которых пойдёт ниже.

В разделе, который можно определить как «формуляр техосмотра» (check-list), приводится важное предупреждение: отыскать и обезопасить все туннели, наподобие забытых акведуков или канализационных водостоков, которые могут свести на нет всю систему защиты окружённых стенами городов при осаде: упоминаются примеры Кесарии Каппадокийской, Неаполя (из Прокопия) и древних Сиракуз.

И напротив, в стенах можно проделать множество отверстий: не только для стрельбы из лука, но и для того, чтобы дать осаждёнными возможность отталкивать осадные лестницы древками копий³⁵.

Должен быть ров с водой, а лучше два или три, каждый со своим палисадом и внешним укреплением, сооружённым из вынутой земли, что особенно полезно в том случае, если в городе нет конницы, которой необходимо совершать вылазки. Но, если таковая имеется, потребуются прочные дубовые мосты³⁶.

Следует навесить колокола снаружи стен с бойницами, чтобы подавать сигнал тревоги при внезапном приступе — в том случае, если часовые не известили о нём как положено из-за небрежения или предательства (эта тема сильно занимает автора нашего текста); во время праздников, которые, конечно, не сводились к трезвым упражнением в благочестии, стратиг должен лично обходить караулы (здравый совет!).

³⁴ Там же, р. 161.

³⁵ *Sullivan* 2003, р. 163.

³⁶ Там же, р. 165.

Когда речь заходит о тренировке гарнизона, совет автора аналогичен тому, что даётся в «Стратегиконе», но с должным упором на владение метательным оружием: риктариями (дротиками), бросаемыми вручную камнями, достаточно эффективными из-за своей тяжести, пращами, а также стреломётной и камнемётной артиллерией.

Осадное дело не должно сводиться к реакции на действия врага, к отражению атак: автор рекомендует расставлять засадные отряды (лохи) за воротами, предположительно в том случае, если враг расположился не слишком близко к ним; кроме того, нужны действия более широкомасштабные: внешние силы пехоты и конницы нужно расставить по «подходящим местам», то есть в горах, как уточняется ниже, ибо там можно спрятаться и устроить различные препятствия; оттуда они могут спускаться, чтоб «причинять вред врагу и не позволить ему продолжать осад безнаказанно»³⁷. Эти силы могут также объединяться с любыми прибывающими союзниками и атаковать вражеские конвои, доставляющие съестные припасы осаждающим. Но если дела складываются настолько удачно, что вражеский лагерь можно окружить и атаковать, тогда проявляется характерное для византийцев отличие: вместо того чтобы призывать к битве на уничтожение в классическом римском стиле, автор пишет: «Нужно оставлять врагам свободное пространство, через которое они без труда могли бы бежать; иначе, полностью окружённые, отчаявшись в возможности спастись, они будут сопротивляться до последней капли крови...»³⁸

Завершив описание тактики налётов, тайные вылазки через туннели, выходы через потайные двери и другие подобные методы (все они предполагают, что осада ведётся спустя рукава), а также описание стойкой битвы на крепостных стенах, автор обращается к более мрачному случаю — к плотной осаде: «Если же случится так (а я молю Бога о том, чтобы этого не случилось), что рвы будут засыпаны и враги подведут тараны к самым стенам, тогда строй дополнительную стену, ибо ничто не может противиться силе удара тарана»³⁹.

Это отличный совет, если действительно можно достаточно быстро возвести новую стену, желательно с новым рвом перед ней, под защи-

³⁷ Там же, р. 179.

³⁸ Там же, II, р. 181.

³⁹ Sullivan 2003, pp. 197—199.

той тяжёлых плетёных циновок, предохраняющих строителей от вражеских стрел. Но затем автор напоминает о стандартных средствах защиты: о мешках, набитых мякиной, поглощающих убойную силу выстрела; о железных крюках, служащих для того чтобы отклонить таран, о верёвках, с помощью которых можно втянуть наверх балки тарана; о тяжёлых камнях; о сифонах для греческого огня...⁴⁰

При взятии Фессалоники в 904 г. стены, стоявшие вдоль моря, подверглись прямому нападению с моря посредством кораблей, снабжённых артиллерией и подъёмными лестницами. Для защиты от них рекомендуются средства, описанные Полибием: мощные камнемёты, способные повредить приближающиеся корабли, затем тяжёлые камни, сбрасываемые с выдающихся наружу балок, если корабли подходят к приморской стене, цепляющие блоки, способные поднять корабли прямо из воды, и, конечно, стрелы против моряков, расположившихся на палубе; всё это обсуждается в «Наставлениях по осаде городов» («Парангельмата полиоркетика») Герона⁴¹.

Автора не пугает древность этих средств: напротив, он прерывает долгие рассказы, почерпнутые из Полибия (осада Сиракуз), Арриана (осада Тира и осадные действия в Согдиане) и Иосифа (осада Иерусалима), чтобы заявить, что они будут действовать даже лучше, чем в прошлом, поскольку нынешние враги («чужеземные народы в наши дни») гораздо менее культурны, чем их предшественники в дни Александра или Тита, которые могли вести куда более масштабные осады⁴². Затем автор находит возможность уверить в этом современных ему защитников городов: несмотря на все усилия, на всё искусство осаждавших города в древности, осаждаемые всё же могли сопротивляться.

Вполне очевидно, что автор стремился прежде всего поднять боевой дух. Это само по себе указывает на практическую цель. Его труд был не литературным упражнением, несмотря на обильные цитаты из высокочтимых древних авторов, и не игрой в солдатики: в этом наспех составленном тексте чувствуется некая настоятельная необходимость.

Гораздо более краткий текст о выдерживании осад был впервые издан и опубликован Дэном (Dain) под заглавием «Неизданная памятка о

⁴⁰ Там же, р. 201.

⁴¹ Там же, р. 225.

⁴² Там же, р. 229.

защите мест» (“Memorandum inédit sur la défense des places”)⁴³. Он представляет собою составленную в десятом веке переработку того же утраченного источника, к которому, согласно Дэну, восходит сочинение «Как выдерживать осаду» (“De obsidione toleranda”). Действительно, этот сугубо практический труд читается как ряд выдержек из более пространного сочинения. В нём нет ни предисловия, ни вставных рассказов об осадах в древности: он сводится к строгой последовательности из тридцати двух предписаний («Обрати внимание на то, чтобы...») относительно целого ряда вещей, включая тренировку рабочих, «полезных для осаждаемого города»; о подготовке артиллерии и запаса стрел; о наращивании стен под прикрытием заграждений из прутьев (лайсай), защищающих от вражеских стрел; об использовании корабельных мачт или длинных шестов, связанных друг с другом, для того чтобы отталкивать вражеские корабли от приморских стен⁴⁴; о том, что генерал должен совершать обход стен, когда они подвергаются атаке, вместе с отборными бойцами («отважными воинами»), служащими его личным оперативным резервом, «чтобы оказывать помощь на том отрезке стены, где налицо опасность»⁴⁵.

Это действительно одна из вечных истин военного дела, которую стоит повторять часто, поскольку она противоречит интуиции. Любая осада предполагает, что осаждающие сильнее осаждённых, иначе последние вышли бы наружу, чтобы отбить нападающих. Однако генерал должен ослабить и без того слабый гарнизон, взяв из него отборных бойцов, составляющих его личный мобильный резерв. Это нелогично, и смысл этого совета проявляется только при динамическом подходе: прибыв со своим оперативным резервом на те участки стены, которые подвергаются самой ожесточённой атаке, генерал может противостоять сосредоточению сил врага, тем самым восстановив равновесие сил на данном участке. Здесь налицо и психологическая динамика: в тот самый момент, когда враги, приступая к стене, кажется, начинают одерживать верх, что придаёт храбрости нападающим и устрашает защитников, тем самым ещё более смещая локальное равновесие сил,

⁴³ A[lphonse] Dain. *Memorandum inédit sur la défense des places* (Неизданный меморандум о защите мест), *Revue des Études Grecques* 53 (1940), pp. 123—136; но здесь цит. по: Sullivan 2003.

⁴⁴ В этом меня поправил Denis F. Sullivan, частное сообщение от 29.03.2008.

⁴⁵ Sullivan 2003, p. 147.

прибывает генерал со своими отважными бойцами, чтобы перевернуть ситуацию как психологически, так и материально.

Дальнейшие предписания касаются осадных машин, даже самых простых, вроде надёжно закреплённых у основания тяжёлых шестов с острыми наконечниками, чтобы «отталкивать вражеские машины»⁴⁶ [то есть лестницы, поднимаемые с помощью рычагов, и даже передвижные осадные башни...]; ознакомительных тренировок для ночной битвы [которую без таких тренировок не стоит и предпринимать]; необходимости наступательных действий, пусть даже мелкомасштабных; пользы, приносимой вертикальными подъёмными железными воротами, которые могут внезапно обрушиваться, погребая под собою врагов; необходимости запираť женщин в домах «и не позволять им рыдать, чтобы дух сражающихся не ослабевал» (хотя женщины часто упоминаются как активные участницы осад в древности: ведь они делали всё, начиная с копки канав и сбрасывания камней со стен, вплоть до появления обнажёнными ради издевательства над нападающими); необходимости остерегаться вражеских подкопов — рекомендуется такой сомнительный прибор, как тонкие бронзовые пластинки: генерал должен «припасть к ним ухом и слушать»⁴⁷; наконец, последнее предписание относится к необходимости следить как за самыми слабыми, так и за самыми сильными участками оборонительного периметра, где укрепления кажутся наиболее грозными, «ибо многие города были взяты с неожиданных позиций»⁴⁸.

Есть лишь частичное современное издание сочинения «Воинское снаряжение» (*Apparatus bellicus*), представляющего собою ещё одну составленную в десятом веке компиляцию, включающую в себя двадцать пространных выдержек из Юлия Африкана⁴⁹; это лишь один из текстов, написанных и, возможно, читавшихся в это время. По своему содержанию эти сочинения в основном составлены из выдержек, парафраза и разработок более ранних трудов; тем не менее они свидетельствуют о жизнеспособности византийской военной культуры.

⁴⁶ Там же, предписание 18, р. 147.

⁴⁷ Там же, предписание 30, р. 148.

⁴⁸ *Sullivan* 2003, р. 149.

⁴⁹ Об этих трёх текстах см.: *Dain*, pp. 359—361. *Praecepta imperatori* (Наказы императору) — это приложение к первому тому (начиная с р. 444) трактата «О церемониях» (*De Cerimoniis*). Vol. I, pp. 444—454.

ГЛАВА 13

ЛЕВ VI И ВОЕННО-МОРСКОЕ ДЕЛО

Лев сетовал на то, что для своего сочинения по военно-морскому делу (Конституция XIX) он не мог найти ни одного древнего образца, который можно было бы скопировать, а потому вынужден был положиться на практические познания своих морских офицеров. Едва ли можно отыскать лучший пример раболепия (если можно так выразиться) перед авторитетными текстами, столь свойственного византийской душе, каковое ухитрилось сосуществовать с несомненным прагматизмом и даже с нарушением правил. (Сам Лев, как хорошо известно, добился того, чтобы его наложница Зоя Карбонопсина, «Черноглазая», вопреки каноническому праву стала его четвёртой женой, дабы узаконить её сына, будущего императора Константина VII Багрянородного (Порфирогенита), то есть рождённого в императорской опочивальне, но от незамужней матери.) Возможно, Лев взял на душу ещё больший грех, заявив, что он изобрёл ручную гранату, то есть греческий огонь в горшке, о чём пойдёт речь ниже.

Изложение сути Конституции XIX начинается с отзыва трактата Сириана Магистра: командира призывают изучать теорию и практику навигации, включая предсказание направления ветров, основанное на наблюдениях за движением небесных тел, — точное предсказание направления ветра потребовало бы большего количества разведыватель-

ных сведений, но при рекомендуемом методе такое невозможно. Затем следуют пустые общие слова о том, как нужно строить военные корабли: не слишком узкие, но и не слишком широкие. (6). С шестой главы по десятую, и даже дальше, речь идёт о дромоне («гонщике») в одной из многих его разновидностей; но для всех них была характерна одна главная мачта, две палубы, ход на вёслах и под парусом, а также афракт, то есть отсутствие верхней палубы над верхней скамейкой для гребцов¹.

Стандартными моделями предусматривалось от 25 до 36 или даже до 50 гребцов на каждой стороне каждой из палуб, что составляло в сумме до 200 гребцов, и ещё сотня человек должна была находиться на борту: по большей части это были пехотинцы, обученные воевать на море («морские пехотинцы»), а также капитан корабля и другие офицеры. Вероятно, однако же, что меньший корабль, усякий, с сотней гребцов на борту, как видно из его названия (одно из значений слова «уся» — отряд в 100 человек) и отрядом из тридцати-сорока моряков, был более обычным, особенно потому что гребцы на верхней палубе также могли сражаться в отличие от гребцов на нижней палубе, которые в лучшем случае могли действовать копьями через прорези для вёсел, чтобы повредить корпус вражеского судна по всей его длине. Существовали также значительно более лёгкие и быстрые двухпалубные суда для рекогносцировки и набегов, а также небольшие галеры (галеи) с одной скамьёй для гребцов.

Боковые проходы и места для гребцов были укрыты съёмными щитами, и гребцы орудовали вёслами прямо через отверстия в бортах, без дополнительных коробчатых расширений для защиты вёсел. Квадратные паруса с седьмого века были заменены треугольными латинскими. Тараны на носу ещё были во времена Льва VI, но постепенно они были заменены «клювами» (по ним моряки могли переходить на вражеский корабль), но морское сражение велось в основном метательными снарядами: моряки могли пускать стрелы с возвышенной деревянной башенки (ксилокастрон), находившейся возле главной мачты; кроме того, были камнемёты (один или несколько), а также игрон пир («жидкий огонь»), греческий огонь западных источников, который метали в подожжённых сосудах или выпускали при помощи сифонов, приводимых в действие поршнями или даже насосами.

¹ Обобщающее описание см.: Dromon, p. 448. О начальном этапе см. начиная с p. 123; о данных, относящихся к десятому веку, см. начиная с p. 175.

ГРЕЧЕСКИЙ ОГОНЬ, ИГРОН ПИР («ЖИДКИЙ ОГОНЬ»), ФАЛАССИОН ПИР («МОРСКОЙ ОГОНЬ»)

В романах и даже в исторической литературе средней руки он выступает таинственным и самым ужасным оружием, технологическим секретом одних лишь византийцев, которому никогда никто не смог подражать — возможно, даже сейчас. По крайней мере некоторые византийцы (а может, всего один) притязали на то, что верят в этот миф. В руководстве по государственному управлению «Об управлении империей» (*“De administrando imperio”*), приписываемом императору Константину VII Багрянородному (913—959 гг.), предлагается давать напыщенный и бесконечно лживый ответ в том случае, если какие-либо чужеземцы когда-нибудь попросят о доступе к «жидкому огню, выбрасываемому через сифоны». Сын должен ответить так:

И в этом также [Бог] через ангела просветил и наставил великого первого василевса-христианина, святого Константина. Одновременно он получил и великие наказы о сем от того ангела, <...> чтобы он изготовлялся только у христиан и только в том городе, в котором они царствуют [в Константинополе], и никоим образом не в каком ином месте, а также чтобы никакой другой народ не получил его и не был обучен [его приготовлению]. Поэтому сей великий василевс, наставляя в этом своих преемников, приказал начертать на престоле церкви Божией [Святой Софии] проклятия, дабы дерзнувший дать огонь другому народу ни христианином не почитался, ни достойным какой-либо чести или власти не признавался. А если он будет уличен в этом, тогда будет низвержен с поста, да будет проклят во веки веков, да станет притчею во языцех, будь то василевс, будь то патриарх... Было определено, чтобы все питающие рвение и страх Божий отнеслись к сотворившему такое как к общему врагу и нарушителю великого сего наказа и постарались убить его, предав мерзкой [и] тяжелой смерти².

² DAI, гл. 13, начиная со строки 73 (в этой строке слово «сифоны» по неясным причинам переводится на англ. как «трубы» [*“tubes”*]); рус. пер. Г. Г. Литаврина, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/kb_k10_29.htm; англ. пер.: pp. 69—70.

Примечательно обнаружить угрозу царевубийства, подписанную именем императора или его верными писцами, что должно было ещё крепче подтвердить уникальное значение греческого огня и абсолютную монополию Византии на владение им. Однако на деле к тому времени, когда писались эти строки, секрет был уже раскрыт.

Первое сохранившееся сообщение о греческом огне содержится в «Хронографии» Феофана Исповедника, в записи под 6164 г. от сотворения мира, то есть под 671—672 гг. К Константинополю двигался многочисленный арабский флот:

Константин [IV, 668—685 гг.], узнавши о движении богоборцев против Константинополя, и сам устроил двухпалубные огромные корабли с горшками огненосными и быстрые корабли с огненными сифонами [для разбрасывания жидкого огня]³.

В записи под 6165 г., то есть под 673—674 гг., Феофан также сообщает о том, как он был изобретён:

В это время зодчий Каллиник, прибежавший к римлянам из Гелиополя Сирийского [Баальбек в нынешнем Ливане, только что перешедший тогда под арабское господство], морским огнем, который им изобретен, сожег им и корабли и все дышащее. Таким образом римляне возвратились с победою и изобрели морской огонь⁴.

Но, согласно «Сирийской хронике» яковитского патриарха Михаила, Каллиник (он назван плотником) впервые применил своё изобретение за год до этого в Ликийи, на юго-востоке Анатолии:

³ Феофан. № 353, АМ 6164; рус. пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, цит. по: Феофан/Оболенский-Терновский; англ. пер.: р. 493. *John Haldon, Andrew Lacey, Colin Hewes. "Greek Fire" revisited: recent and current research* (Снова о «греческом огне»: недавние и современные исследования), в сборнике: Elizabeth Jeffreys (изд.). *Byzantine style, religion and civilization; in honour of sir Steven Runciman* (Византийский стиль, религия и цивилизация; в честь сэра Стивена Рансимена; Cambridge: Cambridge University Press, 2006), pp. 291—325. Здесь и далее: "Greek Fire" («Греческий огонь»); о его применении у арабов и латинян см.: Dromon, Appendix 6, pp. 607—631.

⁴ Феофан. № 354, АМ 6165; рус. пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, цит. по: Феофан/Оболенский-Терновский; англ. пер.: р. 494.

[Он] изготовил воспламеняющееся вещество и поджёт арабские корабли. Этим огнём он уничтожил и остальные суда, спокойно стоявшие [на якоре] в море, и всех людей на борту. С того времени ромеи постоянно применяли огонь, изобретённый Каллиником и называемый нефть [«нефть» по-арабски]⁵.

Если оставить в стороне мифы, включая те, что некритично и безотчётно повторяются в некоторых современных трудах, достоверно известно пять фактов о греческом огне, экспериментально изученном недавно одним выдающимся византинистом, который успешно поджёт с его помощью безобидное парусное судно⁶.

Во-первых, он продолжал гореть даже после соприкосновения с водой. Это известно из достоверного сообщения Лиутпранда Кремонского («Антаподосис», колл. 833—834), писавшего о том, что корабли руси, воины которой оставили свои корабли в ходе неудавшейся атаки князя Игоря на Константинополь в 941 г. (Лиутпранд был там спустя восемь лет), «были сожжены, покуда плыли по волнам».

Для этого не требуется никаких магических компонентов: сырая нефть будет гореть постоянно, если её поджечь, и она была, несомненно, доступна, потому что она выходит на поверхность земли на Каспийском побережье, вполне достигаемом для византийских купцов, причём даже в те времена, когда оно находилось за пределами Византийской державы. Местные жители выкапывают мелкие скважины, чтобы было удобнее добывать нефть. В трактате «Об управлении империей» содержится перечень мест, где есть «колодцы, дающие нефть», то есть сырую нефть (а не первую углеводородную фракцию дистиллята, которую сейчас называют «нафта»)⁷.

Далее высказывались предположения о том, что греческий огонь возгорался самопроизвольно, вступая в контакт с водой. Это могло быть правдой, если в нём содержался довольно чистый натрий (Na) или пероксид натрия (Na_2O_2): оба эти вещества бурно реагируют при контакте с водой, образуя гидроксид натрия (NaOH) и выделяя много тепла. Соединения натрия столь же обычны, как обычная поварен-

⁵ Syriac Chronicle (Сирийская хроника), часть II, р. 194, п. 476.

⁶ «Greek Fire» («Греческий огонь»), pp. 297—316.

⁷ DAI, гл. 53, pp. 493—510 (цит. в: Haldon, «Greek Fire» Revisited (Снова о «греческом огне»), р. 292.

ная соль (NaCl), но нет никаких свидетельств о том, что византийская химия была способна получать натрий в виде чистого металла или его пероксида.

Высказывалось и другое предположение: возможно, нефть смешивалась с сосновой смолой, из-за чего становилась более вязкой и «липкой» и тем самым превращалась в нечто вроде напалма⁸. При изготовлении современного напалма (каждый без труда может изготовить его в домашних условиях) пальмовое или другое масло добавляется к значительно более лёгкому бензиновому «студню», чтобы придать ему вязкости, но сырая нефть и без того уже обладает значительной вязкостью.

Более правдоподобно другое: если смола вообще находилась, то она служила для того, чтобы ускорить воспламенение, потому что грубая нефть будет гореть интенсивно, но поджечь её не так легко, как её более лёгкие фракции, например, бензин. Кроме того, с добавлением смолы повышается температура горения.

Во-вторых, все источники согласны в том, что греческий огонь прежде всего выбрасывался в цель через сифоны, то есть трубы с установленным внутри поршнем, который подаётся вперёд, чтобы выбросить жидкость через сопло. Однако, чтобы добиться этого, жидкость сначала нужно разогреть, и тем самым подтверждается, что она целиком или по большей части состояла из сырой нефти, слишком вязкой для того, чтобы её извергнуть, если предварительно не разогреть; точно так же в современных трубопроводах нефть разогревают для лучшего её протекания, если она слишком вязкообразна. Поэтому, чтобы применять греческий огонь, контейнеры с ним нужно было разогревать посредством костров, разводившихся внутри корпуса судна неподалёку от сифонов, — затруднительное решение на деревянных кораблях.

В-третьих, сочетание низкой дальности сифонов (ведь они были устроены по тому же принципу, что и детские водяные пистолеты: двадцать метров уже было серьёзным достижением) и необходимости разводить внутри судна костры для разогрева, а к тому же

⁸ J. Haldon and M. Byrne. A possible solution to the problem of Greek Fire (Возможное решение проблемы греческого огня). *Byzantinische Zeitschrift* 70 (1977), pp. 91–100; ныне превзойдено другим трудом: Haldon. "Greek Fire" Revisited (Снова о «греческом огне»), p. 310.

вероятная потребность в поджигании жидкости, требовала точно рассчитанных перемещений, позволяющих подойти к вражеским кораблям достаточно близко, оставаясь при этом вне зоны возможного абордажа, — и притом в очень тихих водах. Это опять же засвидетельствовано Лиутпрандом («Антаподосис», колл. 833 слл.): «...Богу... угодно было... почтить победой тех, кто... поклонялся Ему [то есть византийцев]. Поэтому Он усмирил ветры и успокоил море. Ибо в ином случае грекам было бы трудно стрелять своим огнём».

В-четвёртых, из этого следует, что греческий огонь был изначально эффективен скорее в спокойных водах Мраморного моря, нежели в открытом море, особенно в тех случаях, когда византийцев оказывалось чересчур мало для того, чтобы они могли взять верх благодаря таранам, метательным орудиям или абордажу. Поэтому греческий огонь поначалу применялся скорее как стратегическое оборонительное оружие против врагов, достаточно сильных для того, чтобы напасть на империю в самой её сердцевине, нежели как стратегическое наступательное оружие, применяемое в открытом море против более слабых врагов. Это обстоятельство ограничивало повсеместное значение греческого огня для византийского военно-морского флота, который был бесконечно многим обязан здравым римским традициям.

В-пятых, секрет изготовления греческого огня был раскрыт. В арабских источниках он упоминается вскоре после его изобретения, и он применялся при арабском завоевании Крита ок. 824—826 гг.⁹ Нефть, выходящая на поверхность земли на каспийском побережье возле Баку и в районе Киркука в современном северо-восточном Ираке, была известна всегда; при этом к девятому веку аббасидские учёные перевели технический труд эллинистической эпохи, в котором разъяснялась методика изготовления сифонов: «Пневматика» («Pneumatica») Герона Александрийского. Ни нефть, ни сифоны не могли оставаться тайной для арабов с тех пор, как они были показаны в действии. Применение греческого огня и сифонов флотом Льва Триполитанского засвидетельствовано в рассказе о взятии Фессалоники в 904 г., и возможно, они применялись гораздо раньше¹⁰. Напротив того, пред-

⁹ См. обсуждение в: Dromon, pp. 609—612.

¹⁰ Dromon, p. 612, где цитируется Иоанн Камениат, «О взятии Фессалоники» (De expugnatione Thessalonicae), 34. 7 (рус. пер. А. Р. Наследовой см.: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Kameniata/text.phtml?id=652>).

приимчивые и охотно перенимавшие новшества итальянские морские города-республики, Амальфи, Генуя, Пиза и Венеция, никогда не применяли греческий огонь, что свидетельствует об ограниченности его военного значения, проистекавшей из малой дальности действия и трудностей использования выбрасываемого ими состава.

ДРОМОН

По стандартам своего времени дромон был быстрым и манёвренным кораблём, но эти качества достигались благодаря его малой осадке и лёгкой конструкции. У этого судна был низкий надводный борт, всего в один метр высотой, а потому и слабые мореходные качества: его могли затопить двухметровые волны, нередкие в Средиземноморье даже в тёплые месяцы.

Из-за этого обстоятельства продолжительные переходы через открытое море становились опасны в любое время года, причём зимняя навигация, вероятно, исключалась. Идти на вёслах можно было очень быстро, если говорить о кратких рывках продолжительностью минут в двадцать или около того: можно было набрать скорость в десять узлов, то есть 11,15 уставной мили или 18,5 километра в час — и это могло сослужить добрую службу в сражении. При ходе на вёслах можно было поддерживать крейсерскую скорость до трёх узлов в час на протяжении суток, если грести посменно. Под парусом, при попутном ветре, скорость могла превышать семь узлов, но едва ли возможно было сильно продвинуться вперёд, идя галсами против ветра, если учесть отсутствие надлежащего киля, — но в любом случае из-за низкого надводного борта и наличия отверстий для вёсел дромон мог затонуть при крене в 10 градусов.

Из-за своей длинной и узкой конструкции с малой осадкой, а также из-за того, что палубы нужно было держать свободными, на борту оставалось мало места для припасов, включая воду, которую обычно потребляли в изрядных количествах. Требовалось по меньшей мере полгаллона (больше двух литров) в день на человека, но тяжело работающим гребцам нужно было вдвое больше того. Палубы следовало держать свободными, из-за чего не разрешалось складывать припасы

на палубе в жаркую погоду¹¹. Учитывая неожиданности, которые могли воспоследовать от ветров, течений и действий врага, ни один благоразумный капитан усяака (дромон со 108—110 гребцами, а не какой-то особый тип судна) не мог отчалить от берега, имея на борту менее 650 галлонов воды — а лучше вдвое больше. Поэтому запас воды был решающим фактором длительности пребывания кораблей в море, ограничивая её самое большее десятью днями, а чаще — семью, причём расстояния от одной стоянки до другой уменьшались из-за преимущественного предпочтения, отдаваемого каботажному плаванию в сравнении с более прямыми рейсами через открытое море.

Текст открывается инвентарным перечнем снаряжения (параграф 5), вполне тривиальным и жизненно необходимым, как все перечни инвентаря¹²: «Должны быть запасные рули, вёсла, кольца для вёсел, канаты, доски, фитили, смола, жидкая смола [нафта?] и все необходимые кораблестроительные инструменты, включая топоры, свёрла и пилы».

Затем на сцену выходит греческий огонь, но, что любопытно, не в качестве главного героя: в тексте всего лишь даётся совет относительно того, что неплохо было бы установить бронзовый сифон на носу судна, «дабы метать огонь во врага» (6). Над сифоном должна располагаться площадка с парпетом, с которой подготовленные бойцы могли бы схватиться с врагом [в рукопашном бою], в дополнение к выпускаемым из луков стрелам и другим метательным снарядам [дротикам, снарядам из пращей]. На больших кораблях должны быть боевые башни (а не один только ксилокастрон), с которых бойцы могут запускать большие камни, палицы с острыми шипами или [зажжённые горшки с греческим огнём] (7).

Определяя параметры стандартного дромона для своего флота, Лев уточняет, что в нём должно быть по меньшей мере 25 скамеек для гребцов на каждой стороне обеих палуб, что даёт в совокупности сто человек (8). На каждом военном корабле должен быть капитан, лейтенант, двое рулевых и старшие офицеры, а также помощник капитана.

¹¹ См. расчёты в работе: J. F. Guilmartin. *Gunpowder and Galleys: changing technology and Mediterranean warfare at sea in the sixteenth century* (Порох и галеры: изменение технологии и военно-морского дела в Средиземноморье в шестнадцатом веке; Cambridge: Cambridge University Press, 1975), pp. 62—63.

¹² Теперь есть новое издание этого текста и новый англ. перевод: Dromon (Naumakhia Leontos Basileos («Навмахия» василевса Льва, pp. 485—519), но я им не пользовался.

Один из двух последних гребцов на корме отвечает за насос, другой — за якорь. Должен быть один вооружённый офицер на носу, ведущий сражение, тогда как капитану, командующему также вооружёнными силами, надлежит оставаться на корме, где он будет виден всем на борту, но укрыт от стрел. Оттуда он может командовать и сражением, и манёврами корабля.

Можно построить и более просторные корабли на 200 человек и даже больше, с 50 гребцами на нижней палубе и 150 вооружёнными воинами для сражения, хотя предположительно часть из них также составляют гребцы (10). Меньшие, очень быстрые военные корабли с одним рядом вёсел используются для разведки и вообще в тех случаях, когда необходима скорость.

Вспомогательные суда должны быть приспособлены для перевозки грузов и лошадей (11). Для этого нужны были особые технические устройства: подъёмники, подбрюшные ремни, предотвращающие травмы при трудных переходах, перевязки, оливковое масло, которое добавляли в корм, — всё это было к тому времени очень древней технологией, поскольку особые транспортные суда для перевозки лошадей (гиппагогос, гиппегос) засвидетельствованы с 430 г. до н.э.¹³ В целом транспортные суда должны перевозить все материалы, необходимые для войны, чтобы не перегружать военные суда. Они должны доставлять съестные припасы, оружие (особенно запасные стрелы) и другие необходимые вещи.

Вспомогательные суда должны быть оснащены не только для навигации, но также луками, стрелами и всем, что необходимо для войны (13). Гребцы на верхнем ярусе должны быть вооружены до зубов щитами, длинными копьями, луками, различными видами стрел, мечами, дротиками, шлемами и панцирями; им нужны металлические шлемы, щитки для рук и нагрудный доспех, как будто они находятся на поле боя. Те, у кого нет металлических доспехов, могут изготовить их для себя из двойной проваренной шкуры: укрываясь за первым рядом бойцов, они должны пускать стрелы и камни из пращей. Но им не следует утомляться: скорее они должны время от времени отдыхать, ибо в противном случае враг нападёт на усталых бойцов и разгромит их. Сарацины (арабы-мусульмане) сначала сопротивляются нападе-

¹³ Lionel Casson. *Ships and Seamanship in the Ancient World* (Корабли и искусство мореплавания в Древнем мире; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995), p. 93.

нию (15). Затем, увидев, что противник выбился из сил и испытывает нехватку оружия, стрел, камней или чего-либо другого, они нагледят и тесными рядами, с мечами и копьями, стремительно идут в атаку.

Как командир ты должен бдительно следить за тем, чтобы люди не испытывали нехватки в съестных припасах и во всём необходимом. Благодаря этому не случится так, что во время лишений они взбунтуются или пустятся грабить города и сёла, находящиеся под нашим правлением. По возможности разоряй земли врага и собирай как можно больше продовольствия для своих людей. Прикажи своим офицерам обеспечить такой порядок, чтобы ни один человек под твоим командованием не подвергся несправедливому обращению; не принимай подарков, даже самых обычных. Что можно будет сказать о твоём достоинстве, если ты думаешь о подарках? Ни под каким видом не принимай подарков от тех, кто служит под твоим командованием, будь они богаты или бедны.

Из главы 22 мы узнаём, что существовал императорский, или константинопольский флот, а также фемные флоты: подчинённые тебе командиры будут получать приказы от тебя — это касается императорского флота. Друнгарии (командующие фемой Киверриотов и другими приморскими фемами) будут отвечать за фемные флоты, но получать приказы они будут от того же главнокомандующего. Лев напоминает о том, что некогда друнгарии отвечали лишь за вспомогательные суда, но теперь это ранг командира целой фемы (24).

В лучших римских традициях автор настаивает на необходимости тщательных воинских упражнений для моряков, со щитами и копьями; нужно также проводить учения судов, чередуя боевые построения, тесные формирования и лобовые атаки (25). Им нужно упражняться во всех видах боя, которые, по твоему мнению, может применить враг, а также привыкать к крикам и шуму битвы, чтобы они были подготовлены к этому.

При разбивке лагеря (как отмечалось выше, экипажи должны спать на берегу, чтобы отдохнуть как следует), если это происходит на землях, принадлежащих империи, проследи за тем, чтобы люди отдыхали в порядке, не боясь врага и не трогая того, что принадлежит местному населению.

Следующая глава повторяет совет, содержащийся в каждом византийском руководстве по военному делу: избегай битвы. Врага нужно атаковать лучше при помощи набегов или вторжений под руководс-

твою команду, чем при помощи целого флота или большей его части, если только к этому не вынуждает настоятельная необходимость. Избегай стычек, которые могут перерасти в крупное сражение: удача переменчива, и война полна неожиданностей. Поэтому не поддавайся на провокации. Когда корабли сошлись слишком близко, битвы скорее всего не избежать. Тебе нужно следить за всем этим, если только ты не уверен в том, что превосходишь врага числом кораблей, оружием, храбростью и боеготовностью людей.

Если ход битвы потребует этого, разворачивай суда в открытом порядке в отдельных местах (35). Если ты убеждён, что твои войска превосходят врага и потому рвутся в бой, не нападай на него на своей земле: лучше выбери место поблизости от вражеской территории, чтобы противник, уверенный в своей безопасности, предпочёл бежать в свою землю, а не сражаться¹⁴. Каждый воин боится перед началом битвы, и, надеясь спастись бегством, он не задумываясь бросает своё оружие: ведь и у ромеев, и у варваров лишь немногие предпочитают смерть недостойному и постыдному бегству.

За день до битвы тебе нужно вместе с командирами решить, какой линии поведения ты будешь следовать, а также избрать стратегию, которая покажется тебе наилучшей; проследи за тем, чтобы капитаны кораблей верно исполняли твои приказы (36). Если же вследствие нападения врага возникнет иной план, то все будут смотреть на твой корабль и пребывать в готовности получить любой сигнал, который потребуются: по сигналу все будут стараться исполнить то, о чём он извещает.

У тебя должен быть лучший корабль, превосходящий все остальные размерами, подвижностью и прочностью, укомплектованный лучшими бойцами; поэтому он будет возглавлять весь военный флот. Для себя ты должен раздобыть корабль той разновидности, которую греки называют памфил (в разные эпохи дромон был меньше или больше по размерам) (37). Точно так же твои командиры пусть отберут себе лучших людей на свои корабли, чтобы превосходить остальных (38). Все они, как и все другие на флоте, должны следить за твоим кораблём во время битвы и принимать твои приказы, чтобы по ним исполнить общий план.

На твоём корабле, высоко на палубе, нужно разместить сигнальное устройство с флагом, факелом или любым другим приспособлением

¹⁴ Аналог «золотых мостов», которые Клаузевиц проклинал за то, что они делают войну в конечном счёте ещё более разрушительной.

для передачи необходимых сообщений, чтобы другие могли принимать команды о задуманном тобой перемещении, о решении сражаться или уклониться от битвы, о том, надлежит ли флоту развернуться, чтобы искать встречи с врагом, или поспешить на помощь атакованному гарнизону, или же необходимо снизить либо повысить скорость, расположить засады или избежать их, чтобы все сигналы с твоего корабля исполнялись (39). Всё вышесказанное необходимо, потому что, когда начнётся битва, невозможно принимать команды, подаваемые голосом или трубой, поскольку крики людей, шум моря и грохот сталкивающихся кораблей заглушают всё (40).

Сигнал можно подавать вертикально, наклоном вправо или влево, покачиванием из стороны в сторону, подъёмом, спуском или сменой конфигураций и цветов. Добейся того, чтобы все эти сигналы были хорошо знакомы всем, дабы командиры под твоим начальством и все капитаны кораблей твёрдо знали их, дабы все понимали их одинаково в одно и то же время и, хорошо натренировавшись в этом, были готовы распознать их и исполнить то, что им приказывают (42).

Затем автор переходит к тактике: нужно построить флот в виде растущего полумесяца, расставив военные корабли на каждом из рогов строя, чтобы самые сильные и быстрые корабли находились в центре полумесяца. Твой флагманский корабль должен следить за всем, отдавать приказы, руководить действиями; нужны также подкрепления, которые ты сможешь послать для поддержки той или иной части строя. Построение в виде полумесяца чрезвычайно эффективно в том случае, если нужно окружить врага (44).

Иногда ты сможешь выстроить флот в линию, чтобы атаковать вражеские корабли с носа и поджечь их греческим огнём из сифонов (45). Иногда флот нужно будет построить в два или три ряда, в зависимости от числа имеющихся у тебя боевых кораблей: после того как первый ряд втянет врага в сражение, второй ряд атакует сбившееся теснее построение неприятеля с флангов или с тыла, так что противник не сможет выстоять против атаки первого ряда (46). Иногда применяются стратегемы. Когда враги атакуют, видя, что наш флот мал, быстрые и подвижные суда могут притвориться, что пустились в бегство; враг станет преследовать их на максимальной скорости, не будучи в состоянии догнать их, и тогда другие боевые корабли со свежими экипажами нападут на врага и захватят его — или, если самым тренированным и сильным кораблям удастся ускользнуть, взяты бу-

дут более слабые и не столь тренированные. Затем, до самой ночи, — битва с врагом, построенным тесными рядами, пока другие свежие корабли, сильные и боеспособные, не присоединятся к битве в полную силу (47). Это можно делать, если ты сильно превосходишь врага численностью и боеспособностью.

Далее следует совет относительно того, когда приходится воевать, не обладая численным и качественным превосходством — таково было обычное положение византийцев на море в то время, когда писался этот труд, потому что мусульманский флот, ведущий джихад, полностью поддерживался за счет налоговых поступлений и пожертвований с обширных территорий, перешедших под власть мусульман.

Иногда, симулируя бегство на быстрых кораблях, ты спровоцируешь врага на преследование своих кораблей, показав им корму. Увлечённые погоней, они нарушат свой строй. Тогда нужно лечь на обратный курс и атаковать врага, растянувшегося цепью, имея два-три своих корабля против каждого вражеского, и так ты победишь без особого труда (48).

Вступать в морское сражение с врагом нужно, когда он потерпел кораблекрушение (и предположительно производит ремонт на берегу) или ослаблен бурей, либо в том случае, если его корабли можно поджечь ночью; атаковать нужно, когда враги сошли на берег, или же при любых благоприятных обстоятельствах (49).

Во всём вышесказанном предполагается, что при нормальных условиях не следует вступать в битву: обычный византийский совет, учитывающий недостижимость подлинно решающих сражений.

Боевая техника, то есть «средства поражения», говоря по-современному, рассматриваются в нескольких следующих пассажах:

Есть много средств уничтожения боевых кораблей и моряков, изобретённых знатоками военной науки в давнем и недавнем прошлом. К числу последних относится огонь, выбрасываемый из сифонов и сжигающий корабли пламенем и дымом... (51)

Лучники на носу и на корме с обеих сторон могут пускать маленькие стрелы, известные под названием «мыши» [аналог «мух», миес, обсуждавшихся выше].

Некоторые держат в сосудах и выпускают на вражеские корабли ядовитых тварей — змей, скорпионов и других опасных животных, которые кусаются, если до них дотронуться, и своим ядом убивают врагов... (53)

Другие метают горшки с негашёной известью: разбиваясь, они выпускают пыль [в действительности газ], удушающий врага... (54)

Железные шары, утыканные шипами, когда их метают на вражеские корабли, причиняют противнику немало хлопот, становясь серьёзной помехой дальнейшему сражению (55).

Прежде всего мы приказываем, чтобы горшки, уже наполненные воспламенённым греческим огнём, были запущены во вражеские корабли, потому что, разбившись, они станут причиной пожара (56).

Нужно применять также ручные сифоны, которые бойцы могут прятать за своими бронзовыми щитами; уже наполненные огнём, они могут быть разряжены во врага (57).

При помощи подъёмников можно обрушивать тяжести, жидкую горящую смолу и другие вещества на вражеские корабли, находящиеся вплотную к твоим боевым кораблям, после того как они будут протаранены (59).

Ты уничтожишь весь вражеский флот, если подведёшь свои корабли вплотную ко вражеским, а затем прикажешь другим нашим кораблям подойти и протаранить их с другой стороны; наши корабли должны медленно отойти, и тогда вследствие таранной атаки вражеские корабли могут быть затоплены. Будь осторожен: как бы того же самого не случилось с тобой. Кроме того, гребцы на нижней палубе должны метать длинные копья (или колоть ими?) через отверстия для вёсел (60).

Кроме того, ещё более необходимо, чтобы боевые корабли оснащались надлежащими устройствами, позволяющими затопить вражеские суда водой с нижнего ряда гребцов (61).

Возможно, последнее замечание относится к насосам или даже к сифонам, предназначенным для того, чтобы закачивать воду во вражеские корабли.

Следующий пассаж весьма любопытен, потому что он верно предвосхищает то, что действительно произошло впоследствии:

Есть и другие военные стратегии, изобретённые древними, которые трудно описать из-за их сложности; а здесь лучше совсем не упоминать их, чтобы о них не узнал враг, который может использовать их против нас. Когда военные хитрости становятся известны, враг без труда может раскусить их и разработать далее (62).

И действительно, этот текст был переведён на арабский язык¹⁵. Закончив разговор о больших кораблях, Лев VI переходит к теме необходимости в меньших судах:

Нужны также меньшие и более быстрые боевые корабли, способные захватить преследующих их врагов, в то время как сами эти корабли невозможно ни захватить, ни атаковать. Эти корабли нужно держать в резерве для особых ситуаций. Тебе нужно снарядить большие и малые корабли в зависимости от того, с каким врагом ты сражаешься. Флоты сарацин и скифов [руси, славян] отличаются друг от друга: сарацины охотнее используют большие и медленные военные суда, тогда как скифы применяют лёгкие, малые и быстрые корабли. Ведь они добираются до Чёрного моря, спускаясь по рекам, поэтому не могут пользоваться слишком большими судами... (67)

Далее следует тема управления личным составом, особенно важная, поскольку вполне могла случиться нехватка и моряков, и морских пехотинцев, и даже целых корабельных экипажей, при том что арабы-мусульмане также испытывали острую нужду в моряках и морских пехотинцах, а также в средствах их вознаграждения:

По окончании войны ты должен справедливо распределить добычу, устроить угощения, трапезы и пиршества; тебе нужно отличить наградами и почестями тех, кто вёл себя геройски, и строго наказать тех, кто вёл себя недостойно воина (68).

В заключение опять подчёркивается значение «человеческого фактора»:

Множество кораблей будет бесполезно, если у членов их экипажей не будет храбрости, даже если враг немногочислен, но отважен. Война не измеряется количеством людей. Сколько вреда несколько волков смогут причинить многочисленной отаре овец! (69)

¹⁵ V.(assilios) Christides. V. 1984, Naval warfare in the Eastern Mediterranean (6th—14th centuries): an Arabic translation of Leo VI's Naumachica (Военно-морское дело в восточном Средиземноморье (VI—XIV вв.): арабский перевод «Навмахики» Льва VI), Graeco-Arabica 3: pp. 137—148.

ВОЕННО-МОРСКИЕ СИЛЫ В ВИЗАНТИЙСКОЙ СТРАТЕГИИ

На суше даже самых тренированных бойцов, применяющих наилучшие тактические приёмы, может растоптать простая толпа вооружённых людей, если она достаточно многочисленна. Не так обстоит дело на море, где ни один военный корабль вообще не может действовать без необходимого минимума тренированных членов экипажа и где хорошо обученный флот может возыметь преимущество над любым числом неспособных к действиям или плохо снаряжённых вражеских бойцов.

Поэтому качественное превосходство флота империи было чревато более серьёзными последствиями, чем в случае сухопутных сил: оба рода войск могли качественно превосходить противника, но лишь в случае военно-морского флота это относительное превосходство могло обернуться полным уничтожением вражеского флота. Это было тем более верно потому, что внутренние земли империи, главным образом Анатолия и Балканы (после потери Египта), были куда менее важны экономически и политически, чем приморские равнины и города, включая, конечно, Константинополь, большие острова — Крит, Кипр и Сицилию, многочисленные малые острова Эгейского моря, а также гористые полуострова, подступ к которым был затруднён со всех сторон, кроме моря.

Кроме того, путешествия по суше, по прибрежным равнинам, были бесконечно долгими: как из-за изгибов и поворотов береговой линии с бухтами, заливами и бухточками, так и потому, что даже прямые расстояния были громадны — в шестом веке, когда завоевания Юстиниана расширили изначально доставшуюся империи долю южного побережья Средиземного моря за Кирену (ныне восточная Ливия) вплоть до Тингиса (Танжера), тем самым охватив всё североафриканское побережье, на преодоление более четырёх тысяч километров понадобилось бы около трёх месяцев, причём было бы убийственно дорого или просто невозможно перевезти на такое расстояние товары на повозке или на вьючных мулах. За исключением благовоний, пряностей, драгоценных камней и прочей «экзотики» любая торговля, кроме самой локальной, неизбежно шла морем — а для того, чтобы мореплавание протекало в условиях разумной безопасности, нужен был военно-морской флот.

Но безопасность — это такое удобство, которого на море никогда не было. В 960 г. Крит был отвоёван у мусульман будущим императором Ни-

кифором Фокой, но две прежние экспедиции, в 911 г. (возможно, сначала в Сирию) и в 949 г., потерпели поражение. Случилось так, что списки участников этих кампаний сохранились как приложение к компиляции, ныне известной как трактат Константина Багрянородного «О церемониях» (“De cerimoniis”), и они дают некоторое представление о том, на что была способна империя в те времена, собирая экспедиционную армию¹⁶:

В 911 г.:

Имперский флот: 12 000 моряков и морских пехотинцев + 700 наёмных гвардейцев-русов («варягов»)

Стратиг фемы Киверриотов должен прислать: 5600 моряков и морских пехотинцев + 1000 резервистов

Стратиг Самоса должен прислать: 4000 + 1000 резервистов

Стратиг Эгейских островов должен прислать: 3000 + 1000 резервистов

Всего моряков, морских пехотинцев и резервистов: 28 300

Императорские суда: 60 дромонов с 230 гребцами и 70 морскими пехотинцами на каждом; 20 больших по размерам памфил со 160 гребцами на каждом, 20 меньших памфил со 130 гребцами на каждом¹⁷

Фемные корабли Киверриотов: 15 дромонов, как выше; 6 больших и 10 меньших памфил

Корабли фемы Самос: 10 дромонов, как выше; 4 больших и 8 меньших памфил

Корабли фемы Эгейских островов: 7 дромонов, 3 больших и 4 меньшие памфилы

Из фемы Эллада: 10 дромонов, как выше

Войско мардаитов: 4087 офицеров и бойцов, 1000 вспомогательных бойцов

Стратиг Киверриотов и катэпан (командующий рангом ниже) мардаитов должны послать разведывательные суда для наблюдения за сирийскими портами, чтобы определить, не готовится ли какой-нибудь

¹⁶ Взято из работы: *John F. Haldon*, “Theory and Practice in Tenth-Century Military Administration: chapters II, 44 и 45 and of the Book of Ceremonies” («Теория и практика в военной администрации десятого века: главы II. 44 и 45 “Книги церемоний”»), ТМ, № 13 (2000), и из другой версии этой работы: *Dromon*, Appendix 4, pp.547—570.

¹⁷ Терминология для разных типов судов была неустойчивой: см. *Dromon*, pp. 188—192.

флот отплыть оттуда (он мог бы контратаковать экспедицию или создать угрозу владениям империи в другом месте).

Фема Фракии должна поставить 20 00 модиев ячменя (использовавшегося также в качестве корма для лошадей), 40 000 модиев пшеницы и сухарей, 30 000 модиев вина и 10 000 животных (овец?) на убой, а также другие припасы.

Для экспедиции 949 г. есть другой список кораблей и экипажей, где имеются, однако, также и подробные сведения о снаряжении каждого дромона, отсутствующие в перечне от 911 г.:

70 клибаниев (панцирей без рукавов — пластинчатых нагрудных панцирей)

12 лорикиев (более лёгких нательных доспехов) для рулевых и для людей, обслуживавших сифоны с греческим огнём

10 других лорикиев

80 шлемов (что предполагает наличие на борту 80 морских пехотинцев)

10 шлемов с забралами (для офицеров?)

8 пар трубчатых щитков для рук (поручи) для обслуживающих сифоны (?);

100 мечей

70 лёгких щитов из ткани

30 металлических щитов (скутария людиятика)¹⁸

80 копий-трезубцев

20 длинных, лёгких такелажных ножей (лонходрепана)

100 пик (менавлиев)

100 метательных копий, дротиков (риктариев)

50 составных «ромейских» луков

20 арбалетов

10 000 стрел (это «императорские» стрелы в резерве, в придачу к индивидуальным комплектам; для всей экспедиции было закуплено 240 000 стрел)

200 коротких стрел («мышей»/«мух»; число слишком ничтожно: 20 000 имело бы смысл): они использовались для стрельбы с дальних дистанций

10 000 «головок чеснока» (заградительного оружия из шипов)

4 якоря с цепями

50 накидок (эпилорика) для защиты луков от влажной погоды

¹⁸ В переводе Колиаса (Kolias): *lydischen Waffenproduktion* (оружие лидийского производства), р. 95; характерно, что ничего больше об этом «щите» (*Schild*) не известно.

50 сигнальных флажков (камилавки)

Снаряжение (шкворни, штанги, цепи...) для артиллерии: 12 тетрарий, ламбдарии и манганики

Гораздо больше пунктов содержится в перечне инвентаря для экспедиции 949 г., включая «столько кожаных щитов, сколько Бог позволит священному василевсу собрать»¹⁹, боевые топоры, как двулезвийные, так и однолезвийные (для метания), пращи, сифоны для греческого огня, а также обработанные материалы: свинцовые пластины, шкуры, гвозди, рулоны сукна, и необработанные сырые материалы для срочного ремонта: бронза, олово, свинец, железо, воск, парусина, конопля, канаты, а также инструменты для их обработки: ломы, кузнечные молоты, мотыги, шкворни и клинья, крепёж, жаровни, кольца, хомуты, скобы и многое другое... всё в оговоренных количествах... Перечисляется также сумма денег за каждую статью: очевидно, в императорском дворце были административные службы, понимавшие толк в технике, которые и составляли исчерпывающие инвентарные перечни, а также достаточно хорошо разбиравшиеся в финансах, чтобы знать, что сколько стоит: например, 88 номисм (72 номисмы в фунте золота) за 122 бычьих шкуры или 5 номисм за покупку 385 вёсел...

Византийский военный флот, состоявший из галер и воинов на борту, в течение веков знал периоды роста и упадка, следуя хорошо известному циклу: воцарившаяся безопасность на море, из-за которой его дорогостоящее содержание начинало казаться ненужным, сменялось разорительным нашествием врагов-мореплавателей, за которым, в свою очередь, следовали судорожные попытки построить галеры, вооружить их и укомплектовать личным составом. Но вплоть до политического крушения конца двенадцатого века, за которым последовало взятие Константинополя латинянами в 1204 г., византийский военный флот, несмотря на проходимые им циклы подъёма и спада, всегда оставался достаточно сильным, когда в нём возникала наибольшая нужда. В ходе великого кризиса 626 г., когда сасанидские войска Хосрова II уже завоевали весь Левант и Египет и угрожали Константинополю с азиатского берега, авары, осаждавшие великую Феодосиеву стену с европейской стороны, послали покорённых ими славян с их удобными лодками в Золотой Рог, чтобы они атаковали приморскую стену, а также добрались до азиатской стороны пролива и перепра-

¹⁹ Там же, начиная с р. 554.

вили сасанидские войска, дабы те присоединились к осаде Феодосиевой стены. Согласно Феофану, славяне на своих моноксилах (однодеревках)²⁰ «приплыли с Истра [Дуная] на бесчисленном множестве выдолбленных ладей и наполнили весь залив Кератский [Золотой Рог]»²¹.

На их стороне была численность, но не качество. Лодки и те, кто в них находился, были уничтожены таранами и лучниками византийских галер. Согласно армянскому историку Себеосу:

Персидский царь... приказал своему войску переправиться на кораблях в Византий. Снарядив [корабли], он стал готовиться к морской битве с Византием. Боевые суда вышли из Византия, чтобы преградить ему путь, и состоялась морская битва, из которой персидское войско с позором отступило. Они потеряли 4000 человек вместе с кораблями²².

Себеос не был знатоком военно-морского дела, да и персы не были слишком уж опытными мореплавателями. Любые настоящие суда, в противоположность местным лодкам или славянским моноксилам, были, видимо, мобилизованы на войну из множества портов в Леванте и в Анатолии, к тому времени захваченных персами; однако неизвестно, можно ли было вообще их мобилизовать и в каком количестве. Едва ли персы построили суда в Мраморном море и оттуда атаковали, так сказать, прямо с ходу. В «Пасхальной хронике» под 626 г. сообщается об участии славян:

...их [славян] лодки-однодеревки не смогли обмануть нашу стражу и переправиться к персам и были потоплены. Все славяне, которые были на однодеревках, были сброшены в море или перебиты. И армяне вышли из-за Влахернской стены и подожгли притвор находившегося там храма св. Николая. Славяне, бежавшие с однодеревек, думая, судя по пожару, что это сделали авары, стоявшие лагерем у моря, пришли сюда и здесь были перебиты [армянами]²³.

²⁰ = «однодеревки». Но это не были долблёнки из цельного ствола, которые было бы слишком тяжело перетаскивать на руках, в данном случае до Золотого Рога: у них был выдолбленный киль и нижнее основание корпуса с дощатыми надстройками над бортами.

²¹ Феофан. № 316, АМ 6117; рус. пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, цит. по: Феофан/Оболенский-Терновский; англ. пер.: р. 447.

²² Sebeos. Vol. I, p. 79.

²³ Индикт 14, год 16; год 626; рус. пер.: Вестник древней истории, 1941, № 1, с. 230, здесь цит. по: http://www.adfontes.veles.lv/viz_slav/paschale.htm; англ. пер.: Michael

За четыре года, начиная с 674 г., когда нападения арабов с суши и с моря достигли своей высшей точки, в то время, когда Левант был полностью потерян, часть Анатолии была оккупирована, а ещё большая часть её — разорена набегами, флот Константина IV (668—685 гг.) одержал великую победу в 678 г. Согласно Феофану, Константин хорошо подготовился к этому сражению:

В это время отвержники Христа, соорудивши великий флот... Константин, узнавши о движении богоборцев против Константинополя, и сам устроил двухпалубные огромные корабли с горшками огненосными, и быстрые корабли с огненными сифонами, и приказал им напасть на неприятеля в... пристани при Кесарии [на стороне Пропонтиды, Мраморного моря]²⁴.

Сложившееся вследствие этого тактическое превосходство византийского военного флота не предотвратило затяжной и весьма разорительной осады, но оно внесло немалый вклад в окончательный разгром мусульманского нашествия.

С седьмого века по двенадцатый флот империи раз за разом спасал положение. Он выступал в качестве «бога из машины» (*deus ex machina*), который являлся со своих баз, укрытых морскими стенами и расположенных в Золотом Роге и со стороны Пропонтиды (Мраморного моря), чтобы атаковать суда интервентов.

Порою вражеские корабли могли сравняться с византийскими по своим индивидуальным качествам: когда арабы впервые напали на Константинополь, экипажи их судов состояли в основном из христиан Леванта и Киликии, в том числе и из прежних моряков империи. Но даже хорошо построенные и хорошо укомплектованные боевые корабли врага спасовали перед манёврами византийского флота, которым они не могли ни противостоять, ни подражать. Эти навыки были важнее греческого огня, хотя и он оказался полезен, и они сохранились даже после того как арабы овладели его секретами.

Whitby and Mary Whitby. Chronicon Paschale 284—628 AD (Пасхальная хроника, 284—628 гг.; Liverpool: Liverpool University Press, 1989), p. 178.

²⁴ Феофан. № 353, АМ 6164; рус. пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, цит. по: Феофан/Оболенский-Терновский; англ. пер.: p. 493.

ГЛАВА 14

ВОЕННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ДЕСЯТОГО ВЕКА

По прошествии веков, проведённых в наибольшей части в обороне, с середины десятого века Византийская империя начала ряд наступательных действий против мусульман на юго-восточных фронтах и против болгар — на северном фронте, следствием чего стало приобретение обширных территорий и на Балканах, и в Леванте. Ещё до того как стать императором, Никифор II Фока (963—969 гг.) был главным действующим лицом этого стратегического преобразования, которое продолжалось при его убийце и преемнике Иоанне Цимисхии (969—976 гг.) и достигло своей высшей точки при Василии II (976—1025 гг.), расширившем империю во всех направлениях и полностью разгромившем болгар, снова проведя благодаря этому границу по Дунаю.

Так или иначе, имя Никифора II Фоки связывалось с рядом руководств по военному делу, которые скорее дополняют, чем повторяют друг друга, и содержат множество мудрых советов¹. Особенно интересны они тем, что между делом в них сообщаются сведения о самых разных предметах,

¹ Согласно Эрику Мак-Гиру (McGeer), император сделал ещё больше: «Никифор Фока составил “Военные предписания”, его заметки легли в основу сочинения “О стычках” (*De velitatione*), а его призыв создать трактат о кампаниях на Западе вдохновил автора труда “О военном деле” (*De re militari*)»: McGeer 1995, p. 178.

начиная с византийского оружия и заканчивая повседневной жизнью на границе, служившей ареной стычек с воинами джихада.

Составление руководств по военному делу, древних или современных, может отражать любое сочетание довольно различных целей, как мне довелось убедиться по личному опыту: очертить моральный контекст войны, примером чему служит Онасандр: справиться с хаосом и сумятицей войны посредством чётко организованного строя, состоящего из колонн и шеренг, совершенным образом устроенного лагеря и т. д., примеры чему подают Гигин Громатик и Арриан; и дать сведения о техниках, которые могли быть действительно использованы в битве, — именно такова была, видимо, цель обсуждаемых ниже руководств, написанных в десятом веке².

Несмотря на свою сугубо практическую направленность, эти сочинения появились в особой культурной традиции, самым значительным и, возможно, самым учёным представителем которой был Константин VII Багрянородный. В его тексте, который производит впечатление весьма личного, мы застаём его в процессе работы. Он берётся написать для своего сына Романа памятку под заглавием «Что следует соблюдать, когда всевысочайший василевс ромеев отправляется на военную кампанию»:

Об этом говорили в прошлом, многие рассуждали об этом вплоть до нынешнего дня, но записей об этом не осталось, что, по нашему мнению, несправедливо и нехорошо... проведя множество исследований, но не найдя в дворцовом хранилище ни одного документа, мы наконец обнаружили один, в котором шла речь о подобных темах, из монастыря на Сигриане, где магистр Лев по имени Катакил вёл монашескую жизнь. Этот магистр написал на эти темы по велению [императора] Льва...

Но, поскольку магистр не был сведущ в эллинской учености, в его книге содержится много варваризмов, солецизмов и синтаксических погрешностей... тем не менее она достойна похвалы и точна... [по своему содержанию] Поскольку мы обнаружили, что этот труд составлен небрежно... и

² См.: Tradition et modernité dans le corpus de tacticiens (Традиция и новшества в корпусе тактиков), в: Gilbert Dagron. Haralambie Mihăescu, Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963—969) (Трактат о герилье (De velitatione) императора Никифора Фоки (963—969 гг.); Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1986). Здесь и далее: Dagron-Mihăescu, начиная с p. 139.

материал изложен в нём нечётко, словно следы призрака, если можно так выразиться... мы написали об этом для тебя, чтобы оставить тебе завещание в качестве памятки и руководства³.

Сам по себе этот документ ценен из-за тех побочных сведений, которые в нём содержатся, особенно о логистике, но в нём описывается скорее путь империи к надёжной победе, а не настоящая военная экспедиция; как мог бы сказать фон Мольтке, тактического значения он не имел. Зато непреходящее значение заключалось в практике составления учебных документов, их издания и сохранения: благодаря этой практике мы можем теперь прочесть эти три руководства. Не все они свободны от варваризмов и солецизмов, так беспокоивших Константи-на, зато в них содержится немало реалистичных советов.

“DE VELITATIONE” («О СТЫЧКАХ»)

Византийско-арабские пограничные земли в восточной Анатолии были географической ареной сочинения, недавно опубликованного под заглавием «Трактат о герилье» (“*Traité sur le guerilla*”), но традиционно известного как «[Сочинение] Никифора Августа о военных стычках» (“*De velitatione bellica Nicephori Augusti*”), теперь переведённого на английский как «О стычках, государя императора Никифора» (“*Skirmishing by the Emperor Lord Nikephoros*”)⁴.

³ *John F. Haldon. Constantine Porphyrogenitus' Three Treatises on Imperial Military Expeditions: introduction, edition, translation and commentary* (Три трактата Константина Багрянородного о военных экспедициях империи: введение, издание, перевод и комментарии; Vienna: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaft, 1990), pp. 95—97. Реконструкция процесса издания, проведённая Хэлдоном (p. 53), вполне убедительна.

⁴ Изд. George T. Dennis в: *Three Byzantine Military Treatises* (Три византийских военных трактата; Washington DC: Dumbarton Oaks, 1985). Упомянув этот труд, Dain-Foucault (p. 369) приходит к следующему выводу: “Il mériterait une traduction et un commentaire” («Он заслуживал бы перевода и комментария»). Дэннис (Dennis) надлежащим образом обеспечил перевод; Дагрон и Михаэску (Dagron, Mihăescu) добавили подробный комментарий к своему вновь изданному тексту.

Это в значительной степени оригинальный труд об оперативном методе и тактике военной защиты границы с арабами-мусульманами, ничем не обязанный книжному знанию, насыщенный настоящим боевым опытом — автор сообщает именно о нём, и мы можем всецело доверять ему.

С точки зрения вероучительной вся территория Византийской империи при исламе считалась «дар ал-харб», «страной войны», в которой небольшие набеги, предпринимаемые на свой страх и риск и ослабляющие неверных, были столь же религиозно законны, как и добровольное участие в войнах, затеянных халифами и вельможами — и то, и другое в равной степени было джихадом и могло принести либо славу, либо по крайней мере уважение на земле, либо счастливое мученичество. В то же время набеги стали на границе ремеслом, разумеется, опасным, но, несомненно, прибыльным — или, во всяком случае, не столь трудоёмким, как земледелие и скотоводство⁵. Хотя в действительности это тоже были опасные занятия из-за византийских набегов.

На границе были свои религии: ислам, в центре которого стоял джихад (существовал постоянный приток новообращённых туркоман, которые, возможно, ещё мало знали о своей новой вере), а также то, что хочется назвать византийским крестоносным движением, ещё задолго до Первого крестового похода. На границе была и своя литература, образцом которой служит эпическая поэма или роман в стихах о Дигенисе Акрите, одно из многочисленных акритских (от акра = граница) сочинений, с которыми по другую сторону рубежа состязались бедуинские стихи о набегах, со временем положившие начало турецким балладам; некоторые из них ещё можно услышать в музыкальных кафе на улице Истиклаль в Стамбуле в виде цикла народных песен о Болу-бее⁶.

Что же касается военной культуры приграничных земель, то главная цель, о которой заявляет автор сочинения «О стычках» (*“De velitatione”*), состояла в том, чтобы сохранить её на тот случай, если в будущем она понадобится, в то время, когда в ней, к счастью, не было нужды:

⁵ Обзор: *Ralph-Johannes Lilie. The Byzantine-Arab Borderland from the Seventh to the Ninth Century* (Византийско-арабская граница с седьмого по девятый век), в книге: *Florin Curta* (ред.). *Borders, Barriers, and Ethnogenesis: Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages* (Границы, барьеры и этногенез: границы в поздней античности и в Средние века; Turnhout: Brepols, 2005).

⁶ *Clinton Bailey. Bedouin Poetry from Sinai and the Negev* (Бедуинская поэзия из Синая и Негева; Oxford: Clarendon Press, 1991), включая современную бедуинскую поэзию, начиная с р. 253.

...Христос ослабил могущество и силу наших врагов, потомков Измаила, и прекратил их набеги: однако мы долгом почли предать его [этот метод] потомству, во-первых, для того, чтобы от времени он не пришел в неизвестность и забвение и чрез то не истребилась польза его, во-вторых, для того, чтобы, в случае нужды или когда время будет требовать, он мог быть надежным, так сказать, помощником христианам, всему государству нашему и употребляющим его полководцам⁷.

Есть особый метод, и наш автор пишет, что обучили его «сами изобретатели сего способа» — имеется в виду Варда Фока, domestik схол, то есть командующий армией, и трое его сыновей: Константин, умерший в плену в 953 г., Лев, выигравший несколько крупных сражений, а также тот, который стал императором Никифором II (963—969 гг.), и племянник, убийца и преемник последнего, Иоанн Цимисхий (969—976 гг.).

В трактате «О стычках» (“*De velitatione*”) ставится следующая цель: добиться многого малым числом, посредством рейдов, производимых относительно малыми силами, мощь которых возрастает, когда удаётся захватить врага врасплох, — то есть добиться временного бездействия неподготовленного врага. Неожиданность меняет баланс сил, потому что, пока она налицо и в той мере, в какой она существует, враг превращается просто в неодушевлённый предмет, не способный реагировать; тогда очень легко атаковать успешно. Кроме того, если неожиданность можно использовать для того, чтобы уменьшить численность противника и выбить его с занятой позиции, возврат к прежнему балансу сил уже невозможен даже после того как неожиданность перестанет быть таковой.

Рейды — обычный способ застать врага врасплох, а его оборонительным эквивалентом выступает засада: она тоже неожиданна и приводит к приостановке всего непредсказуемого хода войны, в которой всё столь сложно и опасно из-за реакции противника.

Поскольку невозможно охранять каждый участок границы, основное отдаётся надзору за горными проходами, дабы обнаружить вторжение как можно раньше. В высоких и скалистых горах сторожевые пос-

⁷ Рус. пер. Д. Попова (с некоторыми изменениями): «О сшибках с неприятелями сочинение государя Никифора» // История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / СПб.: Типография ИАН, 1820, с. 113, цит. по: http://www.xlegio.ru/sources/anonimi/de_velitatione_bellica.htm; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 147.

ты должны отстоять друг от друга на три-четыре мили⁸. Византийцы, как и римляне до них, могли подавать сигналы огнём ночью и дымом — днём, но предупреждающие сведения лучше держать в тайне, чтобы вторгшиеся враги не знали, что их обнаружили, так что рекомендуется «эстафета»: «Первая стража, увидев выходящих неприятелей, должна немедленно бежать ко второй с известием, а сия со всей скоростью к третьей и так далее по порядку». «Эстафета» продолжается до тех пор, пока она не дойдёт до конницы, «стоящей на ровных местах», которая должна уже донести полководцу.

Мы можем предположить, что часовые — это фемные воины, которых призывают на краткий срок, сменами по пятнадцать дней; офицерам советуют освобождать их согласно расписанию. Тем не менее от этих резервистов ожидают, что они будут служить как тайные лазутчики, даже как переодетые агенты: «Им не надобно стоять неподвижно, но переходить, чтоб неприятели, увидев их, не взяли в плен». Жители приграничья должны были обладать бесстрашием, чтобы охранять свой скот и свои семьи от набегов грабителей, а также смекалкой, достаточной для того, чтобы самим устраивать набеги и угонять скот, ибо в противном случае весь скот ушёл бы в одном направлении, и охранять было бы нечего. Но были и особые специалисты, «экспилаторы» (*expilatores*), как на юридической латыни назывались насильники-грабители в противоположность простым ворами, хотя здесь это слово явно используется в значении «лазутчики» — правда, издатель мудро замечает, что «в этих приграничных областях различие между ними было, наверное, минимальным»⁹.

Автор нашего текста нелестно отзывался об армянах, которые в византийских руководствах по военному делу обычно удостоивались похвал: «Армяне нехорошо и неосторожно исполняют должность караульных». Рекомендуется ежемесячно менять их и выплачивать им регулярное жалованье, но в конце концов «они, будучи армянами, не совсем хорошо исправляют караульную должность»¹⁰.

⁸ О стычках (*De velitatione*), 1; рус. пер. Д. Попова, цит. по: http://www.xlegio.ru/sources/anonimi/de_velitatione_bellica.htm; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 151, n. 1: о византийской миле, которая = 1574 метра = 0,978 стандартной мили.

⁹ О стычках (*De velitatione*), 2; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 153; комментарий: p. 153, n. 1. Ср.: «Дигесты» Юстиниана, 47. 18: О взломщиках и грабителях (*De effractoribus et expilatoribus*).

¹⁰ Там же. Об армянских фемах см.: *Dagron-Mihaescu*, начиная с p. 247.

Эти жители гор не были ни природными греками, ни даже вполне православными: Армянская Апостольская Церковь отвергала как халкидонское вероисповедание, так и чистое монофизитство; кроме того, армяне были несколько «экзотичны», частично усвоив персидские обычаи и вкусы, — всё это причины вполне достаточные для того, чтобы наш весьма греческий и весьма православный автор не доверял им... Но в трактате «Воинские предписания» (*“Praecepta militaria”*), обсуждаемом ниже, высказываются похвалы в их адрес. Ещё одна возможная причина косвенно позволяет датировать эту книгу временем после 976 г.: Иоанн Цимисхий, убивший Никифора II Фоку и ставший его преемником, был армянин по происхождению; правда, такого же происхождения была и семья Фок, вызывавшая подлинное восхищение автора, но Цимисхий («коротышка» по-армянски) был, если можно так выразиться, бóльшим армянином.

В любом случае обладание надёжными сведениями является здесь ключом, и автор советует пользоваться услугами как шпионов, так и разведчиков из лёгкой конницы: это упомянутые выше трапезиты или тасинарии (в других случаях называемые тасинакиями), которые могут брать пленников для допроса в ходе своих грабительских набегов¹¹.

Когда набеги можно предвидеть, войско должно выдвинуться и занять проходы, чтобы заставить врага отказаться от своих намерений или силами тяжёлой пехоты загнать его в узкие проходы, склоны которых заняты засадами лучников и лёгкой пехоты с дротиками и пращами: вторая линия должна стоять за первой. Нужно особо позаботиться о том, чтобы перекрыть меньшие тропинки, которыми враг может воспользоваться, чтобы зайти в тыл этих оборонительных сил, как сделали персы при Фермопилах, а также многие-многие другие — потому что, хотя кажется, что горная местность обладает огромными преимуществами для защиты, это зачастую оборачивается ловушкой, когда враг решает обойти позиции с флангов по, казалось бы, непроходимой местности.

Автор сообщает нам, что при условии надлежащей всесторонней подготовки враг будет либо разбит, либо вынужден избрать иной, обходной путь, который его обессилит, либо деморализован, и ему придётся отступить.

¹¹ О стычках (*De Velitatione*), 2; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 153.

Только изредка удавалось успешно предсказать время и направление вражеских вторжений, мобилизовать силы фемного ополчения и вывести их на отведённые им позиции до прибытия врага.

Римская империя, по крайней мере с конца первого века по четвёртый, приняла решение защищать каждый без исключения участок всей границы, от Британии до Месопотамии (тот самый лимес, который обрёл тогда свой физический облик), посредством стен, укомплектованных воинами, палисадов, защищённых полос вдоль рек или же патрулируемых дорог, в зависимости от местности. Вся эта система была укреплена фортами, находившимися неподалёку один от другого и укомплектованными вспомогательными когортами пехоты и алами конницы, которые, в свою очередь, могли быть усилены хорошо вооружённой тяжёлой пехотой и артиллерией легионов из каждой приграничной провинции, которая опять же могла быть усилена отрядами (*vexillationes*), присланными из легионов, стоявших в других провинциях, поблизости или вдали. Именно эта величественная стратегия театра военных действий, строившаяся на концепции постоянной опережающей обороны, позволила империи долгое время процветать, сдерживая и мародёров, и захватчиков; но для Византийской империи с её оскудевшими ресурсами поддерживать такую стратегию оказалось попросту слишком дорого.

Лучшим решением после непрерывной опережающей обороны, осуществляемой постоянным контингентом днём и ночью год за годом, была бы реагирующая предваряющая оборона, при которой силы, достаточные для того чтобы сдержать вторжения, каждый раз разворачивались, создавая гарнизон на том самом участке границы, которому грозила опасность, ещё до прибытия врагов. Но даже для этого, более дешёвого варианта всё ещё потребовалось бы слишком много шпионов и лазутчиков, чтобы предугадать время и направление каждого вражеского вторжения, и дополнительные регулярные войска в подкрепление фемным воинам-крестьянам, чтобы можно было укомплектовать людьми все угрожаемые участки границы достаточно быстро.

Кроме того, даже это была бы всего лишь сугубо защитная стратегия, при которой приходится всегда ждать нападения врага, уступая ему инициативу и не имея никакой возможности повлиять на его атаку заблаговременно. Поэтому в данном случае, даже со всеми дополнительными шпионами и войсками, арабы-налётчики могли приблизиться к имперской территории, узнать у своих лазутчиков и шпионов о том, что

византийцы готовы отразить нападение, и затем отреагировать, отказавшись от набега, или же перейти в другое место, чтобы совершить набег на каком-то ином участке длинной границы, тянувшейся от Средиземного моря до Кавказа. И то, и другое решение стоило бы затрат и самим налётчикам, но со временем стратегия театра военных действий, построенная на реакции, стала бы обходиться дороже самим византийцам, которые не могли держать в состоянии мобилизации своих ополченцев-крестьян вдали от домов, полей и скота до тех пор, пока арабские войска не соберутся близ границы, готовые выступить в нашествие.

Поэтому автор рекомендует альтернативную стратегию театра военных действий, построенную на эластичной защите с целью устроения: не пытаясь предотвратить нашествие (это слишком сложно), нужно перехватить колонны врага, когда они возвращаются домой. Ценою отдачи имперской территории на разрушение и разорение такое решение снимало проблему определения времени и направления нашествий врага: было значительно легче предсказать, по каким дорогам пойдут налётчики, чтобы пересечь границу и возвратиться на мусульманскую территорию. При таком решении снималась и проблема мобилизации, сбора и разворачивания фемных войск раньше времени, в силу чего они должны были находиться в мобилизованном состоянии вдали от дома, хотя ничего при этом не происходило. Взамен фемные войска можно было созвать лишь тогда, когда они были нужны; при этом оставалось много времени на то, чтобы выйти на позицию, пригодную для перехвата колонн врага, возвращающихся домой с пленными и с добычей:

...гораздо выгоднее и удобнее выступать против них тогда, как они возвращаются из наших областей в свое отечество, нежели когда намереваются вступить в наши пределы. В то время... они всегда бывают слабы, особенно если по несчастью имеют с собой множество вещей, невольников и корыстей: <...> они обыкновенно бывают бессильны в сражении¹².

У византийских же войск будет время на то, чтобы должным образом провести мобилизацию, собраться (даже из отдалённых областей) и развернуть силы.

¹² О стычках (*De velitatione*), 4; рус. пер. Д. Попова, цит. по: http://www.xlegio.ru/sources/anonimi/de_velitatione_bellica.htm; англ. пер.: *Dennis* 1985, pp. 157—158.

Однако цена этой обороны, эластичной настолько, что она уже ничего не защищала, могла быть снижена: ранее автор отмечал, что «поселяне, получив от них и лазутчиков известие, могли удалиться в места безопасные». Обычно налётчики пытались взять укреплённые города приступом или осадой, ибо города могли дать достаточно добычи и пленных, чтобы оправдать затраченное на них время, усилия и перенесённые опасности; но лишь очень голодные налётчики стали бы осаждать деревенские укрепления ради находившегося в них скота — хотя рабы, конечно, тоже имели свою цену.

Лучшая охрана жителей приграничья, часто подвергавшегося набегам и остававшегося незащищённым, особенно тогда, когда боеспособных мужчин мобилизовали в фемные боевые подразделения, призывавшиеся на службу в других местах, зависела, так сказать, от положения: нахождение городов и деревень в недоступной местности (даже если при этом требовалось два-три дня пути, чтобы добраться до полей, находившихся, возможно, гораздо ниже поселений); импровизированная круговая стена, образуемая внешним кольцом домов, построенных вплотную друг к другу, без проходов между ними, и особо толстые наружные стены и отсутствие отверстий на уровне земли; тесная застройка, оставлявшая лишь узкие проходы между зданиями, в которые всадники едва ли осмелились бы сунуться и которые легко можно было перекрыть. Следы, остатки и развалины армянских и греческих городов и деревень в нынешней восточной Турции дают достаточно свидетельств, подтверждающих все три вышеотмеченные особенности: они видны и по сей день, так как более поздние поселения огузов и других туркоман, йорюков, татар, курдов и заза, возникавшие с двенадцатого века, по большей части расположены в низменных местах близ ручьёв и рек, и поначалу они представляли собою полукочевые стоянки¹³.

У жителей приграничья были и другие способы уменьшить ущерб, хотя за каждый из них приходилось платить определённую цену: это предпочтение, отдававшееся разведению скота, а не выращиванию земледельческих культур, поля которых могли быть сожжены грабителями; первоочередное внимание, уделяемое культурам, дающим урожай весной, а не в сухие месяцы лета и ранней осени, облюбываемые

¹³ *Jak Yakar. Ethnoarchaeology of Anatolia: Rural Socio-Economy in the Bronze and Iron Ages (Этноархеология Анатолии: сельская социальная экономика в бронзовом и железном веках; Tel Aviv: Tel Aviv University, 2000).*

грабителями; хитроумные тайники и укрытия, причём не только для имущества, но и для самих деревенских жителей; в местах достаточно высокогорных — переход всего населения деревни (а не одного только скота) на летние высокогорные пастбища.

Если бы такие меры по снижению ущерба не принимались, стратегия театра военных действий, построенная на эластичной защите, потерпела бы крах, поскольку совокупный ущерб, причинённый чередой набегов, мог бы вынудить гражданское население покинуть область, и фемные соединения остались бы без ополченцев, подлежащих призыву. В конце концов именно так и случилось, но в то время, когда писался этот текст, такая стратегия всё ещё была успешна благодаря совокупному эффекту устрашения — который сам автор именно так и определяет: «При всяком их покушении ворваться в наши пределы нужно и полезно привести их в ужас занятием тесных проходов, чтобы тем остановить их стремление на наши области»¹⁴.

Три поражения Али, сына Хамдана, то есть упоминавшегося выше Сайфа ад-Даулы, приводятся как примеры образцовых достижений: в 950 г. он попал в засаду, устроенную Львом Фокой, когда возвращался из успешного грабительского набега, в ходе которого он перешёл реку Галис (ныне Кызылырмак), углубившись во внутренние области нынешней центральной Анатолии; в 958 г. ему нанёс поражение будущий император Иоанн Цимисхий, взявший город Самосату (турецкий город Самсат, существовавший до того, как он был затоплен вследствие возведения ататюрковой дамбы; его население было перемещено в построенный рядом новый город Самсат); и в 960 г. он опять потерпел поражение от Льва Фоки, старший брат которого, Никифор, тогда вёл успешную кампанию по отвоеванию Крита.

Войско Льва Фоки было немногочисленным. Его брат мобилизовал большую часть экспедиционных сил для своей успешной наступательной кампании: возможно, именно поэтому Сайф ад-Даула принял решение снова вторгнуться в пределы империи, хотя прошло всего два года после того как Иоанн Цимисхий нанёс ему поражение. Мы располагаем рассказом историка Льва Диакона, чья трактовка этой битвы была, возможно, подкреплена (или окрашена) его личным опытом свидетеля весьма схожего поражения, которое потерпел в 986 г. Василий II

¹⁴ О стычках (*De velitatione*), 4; рус. пер. Д. Попова, цит. по: http://www.xlegio.ru/sources/anonimi/de_velitatione_bellica.htm; англ. пер.: Dennis 1985, pp. 157—159.

при Траяновых воротах в Болгарии (Василий тоже возвращался после успешного вторжения и тоже попал в засаду). Лев Диакон объясняет, как Лев Фока расположил свои войска:

[Полководец Лев] решил не подвергать... явной опасности... своё малочисленное, плохо подготовленное, напуганное... войско. Он предпочел устроить засады на ключевых горных склонах, откуда было удобнее следить за продвижением врагов¹⁵.

Можно было бы решить, что Лев Диакон как классицизирующий историк описал далее беспечное поведение неосмотрительного, мальчишески резвого Сайфа ад-Даулы как пример «ибрис», пагубной богоборческой дерзости: дескать, он буквально скачет перед самым падением; но явное подтверждение словам историка содержится в стихотворении знаменитого ал-Мутанабби, который ехал рядом со своим покровителем.

...[ибн] Хамвдан же кичился и чванился своими многолюдными отрядами, хвастал и бахвалился обилием добычи и многочисленностью пленных; он все время уклонялся в сторону от дороги... и появлялся то перед войском, то позади него, потрясая копьем, которое он то устремлял в пространство, то, трепещущее, снова притягивал к себе¹⁶.

А дальше случилось то, чего так желал автор трактата «О стычках» (“De velitatione”): сложилась тактическая ситуация, при которой один может одолеть десятерых. Обретённые при этом военные выгоды заключались в возмещении цены, уплачиваемой за такую стратегию театра военных действий, которая не могла защитить территорию империи, а способна была лишь устрасить врага, удержав его от дальнейших нападений:

Когда... варвары сгрудились на труднопроходимых, узких, неровных тропинках, их строй рассыпался, и каждый стал как попало взбираться по

¹⁵ Книга II. 2; рус. пер. М. М. Копыленко, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/ldt1_5.htm; англ. пер.: Leo the Deacon, p. 72.

¹⁶ Там же; рус. пер. М. М. Копыленко, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/ldt1_5.htm; англ. пер.: p. 74, n. 26.

кручам. Вот тогда-то полководец протрубил сигнал и, подняв из засады своих воинов, устремился на варваров¹⁷.

Итогом стала бойня: византийцы, кроме прочих преимуществ, были к тому же хорошо отдохнувшими, тогда как их враги утомились на марше. Сайф ад-Даула потерял всю свою добычу и был почти взят в плен: упоминается обычная уловка, состоящая в разбрасывании серебра и золота, чтобы отвлечь преследователей.

В тексте даются особые рекомендации на тот счёт, как дополнять стратегию, начиная с необходимости обеспечивать запасы воды посредством контроля над каждым источником в ущельях и проходах, где располагаются засады.

Далее следует тактика¹⁸. Для отражения частых сугубо конных набегов (монокурса) существенно необходимы опытные лазутчики, способные оценить численность врагов по следам копыт и затоптанной траве и угадать, куда они направляются; далее, нужны знающие своё дело офицеры и бойцы на добрых конях, чтобы настичь врага и напасть на него на марше. Такие рейды за добычей и рабами обычно совершались под предлогом джихада (если предлоги вообще указывались), но автор также рекомендует готовиться к отражению настоящего широкомасштабного джихада, который вёлся добровольцами, чья религиозная мотивация была куда более вероятна (речь идёт о муджахидрах = «прилагающих усилия»):

В [августе] значительные силы прибыли из Египта, Палестины, Финикии и южной Сирии в Киликию, в окрестности Антиохии, а также к Алеппо; и, прибавив к своим войскам некоторое количество арабов [бедуинов], <...> они вторглись в ромейские земли в сентябре.

За очень краткий срок среди воинов джихада стало больше тюрок, чем арабов; многие из них были гулями. В Коране (52:24, 56:17, 76:19) слово «гильман» (множественное число от «гулям») относится к «вечно

¹⁷ Там же. Книга II. 4; рус. пер. М. М. Копыленко, цит. по: http://oldru.narod.ru/biblio/ldt1_5.htm; англ. пер.: pp. 74—75.

¹⁸ *Dagron-Mihaescu*, начиная с p. 198, даже иллюстрируют рекомендуемые оперативные и тактические методы (*dispositifs de combat*): О стычках (*De velitatione*), 7; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 163.

юным мальчикам, прекрасным, как жемчужины», чьи интимные услуги, как и услуги наложниц-женщин (гурий), служат небесной наградой праведным мусульманам, павшим воинам джихада и нынешним смертникам-шахидам; но впоследствии это слово стало обозначать не Ганимедов, а тюркских бойцов, так называемых «воинов-рабов» — особый обусловленный договором статус, который даже мог совмещаться с богатством и властью. Империя Газневидов, возникшая в десятом веке, была основана гулямом Абу Мансуром Сёбук-тегином, родившимся ок. 942 г. и ещё мальчиком проданным в Бухару, а тюрк-кипчак Бейбарс дорос от телохранителя до командира дворцовой стражи ок. 1250 г., став затем султаном Египта и Сирии в 1260 г. под именем ал-Малик аз-Захир Рукн ад-Дин Бейбарс ал-Бундукдари, знаменитым победителем как крестоносцев, так и монголов¹⁹.

Когда воины джихада периодически собираются, чтобы напасть на границу, ключевую важность обретает заблаговременная разведка: в дополнение к шпионам, лазутчикам и патрулям лёгкой кавалерии, уже упоминавшимся выше, следовало засылать за границу купцов, чтобы они разузнали, что смогут.

Далее следует подкуп: халиф был далеко, в Багдаде, и к тому же в то время бессилён, и даже такой активный враг, как Сайф ад-Даула, находился далеко за границей, в Алеппо. Поэтому нужно было слать письма и «корзины с подарками» «местным эмирам, командовавшим крепостями на границе»²⁰.

Далее идёт сопровождение выдвигающихся сил врага, покуда не станет ясно, где он собирается разбить лагерь. Надев особые тёмные накидки поверх доспехов²¹, основные силы должны подойти к лагерю врага, выслав вперёд лазутчиков, чтобы они могли продолжать слежку за продвижением врага, когда он снимется с лагеря. Автор, очевидно, предполагает, что враги столь многочисленны, что нападать

¹⁹ Обзор см.: *Daniel Pipes. Slave Soldiers and Islam: genesis of the military system* (Рабы-солдаты и ислам: генезис военной систем); New Haven & London: Yale University Press, 1981).

²⁰ О стычках (*De velitatione*), 7; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 162.

²¹ Эпанокливана в тексте, эпилорика в других источниках = накидка поверх кливания, изначально нагрудного панциря, а впоследствии любых нательных доспехов, или же поверх лорики, изначально чешуйчатого панциря, нашитого на тканую основу (*lorica squamata*), или же панциря из пластинок, находящихся одна на другую, или же кольчуги (*lorica hamata*): p. 167, n. 2.

на лагерь бесполезно — даже ночью, располагая некоторым преимуществом неожиданности.

Следует прибегать к особым методам, чтобы успешно следить за продвижением врага. Нужны три отборные группы лазутчиков: одна остаётся в такой близости к врагу, что её члены могут слышать шум множества голосов; вторая находится на расстоянии, удерживая первую в пределах видимости; третья, в свою очередь, делает то же самое. Всем трём группам нужно сосредоточиться на слежении за врагом, а не на сообщении о своих наблюдениях турмарху (высшее воинское звание после стратига, номинально глава турмы или мера в 2000 человек и больше; здесь использовано для обозначения командующего операцией). Он получает донесения от трёх групп слежения через подразделения численностью в четыре человека, которые, в свою очередь, пребывают в поле видимости групп и отсылают двоих из своего числа, когда нужно о чём-то донести. Таким образом, стратиг может замедлить, ускорить или перенаправить движение своих сил сопровождения в зависимости от движений врага²². Опасно просто следовать за врагами: они опытные и оставляют у себя в тылу стражу, которая может стать для преследователей засадой.

Всё это, как отмечалось выше, предполагает, что враг слишком силен для того, чтобы нападать на него, пока он в полном составе. Но одна из целей столь тесного сопровождения вторжения состоит в том, чтобы быть готовыми немедленно атаковать, если достаточное число врагов в поисках добычи отважится отойти довольно далеко от «боевого построения эмира», оставив его уязвимым. Для этого нужно прежде всего передвигаться по ночам, потому что в ином случае вторгшиеся враги увидят облака пыли, поднятые силами сопровождения, и воздержатся от разделения сил для набега.

Даже если всё идёт хорошо, «боевое построение эмира» может всё ещё оставаться слишком сильным; в этом случае можно атаковать одну или более группу налётчиков, отделившихся от основных сил. Если у них есть собственные силы прикрытия для защиты тыла, пока они заняты грабежом — в тексте используется слово «фулькон», германское название стены из щитов пехотинцев в римском стиле, но здесь оно обозначает любой отряд, не занятый грабежом, — тогда командующему нужно разделить свои силы надвое, выслать на фулькон один отряд, а

²² О стычках (*De velitatione*), 9; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 169.

самому с другим отрядом напасть на грабителей «на большой скорости, с напором, с криками и военными кличами»²³. Это не подействовало бы на бойцов фулькона, выстроенных в боевом порядке, но могло бы произвести панику среди грабителей, рассеявшихся по местности в поисках добычи и пленных, и обратить их в беспорядочное бегство, после чего преследователи могут изрубить их на куски.

Автор объясняет, почему он вдаётся в дальнейшие тактические подробности: «Теперь мы изложим то, что сами видали»²⁴.

Далее следуют подробные рассуждения на темы сопровождения, внезапной атаки, засад и блокады — о чём угодно, только не о непосредственной битве на уничтожение, когда одна основная сила выходит против другой; и победа, и поражение в такой битве приведут к слишком большим потерям. У империи не было лишних людей, были только ценные воины-крестьяне, стоявшие гарнизонами в приграничье и жившие там со своими семьями, и ещё меньше профессиональных бойцов, которых нельзя было заменить новобранцами до тех пор, пока они не будут должным образом обучены. За сегодняшней битвой может последовать завтрашняя, так что бойцы, павшие сегодня, не смогут стоять в боевом строю завтра. В противоположность этому муджахидов, достигавших своей цели, если они гибли в бою, легко можно было заменить свежими добровольцами с глубинных исламских территорий, где число занятых в джихаде было очень невелико. Даже Сайфа ад-Даулу и его отряд можно было заменить, потому что муджахиды, взыскующие славы или мученичества, и вольные грабители, ищущие добычи и пленных, скоро нашли бы себе другого предводителя.

Поэтому необходимо было разбить главного врага на поле — в данном случае речь идёт о Сайфе ад-Дауле и его отряде, — но не было никакого смысла уничтожать его полностью, потому что вскоре его мог заменить другой эмир с другим боевым отрядом. Из-за этого битва на уничтожение теряла свою привлекательность, так как понесённые потери нельзя было возместить в краткий срок, а в долгосрочной перспективе они были губительны, ибо вынуждали тех, кто остался в живых,

²³ О стычках (*De velitatione*), 9; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 173; см.: *Philip Rance. The Fulcum, the Late Roman and Byzantine Testudo: the Germanization of Roman Infantry Tactics? (Fulcum, позднеримская и византийская «черепаша» (testudo): германизация тактики римской пехоты?): Greek, Roman, and Byzantine Studies* 44 (2004), pp. 265—326.

²⁴ О стычках (*De velitatione*), 10 (рус. пер. Д. Попова); англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 175.

покидать приграничную зону; между тем потери, понесённые врагом, можно было быстро возместить за счёт нового притока добровольцев и грабителей.

Вместо битвы на уничтожение автор рекомендует манёвр, заставляющий врага передислоцироваться и разорвать свои ряды, не уничтожая его самого и его людей в лобовой схватке. Всё это и есть реляционный манёвр, нацеленный на специфического врага со специфическими сильными сторонами, которых нужно было избежать, и специфическими слабыми сторонами, которые нужно было использовать.

Например, когда силы врага разделяются из-за того, что конники уезжают вперёд для грабежа, оставляя пехотинцев позади, последних можно успешно атаковать: если отряды, отправившиеся на грабёж, можно опередить, когда они идут или едут в легко предсказуемых направлениях, потому что иных возможных целей там просто нет, тогда конница может оказаться там заблаговременно, надёжно укрыться и ждать до тех пор, пока грабители не рассеются в поисках добычи: тогда их можно будет перебить или взять в плен. В качестве альтернативы или дополнения к этому можно будет также устроить засады на пути к этим предсказуемым целям или же на обратном пути от них, чтобы покончить с бандами врага, когда они спешно возвращаются назад.

Когда посредством малых атак и засад был нанесён достаточный ущерб, приходит время взяться за «боевой строй» врага, за его основные силы. Для этого одной конницы недостаточно, нужна и пехота, чтобы стрелять из луков и метать снаряды, а также сходить в ближнем бою. Если пехотинцы остались позади вследствие манёвров конницы, тогда им нужно постараться добраться до места битвы раньше, чем она начнётся. Если это невозможно, ибо расстояние слишком велико, тогда некоторым из «способных» конников нужно приказывать спешиться и сражаться пешими, используя луки и пращи, а также копья и щиты.

Пока войска готовятся к битве, стратиг тоже готовится, разбивая свой палаточный лагерь с обозом на виду у врага, чтобы этой демонстрацией уверенности в своих силах внушить врагам ужас и отчаяние.

У автора есть также советы относительно того, как нужно действовать войску, находящемуся в сильном численном меньшинстве. Предположим, что оно не способно атаковать основную боевую группу врага в открытой битве, но оно может добиться превосходства благодаря засадам на колонны врага, которым предстоит пройти через горы. Пе-

хотя здесь жизненно важна, и ей нужно укрыться с обеих сторон дороги. Войско невелико, и оно может быть деморализовано зрелищем продвигающейся вражеской армии. Но командующий офицер может внушить уверенность своим людям одним своим спокойным присутствием. Ему нужно находиться прямо за пехотой, «очень, очень близко за ними... он должен занять позицию почти в задних рядах пехоты»²⁵.

Засады могут оказаться неудачными просто потому, что враг пойдёт другой дорогой. Тогда поможет динамическая засада: отряд кавалерии бежит с поля боя, чтобы заманить за собой врага. Он направляется в место, заранее подготовленное для бойни, а там возможна двойная засада из пехоты, укрывшейся в одной части горного прохода, и спрятанной конницы, дожидаящейся своего часа в другом конце, чтобы обрушиться на врага, отступающего после стычки с засадой пехоты. Если конницу можно укрыть, она может находиться в засаде даже в том случае, если нет ущелья или прохода, который определит направление движения врага, потому что любая колонна уязвима для атак на её фланги, тем более если люди и кони утомлены преследованием заманившего их отряда.

Надёжная контрмера может заключаться и в том, чтобы удержаться от преследования бегущего врага, но ведь именно в этом случае конница может быть наиболее действенна и способна раскрошить бойцов, превратившихся в простых беглецов.

Точно предсказать перемещения врага — высшее достижение полевой разведки. Но последняя может и потерпеть полную неудачу. Внезапная и концентрированная атака врага может застать врасплох стратига, при котором находится лишь небольшой отряд, причём у него нет времени на то, чтобы мобилизовать, собрать и развернуть свои фемные силы. Гражданское население также застигнуто врасплох, оно всё ещё остаётся в своих поселениях, а не в местных крепостях, предназначенных для эвакуации. Весьма показательно, что опасность, грозящая именно гражданскому населению, является первостепенным предметом заботы. Стратиг должен послать офицеров «с большой скоростью», чтобы предупредить вторжение врага, эвакуировать жителей деревень и найти убежище для них самих и для их стад²⁶. После этого следует вернуться к отражению набега, чтобы уничтожить вражескую силу.

²⁵ О стычках (*De velitatione*), 11; англ. пер.: *Dennis*, p. 183.

²⁶ О стычках (*De velitatione*), 12; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 187.

Но и это может закончиться неудачей. Враги могут оставаться в боевом строю, будучи готовы отразить атаки, и удержаться от того, чтобы выслать отряды для набега: ведь это может существенно ослабить их главное войско. В таком случае можно также действовать, выделяя малые отряды («триста или меньше готовых к бою всадников»), чтобы они устроили засады на наступающего врага, прежде чем благоразумно отступить к своим главным силам, которые по возможности должны находиться в укреплении («если поблизости есть также крепость...»). Пехотинцам, которые не могут спастись посредством быстрого отступления от конных преследователей, нужно укреплённое место для защиты, откуда они могут выходить, чтобы действовать совместно с конницей.

В самом крайнем случае найдутся возможности устроить засады на малые вражеские отряды, каковыми могут быть передовые группы, высылаемые с целью выбрать и измерить место для лагеря основного войска, которое находится на марше. Но даже для них необходима подстраховка: главные силы должны находиться поблизости в боевой готовности, чтобы, если наступающее вражеское войско достаточно сильно для контратаки и преследования засадных отрядов, то последние могли безопасно отступить, предоставив основным силам смять врага «благородным, смелым натиском». И если этого тоже недостаточно, поскольку передовой отряд врага состоит из множества бойцов, а не из нескольких наблюдателей, то пехота может выйти из крепости, чтобы присоединиться к битве.

Чтобы сопровождать врага, опередить его и внезапно атаковать, оборонительное войско должно быть весьма мобильным в смысле транспортировки, а также подвижным тактически. Последнее достигается тренировкой и командованием, но первое зависит от надлежащей организации и надлежащих процедур. Обоз (тулдон) с повозками и мулами абсолютно необходим — армия не может действовать без пищи, запасных стрел, дротиков, накидок, доспехов и щитов, а также без различных инструментов для ремонта и копки земли, перевозимых в обозе. Фураж слишком громоздок для того, чтобы успешно его перевозить, но некая часть его всё же может оказаться жизненно необходимой, особенно в засушливых областях. Однако обоз движется слишком медленно, и его нужно отделить от боевых сил, чтобы он оставался в крепости; к нему назначаются несколько боеспособных всадников, чтобы они могли сопровождать повозки и мулов, выдвигающихся в назначенное место,

дабы пополнить запасы боевых сил. Запас фуража на два-три дня можно везти на «быстроходных мулах» и в чересседельных суммах конницы²⁷.

Есть много хитростей, которыми можно воспользоваться, чтобы укрыть и замаскировать свои силы, а также произвести впечатление, что их численность выше или ниже действительной. Конница выезжает поздно вечером, когда поднятых ею облаков пыли не видно; местность тщательно изучается офицерами и лазутчиками, чтобы обнаружить укромные места для засадных отрядов или для любых сил, присутствие которых на поле боя нужно скрыть от врага (это не тот случай, когда нужно разубедить врага атаковать); сильное войско может произвести впечатление, что его численность ниже действительной, если оно продвигается тихо, тесными рядами, причём некоторые бойцы могут переодеться крестьянами, оставляя головы обнажёнными, а в их ряды может замешаться некоторое число настоящих крестьян и пастухов, которые служат «наживкой», способной заманить преследователей в засаду. Слабое войско может произвести впечатление, что его численность выше действительной, если оно волочит за собой ветки, чтобы поднять больше пыли.

Есть также контрмеры против таких хитростей. Начнём с передовых отрядов лёгкой конницы, цель которых — спровоцировать действия засад, расположенных впереди более уязвимых главных сил, или же, напротив, заставить врага обнаружить свою настоящую силу. Также это многократно упоминаемая сака, тыловая стража, охраняющая уязвимые повозки и мулов обоза (тулдон) позади войсковой колонны, которая всегда необходима для того, чтобы перехватить налётчиков, пытающихся напасть на менее бдительный тыл продвигающегося вперёд войска.

Битвы на уничтожение следует избегать, но если на поле оказались два крупных войска, вражеское и ромейское, то врагу нельзя позволить грабить, как ему заблагорассудится, — нужно вступить в бой. Если враг всё же высылает колонны для грабежа, их можно заманить в засаду — как и прежде, сочетая друг с другом многочисленные засадные отряды, большие резервные силы конницы, а также пехоту из близлежащей крепости, если таковая будет доступна. Но в любом случае в битву следует вступить.

Если враг слишком силён, стратиг может лишь искать убежища за стенами ближайшего укреплённого города (кастрон), позаботившись

²⁷ О стычках (*De velitatione*), 16; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 201.

предварительно о безопасности всех своих бойцов, а также гражданского населения и даже его скота — всё прочее было бы бесчестно, презренно и повело бы к разорению страны и к её обезлюдению²⁸.

Всё вышесказанное предполагает наличие войск особенно хорошо тренированных, более дисциплинированных и стоящих на более высоком моральном уровне, если сравнивать их с обычными линейными войсками, потому что такой способ ведения войны требовал гораздо большего от отдельного бойца, чем планомерная битва в строгих рядах. В новое время только лёгкая пехота (Light Infantry) и её самые элитные производные могли поддерживать такое различие.

Первая задача стратига — обучать своих бойцов и упражнять их подразделения. Если оставить в стороне индивидуальные и групповые навыки, требовалась закалка: »

...у тебя нет иного способа... подготовиться к войне, кроме одного: прежде всего упражнять и тренировать войско, находящееся под твоим командованием. Тебе нужно приучать их и упражнять в обращении с оружием, а также переносить всевозможные лишения и исполнять тяжёлые задания²⁹.

Ведение войны на границе требовало совершать необычайно долгие марши пешком и проводить целые дни в седле. Мораль очень важна в любом сражении, но особенно важна она в войне приграничной, потому что большая часть заданий должна исполняться бойцами, разбитыми на независимые друг от друга двойки, четвёрки или очень маленькие соединения, находящиеся вдалеке от командирского взгляда старших офицеров.

Поддержание морали начинается с дисциплины, цель которой — пресечь лень, нерасторопность и пьянство; но должны быть и средства поощрения: вовремя выплачиваемое жалованье и регулярно обеспечиваемое довольствие, но также подарки и «бонусы» сверх того, что является «обычным или обусловленным договором», чтобы бойцы могли получать лучших лошадей и снаряжение и служили ревностно³⁰.

²⁸ О стычках (De velitatione), 17; англ. пер.: *Dennis* 1985, pp. 206—207.

²⁹ О стычках (De velitatione), 19; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 215.

³⁰ О стычках (De velitatione), 19; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 217.

Фемных крестьян-воинов также нужно уважать, их нельзя унижать и даже подвергать побоям со стороны

ничтожных [сборщиков налогов], ровно ничего не прибавляющих к общему благу, цель которых одна: ободрать нищего как липку. Из-за своей несправедливости и из-за крови бедняков, которую они проливают ручьями, они скапливают много талантов золота.

Фемные бойцы получали как жалованье, так и земельные наделы, но с последних они должны были платить налоги; соответственно этому имперские сборщики налогов обращались с ними так же, как с любыми другими налогоплательщиками, то есть очень плохо, если судить по тексту. (Ещё хуже была передача сбора налогов крупным землевладельцам и коллективная ответственность за уплату налогов, распространявшаяся на всю деревню³¹.) Фемные судьи также должны выказывать им большее уважение: крестьян-воинов нельзя скручивать и утаскивать прочь, как заключённых, нельзя их пороть, заковывать в кандалы и (о ужас!) ставить к позорному столбу.

Казалось бы, гражданские судьи занимались делами и издавали типично византийские суровые постановления в том, что касалось крестьянской составляющей фемных воинов-крестьян, но наш автор настаивает на том, что судить их как своих бойцов должны офицеры, подчиняющиеся власти стратига, назначенного самим священным императором. Но он не намечает сотрудничества с гражданскими судьями и служащими, поскольку они уступают военной власти, «как явствует из закона». Эта часть завершается рассуждением о воодушевлении, счастье и бодрости духа, которые воцарятся, когда эти недостатки, ввергающие людей в бедность, будут устранены императорами.

После этого излагаются новые соображения об оперативных методах, применяемых на уровне театра военных действий. Особый интерес представляет случай «оборонительного нападения», предпринятого в надежде заставить врага отступить, когда его войско оказалось слишком сильным для того, чтобы сражаться с ним напрямую — не важно, насколько искусно. Автор цитирует более ранние предписа-

³¹ H. J. Scheltema. Byzantine Law (Византийское право); J. M. Hussey (ред.). The Cambridge Medieval History, Vol. IV, The Byzantine Empire, Part II (Cambridge: Cambridge University Press, 1967), начиная с p. 73.

ния Льва из его трактата «Тактика», или «Тактические конституции» (“*Tacticae constitutiones*”, XI. 25), пока сам не переходит к описанию того, что случилось около 900 г., когда крупное войско бойцов джихада вторглось из Киликии, осадив Мисфию (Клавдиокесарию), но производя грабежи на гораздо более широком пространстве. Стратиги фем Анатолика и Опсикия были оставлены на местах, чтобы защищаться, «насколько это будет в их силах». Тем временем Никифор Фока-старший, командующий полевыми войсками и предок будущего императора с тем же именем, вторгся глубоко в Киликию с сильным подвижным войском, направляясь к городу Адан (ныне Адана). Гарнизон города (точнее, то, что от него осталось после ухода войска джихада) вышел наружу, чтобы встретиться с византийскими силами. Они были разбиты, бежали обратно за городские стены, а замешкавшиеся были убиты либо взяты в плен. Никифор не осадил Адану, но стал действовать согласно учению трактата «О стычках» (“*De velitatione*”): он уничтожил земледельческую базу города, вырубил фруктовые деревья и виноградники, а также сровнял с землёй «изящные и красивые» поселения за пределами стен. На другой день он повёл своё войско к побережью, захватив «огромное количество пленных и множество скота», а затем возвратился километров на сорок к реке Кидн, или Иеракс (ныне Тарсус-чай), но не напал на город Тарс, стоявший в устье реки, а вернулся на имперскую территорию через Киликийские ворота (ныне проход Гюлек-Богазы), связывавшие прибрежные равнины с возвышенным плато центральной Анатолии.

Когда воины джихада, всё ещё осаждавшие Мисфию, слышали об опустошительном вторжении на их территорию, они возвратились и «не добились ничего ни там, ни здесь», потому что им не удалось захватить Никифора Фоку, когда он со своим войском возвращался через горы³².

Это была образцовая операция, и для византийцев всё закончилось успешно, и сами по себе оба набега были весьма широкомасштабными, но главная концепция была верна применительно к любым масштабам, и она часто применялась на практике: защищаться сложнее, чем нападать, потому что защитники должны быть достаточно сильны для того, чтобы противостоять нападению врага; если же они сами нападают, то могут поразить свои цели и атаковать там, где враг слаб, как сделал Никифор Фока. Но при этом можно заставить врага

³² О стычках (*De velitatione*), 20; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 221.

отказаться от широкомасштабного нападения, для отражения которого защита была слишком слаба.

Примечательно, что Фока-старший даже не попытался осадить Адану и Тарс. В обоих городах была потенциальная добыча и рабы, но они были хорошо укрепленными городами, какими по необходимости были все города в Киликии. Не похоже на то, что его люди обладали требуемыми навыками, а в его обозе были инструменты, необходимые для постройки осадных машин (перевозить их не могло ни одно быстро передвигавшееся войско, целью которого был набег), но это тоже не важно, поскольку византийцы, совершая свой рейд, не могли задерживаться, осаждая города, если принять во внимание угрозу возвращения неудачливых воинов джихада.

Когда автор переходит к осадным операциям, он имеет в виду осады византийских городов, производимые врагами³³. Он смело утверждает, что многие укрепленные города неуязвимы и им нечего бояться осады: должно быть, он имеет в виду бедные городки, брать которые едва ли стоило, ибо располагались они в недоступной местности; это описание подходит ко многим городам в приграничной зоне.

Что же касается городов побогаче и к тому же более доступных, а потому и более стоящих осады, то автор предупреждает, что съестных припасов должно быть заготовлено хотя бы на четыре месяца, а также призывает должным образом заботиться о цистернах для сбора воды.

В остальном же автор отсылает читателя к прежним книгам об осадном деле, заявляя о том, что он хочет всего лишь обсудить тему стычек, сопутствующих осаде: вылазки для того, чтобы напасть на вражеские лагеря вокруг осажденного города ночью, диверсионные акции с целью пополнить припасы в осаждаемых городах, а также тщательное уничтожение всего, что может помочь осаждающим, включая дома за пределами городских стен.

Военные действия на границе могли быть эпическими, но они не были рыцарски-благородными: так, в одном месте автор сообщает нам, что в том случае, если войско должно передвигаться быстро, пленников следует перебить, если невозможно выслать их вперёд. В конце этого ценного труда нет никакого краткого обобщения, а только призывание Пресвятой Троицы и примечание: «С помощью Божией, конец тактики».

³³ О стычках (*De velitatione*), 21; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 223.

«О ВОЕННОМ ДЕЛЕ» (“DE RE MILITARI”) — ОРГАНИЗАЦИЯ И ТАКТИКА КАМПАНИИ

Диаметральной противоположностью трактату «О стычках» (“De velitatione”), посвящённому защитным операциям против арабов-мусульман на «восточном», анатолийском фронте, выступало столь же практическое руководство, посвящённое также и наступательным действиям против арабов-мусульман, хотя прежде всего — «северному фронту», где византийцам приходилось иметь дело с болгарами, печенегами и предками русских, Киевской Русью. Ранее изданный под заглавием «О военном деле» (“De re militari”), этот трактат был издан заново под заглавием «Организация и тактика кампании» (“Campaign Organization and Tactics”)³⁴.

Хотя в этом сочинении есть и отсылки к «древним», он в то же время в большой степени представляет собою оригинальный труд. Император изображается в нём как лично присутствующий и возглавляющий экспедиционное войско, и наш автор даёт ему советы в явно нераболепном тоне. Авторитетный издатель согласен с оспаривавшимся ранее мнением о том, что императором в данном случае выступает Василий II (976—1025 гг.), прозванный впоследствии Болгаробойцей, но в то время ещё сравнительно молодой и не столь успешный, то есть примерно в 991—995 гг. Всё содержание текста согласуется с его датировкой самым концом десятого века или началом одиннадцатого.

Это руководство начинается с разбивки временного лагеря для большого экспедиционного войска в шестнадцать таксиархий — примерно шестнадцать тысяч человек в полной комплектации. Налицо и силы фемных ополченцев, и профессиональные тагмы. Пехотные тагмы включают в себя пятьсот тяжёлых пехотинцев, вооружённых мечами и щитами (гоплитов)³⁵, двести «метателей дротиков» и триста лучников.

³⁴ George T. Dennis (изд.), в: *Three Byzantine Military Treatises* (Три византийских военных трактата; Washington DC: Dumbarton Oaks, 1985). Здесь и далее: *Campaign Organization* (Организация кампании); пагинация по изд.: *Dennis 1985*. См. также: *Rudolf Vary. Incerti Scriptoris Byzantini Liber de re militari* (Неизвестного византийского писателя «Книга о военном деле»; Leipzig: Teubner, 1901).

³⁵ Альфа 12. Переведено на англ. как “regular soldiers” («регулярные солдаты») в: *Dennis 1985*, p. 247.

Издатель отмечает, что византийские писатели были склонны предпочитать платонический идеал прозаической реальности, и описанный в трактате лагерь мог быть такого рода: совершенным и совершенно вымышленным³⁶. Может быть, и так; но для римлян стандартной оперативной процедурой было устройство походных лагерей, защищённых ещё более тщательно, даже если предстояло провести в лагере всего одну ночь.

Даются подробные указания относительно плана лагеря (предпочитается форма квадрата), чтобы обеспечить защиту снаружи и избежать сумятицы внутри в том случае, если будет дан приказ «К оружию!»; необходим очень хороший землемер: автор пользуется латинским словом «менсуратор» (*mensurator*), в римском легионе он назывался менсором (*ensor*).

В центре расположен внутренний лагерь императора с его дворцовой гвардией и элитными силами³⁷: «бессмертными» (афанати), впервые введёнными Иоанном Цимисхием (969—976 гг.) и названными по образцу их ахеменидских предшественников, которые сражались ещё при Фермопилах почти тысячу пятьсот лет назад, но теперь составленными из конницы; первый полк гвардии назывался мегали («великая») этерия (букв.: «товарищество»), в противоположность меси («средней») этерии и микра («малой») этерии; была также тагма схол, старейшая разновидность дворцовой гвардии.

В пределах внутренних кругов был свой внутренний круг, в данном случае личная охрана императора: манглавиты, названные так по палице, которой они, как обычно полагают, пользовались, расчищая дорогу императору, когда он шёл через дворцовые залы и коридоры, запруженные нетерпеливыми придворными и просителями³⁸. Далее уточняется, что нужно оставить обширное пустое пространство вокруг шатра императора, чтобы дать возможность ночным часовым передвигаться по нему, — уместная мера предосторожности, причём не только от вражеских лазутчиков.

³⁶ *Dennis* 1985, p. 242.

Альфа, начиная с 99; Campaign organization (Организация кампании), № 1; англ. пер.: *Dennis* 1985, p. 251.

³⁸ *Dennis* 1985, p. 256, n. 12. Харальд III Сигурдссон Суровый (Хардрад) получил титул манглавита от Михаила IV Пафлагонянина (1034—1041 гг.) за свои подвиги на Сицилии.

Лагерь императора во время кампании был также императорским двором. Названы два его высших чиновника: предусмотрен шатёр для протовестиария, евнуха, отвечавшего за одеяния, и для эпи тис трапезис, евнуха, отвечавшего за пиршественный стол (оба были могущественными вследствие своей близости к особе императора). Можно с уверенностью предположить, что были и другие, не поименованные высокопоставленные чиновники, жаждавшие находиться близ императорской власти или вынужденные так поступать. Поскольку императором не становились обычно ни по стабильному династическому принципу, ни в силу выборов, но это место «занимали», то василевсы понимали, что друзей нужно держать поблизости, а врагов — ещё ближе, чтобы они не могли составить заговор в столице. Изящные османские шатры, хранящиеся ныне в музеях Берлина, Кракова и Вены, захваченные в ходе неудачной осады Вены в 1683 г., были частью именно такого изысканного придворного лагеря.

Вожди (дукаторы) нужны были поблизости, чтобы император мог получать сведения из первых рук; но они не являлись его личной дворцовой гвардией и должны были много разъезжать, чтобы исполнять свои обязанности; при этом они, возможно, вступали в контакт с врагом или с врагами императора. Поэтому автор высказывает явно не платонический совет, выдающий его острое чувство благоразумия: «Дукаторов нужно размещать вместе с проксимом [дворцовым штабным офицером] или с кем-то ещё, кому священный император полностью доверяет»³⁹.

Затем автор руководства переходит к теме военных лагерей в целом, предписывая, «как было принято у древних», разбивать лагерь по подразделениям, а не вперемишку. Чтобы устроить эффективные заграждения, у каждого пехотинца должно быть до восьми «головок чеснока» (caltrops), а в каждой десятке (декархии) должен быть металлический шест, к которому привязывается верёвка для нанизывания «чеснока»; рекомендуются также небольшие ямы с острыми штырями в них, так называемые ноголомы, и круговое заграждение из бечевы с колокольчиками⁴⁰. Третья глава, в которой говорится о расстановке ночных караулов, интересна лишь потому, что в ней предписывается

³⁹ Альфа 121. Campaign organization (Организация кампании), № 1; англ. пер.: Dennis 1985, p. 253.

⁴⁰ Бета, начиная с p. 18. там же, № 2; англ. пер.: Dennis 1985, p. 263.

следующее: оплитарх (старший офицер пехоты) должен обходить караульные посты, расставленные для защиты от вражеских лазутчиков и набегов; оплитарх стоял над таксиархами как инспектор рода войск (branch inspector), выражаясь по-современному, а не как действующий боевой командир, потому что это потребовало бы объединённых постов из конницы и пехоты⁴¹. Тема лагеря продолжается в четвёртой главе о наружных постах (издатель называет их наблюдательными постами, watch posts) пехоты, состоявших всего из четырёх человек, и наружных постов конницы, состоявших из шести человек, располагавшихся гораздо дальше от лагеря. В дневное время требовались только кавалерийские посты, расположенные поодаль от лагеря. Далее следуют подробности об определении размера лагеря с дополнительными расчётами для относительно меньшего числа конницы (глава 5), для экспедиционного войска с двенадцатью, а не шестнадцатью таксиархиями (глава 6) и для таких случаев, когда местность требует разбить два лагеря, а не один, дабы избежать загромождения и позиции внизу, под склонами, «с которых стрелы и метательные снаряды могут обрушиться на палатки» (глава 7).

В этой части труда весьма ритуально повторяются расчёты с различными числами, но это не служит признаком кабинетной стратегии — напротив, именно так зачастую поступает профессиональный военный, праздно разглядывая чередующиеся таблицы организации и силы. Ближайшим примером тому служит глава 8: «если боевая конница насчитывает 8200 человек, её нужно разделить на двадцать четыре подразделения по триста человек в каждом... [что] составит четыре соединения... по шесть боевых подразделений в каждом»⁴². Тут есть тактическая цель: прикрыть тыл и фланги, в то время как три подразделения образуют фронт. Меньшее число конницы лучше разбить на меньшее число подразделений, чем на меньшие по численности подразделения (здравый совет!), но всему есть предел: «Императору не следует выступать на кампанию с таким малым войском».

Свежий опыт войны и с северными, и с восточными врагами проявляется в двух следующих главах, ничем не обязанных античным источникам: снятие всего войска с лагеря, начиная с тщательной, по-

⁴¹ Однако выдающийся издатель писал (прим. 1, р. 265): «Видимо, оплитарх командовал либо пехотой, либо ходом всей кампании».

⁴² Campaign organization (Организация кампании), № 8, англ. пер.: Dennis 1985, p. 275.

шаговой разборки шатров, прежде всего императорского, и сам экспедиционный марш.

Вместо вновь пущенных в оборот аттических текстов мы читаем о сака, тыловой страже (от арабского «сакат»), под командованием офицера в достаточно высоком звании для того, чтобы он мог получать приказы прямо от императора: ведь, если дать войску пройти, а затем атаковать его с тыла, это может оказаться весьма успешным приёмом. Далее в тексте, и далее в ходе экспедиции, предлагается выделить особое подразделение на помощь бойцам, назначенным исполнять обязанности сака, потому что последним приходится «переносить больше трудностей, чем им положено», причём их опытный в боях командир остаётся на месте, чтобы руководить вновь назначенными подразделениями.

«Как отразить дерзкие нападения арабов [= бедуинов] и турок [не тюрок, а мадьяр, будущих венгров, которые, как и бедуины, специализировались на рейдах лёгкой конницы]. Целесообразно выделить около ста пятидесяти пеших лучников... на каждое из двенадцати боевых подразделений с внешней стороны...»⁴³. Император также должен быть внимателен, потому что набег врагов может прорваться внутрь даже сильного войска, если оно растянулось на марше: «Пусть при императоре будет столько лучников, сколько он пожелает. Пусть при нём будут также росы [варяжская гвардия] и малартии» [предположительно воины с особым оружием с таким названием, по крайней мере изначально (гвардейцы-гренадеры тоже вооружены винтовками); но ни об этом оружии, ни о самих малартиях более ничего не известно, и отождествить их не удаётся]⁴⁴.

Эта глава завершается отличным советом императору в ходе кампании: в конце дневного марша, «если что-то другое не потребует его внимания», император со своей охраной должен не отправляться на своё место в пределах лагеря, а внимательно осматривать все подразделения по мере того, как они вступают в лагерь, пока не прибудет сака.

Не всё сводится к действию, должно быть и противодействие, поскольку налицо действия врага. Ночные атаки на лагерь лучше всего пе-

⁴³ Иота (повторяется Дзета), 31. Там же, № 10, р. 281; и Лямбда Альфа 5—9, № 31, там же, р. 325.

⁴⁴ Но это не совсем *hapaх legomenon* («слово, встречающееся единственный раз»): издатель упоминает (р. 283, п. 2) один документ от 1079 г., в котором малартии неудачно приравниваются к контаратам (копьеносцам), но в общем значении: «бойцы».

рехватывать посредством засад по пути, но благоразумно располагать их вблизи от лагеря; когда их тем или иным образом отразят, преследования нужно избегать как бесполезной и рискованной затеи. Силы врага могут также атаковать армию на марше; и, если его силы очень велики, не следует пытаться отразить их в стороне от марша; нужно прервать марш, сложить груз и выстроиться в надлежащий боевой порядок.

Особая осторожность необходима в том случае, если марш проходит по безводной местности:

Ужасно, если приходится вести сразу две битвы. Я имею в виду: одну против врага, а другую — против зноя, когда нет воды⁴⁵.

Лучше избрать более долгий путь, если на нём есть вода. Автор, несомненно, вспомнил катастрофическое поражение византийской армии под палящим июльским зноем 636 г. при Ярмуке, хотя это была река. Восточные враги Византии, сасанидские персы и позже арабы-мусульмане, турки-сельджуки и османы были лучше знакомы с методами ведения войны в пустыне, чем люди из Константинополя, потому что с европейской стороны этот город расположен на богатых водой землях, и выходит он на самую зелёную часть Анатолии.

Наш автор согласился бы с поговоркой, принятой в британской армии: время, потраченное на рекогносцировку, редко оказывается потерянным. Он подчёркивает необходимость в опытных и разумных проводниках (дукаторес), обращаться с которыми нужно очень уважительно (не как с нижними чинами): они должны не только знать местность, но и уметь рассчитывать перемещения войска и его потребности в пределах этой местности. Проводники могут лишь наблюдать, они не могут вести разведку боем с силами врага, и их разведка не может заходить глубоко на вражескую территорию. Эта задача, а также определение силы врага посредством малых пробных атак, возлагается на небольшие подразделения быстрой лёгкой конницы, называемые трапезитами или тасинариями (из армянского), но чаще хосариями. Это новое для греков слово было заимствовано из мадьярского *huszar*, которое, в свою очередь, восходит к старому сербскому *husar*, а оно само восходит к греческому «прокурсатор», то есть к латинскому *praecursor*,

⁴⁵ Campaign organization (Организация кампании), № 13; англ. пер.: Dennis 1985, p. 285.

procursator, «бегущий впереди» — хорошее определение конных разведчиков (таким образом, это слово, совершив некий кругооборот, снова попало в греческий, а на Запад оно перешло в форме «гусар» — так ещё и сегодня называют бронированные рекогносцировочные войска).

Чтобы зайти даже глубже, чем самая подвижная лёгкая кавалерия, необходимы шпионы. В нашем руководстве не даётся никаких новых указаний по обращению с ними, как в трактате «О стратегии» (*“De re strategica”*, 42. 20), но уточняется, что они нужны «не только среди болгар [поблизости], но и среди других соседних народов, например, в Пачинакии [в слабо определённых владениях печенегов], в Турции [во владениях мадьяр], в Росии [в Киевской Руси], чтобы все их планы были нам известны»⁴⁶. Если пленных берут вместе с их семьями, их можно отослать обратно, чтобы они шпионили за своими товарищами ради выкупа заложников.

Рекомендуется проявлять особую осторожность при пересечении горных проходов, даже если они не заняты врагом. Это можно расценить как величайшую опасность в войне с болгарами после катастрофического поражения императора Никифора I и его многочисленного войска в 811 г., о чём будет сказано ниже: отмечается особая способность болгар пересекать страну, чтобы занять и перекрыть горные проходы перед выступающими силами врага, не позволяя ему отступить безнаказанно⁴⁷.

Далее следует здравая тактика, начиная с нескольких дней предварительной рекогносцировки, осуществляемой «проводниками, шпионами и хосариями»; затем выдвигается авангард, в котором больше лучников и метателей дротиков, чем не столь подвижной тяжёлой пехоты. Когда авангард вступает в проход, командир должен занять высшие точки, особенно такие, откуда можно наблюдать за возможными боковыми подходами к линии продвижения. Главные силы вступают в проход лишь после того как его обследуют и расставят в нём надёжную стражу. Две пехотные таксиархии должны идти впереди конницы, располагая инструментами для ремонта дороги. Всякий раз, когда пехотинцы приближаются к особенно опасному проходу, который может быть захвачен просочившимся врагом, некоторое количество пе-

⁴⁶ Иота-эта, начиная с р. 22. *Campaign Organization* (Организация кампании), № 13; англ. пер.: *Dennis* 1985, р. 293.

⁴⁷ Там же, № 19; англ. пер.: pp. 293—295.

хотинцев нужно оставить позади, чтобы они удерживали место, пока не пройдёт всё войско. Гораздо больше приготовлений требуется, если проход был занят врагом. Если войско сильно, то лучше всего просто пойти другим путём, через другой проход, даже если он находится далеко. Иначе нет никакого другого средства, кроме одного: атаковать всем войском в надежде обратить врага в бегство, но при этом поддерживать готовность к битве; предварительно следует провести «артподготовку» силами лучников, метателей дротиков и пращников.

Об осадном деле автор тоже осведомлён хорошо, причём в этом вопросе он далёк от оптимизма⁴⁸. Он предсказывает неудачу осады хорошо укреплённого города в том случае, если сначала не будет уничтожена его сельскохозяйственная база посредством долгой кампании набегов с целью вырубить фруктовые деревья и виноградники, сжечь зерновые и захватить скот, чтобы осаждаемые не могли пересидеть осаждающих, которые могут везти с собой лишь запас ячменя для лошадей на двадцать четыре дня. Лишь в том случае, если проход караванов мулов и, «если возможно, повозок» можно обеспечить сильным эскортом для защиты от глубоких рейдов противника, осаждающие могут достичь превосходства и возобладать над врагом при помощи голода. Один контекст поддаётся точному отождествлению: в нём говорится о борьбе за отвоевание у арабов-мусульман городов Сирии — страны плодородной, но разорённой войной; в другом месте говорится о «стране болгар», в которой «совсем нет средств к жизни» — разумеется, из-за длившегося веками разорения её сельского хозяйства, а не из-за естественной неплодородности.

Величайшим занятым арабами городом, успешно отвоеванным византийцами, была Антиохия, взятая 28 октября 969 г. под командованием Никифора II Фоки (963—969 гг.), который в 962 г., ещё будучи офицером, уже разграбил и некоторое время удерживал в своих руках Алеппо, столицу Сайфа ад-Даулы (древнюю Беру, ныне Халеб). Наряду с Антиохией византийцы взяли ещё около шестидесяти меньших городов в военной зоне, простиравшейся через северную Сирию от восточной Анатолии до Месопотамии. Воины джихада ответили на это так:

Взятие Антиохии и других городов... уязвило сарацин [синайское племя у Птолемея; впоследствии это название применялось по отношению к ара-

⁴⁸ Иота-эта, начиная с р. 22. Campaign Organization (Организация кампании), № 21; англ. пер.: начиная с р. 303.

бам-мусульманам: слово «араб» в течение долгого времени означало «бедуин»] по всему миру, а также другие народы, исповадовавшие их религию: египтян, персов, арабов [= бедуинов], эламитов [= курдов], а также жителей Счастливой Аравии и Савы [Йемена]. Они пришли к соглашению и заключили союз, в силу которого собрали огромное войско со всех стран и поставили во главе его карфагенян [тунисцев]. Командиром у них был Зохар, человек энергичный и обладавший военным опытом, понимавший толк в войне и на суше, и на море. Когда все силы были собраны, они выступили против ромеев, насчитывая в своих рядах сто тысяч воинов. Они подошли к Антиохии со стороны предместья Дафни [там была роща, источники и множество прекрасных строений] и обложили город крепкой осадой, но жители города храбро сопротивлялись, выказывая крепость духа, так что осада затянулась надолго. Когда о скоплении народов стало известно императору, он тут же разослал письма [с приказами силам подкрепления вступить в битву] с тьмами варваров, [которые были] обращены в бегство и рассеяны в одной-единственной битве⁴⁹.

Следует предпринимать попытки выманить защитников наружу, чтобы одолеть их в бою на открытом пространстве. Если это не удастся и притом надёжно налажена доставка караванов с припасами, то осаждающим нужно позаботиться о рвах и заграждениях для защиты от вражеских вылазок. Имеются отряды фуражиров, собирающих фураж, то есть корм для лошадей, и необходимо охранять их, равно как и пасущихся лошадей, от вылазок врага, которого также могут выманить наружу бойцы, переодетые безоружными крестьянами.

Рейды и контррейды сопровождают осаду; чтобы собрать крупный отряд для набега на вспомогательные силы врага, находящиеся в одном дне пути от места, нужно собрать всадников, метателей дротиков, лучников, конную тяжёлую пехоту (что примечательно, «на лучших конях») и конных росов, которым поручается возглавить колонну. Вполне очевидно, что росы, то есть нормандская или варяжская гвардия, считались тогда элитными бойцами, даже лучшими из всех имперских элитных гвардейских частей.

Затем автор переходит наконец к действительным осадным операциям против фортификационных сооружений. До сих пор упоминалась лишь необходимость в особых мерах предосторожности для защиты

⁴⁹ Скилица. Иоанн Цимисхий, гл. 4, р. 155.

осадных машин от набегов врага, а также необходимость разбивать лагерь вне досягаемости вражеских камнемётов (петроволов).

Заявив, что осадные операции требуют «изрядной изобретательности», автор перечисляет подкопы, тараны, «черепахи», камнемёты, опять же какие-то неопределённые «канемёты» (петроволы: скорее, имеются в виду простые, но мощные требушеты, нежели катапульты, действующие посредством силы натяжения, или ещё более сложные машины, основанные на силе скручивания), канаты, деревянные башни, лестницы и земляные насыпи. Машины «сооружаются», но мы не знаем, какие именно и как они сооружались, потому что «древние авторы дали великолепные и весьма практичные указания в своих книгах»⁵⁰...

Когда речь заходит о тренировке, автор взывает к обычному авторитету:

Древние донесли до нас представление о необходимости обучения и организации войска. <...> Они упражняли не только всю армию целиком как боевое соединение, но и каждого бойца по отдельности, и обучали его искусно пользоваться оружием. Тогда в настоящем сражении смелость, сопровождаемая опытом и искусством владения оружием, сделает его непобедимым. Несомненно, необходимы упражнения и внимательное отношение к оружию. Ибо многие римляне и греки в древности с небольшими отрядами обученных и опытных людей обращали в бегство мириады вражеских воинов...⁵¹

Это звучит как вздох сожаления о несбыточных мечтах: ведь в то время византийские войска совсем не были так хорошо обучены, но в действительности тут всё зависело от географического местоположения, от стратегической глубины и повседневной безопасности, а также от порождаемого всем этим чувства неотложной необходимости в военной тренировке — или же от отсутствия такого чувства. Посетовав на то, что фемные воины-ополченцы больше не тренируются, а вместо этого «продают своё боевое снаряжение и лучших лошадей, а покупают коров», так что, если враг нападёт, «не найдётся никого, кто был бы способен исполнять труд воина», автор тут же признаёт, что жители приграничных об-

⁵⁰ Campaign Organization (Организация кампании), № 27; англ. пер.: Dennis 1985, pp. 317–319.

⁵¹ Там же, № 28; англ. пер.: pp. 319–321.

ластей и «соседствующие с нашими врагами» — «сильны и храбры. Поскольку они тренируются и отправляются на битвы... «их подобает чтить как защитников христиан». Итак, налицо вполне естественное различие между жизнью в безопасных тыловых областях, куда на памяти одного-двух поколений не проникал ни один враг и где тренировка пребывает в небрежении как бесполезная рутина, и приграничьем, где воины-крестьяне тренируются всерьёз. То же самое отмечается в современном Израиле, где местные отряды обороны, состоящие из солдат-ветеранов, освобождённых от службы в рядах резервистов, по большей части бездействуют в городах, но весьма бдительны в приграничной полосе.

Возможный автор трактата, Никифор Уран, сам был весьма успешным военачальником на службе у столь же успешного императора-воина Василия II — он наголову разбил болгар на реке Сперхий в 997 г. и участвовал в отвоевании северной Сирии у арабов-мусульман. Независимо от того, был ли сам автор главным действующим лицом в этих событиях или нет, таких успехов достигли не бедняки-крестьяне с дубинами и пращами, а хорошо тренированные воины, как фемные ополченцы (на границах им приходилось как следует упражняться, чтобы противостоять постоянным набегам и частым нападениям), так и элитные, профессиональные, получавшие жалованье войска тагм. В то время они сами по себе представляли существенную силу: конные схолы экскувитов и виглы, все возникшие из бывших гвардейских пехотинцев и более поздних иканатов («достойных»), а также гвардейская пехота, стражи на стенах и нумера, которые выступали также как полицейские и тюремные стражи⁵². Даже если автором не был Никифор Уран, всё же он мог быть современником последнего, а потому и знать о хорошо поставленной тренировке в его войске, без которой решающие победы той эпохи как над арабами-мусульманами, так и над болгарами были бы невозможны.

Затем автор предоставляет нам редкостную возможность полюбоваться византийской военной администрацией (отделом личного состава) в действии. Конечно, это бумажная работа, стимулом к которой послужило наличие настоящей бумаги в противоположность куда более дорогостоящему пергамену. Весь личный состав армии должен быть за-

⁵² *John F. Haldon. Byzantine Praetorians: an administrative, institutional and social survey of the Opsikion and Tagmata, c. 580—900* (Византийские преторианцы: административный, институциональный и социальный обзор Опсикия и тагм; Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 1984), начиная с p. 256.

несён во всеобъемлющие (кафолика) списки, чтобы было видно, сколько людей призвано, сколько осталось дома, сколько бежало, сколько было освобождено по слабости, сколько было признано больными. Затем списки переходят к качественным факторам, предполагающим систематическую оценку: сколько людей держат своих лошадей и боевое снаряжение в надлежащем состоянии; кто трудится ревностно, а кто ленив, сколько наберётся доблестных воинов, поскольку «людей, переживших смертельный риск и пленение, нельзя ставить на одну доску с лентяями и бездельниками»⁵³. Тогда каждый получит награду свою.

Риторически «ударной» концовки в трактате нет. Зато есть весьма любопытное замечание мимоходом: «Мы также намеревались поведать кое-что о набегах и о том, как проводить их в земле агарян [арабов], и указать подходящие и успешные способы разорить их страну. Но... мы считаем излишним писать о том, что и так уже всем известно»⁵⁴.

«ВОЕННЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ» (“PRAECEPTA MILITARIA”) ИМПЕРАТОРА НИКИФОРА II ФОКИ

Руководство по военному делу, известное как «Военные предписания» (“Praecepta Militaria”), греческое название которого в английском переводе звучит так: «Изложение и сочинение о военном деле императора Никифора» (“Presentation and Composition on Warfare of the Emperor Nikephoros”), действительно приписывается его авторитетным издателем императору Никифору II Фоке (963—969 гг.)⁵⁵. Контекстом этого труда служит наступательная война против мусульман, особенно про-

⁵³ Ламбда-бета, начиная с р. 16. Campaign Organization (Организация кампании), № 32, р. 327. Здесь возможна отсылка к сочинению «О стычках» (De velitatione).

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ McGeer 1995; о сочинении на р. 178. Текст, начиная с р. 13, с ценным комментарием и анализом. Прежде он был доступен лишь в издании 1908 г. по единственной сохранившейся рукописи (Mosquensis Gr. 436), осуществлённом русским византинистом Ю. А. Кулаковским (1855—1919 гг.), о правах на которого не без оснований заявляют сейчас украинцы.

тив всё более победоносного Али ибн-Хамдана Сайфа ад-Даула, независимого правителя нынешней Сирии и других областей, номинально подчинявшегося аббасидскому халифу. Прежде весьма успешный воин джихада, войска которого совершали глубокие набеги в Анатолию, Сайф ад-Даула был неоднократно разгромлен Никифором и его боевым командиром и преемником Иоанном Цимисхием, потеряв плодородные земли Киликии и значительный город Антиохию.

Потому этот труд представляет собою прямую противоположность сочинению «О стычках» (“*De velitatione*”): последний посвящён той же географической арене, то есть восточной Анатолии и прежде всего плодородной Киликии, и враги в нём те же, но его стратегическая ориентация — полностью оборонительная, хотя в нём и предлагаются некоторые откровенно наступательные тактические ходы.

Начинается это сочинение с предписаний о том, что необходимо пехоте — то есть «тяжёлой» пехоте для ближнего боя (в тексте «гоплиты»): имеются в виду ромейские или армянские новобранцы моложе сорока лет, рослые, обученные надлежащим образом действовать щитом и копьём, служащие под началом десятников (декархов), пятидесятников (пентиконтархов) и сотников (экатонтархов), вроде современных ротных командиров, если только не учитывать того, что, судя по общему контексту, они были скорее кем-то вроде сержантов, пусть и старших.

Должное внимание уделяется сплочённости: люди должны держаться вместе со своими друзьями и родными в контубернии, что в старой римской армии обозначало группу из восьми человек, а в византийской эта цифра колебалась от пяти до шестнадцати, но суть заключалась в том, что эти люди должны были жить, совершать марши и сражаться вместе.

Автор имеет в виду весьма специфическое полевое войско, насчитывающее точно 11 200 тяжёлых пехотинцев, не считая лёгкой пехоты. Их снаряжение с экономической точки зрения бедно, с набивными туниками (кавадии) вместо нагрудных доспехов из металла или хотя бы из вываренной кожи, с высокими башмаками, если это возможно, а в ином случае с «сандалиями, то есть с музакиями или цервулиями», о которых известно, что они служили обувью беднякам, женщинам и монахам⁵⁶. Металлический шлем отсутствует, есть лишь толстая фетровая шляпа — эта особая «тяжёлая» пехота названа так из-за её тактики,

⁵⁶ McGeer 1995, прим. 20—23, р. 62; слово «цервулианы» было уничижительным.

хотя она вовсе не облачена в доспехи, в противоположность, например, римским легионерам.

Но на оружие здесь не скупятся. В войсках Хамданидов, которые были предполагаемым врагом, было много конницы, как лёгкой, предназначенной для стычек и набегов (аравиты, по их бедуинскому происхождению), так и тяжеловооружённой (катафракты), предназначенной для атаки. Соответственно этому «Военные предписания» (*“Praecepta Militaria”*) указывают, что тяжёлая пехота должна быть вооружена толстыми, прочными и длинными пиками (контарии) длиной в 25—30 спифам (5,85—7,02 метра)⁵⁷; издатель считает такие размеры «невероятными» (прим. 29—31, р. 63), что, безусловно, верно для большего из приводимых размеров; но, как и в случае сариссы Филиппа и Александра, их длина позволяла сдерживать натиск конницы, тогда как неудобство их переноски на марше смягчалось тем обстоятельством, что это оружие собиралось из двух половин, скреплявшихся хомутиком, — к чему, возможно, имеет отношение и упомянутая куспия (прим. 32, р. 63). Перечень предписываемого вооружения продолжается «мечами, крепящимися к поясу, топорами или железными палицами, дабы один мог сражаться одним оружием, другой — другим, соответственно мастерству каждого»⁵⁸. Уточняется также, что за поясами у них должны быть пращи, чтобы они могли производить неожиданные броски с расстояния, прежде чем подойти на дистанцию ближнего боя со своими копьями или мечами; пращи обычно дополняли луки у бойцов лёгкой пехоты и были особенно полезны в сырую погоду. Автор предписывает использовать большие щиты (шесть спифам = 1,4 метра), «а по возможности даже больше». За этим стоит отсутствие нательных доспехов и необходимость защиты от града стрел, которыми могли осыпать византийцев люди Сайфа ад-Даулы.

Со всем этим снаряжением тяжёлая пехота действительно должна была быть тяжела, даже слишком тяжела. В связи с этим текст предписывает, чтобы «при каждой группе из четырёх [тяжеловооружённых пехотинцев] находился один человек (анфрос), который должен был во время битвы присматривать за их конями, грузом и съестными припасами»⁵⁹.

⁵⁷ Один спифам = 23,4 сантиметра.

⁵⁸ Предписания (*Praecepta*), I. 25—26; англ. пер.: *McGeer* 1995, р. 15; параграф 3.

⁵⁹ Предписания (*Praecepta*), II. 2—4; англ. пер: *McGeer* 1995, р. 23; параграф 1.

Наряду с 11 200 тяжёлыми пехотинцами в войске должно быть 4800 «искусных лучников». В «Военных предписаниях» (*Praecepta militaria*) лёгкая пехота приравнивается к лучникам, а в действительности к искусным лучникам, причём уточняется, что у каждого из них должны быть «два колчана, один на сорок стрел, другой на шестьдесят, а также два лука, четыре тетивы и небольшой ручной щит, меч на поясе и топор; кроме того, за поясом у них должна быть праща»⁶⁰.

Вопреки своему буквальному смыслу этот пассаж должен описывать стандартно изготовляемое снаряжение, а не то, что люди действительно должны были нести на себе в битву, — с мечом и топором, двумя луками и сотней длинных стрел пехотинец едва ли мог быть лёгким и подвижным. Гораздо вероятнее, что часть снаряжения везли вьючные животные и обозная прислуга.

И тут автор упоминает смешанное тактическое построение из конницы и пехоты, использовавшееся с эпохи античности, в котором двенадцать отдельных пехотных формирований оставляют между собой коридоры, из которых небольшие кавалерийские отряды из 10—15 всадников могут делать вылазки и в которые они могут возвращаться. Кроме того, если имеются метатели дротиков (иностранцы наёмники, как отмечено выше в описании допустимых потерь), то они могут стоять за каре пехоты, готовые перекрыть коридор, чтобы не пропустить конницу врага. Лучники и пращники, наличие которых обязательно (ведь без них не будет ни стрельбы, ни метания снарядов), стоят за тяжёлой пехотой каждого формирования. В движении, когда вражеская конница преследует византийскую между формированиями, метатели дротиков должны выступить и сдержать врага при поддержке лучников и пращников. Это позволит византийской коннице атаковать, не думая о своей защите, ибо пехота обеспечивает прикрытие, когда оно требуется.

Колонны, составляющие каждое формирование, строятся глубиной в семь человек, причём троих лучников окаймляли двумя пехотинцами с одного конца и ещё двумя — с другого, так что формирование, выстроенное таким образом, может с равным успехом действовать в обоих направлениях. У таксиархов (= тысяцких) сто таких шеренг в их формировании, а остальные триста человек состоят из двухсот метателей дротиков и пращников (более дешёвой и не столь искусной пехоты, снаряжённой дешёвым оружием) и сотни пехотинцев сов-

⁶⁰ Предписания (*Praecepta*), I. 33—38; англ. пер: *McGeer*, p. 15; параграф 4.

сем иного рода, отборных воинов, снаряжённых совершенно особым оружием, имевшим немалое значение в прошлом: это тяжёлое колющее копье, называвшееся по-латински *hasta*, а по-гречески менавлий (мн. ч.: менавлиа)⁶¹.

Его особое предназначение заключалось в том, чтобы защищать пехотные формирования от атак конницы — эту роль пикинёры, или копейщики, продолжали исполнять в европейских пехотных полках вплоть до распространения штыка. Более же общее его предназначение — служить сильным оружием особо сильных людей, образующих подразделения менавлатов, чья задача — удерживать строй под напором яростной атаки или же, напротив, рваться вперёд, нанося колющие удары по ожесточённо сопротивляющемуся врагу. Как таковой менавлий был оружием элитных воинов, как любая пика (то есть оружием людей, встречающих атаку тяжёлой конницы и противостоящих ей); кроме того, копейщики-менавлаты могли обладать высоким социальным статусом, как это нередко бывало с пикинёрами. В шекспировском «Генрихе V» пьяница Пистоль спрашивает переодетого Генриха V, кто он такой. «Я дворянин — командую отрядом», — отвечает тот, подразумевая, что он дворянин-доброволец. «Орудуете копьём?» — спрашивает Пистоль. Король отвечает: «Вот именно». Это было оружие людей уважаемых, даже дворян; оно было куда престижнее мушкета.

В качестве *hasta* она служила оружием воинов самого зрелого третьего эшелона (триариев) в легионах Римской республики гораздо ранее; под классическим, хотя и сбивающим с толку названием «сарисса» она упоминается как оружие, употреблявшееся пехотой в шестом веке⁶², но особое внимание уделено ей в «Военных предписаниях» (*Praecepta militaria*), где уточняется, что менавлий

...нужно делать не из обрезков дерева, а из цельных стволов молодых дубков, кизила или так называемой ацекидии. Если невозможно найти цельный ствол, тогда нужно собирать древки из обрезков, но они должны быть

⁶¹ Предписания (*Praecepta*), I, начиная с р. 62; англ. пер: McGeer 1995, р. 17; его примечания, начиная с 83 на р. 64, необходимы для того, чтобы прояснить местами испорченный текст: напр., длина менавлиев определяется в два или в два с половиной спифама, т. е. от 0,46 до 0,58 метра — явно недостаточно.

⁶² *Giorgio Ravegnani. Soldati di Bizanzio in Età Giustiniana* (Византийские воины в юстиниановскую эпоху; Roma: Jouvence, 1988), р. 46.

из твёрдого дерева и такой толщины, чтобы удобно было держать древко в руках. Сами же менавлаты должны быть храбры и сильны⁶³.

Длина этого оружия указана в главе 56 энциклопедической «Тактики» Никифора Урана (см. ниже): полторы-две оргии для древка, полтора-два спифама для наконечника, то есть 2,7 до 3,6 метра и от 35 до 47 сантиметров⁶⁴.

Повторим, что их особая задача состояла в сопротивлении атакам тяжёлой кавалерии, в данном случае тяжёлой кавалерии войска Хамданидов; в трактате мимоходом разъясняется различие между этим более прочным оружием и обычными копьями (контариями):

Менавлаты должны занять место в передней линии пехоты... если случится так (надеемся, что этого не будет!), что копья пехотинцев будут сломаны вражескими катафрактами, тогда менавлаты, твёрдо решившись, храбро отстаивают свои позиции, чтобы принять на себя атаку катафрактов и отбить их⁶⁵.

Более общая задача состояла в том, чтобы придать силы в лобовой атаке: «удар пикой» (*push of pike*), который ещё мог быть решающим в английской гражданской войне, или же в том, чтобы поддержать все пехотные формирования в неблагоприятных обстоятельствах:

...когда начинается сражение, <...> [отряды] могут выстроиться беспрепятственно и без помех [под защитой менавлатов]... С другой стороны, изнемогшие и раненые могут возвратиться, чтобы получить облегчение под их защитой⁶⁶.

После этого опять же становится ясно, что менавлией служил для угрозы и для колющих выпадов, а не для метания, а потому в корне отличался от классического римского пилума, тяжёлого метательного копья, не говоря уж о дротиках, как бы они ни назывались. Есть не-

⁶³ Предписания (*Praecepta*), I. 119—125; англ. пер: *McGeer* 1995, p. 19, параграф 11.

⁶⁴ Тактика, 56. 82—85; англ. пер: *McGeer*, p. 93, и p. 210, где вносится ясность в этот вопрос.

⁶⁵ Предписания (*Praecepta*), I. 116—119; англ. пер: *McGeer* 1995, p. 19, par. 10.

⁶⁶ Предписания (*Praecepta*), I, начиная с 75; англ. пер: *McGeer* 1995, p. 17, параграф 8.

устранимые различия между длинным колющим оружием, слишком длинным для метания (это пика, менавлией, *hasta*), метательным оружием, слишком хрупким для того, чтобы им можно было наносить колющие удары и устрашить атакующую конницу (дротики, аконтии, монокопии), колющими копьями для конницы (контус и т. д.) и тяжёлыми копьями, которые легионеры метали на небольшие расстояния (пилум); последние использовались в качестве колющего оружия лишь вынужденно, поскольку меч, гладиум, иногда оказывался слишком коротким⁶⁷.

В предписываемом построении только трое из десяти воинов являются лучниками, а в предусматриваемом войске есть 4800 лучников и 11 200 тяжёлых пехотинцев — та же самая пропорция, что предусмотрена для укреплённых лагерей в трактате «Организация и тактика кампании» (“Campaign Organization and Tactics”).

Вполне очевидно, что эти силы были сформированы для нападения, успех которого обеспечивался главным образом шоковой атакой конницы (как мы увидим ниже), и лучники используются гораздо меньше, чем в оборонительных силах. В армии Римской империи стрельба из лука была маргинальной по той же причине, и конечно же, у римлян не было действительно мощных луков. Но, хотя в византийском войске в десятом веке лук играл гораздо более скромную роль, чем в шестом, он всё ещё был достаточно важен для того, чтобы определить особые меры по поставке нового запаса стрел. Учитывая скорость стрельбы хорошо обученных лучников, ста стрел, которые нёс каждый, не могло хватить надолго. Соответственно этому ещё 15 000 стрел, то есть по 50 на каждого лучника, нужно было перевозить на животных, сопровождавших войско в битву (не в основном обозе), и показательно, что хилиарху (= тысяцкому), то есть офицеру в звании подполковника, если переводить на современный язык, приказывают

...пересчитать их предварительно и изготовить связки по пятьдесят штук, а потом сложить в ёмкости... Нужно выделить восемь-десять человек в каждом подразделении (из тысячи), чтобы снабжать стрелами лучников, дабы они могли не покидать своих [боевых позиций]⁶⁸.

⁶⁷ Против этого *M. P. Anastasiadis. On handling the Menavlion* (Об использовании менавлией), *BMGS*, 18, 1994, pp. 1–10, цит. в прим. 86, p. 349. Но см.: *Haldon* 1999, p. 218.

⁶⁸ Предписания (*Praecepta*), I. 137; англ. пер: *McGeer* 1995, p. 21, параграф 14.

Пятьдесят дополнительных стрел на каждого лучника — это, казалось бы, не так уж много, если учесть, что сотня их уже была выпущена, но в битве не все лучники могли успешно пускать стрелы во всё время сражения: они должны были располагаться там, куда враг подходил на расстояние выстрела, что вовсе не обязательно происходило с некоторыми или даже со многими из них. Таким образом, 15 000 запасных стрел можно было считать большим запасом, если их вручали активным лучникам, а не просто раздавали по 50 на каждого.

Затем речь заходит об особом оружии, которое также должен иметь командующий войском: «малые хироманганы, три элакати, труба на вертлюге для жидкого огня и ручной насос...» Как орудия поддержки они не эквивалентны современным пулемётам и мортирам, которые столь же универсальны, как пехотная винтовка; их можно сравнить скорее с таким оружием, как противотанковые ракеты и гранатомёты, каждая разновидность которого узко специализирована, крайне полезна в определённых обстоятельствах, но в бою в основном бездействует, дожидаясь своего часа. Греческий огонь, который нельзя было затушить водой, мог сжигать и ужасать врагов лишь в пределах малой зоны действия сифонов или огнемётов, приводимых в действие ручным насосом, — скажем, максимум 10 метров; поэтому его можно было применять лишь в том случае, если атакующий враг был у самой линии боя, — но и тогда он поражал лишь тех, кто оказывался в радиусе его действия и на досягаемом для него расстоянии.

Что же касается хироманган, то авторитетный издатель предположительно определяет это оружие как переносной стреломёт, подобный гастрифету, или тяжёлому арбалету⁶⁹. Но номенклатура римской и византийской артиллерии была, как известно, переменчивой: в течение четвёртого века название «катапульта» перешло с камнемёта на стреломёт, тогда как слово «баллиста» изменило значение «по противоположной траектории», если такой каламбур здесь уместен, — и скорее всего это был небольшой мобильный требушет⁷⁰.

Поскольку это более позднее французское название определяет специфику оружия, оно стало условным названием устройства, которое в византийских текстах выступает под разными именами, подчас

⁶⁹ McGeer 1995, p. 65, прим. 150—155.

⁷⁰ Paul E. Cheveddent. Artillery in late antiquity: prelude to the middle ages (Артиллерия в поздней античности: прелюдия к Средним векам), в: Haldon 2007, p. 137.

перенесёнными на него с совсем иных артиллерийских устройств античных инженеров; эти устройства действовали благодаря силе скручивания и натяжения, но с появлением требушета они по большей части устарели. Таковы были «градобор» (элеполь), «камнемёт» (петровол, лифовол), алаканий, ламбдария, манган, манганик, петрария, тетрария, а также сами хироманганы. Требушет мог быть довольно большим для того, чтобы уничтожить самые прочные стены с тактически выгодных дистанций в 200 метров и более, далеко за пределами дальноточности лука, или же довольно маленьким, чтобы его мог легко переносить и управляться с ним один человек, как, возможно, и обстояло дело с хироманганами. Один авторитет в этой области предположил, что византийцы осознали пользу малого, мобильного хиромангана после битвы при Анзене в июле 838 г., когда войска Аббасидов применили требушеты на тяге, чтобы обрушить град камней на византийских бойцов, которые внесли панику в ряды арабов, после того как из-за проливного дождя вышли из строя луки конных лучников-тюрок мусульманского войска⁷¹.

В любом случае это орудие состояло из балки, вращающейся вокруг оси, поддерживаемой относительно высокой рамой; у балки были неравные плечи: длинное и короткое. Снаряд помещался в гнездо или в гибкую пращу, прикреплённую к концу длинного рычага, тогда как натяжные канаты крепились к короткому плечу. Чтобы запустить снаряд, короткое плечо резко оттягивалось вниз: либо посредством мускульного усилия людей, либо под действием силы тяжести благодаря высвобождению противовеса, либо за счёт комбинации того и другого. Обычно полагают, что византийские требушеты десятого века были основаны на тяге или же были гибридными, тогда как более мощные требушеты, действующие за счёт силы тяжести, впервые стали сооружаться и использоваться Иоанном II Комнином (1118—1143 гг.)⁷².

Здесь происходила очень долгая эволюция или, скорее, очень медленная диффузия, если верно, что китайцы применяли требушеты го-

⁷¹ Paul E. Cheveddent. The Invention of the Counterweight Trebuchet: a study in cultural diffusion (Изобретение противовесного требушета: исследование культурной диффузии); *Dumbarton Oaks Papers*, № 54 (Washington DC, 2000), pp. 72—116. Об отождествлении с хироманганами из «Военных предписаний» (*Praecepta Militaria*) см. p. 79. см. также прим. 144, p. 110.

⁷² Paul E. Cheveddent. Ук. соч., p. 114.

раздо раньше. В действительности авары, которые, согласно документальным свидетельствам, впервые применили его, могли научиться этому у китайцев, прежде чем прийти на Запад, хотя Феофилакт Симокатта («История», II. 16. 10—11) передаёт рассказ о пленном византийском воине по имени Вусас, который научил авар сооружать «градобор» (элеполь); авторитет в данном вопросе переводит это слово именно как «требушет»⁷³. Но оно могло означать любую боевую машину, включая исконный «градобор» (элеполь), то есть передвижную осадную башню. Кроме того, Симокатта изображает авар технически невежественными, тогда как в «Стратегиконе», как мы видели, неоднократно даётся совет пользоваться аварской технологией. Как бы то ни было, при осаде Фессалоники в 597 г. авары применили пятьдесят требушетов, что привело к страшным разрушениям; именно тогда существование требушетов было впервые засвидетельствовано в знаменитых воспоминаниях архиепископа Иоанна I:

У этих камнемётов [петроволы = требушеты] была четырёхсторонняя рама, которая была шире у основания и постепенно сужалась кверху. К этим машинам крепились толстые оси, обложенные на концах железными пластинами, и к ним были прибиты гвоздями деревянные брусья, как балки большого дома. С задней стороны этих брусьев свисали пращи, а с передней — крепкие канаты, посредством которых, оттягивая вниз и затем высвобождая пращу, они выпускают камни, летящие высоко и с сильным шумом. И они выпускают много больших камней, так что ни земля, ни людские постройки не могут сопротивляться их ударам.

Кроме того, они покрывали эти четырёхсторонние камнемёты досками с трёх сторон, чтобы люди, находившиеся внутри и приводившие их в действие, не были ранены стрелами, [выпущенными] теми, кто находился на стенах. Поскольку же один из них, вместе с досками, был сожжён огнём от зажигательной стрелы, они отступили, увозя с собою машины. На другой день они снова подкатили эти камнемёты [петроволы = требушеты], покрытые свежеснятыми бычьими шкурами и досками, и поставили их ближе к городским стенам; производя выстрелы, они обрушили на нас целые горы валунов. Ибо как ещё можно назвать эти огромные камни?⁷⁴

⁷³ Paul E. Cheveddent. Ук. соч., р. 75 и прим. 9.

⁷⁴ В «Чудесах св. Димитрия» (Miracula St. Demetrii). Здесь минимально адаптировано по: Paul E. Cheveddent. Ук. соч., р. 74, а там извлечено из: P. Lemerle (изд.). Les plus anciens

Затем автор переходит к гоплитам, то есть к тяжёлой пехоте, отмечая, что на двоих должен быть один мул, чтобы перевозить на себе их щиты, копья и съестные припасы, а в каждой четвёрке должен быть «человек» (антропос, не слуга и не боец), надзирающий за этим имуществом, пока воины заняты битвой. Следующий комментарий напоминает о том, что битвы следует проводить там, где есть источник воды⁷⁵. Эти разрозненные наблюдения типичны для текста, сводящегося к ряду практических замечаний, оставленных практиком его преемникам.

Конница, упоминаемая в этом тексте десятого века, не играет такой преобладающей роли, как в «Стратегиконе», относящемся к шестому веку. Очевидная причина заключается в том, что в войске, сформированном с целью одержать победу и удержать за собою территорию, а не обойти манёвром и сдержать врага, должна быть пехота, способная отстоять свои позиции. Кроме того, в десятом веке конница отличалась значительным разнообразием в сравнении с той конницей, вооружённой луками и копьями, что изображена в «Стратегиконе», которая была, безусловно, универсальна, но однотипна. Причина опять же проста: на Востоке византийцы столкнулись с врагом, конница которого также была значительно дифференцирована. В ней были бедуинские лёгкие наездники с мечами и копьями, отлично подходившие для набегов, которых можно было (хотя и не с такой степенью надёжности) использовать для разведки и рекогносцировки, тюркские конные лучники, всё в большей степени заменявшие собою арабов и бедуинов в качестве главных действующих лиц джихада, и броненосная конница, перенятая из войска Сасанидов, которой римляне прежде подражали, введя у себя кливанариев.

Первый тип конницы, упоминаемый в «Военных наставлениях» (*Praecepta militaria*) — это прокурсоры, обычное название для лёгкой кавалерии, предназначенной для разведки, рейдов и рекогносцировки, а также для того, чтобы мешать противнику заниматься тем же самым. Уточняется, что они должны носить кливации; это слово в течение веков явно изменило своё значение, потому что стало относиться не к цельному, пластинчатому или какому-либо иному панцирю, а,

recueils des miracles de saint Démétrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans (Древнейшие рассказы о чудесах св. Димитрия и проникновение славян на Балканы), в 2-х тт. (Paris, Centre national de la recherche scientifique, 1979). Vol. 1, p. 154.

⁷⁵ Предписания (*Praecepta*), II. 2—13; англ. пер: McGeer 1995, p. 23, параграфы 1, 2.

видимо, к лёгким доспехам, изготовленным из кожи, из плотной ткани или из чего-нибудь ещё, потому что о прокурсаторах говорится, что они «не вооружены тяжело, но легки и подвижны»⁷⁶.

Полевая разведка по определению ограничивается наблюдением без боя, и именно эта роль предположительно отводилась прокурсаторам. Сколь бы важна она ни была, всё же ещё более значительная их роль заключалась в рекогносцировке в современном смысле этого слова, то есть в намеренном провоцировании вражеских войск, пусть и осторожном, чтобы заставить их раскрыться, прощупать их силу, взять языков, ослабить их внезапными атаками или засадами — или же отогнать вражеских прокурсаторов, которые сами заняты разведкой или рекогносцировкой. В любом случае, если им приходилось сталкиваться с превосходящей силой или с любым видом решительной боевой операции, их задача состояла не в том, чтобы сражаться, а в том, чтобы ускользнуть, потому что они могли принести больше пользы, действуя совместно с другими, дабы снабжать сведениями своих и скрывать их от врагов.

Мы можем с уверенностью утверждать вышесказанное из-за организации и снаряжения, предписываемого автором для прокурсаторов. Он предусматривает их общую численность в 500 человек, 110—120 из которых должны быть искусными лучниками в доспехах (кливаниях или лорикиях) и шлемах, вооружёнными также мечами и палицами, а все остальные должны быть копейщиками — идеальное оружие для рейдов на лёгких лошадях. У каждого должен быть при нём запасной конь, когда он в рейде (не в запланированном бою); этой практике обучились уже давно у степных кочевников, и она была особенно полезна для того, чтобы быстро уйти после битвы. Автор определяет настоящее тактическое формирование, которое при случае могло сражаться в полном составе под началом одного командира, а не выступать как сугубо административная единица, — и отмечает, что в том случае, если войско меньшей численности, это формирование должно состоять из трёхсот человек, включая шестьдесят лучников⁷⁷.

Второй тип конницы — это более специализированные катафракты, всадники в латах на защищённых доспехами конях, выстроенные тесной массой соответственно своей задаче: смять неприятеля и привести его в шок.

⁷⁶ Предписания (Praecepta), II. 20—23; англ. пер: McGeer, p. 23, параграф 3.

⁷⁷ Предписания (Praecepta), IV. 7—11; англ. пер: McGeer, p. 39, параграфы 1, 2.

Если армия достаточно велика, автор текста рекомендует построение треугольным клином из 504 человек с колоннами по двенадцать в глубину, с 20 всадниками в первой шеренге, 24 во второй, 28 в третьей, 32 в четвёртой, 36 в пятой и так далее, вплоть до двенадцатой шеренги из 64 всадников, что в целом даёт 504 человека. Если катафрактов меньше, то уточняется, как их нужно выстроить в меньший клин в 384 всадника.

Это немалые числа, поскольку за ними стоят не одни только бойцы. Всадники в дорогих доспехах на дорогих конях — эквивалент бронированных машин в современную эпоху; на время написания настоящей книги во всей британской армии насчитывается 382 танка. На благоприятной местности решительная атака 504 или даже 384 всадников в доспехах может быть устрашающей; она способна рассеять любого врага, кроме самого упорного, в силу простого психологического шока, даже без настоящего вооружённого столкновения.

Но катафракты были полностью вооружены и для самого ближнего боя, поскольку самый первый из перечисленных здесь видов оружия — не копье, а классическое оружие для стычки:

...железные палицы [сидероравдии = железные посохи] с набалдашниками из железа (на набалдашниках должны быть железные шипы) — либо другие [прямые] палицы или сабли (парамерии). У всех должны быть мечи (спафии). Они должны держать железные палицы и сабли в руках, а также иметь другие железные палицы: либо за поясом, либо на сёдлах. <...> Первая шеренга, то есть фронт формирования, вторая, третья и четвёртая шеренги должны иметь такое же дополнительное вооружение, но начиная с пятой шеренги и глубже катафракты с флангов должны выстраиваться так: один человек, вооружённый копьём, и один, вооружённый палицей, или же один из людей, вооружённых саблями⁷⁸.

Всё вышеперечисленное имеет прямой тактический смысл: так намечается синергетическая комбинация разных видов оружия. Тяжёлые железные палицы, к тому же снабжённые шипами, приспособлены для ближнего боя с врагами, которые также могли носить тяжёлые доспехи и потому были неуязвимы для более лёгких ударов. «Другие палицы» — более лёгкие разновидности, но утыканные лезвиями; их можно

⁷⁸ Предписания (Praecepta), III, начиная с 53; англ. пер: McGeer 1995, p. 37, параграф 7.

было также метать (вардукион, мацукион); в искусных руках они были весьма грозным оружием и обычно использовались также для конной охоты, предположительно в ближайших окрестностях (см. сцену в Мадридской иллюстрированной рукописи Скилицы XII века, изображающую Василия I (867—886 гг.), который убивает вардукионом волка, разmozжив ему голову). Вот почему этим людям предписывается иметь ещё одну палицу за поясом — иначе не было бы смысла её носить.

Сабли, парамерии, с одним лезвием для рубки и, возможно, искривлённые, чтобы меньше цеплялись при рубке, предназначались для тех, кто неуверенно обращался с тяжёлыми палицами и не обладал особыми навыками, необходимым для метания палицы.

Все должны были иметь мечи, спафии — это слово всегда служило названием оружия длиной по меньшей мере в 90 см, а потому пригодного и для атаки.

Копья (контарии) в других местах не упоминаются, но они должны были выдаваться всем, потому что были главным оружием для атаки и притом не слишком обременительным — в «Стратегиконе» они достаточно легки для того, чтобы можно было закрепить их ремнём за спиной.

У самих катафрактов не было метательного оружия, кроме нескольких палиц для метания, но оставлять их совсем без этого вида вооружения значило бы чрезмерно ограничить их возможности. Поэтому автор предписывает наличие конных лучников — третьей разновидности конницы — численностью в 150 человек для формирования из 504 катафрактов или в 80 для 384. Их нужно защитить, поставив за четвёртой шеренгой конных латников⁷⁹. Таким образом, формирование могло принять участие в сражении ещё до этапа рукопашной схватки — например, выпустив укрывающихся за ним лучников вперёд, на расстояние убойного выстрела: ведь всадники в первых шеренгах были защищены от вражеских стрел и снарядов своими доспехами.

Таково достоинство бронированных войск в войсках любых эпох: превосходная мобильность на поле боя, то есть способность перемещаться, несмотря на вражеский огонь (в данном случае имеются в виду стрелы), позволявшая более медленным всадникам в доспехах продвигаться вперёд быстрее, чем это могли делать легковооружённые всадники, которым, казалось бы, ничто не мешает: ведь тем нужно было оставаться за пределами убойной дальности вражеских стрел, точно так

⁷⁹ Предписания (Praecepta), III. 46—53; англ. пер: McGeer, p. 37, параграф 6.

же как нынешние медленные танки могут продвигаться вперёд несравненно быстрее лёгких машин без брони, когда кругом свистят пули.

Упоминаемые доспехи определяются в тексте очень точно. Каждый всадник должен быть облачён в кливаний с рукавами до локтей, в юбку и в наручные щитки; кливаний изготовлялся из грубого шёлка или хлопка, настолько толстого, насколько толстой может быть простёганная ткань, и покрыт сверху завами, чешуйчатой бронёй⁸⁰. Ясно, что такие кливания изготовлялись из металлической брони, пластинок или чего-то ещё, ибо рекомендуется также безрукавная эпилорика из грубого шёлка или хлопка; и не только потому, что буквально это слово означает «напанцирник» (это нельзя назвать убедительным доказательством, если учесть все изменения значения), но и потому, что именно металлические доспехи нуждаются в защите от ржавчины во влажную погоду.

Шлемы изготовлены из железа и значительно усилены, так что лицо покрыто завами в два или три слоя, «чтобы видны были только глаза»; предписываются также щитки для ног наряду со щитами. Доспех не должен быть непременно совершенным или полным, чтобы помогать в битве, потому что даже слабая защита может предохранить от стрел, выпускаемых с дальнего расстояния и обладающих малой ударной силой; по мере возрастания прочности доспехов растёт и их способность отражать более мощные выстрелы. Всадник в доспехах мог сражаться спешившись, чтобы защитить себя, но его главная цель, а именно натиск, требовала наличия живых коней, а их тоже нужно было защищать от стрел. На деле верхние части их тела также следовало «покрывать доспехами» из войлока и вываренной кожи, вплоть до колен, чтобы только «глаза и ноздри» оставались открыты; возможны были также нагрудные щитки из шкуры зубра — вероятно, это был европейский зубр (*Bison bonasus*), тогда ещё обычный на Кавказе, а также в лесах по всей Европе⁸¹.

⁸⁰ Переведено предположительно как «кольчуга» (“*chain-mail*”) в: *McGeer* 1995, р. 70, строка 29; и в глоссарии, р. 370), но вполне очевидно, что шёлковая или хлопковая ткань служили подкладкой для чешуйчатого панциря, поскольку кольчуга в такой подкладке не нуждается (III. 27—30, *McGeer* 1995, р. 35, параграф 4). Иную точку зрения см. в работе: *Timothy Dawson*. *Kremasmata, Kabadion, Klibanion: some aspects of middle Byzantine military equipment reconsidered* (Кремасмы, кавадий, кливаний: пересмотр некоторых аспектов средневизантийского военного снаряжения), *BMGS* 22, 1998, pp. 38—50.

⁸¹ Предписания (*Praecepta*), III. 36—46; англ. пер: *McGeer* 1995, параграфы 4—6, р. 37.

Конечно, лучникам предписываются более лёгкие доспехи (они, несомненно, должны избегать ближнего боя, чтобы успешно пользоваться своим оружием), но они тоже должны носить кливации и шлемы, а их лошади должны быть защищены плотной тканью (кавадием).

Автор предусматривает различные комбинации этих трёх видов конницы, которые в действительности подразделяются и дальше, потому что только некоторые из катафрактов могут взять на себя роль копейщиков. Основное боевое подразделение для всех них (и блок для постройки более крупных тактических формирований) — это ванда из пятидесяти человек, собранных на основе родственных связей или дружбы; они «должны по возможности разделять друг с другом место проживания и повседневные заботы»⁸².

Как всякий серьёзный военачальник, автор знает, что сплочённое подразделение численностью в пятьдесят человек и более обладает боевой мощью, во много раз превышающей боевую мощь пятидесяти бойцов, взятых по отдельности; знает он и о том, как добиваться такой сплочённости: бойцы должны делить друг с другом и радости, и горести. Между прочим, пятьдесят человек — это почти максимальное число людей, при котором возможно установление близких отношений и сплочённости: в современных армиях такой основной боевой единицей является взвод из тридцати человек или около того. Разумеется, важно поддерживать единство подразделения, даже если его численность оказывается помехой, когда людей чуть больше или чуть меньше, чем действительно необходимо.

Но сплочённость — самое главное. Когда автор перечисляет различные тактические построения, пригодные для различных обстоятельств, строительным «блоком» всегда выступает ванда из пятидесяти человек, так что собственное боевое подразделение командира (здесь, как и в трактате «О стычках» [“De velitatione”], оно называется германским словом «фулкон») должно насчитывать 150 человек, три банды из общего числа в 500 человек; если же общая численность составляет всего 300 человек, тогда в фулконе должно насчитываться 100 — две ванды⁸³. И в том, и в другом случае всем остальным людям (или, скорее, вандам) нужно поручить рекогносцировку: поскольку численность со всех сторон была в обычном случае слишком мала,

⁸² IV. 1; англ. пер: *McGeer*, p.39, параграф 1.

⁸³ Предписания (*Praecepta*), IV. 17—22; англ. пер: *McGeer* 1995, p. 41, параграф 2.

византийские войска и их враги проводили большую часть времени, отнимаемого кампанией, в поисках друг друга.

Схожим образом обстоит дело и в определении основного боевого строя: силы с правого фланга должны насчитывать 100 человек, как копейщиков, так и лучников, то есть две ванды; на левом крыле также должно быть 100 человек, «чтобы отражать врага, заходящего с фланга»; в основных блоках должно насчитываться по 500 человек, по 300 копейщиков и 200 лучников, то есть шесть ванд и четыре ванды⁸⁴. Только формирование катафрактов из 504 человек не полностью подходит под это правило пятидесяти.

Однородность боевых подразделений, каждое из которых состоит из бойцов одной специальности ради обеспечения сплочённости, в войске, которое описывается в «Военных предписаниях» (*Praecepta militaria*), существует наряду с разнородностью его формирований, состоящих из тяжёлой и лёгкой пехоты, лёгкой конницы, конных лучников и панцирной конницы, причём именно различия между ними создают возможности для их успешного взаимодействия.

Например, грозный треугольный клин из 504 катафрактов может атаковать боевой строй врага и успешно смять его ряды, обратив его конницу в паническое бегство, воспользоваться которым по-настоящему могут лишь быстрые прокурсоры, пустившись в погоню, чтобы заколоть врагов копьями и зарубить саблями. Если в бегство обращается и вражеская пехота, тогда сами катафракты могут учинить бойню мечами и палицами, а конные лучники могут воспользоваться своими длинными мечами.

Для катафрактов это было бы блистательным успехом, и он, как мы увидим далее, временами достигался; но это, конечно, были особые случаи, как и все сокрушительные победы во все времена. Однако гораздо чаще 504 катафракта (или, в другом случае, 384) могли достичь более прозаического, но всё же весьма полезного результата: они могли вынудить врагов оставаться в очень тесных формированиях, ошетилившись пиками и копьями, чтобы отразить атаку или скорее отказаться от мысли о ней: ведь обычно конники не станут атаковать плотный строй внушительно выглядящей пехоты с длинными острыми копьями, направленными прямо на них. Но чем теснее построение врага, тем более удобной мишенью оно выступает для лучников (если только это не

⁸⁴ Предписания (*Praecepta*), IV, начиная с 29; англ. пер: McGeer 1995, p. 41, параграф 3.

римская «черепаша», *testudo*, с поднятыми вверх щитами, образующая совершенную форму): им уже не нужно целить в отдельные мишени, зато они могут открыть быструю ураганную стрельбу, успешную с расстояния до 250 ярдов (около 227 метров) для лучших составных луков с обратным изгибом и для искусных лучников, вследствие которой они убьют немногих, но ранят многих, а к тому же выведут из строя многих лошадей; с расстояния же в сто ярдов (примерно 91 метр) лучшие луки и стрелы могут пробивать большинство разновидностей панцирей, сильно повышая потери в рядах врага.

Никифор II Фока (или кто-то другой, написавший этот текст) обладал здравым пониманием психологии битвы. Часто бывает весьма полезно испугать врага «криками и боевыми кличами», как рекомендуется в особом месте трактата «О стычках» (*“De velitatione”*). Барабаны, трубы, фейерверки (у китайцев) и пронзительные вопли широко применялись в древних битвах, чтобы испугать врага. Но даже во время Второй мировой войны оглушительных взрывов и непрерывного гула скорострельной артиллерии кое-кому показалось недостаточно; поэтому немецкие военно-воздушные силы (Люфтваффе) вооружили некоторые из своих пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87» (*Sturzkampfflugzeug*, *Stuka*, «Штука») сиренами, производившими при пикировании невыносимый вой (за что русские прозвали их «певунами»), а красноармейские «Катюши» выпускали ракеты с душераздирающим воем, за что немцы, быстро обучившиеся их ненавидеть, прозвали эти установки «сталинскими органами».

Шум пугает и может стать одним из факторов, способных сломить боевой дух врага. Но этого же можно добиться и с помощью тишины в тех верно избранных обстоятельствах, когда она становится мёртвой. Именно это и предписывает автор текста: «Когда враг приближается, всё войско должно прочесть неодолимую христианскую молитву: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь» — и таким образом пусть они начнут наступать на врага, продвигаясь тихо, соблюдая формирования, на предписанной скорости, не производя ни малейшего шума, ни звука»⁸⁵. Вполне можно представить себе эффект: войско тяжеловооружённых всадников, движущееся вперёд в совершенном порядке и полной тишине, покажется ещё более неумолимым.

⁸⁵ Предписания (*Praecepta*), IV, начиная с 106; англ. пер: *McGeer*, p. 45, параграф 11.

В «Военных наставлениях» (*“Praecepta militaria”*) содержится самое сжатое выражение византийского стиля ведения войны. Это не гомеровская война за личную славу, не великое воинское предприятие Александра Македонского и не беспощадное уничтожение врага, характерное для классического римского стиля ведения войны. Византийский боевой командир, изображённый в этом тексте, — не приверженец священной войны, равно довольный как победой, так и славным мученичеством, и не искатель приключений, рассчитывающий на удачу. Его задача состоит в том, чтобы провести кампанию успешно, иногда благодаря проведённым битвам, но по большей части — нет; он должен вступать только в победоносные битвы, а это такая цель, достичь которой можно было, избегая всего того, что похоже на честный бой: «Избегай вражеского войска, не только превосходящего силою твоё, но и равного твоему по силе»⁸⁶.

Разведку, шпионов и рекогносцировку силами лёгкой конницы следует применять в полном объёме и непрерывно, чтобы оценить материальную и моральную силу врага, из которых последняя, как всегда, гораздо важнее, в три раза важнее, согласно Наполеону, с которым согласился бы автор трактата. Стратегемы и засады представляют собою альтернативы битвам, которых можно было бы не вести, потому что так можно со временем деморализовать врага, а затем наконец вступить в битву, чтобы одержать верную победу⁸⁷.

«ТАКТИКА» НИКИФОРА УРАНА

Никифор Уран, бесспорный автор последнего труда, относящегося к эпохе византийского военного возрождения в десятом веке, не был императором, как авторы обсуждавшихся выше пособий по военному делу, но был фигурой достаточно выдающейся. Впервые он упоминает-

⁸⁶ Там же, 204—205; англ. пер.: McGeer 1995, p. 51, параграф 19.

⁸⁷ Авторитетный новый издатель «Военных предписаний» (*Praecepta Militaria*) также внёс свой вклад ценным тактическим анализом, в котором согласно тексту тщательно реконструируются особые способы, посредством которых нужно использовать эти виды взаимодействия. См.: McGeer 1995, особенно с p. 294.

ся как придворный военный советник (веста), отправленный в Багдад, чтобы вести переговоры о выдаче Варды Склира, который перебежал к арабам после своего поражения в 979 г.⁸⁸

Никифор Уран увяз в нескончаемых переговорах, завершившихся его же заключением в тюрьму, откуда его пришлось выкупить в 986 г. Но, несмотря на свою неудачу, он был повышен в должности и в звании магистра назначен на очень высокий пост доместика схол Запада, то есть буквально начальником гвардии, но в действительности — командующим действующей армией; в этой должности он одержал впечатляющую победу в битве на реке Сперхий в 997 г. В течение двух лет царь Самуил возглавлял болгар в удачных грабительских экспедициях через всю Грецию вплоть до Аттики, предварительно разбив византийский гарнизон в Фессалонике, и как раз возвращаясь победителем, обременённый добычей, он встал лагерем у реки в Фессалии (центральная Греция), которая и поныне называется Сперхией. Византийские войска под началом Никифора вышли к противоположному берегу реки ускоренным маршем:

С неба лил проливной дождь; река разлилась и вышла из берегов, так что не возникало даже мысли о том, чтобы вступить в битву. Но магистр [Никифор], пройдя вверх и вниз по реке, нашёл место, где, по его мнению, можно было переправиться [т. е. брод]. Он поднял войско ночью, перешёл через реку и совершенно неожиданно напал на спящих бойцов Самуила. Лучшие из них были перебиты, никто не решился даже подумать о сопротивлении. И Самуил, и Роман, его сын, получили тяжёлые ранения, и спастись им удалось, лишь спрятавшись среди мертвецов...⁸⁹

Как отмечал Дэн (Dain), руководства по военному делу всегда рекомендовали нечто вроде этого, то есть искусный манёвр, позволяющий добиться полной неожиданности, которая парализует врага и потому может свести на нет даже значительную разницу в численности и в боевой силе; но руководства обещали лишь тактические преимущества, а на реке Сперхий Никифор Уран одержал стратегическую

⁸⁸ *Alphonse Dain. La "Tactique" de Nicephore Ouranos («Тактика» Никифора Урана; Paris: Le Belles Lettres, 1937). Здесь и далее: Dain 1937, p. 134.*

⁸⁹ *Склица. Василий II Болгаробойца, гл. 23, p. 183.*

победу⁹⁰. Потери болгар были столь тяжелы, что Самуил уже больше никогда не угрожал Греции, он был решительно ослаблен, хотя его военная сила и его царство не были окончательно уничтожены вплоть до битвы в проходе Клеидион в июле 1014 г.

Труд Никифора Урана был столь же полномасштабным: не менее 178 глав, что дало бы 500 больших страниц на греческом, — но этот труд как целое никогда не был опубликован, хотя Дэн (Dain) реконструировал текст по восемнадцати различным рукописям разного времени, начиная с 1350 г. и далее. Одна из них, константинопольская (Constantinopolitanus gr. 36), содержащая 33 главы, была обнаружена лишь в 1887 г. немецким учёным Фредериком Блассом (Blass), который нашёл её в малоподходящем месте: во дворце Топкапы Сарай, в Сера-ле, над которым витают пылкие образы гаремной жизни, хотя в действительности это была просто резиденция и штаб-квартира османских султанов до 1853 г. (именно их переезд в новый дворец Долмабахче позволил учёному-иностранцу порыться в библиотеке)⁹¹. Именно из этой рукописи взято заглавие «Тактика», открывающее собою длинное, в целый параграф, оглавление этого труда.

Первая часть, включающая в себя главы 1—55, представляет собою парафразу «Тактических конституций» упоминавшегося выше Льва VI Философа (886—912 гг.), которые и сами большей частью основываются на более ранних трудах; так, начало «Тактики» Никифора Урана, о качествах хорошего военачальника, основывается на второй конституции, которая, в свою очередь, сама взята из трактата «Военачальник» («Стратигикос») упоминавшегося выше Онасандра, что Дэн убедительно доказывает, приведя четыре параллельных отрывка⁹².

Главы 56—74 представляют собою парафразу «Военных предписаний» («Praecepta militaria»), рассмотренных выше, от которых до нас дошло лишь шесть глав: утраченный текст можно частично реконс-

⁹⁰ A la suite d'une habile manoeuvre dont il pouvait voir le thème dans les manuels de tactique qui lui étaient familiers (Вследствие умелого манёвра, о котором он мог прочесть в хорошо знакомых ему руководствах по тактике): *Dain* 1937, p. 135.

Бласс перечислил все найденные им классические тексты: Die griech. und lat. Handschriften in alten Serail zu Konstantinopel (Греч. и рим. рукописи в старом константинопольском серале), *Hermes*. Vol. XXIII (1887), pp. 219—233, включая Константинопольский кодекс (Constantinopolitanus gr. 36, p. 225).

⁹² Он прибавляет к этому «Сборник тактиков» (*Sylloge Tacticorum*); *Dain* 1937, pp. 42—43.

триуировать по Никифору Урану, который доступен в одном современном издании, включающем главы 56—65, и в другом, куда вошли главы 63—74⁹³. В них описывается пехота, конница и особенно катафракты, тяжеловооружённая кавалерия, а затем автор переходит к описанию обычных военных операций: стычки, рейды, осады, а также (поскольку совсем избежать лобовых сражений на открытой местности невозможно) указания о том, как выигрывать сражения.

В третью, самую пространную, часть «Тактики» Никифора, включающую в себя главы 75—175, входят главы 112—118 о том, как вести тайную переписку, 119—123 о морских сражениях, опубликованные самим Дэном в 1943 г. в его «Навмахике», и главы 123—171, содержащие нескончаемый перечень военных хитростей, почерпнутых в конечном счёте из «Стратегики» Полиэна.

В 999 г. Никифор Уран был назначен командующим в Киликии и близлежащей Сирии со ставкой в Антиохии (современная Антакия), некогда бывшей третьим по значению городом Римской империи и отвоёванной у арабов в 969 г. Сильно укрепшим византийцам не приходилось бояться ежегодных вторжений воинов джихада, как было в прошлом, но мира на границе не было: продолжались набеги, ответные набеги и более масштабные вторжения. Они являются предметом глав 63—65 «Тактики», отражающих практические военные познания опытного боевого командира.

Набеги отличаются от вторжений тем, что в них не ставится целью завоевание территории; но, как и полномасштабные вторжения, они нуждаются в полномасштабной разведывательной подготовке, поскольку силы, участвующие в набеге, невелики и потому по определению уязвимы, и выживание их зависит от способности захватить врага врасплох, никогда не оказываясь в таком положении. А это, в свою очередь, требует превосходящих знаний о враге и о его расположении:

Командующий войском должен сначала провести сбор сведений посредством шпионов, пленных и [перебежчиков] и понять, каково положение в

⁹³ Главы 56—65: McGeer 1995, pp. 79—163; главы 63—74 изданы и переведены J.-A. De Foucault. Douze chapitres inédits de la Tactique de Nicéphore Ouranos (Двенадцать неизданных глав из «Тактики» Никифора Урана), ТМ № 5 (1973). Здесь и далее: De Foucault, pp. 286—311.

каждом из мест, занятых врагами, в их поселениях и крепостях, а также численность и характер их военных сил⁹⁴.

Когда собраны разведывательные данные и составлен план, должным образом учитывающий субтропический климат этой местности, где летом нужно избегать низин и где реки, разливающиеся весной, перекрывают путь, следующей ближайшей задачей будет секретность.

О том, что секретность важна, говорят всегда, но ею обычно жертвуют ради того, чтобы собрать превосходящие силы: часто лучше располагать дополнительными силами на линии битвы, даже если их перемещение к фронту невозможно полностью скрыть от врага. Враг, предупреждённый заранее, причиняет больше потерь, но дополнительные силы могут восстановить равновесие и тем самым обеспечить победу. Иначе дело обстоит с набегами и вторжениями. Там подобные замены невозможны: если враг располагает предварительными сведениями, достаточными для того, чтобы подготовить соответствующую по силам засаду на пути продвижения войска, тогда вполне возможно полное уничтожение. Поэтому полная секретность — не просто одна из целей, как бывает при масштабных операциях, но абсолютно необходимое требование.

Ничем не выдавать себя — это существенно важно, но недостаточно, потому что приготовления всё же могут раскрыться, а намерения — быть разгаданы. Поэтому необходим активный обман, чтобы отвлечь внимание от истинных сведений или затемнить их значение, предлагая ложные интерпретации (*suppresio veri, suggestio falsi*), а обман, в свою очередь, требует ответной бдительности:

[Командующий] должен совершенно увериться в том, что он никому, даже [обычным] поверенным своих секретов, не выдал ни своих намерений, ни того, в какую область он собирается вторгнуться. Вместо этого ему нужно обмолвиться, что он собирается направиться в какое-то иное место, и выйти маршем, направляясь якобы именно в это, указанное им, место, но держа свои истинные намерения в тайне. Если он видит, что никаких мер предосторожности не предпринимается, ему следует произвести все надлежащие приготовления, а затем внезапно со всей поспешностью выступить в ту область, куда он действительно намеревался отправиться⁹⁵.

⁹⁴ Тактика, начиная с 63. 1; англ. пер.: *McGeer* 1995, p. 143 (адаптировано).

⁹⁵ Тактика, 63. 12; англ. пер.: *McGeer* 1995, p. 143.

При подготовке более масштабного вторжения пехота и обоз должны создавать тыл, защищённый лишь немногими катафрактами, тяжёловооружёнными всадниками. Более лёгкие подразделения конницы с их конными лучниками составляют основную силу вторжения, и их численность нельзя уменьшать, удерживая конницу в тылу для защиты пехоты; напротив, их число следует увеличить:

[Командующий] должен приказать каждому из офицеров выделить сто или сто пятьдесят своих лёгких пехотинцев, превратив их в кавалеристов (каваллариев), дабы они сопровождали силы конницы... Схожим образом нужно выделить сорок или пятьдесят, которые оставят свои доспехи и защитные покрытия своих лошадей в обозе и выступят вместе с другими лёгкими конниками⁹⁶.

Автор текста утверждает, что целевой причиной этого является более справедливое распределение добычи, но предполагаемая тактическая схема заключалась в том, чтобы как можно больше бойцов находились в рядах лёгкой кавалерии для захвата добычи и пленных (такова непосредственная цель вторжения), тогда как пехота и катафракты суть, так сказать, затраты на ведение дела: они обеспечивают главную боевую силу, чтобы при необходимости поддержать лёгкую кавалерию.

Если конники, участвующие в рейде, встречаются с решительным сопротивлением, мешающим их продвижению, то основные боевые силы могут выступить вперёд, чтобы пробиться сквозь ряды врага в ближнем бою; если враг контратакует, то лёгкая кавалерия может искать защиты у главных боевых сил, которые защищают также мулов и повозки обоза с запасом стрел, снаряжения и продовольствия.

Разведывательные данные были существенно важны для того, чтобы планировать вторжение, но свежие разведывательные данные становятся необходимы, как только оно начинается:

Когда войско подходит к области, занятой врагом, <...> дукатор [командир] должен прежде всего не медлить и сразу послать людей, чтобы [взять языков] для получения точных сведений. Неожиданные вторжения во вражескую землю часто оказываются для войска весьма рискованными. Ибо часто случается так, что за день или за два до начала набега к вра-

⁹⁶ Тактика, начиная с 63. 24; англ. пер.: *McGeer* 1995, p. 143.

гу откуда-нибудь прибывает подкрепление...⁹⁷ Это обесценивает разведывательные данные, собранные ранее, если они были добыты всего неделю или четыре дня тому назад; кроме того, такой поворот событий отнюдь не объясняется случайностью: когда войско передвигается, до врага доходят слухи об этом, и он высылает подкрепления, чтобы усилить оборону по предполагаемому пути его продвижения.

Если вторжение, производимое конницей, оказывается успешным, причём врагу не удаётся мобилизовать и отправить свои силы в область, подвергшуюся нападению, тогда можно устроить «возвратный» набег. Сначала и животным, и людям нужно отдохнуть в течение трёх или более дней. Затем византийская армия должна продолжать своё продвижение по обратному пути, чтобы отвести все подозрения, пока не настанет подходящий момент, когда оно может обратиться вспять и напасть снова.

Вторжение — это наступательная операция, но она нуждается также в оборонительной стороне ради безопасности: необходим сторожевой фронт лёгкой конницы и фланговая стража для защиты собственно грабителей, тогда как основные силы следуют сзади по направлению продвижения, готовые послать подкрепления силам лёгкой конницы, попавшим в переделку. Основные боевые силы должны оставаться в тесном порядке ради быстрой передачи сообщений, чтобы можно было быстро послать отряды в дело, если это понадобится.

Захват добычи и пленных был для бойцов важным стимулом сражаться, и Никифор Уран должным образом предписывает, что грабящие должны делить добычу честно, дабы что-то досталось и бойцам, оставшимся позади, чтобы защитить их тыл, а также тем, кто находил-ся в лагере и в обозе.

Стратегическая цель вторжения заключалась в том, чтобы деморализовать арабов и ослабить их материально, отчасти за счёт разорения их сельскохозяйственной экономической базы: «По пути через вражескую территорию... сжигай жилища, хлеб на корню и пастбища...»⁹⁸ Это слу-

⁹⁷ Тактика, 63. 4; англ. пер.: *McGeer* 1995, p. 145, который называет выражение «взять языка» «зловещим» (*sinister*: p. 165, n. 36); между прочим, это выражение использовалось в Красной армии, когда речь шла о том, что нужно захватить в плен осведомителей из немецких войск.

⁹⁸ Тактика, начиная с 63. 84; англ. пер: *McGeer* 1995, p. 147.

жило предупреждающей мерой, не позволяющей врагу воспользоваться своими ресурсами, причём пастбища были особенно важны, если учесть преобладающую роль конницы в войсках с обеих сторон. Отсутствие пастбищ (или сожжённые пастбища) означало отсутствие лошадей, то есть, для той эпохи, отсутствие войска, потому что пехота играла явно второстепенную роль, тогда как конница могла нести с собой запас фуража в лучшем случае на два дня, набив чересседельные сумки и нагрузив до отказа запасных лошадей и мулов.

До сих пор предполагалось достижение стратегической неожиданности, но, конечно же, может случиться и так, что враг предвосхитит вторжение:

...если враг находится близко к укреплённому лагерю, если его войско многочисленно, и он... ищет битвы, нашему войску не следует сниматься с лагеря и выступать маршем. Оно должно, напротив, оставаться в лагере, а пехотным подразделениям... нужно готовиться к битве... Подразделениям конницы следует выступить из лагеря и развернуться для сражения. <...> Пешие метатели дротиков, лучники и пращники стоят за подразделениями конницы, но не слишком далеко от [тяжёлой] пехоты⁹⁹.

Если враг остаётся на месте и при этом слаб, нет нужды использовать лагерь в качестве базы, охраняемой пехотой: тогда всё войско в полном составе может выдвинуться, чтобы схватиться с врагом и рассеять его. Если вражеское войско слабо и остаётся на расстоянии, тогда его присутствие не должно отвлекать византийское войско от намеченной ранее линии выдвижения: нужно спокойно продолжать марш, выставив передовую стражу, а также фланговую и тыловую (снова сака), чтобы образовать мобильный защитный периметр вокруг основного войска; можно предположить и наличие обоза, хотя он и не упоминается. Внешний контур этого подвижного периметра должен, конечно, состоять из подразделений лёгкой конницы, тогда как пехота образует внутренний слой. Таким образом, пехоту не нужно обременять личными доспехами и более тяжёлым оружием, которое следует перевозить на ослах, лошадях и мулах сил сопровождения. На марше бойцы должны идти со своим подразделением, под командованием десятника, пятидесятника и сотника (декарха, пентиконтарха, экатонтарха):

⁹⁹ Тактика, 64. 3; англ. пер: McGeer 1995, p. 147.

...так что, если случается внезапная атака... каждый должен быть на отведённом ему месте... они быстро возьмут своё снаряжение и встанут в строй, каждый на своём месте¹⁰⁰.

В данном случае враг слаб, слишком слаб для того, чтобы вынудить войско сменить направление продвижения, но не настолько слаб, что не способен устроить внезапные наскоки, которые могут причинить болезненные потери, если надлежащие меры предосторожности останутся в небрежении. Патрули и пикеты лёгкой конницы необходимы вокруг всей колонны на марше, чтобы загодя обнаружить атакующего врага и по возможности перехватить его, предупредив основные силы о том, что им нужно занять боевые позиции вне марша.

Особые меры предосторожности предписываются для преодоления узких проходов, даже если нет никаких признаков присутствия неприятеля. В сущности, пехота должна обезопасить и вход, и выход, прежде чем в проход отважится войти конница, по определению более уязвимая для засад. Конечно, всё гораздо хуже, если враг действительно защищает горный проход, обойти который невозможно. Можно считать само собой разумеющимся, что в том случае, если вражеское войско действительно налицо, то его основные пешие и конные силы будут сражаться перед началом прохода: ведь они не могут сражаться внутри него, где нет пространства для того, чтобы развернуться, а от конницы в любом случае мало толку. Если эти главные силы разгромлены и обращены в бегство, то меньшие силы, стоящие в самом проходе или стерегущие дороги вдоль него с более возвышенных позиций, могут сами обратиться в бегство. Если они этого не сделают, ожесточённое сражение будет неизбежно:

Если [вражеские войска] расположены высоко на крутых склонах и стерегут дороги внизу, тогда отправь метателей дротиков, лучников и пращников [= лёгкую пехоту], а по возможности и некоторых из менавлатов, чтобы они окружили эти крутые склоны и подошли к ним напрямую с низменных, равнинных мест¹⁰¹. Цель состоит в том, чтобы вынудить врага отступить, дабы избежать окружения, оставляя тактически превосходящие, но изолированные позиции, которые могут превратиться в ловуш-

¹⁰⁰ Тактика, начиная с 64. 42; англ. пер.: *McGeer* 1995, p. 149.

¹⁰¹ Тактика, начиная с 64. 94; англ. пер.: *McGeer* 1995, p. 153.

ки в том случае, если византийцам всё же удастся преодолеть проход или обойти его стороной.

Что же касается менавлатов, то на крутых склонах они кажутся неуместными, ибо их главная роль — действовать пикой против атакующей конницы, но эти крепкие люди с крепким оружием были полезны и в боевых действиях в горных условиях: небольшое их число может противостоять многим, если происходит внезапная атака на лёгкую пехоту в такой местности, где конница не может прийти ей на помощь; а менавлаты могли своим внушительным видом придать духу силам окружения, задачей которых было вынудить защитников отступить.

Но если вражеские войска прочно стоят на месте, или же, скорее, в том случае, если они продолжают держаться на своих крутых и естественно сильных позициях, лобовые атаки не нужны: «Не рвись в битву и не задирай их без нужды, потому что местность помогает врагам, но выходи на них с разных сторон и досаждай им с помощью вышеупомянутых метателей дротиков, лучников и пращников...»¹⁰². Опять же в качестве ответа выступает скорее манёвр, нежели лобовые схватки на уничтожение, но если и он терпит крах, тогда нет иной альтернативы, кроме как выбивать врага пехотными подразделениями — конечно, с помощью Божией.

Осадные операции выступают предметом главы 65, которая значительно длиннее предыдущих глав. Хотя в ней используется общее обозначение любого укрепления, кастрон, предполагается при этом, что целью выступает не просто крепостца, но скорее крупная крепость — или, скорее, хорошо укреплённый город. Если крепость выстроена прочно и в ней находится очень большой гарнизон, немедленной атаки предпринимать не следует. Вместо этого рекомендуется кампания набегов с целью сжечь хлеба на корню и уничтожить урожай на расстоянии одного-двух путей от крепости. Это должно продолжаться до тех пор, пока крепость не будет ослаблена вследствие недостатка съестных припасов и соответствующего упадка духа её гарнизона. Только тогда войску следует подойти к крепости, чтобы либо принять её сдачу, либо взять её приступом.

Всё это происходит в северной Сирии, где византийцы ведут наступательные боевые действия против арабов-мусульман, и Никифор Уран наставляет пограничных стратигов (командующих, отвечающих

¹⁰² Тактика, 64. 94; англ. пер.: McGeer 1995, p. 153.

за различные участки границы) в том, что они должны пресекать любые поставки средств врагу. Хотя прежнего энтузиазма поубавилось, джихад всё ещё идёт, причём особенно ожесточённо — в обороне:

Ибо враг, угнетаемый нехваткой съестных припасов, посылал во внутренние области Сирии, в города и веси, и объявлял верным [матабада, от арабского мута'абида, или множ. число мута'абиддун] в мечетях об обрушившихся на них бедствиях и о терзающих их муках голода. Они говорят им: «Если наши крепости попадут в руки ромеев, это будет гибелью для всех земель сарацин!», из-за чего сарацины поднимаются на защиту своих братьев и своей веры... и собирают «пожертвования», как они это называют, то есть деньги, большие запасы зерна и другие припасы... в частности, они шлют им много денег¹⁰³.

Деньги — главная угроза: если плата достаточно высока («одна номисма [4,5 грамма золота] за два или три модия, а то и за один модий [12,8 кг]» зерна), то даже добрые христиане, живущие в пределах империи, даже высокопоставленные, найдут возможность контрабандой переправить в укреплённый город зерно, а также сыр и овец, причём в изрядных количествах. Предлагаются меры устрашения и суровые наказания, чтобы отвадить их от этой предательской коммерции, тогда как караваны, везущие съестные припасы из внутренней Сирии, должны тщательно перехватываться пограничными войсками.

Взяточничество также представляет собою проблему: из текста следует, что даже византийские офицеры были ему подвержены; автор не взывает к верности долгу, он предлагает другое средство — превзойти врага в цене:

Необходимо поддерживать моральный дух офицеров, охраняющих дороги, а также их подчинённых, обещаниями, наградами и подарками, чтобы все служили в полную силу... дабы люди, охраняющие дороги... не пропускали съестные припасы... Тех, кто будет поступать вопреки этому

¹⁰³ Слово «сарацины», первоначально название племени в северном Синае у Птолемея, здесь выступает вместо слова «агаряне» (потомки Агари, отвергнутой наложницы Иакова) применительно к арабам — поскольку слово «араб» обычно означало «бедуин» и лишь гораздо позже распространилось на самих арабов. Тактика, 65. 20—33; англ. пер.: McGeer 1995, p. 155.

из сочувствия к врагам или из нерадивости, следует подвергать суровым взысканиям и наказаниям¹⁰⁴.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что преданность могла двоиться. Крепость — это малый или крупный город, значительную часть жителей которого составляют христиане под мусульманским правлением, и они тоже страдают от голода при блокаде; византийские фемные войска, охраняющие дороги, набираются из местных жителей, а у них могут быть родственники на вражеской стороне — или по крайней мере они могут сочувствовать осаждённому.

Предположим, что крепость значительна и ожидается долгая осада; в таком случае нужны меры предосторожности против атак извне, со стороны вражеских войск, прибывших, чтобы снять осаду.

Если ожидается крупная атака врага, то войска нельзя рассеивать вокруг всей осаждаемой крепости. Должен быть хорошо устроенный лагерь, снабжаемый водой, окружённый по периметру рвами и по возможности дополнительно защищённый от атак вражеской конницы «головками чеснока» и треножниками (трискелиями) с копьевидными шипами (ципаты), аналогичными рогаткам, применявшимся ещё во время Гражданской войны в Америке; устроены они просто: это брёвна, пробитые насквозь двумя рядами шипов, расположенных под углом в 90 градусов друг к другу, так что два острия из четырёх всегда торчат вверх под углом в 45 градусов к земле.

Если приближается вражеское войско, чтобы снять осаду, то нужно предпринять последнее усилие добиться сдачи крепости, произведя демонстрацию силы и заявив о своих намерениях. Во-первых, каждое формирование, подразделение и часть подразделения (фема, тагма, турма, вандон) нужно вывести на отведённую ему позицию вокруг крепости. Затем следует предложение: «Если вы хотите сдать нам крепость добровольно, вы сохраните своё имущество. Первый из вас получит от нас подарки. Если вы этого не сделаете [сейчас], а впоследствии согласитесь на это, то ваша просьба не будет принята: ромейское войско заберёт с собой и ваше имущество, и вас самих как рабов»¹⁰⁵. Чтобы усилить давление, нужно сделать ещё одно заявление: «Все магариты, армяне и сирийцы в крепости, которые не перейдут на нашу сто-

¹⁰⁴ Тактика, 65. 55—64; англ. пер.: *McGeer* 1995, p. 157.

¹⁰⁵ Тактика, 65. 73—79; англ. пер.: *McGeer* 1995, p. 158—159.

рону до её взятия, будут обезглавлены». По логике вещей, эти разряды врагов, которых нужно скорее обезглавить, чем взять в плен, должны быть предателями-христианами, а не воинами джихада, которые могут искупить свою вину, перейдя на сторону осаждающих (в сохранившихся документах, начиная со знаменитого греко-арабского папируса от 642 г., хранящегося в настоящее время в Вене (PERF 558), слово «магариты» означает «мусульманские воины», не обязательно бывшие христиане, обратившиеся в ислам; но это слово, несомненно, изменило значение с ходом времени). Никифор Уран был слишком опытен для того, чтобы ожидать слишком многого от простых слов; но, даже если не удастся добиться сдачи, возможно иное преимущество: «разногласия и распри в рядах врагов».

Осадные операции требовали особого снаряжения, а также артиллерии, и совершенно очевидно, что всё это невозможно было перевезти в обозе — просто из-за размеров и тяжести. Поэтому бойцы должны изготавливать то, что им необходимо, прямо на месте, начиная с лес, которые плелись из лозы или веток, для защиты от стрел, как уже упоминалось выше; но здесь речь идёт скорее о разработанной их форме в виде домиков с остроконечными крышами, с верандой, закрытой щитами, и двумя дверьми, «на пятнадцать-двадцать человек», нежели о простых плоских щитах. Упоминаются и ещё более тщательно разработанные разновидности лес с четырьмя дверьми, но и они должны быть достаточно лёгкими для переноски, что было вполне достижимо, потому что они плелись из лозы и тонких веток. Они не способны были по-настоящему сдерживать стрелы, пока они не потеряли силу в полёте; но за лесами могли укрываться бойцы, так что лучникам уже не удавалось целиться в них — и, конечно же, большинство стрел они отражали.

Эти переносные домики нужно было доставить к самым стенам — на расстояние пяти или десяти оргий, то есть около 18 метров; это, как представляется, действительно очень близко, даже слишком близко, — так что бойцы, укрывающиеся за ними, могут поражать защитников из луков и пращей. Другие бойцы должны использовать камнеёты (требушеты) против стен или же атаковать их напрямую, с помощью молотов и таранов.

Следует также начать подкопы под крепостные стены, чтобы их разрушить. Туннель должен быть глубоким, чтобы защитить от контр-туннеля. Если подкоп ведут в мягкой земле, то потолок туннеля нужно прикрыть циновками, держащимися на столбах. Чтобы разрушить

крепостные стены точно в необходимый момент, применяется стандартный метод: сначала камни, лежащие в основании стены, заменяют на деревянные опоры, затем полость заполняют сухим деревом, которое можно поджечь, когда уже всё готово, чтобы сжечь опоры и обрушить стену. Натиск должен продолжаться круглосуточно, для чего войско следует разделить на три части: две из них могут отдыхать в любое время, пока третья ведёт боевые действия.

Никифор Уран был, несомненно, знаком с классическими руководствами по осадному делу, в которых описывалось изощрённое снаряжение эллинистической эпохи: передвижные башни, навесные осадные лестницы, «черепахи» и многое другое, «чего наше поколение и не видывало». Но, прибавив несколько неуместное замечание о том, что все эти приспособления были недавно опробованы, он утверждает, что подкоп эффективнее всех этих устройств, если вести его надлежащим образом.

Если осадные операции идут успешно, то осаждённый враг может попытаться сдаться, выдвинув свои условия, то есть сдать крепость и уйти невредимым. Это предложение следует принять лишь в том случае, если приближается вражеское войско, чтобы снять осаду, а гарнизон многочислен и силён. В противном случае крепость нужно взять приступом, чтобы деморализовать защитников других фортов и крепостей: «...об этом станет известно повсюду, и другие крепости в Сирии, на которые ты намереваешься напасть, [сдадутся] без боя»¹⁰⁶.

Далее, в главе 66, Никифор Уран рассматривает тактику лёгкой пехоты: лучников, метателей дротиков и пращников, которые обычно располагаются позади тяжёлой пехоты, чтобы воспользоваться её защитой и вместе с тем поддержать её своими стрелами и снарядами. Но лёгкая пехота может располагаться и с фланга, чтобы предотвратить попытки окружения, занять удобную местность или захватить её, если позволят обстоятельства. Она также может располагаться на одном фланге или на обоих, если тяжёлая пехота выстроена глубокими колоннами, чтобы стрелы и снаряды лёгкой пехоты, расположенной за ней, не причинили братоубийственных потерь. Наконец, лёгкая пехота может выступить перед тяжёлой, чтобы отбить вражескую конницу своими стрелами и снарядами¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Тактика, 65. 162—165; англ. пер.: *McGeer* 1995, p. 163.

¹⁰⁷ Тактика, 66; *De Foucault*, pp. 302—304.

Ключевой тактический выбор в расположении конницы для битвы — это соотношение шеренг и колонн. Глубоким и узким построением можно скрыть истинную численность войска, а также дать возможность провести атаку на прорыв вражеской линии; кроме того, она может преодолевать узкие проходы, оставаясь при этом не столь заметной. Формирование, лишённое глубины и состоящее из одной-единственной линии, полезно для того, чтобы захватить пленных и добычу в незащищённой местности, но совершенно бесполезно в битве¹⁰⁸.

В тексте мы встречаем виглаторов, «бдителей», что в данном случае означает скорее часовых, нежели членов полка императорской стражи, носившего название «вигла» (это название восходит к латинскому *vigiles*, как называли в Риме совсем иные, вовсе не элитные части муниципальной стражи и пожарных). Эти часовые должны располагаться довольно далеко от лагеря, чтобы находиться ближе к противнику и следить за его приближением; у них должны быть холощёные кони, которые гораздо спокойнее. Поскольку эти часовые находятся вдали от лагеря, они сами могут стать мишенью для врага, который попытается их захватить, и они должны быть готовы к этому¹⁰⁹.

Лишь немногие сражения заканчиваются потому, что проигравшие физически уничтожены или полностью окружены, так что их выбор ограничивается либо сдачей, либо гибелью. В большинстве случаев именно проигравшие решают исход сражений, приняв решение отступить, чтобы не нести дальнейших потерь, когда никакой успех уже не представляется возможным. Это с наибольшей вероятностью происходит тогда, когда битва длилась в течение некоторого времени, силы с обеих сторон истощились, бойцы утомились, и вдруг к одной из сторон неожиданно приходит свежее подкрепление. (Современным примером тому может служить эпическое оборонительное сражение седьмой бригады израильской армии с частями четырёх наступающих сирийских дивизий в октябрьской войне 1973 г.: после почти 70 часов непрерывной битвы сирийцы внезапно прекратили атаку, когда всего лишь семь танков пришли на помощь израильтянам, которые к тому времени уже почти не могли держаться на ногах.)

Соотношение сил восстанавливают порой материальные, порой психологические факторы, хотя чаще — и те, и другие; вот почему все

¹⁰⁸ Тактика, 68; De Foucault, pp. 306—307.

¹⁰⁹ Тактика, 69; De Foucault, pp. 306—307.

толковые военачальники всегда держат некоторые силы в резерве, как бы скромны они ни были, даже если при этом ослабляются остальные боевые силы; вводя в битву свежие силы, особенно неожиданно, можно достичь гораздо больших результатов, чем в том случае, если с самого начала ввести эти силы в действие.

Никифор Уран рекомендует стратегему, которая использует это различие. Если стратиг (здесь — командующий войском) ожидает подкрепления, а оно никак не приходит, ему нужно выделить некий контингент и тайком отослать его на некоторое расстояние. В ходе битвы этот отряд можно вызвать обратно, чтобы он вступил в битву «с пылом». Враг решит, что прибыло подкрепление, и может отступить с поля боя¹¹⁰.

Совет военачальнику накануне битвы является отзвуком литературного вымысла Онасандра, но он прошёл через фильтр весьма значительного боевого опыта автора. Ночью стратиг должен послать несколько боевых единиц конницы (в тексте тагмата, но явно не в смысле регулярных отрядов) в тыл врага, чтобы утром неприятель пришёл в замешательство, увидев их¹¹¹.

«СТРАТЕГИКОН» КЕКАВМЕНА

Согласно Альфонсу Дэну и Де Фуко, последний рассматриваемый здесь труд, «Стратегикон» Кекавмена, относящийся к одиннадцатому веку, даже не входит в канон византийских сочинений по стратегии, относясь скорее к жанру сборников советов на все случаи жизни, поскольку он лишь частично посвящён военным вопросам¹¹². Это верно, и заглавие «Стратегикон» — не единственное в этой рукописи¹¹³.

¹¹⁰ Тактика, 72; De Foucault, pp. 308. Согласно реконструкции Дэна (*Dain* 1937, p. 21), данный пассаж представляет собою отголосок трактата «Военные предписания» (*Praecepta Militaria*), в котором это место взято из Онасандра, 22.

¹¹¹ Тактика, 73; De Foucault, pp. 308—310.

¹¹² *Dain-De Foucault*, p. 373.

¹¹³ Московский кодекс (*Mosquensis Gr.* 436), приобретённый в 1654 г. в Иверском Афонском монастыре и с тех пор хранящийся в Москве.

Отсутствие других рукописных свидетельств особенно прискорбно, потому что эта рукопись была скопирована скорее всего писцом-монахом, явно не понимавшим того, что он пишет, вследствие чего дальнейшим издателям пришлось столкнуться с массой грубых ошибок и даже со строчками, состоящими из бессмысленного набора букв¹¹⁴.

Композиция текста сама по себе столь же проблематична, поскольку автор перескакивает с одной темы на другую, возвращаясь обратно и допуская множество повторов; с другой стороны, он написан на разговорном греческом языке того времени, не обременённом вымученным классицизмом, свойственным столь многим византийским текстам и неизбежно выливающимся в неясности.

Но самая интересная характеристика книги — это её точка зрения: как и прочие руководства, она адресована стратигу, то есть командиру действующими войсками или фемой; но уникальным образом главный предмет заботы автора — не мощь и слава империи, а скорее личная карьера и почести: это советы доброго дядюшки своему молодому родственнику¹¹⁵.

Например, его вариант семейной беседы начинается определённым образом: да, стратиг должен быть осторожен, но непростительно малодушие, которое оправдывается заботой о безопасности войск: «Если ты хотел сохранить в целости своё войско, зачем же ты пришёл во вражескую землю?»¹¹⁶

Но данный затем совет заключается не в том, чтобы следовать «срединному пути» между предосторожностью и отвагой (таков мудрый совет Онасандра и ему подобных), а скорее в том, чтобы сосредоточить свои усилия на действительно важных вещах: это твоя личная репута-

¹¹⁴ Полагаюсь на последнее издание: Spadaro. Первые издатели, Васильевский и Ернштедт (*B. Wassiliewsky, V. Jernstedt. Cecaumeni "strategikon" et incerti scriptoris "de officiis regiis libellus"* [«Стратегикон» Кекавмена и «Книга об обязанностях василевса» неизвестного автора], St. Petersburg 1896), относились к первой волне русской византистики, завершившейся с большевистской революцией; труд второго издателя (*Г. Г. Литаврин. Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века*. Москва, 1972; СПб., 2003) стал частью возрождения византистики, начавшегося после 1945 г.

¹¹⁵ *Alexios G. C. Savvides. The Byzantine Family of Kekaumenos* (Византийская семья Кекавмена), *Diptycha* 4 (1986–1987), pp. 12–27.

¹¹⁶ Глава 26, 36–37; Spadaro, pp. 66–68.

ция, твоя личная честь¹¹⁷. Избегай упреков в чрезмерной робости или чрезмерной дерзновенности, снарядив несколько рискованных, но хитро спланированных операций, которые принесут тебе репутацию военачальника, которого следует опасаться. Предполагается, что эти операции должны быть небольшими, в то время как с основным составом войска следует обращаться бережно.

И опять же, когда обсуждается вопрос о том, как стратега, когда он стоит во главе фемы, нужно справляться со своими гражданскими задачами, Кекавмен высказывается категорично: «Никогда не принимай должности, предполагающей обязанность собирать налоги: нельзя служить одновременно Богу и маммоне...»¹¹⁸; однако собирать налоги требовала империя.

Та же самая мотивация налицо, когда Кекавмен даёт советы относительно чтения: «Читай книги: исторические, церковные. И не возражай: «Какую пользу воин может извлечь из догм и книг Церкви?» — пользу они принесут наверняка». Затем Кекавмен отмечает, что в Библии много стратегических советов и даже в Новом Завете есть предписания на сей счёт. Но затем он переходит к действительному обоснованию: «Я хочу, чтобы ты вызывал у каждого восхищение своей храбростью, рассудительностью и образованностью»¹¹⁹.

Кекавмен был циником, жившим не в эпоху Просвещения, а в византийскую эпоху, и потому в его сочинении содержится полный набор чистосердечных и, несомненно, искренних обращений к Богу, но ясно и другое: ничтоже сумняшеся он пишет так, будто судьба всей империи не так важна, как личный успех его ученика, — и притом отдаёт себе полный отчёт в этом: «Таких советов в другом руководстве по стратегии ты не найдёшь»¹²⁰.

Возможно, это объяснение сугубо личное, но оно могло и отражать тогдашние обстоятельства: ведь империя пребывала в упадке. Последний издатель датирует этот труд очень точно, между 1075 и 1078 годами, потому что в качестве правящего императора в нём упоми-

¹¹⁷ *Paul Magdalino. Honour among the Romaioi: the framework of social values in the world of Digenes Akrites and Kekaumenos* (Честь у ромеев: обрамление социальных ценностей в мире Дигениса Акрита и Кекавмена), *BMGS* 13 (1989), pp. 183—218.

¹¹⁸ Глава 52, 4—5; Spadaro, p. 88.

¹¹⁹ Глава 54, 19—24; Spadaro, p. 88.

¹²⁰ Глава 54, 26—27; Spadaro, p. 88.

нается Михаил VII Дука (1071—1078 гг.), а в качестве патриарха Константинопольского — Иоанн Ксифилин (1065—1075 гг.), к тому времени уже усопший¹²¹.

За полвека до этого, когда в 1025 г. умер Василий II, он оставил после себя победоносную империю, распространившуюся во всех направлениях: к северу и к западу — на Балканы и в Италию, к востоку — в Месопотамию и на Кавказ, планировалось и вторжение на Сицилию. Но пятьдесят лет — долгий срок для международной политики, особенно для византийцев, которым всегда грозили всё новые вторжения из Центральной Азии. В течение веков тюркские народы двигались к западу по степному коридору к северу от Чёрного моря, угрожая дунайской границе и иногда переходя её, но совсем недавно они двинулись на юг, к богатствам Ирана и Месопотамии, по пути обращаясь в ислам. Некоторые из них присоединились к джихаду против христианской империи в качестве наёмников, гулямов, то есть рабов-солдат, и энтузиастов, предводительствуемых арабами. Но затем произошла смена караула, когда тюркские военные вожди постепенно перехватили власть у арабских правителей в центральных странах ислама, от Афганистана до Египта. Алп Арслан из правящей семьи тюрков-огузов уже завладел Ираном и Месопотамией от Окса (Амударьи) до Евфрата, когда разбил и взял в плен Романа IV Диогена (1067—1071 гг.) при Манцикерте в августе 1071 г., открыв путь в Анатолию множеству своих последователей-турок.

Если датировка 1075—1078 годами верна, то Кекавмен писал своё сочинение в катастрофические времена, ибо Анатолия составляла значительную часть империи, и почти вся она, кроме западных её окраин, подпала под власть сельджуков¹²².

Несмотря на свой решительно нелитературный стиль, труд Кекавмена, возможно, представляет собою всего лишь литературу, почерпнутую из литературы, а не из жизни. Но, начиная с первых пассажей стратегической части (в главе 24), книга, по-видимому, отражает действительный военный опыт: разведывательные данные относительно возможностей и намерений врага совершенно необходимы — ведь без них невозможно достичь успеха.

¹²¹ Spadaro, p. 8.

¹²² В гораздо более широкой перспективе (*Cesaumeno e la società bizantina* [Кекавмен и византийское общество]) см.: Spadaro, начиная с p. 19.

Стратигу, возглавляющему войско, предписывается поэтому прежде всего нанять значительное количество «надёжных и проворных» шпионов. Здесь используется слово «консарий», восходящее к использовавшимся в более ранних текстах словам «курсаторы» или «протокурсаторы», как назывались отряды лёгкой кавалерии, предназначенные для разведки или для набегов, хотя в данном случае предполагается, что эти люди действуют в качестве тайных агентов; и действительно, далее в тексте уточняется, что каждый из них должен действовать отдельно, не зная лично других, чтобы не погибли все, если одного схватят (и успешно допросят)¹²³. Шпионов недостаточно, должны быть также лазутчики (синодики) в подразделениях по восемь, девять, десять человек или более. Только шпионы могут питать надежду на то, что им удастся пробраться во вражескую штаб-квартиру или в царский дворец, чтобы похитить или хотя бы подслушать планы войны, но нужны и лазутчики для того, чтобы обнаружить действия врага, проследить за ними и сообщить о них прямо на месте, когда они уже вовсю выполняются. Стратигу даётся совет: не жалеть подарков для своих лазутчиков, если они действуют хорошо, и часто беседовать с ними, чтобы отметить, кто из них искренен, а кто лжив. Но делиться с ними своими планами не следует.

Следующий совет отражает горький опыт, включая битву при Манцикерте — хотя исход её решили предательство и отпадение, свою роль сыграл и недостаток сведений; поэтому ежедневно делай всё возможное для того, чтобы узнать, где находится враг и что он делает.

Даже если враг не слишком хитроумен, нельзя его недооценивать: действуй так, как будто он изобретателен¹²⁴.

Когда дело доходит до оперативного метода ведения войны, Кекавмен проявляет себя строго ортодоксальным и повторяет совет, содержащийся во всех прежних руководствах по военному делу, начиная со «Стратегикона» Маврикия, совет, содержащий в себе самую суть особо византийского стиля ведения войны: постоянно собирай разведывательные данные повсюду, веди кампанию энергично, но сражайся лишь в малых масштабах, избегая полноценных битв с целью одержать решающую победу, потому что таковой не бывает: возможна лишь краткая передышка до появления следующего врага, когда о вчерашних потерях, причём с обеих сторон, придётся горько пожалеть.

¹²³ Глава 24; Spadaro, p. 65.

¹²⁴ Глава 25; Spadaro, p. 67.

Но если ты вступил в битву, пути к отступлению нет, ибо оно может деморализовать бойцов. Поэтому врага нужно проверить и испытать перед битвой посредством мелких атак, чтобы определить его силу, а также понять, как он сражается, — ведь это мог быть совсем новый враг, с которым империя раньше никогда не воевала. Кекавмен хорошо знал классических авторов книг по военному делу и предполагал, что его читатели тоже с ними знакомы, — во всяком случае, именно так он объясняет своё нежелание писать о боевых построениях¹²⁵.

Вместо этого стратига призывают установить этническую принадлежность врага, прежде чем разворачивать свои силы, потому что некоторые народы традиционно сражаются в единственной фаланге, другие — в двух, некоторые — в открытом порядке. Автор пишет, что лучшее боевое построение — римское, но не приводит никаких обоснований этого суждения, скорее всего потому, что превосходство римлян во всём, что связано с войной, считалось само собой разумеющимся.

В книге царит благодушный тон, но в одном вопросе автор проявляет жестокость: он высказывается в пользу смертной казни для командира, которого застигло врасплох вражеское нападение на его лагерь. Вокруг лагеря нужно расставить много часовых, даже если атака кажется невозможной, ибо стратигу не пристало оправдываться: «Я не ожидал атаки на эту часть [периметра]», на что отвечают так: «У тебя был враг? Если так, то как же ты не подумал о том, что может случиться худшее?»¹²⁶ В этом пассаже слышны отзвуки более ранних руководств, но в нём может отразиться и личный опыт: я по себе знаю, что гораздо проще расставить часовых, чем добиться того, чтобы они бодрствовали ночь за ночью, особенно если ничего не происходит, — конечно, за исключением той единственной ночи, когда часовые спят.

Далее следует ряд предписаний (глава 32): нельзя недооценивать врагов просто потому, что они варвары (в оригинале эфники, а не варвары), ведь у них тоже есть сила разума, прирождённая мудрость и хитроумие; если встретишься с неожиданностью, веди себя храбро, чтобы придать смелости своим подчинённым; если ты впал в панику, кто сможет поднять в бой и приободрить войско (глава 33)? Не убегай с поля боя, не ищи личной безопасности, потому что многие, пустившись

¹²⁵ Глава 28; Spadaro, p. 69.

¹²⁶ Глава 30; Spadaro, p. 70.

по неопытности в бегство, ввергали войско в катастрофу. Сражайся, не сдаваясь, и добьёшься успеха.

Что же касается обращения с послами, прибывающими в лагерь, то Кекавмен пересказывает хорошо знакомые методы византийцев:

послы должны встать лагерем в низменном месте, и с ними должен находиться надёжный человек, чтобы они не могли шпионить за твоим войском. Им нельзя ни разгуливать туда-сюда, ни говорить ни с кем без разрешения. Кроме того, если предстоит что-то действительно важное, вообще не принимай их, а просто прочти их письмо и отошли их обратно с роскошными дарами... и они восхвалят тебя¹²⁷.

Всё это очень хорошо знакомые темы, но у Кекавмена налицо также очень интересный призыв к оригинальному мышлению, что представляет собою самую избитую банальность для современного человека, которому всегда говорят, что нужно всё время снова и снова всё изобретать — для византийской культуры это весьма необычно:

Если ты уверен в том, что предводитель народа, с которым ты сражаешься, хитроумен, тогда будь бдителен и опасайся вражеских уловок. Самому тебе тоже нужно принимать ответные меры, причём не только те, что ты узнал от древних: изобретай новые! И не отговаривайся тем, что от древних это не дошло...¹²⁸

Кекавмен так же чтит древних, как и всякий другой, но вполне очевидно, что он считал необходимым «дать волю» своему читателю.

И снова Кекавмен перечит неким неопределённым «древним» (на сей раз это не Онасандр), возражая против совета, по которому войско, бежавшее с поля боя, нельзя допускать до военных действий в течение трёх лет:

Если сразу же, в тот же самый день, когда произошёл разгром, ты можешь собрать хотя бы четверть своего войска, не празднуй труса, подобно зайцу, а возьми тех, кого тебе удалось собрать, и с ними обрушья на врага. Но, конечно, не в лоб, а для начала с тыла или с флангов, будь то днём или ночью.

¹²⁷ Глава 36; Spadaro, p. 75.

¹²⁸ Глава 34; Spadaro, pp. 73—74.

Это отличный совет, потому что, как отмечает Кекавмен, враг, выигравший битву, утратит бдительность, его легко будет захватить врасплох, и тогда поражение может обернуться победой¹²⁹. (Именно так немецкой армии, которая, начиная с 1943 г., получала всё меньше поддержки с воздуха и в которой становилось всё меньше танков и грузовых машин, удалось продлить сопротивление наступающей Красной армии вплоть до горького итога. Прямо в соответствии с пожеланиями Кекавмена немецкая армия оказывалась в состоянии предпринимать контратаки сразу после того, как она потерпела, казалось бы, сокрушительное поражение. Нет ничего труднее как материально, так и психологически: солдаты деморализованы, подразделения разваливаются, уцелевшие тяжёлые орудия срочно нуждаются в ремонте, — но нет и ничего более эффективного, потому что такая тактика подрывает наступательный порыв, который предположительно должны порождать победы на поле боя. Бойцы Красной армии, бросавшиеся вперёд после прорыва, подвергались смертельным контратакам тех самых солдат, которых они в последний раз видели пустившимися в паническое бегство. Офицеры, вытащив из кобуры пистолет, собирали вокруг себя этих самых солдат, формировали из них импровизированные «отряды быстрого реагирования» (*Alarmheiten*), захватывали любое вооружённое транспортное средство или противотанковое ружьё, оказавшееся в зоне досягаемости, и не ждали особых указаний, чтобы предпринять контратаки с флангов, которые часто приводили к непропорциональным потерям в рядах врага или по меньшей мере замедляли наступление Красной армии. Таким образом превосходные офицеры немецкой армии выигрывали время для своих коллег из карательных войск, которые в последний год войны убивали почти всех своих жертв, когда они одержали победу благодаря своему тактическому искусству и простому упорству).

Уже один этот совет показывает, что Кекавмен, кем бы он ни был и обладал ли он боевым опытом или не обладал, всё же понимал динамику битвы.

Хладнокровный реализм, царящий на этих страницах, лучше всего иллюстрируется советом о том, как обращаться с вражескими послами, которые требуют золота, угрожая атакой: заплати им, потому что затраты будут меньше потерь, которые понесёт территория империи; кроме того, битва — это всегда азартная игра с непредсказуемым исходом

¹²⁹ Главы 41, 14—42. 29; Spadaro, pp. 78—79.

(gamble)¹³⁰. Как мы видели, даже когда ромеи были очень сильны, они всегда были готовы откупиться от врагов, если это оказывалось дешевле, чем сражаться с ними. Так что не для них был лозунг «Миллионы — на оборону, но ни цента — на дань!», выдвинутый конгрессменом Робертом Гудлоу Харпером (а ведь после того как он произнёс эти слова 18 июня 1798 г., много миллионов действительно было потрачено!). Римляне и византийцы были не столь романтичны, но Кекавмен заходит ещё дальше: отвергай все требования врага сдать территории, если только... он не согласится стать твоим вассалом и платить дань (феодалная субсидиарность, если можно так выразиться) — или, что хуже, когда подстёгивает необходимость. Иными словами: «да», если ты вынужден¹³¹.

Кекавмен проявляет куда больший оптимизм, когда речь заходит о нападении, если враг укрывается в укреплённом городе: «Если тебе неизвестна численность его сил, то поверь мне, что у него мало людей и нехватка сил». Его совет заключается в том, чтобы отправлять консариев (более поздний вариант всё тех же курсаторов/прокураторов), чтобы найти путь в укреплённый город: «...и не верь никому, кто скажет, что такого пути нет: как можно полностью охранять такую большую площадь?» Когда путь обнаружен, не иди по нему, но сохраняй строй перед лицом врага, отправив нескольких людей, хорошо знающих дорогу; оказавшись внутри, они должны подать сигнал огнём. Затем нападай¹³².

В ряду византийских авторов, оставивших сочинения о стратегии, Кекавмен остаётся фигурой второстепенной, но его книга, несмотря на то что её автор перескакивает с пятого на десятое, всё же доказывает, что существовала живая военная культура, в рамках которой предполагалось, что государственные люди читают руководства по военному делу или даже пишут таковые. Это обеспечивало византийцам реальное превосходство в превратностях их бесконечных войн: они располагали более широким набором приёмов, тактических ходов и оперативных методов, чем тот, что был у их врагов, благодаря чему они реже оказывались застигнуты врасплох, нежели им самим удавалось застать врасплох своих врагов, применив какой-нибудь из тактических или оперативных методов либо стратегему, о которых последним не было известно.

¹³⁰ Глава 46; Spadaro, p. 83.

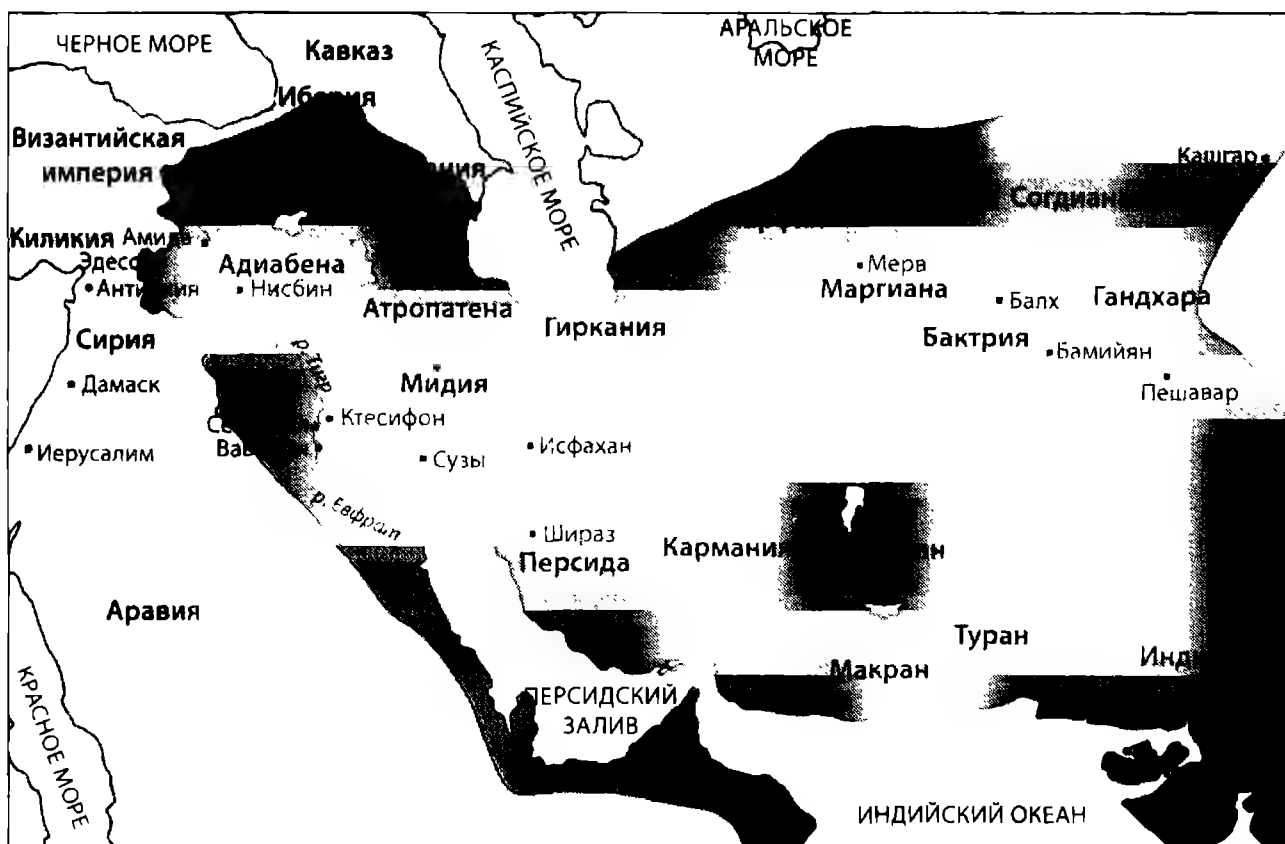
¹³¹ Глава 47; Spadaro, p. 83.

¹³² Глава 49; Spadaro, p. 85.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ МАНЁВР ИРАКЛИЙ ПОБЕЖДАЕТ ПЕРСИЮ

Самый глубокомысленный и дерзновенный манёвр на уровне театра военных действий, когда-либо предпринимавшийся в византийской истории, был совершён в самых отчаянных обстоятельствах, дабы спасти империю от грозящего ей уничтожения. Завершился он полным разгромом Сасанидской Персии.

В 603 г. шах Хосров II (590—628 гг.) предпринял самое амбициозное и самое успешное из всех сасанидских вторжений. Все предыдущие войны, начиная с основания династии Сасанидов в 224 г. Ардаширом, внуком зороастрийского жреца Сасана, велись за контроль над землями на границе двух империй: за историческую Армению, ныне расположенную по большей части в северо-восточной Турции, за кавказские области и (что было всего важнее для обеих империй) за верхнюю Месопотамию по обеим сторонам Тигра и Евфрата (ныне в юго-восточной Турции). На месопотамском фронте прочно укреплённые города — Эдесса (ныне Шанлыурфа или Урфа), Нисибин (Нусайбин), Дара (Огуз) и Амида (Диярбакыр) — в череде войн переходили из рук в руки. Совокупность свидетельств показывает, что, несмотря на хвостовство и притязания (так, у Аммиана Марцеллина (XVII. 5. 5) Шапур II (309—379 гг.) пишет Констанцию II, заявляя, что персы имеют право на земли вплоть до реки Стримон и границ Македонии по праву древне-

Карта № 12. Сасанидская империя ок. 226 — ок. 651 г.

го завоевания), в действительности сасанидские правители по большей части проявляли умеренность в своих военных притязаниях¹. Несмотря на сильные подозрения, они тоже признавали Римскую и Византийскую империи своим цивилизованным соседом, уничтожать которого не следовало, — поэтому, отправляясь на войну, они по большей части довольствовались ограниченными захватами земель в Месопотамии.

Но Хосров II был несравненно амбициознее. Он прямо заявил о своей цели: устранить и заменить императора Фоку (602—610 гг.), которого он осуждал как выскочку и узурпатора — а Фока, несомненно, был и тем, и другим, ибо он захватил власть путём мятежа, когда был экатонтархом, сотником — выражаясь по-современному, капитаном или, может быть, сержант-майором. Ещё одним мотивом, о котором заявил шах, была месть за убийство предшественника Фоки, Маврикия (582—602 гг.), которого Хосров, и опять же оправданно, называл своим покровителем и политическим отцом: в юности он нашёл в им-

¹ См. обсуждение в книге: A. D. Lee. *Information and Frontiers: Roman Foreign Relations in Late Antiquity* (Сведения и границы: международные отношения Рима в эпоху поздней античности; Cambridge: Cambridge University Press, 1993), начиная с p. 21.

ператорском дворце в Константинополе убежище от смертоносных интриг сасанидской придворной политики. Наконец, ещё одной целью, о которой прямо заявил Хосров, было распространение древней зороастрийской религии Персии и Ирана, дуалистического культа Ахурамазды, бога света и добра: одно время зороастризм был ближайшим соперником христианства в пределах Римской империи, когда старые языческие культы стали угасать.

Масштабы побед Хосрова соответствовали его амбициям. В 610—611 гг. сасанидские войска вторглись в Сирию и завоевали Антиохию, один из крупнейших городов империи². Тогда же они взяли богатый торговый город Эдессу — церкви города принесли добычу в 112 000 фунтов серебра³.

В 613 г. Сасаниды взяли Эмесу (совр. Хомс, Химс) и Дамаск, затем пошли на юг, чтобы в мае 614 г. взять Иерусалим, где они завладели знаменитой частью Истинного Креста. Египет, важнейший для Византии источник налоговых поступлений и поставщик зерна, был следующим: в 619 г. пала Александрия, что завершило завоевания Сасанидов.

Персидские войска угрожали империи уже и напрямую, проникая в её глубинные земли, на территорию самой Анатолии. К 611 г. они одержали крупную победу при Кесарии Каппадокийской (Кайсери), а в 626 г. сасанидское войско дошло на западе до азиатского берега Босфора, прямо напротив Константинополя, где ширина пролива не составляет и мили.

Византийцы не могли сосредоточить все свои силы против персов, потому что другой грозный враг двигался через Балканы во Фракию и по направлению к тому самому полуострову, на котором стоит Константинополь. Именно в ответ на вторжение гуннов двумя веками раньше была возведена Феодосиева стена для защиты города, со рвом, стенами и боевыми башнями. Представлявшая собою ранее непреодолимое препятствие для многих вражеских нашествий, Феодосиева стена не могла дать таких гарантий против врага, который расположился перед ней лагерем в июле 626 г.

² Я следую хронологии, приведённой в книге: *Walter E. Kaegi. Heraclius: emperor of Byzantium* (Ираклий: император Византии; Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003); здесь и далее: *Kaegi 2003*; обобщающее изложение на pp. 324—326.

³ Сирийская хроника, текст № 13. Восстановленный Дионисий (*Dionysius reconstituted*), pp. 133—134; у Михаила Сирийца указывается цифра в 120 000 фунтов; там же, p. 134, прим. 303.

Аварский каганат уже разбил наголову несколько византийских полевых армий и брал хорошо укрепленные города перед своим вторжением во Фракию в 618—619 гг.; от авар уже откупались в 620 и 623 гг. перед их новым нападением на Константинополь в 626 г. Как и их предшественники, гунны, аварские конные лучники могли поражать цели с дальних дистанций стрелами из своих составных луков, но они были отнюдь не только лёгкой конницей — они могли сражаться и как тяжёлая конница, атакуя копьями. Поэтому они могли проводить атаки в два этапа: сначала загнать врагов в тесные сплочённые формирования, угрожая им атакой или действительно атакуя, а затем применить луки, обрушивая град стрел на тесно скучившуюся массу. Кроме того, вдобавок к важным усовершенствованиям гуннского кавалерийского вооружения и тактики, которым византийцы, как мы убедились, усердно подражали, авары были также знатоками в осадной технике и постройке артиллерийских орудий — по крайней мере высокоэффективных требушетов. В «Пасхальной хронике» (*“Chronicon paschale”*), современной описываемой в ней событиям, мы читаем, что при осаде Константинополя в 626 г. авары выдвинули:

множество осадных машин, вплотную одна к другой... он [«богомерзкий хаган»] связал свои каменёты [для прочности при стрельбе тяжёлыми снарядами] и покрыл их шкурами [для защиты от стрел]. И распорядился... установить двенадцать высоких [передвижных] осадных башен, доходивших почти до передовых укреплений, и покрыл их шкурами.

Существовали и средства защиты от таких осадных башен: моряки, находившиеся в городе, пришли на помощь защитникам стен, и один из них «соорудил мачту и навесил на неё лодочку, намереваясь с её помощью поджечь осадные башни врагов»⁴.

Далее из того же источника мы узнаём, что авары построили также палисад в качестве линии укреплений, лишавшей осаждённых всякой возможности предпринять контратаку, и воздвигли стену из щитов, то есть из деревянных рам, обтянутых шкурами, для защиты осаждающих от стрел и метательных снарядов (CP, p. 179). Вот достаточное сви-

⁴ 14 индикт, 16 год; рус. пер. А. Н. Ковалёва по изд.: *Chronicon Paschale. Rec. L. Dindorf. Vol. I, Bonn, 1832, pp. 719—720*; англ. пер.: Michael Whitby and Mary Whitby, *Chronicon Paschale 284—628 AD* (Пасхальная хроника 284—628 гг., Liverpool, 1989), здесь и далее CP, p. 174.

детельство тому, что авары в отличие от большинства кочевников владели технологией разрушения фортификационных сооружений.

Кроме того, как Атила до него и как многие степные владыки после него, аварский каган, подошедший к стенам Константинополя в 626 г., собрал гораздо большую массу воинов из других народов вокруг элитного ядра своей аварской конницы, в данном случае некоторое количество германцев-гепидов и множество славян. Наконец, каган и сам, очевидно, был наделён дарованиями в области разведки и дипломатии, потому что он прибыл с целью взять Константинополь с европейской стороны именно в тот момент, когда сасанидское войско, дошедшее до западной оконечности Анатолии, расположилось лагерем на азиатском берегу, на другой стороне Босфора, прямо напротив города. В «Пасхальной хронике» (*“Chronicon paschale”*) содержится упоминание о том, как делегация вышла из города на переговоры с аварами:

...Хаган вывел им на обозрение троих персов, облачённых в одежды, целиком изготовленные из шёлка, отправленных к нему Салваром [Шахрваразом, командующим сасанидской армией]. И он распорядился, чтобы они сели рядом с ним, а наши послы встали поблизости. И сказал он: «Вот, персы направили посольство ко мне, выказав готовность дать мне три тысячи человек в соратники. Посему, если каждый из вас, находящихся в городе, желает [выйти из него], взяв лишь накидку и рубашку, давайте заключим союз с Салваром: ведь он мой друг; так перейдите к нему, и он вас не обидит, а мне оставьте город и своё имущество. Иного пути к спасению у вас нет [ибо авары и персы держали под контролем всю землю по обе стороны Босфора]: разве что вам придётся превратиться в рыб и уйти по морю либо в птиц и подняться в небо⁵.

С того самого момента, когда Ираклий отнял власть у Фоки в 610 г., он пытался сопротивляться нападениям Хосрова II, то выигрывая, то проигрывая битвы, и дважды был вынужден полностью отступить, чтобы сдержать авар. Окончательным итогом стало то, что к 622 г. весь остаток империи за пределами её столицы, а также Греции и Анатолии, представлял собою разбросанные там и тут острова, полосы побережья и города с небольшими гарнизонами в северной Африке, на

⁵ Рус. пер. А. Н. Ковалёва по изд.: *Chronicon Paschale. Rec. L. Dindorf. Vol. I, Bonnae, 1832, p. 721*; англ. пер.: *CP, p. 175*.

Сицилии, в Италии и на побережье Далмации; но ни одно из этих владений не было ценным источником доходов или новобранцев. В итоге императорская казна истощилась, что в дальнейшем усугубилось тщетными попытками умиловить аварского кагана данью. Перед лицом смертельной и притом близкой угрозы совместного нападения на Константинополь со стороны авар, которым сопутствовала масса воинов-славян, и персов-сасанидов деньги, необходимые для поддержания войны, истощились. В записи под 6113 г. от сотворения мира (622 г.) в «Хронографии» Феофана содержится упоминание о крайних мерах, принятых Ираклием:

По недостатку в деньгах он... взял также из великой церкви паникадила и другие церковные сосуды, перелил в крупные и мелкие деньги [номисмы, золотые монеты, 72 на фунт, и миларисии, серебряные, которые обменивали по 12 за номисму]⁶.

С самого начала сасанидского вторжения девятнадцатью годами ранее, в 603 г., византийское войско раз за разом терпело поражения, бывало разбито, отступало, а оборона границ и городов терпела полный крах. Но, видимо, уцелевшие подразделения, фрагменты подразделений, отдельные ветераны и новобранцы стекались к Ираклию, способности которого вести их к победе были ещё ничем не доказаны, но который, конечно, мог им заплатить:

Но нашедши в воинах беспечность, робость, беспорядок, неустройство, как в собранных из разных земель, он привел в одно стройное тело⁷.

Способностей поднять моральный дух обычным способом, то есть упирая на несправедливость врагов, Ираклий не был лишён, если верить Феофану, который цитирует его речь к воинам, где император обращается к ним очень по-свойски, что для самодержца было необычно; остаётся предположить, что он подстрекал их, взывая к их религиозному негодованию:

⁶ Феофан. № 303; рус. пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, цит. по: Феофан/Оболенский-Терновский; англ. пер.: р. 435; там же, № 304; англ. пер.: р. 436.

⁷ Там же, № 304; рус. пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, цит. по: Феофан/Оболенский-Терновский; англ. пер.: р. 436.

Вы видите, братья и дети, как враги Божьи попрали нашу страну, опустошили города, пожгли храмы... и церкви, неприступные для страстей, осквернили преступными удовольствиями.

Но самым важным делом была тренировка, предполагавшая обретение индивидуальных боевых навыков, что приводило к полномасштабным боевым учениям в укомплектованных формированиях, реализм которых, очевидно, произвёл глубокое впечатление на источник сведений Феофана — если только он не полагался на личный опыт свидетеля войсковых учений в своё время (он умер в 818 г.), а они, конечно, проводились в столь же реалистической манере:

[Ираклий построил войско]... в две колонны, и явились трубы, фаланги из щитов, и в латах воины, ряды мужественно стояли, и царь велел им сделать вид сражения: пошли сильные снёмы [схватки] и взаимные столкновения, будто на действительной войне, представилось страшное зрелище без убийства и опасности, взаимные угрозы убийственные без кровопролития... (Там же.)

Позже в этом же году новое войско Ираклия выиграло несколько мелких битв (или, возможно, всего лишь стычек) у сасанидских сил в юго-восточной Анатолии, но в 623 г. ещё одно наступление авар на Константинополь вынудило его возвратиться, вследствие чего его едва не взяли в плен, когда он попытался вести переговоры с аварским каганом. Пригороды Константинополя были разорены аварами, и, несомненно, производилась блокада с суши, но о решительных атаках ничего не известно. А 25 марта 624 г. Ираклий решился на свою первую серьёзную контратаку против Сасанидской Персии.

К тому времени все другие средства уже были испробованы, включая попытку уладить дела с более сильной Персией, сдавшись ей на оговорённых условиях. Согласно «Пасхальной хронике» (“Chronicon Paschale”), в 615 г., после крупного поражения под стенами Антиохии, после утраты Сирии и падения Иерусалима, когда персидское вторжение впервые достигло берега Мраморного моря напротив Константинополя, Хосрову II было отправлено письмо, в котором практически признавалось его господство, то есть Византия превращалась в зависимое государство по традиционной персидской системе непрямого управления:

Мы же... дерзновенно уповая... на Бога и на Ваше Величество, отпустили рабов Ваших: Олимпия, самого славного из [бывших] консулов, патрикия и префекта преториев, и Леонтия, самого славного из [бывших] консулов, патрикия и эпарха города, а также Анастасия, боголюбнейшего пресвитера [собора святой Софии] и синкелла; и мы смиренно ожидаем, что Ваша превосходящая власть примет их так, как ей подобает, и отпустит их к нам... Также просим Вашу кротость считать Вашим родным сыном нашего благочестивейшего царя Ираклия, во всём с охотой готового преклоняться перед Вашею Безмятежностью⁸.

Согласно армянской хронике, приписываемой Себеосу, сам Ираклий лично послал письмо Шахину, действующему военачальнику Сасанидов, выражая готовность признать любого, кого назначит Хосров: «Если он скажет: “Я назначу тебе царя”, пусть назначит кого пожелает, и мы примем его» (СР, р. 161). В данном случае эти мирные инициативы потерпели крушение, но в 615 г. на Константинополь не нападали, потому что войска Хосрова были заняты вторжением в Египет, который экономически был ценнее разбитого и осаждённого Константинополя, да и завоевать его было намного легче.

Поэтому о предполагаемом ответе Хосрова ничего не известно вплоть до 622 г. Текст, содержащийся в армянской истории Себеоса, был, видимо, придуман для того, чтобы возбудить религиозное негодование; возможно, он был намеренно искажён, а то и подделан самим Ираклием в пропагандистских целях, дабы укрепить византийское сопротивление.

Что это письмо было пропагандистской подделкой или по крайней мере содержало в себе дезинформацию, доказывает тот факт, что в нём есть цитаты из книги Исаии и из Псалмов, а таким языком уж никак не воспользовался бы Хосров, подчёркивавший религиозную сторону своей войны, в которой он видел борьбу зороастрийцев, поклонявшихся Ахурамазде, богу света, с христианской империей⁹:

Любимец богов, владетель и царь всей земли, рождение великого Арамазда, Хосров — Ираклу, безумному и ничтожному нашему рабу.

⁸ Рус. пер. А. Н. Коваля по изд.: *Chronicon Paschale. Rec. L. Dindorf. Vol. I, Bonnae, 1832*, р. 721; англ. пер.: СР, р. 161.

⁹ Себеос; англ. пер.: vol. II, р. 214.

...собрав шайку разбойников, [ты] не даешь мне покоя. Не я ли истребил греков? А ты, говоришь, уповаешь на своего бога. Зачем он не спас Кесарию, Иерусалим и великую Антиохию от моих рук? Разве и до сих пор ты не понимаешь, что я покорил и море и сушу? Разве не могу я скрыть и Константинополь?¹⁰

Заставляя лишь укрепиться в предположении о подделке, следующий пассаж в этом письме был, как представляется, сфабрикован, чтобы повысить авторитет Ираклия как военачальника, потому что щедрое предложение, обращённое им к самому себе, предполагает, что воюет он бескорыстно:

И все же я прощаю тебе все твои преступления. Встань, возьми жену и детей и приходи сюда. Я дам тебе поместья, виноградники, оливковые сады, чтобы ты жил [Исаия 36, 16—17]... Да не обманет тебя тщетная ваша надежда¹¹.

Дипломатия потерпела неудачу, равно как и оборонительные операции, что позволило аварскому и сасанидскому войскам с разных сторон подойти к Константинополю. Поэтому 25 марта 624 г. Ираклий со своим заново обученным войском начал контрнаступление.

Самым простым и надёжным решением было бы следующее: шаг за шагом теснить сасанидские войска, заставляя их отступать во всей Анатолии назад, в Месопотамию. Правда, всей священной утвари и всех сосудов из константинопольских церквей не хватило бы на оплату войска, достаточно крупного для того, чтобы продвигаться вперёд, полагаясь исключительно на свою силу в лобовом наступлении.

Кроме того, даже если поначалу лобовое наступление могло быть успешным (что, впрочем, маловероятно, если учесть соотношение сил), оно всё равно не могло продлиться достаточно долго, потому что при этом Хосров получил бы возможность принять меры предосторожности и достаточно времени для того, чтобы призвать сасанидские гарнизоны, рассеянные по Египту и Сирии, на подкрепление своим войскам, которым предстояла встреча с Ираклием.

¹⁰ Себеос, гл. 38. 123; рус. пер. С. Малхасянца, цит. по: <http://www.krotov.info/acts/07/1/sebeos1.htm>; англ. пер.: vol. I, pp. 79—80.

¹¹ Себеос, гл. 38. 123; англ. пер.: vol. I, p. 80.

Пойдя на изрядный риск, то есть предоставив Константинополю защищаться самому, Ираклий повёл свои войска в глубокое наступление или, если угодно, в стратегический рейд на восток через тогдашнюю Армению, а ныне северо-восточную Турцию, чтобы дойти до исконных земель Сасанидов в нынешнем северо-восточном Иране. Это великое дерзновение было вознаграждено полной неожиданностью нападения.

По-видимому, войско Ираклия столкнулось лишь со слабым сопротивлением на пути к Феодосиюполю (Эрзеруму) и к провинции Айрарат; оно взяло и разграбило Двин и Нахичевань в Персидской Армении, а затем разрушило великий зороастрийский храм в Тахт-и-Сулейман, затушив вечный огонь Вшнасп, как называет его Себеос, а вернее — Адур-Гушнасп¹², возле города Гандзак (греч. Газака), столицы Средней Атропатены, возле современного города Такаб в западном Азербайджане, ныне в границах Ирана.

Это была, несомненно, месть за сожжение иерусалимских церквей в 614 г., но невозможно поверить в то, что эта акция не была также хорошо рассчитанным ходом, призванным спровоцировать Хосрова на необдуманный и слабо подготовленный ответ, ибо Адур-Гушнасп был во многом его династическим святилищем¹³. Именно так и случилось в действительности: разрозненные и нескоординированные сасанидские войска были отправлены, чтобы перехватить Ираклия, и его люди разбили по меньшей мере одно из них, во главе которого стоял самый выдающийся из сасанидских боевых командиров, Шахрвараз; затем войско Ираклия встало лагерем на зиму.

В марте 625 г. Ираклий спешно отступил из Армении на более тёплые равнины юго-восточной Анатолии, преодолев горный проход Киликийские ворота (ущелье Гюлек-Богазы в нынешней Турции). В определённый момент Шахрвараз снова решил преследовать его, но все усилия персов объединить силы против весьма подвижного войска Ираклия потерпели неудачу. Этот поход стал крайне длительным и особо успешным воплощением того оперативного метода, который рекомендуется для сил, находящихся в меньшинстве, вышеупомянутым руководством «О стратегии» («Пери стратигикис»).

¹² Себеос, гл. 38. 124; англ. пер.: vol. I, p. 81; Себеос, vol. II, p. 215; Kaegi 2003, начиная с p. 12.

¹³ M(ary) Boyce. Adur Gušnasp (Адур-Гушнасп), в: Encyclopaedia Iranica, Y. Yarshater (изд.; Costa Mesa, Cal.: Eisenbrauns, 1985). Vol. I, 1985, pp. 475—476; Kaegi 2003, p. 122, passim.

Эта война в передвижениях велась в пределах Анатолии, то есть на территории империи¹⁴. Значительная часть её гориста, но даже там горы прерываются плодородными хорошо орошаемыми долинами, тогда как в южной Анатолии располагаются более богатые прибрежные равнины Каппадокии и Киликии.

Этим можно объяснить выживание войска Ираклия: его кормила, конечно же, не казна в Константинополе, истощившаяся от нехватки имперских поступлений, а налоги, собираемые на месте, доходы от тамошних церквей и монастырей, а также, несомненно, насильственные реквизиции. Кроме того, все источники сходятся в том, что марши и сражения с обеих сторон прекращались с приближением зимы. В Анатолии она может быть весьма суровой, причём не только в скалистых горах, но и на равнинах — по крайней мере во внутренней части страны, где даже равнины по большей части представляют собою высокие плато.

Бойцов нужно было закалять для зимних кампаний, и римские командиры порою делали это, приобретая славу сторонников строгой дисциплины: в любую погоду их бойцы носили полотняную одежду. Однако Ираклий, похоже, не подражал такой практике, если мог обойтись без неё: его некогда устранённый предшественник, то есть, вероятно, его непосредственный законный предшественник, Маврикий (582—602 гг.), был свергнут и убит мятежниками, когда приказал войску выступить в зимний поход против авар и славян после долгих месяцев сражений. Предводитель мятежников, Фока (602—610 гг.), захватил императорскую власть, как до него делали многие, но у него не хватило политического таланта на то, чтобы создать атмосферу легитимности, и возникшая вследствие этого смута дала Хосрову возможность предпринять вторжение.

Хотя Ираклий находился в численном меньшинстве и его преследовало не одно персидское войско, он не мог просто остановиться с наступлением холодов, если бы сасанидские войска уже не остановились сами, опередив его в этом, — а они вынуждены были так поступить. Дело не в том, что сасанидские бойцы не столь выносливы, как византийские, но их лошадям нужен был фураж, чтобы выжить после наступления октября, когда в горных областях Анатолии зелёные пастбища истощаются, так что им приходилось отступать на зимние квартиры, где у них хранился фураж, и пребывать в относительном бездействии до самой весны.

¹⁴ Kaegi 2003, p. 122, *passim*.

Эта логистическая деталь стала чрезвычайно важным фактором в последующих событиях. Создалось следующее мнение: что бы ещё ни затеял Ираклий, ему придётся возвратиться на территорию империи в Анатолии, чтобы найти убежище в хорошо снабжённых квартирах до наступления зимы — ведь именно так он поступил в 624 г., а потом и в 625 г.

Это обусловило стратегическую неожиданность в 627 г., когда он продолжил продвигаться вперёд даже зимой. Византийские кони не отличались от сасанидских, но в мире всё же существовали совсем другие кони, и вскоре они вышли на сцену событий, причём самым драматическим образом.

Ираклий ещё находился далеко от Константинополя 29 июня 626 г., когда город подвергся двойной атаке: авар с их осадными машинами и следовавших за ними славян — и сасанидского войска Шахрвараза. Согласно «Пасхальной хронике» (“Chronicon Pascale”):

[Около тысячи авар] подошли к досточтимому храму (икос) святых Макавеев на другой стороне [залива Золотой Рог], в Галате (эн Сикес), и, показавшись персам, которые собрались возле Хрисополя [ныне Юскюдар на азиатском побережье прямо напротив Константинополя], они известили друг друга о своём присутствии вестовыми огнями¹⁵.

И авары, и персы уже бывали там, как мы видели, но порознь. Весьма вероятно, что они сговорились о совместных действиях в 626 г., чтобы напасть на город одновременно — так утверждает Феофан: «Сарвароса [= Шахрвараза] с остальным войском [Хосров] послал против Константинополя, чтобы присоединить к себе западных гуннов, называемых также аварами, со... склавами... и с ними идти к осаде Константинополя»¹⁶.

Даже если обе стороны прекрасно договорились друг с другом на уровне политическом, это ничего не значило для оперативной координации двух войск — а ведь именно сухопутные войска прежде всего атаковали приморский город Константинополь, выдававшийся в море только узкой частью, обращённой к суше, да и та была сильно укреплена. Ни у Сасанидов, ни у авар не было с собой кораблей, а тем более военных судов.

¹⁵ Рус. пер. А. Н. Ковалёва по изд.: Chronicon Paschale. Rec. L. Dindorf. Vol. I, Bonnae, 1832, p. 718; англ. пер.: CP. p. 171.

¹⁶ Феофан, № 315, АМ 6117; рус. пер. Оболенского и Бодянского, цит. по: Феофан/Оболенский и Бодянский, с. 234; англ. пер.: p. 446.

Каган принял следующее решение: послать своих подданных-славян на их лодках-однодеревках (моноксилах), чтобы атаковать обращённую к морю часть города, выходящую на Золотой Рог: правда, там стояла оборонительная стена, но она представляла собою куда менее прочный барьер, чем стена Феодосиева. Те же лодочки должны были перевезти на европейскую сторону сасанидских бойцов. Славяне «приплыли с Истра [Дуная] на бесчисленном множестве выдолбленных ладей [моноксил-однодеревки] и наполнили весь залив [Золотой Рог]»¹⁷. Славянские лодки не могли сравниться с галерами и боевыми лодками византийского военно-морского флота, укомплектованными обученными экипажами и лучниками на борту. Никакие катастрофические поражения, лишившие империю её самых ценных земель и большинства её войска, не могли причинить столь же тяжкий ущерб флоту империи, который всё ещё удерживал приморские владения в северной Африке, южной Испании, на Сицилии, в Италии, на Крите, на Кипре и на многих островах Эгейского моря.

Византийский военно-морской флот знал эпохи взлётов и падений, но он был достаточно силён с 29 июля по 7 августа 626 г., когда и авары, и Сасаниды сняли осаду города. В «Пасхальной хронике» (“Chronicon Paschale”) мы читаем: «...вечером и с нашей стороны, несмотря на встречный ветер, отплыло в Халы около 70 кораблей, дабы воспрепятствовать моноксилам [однодеревкам] переправиться» [р. 178].

Это были не боевые корабли, а лодки, но всё же изрядных размеров, не обычные «шлюпки», то есть гребные плоскодонки. Красноречиво звучит замечание о том, что они шли против ветра: ведь это предполагает наличие подготовленных экипажей и хорошего парусного вооружения, а также боевых лучников на борту.

Армянский историк Себеос сообщает о морской битве, из которой персидское войско возвратилось с позором, потеряв 4000 человек вместе с судами [Часть I, р. 79], а «Пасхальная хроника» (“Chronicon Paschale”) повествует о печальной участи славян:

Все славяне, которые были на однодеревках, были сброшены в море или перебиты. И армяне вышли из-за Влахернской стены и подожгли притвор находившегося там храма св. Николая. Славяне, бежавшие с однодеревки,

¹⁷ Феофан, № 316, AM 6117; рус. пер. Оболенского и Бодянского, цит. по: Феофан/Оболенский и Бодянский, с. 234; англ. пер.: р. 447.

думая, судя по пожару, что это сделали авары, стоявшие лагерем у моря, пришли сюда и здесь были перебиты [армянами] (СР, р. 178).

Когда осада была снята, сасанидские войска отступили в восточную Анатолию, чтобы снова заняться преследованием Ираклия, а каган разобрал свои осадные машины, соблюдая условия перемирия, но угрозил возвратиться, хотя многие славяне из-за раздоров с ним оставили его войско: как мы видели, их отпадение, возможно, вдохновили и вознаградили византийцы.

Не сумев взять город и, несомненно, уничтожив все съестные припасы в округе за осаду, длившуюся целый месяц, авары и славяне вынуждены были совершать рейды в другие места, чтобы раздобыть себе пропитание. В обычных обстоятельствах византийские войска на марше могли вызывать к себе конвои с повозками, гружёнными едой, как до них делали римляне, и поэтому могли вести долгие осады, длившиеся целыми месяцами, даже после того как вся окружающая местность была полностью разорена.

У авар не было такой логистики, основанной на сборе налогов: они зависели от дани и обычного вымогательства. Это, разумеется, получалось у них неплохо; кроме того, со своим множеством лошадей, предназначенных также для членов их семей и для слуг, авары могли собирать фураж в обширной округе, чтобы вести долгие осады. У славян лошадей было меньше (точнее, совсем немного, как можно полагать); кроме того, они были слишком многочисленны для того, чтобы кормиться за счёт благосклонных даров осаждённых. Поэтому они ушли, и уже одно это могло вынудить кагана снять осаду, поскольку, хотя авары обладали столь вескими тактическими преимуществами, что им удалось запугать множество славян, всё же их было слишком мало для того, чтобы осаждать шесть километров Феодосиевой стены.

Ход войны передвижений, которую Ираклий вёл с марта 624 г., резко изменился осенью 627 г.¹⁸

Он опять выдвинулся к востоку, на Кавказ, и нет никакого сомнения в том, чего именно от него ждали: что он возвратится назад с наступлением зимы. Но это был не рейд, пусть даже «стратегический»: это было полномасштабное глубокое вторжение. Оно стало возможным благодаря сильному подкреплению, полученному теперь уже очень

¹⁸ Kaegi 2003, p. 156 ff.

опытным, весьма подвижным, но по необходимости малочисленным войском Ираклия. В 6117 г. от сотворения мира через прикаспийские равнины верхом на маленьких, выносливых лошадях (или пони), которые впервые появились вместе с гуннами и затем в последний раз возвратились в Европу спустя шесть веков вместе с монголами, были конные лучники из степных краёв, «40 000 храбрецов», согласно «Хронографии» Феофана¹⁹.

Их привёл тюркский каган, гораздо более великий, чем его аварский противник: Зиевил, как называет его Феофан, хотя, несомненно, имеется в виду Тон-ябгу, речь о котором уже шла выше. Тогда он был главным правителем Западного каганата обширной Тюркской империи, которая простиралась от Китая до Чёрного моря и тогда уже распадалась. А может быть, его стоило бы назвать уже главой возникавшего тогда преемника Западного Тюркского каганата, то есть Хазарской державы, либо его следует считать носителем обоих этих титулов, если учесть, что хазары, несомненно, возникли из более пространного каганата²⁰. Но в любом случае люди Тон-ябгу были прежними союзниками и нынешними врагами Сасанидской Персии, естественное влияние которой в Центральной Азии, конечно, сталкивалось с интересами тюрков, как бы они ни назывались, — это было восходящее к глубокой древности (и длящееся по сей день) состязание между Ираном и Тураном. Кроме того, тюрки были потомственными врагами авар, которые изначально правили тюрками, а затем бежали от них на запад. Авары, которым только что не удалось взять Константинополь, были для тюрков «рабами, <...> бежавшими от господ своих... они будут растоптаны копытами наших коней и раздавлены, как муравьи»²¹.

Но даже самые дерзкие вторжения византийцев не могли сводиться к одним только военным действиям. Ведь им предшествовали, их сопровождали, обеспечивали их возможность и следовали им энергичные усилия, направленные на то, чтобы привлечь на свою сторону союзников и разделить врагов, прибегая ко всем возможным средствам.

¹⁹ № 316; англ. пер.: p. 447.

²⁰ Kaegi 2003, p. 158, где упоминаются Ябгу-хакан и «Кёк»-тюрки; но см.: Golden 1982, pp. 135, 236, а также дополнительное личное сообщение.

²¹ Менандр. *Excerpta de Legationibus Romanorum ad gentes* (Выдержки о посольствах ромеев к варварам), 14, фрагмент 19; рус. пер. Г. С. Дестуниса, цит. по: http://www.krotov.info/acts/05/marsel/ist_viz_06.htm; англ. пер.: Blockley-Menander, p. 175.

Прибытие конных лучников не было случайностью. Как мы видели, византийцы в течение десятилетий вели переговоры с каганатом, отправляя послов в долгие и опасные путешествия. Мы также видели, что, по утверждениям византийских источников, послы Ираклия сыграли свою роль в отделении будущих сербов и хорватов от неразличимой массы славянских приспешников авар, а затем послам удалось убедить славян активно противостоять аварам, прежде чем бежать от них севернее, в те места, где они живут по сей день.

Ираклий был, конечно, великим полководцем, но без сопутствующих усилий, направленных на то, чтобы убедить, вынудить и обескуражить врага, он едва ли выиграл бы свою войну. Ему не удалось умиротворить ни Хосрова, ни аварского кагана, но он достиг гораздо большего, убедив племена сербов и хорватов отложиться от авар, а главное, переманив на свою сторону Ябгу-кагана.

Согласно Феофану, Ираклий добился даже большего, успешно завербовав Шахрвараза, главнокомандующего войсками Хосрова, когда тот был в пределах досягаемости во время осады Константинополя²². Однако дальнейшие события оставляют нас в неизвестности относительно верности Шахрвараза, так что сложная интрига, упомянутая Феофаном, может быть всего лишь вымыслом.

Располагая тысячами грозных конных лучников в придачу к своему войску, Ираклий мог, конечно, совершать манёвры гораздо свободнее, потому что преследовавшие его сасанидские войска скорее отступили бы, чем стали сражаться на таких неравных условиях. Союзники-тюрки также доставили с собой ещё одно преимущество (или, вернее, приехали на нём): в то время как лошадей византийской и сасанидской конницы нужно было кормить фуражом по крайней мере зимой, монгольские лошадки (или пони) тюрок могли выжить почти в любой местности, где была хоть какая-нибудь растительность, даже под тонким слоем покрытого настом снега, типичного для ветреной зимней степи, а также для холмистых областей северо-западного Ирана, куда направлялся Ираклий.

Выступив из Тбилиси в сентябре 627 г., Ираклий повёл своё небольшое войско вместе со своими грозными союзниками размашистым кружным маршрутом вокруг озера Урмия в нынешнем северо-западном Иране, а затем двинулся к югу, пересёк реку Большой Заб и подошёл к Ниневии,

²² Феофан, № 324, АМ 6118; англ. пер.: pp. 452—453.

расположенной на реке Тигр и бывшей некогда великой столицей Ассирийской державы, упомянутой в книге Бытия, а ныне представляющей собою большой и малопривлекательный иракский город Мосул. Хосров отправил многочисленное войско под командованием Роч Вехана, чтобы преследовать Ираклия, но персам так и не удалось догнать византийцев, чтобы вынудить их вступить в битву. Но лишь 12 декабря 627 г. Ираклий решил дать сражение, внезапно повернув, чтобы встретиться с сасанидским войском. Армянский историк Себеос даёт краткое описание этой битвы, вполне достаточное для того, чтобы понять тактический стиль Ираклия-полководца: сначала манёвр, чтобы привести врага в замешательство и застать его врасплох, и лишь затем — атака:

Соединившись с ними [с царскими войсками], они [воины Роч Вехана] преследовали Иракла. Иракл, заманив их до полей ниневийских, со стремительною силою обратился против них. На поле был мрак. Войско персидское не знало о том, что Иракл обратился на них, до тех пор, пока греки не смешались с ними в битве. <...> Греки поразили и умертвили их всех до одного и убили их полководца в сражении²³.

Было важно обескровить сасанидское войско, но решающей новостью стало то, что силы Ираклия проникли в глубокий тыл изрядно расширившейся территории, завоёванной войсками Хосрова, и могли теперь нанести удар по жизненно важным центрам Сасанидской державы в нынешнем центральном Ираке. Империя была, конечно, персидской, но столица Сасанидов находилась в Месопотамии, в Ктесифоне на реке Тигр, менее чем в двадцати милях к югу от нынешнего Багдада. Это был, несомненно, один из крупнейших городов тогдашнего мира, если не самый крупный, и вот теперь он подвергся нападению византийцев, ибо прежние победы и завоевания Хосрова создали неразрешимую стратегическую проблему: сасанидские войска были разбросаны по широкой дуге, тянувшейся от отдалённого Египта до Сирии и в глубь Анатолии. Все эти области находились слишком далеко для того, чтобы войска могли возвратиться вовремя и достаточно быстро вмешаться, дабы остановить Ираклия, покуда он не причинил новых неприятностей. Если бы Сасаниды не были настолько уверены

²³ Себеос, гл. XXVI, рус. пер. К. Патканьяна, цит. по: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Sebeos/frameset2.htm>; англ. пер.: Sebeos. Part I, p. 84.

в том, что Ираклий опять отступит зимой, как он делал до этого каждый год, они, конечно, могли бы оттянуть достаточно войск из Египта и Сирии, чтобы защитить сердцевину своих владений.

Для Ираклия победа под Ниневией означала прежде всего разрешение всех логистических проблем. У Хосрова было много дворцов, не один и не два, ибо таково было обыкновение Сасанидов, возобновившееся при Саддаме Хусейне, причём по той же самой причине: каждый из этих дворцов служил симулякром власти, назначение которого состояло в том, чтобы наводить благоговейный страх на всю округу. Кроме того, дворцы Хосрова были выстроены в классическом персидском стиле: там было больше просторных райских садов, чем особо крупных строений, причём в число садов входили и зоологические, полные и экзотических, и домашних животных, — всё это было живым ходячим мясом для изголодавшихся бойцов:

Царь... остановился во дворце... в пристройке которого нашёл он триста страусов откормленных, в другой пристройке около пятисот диких коз откормленных, в третьей сто онагров откормленных; всё это подарил он войску. Первое число января [не наше первое января] они провели здесь, ибо нашли также овец, свиней и коров, которым не было числа. Всё войско успокоилось, наслаждалось и прославляло Бога²⁴.

Затем Ираклий продолжил движение к югу, по направлению ко Ктесифону, пересёк реку Малый Заб в конце января 628 г., а после этого продвинулся ещё миль на 200 по реке Дияла, чтобы захватить ещё один, гораздо более просторный дворец в Дастагарде. Феофан смакует итоги этого события:

В сем дворце [Дастагард] римляне нашли триста римских знамён, взятых в различные времена, также запасы редких произведений, много алая и большие деревья алойные... много шёлку, перцу, полотна рубашечного сверх всякого числа, сахару, имбирю и много других вещей... нашли также страусов, диких коз, онагров, павлинов, фазанов в бесчисленном множестве; для охоты его тут находились львы, тигры огромные²⁵.

²⁴ Феофан, № 321, АМ 6118; рус. пер. Оболенского и Бодянского с некоторыми изменениями; англ. пер.: р. 451.

²⁵ Феофан, № 322, АМ 6118; рус. пер. Оболенского и Бодянского; англ. пер.: р. 451.

Есть также свидетельства о том, как быстро передвигался Ираклий, а также о том, насколько внезапным оказалось его появление, потому что Феофан отмечает, что множество дворцовых служащих были взяты в плен.

Само по себе, как событие сугубо военное, поражение при Ниневии и даже дальнейшее продвижение византийского войска вниз по долине Тигра по направлению ко Ктесифону не должно было непременно стать катастрофическим для Хосрова. Под его командованием оставалось немало свежих сил, всё ещё занимавших обширные недавно завоёванные территории, требовавшие, конечно же, существенных гарнизонов. Его главнокомандующий, Шахрвараз, находился в Сирии с большой армией, которая могла возвратиться на защиту Ктесифона.

Дальнейшие события показывают, что постоянные военные действия, длившиеся в течение четверти века, окончательно истощили терпение сасанидской правящей элиты и семьи самого Хосрова. Возможно, Ираклий ускорил этот процесс, отправив шаху письмо с предложением мира, но имея в виду пропагандистские цели, а Хосров, как можно предположить, это письмо отверг: «Я преследую [тебя], но и расположен вместе к миру; я не по воле своей огнем истребляю Персию, но ты сам к тому принудил меня; итак, хотя бы теперь бросим оружие и возлюбим мир; угасим огонь, пока ещё не всё сожжено». И далее Феофан продолжает: «Так как Хосров и теперь не согласился на мир, то возникла против него великая ненависть у персов»²⁶.

Но Хосров мобилизовал своих последних приближённых, придворных и слуг и отправил этих обитателей дворца, никогда не воевавших, сражаться с опытными ветеранами Ираклия. Это был последний бросок. 23 февраля 628 г., согласно Феофану, когда Ираклий, как казалось, вот-вот войдёт в Ктесифон и покончит с империей, Хосров был свергнут в ходе государственного переворота (*coup d'état*) его собственным сыном, Кавадом Шируйе (Львёнком), который начал мирные переговоры и предложил произвести обмен пленными.

Дальнейшее было не капитуляцией, а переговорами: в поле всё ещё стояли сасанидские войска, чьё возвращение могло бы восстановить

²⁶ Феофан, № 322, АМ 6118; рус. пер. Оболенского и Бодянского; англ. пер.: р. 453; См. убедительную и завораживающую реконструкцию этой кампании в книге: Kaegi 2003, начиная с р. 156, и о времени после победы при Ниневии, р. 172. Kaegi отмечает, что Феофан мог реконструировать эту историю: ведь правила предписывают, чтобы перед наступлением неизбежной кончины злодею давался некий шанс на спасение.

равновесие сил. Так и не вступив в Ктесифон (площадь его была около тридцати квадратных километров, то есть уже сами размеры города, видимо, были устрашающими для небольшого византийского войска), Ираклий отошёл более чем на триста миль к северо-востоку, возвратившись в знакомую ему местность Тахт-и-Сулейман (ныне Гандзак) в предгорьях Загроса в апреле 628 г.²⁷

Но это не прекратило смертельную последовательность придворной политики в Ктесифоне: ведь если кто-то один сумел захватить власть, то почему не сможет кто-то другой? Кавад Шируйе сам был свергнут в ходе военного переворота (*coup d'état*) Шахрваразом — тем самым полководцем, с которым Ираклий не раз вёл переговоры в прошлом. Шахрвараз надлежащим образом начал оговаривать условия, на которых в конце концов стороны пришли к согласию. Все утраченные ранее провинции, от Египта до Сирии и Киликии в Анатолии, были возвращены под власть Византии, но Сасаниды, похоже, сохранили за собой самые первые завоеванные ими земли на своей стороне реки, хотя в действительности это было отвоевание, ибо ранее эти территории принадлежали Сасанидам²⁸.

Как наследник имперской культуры с богатым опытом, Шахрвараз знал, как нужно вести переговоры: обращение в христианство было лишь частью его «пакета уступок» (от обращения он, конечно же, вскоре отказался).

Ираклий пришёл к власти, когда над империей нависла прямая угроза уничтожения из-за вторжений Хосрова, проникавших гораздо глубже любых прежних сасанидских вторжений за предшествующие четыре века чередующейся войны, а также вторжений авар, напрямую атаковавших Константинополь летом 626 г.

У него почти не было военной силы, достаточной для того, чтобы обратить вспять персов-сасанидов или авар с их приспешниками, а тем более и тех, и других. Его сил на суше и на море хватало ровно для того, чтобы просто сопротивляться им у самых стен города, а на воде — прямо перед ним, но не на то, чтобы восстановить империю, затопленную вражескими войсками. Не будет слишком сильным преувеличением сказать, что июль 626 г. мог стать маем 1453 г., когда осаждённых защитников Константинополя ожидал конец.

²⁷ Kaegi 2003, pp. 177—178.

²⁸ Там же, № 304; рус. пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, цит. по: *Феофан/Оболенский-Терновский*; англ. пер.: р. 436.

Решение, найденное Ираклием, объединяло в себе дипломатию и подкуп (в обоих вражеских лагерях) с весьма рискованным реляционным манёвром на уровне театра военных действий, что само по себе представляет собою историческую редкость. «Реляционным», а также весьма выгодным в этом манёвре было то, что череда сезонных рейдов, проведённых Ираклием, приучила Хосрова и его советников ожидать дерзких, глубоких, но в конечном счёте неудачных набегов, которые могли продлиться несколько месяцев до наступления зимы и оставили бы стратегическую ситуацию неизменной. Да, ущерб бывал порой болезненным, как произошло с разрушением зороастрийского храма в Тахт-и-Сулейман, которое нанесло ощутимый удар по престижу Хосрова и его династии, притязавшей на жреческий авторитет (ведь она была названа по имени Сасана, великого священника храма Анахиты и деда Ардашира, основателя династии), причём правители Сасаниды получали посвящение перед этим самым «царским» огнём, носившим название Адур Гушнасп.

Однако очевидно, что Хосров принял следующее решение: даже разорительные набеги не стоили того, чтобы применить единственное полностью надёжное средство — вывести сасанидские войска из недавно завоёванных земель Сирии и Египта, чтобы охранять старые границы империи и её сердцевину, территории в Месопотамии. Это означало бы отказ от великого достижения Хосрова — от его небывалых завоеваний византийских территорий.

В сущности, в решающий 627 г. Сасаниды не отступили с запада, потому что были уверены: по окончании набега Ираклий опять уйдёт с востока. Но он этого не сделал, и результатом стал конец династии и империи, просуществовавшей более четырёх веков.

Затем произошла утрата Леванта, Египта, а в конце концов и Северной Африки вследствие мусульманского завоевания, но это вовсе не отменило эпической по своему размаху победы Ираклия, потому что Хосров мечтал завладеть самой империей и заявил о мести за своего благодетеля Маврикия, то есть ему были нужны не только земли, которые были утрачены и отвоёваны, а затем снова утрачены.

Когда для империи начались самые бедственные годы, во мраке всё ещё ярко сияла славная память о достижениях экспедиционного войска Ираклия. Свидетельством тому служит главный наш источник, Феофан, умерший в 818 г.: из его рассказа явствует, что память об этих славных событиях не поблекла и по прошествии двух веков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ И ВИЗАНТИЙСКИЙ «ОПЕРАТИВНЫЙ КОДЕКС»

У всех государств есть большая стратегия, знают они об этом или нет. Это неизбежно, потому что большая стратегия — всего лишь тот уровень, на котором знание, искусство убеждения и сила (или, выражаясь по-современному, разведка и дипломатия), а также военная сила, потенциальная или действительно использованная (либо отсутствие и той, и другой), объединяются, чтобы определить собою результаты в мире других государств, со всеми перипетиями их «больших стратегий».

У всех государств есть большая стратегия, но не все большие стратегии одинаковы. Налицо внутренняя связность и эффективность, когда и искусство убеждения, и сила равным образом руководствуются хорошо поставленной разведкой, а затем они объединяются для сотрудничества — по приказу, инстинктивно или случайно, чтобы породить максимум силы из доступных источников. Но чаще, вероятно, налицо несогласованность между ними, так что плоды, полученные искусством убеждения, сводятся на нет сбитой с толку силой, или же результаты, с трудом полученные силой, портит неуклюжая дипломатия, которая вызывает враждебность нейтральных сторон, придаёт смелости врагам и расхолаживает союзников.

У византийцев не было центрального аппарата планирования, производящего документы на современный лад, включая недавнее нов-

шество — официальные формулировки «национальной стратегии», в которых предпринимаются попытки определить «интересы», средства их расширения и их взаимное согласование на рациональных или хотя бы рационализированных началах. Византийцы никогда это так не называли, хотя даже «стратегия» — греческое слово, как отмечается ниже; но у них, конечно же, была большая стратегия, которая никогда не получила открытой формулировки (а привычка к таким формулировкам — явление очень новомодное и весьма сомнительное), хотя применялась она настолько последовательно, что можно даже вывести византийский «оперативный кодекс».

Однако сначала нужно определить два важных предмета: самоотождествление главных действующих лиц и природу стратегии — или, скорее, парадоксальную логику стратегии.

1

САМООТОЖДЕСТВЛЕНИЕ

Византийская правящая элита взирала на внешний мир и на его бесконечные опасности, располагая стратегическим преимуществом, которое было не дипломатическим и не военным, а скорее психологическим: имеется в виду твёрдая моральная уверенность в своём тройном самоотождествлении. Оно было гораздо более христианским, чем могут представить себе современные умы, причём именно халкидонитским по вероисповеданию; вместе с тем в культурном отношении оно было эллинским, ибо охотно принимало язычника Гомера, агностика Фукидида и неблагочестивых поэтов — хотя слова «эллин» тщательно избегали, потому что оно означало «язычник»; наконец, оно горделиво величало себя «римским», ибо ромеи считали себя живыми римлянами, причём не без основания, ибо римские установления существовали на протяжении долгого времени — по меньшей мере символически¹.

Из бесчисленных трудов на эту тему наиболее полезны, по-моему, следующие: Agostino Pertusi (ред.), *Antonio Carile. Il pensiero politico bizantino* (Византийская политическая мысль; Bologna: Patron, 1990) с трёхчастной периодизацией (Юстиниан, после Юстиниана, с отвоевания 1261 г.); *Alexander Kazhdan and Giles Constable. People and Power in Byzantium: an introduction to modern byzantine studies* (Народ и власть в Византии: введение в современную византинистику; Washington DC: Dumbarton Oaks, 1982), особенно о

Однако до того времени, когда мусульманское завоевание отняло у империи Левант и Египет, это тройное самоотождествление было также источником местного недовольства правящей константинопольской элитой, ибо из трёх составляющих этого самоотождествления повсеместно принималась лишь одна: римская.

Начнём с того, что население, говорившее на западном арамейском (то есть по-сирийски) и по-коптски и составлявшее большинство обитателей Сирии и Египта, включая евреев в их собственной стране и за её пределами, не было причастно к эллинской культуре — если не считать их светских элит, которые были естественной составной частью византийского режима и часто подвергались нападкам со стороны националистов, считавших их «эллинизаторами». В остальном же массы либо не знали о том, что когда-то жил на свете Гомер, либо легко поддавались влиянию фанатичных священников и начинали страстно ненавидеть то, чем они могли бы наслаждаться, будь у них больше познаний.

Кроме того, зона, которая отвергла эллинизм так же, как она отвергла римский обычай купаний как слишком чувственный, отвергла также чересчур интеллектуальное халкидонское определение двуединой богочеловеческой природы Христа, отстаивая более чистое монотеистическое представление о единой, божественной природе Христа.

Таково монофизитское вероучение, которого до сих пор придерживаются христиане коптских Церквей Египта и Сирии, Православных Церквей Эфиопии и Эритреи, Сиро-Яковитской и Сиро-Маланкарской Православных Церквей Индии, а также (хотя в гораздо более утончённом виде) Армянской Апостольской Церкви. В наши дни, когда возобладал экуменизм, православные христиане уже не столь яростно отстаивают свои стороны в споре о Халкидоне, но, как мы видели, Византийская империя шестого-седьмого веков была опасно расколота, с одной стороны, преследованиями халкидонитов, а с другой — горячностью монофизитов, которые упорно отвергали все попытки императоров прийти к вероучительному компромиссу, то есть прежде всего моноэнергизм и монофелитство Ираклия.

Однако ничто из этого не отбило бы у христиан-монофизитов охоту сражаться за империю против нехристей, но она была отбита, причём по

религии, начиная с р. 76; и: Cyril Mango. *Byzantium: the Empire of New Rome* (Византия: империя Нового Рима; New York: Charles Scribner's sons, 1980), особенно об эллинизме и его границах, начиная с р. 13.

основательным причинам: большинство нехристиан, нападавших на империю, не были антихристианами по своей вере, а некоторые вражеские языческие народы даже обратились в христианство, прежде всего болгары, мадьяры, Киевская Русь, сербы и хорваты; с другой стороны, антихристианские по своему вероучению мусульмане были такими же монотеистами, как и евреи, и уж конечно, большими, чем халкидониты...

Мусульманское завоевание спасло империю от этих глубоких расколов, потому что оно отрезало от её земель самых ярых диссидентов. Но даже после этого империя ни в коем случае не была однородной по языку: на востоке многие говорили по-армянски, на западе — по-славянски, а на промежуточном пространстве долго сохранялись автохтонные языки, например, фракийский или бесский, на котором говорили прямо возле Феодосиевой стены: его ещё помнили некоторые монахи, жившие за этой стеной. Но ничто из этого не мешало ощущать свою причастность к эллинской культуре тем, кто этого желал, и иной родной язык не предполагал никакого разделения по вероучительному признаку. Поэтому можно сказать, что утрата Сирии и Египта, в отличие от латиноязычной и халкидонитской по вере северной Африки, обернулась для империи не таким уж страшным злом: она принесла благословенное религиозное единство и укрепила единство культурное.

Мусульманское завоевание столкнулось с очень большой, но раздробленной империей, которая могла полностью распасться при более неблагоприятных обстоятельствах, и вследствие него возникла меньшая по размерам, далеко не столь богатая, но более сплочённая империя, закалившаяся настолько, чтобы выдержать шесть веков войн. (Есть веские причины не злоупотреблять выражением «крестовый поход» по отношению к византийским войнам, хотя в некотором смысле это была священная война, особенно на границах, как описывается в сочинении «О стычках», “*De velitatione*”).

Это также служит объяснением необычайной стойкости правящего класса империи во времена острого кризиса и в течение чрезвычайно долгих периодов крайней нестабильности: когда всё, казалось бы, уныло и безнадежно, христианская вера, культура Древней Греции и римская гордость объединялись, чтобы отбросить мысль о сдаче и вдохновить на упорное сопротивление².

² Tia M. Kolbaba. Fighting for Christianity: holy war in the Byzantine empire (Битва за христианство: священная война в Византийской империи), в: Haldon 2007, pp. 43—70,

Карта № 13. Империя в 565, 1025 и 1360 гг.

ЛОГИКА СТРАТЕГИИ

«Стратегия» — это одно из таких греческих слов, которого сами греки никогда не знали, ибо общее для Запада слово «стратегия» (strategy, strategie, strategia и т. д.) восходит к слову «стратегос», «стратиг», которое зачастую неверно переводят как «генерал», хотя исторические факты говорят о том, что это был вождь, облечённый как политической, так и военной властью, а потому это звание служит лучшим источником для названия деятельности, которая столь же широка. Логика стратегии далеко не столь проста.

«Они не понимают, как враждебное находится в согласии с собой: перевёрнутое соединение (гармония), как лúка...» Такова мысль Гераклита Эфесского³, весьма тёмная для древних, но для нас вполне прозрачная после парадоксального опыта ядерной угрозы: когда миротворцы должны были пребывать в постоянной готовности к ответной атаке, агрессорам приходилось быть кроткими и благоразумными, а ядерное оружие могло принести пользу лишь в том случае, если оно не использовалось. Устрашение, явное для всех, позволило постичь парадоксальную логику стратегии с её мнимыми противоречиями, превратив «перевёрнутое соединение», объединяющее противоположности, в то, что стало почти общим местом, если не принимать в расчёт нескольких учёных-физиков и других невинных, которые не смогли понять, что безопасность может быть самым крепким ребёнком страха.

Тем самым правота Гераклита, первого западного стратегического мыслителя («Война [Пóлемос] — отец всех, царь всех: одних она

упоминает, но не сопоставляет друг с другом идеологические составляющие пограничной войны — а ведь джихад был вполне реальным, несмотря на грабежи с обеих сторон; ср.: G. T. Dennis. *Defenders of the Christian People: holy war in Byzantium* (Защитники христианского народа; там же, pp. 71—79).

³ № 51 в: H. A. Diels. *Rev. W. Kranz. Die Fragmente der Vorsokratiker* (Фрагменты досократиков; Hildesheim: Weidmann, 2004); или № 27 в великолепном издании: M. Marcovich. *Heraclitus: Greek text with commentary* («Гераклит»: греческий текст с комментарием; Merida, Venezuela: Los Andes University Press, 1967), справедливо названном *Editio Maior* (Главное издание). Рус. пер. А. В. Лебедева, цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Издание подготовил А. В. Лебедев. М., «Наука», 1989, с. 199.

объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными»⁴), была наконец доказана, хотя задолго до него многие изобретательные воины побеждали, инстинктивно применяя эту парадоксальную логику, чтобы заставить своих врагов врасплох: а это возможно лишь в том случае, если от самых надёжных способов ведения войны, а потому и самых предсказуемых, сознательно отказываются.

В этом особом случае совпадения противоположностей (*coincidentia oppositorum*) перед лицом врага, готового к ответу, самый прямой, широкий и лучше всего вымощенный путь оказывается худшим путём для атаки на врага, тогда как плохая дорога может стать лучшей. По той же самой логике динамического действия и противодействия победы продвигающейся вперёд армии могут обернуться поражением, если они переходят за кульминационную точку успеха; проще говоря, победа становится поражением под вполне прозаическим воздействием чрезмерного расширения. Схожим образом и сама война может принести мир, если она уничтожит силу и желание продолжать сражения.

Действительно, всё, что образуется и выковывается в горниле конфликта, в конце концов обращается в свою противоположность, если только просуществует достаточно долго: такова динамическая версия совпадения противоположностей (*coincidentia oppositorum*) Николая Кузанского. Нет никакой нужды обладать склонностью к философствованию, чтобы постичь эту логику, и никто не обязан даже знать о её существовании, чтобы применять её, — но, с другой стороны, никто из тех, кому приходилось возводить империю во время войны, как это сделали римляне, или сохранять её в течение веков, как сделали римляне восточные, не сумел бы справиться с этим, если бы не повиновался этой логике. Она начинается с простого, статического противоречия: *Si vis pacem para bellum* («Хочешь мира — готовься к войне»), а затем переходит к противоречиям динамическим: если ты защищаешь каждую пядь оборонительного периметра, то ты не защищаешь периметр и т. п.; если ты одерживаешь слишком решительную победу, полностью уничтожив врага, ты открываешь путь другому...

⁴ № 53 в изд. Diels-Kranz; № 29 в изд. Marcovich; рус. пер. А. В. Лебедева, цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Издание подготовил А. В. Лебедев. М., «Наука», 1989, с. 202.

Единственное дополнительное осложнение заключается в том, что конфликт разворачивается на разных уровнях: большой стратегии, театра военных действий, оперативном и тактическом; они взаимно проникают друг в друга, причём гораздо легче «вниз», чем «вверх». Вот современный пример: ошибочный выбор союзников и врагов, совершённый Адольфом Гитлером на уровне большой стратегии (с ним были Италия и Япония, а против него — Америка, Россия и Британская империя), невозможно было исправить даже множеством побед немцев на тактическом и оперативном уровне и даже на уровне театра военных действий — и прежде всего победой над Францией в 1940 г.; а окончательный итог не могли изменить даже ещё более масштабные победы на поле боя. Если бы высадка в «день X» была отбита, немцы всё равно проиграли бы войну — правда, в этом случае первой целью ядерной бомбы стал бы Берлин, а не Хиросима. Но даже если бы ядерной бомбы не было, американцы, русские и Британская империя всё равно выиграли бы войну в течение ещё нескольких лет. Ни блестящая тактика, ни оперативная изобретательность, ни даже победы на уровне театра военных действий не могут перевесить собою неверную большую стратегию; и наоборот, логичная большая стратегия требует всего лишь адекватности на уровне театра военных действий, оперативных методов и тактики.

Если налицо ошеломляющее превосходство — материальное, моральное или любая их комбинация, — то можно побеждать в войнах и поддерживать мир, не нуждаясь в стратегии. Противники, слишком слабые для того, чтобы нанести ответный удар, являются в действительности всего лишь целями. Конечно, война всё же может представлять немалые трудности, например, из-за расстояний, местности и т. п. Но для того чтобы преодолеть физические проблемы, нужна не парадоксальная логика стратегии, а скорее «линейная» логика здравого смысла и действенных мер.

Поэтому именно те, кто сражался вопреки всему, кто находился в численном меньшинстве, кто был осаждён, равно как и азартные игроки с чрезмерными амбициями, — именно они пытались применять логику стратегии в самой полной мере, идя на немалый риск (ведь войско, отправленное в столь долгую кружную экспедицию, может попросту погибнуть, если путь слишком длинный), и благодаря этому одерживали победы, несоизмеримые с их скромными ресурсами. Поэтому неудивительно, что такие великие стратеги, как прежде все-

го Наполеон, в конце концов чаще терпели скорее поражение. Ираклий, как мы видели, преуспел, а изобретательный Велисарий — нет. Но большинство византийских полководцев, преклоняясь перед обоими, предпочитали благоразумные способы, описанные в руководствах, где использовалась парадоксальная логика — однако лишь в пределах риска, на который можно пойти на благоразумных основаниях. Мы видели, как заботила византийцев необходимость укрепить любое возможное тактическое и операционное преимущество и как они старались при этом не зависеть от военной силы в большей степени, чем это требовалось.

При всём своём неисчерпаемом разнообразии большие стратегии можно сравнивать друг с другом в том, насколько они полагаются на дорогостоящие силы в отношении: привлечения потенциальных сил с помощью дипломатии («вооруженное убеждение»), поощрений (субсидии, подарки, почести), а также обмана и пропаганды. Чем меньше удельное содержание силы, тем больше возможность преодолеть материальный баланс сил, чтобы достичь большего за счёт меньшего. У византийцев было много предшественников, но именно они стали (и, возможно, остаются по сей день) непревзойдёнными мастерами в этом деле. Перед своей кончиной, возвращаясь назад после безрассудно смелой попытки вторгнуться в Индию, Александр уже стяжал непреходящую славу, завоевав ахеменидский Иран, единственную для греков сверхдержаву. Его большая стратегия, несомненно, строилась на парадоксальной логике: хотя тактика его была «жёсткой» (лобовые атаки пехотной фаланги и конницы, идущей напролом), дипломатия Александра была «мягкой» и вовлекающей, что знаменовалось поощрением македонско-иранских браков с целью одержать верх над сатрапами и вассальными народами. Лишь попытка распространить своё изобретение империи, основанной на консенсусе, вплоть до самой Индии превысила высшую точку его успеха, поскольку основа его войск всё ещё оставалась исходной, македонской, а она к тому времени слишком размылась.

Как мы видели, Восточная Римская империя, которую мы называем Византийской, была не такой уж и римской в своей стратегии — конечно, после Юстиниановой попытки полного отвоевания своих земель. Византийцы, которым впоследствии угрожали с востока Сасанидская Персия, арабы-мусульмане и, наконец, турки (сельджуки и османы), а с севера — волны вторгавшихся из степи гуннов, авар,

булгар, печенегов, мадьяр и куман, не могли надеяться на то, что им удастся подчинить или уничтожить всех пришельцев на классический римский манер.

Если бы они растратили свои силы, главным образом дорогостоящую конницу, чтобы полностью уничтожить непосредственного врага, это лишь открыло бы путь новой волне захватчиков. Гений византийской большой стратегии заключался в том, чтобы саму многочисленность врагов превратить в преимущество, используя дипломатию, переманивание на свою сторону, выплаты и обращение в свою веру, чтобы заставить их сражаться друг с другом, а не с империей. Только созданный ими образ самих себя как единственных защитников единственно истинной веры позволял им сохранять моральное равновесие. По византийской схеме, военная сила была подчинена дипломатии, а отнюдь не наоборот, и использовалась она скорее для сдерживания и наказания, чем для нападения или защиты с использованием всех войск.

1

ВИЗАНТИЙСКИЙ «ОПЕРАТИВНЫЙ КОДЕКС»⁵

I.

Избегай войны всеми возможными средствами, во всех возможных обстоятельствах, но всегда действуй так, будто она может начаться в любое время. Упорно обучай как отдельных новобранцев, так и целые формирования, проводи учебные бои одного подразделения против другого, собирай оружие и припасы, чтобы всегда быть готовым к битве — но не рвись в неё. Высшая цель максимальной боевой готовности — повысить вероятность того, что сражаться не придётся совсем.

⁵ Соблюдающиеся и внушаемые в обязанность нормы поведения; из: *Natan Constantin Leites. The operational code of the Politburo* (Оперативный кодекс Политбюро; New York: McGraw-Hill, 1951). Ср. проблему «византийского соглашения» (“Byzantine agreement”) в компьютерной науке: *L. Lamport, R. Shostak and M. Pease, The Byzantine generals problem* (Проблема византийских военачальников), *ACM Transactions on Programming Languages and Systems*. Vol. 4, 382—401, 1982.

II.

Собирай разведывательные данные о враге и о его способе мышления, постоянно следи за его перемещениями. Патрулирование и разведка боем, осуществляемые отрядами лёгкой конницы, необходимы, но не достаточны. Нужны шпионы на вражеской территории, чтобы заранее предупредить об угрозе войны или хотя бы сообщать о приготовлениях к ней, а также помогать в угадывании намерений врага. Между рекогносцировкой, осуществляемой боевыми подразделениями, и шпионами в гражданской одежде средний уровень сбора разведывательных данных оказывается зачастую самым полезным: тайная (= скрывающаяся в природных условиях) разведка на местности, то есть пассивное наблюдение и доклады. Усилия, затрачиваемые на то, чтобы обеспечить собственную разведку на местности и предотвратить деятельность вражеской, редко оказываются напрасными.

III.

Веди кампанию энергично, как наступательную, так и оборонительную, но атакуй по большей части малыми подразделениями; делай упор скорее на патрулирование и мелкие стычки, нежели на полномасштабные атаки.

Избегай битвы, особенно битвы крупномасштабной, за исключением крайне благоприятных обстоятельств, но даже при их наличии по возможности избегай её, если только враг не оказался в совершенно проигрышном положении: например, в случае флота, сильно повреждённого бурями.

IV.

Заменяй битву на уничтожение «не-битвой» манёвров. При обороне не пытайся противостать значительно превосходящим силам; вместо этого следуй за вторгающимися войсками, держась почти в пределах их досягаемости, чтобы быстро напасть на малочисленные отряды, на обоз и на отряды грабителей. Готовь большие и малые засады на пути вражеских войск и заманивай его в них, разыгрывая отступление. При наступлении устраивай рейды, а лучше высылай небольшие отряды для стычек, которые могут быстро отступить, если столкнутся со стойким сопротивлением. Полагайся на постоянную деятельность, даже если каждое отдельное действие невелико по размаху, чтобы постепенно деморализовать и материально ослабить врага.

V.

Старайся завершать войны успешно, вербуя союзников, чтобы изменить общее соотношение сил. Поэтому дипломатия на войне ещё важнее, чем в мирное время (не для византийцев был этот глупый афоризм, гласящий: «Когда говорят пушки, дипломаты молчат»). При вербовке союзников с целью напасть на врага его союзники — самые полезные, потому что они ближе всего к нему и лучше знают, как сражаться с вражескими войсками. Вражеские военачальники, которых удалось переманить на свою сторону, чтобы они служили интересам империи, — союзники даже лучшие, а лучшего из них можно найти при дворе вражеского царя или среди членов его семьи. Но и второстепенных союзников, которые могут оказать лишь небольшую помощь, нужно вербовать, если это вообще возможно.

VI.

Подкуп — самый дешёвый путь к победе. Он настолько дешёв в сравнении с ценой и риском битвы, что всегда нужно пытаться прибегнуть к нему, даже если его адресаты не подадут никаких надежд на успех, будучи преисполнены враждебности или религиозного пыла. Перед лицом угрозы нападения воинов джихада стратигу советуют сдружиться с эмирами пограничных крепостей, посылая им «корзины с подарками» («О стычках» [*“De Velitatione”*], 7, р. 162). Никакого исключения не следовало делать и в отношении религиозных фанатиков: к десятому веку византийцы прочно убедились в том, что религиозных фанатиков тоже можно подкупить, причём зачастую это даже легче: ведь они изобретательны в придумывании религиозных оправданий за принятие взяток («окончательная победа ислама всё равно неизбежна...»).

VII.

Если дипломатии и подкупа недостаточно и предстоит сражаться, делать это нужно, применяя «реляционные» методы и тактику, то есть обходя самые сильные стороны врага и используя его слабости.

Чтобы избежать потери основных боевых сил, необходимо терпеливо подтачивать моральную и материальную силу врага. Это может потребовать немало времени. Но спешить некуда: если покончено с одним врагом, другой наверняка займёт его место, ибо всё постоянно меняется, когда возникают и гибнут правители и нации. Одна лишь империя вечна.

ПРИМЕЧАНИЕ

Вышеизложенное не предполагает никакой исторической эволюции. Заявив с самого начала, что конструкт, названный здесь «византийской стратегией», был изобретён в пятом веке в ответ на особые обстоятельства того времени, я не могу утверждать, что в совершенно иных обстоятельствах последующих веков византийская стратегия осталась неизменной. В конце концов, византийцы обучались на опыте, точно так же, как любой из нас: они допускали одну и ту же ошибку дважды, трижды или четырежды, но после этого они едва ли повторили бы эту ошибку — или, во всяком случае, допустили бы её иначе. Выдвигаемое здесь утверждение значительно скромнее: налицо была преемственность, достаточная для того, чтобы определить некий «оперативный кодекс»; и, сливая таким образом в некое целое восемь веков, я чувствую поддержку моих выдающихся предшественников⁶.

⁶ *George T. Dennis SJ. Some Reflections on Byzantine Military Theory* (Некоторые размышления о византийской военной теории), в: изд. R. S. Calinger and Thomas R. West, John K. Zender a Festschrift (Юбилейный сборник в честь Джона К. Зиндера; Perspectives Press, 2007, pp. 1—18; он же. *Byzantium at War (9th—12th c.)* (Византия на войне: IX—XII века), The National Hellenic Research Foundation, Institute for Byzantine Research, International Symposium 4 (Athens: Goulandri-Horn Foundation, 1997), pp. 165—178. А также: *Walter Emil Kaegi Jr. Some Thoughts on Byzantine Military Strategy* («некоторые мысли о византийской военной стратегии»), The Hellenic Studies Lecture (Brookline, Mass.: Hellenic College Press, 1983).

ПРИМЕЧАНИЕ: Хараламбос Папасотириу (Papastiriu) в работе “Byzantine Grand Strategy” («Византийская большая стратегия», докторская диссертация, Stanford University, 1991) предлагает такую периодизацию: чрезмерно амбициозные завоевания Юстиниана, обусловленные внутренним равновесием в отношениях с монофизитами; от Ираклия до второй арабской осады — стратегия сдерживания при новой фемной организации; отвоевание земель, за которым последовала консолидация, а затем и умеренная экспансия, подкреплённая улучшением демографического и экономического положения; «Триумф дипломатии в 843—959 гг.», включая успешный союз с хазарами, — в то время, когда Западная Европа подвергалась одновременным атакам скандинавских морских разбойников («викингов»), набегам всадников-мадьяр, а также нападениям арабских корсаров и захватчиков. Затем наступает «триумф силы в 959—1025 гг.», ставший возможным благодаря упадку арабской державы, и период относительного спокойствия вплоть до появления сельджуков — спокойствия, поддерживаемого профессиональными полевыми войсками. Всё это верно, но я по-прежнему считаю, что основы были заложены ещё до Юстиниана.

БЫЛА ЛИ ВОЗМОЖНА СТРАТЕГИЯ В ВИЗАНТИЙСКИЕ ВРЕМЕНА?

Моя предыдущая книга, привлекавшая к себе чрезмерное внимание, стала предметом как похвал, так и критики — за то, что я приписывал большую стратегию римлянам первых веков существования империи¹. Указывая на отсутствие военных или гражданских органов планирования, а также таких элементарных средств первой необходимости, как карты, некоторые ставили под сомнение само представление о том, что римляне вообще умели мыслить стратегически и даже строго определять свои границы². Но по крайней мере

¹ *Edward N. Luttwak. The Grand Strategy of the Roman Empire: from the First Century A.D. to the Third* (Большая стратегия Римской империи: с первого по третий века н.э.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1976, 2007).

² «За»: проф. *P. A. Brunt; Ernst Badian; Stephen L. Dyson. The Creation of the Roman Frontier* (Создание римской границы; Princeton: Princeton University Press, 1985); подробная критика: *John C. Mann. Power, Force and the Frontiers of the Empire* (Держава, сила и границы империи), *Journal of Roman Studies* 69 (1979), pp. 175—83; более пространно: *Benjamin Isaac. The Limits of Empire: the Roman army in the East* (Пределы империи: римское войско на Востоке; Oxford: the Clarendon Press, 1990), начиная с р. 372. Кроме того, из числа прочих трудов см.: *Luigi Loreto. Per La Storia Militare del Mondo Antico* (К военной истории древнего мира; Napoli: Jovene, 2006), *La Storia della grand strategy: un dibattito Luttwak?* (История «большой стратегии»: спор о Люттваке?), pp. 67—81; “Il paradosso Luttwakiano power projection, low intensity e funzione del limes (Люттваковский парадокс:

отсутствие точных карт не было сильной помехой: в ходу были техники широкомасштабной съёмки местности, а путеводители могли быть вполне точными — существовали даже устройства для измерения расстояний³.

Что же касается гораздо более широкого вопроса о возможности существования стратегии в римскую и византийскую эпохи, то здесь всё зависит от того, как этот вопрос сформулировать. Совершенно ясно, что скептики понимают под стратегией, в сущности, вполне современную и притом бюрократическую деятельность, результат самых настоящих расчётов и систематических решений, предназначенных для столь же систематического применения. Их настойчивый упор на важности географических познаний предполагает также смешение стратегии с утратившей всякое доверие лженаукой «геополитикой» Хаусхофера⁴. Но я считаю, что стратегия не имеет дела с перемещением армий на карте, как в настольных играх: скорее она охватывает всю борьбу враждующих сил, в которой вовсе не обязательно должно присутствовать пространственное измерение, как происходит и в вечном состязании между оружием и контрмерами. Действительно, пространственное

проекция силы, низкая интенсивность и функция лимеса), pp. 84—92; *Mickaël Guichaoua*. Lecture critique de Luttwak. La Grande Stratégie de l'Empire romain (Критическое прочтение Люттвака. Большая стратегия Римской империи), Enquêtes et Documents, Revue du Centre de recherches en histoire internationale et Atlantique CRHIA, Vol. 30 (2004); *Karl-Wilhelm Welwei*. Probleme römischer Grenzsicherung am Beispiel der Germanienpolitik des Augustus (Проблемы обеспечения безопасности римских границ на примере политики Августа по отношению к Германии), в: изд. *Mischa Meier, Meret Strothmann*. Res publica und Imperium. Kleine Schriften zur römischen Geschichte (Республика и империя. Малые работы по римской истории), Historia Einzelschriften, 177 (Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004), начиная с р. 675. «Против», в числе прочих, *C. R. Whittaker*. Frontiers of the Roman Empire: a social and economic study (Границы Римской империи: социально-экономическое исследование; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994); и *Susan P. Mattern*. Rome and the Enemy: Imperial Strategy in the Principate (Рим и враги: имперская стратегия в эпоху принципата; Berkeley: University of California Press, 1999).

³ *Moritz Cantor*. Die römischen Agrimensoren und ihre Stellung in der Geschichte der Feldmesskunst. Eine historisch-mathematische Untersuchung (Римские землемеры и их место в истории геодезии. Историко-математическое исследование; Leipzig: Teubner, 1875). On-line PDF <http://books.google.com/books?vid=HARVARD32044081365298&printsec=titelpage#PPP4,M1>.

⁴ *A. D. Lee*. Information and Frontiers: Roman Foreign Relations in Late Antiquity (Сведения и границы: римские международные отношения в позднеантичную эпоху; Cambridge: Cambridge University Press, 1993).

измерение стратегии в наши дни вполне второстепенно, причём в некотором смысле оно всегда было таковым.

Именно борьба враждующих сил порождает парадоксальную логику стратегии, диаметрально противоположную линейной логике здравого смысла, применяемой в повседневной жизни. В стратегии противоречия пронизывают собою всё: плохие дороги хороши, поскольку, совершив переход по ним, можно застичь врага врасплох; победа оборачивается поражением вследствие чрезмерной экспансии — и многое другое в том же духе. Поэтому стратегия не прозрачна и никогда таковой не была, но она всегда определяет итоги, причём не важно, знают ли люди о её существовании или не знают⁵. И напротив, те, кто не практикует стратегию, по всей видимости, принимают официальную версию, в которой стратегия предстаёт как форма систематического группового мышления, руководствующегося рациональными решениями, итоги которых затем перечисляются по пунктам в официальных документах. И точно, решения, направляемые логикой, формируемые культурой и мотивируемые побуждениями силы, таким образом рационализируются — но только-то и всего.

Не является стратегической практикой и простое применение техник, которые каждый может использовать повсюду: она всегда выступает выражением всей культуры в целом. Соответственно этому в данной книге я попытался вызвать к жизни стратегическую культуру Византии, которая, как мне кажется, применима даже сегодня — а может быть, особенно как раз сегодня.

⁵ *Edward N. Luttwak. Strategy: The Logic of War and Peace (Стратегия: логика войны и мир»; Cambridge: The Belknap Press of the Harvard University Press, 2001).*

СПИСОК КАРТ

- Карта № 1. Раздел империи после смерти Феодосия I в 395 г.
- Карта № 2. Великая Евразийская степь
- Карта № 3. Оборонительные сооружения Константинополя
- Карта № 4. Империя в эпоху прихода к власти и смерти Юстиниана, 527—565 гг.
- Карта № 5. Империя в 1025 г., к моменту смерти Василия II
- Карта № 6. Мусульманские нападения в 662—740 гг.
- Карта № 7. Империя в 668 г., после вторжений славян, ломбардов и мусульман
- Карта № 8. Империя в 780 г., после мусульманских завоеваний и превращения болгар в оседлых жителей
- Карта № 9. Империя в 1081 г., при восшествии на престол Алексея I Комнина
- Карта № 10. Империя в 1143 г., ко времени смерти Иоанна II Комнина
- Карта № 11. Империя к моменту смерти Михаила VIII Палеолога в 1282 г.
- Карта № 12. Сасанидская империя ок. 226 — ок. 651 г.
- Карта № 13. Империя в 525, 1025 и 1360 гг.

СПИСОК ИМПЕРАТОРОВ ОТ КОНСТАНТИНА I ДО КОНСТАНТИНА XI

305—311	Константин I, Галерий, Лициний, Максимин Дайя (Даза)	Западная Римская империя
311—324	Константин I и Лициний	395—423 Гонорий
324—337	Константин I	425—455 Валентиниан III
337—340	Константин II, Констанций II и Констант	455 Петроний Максим
340—361	Констанций II	455—456 Авит
361—363	Юлиан	457—461 Майориан
363—364	Иовиан	461—465 Либий Север
364—375	Валентиниан I и Валент с Грацианом с 367	467—472 Антемий
375—378	Валент, Грациан и Валенти- ниан II	472 Олибрий
379—383	Феодосий I с Грацианом и Валентинианом II	473—474 Глицерий
383—392	Феодосий I с Валентиниа- ном II и Аркадием	474—475 Юлий Непот
392—395	Феодосий I с Аркадием и Гонорием	475—476 Ромул Августул
		Восточная Римская империя
		395—408 Аркадий
		408—450 Феодосий II
		450—457 Маркиан

474	Лев II	919—944	Роман I Лакапин
474—491	Зенон	944—959	Константин VII
491—518	Анастасий I		Багрянородный
518—527	Юстин I	959—963	Роман II
527—565	Юстиниан I	963—1025	Василий II
565—578	Юстин II		и Константин VIII
578—582	Тиберий II	963	Регентство Феофанó
582—602	Маврикий	963—969	Никифор II Фока
602—610	Фока	969—976	Иоанн Цимисхий
610—641	Ираклий	976—1025	Василий II
641—668	Констант II		Болгаробойца
668—685	Константин IV Погонат	1025—1028	Константин VIII (IX)
685—695	Юстиниан II Ринотмет (свергнут и сослан)	1028—1034	Роман II Аргир
695—698	Леонтий	1034—1041	Михаил IV Пафлагон
698—705	Тиберий III	1041—1042	Михаил V Калафат
705—711	Юстиниан II Ринотмет (вернул себе престол)	1042	Зоя и Феодора
711—713	Филиппик (Вардан?)	1042—1055	Константин IX Мономах
713—716	Анастасий II	1055—1056	Феодора
716—717	Феодосий III	1056—1057	Михаил VI
717—741	Лев III Исавр		Стратиотик
741—775	Константин V Копроним	1057—1059	Исаак I Комнин
775—780	Лев IV Хазар	1059—1067	Константин X Дука
780—797	Константин VI	1067—1071	Роман IV Диоген
797—802	Ирина	1071—1078	Михаил VII Дука
802—811	Никифор I Геник		Парапинак
811	Ставрикий	1078—1081	Никифор III
811—813	Михаил I		Вотаниат
813—820	Лев V	1081—1118	Алексей I Комнин
820—829	Михаил II	1118—1143	Иоанн II Комнин
829—842	Феофил	1143—1180	Мануил I Комнин
842—867	Михаил III Пьяница	1180—1183	Алексей II Комнин
867—886	Василий I	1183—1185	Андроник I
886—912	Лев VI	1185—1195	Исаак II
912	Лев VI и Александр	1195—1203	Алексей III Ангел
912—919	Константин VII Багрянородный	1203—1204	Исаак II с Алексеем IV
		1204	Алексей V Дука Мурзуфл

13 апреля 1204 г.		1347—1354	Иоанн V Палеолог
Падение Константинополя			с Иоанном VI Кантакузином
<i>Династия Ласкаридов в Никее</i>		1341—1354	Иоанн VI Кантакузин
1204—1222	Феодор I Ласкарис	1353—1357	Матвей Кантакузин
1222—1254	Иоанн III Дука Ватац	1369—1379	Андроник IV
1254—1258	Феодор II Ласкарис	1379—1391	Иоанн V (вернул себе престол)
1258—1261	Иоанн IV Ласкарис	1390	Иоанн VII
1261 Отвоевание		1391—1425	Мануил II
Константинополя		1425—1448	Иоанн VIII Палеолог
		1449—1453	Константин XI Драгаш
1259—1282	Михаил VIII Палеолог		
1282—1328	Андроник II Палеолог		
1328—1341	Андроник III	29 мая 1453 г.	
1341—1376	Иоанн V Палеолог	Падение Константинополя	

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА СОБЫТИЙ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ Э. Н. ЛЮТТВАКА «СТРАТЕГИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»¹

До Р. Х.

VII в. до н. э.	Основание полиса Византий
400 г.	Ктесий Книдский, автор «Индика»
364 г.	Эней Тактик, автор трактата «О перенесении осады»
ок. 350—290 гг.	Мегасфен, автор «Индика»
324 г. до н.э.	Селевк женится на согдийке Апаме
312 г.	Селевкидская эра
305—304 гг.	Осада Родоса войсками Деметрия Полиоркета
214 г.	Взятие римлянами Сиракуз
53 г.	Разгром римлян парфянами в битве при Каррах

По Р. Х.

9 г.	09. Битва в Тевтобургском лесу
83 г.	Род. Клавдий Птолемей, автор «Географии»
98 г.	Император Траян
117 г.	Ум. Траян. Император Адриан
138 г.	Ум. император Адриан
161 г.	Ум. Клавдий Птолемей, автор «Географии»
193 г.	Император Септимий Север
196 г.	После долгой осады Византия Септимий Север срыгает его стены
211 г.	02. Ум. император Септимий Север
224 г.	Основание династии Сасанидов Ардаширом
235 г.	Император Максимин Фракиец
238 г.	Гибель императора Максимиана Фракийца
240 г.	Сасанидский шах Шапур I

¹ Составлена переводчиком.

249 г.	Император Деций захватывает Рим
250 г.	Вторжение готов и франков в Мёзию и Дакию
251 г.	Гибель императора Деция
260 г.	Император Галлиен
268 г.	03. Гибель императора Галлиена
270 г.	Император Аврелиан. Ум. шах Шапур I
284 г.	17.09. Император Диоклетиан
293 г.	Создание диоклетиановой тетрархии
305 г.	01.05. Император Диоклетиан слагает с себя власть. Его примеру следует Максимин
309 г.	Шах Шапур II
312 г.	28.10. Победа Константина над Максенцием у Мильвиева моста
330 г.	Основание Константинополя
337 г.	Смерть императора Константина. Император Констанций II
361 г.	Смерть императора Констанция II
359 г.	Сдача крепости Амида Сасанидам
361 г.	Император Юлиан (Отступник)
363 г.	Гибель императора Юлиана (Отступника). Отвоевание крепости Амида. Сдача Нисибина
376 г.	Первое известие о появлении гуннов. Аланы, гепиды, тервинги, грейтунги и готы, теснимые гуннами, подходят к дунайской границе и просят пропустить их в пределы империи
378 г.	09.08. Разгром римлян готами при Адрианополе. Гибель императора Валента
379 г.	01. Император Грациан провозглашает Феодосия августом. Ум. шах Шапур II
380 г.	Готский король Атанарих в Константинополе
381 г.	01. Смерть Атанариха. Его войско переходит на службу ромеям
395 г.	17.01. Смерть императора Феодосия I. Римская империя поделена на две части. Флавий Аркадий стал императором Восточной Римской империи
399 г.	Набег гуннов через Кавказ. Пленение «Цвета Сирии». Письмо св. Иеронима с сообщением о гуннской угрозе
406 г.	31.12. Вторжение вандалов и алан в Галлию
408 г.	05.01. Смерть Аркадия Флавия. Император Феодосий II. Землетрясение в Константинополе. Начало строительства Феодосиевой стены
410 г.	Рим разграблен вестготами во главе с Аларихом
415 г.	03. Растерзание Гипатии в Александрии
418 г.	10.03. Закон, запрещающий принимать иудеев на имперскую службу
420 г.	06.08. Закон, отчасти защищающий иудеев. 20.09. Ум. св. Иероним
421 г.	Шах Варахран (Бахрам) V

422 г.	Magister officiorum Гелион на мирных переговорах с персами
423 г.	Феодорит, епископ Киррский
425 г.	Император Западной Римской империи Валентиниан III
430 г.	Население Константинополя достигает 250 000 чел.
433 или 434 г.	Аттила становится правителем гуннов
436 г.	Гибель короля бургундов Гундахара (Гюнтера) с многочисленным войском в битве с Аэцием
438 г.	31.01. Закон, запрещающий строительство новых синагог и предписывающий смертную казнь за прозелитизм
439 г.	Ум. шах Варахран (Бахрам) V. Шах Ездигерд II
441 г.	Персы, сарацины (месопотамские бедуины), дзанны, или чаны (предки нынешних мегрел), исавры (горцы юго-восточной Анатолии) и гунны, покинув свои пределы, вторглись в земли ромеев. Обе Римские империи по взаимному согласию отправили против Гейзериха военно-морские силы
442—447 гг.	Нашествие гуннов на Византию. Разрушение городов в Иллирии и Фракии, захват гуннами большей части территории Византии
447 г.	Осада гуннами Наисса (Ниша). 06.10. Землетрясением разрушены значительные участки стен Константинополя. Отстроены за шесть дней Мир Византии с гуннами. Большая дань гуннам.
449 г.	Приск с посольством в ставке Аттилы
450 г.	28.07. Смерть Флавия Феодосия II на охоте. Император Маркиан, сын простого воина. Отказ Маркиана платить дань гуннам
451 г.	Халкидонский IV Вселенский Собор. Вторжение Аттилы в Галлию. «Битва народов» на Каталаунских полях
452 г.	Поход Аттилы в Италию. Папа Лев I откупается от него, предотвратив разграбление Рима
453 г.	Смерть Аттилы
454 г.	Битва при реке Недао (Недава). Распад гуннской империи
455 г.	Гибель императора Валентиниана III. Император Марк Флавий Эпархий Авит. Вандалы Гейзериха разграбили Рим
456 г.	Марк Флавий Эпархий Авит перестал быть императором
457 г.	25.01. Смерть императора Маркиана. Император Лев I Макелл. Смерть шаха Ездигерда II. Смерть Феодорита, епископа Киррского
473 г.	Готский военачальник Теодорих Страбон («Косоглазый») вымогательством отнял у императора Льва II 2000 фунтов золота
474 г.	18.01. Смерть Льва I Макелла. Лев II уступил право на престол своему отцу Зинону. Зинон провозглашён императором
476 г.	04.09. Конец Западной империи. Одоакр свергает и отправляет в изгнание последнего римского императора — малолетнего Ромула Августула

491 г.	04.09. Император Зинон умер от эпилепсии. Император Анастасий I Дикор, ставший мужем Ариадны, вдовы Зинона
502 г.	Начало войны с Персией. Сдача крепости Амида Сасанидам
503 г.	Осада крепости Амида
504 г.	Отвоевание крепости Амида
505—507 гг.	Строительство крепости Дара (Анастасиополь)
518 г.	09.07. Умер император Анастасий I. Император Юстин I
527 г.	01.04. Соправитель Юстина I — Юстиниан I. 01.08. Смерть Юстина I. Начало правления Юстиниана I
529 г.	Кодекс Юстиниана
531 г.	Умер шах Кавад I
532 г.	Восстание «Ника» в Константинополе. «Вечный» мир с Персией
533 г.	06. Поход Велисария в Африку против Вандальского королевства
534 г.	Кодекс Юстиниана в новом издании, с исправлениями и дополнениями
535 г.	Разгром державы вандалов в Северной Африке
536 г.	11. Взятие Неаполя войсками Велисария
537 г.	Осада Рима готами. 27.12. Освящение собора святой Софии
539 г.	Франки вступают в Италию
540 г.	Персия отвергает «вечный мир» и нападает на византийскую провинцию Сирия. Захват Антиохии. 05. Сдача Равенны и пленение короля готов Вития
541—544 гг.	Пандемия бубонной чумы
546 г.	17.12. Король готов Тотила занял Рим
552 г.	Итальянский поход византийского войска под командованием Нарсеса. 06. Разгром готов при местечке Тадина (Тагина), или Буста Галлорум. Гибель Тотилы. Остатки готов под руководством Тейи отошли к Везувию, где во время второго сражения были уничтожены. Восстание тюрок против жужэней (жуань-жуаней)
554 г.	Битва на речке Казилин (ныне Вольтурно) близ Неаполя. Победа Нарсеса над франками и алеманами
557 г.	Авары достигают Волги
558 г.	Авары впервые появились на берегах Дуная. В январе-феврале посольство аварского кагана Бояна ведет переговоры в Константинополе
559 г.	Набег тюрок-кутригуров хана Забергана на Фракию. Осада Константинополя. Оборону возглавил Велисарий. Для защиты мобилизованы городские корпорации. После безуспешного штурма города болгары и славяне попали в западню. Император Юстиниан великодушно их пощадил
562 г.	«Пятидесятилетний» мир с персами
565 г.	14.11. Смерть Юстиниана I. Император Юстин II. Убийство второго претендента на престол, тоже племянника Юстиниана и тоже Юстина

568 г.	Вторжение лангобардов в Италию. Разгром гепидов объединёнными силами лангобардов и авар
578 г.	04.08. Смерть Юстина II. 09. Император Тиверий
579 г.	Шах Ормизд IV
582 г.	08.13. Император Маврикий
590 г.	Успешное нападение Византии на аваров. Умер шах Ормизд IV. Шах Хосров II
593 г.	«Церковная история» Евагрия Схоластика
597 г.	Осада Фессалоники аварами и славянами
602 г.	Фока захватил Константинополь и провозгласил себя императором. Император Маврикий вместе со своими родственниками убит. Сдача крепости Амида Сасанидам
603 г.	Вторжение войск шаха Хосрова II в Византию
603—607 гг.	Персы одерживают много побед над ромеями, захватывают огромные территории, в том числе Армению и Дару. Грабят Сирию, Палестину и Финикию
610 г.	Terminus ante quem для написания «Стратегикона» Маврикия. 09. Осада Константинополя африканским флотом. Для защиты города мобилизованы городские корпорации. 10.05. Император Ираклий, сын экзарха Африки
610—611 гг.	Персы захватывают Эдессу и Антиохию. Победа персов при Кесарии Каппадокийской
613 г.	Персы взяли Эмесу и Дамаск. Поражение Ираклия у стен Антиохии
614 г.	05. Захват Иерусалима персами. Вырезано 17 000 человек, сожжены христианские церкви
615 г.	Письмо Ираклия Хосрову II, практически признающее господство шаха
618 г.	Вторжение авар во Фракию
619 г.	Захват персами Александрии
619 г.	В Константинополе посольство гуннов (оногур) во главе с их правителем Органом (Урханом). Он принимает крещение
620 г.	Ромеи откупаются от авар
622 г.	Подготовка войск Византии к персидскому походу. Конфискация церковных сосудов из золота и серебра. 16.07. Хиджра (начало мусульманского летосчисления)
623 г.	Ромеи откупаются от авар
624 г.	25.03. Ираклий выступает в первую серьёзную контратаку против Сасанидской Персии
625 г.	03. Ираклий возвращается из Армении в юго-восточную Анатолию. Папа Римский Гонорий I
626 г.	07. Пока войска Византии находились в походе, персы осадили Константинополь. Со стороны Фракии город осадили авары и славяне.

- После ряда поражений славяне и авары отошли от столицы. После поражения авар часть славянских племен освободилась от аварской власти. Поражение авар открыло путь болгарским завоеваниям
- 627 г. Построена стена, защищавшая Влахерны. 09. Ираклий выступает из Тбилиси в поход на персов. 12.12. Победа Ираклия над персами близ Ниневии. 12. Шах Хосров II, убегая от Ираклия, переправился через реку Тигр
- 628 г. 01. Захват Ираклием столицы Персии — Ктесифона. 23.02. Шах Хосров II свергнут в ходе государственного переворота его сыном, Кавадом Шируйе (Львёнком). Власть в Персии захватил Кавад. Бегство и убийство шаха Хосрова и его детей. Мир между Ираклием и Кавадом. Возвращение Византии Египта и других завоеванных ранее земель. Отвоевание крепости Амида. 04. Ираклий отступает в предгорья Загроса. 05. Возвращение Ираклия в столицу
- 632 г. Умер Мухаммад. Халиф Абу Бакр ас-Сиддик
- 634 г. Арабы взяли Газу и всю территорию вокруг нее. Брат императора был разбит и бежал в Эдессу. Умер халиф Абу Бакр ас-Сиддик. Халиф Умар ибн ал-Хаттаб
- 635 г. Болгарский хан Куврат освобождается от аварского ига и нападает на авар
- 636 г. Халиф арабов Омар разбил ромеев на берегу реки Ярмук и захватил Финикию. Арабы наносят решающее поражение сасанидским войскам в битве при ал-Кадисии
- 638 г. «Экфесис» патриарха Сергия I с изложением учения монофелитства. Умер папа Римский Гонорий I
- 640 г. Сдача крепости Амида арабам
- 641 г. 02.11. Смерть Ираклия I. Соправители его сыновья: Ираклий II и его старший брат Константин
- 641 г. Обвинение Ираклия II и его матери в попытке убить Константа II. Свержение Ираклия II и его матери Мартины. 11.02. По приказу Валентина они убиты
- 642 г. Греко-арабский папирус PERF 558. Окончательный разгром сасанидских войск арабами в битве при Нихаванде. Ум. хан оногур (булгар) Куврат. Начало распада Великой Болгарии, служившей щитом империи в Причерноморье от кочевников-степняков
- 644 г. Погиб халиф Умар ибн ал-Хаттаб. Халиф Усман ибн Аффан
- 650 г. Хазары уничтожают войско Абд ар-Рахмана ибн Рабии
- 651 г. Убит шах Ездигерд III, последний представитель Сасанидской династии
- 656 г. Погиб халиф Усман ибн Аффан. Халиф Али ибн Аби Талиб
- 659 г. Разгром Тюркского каганата китайцами
- 661 г. Погиб халиф Али ибн Аби Талиб. Халиф Муавия ибн Аби Суфьян

664 г.	Арабы вторгаются в северо-западную Индию
668 г.	Император Константин IV Погонат. Соправители — его братья Тиверий и Ираклий
674—680 гг.	Осада Константинополя арабами, продлившаяся 7 лет
678 г.	Первое применение греческого огня против арабов, осаждающих Константинополь. Морская битва у полуострова Кизик, на азиатском берегу Босфора. Применение этого оружия полностью деморализовало арабский флот, большая часть которого была сожжена ромеями, а остатки потоплены штормом
679 г.	Вторжение болгар Аспаруха во Фракию
680 г.	Гибель Хусейна, сына халифа Али ибн Аби Талиба 07.11.680 г. — 16.09.681 г. Шестой Вселенский Собор, осудивший монофелитов и их приверженцев, в том числе папу Римского Гонория I
685 г.	10.07. Умер Константин IV Погонат. Император Юстиниан II Ринотмет
690 г.	Арабы занимают византийские владения в Северной Африке
695 г.	Заговор полководца Леонтия, свержение Юстиниана II. Отрезав Юстиниану нос и язык, Леонтий сослал его в Крым. Возможная дата начала правления болгарского хана Тервеля
698 г.	Новый император Аписмар под именем Тиверия III
703 г.	Бегство Юстиниана II от хазар к болгарам
705 г.	Юстиниан II захватывает Константинополь. Убийство Тиверия, Леонтия и их приближённых. В знак благодарности за оказанную помощь хан Тервель получает титул «царь» (кесарь). Болгария провозглашается царством
708 г.	Юстиниан II нападает на Тервеля
711 г.	Тервель отправил 3000 своих людей, чтобы помочь Юстиниану II подавить восстание в Малой Азии. Пленение и казнь Юстиниана II, уничтожение его родственников. Конец династии Ираклия. Арабы вторгаются в Испанию
712 г.	Набег Тервеля на Фракию
713 г.	Заговор против Филиппика и его ослепление. Провозглашение императором первого секретаря Филиппика, Артемия, под именем Анастасия II
715 г.	Вторжение арабов в Финикию. Высланное против них войско восстаёт и возвращается в Константинополь. Провозглашение Феодосия императором. Бегство Анастасия в Никею. Халиф Сулейман ибн Абд-ал-Малик
716 г.	Захват Феодосием Анастасия и ссылка его в Фессалонику
717 г.	Отречение Феодосия III и пострижение его в монахи. Император Лев III Исавр. Начало Исаврийской династии. Захват арабами Пергамма. Начало их похода во Фракию. Осада Константинополя арабским войском под командованием Масламы ибн Абдул-Малика, длившаяся

ся ровно год, с 15.08.717 по 15.08.718 г. На помощь Византии пришли болгары хана Тервеля, тесня арабов из Фракии. Убит халиф Сулейман ибн Абд-ал-Малик

- p>731 г. Хазарские войска дошли до Мосула в северном Ираке
740 г. Сильное землетрясение в Константинополе
741 г. 06. Смерть Льва III от водянки
751 г. Захват лангобардами Равенны, бывшей столицы Западной Римской империи. Конец Равеннского экзархата. Битва арабов с китайцами на реке Талас
765 г. Умер имам Джафар ибн Мухаммад
775 г. Начало правления Льва IV Хазара. Почти прекратились гонения на иконы
780 г. 08.09. Смерть Льва IV Хазара от горячки. Новый правитель Византии Константин VI, которому только 9 лет. Фактически правление империи сосредоточено в руках его матери Ирины
781 г. Посольство Византии к Карлу Великому от имени Ирины просит руки его дочери Ротруды для сына Ирины, Константина VI. Карл выразил согласие и готовность отправить Ротруду в Константинополь после того как она будет обучена греческому языку
*| #
786 г. Ирина отменяет помолвку своего сына с Ротрудой (Эритро)
791 г. Карл Великий наносит поражение аварам
796 г. Карл Великий уничтожает столицу авар
797 г. 15.08. Заговорщики захватывают Константина и приводят его к матери. Мать велит ослепить его и взять под стражу
800 г. 25.12. Карл Великий коронован папой Львом III как император будущей Священной Римской империи. Это окончательно похоронило византийскую идею «единства» империи
802 г. 31.10. Заговор против Аэция и Ирины. Логофет Никифор низложил Ирину, сослал ее на остров Принкипи, потом на остров Лесбос. Конец Исаврийской династии. Новый император Никифор I
803 г. Никифор заключает мирное соглашение с Карлом Великим
803—814 гг. Булгарский хан Крум
805 г. Примерно с этого года начинается обмен пленными с мусульманами
809 г. Смерть халифа Харуна ар-Рашида
811 г. Новый поход Никифора против болгар. Болгары были разбиты. Никифор захватил столицу болгар Плиску. Но в результате засады на обратном пути болгары убили Никифора и его приближенных в Вырбишской теснине (старая Планина). Соправитель Никифора и его сын, тяжелораненый Ставракий, был доставлен в Константинополь
811 г. 02.10. Заговор против умирающего Ставракия. Власть захватил Михаил Рангаве, женатый на сестре Ставракия. 11.01. Смерть Ставракия

812 г.	Ахенский мир между Византией и Карлом Великим. Михаил I признал Карла императором
813 г.	22.06. Битва Михаила с булгарами Крума под Версиникией, неподалёку от Андрианополя. Бегство византийских войск ещё до начала битвы
813 г.	11. 07. Провозглашение войсками Льва V Армянина императором. Узнав об этом, Михаил I отрёкся и постригся в монахи. Абу Джафар ал-Мамун ибн-Харун обезглавил халифа Мухаммада ал-Амина ибн-Харуна
814 г.	После внезапной смерти хана Крума во время подготовки наступления на Константинополь в Болгарии начались смуты. Византия этим воспользовалась и заключила с Болгарией тридцатилетний мир. Булгарский хан Омуртаг. Построена внешняя стена во Влахернах. Император Запада Людовик Благочестивый. Ратисбонский договор между Византией и империей франков, по которому Венеция принадлежала Византии, но продолжала платить дань Западной Римской империи
818 г.	Умер Феофан Исповедник
820 г.	Приговор Льва V своему старому товарищу еще по службе в Армянском легионе Михаилу к смерти за ругань императора. 25.12. Отсрочка казни Михаила из-за рождественских праздников. Во время вечерней праздничной службы заговорщики убивают Льва, а Михаила провозглашают императором
824—826 гг.	Завоевание Крита арабским флотом
829 г.	10.02. Смерть императора Михаила II Травла от болезни почек. Император Феофил, сын Михаила II
830 г.	Первый князь Великоморавской державы Моймир I
836—839 гг.	Булгарский хан Пресян
838 г.	07. Битва при Анзене, поражение византийцев. Арабы взяли Аморий (родной город Феофила) и устроили там жестокую резню. Русские посланники в Константинополе
839 г.	Русских посланников не пускают домой и пересылают в Ингельгейм (Франкония)
840 г.	Смерть Людовика Благочестивого
842 г.	Смерть Феофила от желудочной болезни. Императором Византии стал трёхлетний Михаил III
846 г.	Свержение Моймира I. Правителем Моравии стал Ростислав
852 г.	Правитель Болгарии Борис I
855 г.	Неудачное вторжение Людовика II Немецкого в Моравию
860 г.	Набег русов на Константинополь
864 г.	08. Вторжение в Моравию Людовика II Немецкого и болгарских войск. Правитель Моравии Ростислав признаёт себя вассалом Людовика II Немецкого

- p>865 г. Послание Византией войска в Болгарию на помощь Ростиславу. Борис принимает крещение и получает новое имя Михаил в честь императора Византии
- 866 г. Подавление восстания в Болгарии, связанного с крещением Бориса
- 867 г. Болгарский царь Борис I просит папу Николая назначить Формоза архиепископом Болгарским
- 867 г. 24.09. Заговор против Михаила III, организованный Василием. Убийство Михаила. Конец Аморийской династии. Новый император Василий I. Начало Македонской династии
- 870 г. Немцы взяли в плен правителя Моравии Ростислава, ослепили и сослали в монастырь. Князь Сватоплук
- 876 г. Византийцы отвоевывают у арабов Малую Лангобардию в Калабрии и Апулии
- 879 г. Письмо папы Иоанна VIII хорватскому князю Бранимиру
- 886 г. 29.08. Смерть Василия I от ран, полученных на охоте. Император — сын Василия, Лев VI Философ
- 886 г. Ученики св. Мефодия изгнаны из Моравии и находят убежище в Болгарии
- 889 г. В Болгарии царь Борис I отрёкся от престола и ушел в монастырь. Новым правителем Болгарии стал его сын Владимир
- 891 г. Папа Римский Формоз
- 893 г. Бывший царь Болгарии Борис сверг своего сына Василия. Правителем Болгарии стал Симеон I, воспитанный при византийском дворе
- 894 г. Начало тридцатилетней войны между Византией и Болгарией
- 894 г. Нападение венгров на Болгарию. Смерть моравского князя Сватоплука
- 896 г. Византийское посольство во главе со Львом Хиросфактом у Симеона Болгарского. Мир с болгарамй. Смерть папы Римского Формоза
- 899 г. 09.08. Арабское посольство в Константинополе по вопросу об обмене пленными. Карматы появляются в Бахрейне
- 902 г. Византия потеряла Сицилию в войне с арабами
- 904 г. Взятие арабами Фессалоники
- 907 г. Набег Олега на Константинополь
- 909 г. Падение династии Аглабидов в Ифрикии (нынешем Тунисе)
- 910 г. Неудачные попытки византийцев отбить у арабов о. Крит и провести поход в Сирию
- 911 г. Договор русов с Византией
- 912 г. 12.05. Ум. Лев VI Философ от желудочной болезни. Император — его брат Александр
- 913 г. 06.06. Смерть императора Александра. Восьмилетний сын Льва VI Константин VII Багрянородный стал василевсом, хотя формально являлся им с 908 г. Регент патриарх Николай Мистик

913 г.	Симеон I коронован в качестве василевса патриархом Николаем I Мистиком
917 г.	Победа болгар при Анхиале (р. Ахелой). Влияние болгар распространилось на весь Балканский полуостров, Македонию, Фессалию, Атику. В сферу влияния Болгарии попала Сербия. Болгарская Церковь стала независима от Константинополя. Симеон отказался от мира с Византией
917 г.	Зоя приговорила Романа к ослеплению, но его друзья вступились, и приговор не был исполнен
919 г.	17.12. Император Роман I Лакапин
923 г.	Умер Абу Джафар ат-Табари
925 г.	Коронация Томислава I, первого хорватского короля
927 г.	05.27. Умер царь Болгарии Симеон I. Пётр I — царь Болгарии. Мир Болгарии с Византией. Признание Болгарской Церкви автокефальной
928 г.	Карматы вывозят из Мекки Чёрный Камень
929 г.	Восстановленный Омейядский халифат провозглашён в Кордове
936 г.	Коронация Оттона I
941 г.	Нападение русов князя Игоря на Константинополь. Роман с помощью греческого огня разбил флот русов
942 г.	Последний правитель династии Чавда в Гуджарате, Самантсинха Чавда, свергнут его сыном Мулраджем, основателем собственной династии
944 г.	«Мандилий» (Эдесский Убрус, Спас Нерукотворный) водворён во дворце императором Романом I Лакапином. 12.12. Низложение императора Романа I Лакапина и его ссылка. Император Константин VII «Цзю Тан Шу» («Старая история династии Тан»)
945 г.	05 и 08. Посольство аббасидского халифа в Константинополе
946 г.	05 и 08. Посольство аббасидского халифа в Константинополе
948 г.	06.15. Смерть Романа I Лакапина, бывшего императора Византии
949 г.	Неудачный поход византийцев на Крит, наступление в Малой Азии
950 г.	Сайф ад-Даула попадает в засаду, устроенную Львом Фокой
955 г.	10.08. Оттон I разгромил мадьяр 955 г. при Лехфельде
956 г.	Мощи св. Иоанна Крестителя прибывают из Антиохии в Константинополь
958 г.	Победа византийцев над арабами. Взятие Хадаса в Каппадокии и Самосаты
959 г.	11. Смерть Константина VII Багрянородного. Императором стал его сын Роман II
960—961 гг.	Крит отвоёван Византией
962 г.	02.02. Папа Римский Иоанн XII возлагает императорскую корону на голову Оттона I
963 г.	15.05. Смерть Романа II (939). По одной из версий, он был отравлен женой Феофаной (Анастасией), имевшей связь с будущим императором

- Никифором II Фокой. 05. Войска провозгласили Никифора II Фоку императором. 20.09. Брак Никифора II с Феофанó. 11. Оттон I возвращается в Рим, чтобы низложить папу Иоанна XII
- 964 г. Осада и взятие Тарса Никифором II
- 969 г. 28.10. Взятие Антиохии войсками Никифора II Фоки. Дружина Святослава разоряет хазарскую столицу Итиль. 12.11. Убийство Никифора II Фоки заговорщиками. Император Иоанн I Цимисхий
- 971 г. Ромеи разгромили войска русов возле столицы Болгарии Преславы и захватили её. В плен был взят царь болгар Борис. Святослав принял бой возле Доростола. Потеряв много воинов, он запросил мира. Договор между Святославом и Иоанном Цимисхием. Византия захватила Восточную Болгарию. Болгарский царь Борис II увезён в Константинополь. Конец I Болгарской династии
- 972 г. 14.04. Брак будущего императора Оттона II с Феофанó. Завоевание Египта Фатимидами
- 976 г. 11.01. Василий отравляет Иоанна Цимисхия. Начало фактического правления Василия II Болгаробойцы
- 976 г. Восстание Варды Склира в Азии. Переход большинства армии на сторону Варды. Василий вызвал из опалы Варду Фоку, племянника Никифора II
- 978 г. Варда Фока разбил Варду Склира, и тот бежал к арабам в Багдад
- 986 г. Василий II вторгся в Болгарию и осадил Сердику. 17.08. Болгары во главе с Самуилом разбили Василия II, который едва спасся. Выкуп Никифора Урана из тюрьмы
- 987 г. 03.07. Гуго Капет коронован как король Франции. Мятеж Варды Фоки против Василия II. 15.08. Варда Фока провозглашает себя императором. Захват Владимиром Херсона. Посольство Владимира в Константинополь. Крещение Владимира
- 988 г. Весна. 6000 варяжских воинов прибывают в Константинополь из Киевской Руси. 04. Перед самым сражением с Василием внезапно умер Фока. Крещение киевлян
- 989 г. 13.04. Битва при Абидосе
- 995 г. Осада Алеппо войском Фатимидов. Поход византийцев против арабов в Сирию
- 996 г. Победа византийцев над болгарами на р. Сперхий
- 999 г. Никифор Уран назначен командующим в Киликии и близлежащей Сирии со ставкой в Антиохии
- 1000 г. Коронование Иштвана I легатом папы Римского Сильвестра II
- 1001 г. Гибель армянского царя Давида Великого. Византия получает область Тайк (в Армении). Примирение арабов (Фатимидов) с Византией. Василий II начал планомерную войну с болгарами

1014 г.	29.07. Битва в проходе Клеидион: Василий II разбил болгарское войско и приказал ослепить 15 000 пленных, за что и получил прозвище Болгаробойца (Булгароктон). Смерть болгарского царя Симеона I
1018 г.	Иван-Владислав, последний царь болгар I Болгарского царства, погиб при осаде болгарями Драча. Болгары решили покориться Византии
1019 г.	Ярослав побеждает Святополка и получает титул Великого князя Киевского
1025 г.	15.12. Умер император Василий II. Император Константин VIII
1028 г.	11. Смерть Константина VIII. Император Роман III Аргир
1034 г.	11.04. Убийство Романа III. За этим стояли его жена Зоя, её любовник Михаил и его брат. Император Михаил IV Пафлагон
1036 г.	Разгром печенегов дружиной Ярослава Мудрого у стен Киева
1041 г.	10.12. Умер Михаил IV (1005 г.) от падучей и водянки. Император — его племянник Михаил V Калафат
1042 г.	11.06. Возвращённый из ссылки Константин IX Мономах женится на Зое и провозглашается императором
1043 г.	Нападение русских войск. Разгром русского флота у Константинополя
1054 г.	Смерть Ярослава Мудрого
1055 г.	01. Ум. Константин IX Мономах. Правление перешло к Феодоре. Тогрул-бек вступает в Багдад
1056 г.	31.08. Ум. Феодора. Император Михаил VI Стратиотик
1057 г.	Исаак наносит поражение войскам Михаила недалеко от Никеи. Переговоры между Михаилом и Исааком. 08. Восстание в Константинополе. Отречение Михаила и постриг в монахи. Императором стал Исаак I Комнин
1059 г.	Смерть бывшего императора Михаила VI
1059 г.	11. Тяжелая болезнь Исаака I после простуды на охоте. Исаак захотел постричься в монахи и оставить империю на своего соратника Константина Дуку. Даже когда здоровье Исаака пошло на поправку, Константин Дука не отдал ему власть. Исаак I ушел в Студийский монастырь, где и умер 31 мая 1060 или 1061 г. Императором стал Константин X Дука
1063 г.	04.09. Умер Тогрул-бек. Султан — Алп Арслан.
1064 г.	Город Ани, религиозная столица Армении, разграблен кочевниками-тюрками
1066 г.	25.09. Смерть конунга Харальда Сурового в битве при Стамфорд-Бридже. 14.10. Битва при Гастингсе
1067 г.	31.12. Венчание Евдокии с Романом IV Диогеном
1068 г.	01.01. Коронация Романа IV Диогена

- p>1071 г. 26.08. Поражение византийцев при Манцикерте. Роман попал в плен. Султан отпускает Романа, но византийцы уступают туркам Манцикерт и Антиохию. Заговор против Романа в Константинополе. Императором провозглашён сын Константина X, Михаил VII Дука Параклапник. Ослепление Романа и ссылка в монастырь на о. Прот. Норманны в Италии захватили крепость Бари, последнее владение Византии. Захват Иерусалима сельджуками
p>1072 г. 04.08. Умер Роман IV Диоген (1039). Убит Алп Арслан
p>1073 г. Норманны захватывают Амальфи
p>1075 г. Умер патриарх Иоанн VIII Ксифилин
p>1078 г. 25.03. Заговор в Константинополе против Михаила VII. Отречение Михаила от престола и пострижение в монахи. Император Никифор III Вотаниат
p>1081 г. 02. Восстание против Никифора III Вотаниата организовано Алексеем и Исааком Комнинами. Императором провозглашён Алексей
p>1091 г. 29.04. Битва византийцев и союзных им половцев с печенегамипри Левунии (Лебурне)
p>1094 г. Нападение половцев сначала на печенегов, а потом и на Византию
p>1097 г. 21.05. Кылыч Арслан, сельджукский султан Иконии, разбит участниками Первого крестового похода возле своей новой столицы, Никеи (Изник). Захват Никеи. К Византии с помощью рыцарей вернулись некоторые районы Малой Азии. Антиохию захватили норманны. На территории Малой Азии стали возникать государства крестоносцев
p>1103 г. 10.07. Смерть датского конунга Эрика Эйегода в Пафосе, на Кипре
p>1118 г. 15.08. Смерть Алексея I Комнина от болезни сердца. Император — его сын Иоанн II Комнин
p>1141 г. 09.09. В пустыне Катван близ Самарканда сельджукский султан Синджар (Санджар) потерял целую армию, разгромленную каракитаями
p>1143 г. 07.04. Смерть Иоанна II Комнина. Император — его сын Мануил I
p>1159 г. Смерть Берты Зульцбахской, первой жены Мануила I Комнина
p>1161 г. Женитьба Мануила на дочери прежнего антиохийского правителя, Марии
p>1162 г. Визит Кылыч Арслана в Константинополь
p>1167 г. 07. Победа полководца Андроника Кондостефана над венграми под Семлином (ныне Косово). При заключении мира Византии отошли спорные территории в Хорватии и Далмации
p>1176 г. 17.09. Разгром ромеев сельджуками в проходе Циврица при Мириокефалон
p>1180 г. 24.09. Смерть Мануила I. В конце жизни он охладел к государственным делам, увлёкся астрологией. Перед смертью постригся в монахи. Правителем стал его сын, одиннадцатилетний Алексей II Комнин

1183 г.	Андроник отстраняет, судит и казнит Марию. Приближенные в сентябре провозглашают Андроника императором. После этого через несколько дней приближенные Андроника убивают Алексея II Комнина. Андроник стал правителем Византии. Он женится на вдове Алексея, тринадцатилетней Агнессе
1185 г.	09. Толпа провозглашает императором Исаака. Бегство Андроника. Андроника схватили и казнили. Императором стал Исаак
1192 г.	Дож Венеции Энрико Дандоло
1195 г.	Выступление Исаака против болгар. Заговорщики провозгласили императором его старшего брата Алексея III Ангела. На сторону Алексея перешли войска, Исаак решил бежать, но был схвачен и ослеплен
1199 г.	Примерная дата смерти Стефана Немани, сербского великого князя
1204 г.	01.08. Соправителем Исаака стал его сын Алексей IV
1204 г.	12—13.04. Захват Константинополя крестоносцами. Алексей V бежал в Лариссу, где жил Алексей III. После бегства Алексея V Феодор Ласкарис провозгласил себя деспотом и пытался организовать сопротивление крестоносцам, но, не встретив поддержки, бежал из Константинополя
1205 г.	Смерть дожа Венеции Энрико Дандоло в Константинополе
1221 г.	10. Смерть Феодора I Ласкариса. Императором Никеи стал Иоанн III Дука Ватац, зять Феодора
1224 г. (?)	Установка стелы, известной ныне как «Чингисов камень»
1240 г.	Примерная дата составления монгольской хроники «Сокровенное сказание»
1241 г.	09.04. Битва при Лигнице (Легнице)
1242 г.	Умер Снорри Стурлуссон
1243 г.	Турки-сельджуки стали данниками монголов
1258 г.	Взятие и разрушение Багдада монголами
1259 г.	Михаил Палеолог — император и соправитель Иоанна IV
1260 г.	Султан Египта Бейбарс (Малик аз-Захир Рукн ад-Дин Бейбарс ал-Бундукдари)
1261 г.	25.07. Взятие Константинополя никейскими войсками
1282 г.	«Сицилийская вечеря» срывает планы нападения на Константинополь, вынашивавшиеся Карлом Анжуйским. 12.11. Смерть Михаила VIII при подготовке похода во Фракию. Император Андроник II Палеолог
1308 г.	Конья взята войсками султана Османа
1326 г.	Умер султан Осман
1328 г.	Третья гражданская война между Андрониками. Андроник-младший победил войска деда близ Мавропотама, захватил Константинополь, отстранил деда от правления. Через некоторое время Андроник II тяжело заболел, и его заставили отречься и постричься в монахи

1334 г.	Начало пандемии бубонной чумы в Китае
1341 г.	15.06. Смерть Андроника III Палеолога (1297 г.). Правителем империи стал восьмилетний сын Андроника III — Иоанн V
1341 г.	26.10. Сторонники провозгласили Иоанна VI Кантакузина императором. Иоанн VI проявил лояльность к Иоанну V и Анне Савойской. Постоянный посол герцога Луиджи Гонзага, правителя Мантуи, при дворе Людовика Баварского
1348 г.	Пандемия бубонной чумы («Чёрная смерть») в Европе. В Византии умерло треть населения
1364 г.	Патриарх Филофей
1372 г.	Чжу Юань-чжан, основатель династии Мин, послал известие о своём восшествии на трон императору Византии
1376 г.	Свержение Иоанна V его сыном Андроником, которому турки помогли захватить Константинополь. Иоанн и Мануил были заточены в тюрьму
1402 г. †	Ввиду нашествия Тимура султан Баязид вынужден снять осаду Константинополя и уйти в Анатолию. 28.07. В битве при Анкаре Баязид разбит Тимуром и взят в плен. Это позволило Константинополю продержаться ещё 50 лет
1415 г.	Битва при Азенкуре
1425 г.	21.07. Смерть Мануила II. Императором стал Иоанн VIII
1448 г.	31.10. Смерть Иоанна VIII Палеолога. Императором стал его сын, Константин XI Палеолог Драгаш, последний византийский император
1453 г.	29.05. Последний штурм Константинополя турками, проникшими через небольшую калитку у Керкопорта. Константин XI погиб в неравном бою. Падение Византийской империи
1476 г.	Иван Васильевич III отказался платить дань золотоордынскому хану Ахмату
1487 г.	Первое европейское издание трактата Вегеция
1545 г.	Трактат «Любитель стрельбы из лука» («Toxophilus») Роджера Эшема (<i>Ascham</i>) посвящённый королю Генриху VIII
1579 г.	08.07. Обретение нерукотворной иконы Казанской Божией Матери
1612 г.	Польское вторжение в Россию
1681 г.	Трактат Жана Мабильона «О дипломатике» («De re diplomatica»)
1683 г.	Осада Вены турками
1688 г.	Умер Шарль Дюканж
1704 г.	Шведское нашествие на Россию
1707 г.	Умер Жан Мабильон
1709 г.	Полтавская битва
1783 г.	Последний крымско-татарский хан, Шагин-Гирей, отрекается от престола

1795 г.	Махмуд-эфенди в Лондоне ставит рекорд дальности стрельбы из лука
1812 г.	Наполеоновское нашествие на Россию
1818 г.	«Сибирский вестник» сообщает о находке «Чингисова камня»
1829 г.	Перевозка «Чингисова камня» в Петербург
1853 г.	Перенос резиденции османских султанов из дворца Топкапы Сарай в новый дворец Долмабахчи
1870 г.	Осада Парижа немецкими войсками. Убит последний лев в Анатолии
1904 г.	29.06. Предполагаемая дата уничтожения чудотворной иконы Казанской Божией Матери
1904—1905 гг.	Русско-японская война
1912—1913 гг.	В Македонии кровопролитные столкновения за контроль над местными церквями, подстрекаемые болгарскими, македонскими и греческими священниками
1914 г.	Париж почти взят немецкими войсками
1919 г.	Умер Ю. А. Кулаковский
1929 г.	О.-Й. Менхен-Хельфен в Туве
1935 г.	Секуляризация храма св. Софии (мечети Айя-София)
1936 г.	«Чингисов камень» поступает в Эрмитаж
1940 г.	Взятие Парижа немецкими войсками
1953 г.	Золотой солид Юстина II найден при раскопках могилы династии Суй в провинции Шаньси
1959 г.	Убит последний каспийский тигр
1973 г.	Отменено официальное именование королей Швеции: «король шведов, готов и вендов» (<i>Sveriges, Götes och Vendes Konung</i>)
1993 г.	Папе Римскому Иоанну Павлу II дарят копию иконы Казанской Божией Матери
2003—2006 гг.	Эпидемия «птичьего гриппа»
2003 г.	Вторжение войск США в Ирак
2004 г.	28.08. Делегация Святого Престола передала патриарху Алексию II копию иконы Казанской Божией Матери
2005 г.	21.06. Патриарх Алексий II и президент Татарстана Минтимер Шаймиев поместили копию иконы Казанской Божией Матери в Крестовоздвиженском храме бывшего Богородицкого монастыря в Казани

ГЛОССАРИЙ¹

АВГУСТ (Л *augustus*, греч. «севаст») — правящий император с соправителями или единолично.

АГАРЯНЕ (по имени Агари, наложницы Авраама) — Арабы-мусульмане.

АГЕНС ИН РЕБУС (Л *agens in rebus*) — Младший чиновник, иногда вестовой, изредка «агент».

А СЕКРЕТИС (Л *a secretis*) — Императорский секретарь.

АВТОКЕФАЛЬНАЯ («Самоглавная») — Титул патриаршских кафедр в Православной Церкви.

АВТОКРАТОР («Самодержец») — Император был василевсом и автократом [Л *imperator*].

АЙЯ — Святая.

АКОНТИЙ (ДГ) — Дротик, метательное копьё.

АКОНТИСТ (ДГ) — Метатель дротика.

АКРИТ — Воин-пограничник; участник набега; лазутчик; грабитель.

АКРОПОЛЬ (ДГ) — Высшая точка и цитадель города, «кремль».

АЛА (Л *ala*) — Вспомогательное кавалерийское подразделение.

АЛАНИЯ — Регион Кавказа, частично в пределах современной Грузии.

АЛАНЫ — Воины-конники иранского происхождения.

АЛБАНИЯ — Регион Кавказа, частично в пределах современного Азербайджана.

АНАТОЛИКОН — Византийская фема.

АНАТОЛИЯ — Малая Азия; в границах современной азиатской части Турции.

АНТИПАТ (Л проконсул) — В IX—XII веках — титул, а не должность с реальными полномочиями.

Принятые сокращения: ДГ= древнегреческое слово, по-прежнему использовавшееся в литературном языке; Л = латинское

АНТЫ — Предположительно славяне, переселившиеся на запад вместе с аварами.

АРАБ — До XX века — бедуин, кочевник.

АРАВИТЫ — Конники-бедуины, участники набегов и стычек, грабители.

АРИАНИН — Верующий, придерживающийся учения о земной (человеческой) природе Христа.

АРИФМОС — Греч. перевод Л *numerus*, «отряд»; использовался также в качестве названия тагмы Виглы.

АРМЕНИАКОН — Византийская фема; засвидетельствована с 667 г.; располагалась в восточной Анатолии.

АРМЕНИЯ — Кавказский регион с неопределёнными границами, склонными к расширению.

АРХОНТ (ДГ) — Любой «правитель», из классического названия высокопоставленного городского чиновника

АСИЯ — Римская провинция в западной Анатолии.

АФИНГАНЫ — Секта иудействующих, получившая особое распространение во Фригии.

БАЛЛИСТА — Артиллерийское орудие, приводимое в действие силой скручивания.

ВАНДА — Из германских языков, отряд; в «Стратегиконе» — из 300 человек.

ВРАХИАЛИЙ — Внешнее оборонительное сооружение за главной стеной.

ВУКЕЛЛАРИЙ — Боец, изначально из личного отряда командира.

ВЕКСИЛЛЯЦИЯ (Л *vexillatio*) — Изначально подразделение легиона; впоследствии — войсковое формирование.

ВИГЛА — От Л. *vigilia*, «стража»: регулярное боевое подразделение в Константинополе.

ВИЗИРЬ — Слово иранского происхождения: премьер-министр мусульманских правителей.

ВОЕВОДА — Южнославянское: «вождь» или «князь».

ГАСТАЛЬД — Ломбардский градоначальник.

ГАСТРАФЕТ (ДГ) — «Лук, упираемый в живот»: ранний вариант арбалета, который натягивали, упирая приклад в живот.

ГЕНИКОН — Налоговый департамент под началом логофета «ту генику».

ГЛАДИУС, гладий (Л *gladius*) — Короткий меч легионеров, очень удобный в ближнем бою.

ГОПЛИТ (ДГ) — Пехотинец в нательных доспехах и/или с тяжёлым щитом.

ДЕКАРХ — Десятник, младший офицер, командовавший десятью бойцами.

ДЕФЕНСОРЫ (Л *defensores*) — Тяжёловооружённая пехота, сражавшаяся тесными рядами, чтобы удержать позиции.

ДОМЕСТИК (Л *domesticus*) — Очень высокий чин, гражданский или (чаще) военный.

ДОМЕСТИК ТОН СХОЛОН (СХОЛ) — Командир отрядов императорской гвардии (Л *scholae*).

ДОРАТИОН (ДГ) — Метательное копье, дротик.

ДРОМОН — Военный корабль с боевой палубой над корпусом.

ДРОМ — Имперский «ям», то есть станция для перемены лошадей.

ДРУНГАРИЙ — Армейский или флотский командир.

ДУАЛИСТ — Человек, верящий в конфликт между добрыми и злыми божествами.

ДУКАТОРЫ (из лат. *ducatores*, «проводники») — лазутчики, разведчики.

ДУКС (лат. *dux*) — Командующий, изначально провинции, затем более низкого ранга.

ЖУПАН — Южнославянский правитель.

ЗАВЫ — Отрезы кольчуги, надеваемые в качестве дополнительных доспехов.

ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА — В Феодосиевой стене, где заканчивалась виа Эгнатия.

ИВЕРИЯ — Кавказский регион в границах современной Грузии.

ИКАНАТЫ — Регулярный отряд дворцовой стражи.

ИКОНА — Букв. «подобие», религиозное изображение.

ИКОНОБОРЧЕСТВО — Уничтожение идолопоклоннических изображений, VIII–IX вв.

ИКОНОПОЧИТАТЕЛЬ — Защитник литургического использования икон.

ИНДИКТ — Налоговый год, длившийся с сентября по август, в 15-летнем цикле.

ИПАТ — Греческий аналог лат. «консул» (*consul*).

ИПОСТРАТИГ — Букв. «под командующим», высокое воинское звание.

ИППАГОГОС — Грузовое судно для перевозки лошадей.

ИПОТОКСОТ (ДГ) — Конный лучник.

ИСАВРИЯ — Область в юго-западной Анатолии.

ИСМАИЛИТ — Араб-мусульманин, от названия потомков Исмаила, сына Агари.

КАВАДИЙ — Толстый «кафтан» из вальной шерсти или покрытие для ног, которое носили для защиты.

КАГАН — Вождь вождей (ханов) у тюрок.

КАНДИДАТ (лат. *candidatus*) — Изначально член личной стражи императора, впоследствии — почётное звание.

КАППАДОКИЯ — Область центральной Анатолии, по большей части довольно засушливая.

КАРАВИСИАНЫ — Гражданские или военные моряки.

КАРАТ — Одна двадцать четвёртая часть солида или номисмы.

КАТАЛОГ (ДГ) — Перечень.

КАТАФРАКТ — Конник, облачённый в броню.

КАТЕПАН — С IX века — гражданский или военный чиновник, впоследствии губернатор.

КИВЕРРЕОТЫ — Приморская фема в юго-западной Анатолии.

КЛИВАНИЙ — Безрукавный чешуйчатый или пластинчатый панцирь.

КЛИСУРА — Горное ущелье или узкий проход; заставы в нём.

КОГОРТА (лат. *cohors*) — Отряд вспомогательной пехоты.

КОДЕКС (лат. *codex*) — Книга, состоящая из страниц под одним переплётом, в противоположность свитку.

КОМИТ (лат. *comes*) — Буквально: «спутник» (императора), звание полевого офицера.

КОНСУЛАТ (лат. *consulatus*) — Должность, занимаемая в течение года; после 541 г. удерживалась за императорами.

КОНТОС (ДГ) — Коллющее копъё, пика, в том числе для конницы.

КОНТУВЕРНИЙ (Л *contubernium*) — Подразделение, живущее в одной палатке и состоящее из десяти бойцов; синоним декархии.

КУВИКУЛАРИЙ (Л *cubicularius*) — Надзиратель за (императорской) опочивальней, спальничий; старший евнух.

КУРОПАЛАТ — Высокопоставленный чиновник, отвечавший за родственников царя и за иноземных царевичей.

ЛЁСЫ — Преграда или укрытие для защиты от стрел, сплетённое из лозы.

ЛИБЕЛЛУС (Л *libellus*) — Букв. «книжца», уменьшительное от Л *liber*, «книга»: книга, документ.

ЛИФОБОЛ (ДГ) — Камнемёт, артиллерийское орудие.

ЛИТУРГИЯ — Порученная обязанность, в том числе и в церковных богослужениях.

ЛОГОФЕТ — Чиновник, изначально налоговой службы; впоследствии вышший административный ранг.

ЛОГОФЕТ ДРОМА — Изначально титул чиновника, занимавшего эту должность, впоследствии применительно ко многим другим обязанностям.

ЛОГОФЕТ ТОН АНГЁЛОН («вестников») — Чиновник, отвечавший за содержание стойл и табунов и за перемену лошадей на станциях.

ЛОРИКИЙ — Панцирь или кираса; в других случаях — нагрудная броня.

МАГАРИТЫ — Мусульманские воины, отступники от христианства.

МАГИСТР ВОИНОВ (Л *magister militum*) — Командующий войсками.

МАГИСТР ВОИНОВ «ЛИЧНО ПРИСУТСТВУЮЩИЙ» (Л *magister militum praesentalis*) — Командующий войсками в Константинополе или в его окрестностях

МАГИСТР ВОИНОВ В АРМЕНИИ (Л *magister militum per Armeniam*) — Командующий войсками в северо-восточной Анатолии.

МАГИСТР ВОИНОВ ВО ФРАКИЯХ (Л *magister militum per Thracias*) — Командующий войсками во Фракии и за её пределами.

МАГИСТР ВОИНОВ НА ВОСТОКЕ (Л *magister militum per Orientem*) — Командующий войсками на границах Месопотамии и в ней самой.

МАГИСТР ОБОИХ РОДОВ ВОЙСК (Л *magister utriusque militiae*) — Командующий пехотой и конницей.

МАГИСТР ОФФИЦИЙ (Л *magister officiorum*) — Магистр должностей, глава гражданской бюрократии.

МАКЕДОНИЯ — Область между Эпиром на Адриатике и Фракией.

МАНИХЕЙ — Последователь дуалистического учения Мани.

МАРОНИТ — Христианин, принадлежащий к Ближневосточной Церкви, которая пребывает в общении с Римом и совершает богослужение по-сирийски.

МЕЛЬКИТЫ — Верующие, принадлежащие к халкидонитским Церквам: как православным, так и католическим.

МЕНАВЛАТ — Боец элитной тяжёлой пехоты, вооруженный менавлием, длинной пикой.

МЕР — Формирование из трёх мир, в «Стратегиконе» 6000—7000 человек.

МИЛИАРИСИЙ — Серебряная монета достоинством в одну двенадцатую солида или номисмы.

МИЛИЙ — Главный мыльный камень в Константинополе, от которого отмерялись расстояния.

МИНСУРАТОРЫ (Л *mensuratores*) — Военные землемеры-топографы.

МИРА — Боевое формирование из трёх ванд, в «Стратегиконе» численностью в 1000—2000 человек.

МОНОФЕЛИТСТВО — Христологический компромисс: одна воля в двух неопределённых природах.

МОНОФИЗИТЫ — Верующие, придерживающиеся учения о единой, Божественной природе Христа; также «яковиты».

НАВМАХИЯ (ДГ) — Морское сражение, тактика его ведения.

НОМИСМА — Византийская золотая монета, преемник солида.

ОПСИКИОН — Фема в центральной Анатолии, с центром в Анкире (нынешней Анкаре).

ОПТИМАТЫ — Фема в северо-западной Анатолии с центром в Никомидии (совр. Коджаэли).

ОРГИЯ — Мера длины: 1,8 метра.

ПАВЛИКИАНЕ — Предположительно дуалистическая, но определённо антиклерикальная ересь.

ПАЛАТИН — Ассоциируется с дворцом (палатий), а также с подразделениями дворцовой гвардии.

ПАРАКОЙМОМЕНОС — Главный евнух, глава прислуги императорской опочивальни.

ПАТРИАРХ — Римский, Константинопольский, Александрийский, Антиохийский, Иерусалимский.

ПАТРИКИЙ (Л *patricius*) — Очень высокий ранг, впоследствии снизившийся до подчинения антипату.

ПЕНТЕКОНТАРХ — Командир пятидесяти пехотинцев.

ПОНТИЙСКАЯ СТЕПЬ — Северный берег Чёрного моря и далее в глубь суши.

ПОРФИРОГЕНЕТ — «Багрянородный», «Родившийся в пурпурной [опочивальне]», отпрыск императора.

ПРЕПОЗИТ СВЯЩЕННОЙ ОПОЧИВАЛЬНИ (Л *Praepositus sacri cubiculi*) — Спальничий, надзирающий за спальней; высший чиновник дворца. По-гречески то же самое слово использовалось как титул евнуха, занимавшего высокий пост.

ПРОКУРСАТОРЫ — Лёгкая конница для разведки или стычек (Л *procursatores*: «бегущие впереди»).

ПРОСКИНЕСИС — Ритуальное простирание перед императором.

ПРОТИКТОР (Л *protector*) — Телохранитель; позже состоящий под началом доместика схол.

ПРОТОСПАФАРИЙ — С VIII в. века — высокое должностное лицо, состоявшее в сенате.

РОС, РОСЫ — Скандинавы и славяне, жившие в Киевской Руси.

САРАЦИНЫ — Изначально племя на Синае; с VII в. — арабы-мусульмане.

САРИССА (ДГ) — Длинное копье, основное оружие македонской фаланги.

СКИФИЯ — Понтийская степь и земли за ней; впоследствии римская провинция.

СПАФАРИЙ — Букв. «меченосец»; императорский телохранитель, впоследствии почётный титул.

СПИФАМ — Мера длины: 23,4 сантиметра.

СТИЛИТ — Столпник, христианский аскет, живший на столпе.

СТРАТИГ — Военачальник; впоследствии правитель фемы.

СТРАТИЛАТ — Высокий чин, греческий аналог «магистру воинов» (Л *magister militum*); впоследствии почётное звание.

СФЕНДОН (ДГ) — Праща.

СХОЛАРИЙ — Боец подразделения, относящегося к тагме: профессионального, а не фемного.

СХОЛЫ — Гвардейские воинские подразделения, базирующиеся в Константинополе, относящиеся к тагмам, профессиональные.

ТАВРОСКИФЫ — Изначательно жители Крыма, впоследствии — Киевской Руси.

ТАГМЫ — Кавалерийские подразделения, профессиональные, нефемные; элитные части.

ТАКСИАРХ — Тысяцкий, командующий тысячей бойцов.

ТАКТИКА — Официальные перечни должностей и титулов (IX и X вв.).

ТАТТО, ТАССО (ДГ) — Выстраивать войско; разворачивать боевой порядок.

ТЕТРАРХ — Командующий четырьмя бойцами; аналогичен старшему сержанту.

ТОПАРХИ — Правители небольших государств.

ТРИБУН (Л *tribunus*) — Командир ванды, равнозначный комиту.

ТУРМА (Л *turma*) — Крупное боевое формирование; в фемах часто было по три турмы.

ФЕДЕРАТЫ — Изначально варварские войска; также отряд в феме Анатоликон.

ФЕМЫ — Военно-административные округа; войска ополченцев.

ФИЛАРХ — Племенной вождь, по большей части араб, командир вспомогательных войск.

ФУЛЬКОН — Из германского *fulkon*, военная сила, сопровождение командира.

ХАЗАРЫ — Правящий народ с центром на Северном Кавказе в VII—X веках.

ХАЛИФ — Местоблюститель, уполномоченный выступать за пророка Мухаммада.

ХАЛКИДОНИТ — Верующий, придерживающийся догмата о богочеловеческой природе Христа, принятого на Вселенском Соборе в Халкидоне в 451 г.

ХЕЛАНДИЯ — Изначально судно для перевозки лошадей; впоследствии транспортное судно; отсюда русское слово «шаланда».

ХИЛИАРХИЯ — Воинское формирование численностью в 1000 человек.

ХИРОМАНГАН — Стреломётное артиллерийское орудие.

ХРИСОВУЛЛА — Документ, скреплённый императорской золотой печатью, указ.

ЦЕЗАРЬ, КЕСАРЬ (Л *Caesar*) — Титул, сохраняемый за сыном императора.

ЦЕРВУЛИИ — Тяжёлые башмаки для пехотинцев.

«**ЧЕСНОК**» — Болванка с шипами, использовавшаяся для того, чтобы

воспрепятствовать продвижению конницы.

ЭБДОМОН — Пригород Константинополя на Мраморном море.

ЭКАТОНТАРХ — Сотник, офицер, командующий сотней бойцов.

ЭКЗАРХ — Полномочный представитель (вице-император) в Карфагене и Равенне.

ЭКСКУВИТЫ — «За стенами опочивальни»: отряд дворцовой гвардии, охранявший императорскую спальню.

ЭКТАКСИС (ДГ) — Боевое построение.

ЭПАРХ — Префект города, отвечающий за общественный порядок.

ЭПИЛОРИКИЙ — Лёгкая хлопковая или шёлковая накидка, надеваемая поверх доспехов.

ЭТЕРИЯ — Команда сопровождения, регулярный отряд дворцовой стражи.

ЯКОВИТЫ — Монофизиты (Церковь, вероучение); по имени Иакова Бардея.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Cl. Aeliani et Leonis Imp. tactica sive de instruendis aciebus. Ed. Meursius. Lugduni Bavorum [Leiden]: Ludovicum Elzevirium, 1613.
- Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander. Ed. and trans. W. A. Oldfather. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1977.
- Ahrweiler, Hélène. Byzance et la mer: La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe–XVe siècles. Paris: Presses universitaires de France, 1966.
- Allen, Pauline. "The 'Justinianic' Plague." *Byzantion* no. 49 (1979): 5–20.
- Alston, Richard. "Managing the Frontiers: Supplying the Frontier Troops in the Sixth and Seventh Centuries." In Paul Erdkamp, ed., *The Roman Army and the Economy*. Amsterdam: J. C. Gieben, 2002.
- Alvarez, R. P. "Saddle, Lance and Stirrup." *International Newsletter for the Fencing Collector* 4, nos. 3–4 (July 15, 1998).
- Amari, Michele. *La guerra del vespro siciliano*. Turin: Pomba, 1851.
- Amatuccio, Giovanni. *Peri Toxeias l'arco di guerra nel mondo bizantino e tardoantico*. Bologna: Planetario, 1996.
- Amatuccio, Giovanni. "Lo Strano arciere della porta dei Leoni." *Arcosophia* 1, supplement to Arco 1, no. 1 (2005). <http://www.arcosophia.net>.
- Ambrosii [Saint Ambrose]. *Expositio Evangelii secundum Lucam*, X, 10. In Migne, *Patrologia Latina*, vol. 15, cols. 1806–1809.
- Ammianus Marcellinus. 3 vols. Trans. John C. Rolfe. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1935.

- Andersson, Theodore M.* A Preface to the Nibelungenlied. Stanford: Stanford University Press, 1987.
- Annales Bertiniani* (ca. 839). In G. Waitz, *Monumenta Germaniae Historica: Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannover: Hahn, 1883.
- The Anonymous Byzantine Treatise on Strategy (formerly *Peri Strategikes*, *De re strategica*). In George T. Dennis, ed. and trans., *Three Byzantine Military Treatises*. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1985.
- Arriani Tactica et Mauricii Artis militaris libri duodecim*. Uppsala: Joannes Schefferus, 1664.
- Arrianus, Fl.* The Expedition against the Alans [*Acies contra Alanos*]. In James G. DeVoto, ed., *Flavius Arrianus*. Chicago: Ares, 1993.
- Athenaeus Mechanicus*. On Machines. Ed. and trans. D. Whitehead and P. H. Blyth. *Historia Einzelschriften*, 182. Stuttgart: Franz Steiner, 2004.
- Austin, N. J. E., and N. B. Rankov.* *Exploratio: Military and Political Intelligence in the Roman World from the Second Punic War to the Battle of Adrianople*. London: Routledge, 1995.
- Ayalon, David.* *Eunuchs, Caliphs and Sultans: A Study in Power Relationships*. Jerusalem: Magnes Press, 1999.
- Bivar, A. D. H.* "Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier." *Dumbarton Oaks Papers* no. 26 (1972): 271–291.
- Blockley, R. C.* *East Roman Foreign Policy: Formation and Conduct from Diocletian to Anastasius*. Leeds: F. Cairns, 1992.
- . *The Fragmentary Classicizing Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus*. 2 vols. Liverpool: Liverpool University Press, 1983.
- . *The History of Menander the Guardsman*. Liverpool: F. Cairns, 1985.
- . "Subsidies and Diplomacy: Rome and Persia in Late Antiquity." *Phoenix* 39, no. 1 (Spring 1985): 62–74.
- Bonner, Michael.* *Jihad in Islamic History: Doctrines and Practice*. Princeton: Princeton University Press, 2007.
- Bowlus, Charles R.* *Franks, Moravians and Magyars: The Struggle for the Middle Danube, 788–907*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995.
- Boyce, M[ary]*. "Adur Gušnasp." In *Encyclopaedia Iranica*, vol. 1, ed. Y. Yarshater. Costa Mesa, Calif.: Eisenbrauns, 1985.
- Brennan, Peter.* "Mining a Mirage." In *Notitia*. Liverpool: Liverpool University Press, forthcoming.
- Bréhier, Louis.* *Les institutions de l'empire Byzantin* (1949). Paris: Albin Michel, 1970.
- Brett, Gerard.* "The Automata in the Byzantine 'Throne of Solomon.'" *Speculum* 29, no. 3 (July 1954): 477–487.
- Browning, Robert.* "Where Was Attila's Camp?" *Journal of Hellenic Studies* 73 (1953): 143–145.
- Bury, J. B.* *History of the Later Roman Empire: From the Death of Thodosius I to the Death of Justinian*. New York: Dover, 1958.
- . *The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos*. Oxford: British Academy, 1911.
- . "Justa Grata Honoria." *Journal of Roman Studies* 9 (1919): 1–13.

- Cameron, Averil, ed. *The Byzantine and Early Islamic Near East*. 3 vols. Princeton: Darwin Press, 1995.
- . *Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius*. Oxford: Clarendon Press, 1970.
- . "Justin I and Justinian." In A. Cameron, B. Ward-Perkins, and M. Whitby, eds., *Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600*. Vol. 14 of *The Cambridge Ancient History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- . "Vandal and Byzantine Africa." In A. Cameron, B. Ward-Perkins, and M. Whitby, eds., *Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600*. Vol. 14 of *The Cambridge Ancient History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Cameron, Averil, Bryan Ward-Perkins, and Michael Whitby, eds. *Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600*. Vol. 14 of *The Cambridge Ancient History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Campaign Organization (formerly *De re militari*). In George T. Dennis, trans., *Three Byzantine Military Treatises*. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1985.
- Cantor, Moritz. *Die römischen Agrimensoren und ihre Stellung in der Geschichte der Feldmesskunst: Eine historisch-mathematische Untersuchung*. Leipzig: Teubner, 1875. PDF available from Harvard online library.
- Casson, Lionel. *Ships and Seamanship in the Ancient World*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995.
- Charles, R. H. *The Chronicle of John, Bishop of Nikiu: Translated from Zotenberg's Ethiopic Text* (1916). [http://www.tertullian.org/fathers/index .htmNo.John_of_Nikiu](http://www.tertullian.org/fathers/index.htmNo.John_of_Nikiu).
- Chessman, G. L. *The Auxilia of the Roman Imperial Army*. Oxford: Clarendon Press, 1914. Reprint, Chicago: Ares, 1975.
- El-Cheikh, Nadia Maria. "Byzantium Viewed by the Arabs." Dissertation, Harvard University, 1992; Cambridge, Mass.: Distributed by Harvard University Press for the Center for Middle Eastern Studies of Harvard University, 2004.
- Chevedden, Paul E. "Artillery in Late Antiquity." In A. Corfis and M. Wolfe, eds., *The Medieval City under Siege*. Woodbridge, UK: Boydell and Brewer, 1999.
- . "The Invention of the Counterweight Trebuchet: A Study in Cultural Diffusion." *Dumbarton Oaks Papers* no. 54, pp. 72–116. Washington, D.C., 2000.
- Christides, V[assilios]. "Naval Warfare in the Eastern Mediterranean (6th–14th Centuries): An Arabic Translation of Leo VI's *Naumachica*." *Graeco-Arabica* 3 (1984): 137–148.
- The Chronicle of Pseudo-Joshua the Stylite*. Trans. Frank R. Trombley and John W. Watt. Liverpool: Liverpool University Press, 2000.
- Chronicon Paschale, 284–628 A.D.* Trans. Michael Whitby and Mary Whitby. Liverpool: Liverpool University Press, 1989.
- Cl. Aeliani et Leonis Imp. *tactica sive de instruendis aciebus*. Ed. Meursius. Lugduni Bataavorum [Leiden]: Ludovicum Elzevirium, 1613.
- Clausewitz, Carl von. *On War*. Ed. and trans. Michael Howard and Peter Paret. Princeton: Princeton University Press, 1976.

- Cleaves, Francis Woodman.* The Secret History of the Mongols. Vol. 1. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982.
- Connolly, Peter, and Carol van Driel-Murray.* "The Roman Cavalry Saddle." *Britannia* 22 (1991): 33–50.
- Constantine Porphyrogennetos.* De Administrando Imperio. Ed. Gy. Moravcsik. Trans. R. J. H. Jenkins. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies / Harvard University Press, 1967.
- . De Cerimoniis Aulae Byzantinae. In J. Reiske, ed., *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Bonn: Weber, 1829.
- . De Thematibus: Introduzione, testo critico, commento. Ed. and trans. Agostino Perusi. Vatican City: Biblioteca apostolica vaticana, 1952.
- Conybeare, Frederick C.* "Antiochus Strategos' Account of the Sack of Jerusalem (614)." *English Historical Review* 25, no. 99 (July 1910): 502–517. Online, <http://www.fordham.edu/halsall/source/strategos1.html>.
- Corazzini, F.* Scritto sulla Tattica Navale, di anonimo greco. Leghorn: Pia Casa del Refugio, 1883. Online, Domenico Carro, www.romaeterna.org.
- Cosentino, Salvatore.* "Dalla tassazione tardoromana a quella bizantina: Un avvio al medioevo." In M. Kajava, ed., *Gunnar Mickwitz nella storiografia europea tra le due guerre: Acta Institutum Romanum Finlandiae* (Rome) 34 (2007): 119–133.
- . "Per una nuova edizione dei Naumachica ambrosiani: Il De fluminibus traiciendis (Strat. XII B, 21)." *Bizantinistica ser. 2, year 2* (2001): 63–105.
- . "The Syrianos's 'Strategikon': A 9th Century Source?" *Bizantinistica ser. 2, year 2* (2000): 243–280.
- Cotter, Stephen Edward.* "The Strategy and Tactics of Siege Warfare in the Early Byzantine Period: From Constantine to Heraclius." Ph.D thesis, Queen's University, Belfast, 1995.
- Crow, J[ames]. G.* "The Long Walls of Thrace." In Cyril A. Mango and Gilbert Dagron, eds., *Constantinople and Its Hinterland*. Aldershot, UK: Variorum, 1995.
- Crow, J[ames] G., Alessandra Ricci, and Richard Bayliss.* University of Newcastle Anastasian Wall Project. Online, <http://longwalls.ncl.ac.uk/AnastasianWall.htm>.
- Curta, Florin, ed.* Borders, Barriers, and Ethnogenesis: Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages. Turnhout, Belgium: Brepols, 2005.
- . *Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Dagron, Gilbert.* "Byzance et le modèle islamique au Xe siècle: À propos des Constitutions tactiques de l'empereur Léon VI." *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* (April–June 1983): 219–243.
- . "Byzance et ses Voisins: Étude sur certain passages du livre de cérémonies." In *Travaux et mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantine*, no. 13, pp. 353–357. Paris: De Boccard, 2000.
- . "Ceux d'en face: Les peuples étrangers dans les traités militaires byzantins." In *Travaux et mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantine*, no. 10,

- pp. 207–232. Paris: De Boccard, 1987.
- . “Poissons, Pêcheurs et Poissonniers de Constantinople.” In Cyril A. Mango and Gilbert Dagron, eds., *Constantinople and Its Hinterland*. Aldershot, UK: Variorum, 1995.
- Dagron, Gilbert, with Haralambie Mihăescu. *Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969)*. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1986.
- Dain, Alphonse. *Leonis VI Sapientis Problemata*. Paris: Les Belles Lettres, 1935.
- . “Memorandum inédit sur la défense des places.” *Revue des Études Grecques* 53 (1940): 123–136.
- . *Naumachica*. Paris: Les Belles Lettres, 1943.
- . “Les stratégestes byzantins.” Ed. J. A. de Foucault. In *Travaux et mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantine*, no. 2, pp. 317–392. Paris: De Boccard, 2000.
- , ed. *Sylloge Tacticorum (formerly Inedita Leonis Tactica)*. Annotations in Latin. Paris: Les Belles Lettres, 1938.
- . *La tradition du texte d'Héron de Byzance*. Paris: Les Belle Lettres, 1933.
- Darrouzes, J. *Épistoliers byzantins du Xe siècle*. *Archives de l'Orient Chrétien* 6. Paris: Institut français d'études byzantines, 1960.
- Daryaee, Touraj. “Ethnic and Territorial Boundaries in Late Antique and Early Medieval Persia (Third to Tenth Century).” In Florin Curta, ed., *Borders, Barriers, and Ethnogenesis: Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages*. Turnhout, Belgium: Brepols, 2005.
- De Administrando Imperio*. Ed. Gy. Moravcsik. Trans. R. J. H. Jenkins. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1967.
- de Clari, Robert. *La conquête de Constantinople*. Paris: Flammarion, 1956.
- . *La Prise de Constantinople*. Chapter 73 in Charles Hopf, ed., *Chroniques gréco-romanes inédites ou peu connues (1873)*. Reprint, with translation by D. C. Munro, Brussels: Culture et Civilisation, 1966.
- Cross, Samuel H., and Olgerd P. Sherbowitz-Wetzor. *The Russian Primary Chronicle: Laurentian Text*. *Harvard Studies and Notes in Philology and Literature*, no. 108. Cambridge, Mass: Medieval Academy of America, 1953.
- De Foucault, J.-A. “Douze chapitres inédits de la Tactique de Nicéphore Ouranos.” In *Travaux et mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantine*, no. 5. Paris: De Boccard, 1973.
- de la Vaissière, Étienne. “Huns et Xiongnu.” *Central Asiatic Journal* 49, no. 1 (2005): 3–26.
- Dennis, G. T. “Byzantium at War (9th–12th c.).” In *International Symposium 4*, National Hellenic Research Foundation, Institute for Byzantine Research. Athens: Goulandri-Horn Foundation, 1997.
- . “Defenders of the Christian People: Holy War in Byzantium.” In John F. Haldon, ed., *Byzantine Warfare*. Aldershot, UK: Ashgate, 2007.
- . “Flies, Mice, and the Byzantine Crossbow.” *Byzantine and Modern Greek Studies* 7 (1981): 1–5.

- , trans. Maurice's Strategikon Handbook of Byzantine Military Strategy. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1984.
- . "Some Reflections on Byzantine Military Theory." In R. S. Calinger and Thomas R. West, eds., John K. Zender: A Festschrift. Indianapolis: Perspectives Press, 2007.
- , ed. Das Strategikon des Maurikios. Trans. Ernst Gamillscheg. Corpus fontium historiae byzantinae, 17. Vienna: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaft, 1981.
- . Three Byzantine Military Treatises. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1985.
- De re strategica. In George T. Dennis, ed., Three Byzantine Military Treatises (pp. 1–136, "The Anonymous Byzantine Treatise on Strategy"). Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1985.
- De temporum qualitatibus et positionibus locorum. Fragment. In Brian Coke, trans., The Chronicle of Marcellinus Comes. Byzantina australiensia 7. Sydney: Australian Association for Byzantine Studies, 1995.
- De Velitatione. In George T. Dennis, ed., Three Byzantine Military Treatises (pp. 137–239, "Skirmishing"). Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1985.
- Dewing, H. B., ed. and trans. Procopius. 7 vols. Loeb Classical Library. Cambridge: Harvard University Press, 1962–1978.
- Diels, H. A., and Rev. W. Kranz. Die Fragmente der Vorsokratiker. Hildesheim: Weidmann, 2004.
- Diodorus Siculus. Diodorus of Sicily. 12 vols. Trans. C. H. Oldfather. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1935.
- Doctrina Jacobi nuper baptizati. Ed. and trans. V. Dé Roc. In Travaux et mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantine, no. 11, pp. 70–218. Paris: De Boccard, 1991.
- Durliat, J. "L'approvisionnement de Constantinople." In Cyril A. Mango and Gilbert Dagron, eds., Constantinople and Its Hinterland. Aldershot, UK: Variorum, 1995.
- . "La peste du VIe siècle, pour un nouvel examen de sources byzantins." In J. M. Lefort et al., eds., Hommes et richesses dans l'Empire byzantin, vol. 1, IVe–VIIe siècles. Paris: P. Lethielleux, 1989.
- Dyson, Stephen L. The Creation of the Roman Frontier. Princeton: Princeton University Press, 1985.
- Eadie, J. W. "The Development of Roman Mailed Cavalry." Journal of Roman Studies 57 (1967): 161–173.
- Echols, Edward C. Herodian of Antioch's History of the Roman Empire from the Death of Marcus Aurelius to the Accession of Gordian. Berkeley: University of California Press, 1961.
- Einhard. Vita Karoli Magni. Translation in Paul Halsall's Internet Medieval Sourcebook, <http://www.fordham.edu/halsall/basis/einhard.html>No.Charlemagne.
- Elton, Hugh. Warfare in Roman Europe, A.D. 350–425. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- Encyclopedia Judaica. Ed. Cecil Roth. 16 vols. Jerusalem: Keter, 1973.

- Érdy, Miklós. "Hun and Xiongnu Type Cauldron Finds throughout Eurasia." *Eurasian Studies Yearbook* 67 (1995): 3–26.
- Evagrius Scholasticus. *The Ecclesiastical History of Evagrius Scholasticus*. Trans. Michael Whitby. Liverpool: Liverpool University Press, 2000.
- Even, Marie-Dominique, and Rodica Pop, eds. *Histoire secrete des Mongols = Mongghol-un ni'uca tobciyan: Chronique mongole du XIIIe siecle*. Paris: Gallimard, 1994.
- Fàn Yè. *Hou Han Shu* (Pinyin: Hòuhànshǔ; Book of the Later Han). Partial translation by John E. Hill, http://depts.washington.edu/silkroad/texts/hhshu/hou_han_shu.html.
- Fei, Jie, Zhou Jie, and Hou Yongjian. "Circa A.D. 626 Volcanic Eruption, Climatic Cooling, and the Collapse of the Eastern Turkic Empire." *Climatic Change* 81, nos. 3–4 (April 2007): 469–475.
- Folz, Robert. *The Coronation of Charlemagne, 25 December 800*. Trans. J. E. Anderson. London: Routledge and Kegan Paul, 1974.
- Franklin, Simon, and Jonathan Shepard. *The Emergence of Rus, 750–1200*. New York: Longman, 1996.
- Frontinus, Sextus Julius. *Strategemata*. Trans. C. E. Bennet. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1980.
- Geanakoplos, Deno John, ed. *Byzantium: Church, Society, and Civilization Seen through Contemporary Eyes*. Chicago: Chicago University Press, 1984.
- Jenkins, R. J. H., F. Dvornik, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, and S. Runciman, eds. *De Adminstrando Imperio*. Vol. 2: Commentary. London: Athlone Press, 1962.
- Jordanes. *Getica: De origine actibusque Getarum*. Translated by Charles C. Mierow as *The Gothic History of Jordanes*. Cambridge: Speculum Historiale, 1915. Latin text: <http://www.thelatinlibrary.com/iordanes1.html>.
- Gillett, Andrew. *Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411–533*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Gilliver, Cathrine M. "The de munitionibus castrorum." *Journal of Roman Military Equipment Studies* 4 (1993): 33–48.
- Golden, Peter B. "Ethnicity and State Formation in Pre-Cinggisid Turkic Eurasia." *Central Eurasian Studies Lectures*, vol. 1. Bloomington: Indiana University Press, 2001.
- . *An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden: Harrasowitz, 1992.
- . *Khazar Studies: An Historio-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars*. Budapest: Akademia Kiado, 1980.
- . "The Peoples of the Russian Forest Belt." In D. Sinor, ed., *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Goldsworthy, Adrian Keith. *The Roman Army at War, 100 B.C. – A.D. 200*. Oxford: Clarendon Press, 1996.
- Gordon, C. D. "The Subsidization of Border Peoples as a Roman Policy of Imperial Defense." Ph.D. dissertation, University of Michigan, 1948.

- Granger, Frank.* Vitruvius on Architecture. 2 vols. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983.
- Guichaoua, Mickaël.* "Lecture critique de Luttwak: La Grande Stratégie de l'Empire romain." *Enquetes et Documents, Revue du Centre de recherches en histoire internationale et Atlantique (CRHIA)* 30 (2004).
- Guilmartin, J. F.* Gunpowder and Galleys: Changing Technology and Mediterranean Warfare at Sea in the Sixteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
- Haldon, John F.* "Blood and Ink: Some Observations on Byzantine Attitudes towards Warfare and Diplomacy." In Jonathan Shepard and Simon Franklin, eds., *Byzantine Diplomacy: Papers from the Twenty-fourth Spring Symposium of Byzantine Studies*. Aldershot, UK: Variorum, 1992.
- . *Byzantine Praetorians: An Administrative, Institutional and Social Survey of the Opsikion and Tagmata, c. 580–900*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 1984.
- , ed. *Byzantine Warfare*. Aldershot, UK: Ashgate, 2007.
- . *The Byzantine Wars: Battles and Campaigns of the Byzantine Era*. Charleston, S.C.: Tempus, 2001.
- . *Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- , ed. and trans. *Constantine Porphyrogenitus: Three Treatises on Imperial Military Expeditions*. Vienna: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaft, 1990.
- . "Introduction: Why Model Logistical Systems?" In John F. Haldon, ed., *General Issues in the Study of Medieval Logistics: Sources, Problems, Methodologies*. Leiden: Brill, 2005.
- . "The Organization and Support of an Expeditionary Force: Manpower and Logistics in the Middle Byzantine Period." In J. F. Haldon, ed., *Byzantine Warfare*. Aldershot, UK: Ashgate, 2007. http://www.deremilitari.org/RESOURCES/ARTICLES/haldon1.htm#_ftn10.
- . "Some Aspects of Early Byzantine Arms and Armour." In David Nicolle, ed., *A Companion to Medieval Arms and Armor*. Woodridge, UK: Boydell and Brewer, 2002.
- . "Strategies of Defence, Problems of Security: The Garrisons of Constantinople in the Middle Byzantine Period." In Cyril A. Mango and Gilbert Dagron, eds., *Constantinople and Its Hinterland*. Aldershot, UK: Variorum, 1995. <http://www.deremilitari.org/resources/articles/haldon2.htm>.
- . "Theory and Practice in Tenth-Century Military Administration: Chapters 2, 44 and 45 of the Book of Ceremonies." In *Travaux et mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantine*, no. 13, pp. 201–352. Paris: De Boccard, 2000.
- . *Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204*. London: UCL Press, 1999.
- Haldon, John F., and M. Byrne.* "A Possible Solution to the Problem of Greek Fire." *Byzantinische Zeitschrift* 70 (1977): 91–100.
- Haldon, John F., Andrew Lacey, and Colin Hewes.* "Greek Fire Revisited: Recent and Current Research." In Elizabeth Jeffreys, ed., *Byzantine Style, Religion and Civilization: In Honour of Sir Steven Runciman*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

- Halsall, Guy.* Barbarian Migrations and the Roman West, 376–568. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Hartog, Francois.* The Mirror of Herodotus: The Representation of the Other in the Writing of History. Trans. Janet Lloyd. Berkeley: University of California Press, 1988.
- Heather, Peter.* The Fall of the Roman Empire: A New History of Rome and the Barbarians. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- . “The Western Empire, 425–476.” In A. Cameron, B. Ward-Perkins, and M. Whitby, eds., Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600. Vol. 14 of The Cambridge Ancient History. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Hendy, Michael F.* Studies in the Byzantium Monetary Economy, c. 300–1450. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Hirth, Friedrich.* China and the Roman Orient: Researches into Their Ancient and Mediaeval Relations as Represented in Old Chinese Records. Shanghai and Hong Kong, 1885. Edited by J. S. Arkenberg at <http://www.fordham.edu/halsall/eastasia/1372mingmanf.html>.
- Homer.* The Iliad. Trans. E. V. Rieu. Harmondsworth, UK: Penguin Books, 1950.
- Homer.* The Odyssey. Trans. A. T. Murray. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1946.
- Howard-Johnston, James.* “The Two Great Powers in Late Antiquity: A Comparison.” In Averil Cameron, ed., The Byzantine and Early Islamic Near East. Princeton: Darwin Press, 1995.
- Hygini Gromatici Liber de Munitionibus Castrorum.* Leipzig: von s. Hirzel, 1887. Reprint, Hildesheim: H. A. Gestenberg, 1972. Latin text: <http://www.intratext.com/X/LAT0347.html>.
- Isaac, Benjamin.* The Limits of Empire: The Roman Army in the East. Oxford: Clarendon Press, 1990.
- Isles, Fred.* “Turkish Flight Arrows.” Journal of the Society of Archer-Antiquaries 4 (1961). <http://margo.student.utwente.nl/sagi/artikel/turkish/>.
- Janni, Pietro.* La Mappa e Il periplo: Cartografia antica e spazio odologico. Rome: Giorgio Bretschneider, 1984.
- Jenkins, R. J. H., ed., with F. Dvornik, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, and S. Runciman. De Administrando Imperio. Vol. 2: Commentary. London: Athlone Press, 1962.
- Jerome.* Selected Letters of St. Jerome. Trans. F. A. Wright. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1954.
- Jiu Tang shu (“Old Book of Tang” of Liu Xu/Hsü). Taipei: Tai wan shang wu yin shu guan, 1983.
- Jones, A. H. M.* The Later Roman Empire, 284–602: A Social and Economic Survey. Oxford: Basil Blackwell, 1973.
- Jordanes.* Getica: De origine actibusque Getarum. Translated by Charles C. Mierow as The Gothic History of Jordanes. Cambridge: Speculum Historiale, 1915. Latin text: www.thelatinlibrary.com/iordanes1.html.

Josephus. The Jewish War. www.gutenberg.org/files/2850/2850.txt.

Justinian. Novels. Online Latin texts: <http://web.upmf-grenoble.fr/Haiti/Cours/Ak/Corpus/Novellae.htm>.

Kaegi, Walter E., Jr. Byzantium and the Early Islamic Conquests. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

———. "The Contribution of Archery to the Turkish Conquest of Anatolia." In John F. Haldon, ed., *Byzantine Warfare*. Aldershot, UK: Ashgate, 2007.

———. "The Frontier: Barrier or Bridge?" In John F. Haldon, ed., *Byzantine Warfare*. Aldershot, UK: Ashgate, 2007.

———. *Heraclius: Emperor of Byzantium*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

———. *Some Thoughts on Byzantine Military Strategy*. The Hellenic Studies Lecture. Brookline, Mass.: Hellenic College Press, 1983.

Kazhdan, Alexander. "The Notion of Byzantine Diplomacy." In Jonathan Shepard and Simon Franklin, eds., *Byzantine Diplomacy*. Aldershot, UK: Variorum, 1992.

Kazhdan, Alexander, and Giles Constable. *People and Power in Byzantium: An Introduction to Modern Byzantine Studies*. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1982.

Kazhdan, Alexander, and Michael McCormick. "The Social World of the Byzantine Court." In Henry Maguire, ed., *Byzantine Court Culture from 829 to 1204*. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library / Harvard University Press, 1997.

Keen, Maurice. *Chivalry*. New Haven: Yale University Press, 1986.

Kekaumenos. *Raccomandazioni e consigli di un galantuomo: Stratégikon*. Ed. and trans. Maria Dora Spadaro. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 1998.

Kennedy, Hugh. *The Armies of the Caliphs: Military and Society in the Early Islamic State*. New York: Routledge, 2001.

———. "Justinianic Plague in Syria and the Archaeological Evidence." In Lester K. Little, ed., *Plague and the End of Antiquity: The Pandemic of 541–750*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Khazanov, Anatoly M. *Nomads and the Outside World*. 2nd ed. Madison: University of Wisconsin Press, 1994.

Kinnamos, John. *Deeds of John and Manuel Comnenus*. Trans. Charles M. Brand. New York: Columbia University Press, 1976.

Kitto, H. D. F. *The Greeks*. Harmondsworth, UK: Penguin Books, 1951.

Klek, Markus. "Making an Asiatic Composite Bow." http://www.primitiveways.com/pt-composite_bow.html.

Kolbaba, Tia M. "Fighting for Christianity: Holy War in the Byzantine Empire." In John F. Haldon, ed., *Byzantine Warfare*. Aldershot, UK: Ashgate, 2007.

Kolias, Taxiarchis G. *Byzantinische Waffen: Ein Beitrag zur byzantinischen Waffenkunde von den Anfängen bis zur lateinischen Eroberung*. Vienna: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1988.

Koutrakou, Nike. "Diplomacy and Espionage: Their Role in Byzantine Foreign Relations, 8–10th Centuries." *Graeco-Arabica* 6 (1995): 125–144.

- Lamport, L., R. Shostak, and M. Pease.* "The Byzantine Generals Problem." *ACM Transactions on Programming Languages and Systems* 4 (1982): 382–401.
- Lee, A. D.* "The Eastern Empire: Theodosius to Anastasius." In A. Cameron, B. Ward-Perkins, and M. Whitby, eds., *Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600*. Vol. 14 of *The Cambridge Ancient History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- . *Information and Frontiers: Roman Foreign Relations in Late Antiquity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Leites, Natan Constantin.* *The Operational Code of the Politburo*. New York: McGraw-Hill, 1951.
- Lewis, Naphtali, and Reinhold Meyer.* *Roman Civilization: The Empire*. New York: Harper Torchbooks, 1966.
- Liber Pontificalis.* Translated by Raymond Davis as *The Book of Pontiffs: The Ancient Biographies of the First Ninety Roman Bishops to A.D. 715*. Liverpool: Liverpool University Press, 1989.
- Linder, Amnon.* *The Jews in Roman Imperial Legislation*. Detroit: Wayne State University Press, 1987.
- Little, Lester K., ed. *Plague and the End of Antiquity: The Pandemic of 541–750*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Liutprand of Cremona.* *Relatio de legatione Constantinapolitana* (Narrative of the Embassy to Constantinople). Translated by F. A. Wright as *The Works of Liutprand of Cremona*. New York: Dutton, 1930.
- Loreto, Luigi.* "Il paradosso Luttwakiano power projection, low intensity e funzione del limes." In *Per la storia militare del mondo antico*, ed. Luigi Loreto, pp. 84–92. Naples: Jovene, 2006.
- . "La Storia della grand strategy un dibattito Luttwak?" In *Per la storia militare del mondo antico*, ed. Luigi Loreto, pp. 67–81. Naples: Jovene, 2006.
- Jones, A. H.* *The Later Roman Empire, 284–602: A Social and Economic Survey*. Oxford: Basil Blackwell, 1973.
- Luttwak, Edward N.* *The Grand Strategy of the Roman Empire: From the First Century A.D. to the Third*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1976, 2007.
- . "The Operational Level of War." *International Security* 5, no. 3 (Winter 1980–1981): 69–79.
- . *Strategy: The Logic of War and Peace*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2001.
- Lydus, John [John the Lydian].* *On the Magistracies of the Roman Constitution*. Trans. T. F. Carney. Sydney: Wentworth Press, 1965.
- Macrides, Ruth.* "Dynastic Marriages and Political Kinship." In Jonathan Shepard and Simon Franklin, eds., *Byzantine Diplomacy*. Aldershot, UK: Variorum, 1992.
- Maenchen-Helfen, Otto. J.* *The World of the Huns: Studies in Their History and Culture*. Ed. Max Knight. Berkeley: University of California Press, 1973.
- Magdalino, Paul.* "In Search of the Byzantine Courtier." In Henry Maguire, ed., *Byzantine*

- Court Culture from 829 to 1204. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library / Harvard University Press, 1997.
- Maguire, Henry, ed. Byzantine Court Culture from 829 to 1204. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library / Harvard University Press, 1997.
- Mango, Cyril A. *Byzantium: The Empire of New Rome*. New York: Scribner's, 1980.
- . "The Water Supply of Constantinople." In Cyril A. Mango and Gilbert Dagron, eds., *Constantinople and Its Hinterland*. Aldershot, UK: Variorum, 1995.
- Mango, Cyril A., and Gilbert Dagron, eds. *Constantinople and Its Hinterland*. Aldershot, UK: Variorum, 1995.
- Mann, John C. "Power, Force and the Frontiers of the Empire." *Journal of Roman Studies* 69 (1979): 175–183.
- Marcellinus Comes. Trans. Brian Coke. *Byzantina Australiensia* 7. Sydney: Australian Association for Byzantine Studies, 1995.
- Marcovich, M., ed. *Heraclitus: Greek Text with a Short Commentary*. Merida, Venezuela: Los Andes University Press, 1967.
- Marsden, E. W. *Greek and Roman Artillery: Historical Development*. Oxford: Clarendon Press, 1969.
- . *Greek and Roman Artillery: Technical Treatises*. Oxford: Clarendon Press, 1971.
- Martin-Hisard, Bernardette. "Constantinople et les Archontes du Monde Caucasiens dans le Livre de Cérémonies." In *Travaux et mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantine*, no. 13, pp. 361–521. Paris: De Boccard, 2000.
- Mattingly, Garrett. *Renaissance Diplomacy*. New York: Dover, 1988.
- McCotter, Stephen. "Byzantines, Avars and the Introduction of the Trebuchet." Dissertation, Queen's University of Belfast, 2003. Available online at <http://www.deremilitari.org/resources/articles/mccotter1.htm>.
- McGeer, Eric. "Infantry versus Cavalry: The Byzantine Response." *Revue des Études Byzantines* 46 (1988): 135–145.
- . *Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century*. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1995.
- . "Two Military Orations of Constantine VII." In John W. Nesbitt, ed., *Byzantine Authors: Literary Activities and Preoccupations; Texts and Translations Dedicated to the Memory of Nicolas Oikonomides*. Leiden: Brill, 2003.
- McLeod, Wallace. "The Range of the Ancient Bow." *Phoenix* 19 (1965): 1–14.
- . "The Range of the Ancient Bow: Addenda." *Phoenix* 26, no. 1 (1972): 78–82.
- Menander. *The History of Menander the Guardsman*. Trans. R. C. Blockley. Liverpool: F. Cairns, 1985.
- Mihăescu, Haralambie, ed. and trans. *Arta militară: Mauricius*. Bucharest: Academiei Republicii Socialiste, 1970.
- Mihăescu, Haralambie, with Gilbert Dagron. *Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas, 963–969*. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1986.

- Millar, Fergus*. A Greek Roman Empire: Power and Belief under Theodosius II (408–450). Berkeley: University of California Press, 2006.
- Miller, D. A.* “The Logothete of the Drome in the Middle Byzantine Period.” *Byzantion* no. 36 (1966): fasc. 2, pp. 438–470.
- Miller, J. Innes*. The Spice Trade of the Roman Empire, 29 B.C. to A.D. 641. Oxford: Clarendon Press, 1969.
- Milner, N. P.*, trans. Vegetius: Epitome of Military Science. 2nd ed. Liverpool: Liverpool University Press, 1996.
- Moravcsik, Gy.*, ed. De Administrando Imperio. Trans. R. J. H. Jenkins. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies / Harvard University Press, 1967.
- Morgan, David*. The Mongols. Oxford: Blackwell, 1986.
- Moorhead, John*. “The Byzantines in the West in the Sixth Century.” In Paul Fouracre, ed., The New Cambridge Medieval History: Vol. 1, c. 500 – c. 700. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Morris, Donald R.* The Washing of the Spears. London: Jonathan Cape, 1966.
- Muller-Mertens, Eckhard*. “The Ottonians as Kings and Emperors.” In Timothy Reuter, ed., The New Cambridge Medieval History: Vol. 3, c. 900–c. 1024. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Nicholas I, Patriarch of Constantinople*. Letters. Ed. and trans. R. J. H. Jenkins and L. G. Westerink. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1973.
- Nikephoros, Patriarch of Constantinople*. Short History [Breviarium Historicum]. Ed. Cyril A. Mango. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1990.
- Nishimura, D.* “Crossbow, Arrow-Guides, and the Solenarion.” *Byzantion* no. 58 (1988): 422–435.
- Noonan, Thomas*. “Byzantium and the Khazars: A Special Relationship?” In Jonathan Shepard and Simon Franklin, eds., Byzantine Diplomacy. Aldershot, UK: Variorum, 1992.
- Oikonomides, Nicolas*. “The Role of the Byzantine State in the Economy.” In Angeliki E. Laiou, ed., The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002.
- . “Title and Income at the Byzantine Court.” In Henry Maguire, ed., Byzantine Court Culture from 829 to 1204. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library / Harvard University Press, 1997.
- Oldfather, C. H.*, trans. Diodorus of Sicily. 12 vols. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1935.
- Ostrogorsky, George*. History of the Byzantine State. Revised ed. Trans. Joan Hussey. New Brunswick: Rutgers University Press, 1969.
- The Oxford Dictionary of Byzantium. Ed. Alexander P. Kazhdan and Alice-Mary Talbot with Anthony Cutler, Timothy E. Gregory, and Nancy P. Ševčenko. New York: Oxford University Press, 1991.
- Palmer, Andrew*, trans. The Seventh Century in the West-Syrian Chronicles. Liverpool: Liverpool University Press, 1993.

- Papasotiriou, Charalambos.* "Byzantine Grand Strategy." Ph.D. dissertation, Stanford University, 1991.
- Parker, H. M. D.* *The Roman Legions.* Oxford: Clarendon Press, 1928. Reprint, Chicago: Ares, 1985.
- Pertusi, Agostino.* "La formation de themes byzantins." *Berichte zum XI Internationalen Byzantinisten-Kongress (Munich) 1 (1958): 1–40.*
- . *Il pensiero politico bizantino.* Ed. Antonio Carile. Bologna: Pàtron Editore, 1990.
- , ed. and trans. *De thematibus: Introduzione, testo critico, commento.* Vatican City: Biblioteca apostolica vaticana, 1952. Photios. *Bibliotheca*, Myriobiblon. Online, www.ccel.org/p/pearse/morefathers/photius_03bibliotheca.htmNo.34.
- . *The Homilies of Photius I, Saint, Patriarch of Constantinople.* Trans. Cyril A. Mango. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958.
- Piacentini, Valeria F.* *Il Pensiero Militare nel Mondo Mussulmano.* Milan: FrancoAngeli, 1996.
- Piltz, Elisabeth.* "Middle Byzantine Court Costume." In Henry Maguire, ed., *Byzantine Court Culture from 829 to 1204.* Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library / Harvard University Press, 1997.
- Pliny the Younger.* *Pliny Letters and Panegyricus.* 2 vols. Trans. Betty Radice. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1975.
- Pohl, Walter.* "Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies." In Lester K. Little and Barbara H. Rosenwein, eds., *Debating the Middle Ages: Issues and Readings.* Oxford: Blackwell, 1998.
- . *Die Awaren: Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n. Chr.* Munich: C. H. Beck, 2002.
- Polyaenus.* *Stratagems of War: Polyaenus.* 2 vols. Ed. and trans. Peter Krentz and Everett L. Wheeler. Chicago: Ares, 1994.
- Polybius.* *The Histories.* 6 vols. Trans. W. R. Paton. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1979.
- Praecepta imperatori.* Appendix to J. Reiske, ed., *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*, bk. 1, pp. 397–430. Bonn: Weber, 1829.
- Prokopios.* *De aedificis.* Vol. 7. Translated by H. B. Dewing with G. Downey as *Buildings.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971.
- . *Anecdota.* Vol. 6. Translated by H. B. Dewing as *Procopius.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1969.
- . *The Wars.* Vols. 1–4. Trans. H. B. Dewing. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Prosper of Aquitaine.* *Epitoma chronicon (Prosperi Tironis).* In *Monumenta Germaniae Historica: Chronica Minora Saec. IV, V, VI, VII.* Ed. T. Mommsen. Vol. 1, pp. 341–501. Berlin: Weidmann, 1892. Reprint, Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1980.
- Pryor, John H.* *Geography, Technology and War: Studies in the Maritime History of the Mediterranean, 646–1571.* Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

- Pryor, John H., and Elizabeth M. Jeffreys.* The Age of the Dromon: The Byzantine Navy ca. 500–1204. Leiden: Brill Academic, 2006.
- Pseudo-Dionysius of Tel-Mahre.* Chronicle: Known Also as the Chronicle of Zuqnin. Part 3. Trans. Witold Witakowski. Liverpool: Liverpool University Press, 1996.
- Rachewiltz, Igor de.* The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. 2 vols. Leiden: Brill, 2004.
- Rance, Philip.* “The Fulcum, the Late Roman and Byzantine Testudo: The Germanization of Roman Infantry Tactics?” *Greek, Roman, and Byzantine Studies* no. 44 (2004): 265–326.
- Rausing, Gad.* The Bow: Some Notes on Its Origins and Development. *Acta Archaeologica Lundensia Series 8*, no. 6. Bonn: Rudolf Habelt Verlag; Lund: CWK Gleerups Forlag, 1967.
- Ravegnani, Giorgio.* Soldati di Bizanzio in Eta Giustiniana. Rome: Jouvence, 1988.
- Róna-Tas, András.* Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. Budapest: Central European University Press, 1999.
- Rubin, Ze’ev.* “The Reforms of Khusro Anushirvan.” In Averil Cameron, ed., *The Byzantine and Early Islamic Near East*, vol. 3. Princeton: Darwin Press, 1995.
- . “The Sasanid Monarchy.” In A. Cameron, B. Ward-Perkins, and M. Whitby, eds., *Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600*. Vol. 14 of *The Cambridge Ancient History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Runciman, Steven.* The Sicilian Vespers. Harmondsworth, UK: Penguin Books, 1960.
- The Saga of Hervor and King Heidrek the Wise.* Trans. Peter Tunstall. 2005. Online, <http://www.northvegr.org/lore/oldheathen/018.php>.
- Sartre, Maurice.* D’Alexandre à Zénobie: Histoire du Levant antique, IVe siècle avant Jésus-Christ–IIIe siècle après Jésus-Christ. Paris: Fayard, 2001.
- Saunders, John J.* The History of the Mongol Conquests. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971.
- Scriptor Incertus.* Frag. 1. Ed. I. Dujcev. In *Travaux et mémoires du Centre de recherche d’histoire et civilisation byzantine*, no. 1, pp. 205–254, trans. Paul Stephenson. Paris: De Boccard, 1965. Revised November 2004, <http://homepage.mac.com/paulstephenson/trans/scriptor1.html>.
- The Armenian History Attributed to Sebeos.* Trans. R. W. Thompson. Vols. 1–2. Liverpool: Liverpool University Press, 1999.
- Seeck, Otto.* Notitia Dignitatum accedunt Notitia Urbis Constantinopolitanae Laterculi Prouinciarum. Berlin: ApudWeidmannos, 1876.
- Sevcenko, Ihor.* “Re-reading Constantine Porphyrogenitus.” In Jonathan Shepard and Simon Franklin, eds., *Byzantine Diplomacy*. Aldershot, UK: Variorum, 1992.
- Shepard, Jonathan, and Simon Franklin, eds. *Byzantine Diplomacy*. Aldershot, UK: Variorum, 1992.
- Sidonius.* Poems and Letters. 2 vols. Trans. W. B. Anderson. Cambridge: Harvard University Press, 1936.
- Simeonova, Liliana.* “In the Depth of Tenth-Century Byzantine Ceremonial: The Treatment of Arab Prisoners of War at Imperial Banquets.” In John F. Haldon, ed., *Byzantine War-*

- fare. Aldershot, UK: Ashgate, 2007. Originally in *Byzantine and Modern Greek Studies* 22 (1998): 75–104.
- Sinor, Denis, ed. *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Scylitzes, Ioannis*. A Synopsis of Histories, 811–1057 A.D. Trans. John Wortley. Unpublished typescript. Winnipeg: University of Manitoba, Centre for Hellenic Civilization.
- Stephenson, Paul*. “Byzantine Diplomacy, A.D. 800–1204: Means and Ends.” In Jonathan Shepard and Simon Franklin, eds., *Byzantine Diplomacy*. Aldershot, UK: Variorum, 1992.
- . *Byzantium’s Balkan Frontier: A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- . *The Legend of Basil the Bulgar-Slayer*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Sturluson, Snorri*. *Heimskringla: The Chronicle of the Kings of Norway Saga of Harald Hardrade*. London: Norroena Society, 1907. Electronic edition, Douglas B. Killings De-Troyes, 1996, Online Medieval and Classical Library, release no. 15, <http://omacl.org/Heimskringla/hardrade1.html>.
- Suda On Line: Byzantine Lexicography: <http://www.stoa.org/sol-bin/search.pl>.
- Sullivan, Denis F.* “A Byzantine Instructional Manual on Siege Defense: The *De obsidione toleranda*; Intro., English translation and annotations.” In John W. Nesbitt, ed., *Byzantine Authors: Literary Activities and Preoccupations. Texts and Translations Dedicated to the Memory of Nicolas Oikonomides*. Leiden: Brill, 2003.
- . *Siegecraft: Two Tenth-Century Instructional Manuals by “Heron of Byzantium.”* Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 2000.
- Sutherland, Caroline*. “Archery in the Homeric Epics.” *Classics Ireland* 8 (2001); <http://www.ucd.ie/cai/classics-ireland/2001/sutherland.html>.
- al-Tabari*. *The History of al-Tabari*. Vol. 5. Trans. Ann. C. E. Bosworth. Albany: State University Press of New York Press, 1999.
- Talbot, Alice-Mary, and Denis F. Sullivan, trans. *The History of Leo the Deacon: Byzantine Military Expansion in the Tenth Century*. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 2005.
- Thee, Francis C. R., trans. *Julius Africanus and the Early Christian View of Magic*. In *Hermeneutische Untersuchungen zur Theologie*, vol. 19. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1984.
- Theophanes*. *The Chronicle of Theophanes Confessor, A.D. 284–813*. Trans. Cyril A. Mango and Roger Scott with Geoffrey Greatrex. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- . *Theophanes Continuatus*. Ed. Immanuelis Bekker. Bonn: E. Weber, 1838. Online translation by Paul Stephenson, <http://homepage.mac.com/paulstephenson/trans/theo-cont2.html>.
- Thompson, E. A.* *The Huns*. Revised by Peter Heather. Oxford: Blackwell, 1996.
- . *A Roman Reformer and Inventor: Being a New Translation of the Treatise De Rebus Bellicis*. Oxford: Oxford University Press, 1952.
- Thucydides*. *History of the Peloponnesian War*. 4 vols. Trans. Charles Forster Smith. Cambridge: Harvard University Press, 1951.

- Travaux et mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantine. Paris: De Boccard.
- Toumanoff, C. "Armenia and Georgia." In J. M. Hussey, ed., *The Cambridge Medieval History*. Vol. 4: *The Byzantine Empire*, part 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.
- Toynbee, Arnold. *Constantine Porphyrogenitus and His World*. London: Oxford University Press, 1973.
- Urbicius. *Ourbikioi Epitedeyma* (Adaosul lui Urbicius). In Haralambie Mihăescu, ed. and trans., *Mauricius Arta Militar*. Bucharest: Academiei Republici Romania, 1970.
- U.S. War Department. *Handbook on German Military Forces*. 15 March 1945. Reprinted, Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1990).
- Van Berchem, Denis. *L'armée de Dioclétien et la réforme Constantinienne*. Institut français d'archéologie de Beyrouth. Bibliothèque archéologique et historique 56. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1952.
- Van Den Berg, Hilda, trans. *Anonymous de obsidione toleranda*. Leiden: Brill, 1947.
- Vegetius Renatus, Publius Flavius*. *Epitoma Rei Militari*. Latin intratext: <http://www.intratext.com/IXT/LAT0189.HTM> by Ëulogos SpA—may they prosper.
- . *Viri illustres: De re militari libri quatuor*. Basel: ChristianWechel, 1535. Vieillefond, Jean-René. *Les "Cestes" de Julius Africanus: Étude sur l'ensemble des fragments avec édition, traduction et commentaries*. Publications de l'Institut Français de Florence. Ser. 1, vol. 20. Paris: Sansoni, 1970.
- Wallraff, Martin, et al. *Julius Africanus und die christliche Weltchronistik. Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur*, vol. 15. Berlin: de Gruyter, 2006.
- Ward-Perkins, Bryan. *The Fall of Rome and the End of Civilization*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Welwei, Karl-Wilhelm. "Probleme römischer Grenzsicherung am Beispiel der Germanienpolitik des Augustus." In Mischa Meier and Meret Strothmann, eds., *Res publica und Imperium: Kleine Schriften zur römischen Geschichte. Historia Einzelschriften*, 177, pp. 25–263. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004.
- Whitby, Michael. "Recruitment in Roman Armies from Justinian to Heraclius (c. 565–615)." In Averil Cameron, ed., *The Byzantine and Early Islamic Near East*, vol. 3. Princeton: Darwin Press, 1995.
- , trans. *The Ecclesiastical History of Evagrius Scholasticus*. Liverpool: University Press, 2000.
- Whitby, Michael, and Mary Whitby. *The History of Theophylact Simocatta*. Oxford: Clarendon Press, 1986.
- , trans. *Chronicon Paschale, 284–628 A.D.* Liverpool: Liverpool University Press, 1989.
- White, Lynn, Jr. *Medieval Technology and Social Change*. Oxford: Clarendon Press, 1966.
- Whitehead, David, and P. H. Blyth, eds. and trans. *On Machines*, by Athenaeus Mechanicus. *Historia Einzelschriften*, 182. Stuttgart: Franz Steiner, 2004.

- Whittaker, C. R.* *Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994.
- Whittow, Mark.* *The Making of Byzantium, 600–1025*. Berkeley: University of California Press, 1996.
- Widsith. Ed. Kemp Malone. London: Methuen, 1936. Rev. ed., Copenhagen: Rosenkilde and Beyer, 1962.
- Wiechmann, I., and G. Grupe.* "Detection of *Yersinia pestis* in Two Early Medieval Skeletal Finds from Aschheim (Upper Bavaria, 6th Century A.D.)." *American Journal of Physical Anthropology* no. 126 (2005): 48–55.
- Wiita, John Earl.* "The *Ethnika* in Byzantine Military Treatises." Ph.D dissertation, University of Minnesota, 1977.
- Wilson, N. G.* *Scholars of Byzantium*. Rev. ed. London: Duckworth, 1996.
- Yin, Lin.* "Western Turks and Byzantine Gold Coins Found in China." *Transoxiana* 6 (July 2003). Online, http://www.transoxiana.org/0106/lin-ying_turks_solidus.html.
- Xu (Hsü), Liu. *Jiu Tang shu* (Old Book of Tang). Taipei: Tai wan shang wu yin shu guan, 1983.
- Yule, Henry, and A. C. Burnell.* *Hobson-Jobson: A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases*. 2nd, new ed. Ed. Rev. E. Crooke. London: Routledge and Kegan Paul, 1985.
- Yakar, Jak.* *Ethnoarchaeology of Anatolia: Rural Socio-Economy in the Bronze and Iron Ages*. Tel Aviv: Tel Aviv University, 2000.
- Zilliacus, Henrik.* *Zum Kampf der Weltsprachen im oströmischen Reich*. Helsinki: Mercators Tryckeri Aktiebolag, 1935.
- Zuckerman, Constantine.* "L'Empire d'Orient et les Huns." In *Travaux et mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantine*, no. 12, pp. 165–168. Paris: De Boccard, 1994.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абак(а), ильхан, 212, 213, 293, 639
Абу Бакр ас-Сиддик, 602
Авит, Марк Флавий (455—456 гг.), 73, 154, 594, 599
Али ибн Хамдан, «Сайф ад-Даула», 200, 201, 513, 607
«Алп Арслан», Мухаммад ибн Дауд Чагри, 237, 318—320, 548, 609, 610
Анастасий I (491—518 гг.), 368, 600, 289, 290
Андроник II (1282—1328 гг.), 210, 247
Анфимий Тралльский, 129, 174
Аркадий (395—408 гг.), 8, 12, 178, 598
Аспарух (Исперих), 253
Атанарих, 186, 598
Аттила, 13, 14, 25, 28, 30, 31, 34, 35—38, 41—104

Бахран (Варахран) V, 80, 82, 598, 599
Баязид («Йылдырым»), 332, 612
Борис I (Богорис, Михаил), 242, 253, 268, 605, 606
Бумынь (Тумень), 148

Валент (364—378 гг.), 37, 264, 398
Валентиниан III (425—455 гг.), 70, 82, 302
Варда Склир, 273, 275
Варда Фока, 182, 183, 275, 418
Василий II (976—1025 гг.), 183, 184, 272, 273, 274, 314, 404, 477
Велисарий, 372, 583, 600
Вигила, 103—105, 162

Витигес, 129
Владимир I, 180—184, 228

Галиен (260—268 гг.), 90, 598
Гейзерих, 82—84
Геннадий Авиен, 78
Генрих II Благочестивый, 211
Гипатия (Ипатия), 81, 598
Гонорий I, Папа Римский, 601, 602
Гонория, Юста Грата, 70, 603

Давид (Давит') из Тао, Тарона, Тайка, 218
Дандоло, Энрико, дож, 223, 330, 611
Деций (249—251 гг.), 24, 598
Джованни да Прочида, 14, 15
Диоклетиан (284—305 гг.), 11, 24, 598
Домиций Корбулон, 342

Евдокия Макремволитисса, 321, 323
Ездигерд II, 82, 599
Ездигерд III, 286, 602

Заберган, 141, 600
Зивеил, Тон-ябгу, 224, 225, 561
Зимарх 147—152, 193, 194, 246
Зинон (474—491), 87, 600
Зоя Карбонопсина, 455

Иероним, св., евсевий Иероним, 50, 59—61, 639

Иоанн II Комнин (1118—1143 гг.), 210, 595,
 610
 Иоанн V Палеолог (1341—1376 гг.), 596
 Иоанн Цимисхий (969—976 гг.), 209, 210,
 481, 483, 487, 509, 595
 Иосиф Тарханиот, 319
 Ираклий (610—641 гг.), 21, 25, 111, 114, 148,
 157, 241—299, 554—603, 204, 206
 Ирина, 204, 206
 Исаак I Комнин (1057—1059 гг.), 210, 595
 Исаак II (1185—1195 гг.), 595
 Исидор Милетский, 129, 174

 Каллиник, 458, 459
 Кандих, 94
 Карл Анжуйский, 14
 Карл Великий, 97, 206, 207, 229, 604
 Килич Арслан I, 159
 Кирилл и Мефодий, 240, 242, 243, 271
 Конрад III, 210
 Константин II (641—668 гг.), 595, 602
 Константин IV (668—685 гг.), 253, 476,
 595, 603
 Константин V (741—755 гг.), 225, 595
 Константин VII Порфирогенет (913—
 959 гг.), 177, 190, 232, 269, 270, 478, 595
 Константин IX Мономах (1042—1055 гг.),
 595, 609
 Константин XI Палеолог, 23
 Констанций II (340—361), 46, 393
 Крум, 253, 262, 264—267
 Куврат (Кубрат), 252

 Лев I (457—474 гг.), 34, 87, 599
 Лев III (717—741 гг.), 164, 204, 595
 Лев III, Папа Римский, 47, 140
 Лев IV, «Хазар» (775—780 гг.), 204, 595
 Лев V (813—820 гг.), 182
 Лев VI (889—912 гг.), 281, 360, 431, 455, 473
 Лев Триполитанский (гулям Зурафа,
 Рашик ал-Варцани), 310

Лев Фока, 488
 Лев Хирсфакт, 281, 606
 Лиутпранд Кремонский, 187, 209
 Лука Хрисоверг, 329
 Людовик Благочестивый, 226

 Маврикий (582—602 гг.), 94, 96, 142, 601
 Максимин Фракиец (235—238 гг.), 46
 Маниах, 158
 Мануил I Комнин (1143—1180 гг.), 104,
 241, 327, 331
 Мануил I Комнин (1143—1180 гг.), 165, 227
 Маркиан (450—457 гг.), 45, 47
 Маслама ибн Абдул-Малик, 107, 108, 256,
 603
 Михаил I Рангаве (811—813 гг.), 141, 182
 Михаил II (820—829 гг.), 116
 Михаил III (842—867 гг.), 242, 243
 Михаил VII Дука (1071—1078 гг.), 548, 325,
 238
 Михаил VIII Палеолог (1259—1282 гг.), 14,
 15, 210, 212, 213
 Муавия ибн Аби Суфьян, 303, 305, 307
 Мурад I, 248
 «Мутанабби», ал-, Абу-т-Тайиб Ахмад
 ибн ал-Хусейн, 189, 433
 Мухаммад, 283, 284—311

 Наполеон, 179, 336, 365, 583
 Никифор I (802—811 гг.), 207, 209
 Никифор II Фока (963—969 гг.), 477, 529
 Никифор III Вотаниат, (1078—1081 гг.), 210
 Никифор Василак, 320
 Никифор Уран, 276, 343, 360, 367, 511
 Николай I Мистик, Патриарх, 268
 Николай де Бентра, 249
 Ногай, 213

 Ормизд IV, 601
 Осман, 331, 611
 Оттон I, 221, 231

- Пётр III, 14
 Пипин III, 209
 Плиний Младший, 398
 Приск Панийский, 66, 79, 86, 102
 Роман I Лакапин (920—944 гг.), 180, 269, 271
 Роман IV Диоген (1068—1071 гг.), 237, 238, 317—397, 548
 Руссель де Байлель, 319
 Самуил, царь, 273—281
 Святослав, князь Киевский, 184, 272
 Сидоний Аполлинарий, 41, 72, 154
 Сизавул, Сильзивул Дизавул, ябгу-каган Истеми, 147, 149, 150, 157
 Симеон I, 230, 244, 268—281
 Синджар (Санджар), сельджукский султан, 326
 Стефан Неманя, 241
 Сулейман ибн Абд ал-Малик, 256, 257
 Тамерлан (Тимурленг), 39, 332
 Темучин, Чингис-хан, 47, 210, 213
 Теодахад (Теодат), 106
 Теодорих «Страбон», 36, 87
 Теодорих, вестгот, 73, 87
 Теодорих, остгот, 297
 Тервель, Тербель, хан, 253—255
 Тиверий III (698—705 гг.), 254
 Тогрул, 313—315
 Торисмунд, 74
 Тотила, 130
 Трибониан, 128
 Тригаций, 78
 Умар ибн ал-Хаттаб, 294, 303, 309
 Усман ибн Аффан, 303
 Феодосий I (378—395 гг.), 8, 141
 Феодосий II (408—450 гг.), 24, 69, 88
 Феодосий III (715—717 гг.), 595
 Феофил (830—839 гг.), 226
 Фока (602—610 гг.), 555, 564
 Халид ибн ал-Валид, 284
 Харальд Сигурдарсон (Хардраде), 195, 196, 228
 Харун ар-Рашид, 258, 265
 Хосров I Ануширван, 292, 294
 Хосров II, 294, 299, 370, 474, 554
 Хрисафий, 102, 103, 105
 Хубилай (Кублай), хан, 247
 Хулагу, ильхан, 211, 212
 Хун-у (ди), император, 248
 Шапур II, 554
 Шахрвараз, 563, 569
 Эдекон (Эдикон), 103
 Юлиан (361—363 гг.), 76
 Юлий Цезарь, 341, 401
 Юстин I (518—527 гг.), 122
 Юстин II (565—578 гг.), 147
 Юстиниан I (527—565 гг.), 120, 128, 129, 193
 Юстиниан II «Ринотмет» (685—695 гг.; 705—711 гг.), 204, 254, 255
 Язид I, 305
 Ярослав I, 236, 313

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббасидский халифат, 211, 264, 308, 642
Авары, 30, 39, 62, 93—97, 109, 116, 126, 155—158, 231, 347, 391, 414, 557
Адрианополь, битва (378 г.), 37, 61, 90, 266
Адур Гушнасп (Вишнасп), вечный огонь, 567, 574
Айя София, 110, 174, 613
Аквилея, 58, 76—79, 274
Аламанны, 34
Аланы, 34—37, 40, 73, 82, 120, 121, 153, 234, 347, 598, 614
Алеппо, 201, 216, 221, 275
Амида (Диярбакыр, Амед), осада (359 г.), 318, 368, 369, 412
Анатолика, фема, 260, 265, 499
Анкара, битва при (1402 г.), 352, 578
Антиохия (Антакия), 60, 166, 533
Анты, 34, 95, 420, 421, 615
Аравиты, бедуинская кавалерия, 514, 615
Аркадиополь (Люле-Бургаз), Турция, 69
Армения, 13, 60, 81, 217, 218—220, 303, 346
Аршакидская Парфия, 3
Ахл ал-зимма, 394
Ахура Мазда 556

Банат, 67, 96
Банда (бандон), 380
Бедериана, 194
Бесский язык, 579
Бессмертные (Афанати), 502
Бубонная чума (*Yersinia pestis*), 25, 137—139

Булгары, 30, 39, 62, 85, 114, 182, 237, 250
Бургунды, 34, 35, 71, 73

«Вальтарий» Экхарда из Сенкт-Галленского монастыря, 36
Вальштатт, битва (1241 г.), 211
Вандалы в Африке, 34, 120, 121, 126, 404, 418
Вексиллярии, 11
Венеция, 206—209, 222
Версиникия, битва (813 г.), 266
Вестготское королевство со столицей в Тулузе, 70, 74
Вигла, 261, 511, 544, 362,
Викинги, 58, 226, 287
Виминаций (Костолац), 59, 96
Вифлеем, 59, 174
Влахерны, 113, 114
Волга (Атиль, Итиль), 26, 28, 85, 94, 117, 223, 228
«Врата Александра» (Каспийские ворота, Дербент, Дагестан), 60, 161, 219
Вукеллариев, фема, 260, 396

Галатия, 135
Гастрарет, 354, 519, 615
Гелеполь («градобор»), 354
Гепиды, 22, 34, 37, 418, 598
Герулы, 13, 34, 65
Гетерия, 189, 399
Гипанис (Буг), река, 229
Глаголица (алфавит), 240, 242
Гоплиты, 91, 501, 513, 522, 615

- Грейтунги (остготы), 34, 37, 65, 73, 404
 Греческий огонь (игрон пир), 306, 442, 455—463
 Гулям, гильман, 448, 489, 548
 Гунны, 9, 12—14, 21—26
 Гусары, 338, 380, 381, 507
- Дайламнты, 189, 433
 Дар ал-харб, «дом войны», 201, 480
 Дара (Огуз), 289, 368, 554
 Джизья, 295
 Джихад, 188, 201, 250, 258, 284, 303, 307, 433
 Днестр (Данастрис), 229
 Доместик схол, 183, 273, 481, 531
 Дромон, 462—465
 Дукаторы, 503, 616
- Жоу-жани, жуань-жуани, 93, 147
 Жупанат Тервунии (Требунии, Требинье), 241
- Золотая Орда, 211
 Золотой Рог (Халич), 110
 Зороастрийцы, 161, 319, 561
- Иканаты, 511, 616
 Ильханат, 211, 212
 Исавры, 83
 Исмаилиты, 211, 222, 273, 311, 616
 Ишхан, 218
- Кадисия, ал (битва, 636 г.), 286, 506
 Каллиполис (Галлиполи), 68
 Каппадокия 68, 125, 201, 564, 616
 Карфаген, столица диоцеза Африка, 10, 82, 83
 Кастрон, 496, 539
 Катафракты, катафрактерии, 329, 394, 514
 Кивирриотов фема, 260
 Киевская Русь, 58, 85, 172, 182, 183, 215, 225—229, 501, 507, 579
- Киликийские ворота (проход Гюлек-Богазы), 436, 499
 Клеидион, проход, битва (1014 г.), 278—280
 Клибанарии, 276
 Клибании, 393—395
 Клисурархи, 440
 Командующий Восточным фронтом (лат. *Magister militum per Orientem*), 82
 Коран, 294, 295, 299, 303, 305, 315
 «Корпус гражданского права» (лат. *Corpus Juris Civilis*), 128
 Крит, арабское завоевание острова, 116, 250, 461, 471
 Ксилокастрон, 456, 463
 Ктесифон, 10, 61, 81, 126, 286, 298, 572
 Куманы, кыпчаки, половцы, 13, 39, 85, 202, 212
 Курды, 224, 314, 433
 Кутригуры, 95, 121, 130, 141, 148, 155, 229
 Кыпчаки, куманы, половцы, 212
- Лазика, 94, 100, 156
 Лайсай, лесе, 453
 Лангобарды, 125, 127, 209, 221, 240, 417, 418
 Левуний, битва (1091 г.), 237—239
 Лехфельд, битва (955 г.), 231, 607
 Лимес, 33, 484, 589
 Логофет «тон икиакон», 166—169
 Логофет «ту генику» 166—169
 Логофет «ту стратиоку», 166—169
 Логофет дрома, 164—165
- Мавриакское поле (лат. *Campus Mauriacus*), Каталаунские поля, 88
 «Магистр должностей» (лат. *Magister officiorum*), 82, 617
 Мадыяры, 13, 30, 39, 62, 85, 169, 202, 221, 229—234
 Мажино, линия, 118

- Макрон Тихос (Анастасиева стена, Длинная стена), 118
- Манцикерт (Малазгирт), битва (1071 г.), 237, 317
- Мардаиты, 307, 472
- Маурьев, империя, 245
- Мега Тихос (Большая стена), 113
- Мегалос Пиргос (Большая башня), 110
- Медиолан (Милан), 77
- Мёзия Верхняя, 206
- Мёзия Первая, 11
- Менавли, 450, 516, 518
- Мера, 491
- Миклагард (Константинополь), 186
- Мира, 423
- Мириокефалон, битва (1176 г.), 329
- Миэ («мухи»), 389
- Моноксилы (однодеревки), 475, 566
- Монофизиты, 296, 298, 618
- Моравия, Великая, 241, 243
- Наисс (Ниш), 58, 59
- Налоги, 259—291
- Напалм, 460
- Недао (Недава), битва (454 г.), 21, 45
- Никея (Изник), 75, 159
- Ниневия, битва (627 г.), 571
- Нисибин (Нусайбин), 318, 369, 554, 598
- Новгород, 228
- Нусайриты («алавиты»), 189
- Огасавара, школа, 42
- Огуз, 161, 232, 234, 289
- Омейяды, династия, 188, 191, 225, 250
- Оногуры, булгары, 39, 121, 251, 330, 337
- Опсикий, фема, 260
- Оптиматов, фема, 260
- Осады Константинополя арабами, 255, 603
- Османское завоевание (1453 г.), 9, 187
- Остготское королевство в Италии, 106
- Остготы (веси), 73, 404
- «Пандекты» («Дигесты»), 128
- Памфил, 466, 472
- Панцирь из металлических пластин, 48
- «Перечень должностей» (лат. *Notitia Dignitatum*), 163, 393, 394
- Персия, Сасанидская, 11, 44, 80, 97, 130, 142, 583
- Печенеги, 30, 39, 62, 85, 159, 202, 230—234, 225
- Плиска, 267, 277
- Повозки, запряжённые волами, 55, 56
- «Пони Экспресс», служба, 166
- Превалитания, 4
- Преслав, Великий, 277
- Прокураторы, 99, 506, 522
- Пумбедита (ал-Фаллуджа), 298, 299
- Равеннский экзархат, 206, 222, 240
- Ратиария (Арчар), Болгария, 59, 69
- Реляционный манёвр, 407
- Руги, 34
- Сака, 496, 505, 532
- Самбука, 350
- Сан-Витале (Равенна), 122
- Сарацины (арабы, мусульмане), 83, 437
- Сарисса, 373, 516, 618
- Сасанидская империя, 10, 54, 66, 120, 126, 148, 286
- Свевы, 34
- Сельджуки, 159, 213, 313, 326
- Семлин, битва (1167 г.), 327
- Сердика (София, Болгария), 59, 273
- Сест (Эчеабат), 69
- Сингидун (Белград), 59, 274
- Сирмий (Сремска-Митровица), 59, 68, 418
- Сифоны, 442, 446
- Ска́ла (стрема), 391
- Скиры, 13, 34
- Склавены (славяне), 239

- Совпадение противоположностей (лат. *Coincidentia oppositorum*), 581
- Согдийцы, 149, 158
- Солид, номисма, 140
- Стамфорд-Бридж, битва (1066 г.), 195
- Старая Великая Болгария, 252
- Суда (ров), 113
- Схолы, 619
- Тагма «тон тихон», *of the walls*, 117
- Тагмы, 257
- Тадина (Буста Галлорум), битва (552 г.), 125
- Такэда, школа, 42
- Талас, река, битва (751 г.), 150
- Талмуд, 297
- Тапробана (Шри Ланка), 246
- Тарс, 188, 191
- Тасинарии, трапезиты, 483, 506
- Таугаст, Табгач (Китай), 246
- Тахт-и-Сулейман (Гандзак), 563, 573
- Тбилиси, 569
- Текес, река, 149
- Тигр, река, 17
- Тиса, река, 96
- Тицин (Павия), 77
- Топотереты (топотиригами), 440
- Трапезунт (Трабзон), 151
- Траяновы ворота, 274
- Тулдон, 495, 496
- Туркоманы, 238, 314
- Турмархи, 440
- Тюркский каганат, 148, 224, 229, 246
- Уполномоченные по государственным делам (*agentes in rebus*), 163
- Урмия, озеро, 569
- Ут (Вит), река, 70
- Утригуры, 95, 141, 229
- Фатимиды, 222, 275, 311, 314
- Фемы, 259, 396
- Феодосиев кодекс, 127
- Феодосиева стена, 112, 114, 567
- Фессалоника, 310
- Фракия 109
- Хазары, 62, 196, 204, 223—253, 568
- Халкидонская христология, 296
- Хамданиды, 189, 221, 439
- Хариджиты, 284, 303
- Хироманганы, 449, 519, 520
- Хорватия, 239, 241, 258
- Хрисополь (Юскюдар), 107, 108
- Худна (араб.: перемирие), 201, 202, 307
- Цаны (чаны), 88
- Царьград (Константинополь), 186
- Цицакий (кафтан), 205
- «Чеснок», 373, 437
- Четвёртый Крестовый поход (1204 г.), 9, 15, 172, 177, 223, 330, 331
- Чешуйчатая броня, 390
- «Чёрная смерть», 612
- «Чёртово течение» (тур. Шейтан акантысы), 110
- Чингизидские государства, 143
- Чума, эпидемия 541 г., 120
- Эдесса (Урфа), 290, 318, 554
- Экспилаторы (лат. *expilatores*), 482
- Эксо Тихос, или Протихисма («Внешняя стена»), 113
- Эмеса (Хомс), 297
- Эпилорика (накидка на панцирь), 473, 490
- Эрийн гурван наадам («Три игры мужей»), 48, 51, 384
- Этногенез, 26, 27—30, 93
- Ябусаме, соревнования, 42, 51
- Ярмук, битва (636 г.), 286, 506

О КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

Книга Эдварда Н. Люттвака «Стратегия Византийской империи» представляет собою попытку ответить на вопрос о том, почему Византийская — Восточная Римская империя просуществовала почти вдвое дольше Западной. Этот вопрос уже не раз привлекал внимание историков. Ведь у Византии не было каких-либо особых географических или военных преимуществ по сравнению с Римом, а окружавшие ее народы и племена были не менее могущественны и коварны, чем те, что в течение пятого века нашей эры окончательно разорили Западную империю. Позиция Люттвака интересна тем, что он исследует череду событий византийской истории, используя не только традиционный инструментарий историков-теоретиков, но и методологию и средствальный аппарат, освоенные им в процессе работы в качестве специалиста по изучению устройства и функционирования современных нам государственных образований.

По Люттваку, секрет устойчивости Византии заключался в том, что ее властной и военной элите удалось разработать более гибкую и комплексную стратегию управления империей, нежели та, которая применялась на западе. Автор показывает, что Константинополь опирался не только и не столько на свою военную мощь, сколько на тактику дипломатических и политических интриг, срамливая своих реальных и потенциальных врагов между собой, своевременно заключая политические и военные союзы и в нужное время их разрывая. Даже в тех случаях, когда Византия воевала (а ей приходилось это делать часто), она не стремилась к окончательному уничтожению своих соперников: нынешний враг завтра может стать твоим союзником в борьбе с другим, неожиданно окрепшим соседом.

Книга Люттвака «Стратегия Византийской империи» — это история формирования и развития комплексной стратегии Византии, включавшей в себя множество аспектов: военное дело, дипломатию, разведку, управление экономикой и финансами. Книга изобилует цитатами из византийских и иных источников и полна красочных подробностей, благодаря чему читается с неослабевающим интересом.

ОБ АВТОРЕ

Эдвард Н. Люттвак родился в 1942 году в Трансильвании (Румыния). Его детство прошло в Италии и Израиле. Он окончил Лондонскую школу

номики (London School of Economics) и Университет Джонса Хопкинса (Johns Hopkins University) в США, где получил докторскую степень.

Сфера профессиональных интересов и опыта Люттвака широка:

Стратегия и геополитика. Люттвак – всемирно признанный специалист по военной стратегии, бывший советник президента Соединенных Штатов Америки Рональда Рейгана. Он исполнял функции консультанта в Совете национальной безопасности США (Office of the Secretary of Defense, the National Security Council), а также в Государственном Департаменте США (The U. S. Department of State). В настоящее время Люттвак является экспертом Центра стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studies — CSIS) и выступает в роли советника в ряде других правительственных и общественных организаций.

Методология социальных наук. Эдвард Люттвак ввел в обиход ряд понятий, ныне широко используемых в социальных науках: он считается основоположником геοэкономики, многие политологи и социологи охотно пользуются разработанным им понятием турбокапитализма. Но, что более существенно – Люттвак разработал особую методику комплексного анализа устройства и функционирования государств (как маленьких и неустойчивых государственных образований, так и сверхдержав — или империй). В наиболее концентрированном виде его методологические разработки изложены в книгах «Стратегия: логика войны и мира» (Strategy: the Logic of War and Peace) и «Тактика политических переворотов» (Coup d'État: A Practical Handbook). Очевидно, что автор этих работ активно использует представленные в них теоретические разработки и в своей практике советника по стратегии, и в научных изысканиях, проводимых им в области истории.

История. Первая научно-историческая книга была издана Эдвардом Люттваком в 1976 году: «Стратегия Римской империи» (The Grand Strategy of the Roman Empire). Затем последовал длительный перерыв, в ходе которого автор совершенствовал свой методологический аппарат и проверял теоретические разработки на практике, а также изучал византийские источники и работы своих коллег-историков. В ноябре 2009 года в издательстве Гарвардского университета вышла книга «Стратегия Византийской империи» (The Grand Strategy of the Byzantine Empire), над которой автор работал около двадцати лет. В США этот труд сразу же привлек внимание историков-византинистов, антиковедов, специалистов по военной истории. В России работы Люттвака ранее не издавались.